ИНСТИТУТ экономических исследований
Труды секции
ПО ВОПРОСАМ денежного обращения и кредита
под председательством
проф. М. И. ФРИДМАНА и проф В. Я. Железнова

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

и

КРЕДИТ.

ТОМ I.

Денежное обращение в России и заграницей в годы войны и революции (1914—1921 гг.).

Под редакцией С. В. Воронина и Н. Ф. Шмелева.

ПЕТРОГРАД.
1922.

4-я Государственная типография.

Р. Ц. № 1170. Тираж 2.000.

Предисловие.

Определившееся уже к половине 1919 года ускорение темпа обесценения рубля выдвинуло на очередь вопрос о трудности учета в государственном хозяйстве и, особенно, в области национализированной промышленности. Последний вопрос стал особенно остро перед В. С. Н. Х., который и обратился к только что образованному Институту Экономических Исследований с просьбой представить свои соображения относительно методов организации учета в условиях того времени.

Во исполнение этого поручения были составлены и заслушаны в заседании финансовой секции Института 15 сентября 1919 года доклады С. В. Воронина—«Счетоводство государственных предприятий при падающем курсе рубля»—и Е. С. Лурье—«Балансы национализированной промышленности при падающем курсе рубля»,—предлагавшие ряд приемов, которые могли бы до известной степени смягчить трудности учета при отсутствии твердой денежной единицы.

В дальнейшем финансовая секция Института неоднократно останавливалась на вопросах денежного обращения, главным образом, освещая его фактическое положение в России и заграницей.

Во второй половине 1919 года темп выпуска бумажных денег сделал резкий скачек в сторону увеличения: с начала до конца первой половины 1919 года количество бумажных денег, выпущенных в обращение, увеличилось на 63,7%, с начала до конца второй половины этого же года оно возросло уже на 124,4%: следовательно, возрастание во второй половине было почти вдвое сильнее возрастания в первую половину. В 1920 году этот полугодовой темп выпуска бумажных денег не только не понизился, но даже несколько повысился (до 127—128%).

За этим скачком темпа возрастания бумажно-денежной массы, имевшим место во второй половине 1919 года, вскоре последовал ряд еще больших скачков общего уровня товарных цен: если общий уровень товарных цен в первой половине 1919 года был в 32—33 раза выше, чем в первой половине 1914 года, то во второй половине 1919 года он уже был в 65 раз, в первой половине 1920 года—в 147 раз и во второй половине 1920 года — в 324 раза выше уровня товарных цен первой половины 1914 г.

Таким образом, к концу 1919 года и в особенности с начала 1920 года денежное обращение начинает являть картину крайней неустойчивости: обращающаяся масса бумажных денег увеличивается ежемесячно, в среднем, на ¼—⅓, товарные цены также возрастают ежемесячно на ¼—⅓. Такие быстрые изменения в состоянии денежного обращения и денежного рынка требовали специального наблюдения за собой и специального своего изучения.

Это же обострение нашего денежного обращения настоятельно выдвигало перед научной мыслью вопрос о том, что будет с нашим денежным обращением в дальнейшем, какие меры в его области предпринимать? К этому времени правительство укрепилось в мысли о скором уничтожении денег и скорой замене их в качестве ценностной единицы учета в государственном хозяйстве так называемой трудовой единицей.

Необходимо было дать оценку создавшегося положения. Это опять-таки требовало специального исследования.

В виду всего этого весной 1920 года было признано целесообразным учредить особую Комиссию по вопросам денежного обращения.

Проект организации этой Коммиссии и первая программа ее занятий были разработаны покойным проф. М. И. Фридманом, который был и первым председателем Комиссии, открывшей свою деятельность 30 апреля 1920 года. К глубокому прискорбию всех, принимавших участие в работах Комиссии, тяжелая болезнь лишила М. И. Фридмана возможности принимать участие в заседаниях Комиссии уже летом того же года. Тем не менее, он продолжал живейшим образом проявлять заочно интерес к работам Комиссии, поскольку позволяла болезнь, вплоть до самой кончины.

В лице М. И. Фридмана Институт лишился научного руководителя, соединявшего большую теоретическую эрудицию с

чутким и широким пониманием экономической действительности и с большим организаторским талантом. Самый трудный первоначальный период создания Института прошел при непосредственном участии М. И. Фридмана.

После М. И. Фридмана руководство работами Комиссии по денежному обращению перешло к проф. В. Я. Железнову, в руках которого оно и остается до настоящего времени.

Перед вновь образованной Комиссией по вопросам денежного обращения стояли следующие главные проблемы: 1) состояние денежного обращения (выпуски бумажных денег, колебания темпа выпусков и причины этих колебаний, тезаврирование денежных знаков определенных образцов, распределение денежных знаков по купюрам и изменения, совершающиеся в этом распределении); 2) динамика цен вольного рынка и обесценение рубля на внутренних и внешних рынках; 3) законы эмиссионного хозяйства в свете фактов нашего денежного обращения, в частности: действие обесценения нашей денежной единицы на экономику, влияние этого обесценения на методы учета хозяйственных операций и их результатов в предприятиях: 4) проекты устранения нужды в деньгах (достаточно ли одного материального учета, вопрос о целесообразном типе ценностной единицы учета в государственных учреждениях и предприятиях—в частности, вопрос о так называемой трудовой единице учета), разрешение этих вопросов было связано с решением проблем денег и учета в социализме; 5) история идеологии и законодательства советской власти по денежному обращению; 6) денежное обращение заграницей.

В дальнейшем, в связи с оживлением наших внешних сношений, к этим проблемам прибавился вопрос о юридической природе расчетного знака Р. С. Ф. С. Р.

Все перечисленные проблемы и были главными предметами работ Комиссии по вопросам денежного обращения вплоть до середины 1921 года.

К середине 1921 года отчетливо наметился перелом в экономической политике власти. Вновь взятый курс экономической политики, во-первых, признавал за частной промышленностью и частной торговлей известную сферу действия и, во-вторых, привел к выделению значительного большинства государственных предприятий в самостоятельные хозяйственные единицы, работающие на началах коммерческого расчета. Этим выдвигалась на очередь задача упорядочения денежного обращения.

В связи с этим Комиссия по вопросам денежного обращения нашла необходимым конкретно формулировать общее направление политики в области денежного обращения. Сюда относятся работы: 1) проф. З. С. Каценеленбаума—«О необходимости урегулирования денежного обращения» и 2) В. Я. Железнова—«О задачах и перспективах ближайшего будущего в области денежного обращения России».

Этими работами, вместе с тем, подводился итог всем предыдущим теоретическим работам Комиссии по вопросам денежного обращения.

С подведением итогов и признанием властью задачи упорядочения денежного обращения необходимейшим элементом в новой экономической политике, вместо проблем о судьбе денег и денежного обращения, возникли вопросы о том, какие меры нужно принимать для урегулирования денежного обращения.

Сознание необходимости восстановления кредита было следующей ступенью за признанием необходимости оздоровления денежного обращения. Комиссия посвятила вопросам кредита много внимания, что внешним образом выяснилось в конце 1921 г. в переименовании ее в Секцию по вопросам денежного обращения и кредита.

За время с 30 апреля 1920 года до конца 1921 года Комиссия заслушала и обсудила свыше 40 докладов, которые могут быть разделены на следующие основные группы: 1) доклады, посвященные вопросам теории денежного обращения, главным образом, непосредственно связанным с положением денежного обращения в России; 2) доклады, излагающие положение денежного обращения в России; 3) доклады по вопросу об установлении трудового измерителя; 4) доклады, посвященные положению денежного обращения заграницей. Разработку последней группы вопросов Комиссия признавала необходимой, исходя из убеждения, что современное положение русского денежного обращения представляет из себя лишь обостренную форму болезни, проявившейся с различной силой и в других, задетых войною, странах.

К первой группе относились доклады:

1. С. А. Фалькнера—„Эмиссионное хозяйство, как экономическая категория“ (11 июня 1920 г.);

2. В. Я. Железнова—„О роли денег в товарообмене“ (25 июня 1920 г.);

3. З. С. Каценеленбаума—„Проблема денег в социализме“ (2 июля 1920 г.);

4. З. С. Каценеленбаума—„Законы обесценения бумажных денег“ (3 декабря 1920 г.).

В число докладов второй группы следует включить доклады:

1. М. И. Фридмана—„Русские бумажные деньги заграницей“ (21 мая 1920 г.);

2. Е. С. Лурье—„К развитию идеологии и законодательства о денежном обращении Р. С. Ф. С. Р.“ (4 июня 1920 г.);

3. Н. Н. Кутлера—„О налогах в связи с реформой денежного обращения“ (30 июля 1920 г.);

4. С. А. Первушина—„Об обесценении рубля на внутреннем рынке“ (5 сентября 1920 г.);

5. С. А. Первушина—„О районном обесценении рубля“ (15 октября 1920 г.);

6. С. А. Фалькнера—„Обесценение русской бумажно-денежной валюты“ (29 октября 1920 г.);

7. С. В. Воронина—„О положении денежного обращения в Д.-В.Р“ (4 марта 1921 г.);

8. З. С. Каценеленбаума—„О положении денежного обращения в Бухаре“ (4 марта 1921 г.);

9. З. С. Каценеленбаума—„О необходимости урегулирования денежного обращения в современных условиях“ (1 апреля 1921 г.);

10. В. Я. Железнова—„Задачи и перспективы ближайшего будущего в денежном обращении России“ (20 мая 1921 г.);

11. О. Ю. Шмидта—„Математический анализ русского эмиссионного хозяйства“ (24 июня 1921 г.);

12. Е. С. Евгеньева—„Современное положение денежного обращения в Р. С. Ф. С. Р.“ (15 июля 1921 г.);

13. Е. С. Лурье—„Задачи кредитной политики Р. С. Ф. С. Р.“ (29 июля 1921 г.);

14. П. П. Генцеля—„Кредит и кредитная политика в условиях Р. С. Ф. С. Р.“ (2 сентября 1921 г.);

15. Л. А. Лунца—„К вопросу об юридической природе расчетного знака“ (12 августа 1921 г.);

16. С. А. Первушина—„Движение вольных цен в годы революции“ (16 сентября 1921 г.);

17. Н. Н. Любимова—„Предпосылки возрождения кредита Р. С. Ф. С. Р.“ (30 сентября 1921 г.);

18. П. П. Гензеля—„Проект создания Гос. Банка"; (ноябрь 1921 г.);

19. Е. С. Лурье—„Процентная политика Гос. Банка"; (ноябрь 1921 г.);

20. А. А. Соколова—„О кредите в условиях падающей валюты" (ноябрь 1921 г.);

21. А. А. Соколова—„О сделках на золото" (25 ноября 1921 г.);

22. С. Т. Кистенева и Д. Г. Тарасова—„Операции Гос. Банка" (16 декабря 1921 г.).

В третьей группе было 4 доклада:

1. О. Б. Вельнера—„О формах учета в электротехнической промышленности" (26 ноября 1920 г.);

2. Е. С. Лурье—„К истории вопроса о ценностном измерителе" (4 февраля 1921 г.);

3. В. М. Толстопятова—„О материализации смет Моск.-Курской ж. д." (4 февраля 1921 г.);

4. К. Ф. Шмелева—„Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата" (13 мая 1921 г.).

И, наконец, четвертая группа включала в себя доклады:

1. С. В. Воронина—„Современное положение денежного обращения в Англии" (7 мая 1920 г.);

2. С. В. Воронина—„О внешнем курсе рубля в настоящее время" (23 июля 1920 г.):

3. С. В. Воронина—„Денежное обращение заграницей" (24 сентября 1920 г.);

4. С. В. Воронина—„Итоги Брюссельской конференции";

5. З. С. Каценеленбаума—„Положение денежного обращения заграницей в связи с финансовым положением иностранных государств" (5 августа 1921 г.);

6. С. В. Воронина—„Денежный рынок заграницей в 1921 г." (21 октября 1921 г.).

Кроме вышеперечисленных докладов был заслушан и подвергнут обсуждению целый ряд небольших сообщений и практических предложений.

Некоторые из перечисленных работ (в свое время весьма ценные) не вошли в настоящий том „Трудов", т. к. дальнейшие работы давали по тем же вопросам более расширенное и дополненное изложение. Так, из перечисленных трех работ С. А. Пер-

вушина помещена лишь последняя, содержание которой охватывает и две первых и дает ряд более поздних данных. По вопросу о трудовом измерителе ценности помещена лишь резюмирующая монография К. Ф. Шмелева.

Вообще же предлагаемый читателям том I содержит: 1) освещение состояния денежного обращения и денежного рынка в годы войны и революции (1914—1921) и 2) освещение проблем, выдвигавшихся с 1918 г. до первой половины 1921 г. (включительно) в области денежного обращения России.

Несомненно, что часть помещенных в этом томе докладов, составленная в начале 1920 г. в условиях почти полного разрыва сношений России с заграницей, страдает от неполноты данных. Тем не менее, основные выводы их отнюдь не колеблются новыми данными.

Второй том трудов Института по денежному обращению и кредиту будет освещать состояние денежного обращения во второй половине 1921 г. и первой половине 1922 г., а равно и те проблемы в области денежного обращения, которые возникли в это время (конкретные меры по урегулированию денежного обращения, кредит).

Первоначально секция по вопросам денежного обращения и кредита состояла из следующих лиц: М. П. Авсарквсов, С. В. Воронин (Член и Ученый Секретарь), Н. Н. Деревенко, В. Я. Железнов, З. С. Каценеленбаум, К. И. Крылов, Н. Н. Любимов, И. Х. Озеров, С. А. Фалькнер, М. И. Фридман (Председатель), Н. Н. Шапошников. К началу 1922 г., за последовавшими изменениями, в ней участвовали: М. П. Авсарккєов, С. В. Воронин, П. П. Гензель, Н. Н. Деревенко, В. Я. Железнов (Председатель), З. С. Каценеленбаум, С. Т. Кистенев, Н. Н. Кутлер, Е. С. Лурье, Н. Н. Любимов, А. А. Мануилов, С. А. Первушин, А. Г. Орлов, А. А. Соколов, Д. Г. Тарасов, Н. Н. Шапошников (Заместитель Председателя), К. К. Шмаков (член и Ученый Секретарь) и К. Ф. Шмелев.

Москва.

10 июля 1922 г.

Денежное обращение России в годы войны и революции (1914—1921 гг.).

Доклад К. Ф. Шмелёва, прочитанный 10 февраля 1922 г.

I. Денежное обращение накануне войны 1914 года.

По отчету Государственного Банка на 1 июля 1914 года в обращении находилось:

Кредитных билетов (банкнот) на	1.630,4	милл. руб.
Золотой монеты на	463,7	» »
Высокопробного серебра на	119,9	» »
Разменного серебра на	102,9	» »
Медной монеты на	18,5	» »
Итого на	2.336,4	милл. руб.

2. Вступление в войну. Выпуск бумажных денег в годы войны и революции (1 июля 1914 г.—31 декабря 1921 г.).

Немедленно по вступлении в войну правительством были приняты меры к использованию денежного обращения в фискальных интересах; другими словами, были приняты меры к пользованию выпусками бумажных денег в целях извлечения нужных государственной власти доходов. Меры эти состояли, во-первых, в прекращении размена на золото и, во-вторых, в привлечении золотых и высокопробных серебряных монет из народного обращения в кладовые Государственного Банка.

Пользование выпусками бумажных денег началось почти тотчас же по вступлении России в войну. И с тех пор оно непрерывно продолжается вплоть до настоящего времени.

Возрастание количества бумажных денег в обращении и развитие выпусков их по трехмесячным периодам видно из следующих таблиц.

I. Период войны и буржуазной революции (с 1 июля 1914 г. по 1 ноября 1917 г.).

СРОКИ.	Общее количество бумажных денег, выпущенных в обращение. В миллионах рублей.	В %% к количеству на 1 июля 1914 г.	Возрастание общего количества бумажных денег по сравнению с первым числом каждой предыдущей четверти года.
1914 год.			
На 1 июля	1.630	100	—
» 1 октября	2.697	165,4	— 65,4%
1915 год.			
На 1 января	2.946	180	+ 9,2%
» 1 апреля	3.312	203	+ 12,4%
» 1 июля	3.755	230	+ 13,3%
» 1 октября	4.393	300	+ 30,3%
1916 год.			
На 1 января	5.617	344	+ 14,8%
» 1 апреля	6.078	372	+ 8,2%
» 1 июля	6.628	406	+ 9,0%
» 1 октября	7.587	465	+ 14,5%
1917 год.			
На 1 января	9.103	558	+ 20,0%
» 1 апреля	10.868	666	+ 19,1%
» 1 июля	12.993	791	+ 19,5%
» 1 октября	17.175	1.053	+ 32,2%
» 1 ноября	22.446	1.377	—

II. Период пролетарской революции (с 1 ноября 1917 г. по 1 января 1922 г.).

СРОКИ.	Общее количество бумажных денег, выпущенных в обращение.			Возрастание общего количества бумажных денег по сравнению с первым числом каждого предыдущего срока.
	В миллионах рублей.	В %% к количеству на 1 июля 1914 г.	В %% к количеству на 1 ноября 1917 г.	
1918 год.				
На 1 января	27.312	1.675,5	121	—
» 1 апреля	33.572	2.059,6	149	+ 21,0%
» 1 июля	43.260	2.654,0	192	+ 28,9%
» 1 октября	51.021	3.130,1	227	+ 17,9%
1919 год.				
На 1 января	61.264	3.758,5	272	+ 20,1%
» 1 апреля	74.833	4.590,9	333	+ 22,1%
» 1 июля	100.319	6.154,5	446	+ 34,1%
» 1 октября	147.478	9.047,7	657	+ 47,0%
1920 год.				
На 1 января	225.016	13.804,5	1.002	+ 55,5%
» 1 апреля	340.663	20.900,0	1.517	+ 51,3%
» 1 июля	511.816	31.400,0	2.290	+ 50,2%
» 1 октября	746.159	45.715,2	3.319	+ 45,6%
1921 год.				
На 1 января	1.168.598	71.079,6	3.206	+ 56,8%
» 1 апреля	1.686.000	103.435,5	7.511	+ 44,1%
» 1 июля	2.347.000	143.987,7	10.456	+ 40,0%
» 1 октября	4.534.400	278.184	20.201	+ 93,2%
1922 год.				
На 1 января	17.543.600	1.076.295	78.159	+ 287,0%

Четыре общих вывода можно сделать из приведенных двух таблиц:

1. За все время войны и революции, а равно и за отдельные исторические периоды этого времени количество обращавшихся бумажных денег возросло:

а) в течение 33 месяцев, протекших с начала войны до революции, т. е. примерно с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1917 г. в . . . . 6,7 раз;

б) в течение семи месяцев власти Временного Правительства, т. е. примерно с 1 апреля 1917 г. по 1 ноября того же самого года в . . . . 2,07 раз;

в) в течение первых 50 месяцев советской власти, т. е. примерно с 1 ноября 1917 г. по 1 января 1922 г. в . . . . 781 раз;

г) за все означенные три периода в . . . . 10.762 раза.

2. По темпу увеличения количества обращавшихся бумажных денег эти периоды различаются таким образом: количество обращавшихся бумажных денег увеличивалось в течение каждой четверти года в среднем:

на 19,65% в первом периоде,
» 20,85% во втором »
» 57,17% в третьем »
и на 32,55% во всех периодах, вместе взятых.

3. По темпу увеличения количества обращавшихся бумажных денег отдельные продовольственные периоды (охватывающие время с 1 октября одного года по 1 октября следующего за ним года) различаются таким образом: количество обращавшихся бумажных денег увеличивалось в течение каждой четверти года в среднем:

на 16,3% в 1914—1915 продовольственном году,
» 11,6% » 1915—1916 » »
» 22,6% » 1916—1917 » »
» 59,0% » 1917—1918 » »
» 30,8% » 1918—1919 » »
» 50,6% » 1919—1920 » »
и на 58,2% » 1920—1921 » »

4. Процент увеличения количества обращавшихся бумажных денег по отдельным годам и полугодиям колебался таким образом:

ГОДЫ.	Количество обращавшихся бумажных денег возросло:			Количество обращавшихся бумажных денег возросло за второе полугодие сравнительно с возрастанием в первом полугодии (в процентах) на:
	с начала до конца всего года на:	с начала до конца первого полугодия на:	с начала до конца второго полугодия на:	
1914	—	—	65,4%	+ 65,4%
1915	90,3%	27,4%	49,5%	+ 80,7%
1916	85,0%	19,0%	37,3%	+ 96,3%
1917	200,0%	42,7%	49,5%	+ 16,0%
1918	160,4%	58,2%	41,6%	— 40,3%
1919	340,9%	63,7%	124,4%	+ 95,2%
1920	419,6%	127,4%	128,3%	+ 0,7%
1921	1.401,2%	100,8%	647,4%	+542,2%
В среднем за год и полугодие .	323,4%	54,9%	142,9%	+160,3%

Сделанные выводы свидетельствуют:

1) о размерах давления фискальных интересов государственной власти, испытанного денежным обращением России в различные исторические периоды времени войны и революции,

2) о средней силе давления на денежное обращение фискальных интересов государственной власти в течение одной четверти года отдельных исторических периодов войны и революции,

3) о средней силе давления на денежное обращение фискальных интересов государственной власти в течение одной четверти каждого продовольственного года

и 4) о силе давления на денежное обращение фискальных интересов государственной власи в каждую из ниа вонцын ог..ракв,1

Первый вывод дает общее представление о размерах давления, испытанного денежным обращением за все время каждого из исторических периодов войны и революции. Если размеры давления на денежное обращение фискальных интересов царского правительства принять за 100, то размеры давления фискальных интересов временного правительства будут равняться 30,9 единицам, а размеры давления фискальных интересов Советской Власти 11.658 единицам.

Второй, третий и четвертый выводы, будучи сопоставлены с отдельными деталями первых двух таблиц о выпусках бумажных денег, дают возможность установить главные явления политической, обще-экономической и государственно-хозяйственной жизни России, наиболее заметно повлиявшие на колебания темпа выпусков бумажных денег, и, следовательно, дают возможность установить главные причины этих колебаний.

Различие отдельных исторических периодов лет войны и революции по темпу выпуска в обращение бумажных денег (19,6% — за каждую четверть года в 1914—1916 гг., 20,8% — в апреле—октябре 1917 года, 57,2% — в 1918—1921 гг.) обусловлено по преимуществу различием этих периодов по методу финансирования деятельности государственной власти. Увеличение темпа выпуска бумажных денег во втором и, в особенности, в третьем периоде сравнительно с периодом первым никак не приходится об'яснять увеличением государственных расходов во втором и, в особенности, в третьем периоде, ибо темп выпуска бумажных денег нарастает медленнее темпа возрастания удельного веса выпускаемых бумажных денег в общей сумме расходов: выпущенные в обращение бумажные деньги составляли в общей сумме государственных денежных расходов:

в 1914—1916 гг.	21,6%
» 1917 г.	65,5%
и в 1918—1921 гг.	83,6%

Так как, вместе с тем, отмечаемое росписями государственных доходов и расходов колебание дефицита в сторону увеличения в третьем периоде есть чисто фиктивное (нереальное) колебание (колебание, происшедшее от неучета росписями в должной мере натуральных доходов государственной власти третьего периода), то различие в методах финансирования государственной власти, которое обусловило различия в темпе выпуска бумажных денег,

должно иметь корни не в чем ином, как в различии этих периодов по способу покрытия дефицитов. И в самом деле. В 1914—1916 гг. дефицит покрывался двумя способами: на одну половину (большую) — займами (внутренними и внешними) и на другую половину (меньшую)—выпусками бумажных денег. В 1917 году революция подорвала роль государственных займов: в покрытии дефицита они стали занимать около $^1/_4$ места, уступив другую четверть выпускам бумажных денег. Третий период знаменует окончательное устранение займов и исключительную роль в покрытии дефицитов выпусков бумажных денег. Историк, знающий из всей истории России 1914—1921 гг. один этот факт, знает вместе с тем и политическое положение страны: если в эпоху финансового капитала совершенно исчез государственный кредит, то это значит не что иное, как то, что политическое господство вот-вот переходит или уже перешло в руки могильщиков капитализма—к пролетариату.

Группируя выпуски бумажных денег по продовольственным заготовительным периодам, мы получаем возможность, во-первых, устранить влияние на выпуски бумажных денег колебаний заготовок по месяцам заготовительного периода, во-вторых, установить зависимость выпусков бумажных денег от результатов продовольственных заготовок (это имеет значение в отношении третьего периода—периода советской власти) и, в третьих, устанавливая в тех или иных случаях независимость выпусков бумажных денег от результатов заготовительных кампаний, установить в этих случаях—по методу разницы—зависимость выпусков бумажных денег от некоторого ряда других явлений.

Типичным для нормальных условий экономической жизни капиталистического государства в военное время является не первый год войны, а второй, третий и следующие годы. В первый год войны экономика капиталистического государства еще не обладает в достаточно ясно выраженной степени теми чертами, которые обусловливают возможность применения типичного для капиталистических государств способа финансирования войны,—способа, заключающегося в такой комбинации выпусков бумажных денег с займами, при которой все бумажные деньги, не израсходованные своими капиталистическими владельцами на расширение производства продуктов, спрос на которые возрастает (это—прежде всего продукты военной промышленности, а затем предметы роскоши для личного потребления наживающихся на казенных заказах капиталистов), идут к госу-

дарственной власти по предусмотрительно заранее открытому каналу государственных займов. В этот первый год войны выпускаемые в обращение бумажные деньги идут по преимуществу на две цели: 1) на замещение металла, уходящего из сферы денежного обращения, и 2) на мобилизацию промышленности для удовлетворения потребностей войны. И лишь после того, как ушедший металл замещен бумажными деньгами, а военная промышленность, расширяясь, вовлекла в сферу своего кругооборота все запасы средств производства и рабочих сил воюющей страны, за исключением тех двух частей их, из которых одна по необходимости остается в производстве предметов, удовлетворяющих самым насущным мирным нуждам масс населения, другая же начинает направляться на удовлетворение непроизводительного спроса нажившихся уже от войны слоев буржуазии,—лишь после этого бумажные деньги начинают свое нормальное движение по предусмотрительно приготовленным каналам государственных займов.

В 1914/1915 году главная масса выпущенных в обращение бумажных денег направляется на замещение вытесняемого из сферы денежного обращения металла и на мобилизацию средств производства и рабочих сил страны на изготовление продуктов войны. Поэтому в это время займовое покрытие дефицита едва-едва достигает ½ выпущенного количества бумажных денег, и только 1915/1916 год можно признать нормальным годом финансирования войн буржуазным правительством в условиях капиталистического хозяйства. Не случись революции, нормальными годами оказались бы и следующие за ним годы. Но весной 1917 года произошла революция; активными политическими деятелями стали рабочие и крестьянские массы; в связи с этим государственный кредит, как источник финансирования государственного хозяйства во время войны, был подорван, и временному правительству пришлось пойти на усиление темпа выпуска бумажных денег. Переход в конце 1917 года политического господства к партии рабочего класса и разбушевавшиеся из-за этого гражданская война и война классов окончательно уничтожили государственный кредит, как источник финансирования государственного хозяйства. Исчезновение же государственного кредита потребовало дальнейшего усиления темпа выпуска бумажных денег. Это мы и наблюдали в 1917—1921 гг.

Сравнительно пониженный (даже на уровне среднего темпа выпуска бумажных денег во весь этот третий период) темп вы-

пуска в 1919/1920 году зависел от увеличения натуральной части потребительского бюджета рабочих и служащих государства, происшедшего в результате выросших сравнительно с 1917/1918 и 1918/1919 годами размеров государственных заготовок по принудительным продовольственным и фуражным разверсткам *).

Соответственно этому повышенный (сравнительно со средним темпом выпуска за весь период 1917—1921 гг.) темп выпуска в 1917/1918 году был вызван необходимостью восполнить скудную часть натурального бюджета рабочих и служащих государства.

Очень низкий (не только сравнительно с 1917/1918 годом, но и сравнительно с нормальным годом третьего периода—годом 1919/1920) темп выпуска бумажных денег в 1918/1919 году был обусловлен по преимуществу значительным сокращением территории Р. С. Ф. С. Р. и связанным с этим сокращением государственных расходов.

Темп выпуска бумажных денег в 1920/1921 году приближается к повышенному темпу выпуска в 1917/1918 году. Но причины этой высоты никак нельзя видеть в состоянии продовольственных ресурсов, заготовленных государственной властью: эти ресурсы в 1920/1921 году были самыми большими из всех предыдущих рессурсов Советской Власти. И это обстоятельство должно было повлиять на понижение темпа, а никак не на его повышение. Нельзя видеть причины повышения темпа в 1920/1921 г. и в росте военных расходов Республики: в этом году расходы понизились, благодаря сокращению численности армии и исчезновению фронтов войны. Повышенный—несмотря на сокращение военных расходов, на рост продовольственных рессурсов Республики—темп выпуска бумажных денег в 1920/1921 году был обусловлен экономической обстановкой этого времени, отчасти вызванной к жизни так называемой новой экономической политикой, проводимой с весны 1921 г. Три факта этой экономической обстановки повлияли на

---

*) Заготовлено хлеба и фуража в зерне:

в 1916—1917 годах	323.089.877 пудов.
» 1917—1918 »	47.539.128 »
» 1918—1919 »	107.922.507 »
» 1919—1920 »	212.507.408 »
» 1920—1921 »	283.375.145 »

(Цифры взяты из издания: «Четыре года продовольственной работы». «Статьи и отчетные материалы Наркомпрода». Госуд. Издательство, Москва, 1922 г. Стр. 18 и 118).

повышение темпа: 1) неурожай в Поволжье, увеличивший спрос, пред'являемый к хлебному рынку; 2) рост буржуазных слоев населения и их покупательных сил, 3) частичная замена заготовок продовольствия посредством принудительного налогового порядка порядком экономического свойства—товарообмена, начавшегося с средины 1921 г. Все увеличавшийся рост покупательных сил буржуазных слоев населения вызывает потребность во все более и более интенсивном росте денежных заработных плат рабочих и служащих государства: покупательные силы рабочих и служащих государства необходимо должны расти в такой степени, чтобы они могли побороть на вольном рынке продуктов потребления все быстрее и быстрее растущие покупательные силы буржуазных слоев населения, дабы урвать на рынке в свою пользу прежнее количество продуктов. Таким образом, понятным становится все растущее требование в денежных знаках, пред'являемое к государству его рабочими и служащими. Что касается товарообмена, то, начавшись с безуспешных попыток организовать его на натуральных безденежных началах, он волею экономической обстановки, давно характеризующейся широким разделением труда, быстро принял денежный характер, а, превратившись в денежный, он потребовал от государственной власти денежных средств для своего финансирования. В целом последние две причины повышенного темпа выпусков бумажных денег в 1920/1921 году характеризуются в отличие от причин, обусловивших колебания темпа в предыдущие годы советской власти, как причины, имеющие корни в начавшейся изменяться экономической обстановке. С этой точки зрения правильно будет выделить 1921 год из прочих предыдущих годов существования советской власти, как **начало нового исторического периода** жизни России в годы войны и революции. Таким образом, период существования советской власти есть, в сущности, не один, а два периода: первый с конца 1917 г. до 1921 г., а второй с 1921 г.

В то время, как анализ колебаний темпа выпуска бумажных денег по четвертям года в отдельные годы и отдельные исторические периоды жизни России во время войны и революции открыл главные причины этих колебаний, колебания выпусков бумажных денег от одной половины календарного года до другой позволяют нам вскрыть интимные пружины механизма этих выпусков. Как надавливание на кожу человеческого тела позволяет открыть отличительные черты некоторых болезней у больного, так, подобно этому,

и группировка выпусков бумажных денег по календарным полугодиям позволяет вскрыть пружины механизма этих выпусков.

Первые два периода — период 1914—1916 гг. и период 1917 г.—отличаются повышенным темпом выпуска бумажных денег во вторые календарные полугодия сравнительно с первыми половинами тех же годов: темп возрастания обращавшихся бумажных денег за второе полугодие, сравнительно с возрастанием в первом, был выше: в 1914 г.—на 65,4%, в 1915 г.—на 80,7%, в 1916 г.—на 96,3% и в 1917 г.—на 16,0%. Повышенный темп выпуска бумажных денег во второй половине 1914 года об'ясняется по преимуществу внутренними законами денежного обращения: эта половина есть первые полгода действия бумажно-денежной системы, и повышенный выпуск вызван по преимуществу необходимостью заместить бумажными деньгами уходящий из обращения металл. В отличие от этого повышение темпа выпуска бумажных денег во вторые половины 1915 и 1916 гг. почти что вдвое, сравнительно с первыми половинами тех же годов, было обусловлено не внутренними законами денежного обращения, а пульсацией народно-хозяйственной и государственно-хозяйственной жизни: вторые календарные полугодия — это время реализации урожаев, и еще в мирные времена количество денег в обращении в эти полугодия всегда возрастало; продолжавшие в 1915 и 1916 гг. существовать прежние аграрные отношения сохранили прежнюю интенсивность и прежние пути увеличения размеров денежного обращения (через банки); также продолжавшаяся в 1915 и 1916 гг. существовать прежняя система банков дала почувствовать Государственному Банку нужду товарного обращения в деньгах; фискальные же интересы, значительно возраставшие в эти вторые полугодия, вследствие закупок государством продовольствия и фуража для нужд армии, были наиболее побудительными причинами к усиленному выпуску бумажных денег и, следовательно, к удовлетворению нужды в денежных знаках. В 1917 году изменились аграрные отношения России, — стал исчезать класс лиц, пользующихся при реализации урожая исключительно наемными рабочими силами и потому нуждающихся в дальнейших средствах на покупку этих сил; расстроилась и банковская система, наконец, совершенно расстроились и государственные закупки сельскохозяйственных продуктов. Все это обусловило повышение во вторую половину 1917 г. темпа выпуска бумажных денег только на 16% против повышения первой половины этого года.

Годы существования Советской Власти (1918—1921) не

дают однообразной картины колебаний выпусков бумажных денег по календарным полугодиям: темп выпуска бумажных денег за вторую половину 1918 г. был на 40% ниже темпа выпуска за первую половину того же года; темп выпуска бумажных денег в обращении за вторые половины 1919, 1920 и 1921 гг. был выше темпа за первые половины тех же лет на 25%, 0,7% и 542%. В годы Советской Власти влияния на денежное обращение реализации сельско-хозяйственных урожаев не существовало (или, во всяком случае, оно было незначительно): аграрная революция уничтожила класс землевладельцев, пользующихся наемной рабочей силой; хлебная частная торговля и банковая система были уничтожены; наконец, государственная власть заготовляла сельско-хозяйственные продукты в эти годы, сначала платя сельским хозяевам такие низкие цены, которые граничили с бесплатностью, а затем и вовсе отменив какую бы то ни было плату, чем сводилась на-нет нужда государственной власти в денежных средствах на оплату продуктов сельского хозяйства. Но зато другие условия политической и экономической жизни повлияли на полугодовые колебания темпа выпуска во все эти годы, за исключением одного лишь 1920 г. Только сокращением во второй половине 1918 г. территории Р. С. Ф. С. Р. и связанным с этим сокращением государственных расходов можно об'яснить понижение темпа выпуска во вторую половину этого года. И обратно, только расширением территории и связанным с ним ростом государственных расходов можно об'яснить значительное (почти вдвое) повышение темпа выпуска во второе полугодие 1919 года сравнительно с темпом первого полугодия этого года. Ибо ничем другим полугодия 1918 и 1919 гг. между собою не отличаются. 1920 год, отличающийся постоянством и устойчивостью политических и экономических отношений, дает удивительную картину постоянства в размере полугодовых темпов выпуска бумажных денег: размер их—один и тот же в обоих полугодиях.

Резко выделяется из всех годов существования Советской Власти 1921 год: процент возрастания обращающихся бумажных денег за вторую половину этого года был почти в 6,5 раз выше процента возрастания бумажных денег за первую половину этого же года. Причины такого колоссального возрастания темпа выпусков бумажных денег нельзя искать ни в изменении государственной территории Р. С. Ф. С. Р., ибо она оставалась неизменной, ни в политических событиях жизни государства, ибо течение этой жизни

не нарушалось сколько-нибудь заметным оживлением военных действий. Отсюда—по методу разницы—мы должны заключать, что искомые нами причины кроются или в изменении экономической обстановки, или в методах государственного хозяйства. Анализ явлений экономической обстановки и государственного хозяйства в 1921 г. показывает, что причины кроются и в том и в другом.

1) Неурожай в Поволжье поднял цены на сельско-хозяйственные продукты и увеличил, вследствие этого, высоту заработной платы государственных рабочих и служащих; 2) со второй половины 1921 г., в силу изменения экономической обстановки (изменений, вызывающих все ускоряющийся рост покупательных сил буржуазных слоев населения), стала интенсивно возрастать денежная заработная плата государственных рабочих и служащих; 3) с этого же времени, в связи с заменой продразверстки продналогом, стало расширяться финансирование государственной властью денежного товарообмена между городом и деревней; 4) учреждение—для целей финансирования—как государственных предприятий, выделяемых в самостоятельные и обособленные от прочих частей государственного хозяйства хозяйственные единицы, так и предприятий частных—Государственного Банка, потребовало от правительства значительных финансовых затрат на образование первоначального капитала этого банка. Ко всему этому прибавился и недостаток денежных знаков в первую половину 1921 г., вследствие чего денежные обязательства государства за это время могли быть погашены только во второй половине 1921 г.; они, в действительности, и были в значительной части погашены в это время.

3. Размеры денежного обращения России и рост товарных цен.

Бумажные деньги, выпущенные в обращение, не составляют исключительной массы обращающихся денежных знаков: 1) монеты, в особенности серебряные и медные, исчезли из денежного обращения не тотчас по прекращении размена бумажных денег на золото; 2) постановлением Комиссариата Финансов от 30 мая 1918 г. денежный характер, т. е. характер законного платежного средства, был придан, во-первых, 4% сериям государственного казначейства, которых было выпущено во время войны на 850 милл. руб., во-вторых, выпущенным в обращение на сумму около 4.500 милл. рублей, краткосрочным обязательствам государственного казначейства и, в-третьих, облигациям «Займа Свободы»

стоимостью до 100 рублей включительно, которых было выпущено на 490 милл. руб.; этим обращение первой половины 1918 года было увеличено на 5.840 миллионов рублей; 3) с другой стороны, денежные знаки до-революционного образца были из'яты в 1918—1919 гг. населением из обращения. В количестве находящихся в обращении бумажных денег мы, дабы определить количество всех денежных знаков, находящихся в обращении, учитываем все прочие изменения (тезаврирование денежных знаков до-революционного образца, придание денежного характера некоторым кредитным обязательствам государства); учитывая лишь постепенное исчезновение металла из обращения, мы предполагаем, что золотые монеты были из'яты тотчас по прекращении размена, полноценное серебро — к концу 1914 г. и, наконец, разменное серебро и медь — к концу первой половины 1915 года.

С такими поправками мы и исчисляем размеры денежного обращения России в годы войны и революции. В сопоставлении с ростом товарных цен в годы войны и революции данные о росте количества обращающейся денежной массы дают возможность установить влияние этого последнего на товарный рынок и его цены (см. табл. на стр. 25).

Цифры роста товарных цен в 1914 — 1917 гг. заимствованы нами у С. А. Фалькнера («Народное Хозяйство», 1919, № 4, стр. 9), а этим последним они вычислены на основании суммы цен ряда продовольственных продуктов на рынках Московской губернии. Цифры роста товарных цен в 1918 – 1919 гг. вычислены нами на основании данных Народного Комиссариата Труда о стоимости на рынках России 2.700 калорий пищи обычного состава. Наконец, цифры роста товарных цен в 1920 г. и 1921 г. вычислены нами на основании индексов цен на московских рынках 35 наиболее ходких (по преимуществу продовольственных) товаров, исчисленных Институтом народно-хозяйственных кон'юнктур при Петровской Сельско-Хозяйственной Академии в Москве по специальному заданию Института Экономических Исследований Народного Комиссариата Финансов (подробно об этих индексах говорится в статье Н. Д. Кондратьева — «К вопросу об исчислении чисел-показателей», помещенной в «Известиях Народного Комиссариата Финансов», № 20 15 декабря 1921 года).

В изменении в годы войны и революции соотношений между ростом количества обращающихся денежных знаков и ростом общего уровня товарных цен намечаются три периода; эти периоды охва-

Количество обращающихся денежных знаков и рост товарных цен:

Полугодия.	Количество обращающихся денежных знаков всех видов (в милл. руб.).	Рост обращающихся денежных знаков по сравнению с 1-м полугодием 1914 г.	Рост товарных цен по сравнению с 1-м полугодием 1914 г.	Товарные цены растут быстрее (+) или медленнее (—) денежных знаков во сколько раз.
914 г.: 1-е полугодие	2,370	1	1	—
» 2-е полугодие.	2,520	1,06	1,01	— 1,05
1915 г.: 1-е полугодие	3,472,4	1,46	1,15	— 1,27
» 2-е полугодие.	4,724,5	1,99	1,41	— 1,41
1916 г.: 1-е полугодие	6,157	2,59	2,36	— 1,08
» 2-е полугодие.	7,972	3,36	3,98	+ 1,18
1917 г.: 1-е полугодие	11,229	4,73	7,02	+ 1,49
» 2-е полугодие.	19,458	8,19	11,71	+ 1,44
1918 г.: 1-е полугодие	32,515	13,69	36,50	+ 2,66
» 2-е полугодие.	47,445	20,00	74,50	+ 3,72
1919 г.: 1-е полугодие	77 072	32,52	212,00	+ 6,60
» 2-е полугодие.	151,878	64,92	698,50	+ 10,75
1920 г.: 1-е полугодие	350,124	147,33	4.820,00	+ 32,71
» 2-е полугодие.	779,302	324,60	13.406,36	+ 41,30
1921 г.: 1-е полугодие	1.709,716	721,39	38.203,86	+ 52,95
» 2-е полугодие.	6.191,841	2.621,03	91.679,00	+ 34,90

тывают: первый—время до второй половины 1916 года, второй—время со второй половины 1916 года до второй половины 1921 года и третий—время со второй половины 1921 г. В первый период товарные цены растут медленнее роста обращающихся денежных знаков. Во второй период рост товарных цен обгоняет рост количества денежных знаков. В третьем периоде рост товарных цен опять стал отставать от роста обращающихся денег.

«Закономерность первого периода есть закономерность неразвитого эмиссионного хозяйства, отражающегося в общественном сознании, как временное и неправомерное уклонение от нормальных условий денежного обращения. В этом случае каждая новая волна денежных знаков, выпускаемая в обращение, должна пройти целый ряд социальных слоев, прежде чем расшириться настолько, чтобы оказать влияние на цены предметов потребления широких масс населения. Поэтому отставание товарных цен от бумажно-денежных эмиссий есть закономерное выражение изолированности части денежных знаков от давления на цены» (С. А. Фалькнер—«Система эмиссионных финансов». Статья в «Народном Хозяйстве», 1919 г., № 4).

Особенность второго периода—общий уровень товарных цен обгоняет рост обращающихся денежных знаков—была обусловлена по преимуществу сокращением сферы товарного обращения. Сама же эта сфера сократилась вследствие двух обстоятельств: 1) вследствие вообще падения производства; 2) вследствие роста производственной части государственного хозяйства, развития безденежных расчетов между отдельными единицами его.

Наконец, отставание роста цен от роста денежной массы на третьем этапе—бесплатные услуги частным лицам и натуральные налоги—было обусловлено расширением сферы товарного обращения, происшедшего в результате принятого с весны 1921 г. курса экономической политики.

Изменение в соотношении между ростом обращающихся денег и ростом общего уровня товарных цен отчетливо выразилось в изменении стоимости в до-военных рублях денежной массы (см. табл. на стр. 27).

4. Финансовая политика в области денежного обращения.

Осуществлявшаяся в области денежного обращения в годы войны и революции финансовая политика, как усматривается из данного во втором отделе настоящего очерка анализа выпусков

Стоимость в до-военных рублях денежной массы.

Стоимость товарного обращения.

ГОДЫ.	В первую половину года.		Во вторую половину года.	
	В милл. зол. предвоен. руб.	В проц. к стоимости обращения в 1-ую половину 1914 г.	В милл. зол. предвоен. руб.	В проц. к стоимости обращения в 1-ую половину 1914 г.
1914	2.370	100	2.495,0	105,2
1915	3.019,4	127,4	3.350,7	141,3
1916	2.587,0	109,1	2.003,0	84,5
1917	1.600,0	68,8	1.661,1	70,8
1918	890,8	37,5	636,8	26,9
1919	363,5	15,3	217,3	9,1
1920	72,6	3,0	58,1	2,4
1921	45,0	1,5	67,5	2,8

бумажных денег, в главном и основном направлялась фискальными интерессами и состояла в использовании денежного обращения в качестве источника государственных доходов, предназначенных на покрытие бюджетных дефицитов. При этом 1914——1917 года отличались от 1918—1921 годов следующим: в то время, как в 1914—1917 годах фискальное использование денежного обращения было одним из двух составных элементов целостной системы каналов покрытия дефицитов (другим элементом являлся государственный кредит), в 1918—1921 гг. оно стало единственным способом покрытия дефицитов.

Потребности финансирования государственного хозяйства не было, однако, единственным мотивом политики в области денежного обращения за все годы войны и революции. Линия политики, направляемая в основном (и по преимуществу) интересами фиска, приукрашивалась подробностями, создаваемыми рядом некоторых других мотивов.

Мотивом, прикрашивавшим направляемую фискальными интересами линию политики в области денежного обращения в 1914—1917 гг. и при царском правительстве и при временном правительстве 1917 года, было решение ликвидировать бумажно-денежную систему и восстановить металлическое обращение, как только закончится война. Основанием, придававшим реальность возможности осуществления этого решения, было то, что сами те бюджетные дефициты, ради покрытия которых выпускались бумажные деньги, по своим размерам не превышали тогда в 1915—1917 гг. размеров расходов, вызванных войной.

Вот цифры дефицитов и расходов, вызванных войной за годы, о которых идет речь в тексте:

Годы.	Дефициты, в миллионах рублей.	Военные расходы, в миллионах рублей.
1914	1.898	1.234
1915	5.561	8.620
1916	13.756	14.573
1917	22.568	22.561

Если в 1914 году дефицит превышал военные расходы, то в дальнейшем, начиная уже со следующего 1915 г., дефицит в обыкновенном бюджете (бюджете без военных расходов) был устранен.

В отличие от царского правительства и революционного временного правительства 1917 года, правительство партии пролетариата—Советское Правительство—не характеризуется постоянством в мотивах, прикрашивавших деталями основную линию его политики, направляемую интересами финансирования государственного хозяйства.

Три этапа намечаются этими деталями: первый этап охватывает время с первого дня существования Советской Власти до половины 1918 года; второй—с половины 1918 г. до половины 1921 г. и третий, продолжающийся и ныне—с половины 1921 г.

На первом этапе правительство не ставило себе никаких задач, направленных на судьбу денежного обращения, как такового,—на его упорядочение или уничтожение. На этом этапе возникали только проекты об использовании денежного обращения в качестве средства борьбы с русской буржуазией. Таково было предложение В. И. Ленина в мае 1918 г. на Всероссийском с'езде представителей финансовых отделов. Ленин проектировал обмен имеющихся у населения бумажных денег на бумажные деньги

нового образца до известной суммы полностью (рубль за рубль), свыше же определенной нормы—за меньшую сумму новых денег. Мера эта не была осуществлена из-за чисто технической невозможности удовлетворить потребность в деньгах денежными знаками нового образца.

Решительное вступление со второй половины 1918 года на путь национализации промышленности обусловило наступление второго этапа. Исходя из того, что расчеты между отдельными учреждениями и предприятиями государства целесообразно вести без денег, что товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством можно вести натуральным образом, что, наконец, развитием национализированной промышленности и с исчезновением промышленности частной источником доходов всех граждан, кроме сельских хозяев, становится исключительно заработная плата, выплачиваемая государством, и что поэтому бесполезным становится взимание государством платы с этих граждан за оказываемые им услуги,—исходя из этого, правительство пришло к мысли о скором уничтожении денег. Эта мысль, господствовавшая в течение всего второго этапа, наложила отпечаток на взгляды правительства на беспрерывные выпуски бумажных денег: в работе станка, печатающего бумажные деньги, не находили никакого вреда. Мало того, некоторые влиятельные члены правительства (Е. Преображенский и др.) в беспрерывных выпусках бумажных денег видели не только удобный, поддающийся обезвреживанию (с точки зрения интересов пролетариата), источник финансирования революции, но и удобный способ, непосредственно уничтожающий буржуазный режим вследствие создаваемого им расстройства системы денежного обращения.

Принятый с весны 1921 года курс экономической политики, во-первых, признал за частной промышленностью и частной торговлей известную сферу действия и, во-вторых, привел к выделению значительного большинства государственных предприятий в самостоятельные хозяйственные единицы, работающие на началах коммерческого расчета. Этим выдвигалась на очередь задача упорядочения денежного обращения России: как частная торговля и частная промышленность, так и государственные предприятия нуждались в более или менее устойчивой денежной единице. Упорядочение денежного обращения и стабилизация денежной единицы стали поэтому новыми мотивами политики советской власти в области денежного обращения.

К. Шмелев.

Обесценение русской бумажно-денежной валюты.

Доклад С. А. Фалькнера, прочитанный 29 октября 1920 года.

I. Методы определения ценности бумажных денег.

1. Показателями для определения ценности бумажных денег считаются:

а) международный курс национальной валюты;

б) движение цены весовой единицы золота в бумажных деньгах;

в) движение всей совокупности товарных цен национального рынка.

а) Для периода войны и революции первый критерий явно непригоден, потому что в условиях отсутствия нормального и свободного международного обмена интервалютный курс превращается в отражение лишь того узкого потока товарного и кредитного обращения, контрабандного по преимуществу, который на деле еще течет, несмотря на все преграды. Интервалютный курс становится в этих условиях весьма податливым влияниям различных спекулятивных операций, с одной стороны, и обще-политических перспектив грядущего развития—с другой.

При разрыве связей между внутренним и внешним рынком внешняя расценка национальной валюты перестает быть правильным отражением реальной ценности последней внутри страны.

б) Движение цены золота в этих условиях также перестает быть показателем изменения ценности бумажных денег, ибо сфера обращения золота перестает быть соотносительной всему народнохозяйственному целому, но ограничивается чисто спекулятивным рынком, расценивающим золото, как своеобразную капитальную ценность (сокровище) по преимуществу.

в) Движение товарных цен является, вообще говоря, наиболее существенным показателем об'ективной ценности бумажных денег

в народно-хозяйственном обращении и, в качестве такового, может быть использовано для периода империалистической войны. Но по отношению к эпохе революции учет его должен быть усложнен применительно к особенностям хозяйственной структуры эпохи.

2. В условиях исследуемого периода проблема исчисления общего уровня товарных цен осложняется двумя важнейшими моментами.

А. Разрушением закона единства народно-хозяйственного уровня цен и чрезвычайным разнообразием одновременно существующих территориальных условий цен, которые обусловлены различной интенсивностью притока вновь выпускаемой бумажно-денежной массы, с одной стороны, и различием товарных запасов и товарного обращения на местах—с другой.

В. Разделение всего товарного оборота на две различные организационные сферы—сферу централизованного обмена и снабжения по фиксированным, установленным государством, ценам и сферу децентрализованного частно-хозяйственного товарообмена по ценам вольного рынка.

Поскольку общенациональная ценность денег определяется всей совокупностью товарных сделок каждого данного периода, постольку необходимо учесть влияние на ценность денег всех территориальных различий уровня цен, с одной стороны, и обеих организационных сфер денежного и товарного обращения—с другой. В частности, если сфера вольного товарообмена является в общей народно-хозяйственной совокупности значительно более обширной, чем сфера централизованного снабжения, то самые вольные цены могут достигнуть столь высокого уровня лишь благодаря наличности во второй сфере чрезвычайно низких твердых цен, снабжение по которым освобождает значительную часть денежных знаков, которые давят на вольный рынок в виде платежеспособного спроса снабжаемых государством групп населения.

Непосредственно вычислить величины товарного обращения по вольным ценам для всего народного хозяйства в целом на практике не представляется возможным.

Поэтому приходится искать отражений об'ективных соотношений этих элементов народно-хозяйственной совокупности в средне-нормальных ячейках этой совокупности—индивидуальных хозяйствах. Принцип взвешивания отдельных товарных цен по их относительной роли в товарно-потребительском бюджете населения был предложен впервые в экономической теории и практике моим однофамильцем

проф. Нью-Йоркского Ун-та Rob. Falkner'ом и с тех пор приобре право гражданства во всех скалах движения товарных цен.

Но по отношению к современному положению России это взвешивание должно быть осложнено привлечением двух новых моментов:

1) долей расходного бюджета, приходящегося на оплату предметов потребления, приобретаемых по твердым и вольным ценам;

2) возможных различий в этом отношении двух экономически важнейших группировок населения России—пролетариата, с одной стороны, и крестьянства—с другой.

II. Движение вольных цен Советской России.

Определение общего уровня товарных цен слагается из двух основных элементов: цен вольных и цен твердых.

Количественно наибольшее влияние будут иметь при этом цены вольные, в коих отражается, как это ясно уже a priori, перемещение наибольшей части товарной массы истекшего времени.

Но исчисление общего уровня вольных цен представляет собою и наибольшие трудности.

Прежде всего, в самом начале такой работы встают три методологические вопроса, разрешение которых является предварительным условием каких бы то ни было исчислений.

Эти вопросы: 1) о внешних территориальных пределах для сводки общего уровня цен; 2) о внутренней территориальной разбивке территории, ограниченной первым вопросом, разбивке, имеющей целью выявить наиболее важные местные уровни цен, и 3) о разграничении различных экономических слоев общей системы цен каждой данной территории для выделения наилегче улавливаемого материала при условии его общей показательности.

1) Первый вопрос должен быть разрешен в связи со следующими соображениями.

Об едином уровне цен, подлежащих учету и коэффициентированию, можно говорить в точном содержании этого понятия лишь при наличности трех экономических условий:

a) единства товарного обращения,
b) » денежного »
c) » общей хозяйственной системы.

Об единстве товарного обращения на территории России говорить почти не приходится, ибо разрушение транспорта за последние годы настолько понизило норму связи и обмена между различными территориями даже политически единых частей России, что различные местности их являются почти изолированными друг по отношению к другу, а это не может не отражаться и в соответственном различии их уровня цен.

Что касается единства денежного обращения, то оно, во всяком случае, строго ограничивается политическими рамками существовавших на территории России образований.

При этом, в виду разрушения нормальных товарных связей между отдельными районами каждого из них, единство денежного обращения поддерживалось не столько внутренним товарообменом, сколько фактом единства экономической системы на территорию каждого из таких образований, тесно связанной в наше время и с системой политической и, в особенности, одним элементом ее — системой финансирования народно-хозяйственного и государственного аппарата.

Эти соображения приводят к выводу о неизбежности территориального ограничения исчисления общего уровня товарных цен рамками политическими и невозможности исчисления для эпохи гражданской войны и блокады общего уровня для цен всей территории до-военной России.

При этом, в виду значительного колебания границ Советской России, приходится, во-первых, комбинировать материалы об основном территориальном ядре ее, лишь временно затрагивавшемся военными отходами, и во-вторых включать в систему цен данные о вновь присоединяемых территориях не раньше, чем по прошествии довольно значительного времени, ибо это является условием установления если не единства товарного обращения, то, по крайней мере, единства финансово-экономической системы, а с нею и частично единства денежного обращения.

2) Второй вопрос о внутренней территориальной разбивке основного ядра России в процессе работы был разрешен следующим образом:

Вся территория была разбита на 6 районов в зависимости от их обще-экономической характеристики и отражения ее в местных уровнях цен.

Районы эти следующие:

I. Центральный промышленный (6 старых губерний).

1. Московская губ.
2. Владимирская,
3. Костромская,
4. Ярославская,
5. Иваново-Вознесенская,
6. Калужская,
7. Тверская.

II. Северный и приозерный (6).

1. Архангельская,
2. Вологодская,
3. Олонецкая,
4. Петроградская,
5. Псковская,
6. Новгородская,
7. Череповецкая,
8. Велико-Устюжская (Северо-Двинская).

III. Белорусский (4).

1. Витебская,
2. Смоленская,
3. Могилевская,
4. Минская,
5. Гомельская.

IV. Центральный-Земледельческий (6).

1. Курская,
2. Орловская,
3. Воронежская,
4. Тульская,
5. Рязанская,
6. Тамбовская,
7. Брянская.

V. Средне-Волжский (6).

1. Казанская,
2. Нижегородская,
3. Пензенская,
4. Саратовская,
5. Симбирская,
6. Самарская,
7. Царицынская.

VI. Приуральский (4).

1. Вятская,
2. Пермская,
3. Екатеринбургская,
4. Уфимская,
5. Челябинская.

Обще-российский средний уровень цен выводится из 6 по-районных средних, причем три из этих районов характеризуются недостатком, а три другие—избытком собственного производства предметов продовольствия.

3) Наконец, третий вопрос об экономическом размежевании различных слоев в системе цен каждой данной территории имеет

в виду следующее. Уже непосредственное наблюдение показывает, что все последние годы мы на самом деле имеем перед собою не один общий, а **три различных уровня цен**. Это, **во-первых**, цены крупных городских центров губернских городов и немногих фабрично-заводских центров, превращенных за последнее время в большинстве случаев также в самостоятельные губернские города; **во-вторых**, цены мелких городских поселений уездных городов и прочих городских поселений России, и **в третьих**, цены сельских местностей.

Вполне точное исчисление обще-российского уровня цен предполагало бы поэтому учет всех трех этих слоев и комбинирование их в единый уровень путем взвешивания относительных **масс населения**, которые ими представляются, и относительных **норм обращаемости денег** на душу населения в этих его слоях.

Однако, значительная дефектность материалов, касающихся цен сельских местностей, о которой будет сказано ниже, заставляет пока отказаться от этого вполне точного метода и прибегнуть к выбору одного слоя, могущего служить показателем общего движения всей совокупности цен без большой погрешности.

Перехожу к характеристике **материалов** и **методов исчисления**. За последние годы сколько-нибудь систематическая регистрация цен велась четырьмя органами:

1. Компродом,
2. Наркомтрудом (с декабря 1918 г.),
3. Центр. Стат. Управлением (с января 1919 г.),
4. Центросоюзом.

Сравнительное изучение их выборочных материалов показало, что наиболее доброкачественными и относительно разработанными являются материалы Наркомтруда.

Центральное Статистическое Управление регистрирует большое количество продуктов, сведения собираются и по еженедельным и по ежемесячным бланкам, но средние получаются крайне нерегулярно и никаких признаков или даже предположений сводки оных не имеется.

Материалы Наркомпрода зарегистрированы по четвертям года, с полным отсутствием более точных дат регистрации, касаются почти исключительно уездных городов и имеются в наличности лишь за две первые четверти 1919 г., которыми, однако, в виду отсутствия других материалов по этому периоду, мне пришлось воспользоваться.

Центросоюз производил довольно обширные анкеты систематически по 4 раза в год, причем ими учитывались не только городские, но и сельские цены. В разработанном виде, однако, имеется лишь анкета на 1 апреля 1918 г., остальные же материалы, отчасти за отсутствием статистических сил, отчасти за дефектностью полученных сведений, остаются и, повидимому, останутся совершенно неразработанными.

Поэтому в основу наших исчислений были положены данные Наркомтруда, некоторая часть которых (за последние месяцы 1919 г. и начала 1920 г.) имелась в сведенном виде, большая же часть была под моим руководством сведена и разработана только теперь. В виду крайней кропотливости работы и крайнего недостатка в статистическом персонале, мне пришлось прибегнуть к выборочному методу и поставить разработку данных лишь по триместрам, т. е. по 4 месяцам ежегодно (январь, апрель, июль, октябрь). Комбинирование цен отдельных продуктов между собою для определения движения общего уровня цен производилось по принятому уже ранее в Статотделе Наркомтруда методу взвешивания их по долям участия отдельных товаров в потребительском бюджете рабочего населения России. В основу последнего было положено обследование питания, произведенное Наркомтрудом в конце 1918 г.

В итоге получились цифры стоимости среднего пищевого пайка в 2.700 калорий по каждому данному месту, представляющей всю совокупность или, что то же, общий уровень цен пищевых продуктов, учтенных по их относительному значению в реальном потреблении населения.

Методика сводки этих местных цен в территориальные уровни цен большего захвата сводилась к следующему.

Все показания по уездным городам и прочим городским поселениям каждой данной губернии сводились в погубернские средние. Из погубернских средних выводились средние порайонные, а с порайонных—обще-российская средняя.

Показания по губернским городам, которые, как уже упомянуто, резко выделяются по своей высоте среди всех остальных, сводились особо в порайонные и далее обще-российские средние.

Из общего числа около 700 показаний некоторые были после сравнения их с другими устранены в целях соблюдения единства материала. С другой стороны, наиболее существенные пробелы, делающие выводимые без них средние несоответствующими действительности за уменьшением числа существенных слагаемых, были

пополнены методами интерполяции и исчисления статистически вероятных величин.

В зависимости от различия имевшегося в разных случаях материала и в целях сведения возможных уклонений от вибрирующей действительности к минимуму, пришлось применять различные методы, причем последовательный переход от более точных к относительно менее точным—лишь при полной возможности использования первой.

Так, при наличности материала, отсутствующее показание заменялось средней величиной между двумя соседними месяцами (напр., вместо отсутствующей цены в данной местности за апрель бралось среднее за март—май); в других случаях—средней между двумя триместровыми показаниями (вместо цены апреля—средняя между ценами января и июля); при отсутствии соседних показаний отсутствующие погубернские величины исчисляются применением для всей губернии коэффициентов повышения цен в ее губернском городе по сравнению с последней имеющейся датой; либо, наконец, путем применения коэффициентов повышения цен в смежных губерниях, экономически сходных с данной.

Включение этих интерполированных данных, однако, численно столь невелико, что возможное уклонение их от действительности не может оказать сколько-нибудь существенного влияния на общие итоги.

Так, примерно, из 180 погубернских средних 1919—1920 гг. интерполировано лишь 19.

Таким образом, были получены данные, общие итоги которых сведены в 4 таблицах, приложенных к настоящему докладу.

Из них средние цены 1919 и 1920 гг. исчислены на основании данных Наркомтруда; цены первых двух четвертей 1918 г. на основании данных Наркомпрода, а цены за 3 и 4 четверти 1918 г. интерполированы.

Для сравнения с ценами до-военными принято, что средняя стоимость пищевого пайка по всем уездным городам России на 25% ниже исчисленной стоимости его по г. Москве (см. табл. №№ 1—4 на стр. 40—43).

Переходя к оценке полученных таким образом итогов, нужно сказать, что они, повидимому, несколько превышают тот истинный уровень цен, по которым совершаются реальные закупки населением продуктов на вольном рынке.

Ошибки, повышающие общий уровень цен регистрационных, на основе которых построено все наше исчисление, можно разделить на две основные группы.

Это, во-первых, субъективные ошибки, зависящие от особой характеристики органов регистрации цен, и, во-вторых, ошибки объективные, зависящие от особой характеристики круга наблюдаемых и регистрируемых ими явлений.

Первая группа ошибок вызывается тем обстоятельством, что чисто психологически связь между высотой цен, регистрируемых местными отделами труда, материалом которых мы пользуемся, и высотой тарифов в данной местности (или точное сознание зависимости перевода данного района в высший тарифный пояс от повышения уровня регистрируемых цен)—эта связь не может быть элиминирована.

Поэтому, даже считая, что число сознательных злоупотреблений в этом направлении при регистрации цен относительно незначительно, необходимо учесть бессознательное влияние этого момента, проявляющегося хотя бы в виде почти неизбежной фиксации лишь наивысших, а не средних, среди существующих в данном месте и в данное время, цен. Совершенно непроизвольно при этом сознание регистратора квалифицирует все реальные расценки низшего уровня, как случайные и исключительные.

Вторая группа ошибок зависит от узости обычного круга наблюдений при регистрации вольных цен и касается не только данного, но и любого другого материала по регистрации цен. Кругом наблюдения служила обычно лишь некоторая часть реального существующего вольного рынка—его открытая часть в виде организованных, территориально определенных, центров рыночного торга (Сухаревка).

Между тем, регистрацией обычно совершенно не учитывается другая и весьма значительная часть вольного рынка—скрытая, в виде весьма многочисленных сделок на дому у покупателей и продавцов, поставок из округа и из деревней крестьянами и т. п., где постоянство связей и обеспеченность их отсутствием риска подвергнуться противо-спекулятивным карам (от этого их гарантирует соответствие интересам обеих договаривающихся сторон) приводят к довольно большему понижению цен по сравнению открытого вольного рынка, являющегося поставщиком главным образом лишь наиболее зажиточной и платежеспособной части населения. По таким же пониженным расценкам происходят и всякие так на-

зываемые «случайные» приобретения на улице, «по знакомству», коллективные закупки сбываемых с вольного рынка и одновременно более крупных партий продуктов, все эти виды покупок при общей скудости потребления играют немаловажную роль в общем потребительском бюджете городского населения.

И действительно, сравнивая регистрационные цены продуктов с ценами, показываемыми бюджетными обследованиями, мы находим весьма значительную разницу между ними.

Так, в октябре 1918 г. в Петрограде средняя стоимость 1.000 калорий пищевых продуктов на вольном рынке равнялась по регистрационным данным 24 р. 34 к., а по данным обследования питания городского населения Наркомтруда лишь 15 р. 75 к., т. е. на 38% меньше.

Разница по Москве еще значительнее. В октябре 1918 г. средняя стоимость 1.000 калорий достигала здесь по регистрационным данным 9 р. 57 к., а по данным обследования 4 р. 38 к., т. е. на целых 54,85% ниже. Разница, однако, здесь столь велика потому, что значительная часть ее относится на счет неточного совпадения во времени этих двух групп показаний, ибо бюджетное обследование растянулось здесь на целые 3 месяца— с сентября по ноябрь, так что для последней цифры октябрь является лишь средней арифметической датой, повидимому, не соответствующей реальной средней. Однако, если даже учесть не только эту преувеличенность разницы по Москве, но и считать условия Петрограда особыми и не могущими служить показателем для всей уездной России, то все же нельзя не признать, что для приближения к реально существующим ценам вольного рынка во всей его совокупности необходимо, по крайней мере, на 25% понизить цены регистрационные и выведенные нами на их основании абсолютные средние и коэффициенты.

Выше мы уже говорили, что полное исследование общего уровня вольных цен России предполагало бы установление всех трех экономических уровней цен—губернских городов, уездных городов и деревень—и взвешивание их удельного значения в общем товарно-денежном обороте страны.

Сопоставление цен губернских и уездных городов показывает нам, что уровень первых превосходит уровень вторых почти постоянно в среднем на 50%.

Для сравнения цен городских с ценами деревенскими мы имеем в сущности только данные анкеты Центросоюза на

1 апреля 1918 г. Если взять из нее 8 районов центральной России и основные продукты—ржаную муку и картофель, то окажется, что цены деревни ниже цен уездных городов на 22,5 %.

Принимая во внимание, однако, что совокупное значение в товарно-денежном обороте русской деревни гораздо больше, чем значение немногочисленных губернских городов, мы можем без большой погрешности принять, что оба эти уклонения от уровня цен уездных городов взаимно нивеллируют друг друга, и признать этот средний уровень отражением средних цен всего товарного оборота России. Примерное исчисление масс населения охватываемых этими тремя группами поселений, а также нормы денежности их приобретений этот вывод вполне подтверждает.

Таблица № 1.

Движение вольных цен Советской России.

Стоимость 2.700 калорий по вольной цене.

РАЙОНЫ.	1918 год.							
	1-я четверть.		2-я четверть.		3-я четверть.		4-я четверть.	
	Число показаний.	Стоимость пайка по рыночной цене. Суточная.	Число показаний.	Стоимость пайка по рыночной цене. Суточная.	Число показаний.	Стоимость пайка по рыночной цене. Суточная.	Число показаний.	Стоимость пайка по рыночной цене. Суточная.
1. Центр.-промышленн. (6) *)	6	7,75	6	12,96	—	—	—	—
2. Северный и присеверный (8) . .	2	4,48	2	8,30	—	—	—	—
3. Белорусский (5). .	2	4,26	2	7,98	—	—	—	—
4. Центр.-земледельческий (7). . . .	6	3,68	6	4,79	—	—	—	—
5. Средне-Волжский (6)	5	5,31	5	6,23	—	—	—	—
6. Приуральский (5).	1	3,88	1	4,90	—	—	—	—
По России. . . .	6	4,88	6	7,43	—	10,60	—	14,88

*) В скобках первой колонки указано число губерний в районе.

Таблица № 2.

Движение вольных цен Советской России.

Средняя стоимость 2.700 калорий по вольной цене.

РАЙОНЫ.	1919 год.								1920 год.			
	Число показаний.	Средн. стоимость прожит. нормы.	Число показаний.	Средн. стоимость прожит. нормы.	Число показаний.	Средн. стоимость прожит. нормы.	Число показаний.	Средн. стоимость прожит. нормы.	Число показаний.	Средн. стоимость прожит. нормы.	Число показаний.	Средн. стоимость прожит. нормы.
Уездн. города.												
1. Центр.-промышленный (7*)	7	21,54	7	47,68	7	89,89	7	126,51	7	368,56	7	741,42
2. Северный (6)	6	27,34	6	42,09	6	91,86	6	204,88	6	415,46	6	797,14
3. Белорусск. (5)	3	15,29	3	34,84	3	71,54	3	106,32	3	313,31	3	516,90
4. Центр. земледельческий (7)	6	13,72	6	24,76	6	52,75	5	100,91	6	256,78	6	514,77
5. Ср.-Волжск. (7)	6	10,41	6	17,84	6	32,02	6	61,62	6	170,88	6	450,81
6. Приуральский (5)	2	9,08	2	9,80	2	23,72	4	42,32	4	88,82	4	196,36
По России	6	16,23	6	31,90	6	60,21	6	107,90	6	268,18	6	536,23
Губ. города.												
1. Центр. пром.	7	30,37	7	61,53	7	114,67	7	180,79	7	508,68	7	923,16
2. Северный	4	35,91	4	75,91	4	156,11	4	203,10	4	604,26	4	1.089,53
3. Белорусск.	2	24,64	2	49,22	2	84,73	3	165,83	3	339,82	3	1.062,42
4. Центр. земл.	6	15,61	6	30,45	6	68,90	3	138,73	3	315,76	2	509,22
5. Ср.-Волжск.	4	16,96	6	26,51	6	49,68	5	98,33	5	172,01	5	448,60
6. Приуральск.	—	—	1	28,54	2	31,83	4	49,11	5	129,63	4	314,79
По России	5	24,58	6	45,36	6	84,32	6	139,31	6	344,35	6	724,62

*) В скобках в первой колонке указано число губерний в районе.

Таблица № 3.

Движение средних рыночных цен на продукты за 1916—1920 гг. по г. Москве.

Год.	Месяцы.	Стоимость прожиточной нормы: в рублях. Суточная за 2.700 калорий.	Коэффициент возрастания стоимости по сравнению с 1913 г., прин. за един. (23 коп.).
1913 г.	—	0 р. 23 к.	1,00
1916 г.	январь	0,323	1,42
	апрель	0,346	1,52
	июль	0,421	1,85
	октябрь	0,516	2,27
1917 г.	январь	0,625	2,75
	апрель	0,762	3,36
	июль	1,509	6,65
	октябрь	1,724	7,59
1918 г.	январь	5,33	23,17
	апрель	11,80	51,90
	июль	23,69	103,00
	октябрь	25,13	109,26
1919 г.	январь	52,91	230,04
	апрель	107,48	467,30
	июль	150,97	656,39
	октябрь	222,50	967,39
1920 г.	январь	796,54	3,463
	апрель	1.175,06	5,109

Таблица № 4.

Движение вольных цен Советской России.

Стоимость пищевого пайка (2.700 калор.) по вольным ценам.

	По всей России (уездные города).		По Москве.	
	Абсолютно.	Относительно.	Абсолютно.	Относительно.
1913 г. . . .	17 к.	1	23 к.	1
1918 г.				
1-я четверть	4,88	29	8,65	37
2-я »	7,43	44	17,75	77
3-я »	10,50	62	24,41	106
4-я »	14,88	87	39,02	170
1919 г.				
1-я четверть	21,41	181	80,20	348
2-я »	41,27	243	129,22	562
3-я »	76,10	448	186,73	812
4-я »	161,31	949	509,52	2,215
1920 г.				
1-я четверть	375,50	2,103	985,80	4,286

Движение твердых цен.

Коэффициенты повышения общего уровня твердых цен продуктов, отпускаемых по карточкам непосредственно из исследования твердых цен, декретируемых из центра, с достаточной точностью определены быть не могут, ибо фактически даже твердые отпускные цены подвергались на местах различным изменениям и начислениям.

И далее, что особенно важно: при довольно значительном различии коэффициентов повышения твердых цен на различные пищевые продукты тот реальный коэффициент, который соответствует реально уплачиваемым за карточные продукты суммам, будет совершенно различен в зависимости от того, какой комплекс продуктов в действительности на местах выдается.

Для разрешения этого вопроса была произведена выборка из тех же ежемесячных бланков статотделом местных органов Наркомтруда, по которым производилось исчисление движения цен вольных. Рубрики твердых цен заполняются здесь во много раз реже, чем рубрики цен вольных, и лишь в небольшом числе случаев можно найти последовательные показания по одной и той же местности.

Однако, при незначительности колебаний твердых цен в соседних местностях, полученные выборочные итоги можно считать достаточно полно отражающими движение их общего уровня.

Выборка производилась по тем же районам, которые были установлены при исследовании движения вольных цен, причем цены продуктовых выдач сводились к той же пищевой единице в 2.700 калорий, что и в ценах вольных.

В итоге получились следующие данные:

Таблица № 5.

Движение твердых цен.

Стоимость 2.700 калорий, в рублях.

Год	Центр. Промышл.		Северный.		Белорусский.		Центр.-Землед.		Средне-Волжск.		Приуральск.		По России.	
	Губ. г.	Уездн. г.	Губ. г.	Уездн. г.	Губ. г.	Уездн. г.	Губ. г.	Уездн. г.	Губ. г.	Уездн. г.	Губ. г.	Уездн. г.	Губ. г.	Уездн. г.
1919.														
Январь . .	4,37	2,62	5,51	8,67	4,05	3,35	4,73	1,81	2,84	2,81	8,61	4,05	6,02	3,0[illegible]
Апрель . .	5,49	3,51	3,32	3,70	4,02	—	4,61	3,32	2,86	2,19	2,59	1,89	4,60	[illegible]
Июль . . .	4,94	5,72	5,53	4,89	7,24	2,97	4,54	3,24	4,18	4,37	3,56	2,70	5,00	3,9[illegible]
Октябрь . .	10,34	6,91	5,70	8,37	6,94	4,78	5,72	8,94	7,46	6,53	6,59	7,00	7,19	7,0[illegible]
1920.														
Январь . .	11,39	11,50	7,07	8,05	22,17	9,46	8,69	4,89	7,13	5,18	4,97	3,91	10,23	7,0[illegible]
Апрель . .	9,15	15,34	9,23	10,40	15,17	12,72	—	11,20	5,21	2,86	10,10	4,10	9,77	9,4[illegible]

IV. Денежные бюджеты населения.

Теперь перед нами задача учета относительной роли в потреблении твердых и вольных цен или, что то же, долей товарного потребления по твердым и вольным ценам.

При разрешении ее нами были приняты во внимание следующие соображения.

По обследованию питания городского населения России Наркомтруда в конце 1918 г. (ноябрь—декабрь) средняя норма потребления на едока в сутки определялась около 2.700 калорий (точно 2.680 калорий), что даст около 81.000 калорий в месяц. Довольно сходные цифры получались и по позднейшим обследованиям Центр. Стат. Упр. (Лосицкого), относящимся к 1919 г.

При вероятной устойчивости средней нормы общего потребления доли его, приходящиеся на нормированные и ненормирован-

ные приобретения, несомненно, подвергались, однако, за истекшее время довольно существенным колебаниям.

Для определения относительной величины нормированных приобретений были использованы те же материалы, по которым были определены реальные твердые цены нормированных покупок.

В результате получились следующие итоги (см. таблицы № 6 и 7 на стр. 46 и 47).

Для оценки реального значения получаемых цифр нужно иметь в виду следующее: цифры получаемых по карточке калорий указывают выдачи по первой категории. Сверх того определенные, довольно значительные, группы рабочих получают различные специальные выдачи и пайки, подчас весьма значительно повышающие размер нормированного потребления. Но, с другой стороны, имеются другие группы населения, получающие карточки 2 и 3 категорий и принужденные поэтому еще в большей мере прибегать к помощи вольного рынка. Поэтому приведенные цифры можно считать довольно близкими к реальной средней нормированного потребления всей массы городского населения.

Сопоставление отдельных граф с полной очевидностью показывает здесь, что решающее влияние на величину денежных бюджетов оказывает движение вольных цен. Ибо если покупки по твердым ценам и составляют, в среднем, около 25% пищевого бюджета населения (с колебаниями во времени от 19% до 32%), то самый уровень твердых цен во столько раз ниже уровня вольных цен, что общая сумма затрат на оплату нормированной четверти потребления оказывается процентуально совершенно незначительной.

А так как выше мы констатировали, что уровень вольных цен уездных городов довольно близко отражает взвешенную среднюю общего уровня цен всех экономических слоев в системе цен Советской России, ибо значительно более высокий уровень цен крупных городских центров компенсируется более низким уровнем цен сельских местностей,—то теперь можно утверждать, что и движение всего денежного бюджета уездных городов, выведенное в последней таблице (№ 7), с той же степенью точности отражает движение всего взвешенного денежного бюджета всей массы населения данной территории. Единственной предпосылкой этого вывода является предположение, что в денежном бюджете населения крупных городов, с одной стороны, и сельских местностей, с другой—с о о т н о ш е н и е д о л е й нормированного и ненормированного потребления приблизительно таково же, как и в потреблении уездных городов, где первое

Таблица № 6.

Средняя выдача продуктов по карточкам
и %% их в среднем питании (81.000 калорий).

РАЙОНЫ.	Январь 1919 г.		Апрель 1919 г.		Июль 1919 г.		Октябрь 1919 г.		Январь 1920 г.		Апрель 1920 г.	
	Колич. выдан. по карточк. калорий.	%% выдач в средн. питан.	Колич. выдан. по карточк. калорий.	%% выдач в средн. питан.	Колич. выдан. по карточк. калорий.	%% выдач в средн. питан.	Колич. выдан. по карточк. калорий.	%% выдач в средн. питан.	Колич. выдан. по карточк. калорий.	%% выдач в средн. питан.	Колич. выдан. по карточк. калорий.	%% выдач в средн. питан.
Уездные города.												
Центрально-промышл. . .	12.100	15	13.490	17	6.095	8	9.230	11	9.178	11	13.400	17
Северн. и Приозерн. . .	5.800	8	16.852	21	11.597	14	12.966	16	16.200	20	16.200	20
Белорусский	23.900	29	—	—	12.500	15	9.600	12	20.500	25	15.433	19
Центр.-землед.	24.737	31	21.687	27	19.260	24	11.912	15	19.537	24	14.750	18
Ср.-Волжский	24.500	30	35.065	43	28.233	35	17.812	22	24.900	31	22.600	28
Приуральский	38.400	47	41.267	51	19.650	24	28.962	36	27.367	34	40.600	51
По России . . .	21.573	26,67%	25.676	31,80%	16.237	20%	15.080	18,67%	19.622	24,17%	20.497	25,50%
Губернские.												
Центрально-промышл. . .	16.170	20	9.200	11	19.454	24	5.429	78	13.410	17	17.800	21
Северн. и Приозерн. . .	18.967	23	17.225	21	19.125	24	21.950	27	14.070	18	25.813	32
Белорусский	9.275	11	11.100	14	3.125	4	26.400	33	3.400	4	800	1
Центр.-землед.	16.467	20	14.538	18	11.786	16	19.100	24	20.497	25	36.000	44
Ср.-Волжский	27.900	34	44.700	56	31.700	39	16.000	20	17.675	22	22.000	27
Приуральский	3.200	4	53.650	66	20.350	26	10.900	18	26.212	32	33.600	48
По России . . .	15.330	18,67%	25.062	30,83%	17,523	21,63%	16.730	20,67%	15.877	19,67%	28.419	28,83%

Комбинируя все полученные таким образом элементы, мы получим следующую таблицу:

Таблица № 7.

Движение денежных бюджетов населения уездных и губернских городов Советской России.

ПЕРИОДЫ.	Стоимость полн. пищ. пайка 2.700 кал. по карт., р. к.	Реальн. %% пайка, получ. по карточкам.	Стоим. реальн. доли нормиров. потреблен., р. к.	Стоим. 2.700 кал. по вольным ценам *), р. к.	Реальн. %% пайка, покуп. по вольным ценам.	Стоим. доли вольн. потребл., р. к.	Итого стоим. всего пайка, р. к.	Коэфф. повышен. по сравнен. с довоенным времен.
А. Уездные города Советской России.								
1919 г.								
Январь	3,05	27	—,82	12,17	73	8,88	9,70	57
Апрель	2,94	32	—,94	23,85	68	16,22	17,16	101
Июль	3,97	20	—,79	45,16	80	36,13	36,92	217
Октябрь	7,07	19	1,34	80,93	81	82,54	83,88	493
1920 г.								
Январь	7,00	24	1,68	201,11	76	152,84	154,52	909
Апрель	9,42	26	2,45	392,17	74	290,08	292,53	1.721
В. Губернские города Советской России.								
1919 г.								
Январь	5,02	19	—,95	18,44	81	14,94	15,89	93
Апрель	4,10	31	1,27	34,02	69	23,47	24,74	146
Июль	5,00	22	1,10	63,24	78	49,33	50,43	297
Октябрь	7,13	21	1,50	104,48	79	82,54	84,04	494
1920 г.								
Январь	10,23	20	2,05	261,26	80	209,01	211,06	1.242
Апрель	9,77	29	2,83	543,47	71	385,86	388,69	2.266

*) Стоимость 2.700 калорий по вольным ценам взята с понижением цифр таблицы № 2 на 25% по изложенным выше соображениям.

составляет, в среднем, за последние 1½ года до 25%, а второе— 75%. Между тем, это предположение весьма близко к действительности.

Что касается крупных городских центров (губернских городов), то здесь, как можно видеть из таблицы № 6, нормированное потребление колеблется во времени от 19% до 31% со средней около 22%.

Но и для сельских местностей этот % сравнительно мало отличается от указанного.

Здесь мы имеем материалы обследования питания сельского населения с сентября 1919 г. по январь 1920 г., произведенного отделом статистики потребления и распределения Центр. Стат. Упр. под руководством А. Е. Лосицкого.

Материалы эти были переработаны по моим заданиям по трем выборочным губерниям различных экономических полос России и дали следующие результаты.

В общем количестве продуктов, приобретенных со стороны крестьянского населения (т. е. полученных не из собственного хозяйства), было приобретено, в процентах числа калорий:

Губернии.	По нормир. ценам.	По вольным ценам.	Безденежн. (путем обмена, плата за труд и т. д.).	Всего приобретен. со стороны.
	В	процентах.		
1. Новгородская .	12,7	43,7	43,6	100
2. Владимирская.	7,1	65,3	27,6	100
3. Симбирская . .	13,6	52,6	33,8	100
В среднем .	11,1	53,9	35,0	100

Если взять здесь только денежные приобретения, то соотношение нормированного и ненормированного потребления окажется следующим:

Губернии.	По нормированным ценам.	По вольным ценам.	Всего денежных приобретений.
	В	процентах.	
1. Новгородская. . .	22,5	77,5	100
2. Владимирская . .	9,8	90,2	100
3. Симбирская. . . .	20,5	79,5	100
В среднем . . .	17,6	82,4	100

Таким образом, несмотря на резкое отличие обще-экономической характеристики потребления деревни от потребления города, соотношение долей нормированного и ненормированного потребления в денежных приобретениях деревни, а только она здесь и интересует нас, оказывается мало отличающимся *) от соотношения их в приобретениях города.

А это дает нам основание считать выведенные коэффициенты движения цен исчисленными правильно не только для городского населения, но и для всей массы населения исследуемой территории.

V. Проверка полученных коэффициентов.

Следует, однако, как-либо проверить, насколько вероятными по всей совокупности экономических отношений являются полученные коэффициенты движения денежных бюджетов населения в качестве коэффициентов повышения общего уровня цен или, что же, обесценения всей бумажно-денежной массы.

Для такой проверки мы прибегаем к следующему методу:

Постараемся определить,—хотя бы в самых приблизительных величинах и насколько это представляется возможным по самой суммарной оценке основных экономических характеристик современности,—какова потребность денежных знаков современного товарного оборота. Или точнее: какая реальная величина (ценность) денежной массы требуется в настоящее время для товарного оборота применительно к изменившимся условиям этого последнего.

До начала мировой войны всего в России в обращении находилось денежных знаков всех видов (золота), кредитных билетов и разменной монеты (на 1 июля 1914 г. на 2.335 миллионов руб.). С сокращением территории ее в 1918—1920 гг. основное ядро Советской России (30 с лишним губерний), которое при всех колебаниях военно-политических пределов оставалось единым комплексом,

*) Понижение на некоторый % средней нормированного потребления деревни против города об'ясняется, как видно из таблицы, понижающим влиянием данных по Владимирской г. Между тем уклонение ее цифр от нормы других губ. имеет свое об'яснение в допущенной здесь неточности самого исчисления. В то время, как по вторым другим губерниям приобретения исчислялись не только по отдельным экономическим группам обследованного числа дворов (беспосевные, малопосевные, средние и многопосевные), но и с приведением соотношения их к реальному соотношению этих групп по всей массе дворов данной губернии, по Владим. губ. последнее приведение нельзя было произвести за отсутствием данных о соотношении числа дворов различных групп по всей губернии. Поэтому, на выведенную погубернскую среднюю здесь оказало через-чур большое влияние потребление многопосевных, т. е. наиболее зажиточных дворов с их по преимуществу ненормированными закупками.

то ядро, по отношению к которому нами исчислялись движения общего уровня цен, охватывало население в 80—90 миллионов человек, т. е. менее, чем половину всего населения до-военной России с ее 180 миллионами жителей. Тем самым потребность в денежных знаках сокращается также больше, чем вдвое, круглым счетом до 1.100 миллионов полноценных рублей (понимая под полноценностью их полную до-военную ценность).

Но, на-ряду с сокращением территории и в пределах ее под влиянием военного истощения, прежде всего, резко сокращается и само товарное обращение. На 3 Всеросс. С'езде Советов Народного Хозяйства в январе 1920 года председатель В. С. Н. Х.— А. И. Рыков определил жизнь и деятельность промышленности России около 30% ее нормальной величины. Однако, эта цифра относилась к предшествующему периоду, к концу же зимы она понизилась еще более и в апреле 1920 г. вряд-ли превышала 15—20%. Однако, и из этой нормы значительная часть производства шла на нужды обороны и обращалась не в порядке денежного товарообмена, а без денежного снабжения. В товарное же обращение (нормированное и ненормированное) в это время поступала лишь совершенно незначительная доля промышленной выработки. Частичное обращение изделий промышленности пополнялось еще вовлечением в обмен некоторой части запасов одежды, домашней утвари разного рода и т. д., имевшихся ранее у городского населения и сбывавшихся теперь в деревню для покрытия своего пищевого бюджета. При всем том, однако, товарное обращение промышленных изделий явно не превышало 10—12% его до-военной нормы.

Товарное обращение продуктов сельского хозяйства было значительно выше. Однако, при сокращении сельско-хозяйственной продукции процентов на 20% и относительном повышении нормы потребления в деревне, товарное обращение (нормированное, ненормированное) ее продуктов можно считать приближающимся к 40—45% нормального.

Если учесть при этом еще устранение иностранного ввоза и вывоза, то окажется, что в общем итоге товарное обращение на территории Советской России сократилось к апрелю 1920 г., примерно, до 25% до-военной нормы.

Это дает дальнейшее понижение потребности в денежных средствах в четыре раза, что составит, при нормальной потребности данной территории в 1.100 миллионов руб., уже только 275 милл. полноценных рублей.

И, наконец, еще один момент: сократившееся вчетверо товарное обращение далеко не полностью совершается ныне при помощи денег. Весьма значительная часть обмена натурализировалась и совершается безденежно.

О норме такой натурализации обмена весьма точное представление дают приведенные выше цифры безденежных приобретений деревни. Основной сферой натурального обмена является не внутренний обмен в деревне или городе, а важнейшая сфера всего товарного обращения современности — обмен **между** городом и деревней. Именно поэтому натурализация приобретений деревни является показательной и для города, значит, и для всего товарообмена в целом. Как мы видели выше, она равна 35%.

Только 65% товарного оборота совершается при помощи денег и, стало быть, только 60% обычной потребности оборота в деньгах имеется на-лицо. При найденной выше сумме в 275 миллионов, покрывающей всю потребность оборота при полной денежности его, 65% денежности составит $178^3/_4$ **милл. рублей.** Такова теоретически определимая реальная потребность в деньгах современного (считая на апрель 1920 г.) оборота и **таковой же теоретически должна быть реальная ценность любой обращающейся в стране бумажно-денежной массы.**

Насколько же соответствует этой норме действительная ценность бумажной массы, если применить для оценки ее найденный нами выше коэффициент обесценения, равный в апреле 1920 г.— 1.721.

Здесь я принужден, во исполнение возложенных обязанностей, заменить некоторые цифры буквами.

На 1 мая 1920 г. общая сумма выпущенных в обращение бумажных денег равнялась x миллиардов рублей, считая только выпущенные из обще-российского центра.

Эта денежная масса распределилась по территории старой России чрезвычайно неравномерно. Прежде всего, ряд окраин был с давних пор совершенно изолирован от притока новой денежной массы. Таковы прибалтийские государства, Польша, Бессарабия, Крым, Кавказ, Туркестан, Дальний Восток.

Другие территории и после воссоединения их с центральной Россией пользовались местными денежными знаками, и хотя сюда в определенные периоды вливалась часть эмиссии цен, но самый уровень цен, в 3—4 раза низший, чем в центральной России,

показывает, что насыщение денежной массой здесь значительно ниже, чем в центре.

И действительно, по точным сводкам отправок денежных знаков с октября 1918 г. по конец марта 1920 г., в Сибирь, Туркестан, на Украину, Дон и Северный Кавказ было всего отправлено у миллиардов рублей.

Если даже принять во внимание, что часть денежной массы приливала сюда в оплату за извлекаемые из этих местностей товары, то все же окажется, что из числа центральных эмиссий здесь к началу мая 1920 г. находилось не свыше общей суммы в х миллиардов рублей, т. е. миллиардов процентного %—1 a.

За вычетом этой части на территории Советской России остается р миллиардов рублей.

Какова действительная ценность этой минимальной суммы, мы узнаем путем деления ее на найденный нами коэффициент обесценения денег (роста общего уровня цен) на этой же территории в этот же период времени—на 1721 г. x : 1721 = 9.

Такова ценность в до-военной валюте денежной массы основного ядра Советской России, если верен исчисленный нами коэффициент обесценения.

А что он верен, доказывает уклонение лишь на небольшое число %%—2 полученной цифры реальной ценности денег от найденной нами выше совершенно иным путем, на основе обще-теоретических соображений о величине потребности современного оборота в деньгах: ее мы определим в 178¾ миллиона до-военных рублей.

Теоретически допустимая разница между должной (определяемой) и реальной ценностью денег может быть, конечно, гораздо значительнее без всякого ущерба для эмпирически исчисленного коэффициента обесценения.

Такая разница может быть об'яснена не только конкретными данными условий мест и времени, но и многими принципиальными соображениями.

VI. Значение и использование коэффициентов.

Таким образом, проверка найденных нами коэффициентов обесценения бумажных денег в 1919—1920 гг. вполне подтверждает всю реальность значения их.

Однако, нужно иметь в виду, что они отражают в себе обесценение всей денежной массы в целом или, что то же, движение всей совокупности товарных цен.

Поэтому они могут применяться для определения реальной ценности либо всей массы денежных оценок каждого данного периода, либо таких совокупностей цен, внутреннее строение которых аналогично строению совокупной системы цен по соотношению в них вольных и нормированных долей.

Те же группы денежных оценок, в которых это соотношение сколько-нибудь значительно меняется в ту или иную сторону, должны быть и перечисляемы по иным коэффициентам.

Так, напр., особенно важная группа оценок, в которых выражаются расходы различных государственных органов и ведомств, явно не может быть расшифрована при помощи этих коэффициентов. Ибо здесь, как не меняется соотношение твердых и вольных цен в зависимости от рода деятельности органа, все же в общем первое играет явно преобладающую роль. Поэтому для перечисления таких совокупностей цен необходимо предварительное выяснение их внутренней экономической структуры. Только после этого можно вывести тот взвешенный коэффициент, который вскроет нам их истинную экономическую величину.

Тезисы.

1. Определение нормы обесценения русской бумажно-денежной валюты в период 1918—1920 гг. возможно лишь на основе исчисления коэффициентов повышения общего уровня всей обще-национальной совокупности товарных цен, учитывая при этом все многообразие элементов, из которых этот общий уровень цен построяется.

2. Система цен товарного обращения истекшего времени характеризуется двумя основными моментами:

1) во-первых, размежеванием ее на две различные организационные сферы—сферу государственно-централизованного снабжения по декретируемым из центра твердым ценам и сферу децентрализованного—частно-хозяйственного товарообмена по ценам вольного рынка

2) и, во-вторых, раздробление единого национального рынка и единого народно-хозяйственного уровня цен на весьма значительное количество местных рынков со своими местными уровнями цен.

3. Разработка теоретических проблем статистики цен привела экономическую мысль Запада к формулировке двух основных методов взвешивания отдельных групп денежных расценок товаров

сообразно относительной роли самих представляемых ими товаров в общей совокупности товарного обращения.

Первый метод, англо-германский метод, Conrad'a, Sauerbeck'a—пытается учесть абсолютные величины всех групп товарного обращения в данном народном хозяйстве, пользуясь статистикой производства ввоза и вывоза и т. д. отдельных товаров.

Второй метод, американский, предложенный нью-йоркским проф. Falkner'ом, ищет отражения обще-национальных соотношений обращения отдельных товаров в средне-нормальных ячейках этой совокупности—технических индивидуальных хозяйств и их потреблений.

Первый метод даже при устойчивости экономических отношений и значительном развитии статистического аппарата на Западе не всегда находит нужную полноту материалов, так что ряд недостающих материалов приходится заменять глазомерными оценками. Тем более неприменим он по отношению в России последнего времени, где единственно реализуемым можно считать поэтому только второй метод.

4. Территориальные пределы для сводки чрезвычайно разнообразных цен местных рынков в совокупной и единой народно-хозяйственный уровень цен полагаются для рассматриваемого периода политическими и военными границами существующих на территории до-военной России образований. Ибо основным условием взаимозависимости элементов общего уровня цен является единство денежного обращения, образующего фундамент той или иной системы цен. Поэтому окраины России, бывшие в течение 1918—1920 гг. изолированными от центрального ядра, могут быть включаемы в общую систему исчисления лишь по прошествии определенного периода времени по воссоединении их с центром. Такой период определяется сроком восстановления если не единства товарного обращения, вообще чрезвычайно слабого на территории России, то единства господствующей экономической системы, представляющейся, с точки зрения путей денежного обращения, прежде всего системой финансирования народно-хозяйственного и государственного механизма.

5. Из всех материалов регистрации цен истекшего периода наиболее полными во времени и пространстве и методологически доброкачественными являются материалы Наркомтруда, в которых цены продуктов взвешиваются по долям участия каждого продукта

в среднем пищевом бюджете, установленном обследованием конца 1918 г.

Однако, зарегистрированные здесь вольные цены следует признать превышающими истинный средний уровень таковых. Это вызывается, во-первых, почти неизбежным бессознательным учетом лишь высших среди существующих цен — ошибка, зависящая от особой характеристики данных органов регистрации местных цен и сознания зависимости ими высоты устанавливаемых для данной местности тарифов от уровня регистрируемых цен, и, во-вторых, чрезвычайной узостью круга наблюдения, неизбежно захватывающего лишь открытую часть вольного рынка с ее наиболее высокими, оплачиваемыми наиболее зажиточными кругами потребителей, — ошибка, неизбежная для всех наличных сводок регистрационных цен.

6. Твердые цены продуктов, получаемых по карточкам, должны быть учитываемы не на основании норм, диктуемых из центра, а на основании такого же обследования на местах, как и цен вольных. Ибо, с одной стороны, фиксированные нормы центра фактически подвергались на местах изменениям и начислениям, и, с другой стороны, при различии коэффициентов повышения твердых цен, по сравнению с до-военным временем, реальный коэффициент повышения общей суммы затрат населения на нормированные продукты будет совершенно различен в зависимости оттого, какой конкретный комплекс продуктов выдается в том или ином месте.

7. Умножение стоимости пищевого пайка по вольным и твердым ценам на те доли его, которые реально приходятся в среднем потреблении на нормированные и ненормированные продукты, дает взвешенную совокупность денежных затрат населения. Повышение этой последней, по сравнению с затратами и до-военного времени, дает коэффициенты повышения общего уровня цен или, что то же, обесценения денежных знаков.

8. Деление обращающейся на исследуемой территории суммы денежных знаков на полученный коэффициент обесценения даст реальную до-военную ценность всей обращающейся денежной массы.

Поэтому правильность коэффициента может быть проверена исчислением реальной потребности в денежных знаках товарного обращения современности. Исчисление таковой потребности с учетом трех моментов: a) сокращения территории, b) сокращения обращающейся товарной массы и c) сокращения денежности товарного оборота—это исчисление даст цифры, весьма близкие к циф-

рам реальной ценности выпущенной в обращение денежной суммы, полученной путем деления их абсолютной суммы на найденный коэффициент обесценения.

Приложение.

Стоимость прожиточной нормы в апреле 1920 года по вольным ценам.

Москва	1.175 р. 05 к.	100
Губернские города.		
1. Центр.-пром. район .	923 р. 16 к.	79
2. Северный	1.089 » 53 »	93
3. Белорусский	1.062 » 42 »	90
4. Центр.-землед. . . .	509 » 22 »	43
5. Ср.-Волжск.	448 » 60 »	38
6. Приуральск.	314 » 79 »	27
По России	724 р. 62 к.	62
Уездные города.		
1. Центр.-пром. район .	741 р. 42 к.	63
2. Северный	797 » 14 »	68
3. Белорусский	516 » 90 »	44
4. Центр.-землед. . . .	514 » 77 »	44
5. Ср.-Волжск.	450 » 81 »	38
6. Приуральск.	196 » 36 »	17
По России	536 р. 23 к.	46

С. А. Фалькнер.

Вольные цены и покупательная сила русского рубля в годы революции (1917—1921 гг.).

Доклад С. А. Первушина, прочитанный 23 сентября 1921 г.*).

Динамика цен в эпоху русской революции, представляя, конечно, огромный самодовлеющий интерес, как проблема чисто идиографическая, в то же самое время имеет очень большое значение и для номографии, для теории хозяйства в частности, для теории денег и бумажно-денежного обращения.

Между тем, именно революционная эпоха представляет совершенно исключительные трудности для правильного учета и регистрации цен. И не случайность, что эпоха Великой Французской Революции, вообще сравнительно слабо изученная в экономическом отношении, дает наиболее скудный материал **именно в области цен**.

Отдельные единичные записи хозяек, дошедшие до нашего времени, да случайно сохранившийся счет завтрака и обеда 16 членов Комитета Общественного Спасения от 26 октября 1795 года—вот те немногочисленные «статистические» материалы, коими, по необходимости, пользуются исследователи хозяйственной истории Французской Революции—Levasseur, Taine, Rene, Stourm **), проф. Кареев, Тарле и др.

В переживаемую, однако, нами сейчас в России эпоху регистрации цен уделяется сравнительно довольно значительное внимание, и, несмотря на то, что «цены» эти до самого последнего времени были формально нелегальны, носили подпольный характер, их регистрацией занимался целый ряд учреждений, с Центральным Статистическим Управлением во главе.

*) Доклад дополнен позднейшими цифрами.
**) См. R. Stourm «Les finances de l'ancien régime et de la révolution».

Эта регистрация «незаконных вольных» цен была неизбежна. Несмотря на формальное поглощение вольного рынка нормированным, процесс, начало которого восходит еще к царскому правительству, затем быстро развивается в эпоху Временного Правительства и достигает своего апогея после Октябрьской революции при Советском Правительстве,—несмотря на это, вольный рынок не только не исчезает, но, наоборот, при содействии «мешечничества», сначала неорганизованного, стихийного, кустарного, а затем и недурно сорганизовавшегося, захватывает одну позицию за другой. Страна покрывается густой сетью мешечничества, а в столице Республики—в Москве—со сказочной быстротой вырастает «Сухаревка», ежедневные обороты которой уже к апрелю 1919 г., по заведомо сильно преуменьшенным *) исчислениям Московского Совета, достигают пяти с половиной — шести миллионов в день, или на наши деньги (по ценам 1/VII 1921 г.) около двух миллиардов в день.

В последующие месяцы развитие «Сухаревки» идет во все возрастающем темпе, и даже полная ее ликвидация в конце 1920 года практически по истечении небольшого промежутка времени приводит лишь к ее перемещению на Сенной рынок, а затем на Трубную площадь и к расширению «сферы влияния» Смоленского рынка.

Массовые обследования питания, периодически производившиеся Отделом распределения и потребления Центрального Статистического Управления, неопровержимо указывают, что большую часть питательных веществ (выраженных в калориях) население получало через «вольный рынок» **).

Так, по обследованию питания в среднем по городам приобретается по твердым ценам лишь 40% общего потребления хлеба, причем по отдельным городам замечаются значительные колебания: Москва—37,2%, Московская губерния (города)—21,3%, Петроград—54%, Псковская губерния—33,9%, Смоленская—19,7%, Ярославская—40,75% **)... Для некоторых крупнейших городов в 1920 г. осенью, в связи с более успешным извлечением хлеба Компродом путем разверстки, эта норма снабжения хлебом по твердым ценам на короткий период несколько повышается, к началу

---

*) Сделки с драгоценностями сюда, разумеется, не вошли.

**) См. П. И. Попов «Питание городского населения Советской России», «Материалы и обзоры экономической жизни» 1919 г. № 2, см. также работы А. Е. Лосицкого в печатных органах Ц. С. У., в Бюллетенях Ц. С. У. №№ 18, 28, 31, 34 и в «Вестнике Статистики» №№ 3—4, 6, 8, 9—11.

и особенно к весне 1921 года вновь резко падает. В среднем, для всего обследованного «советского» периода для всего городского населения эта норма может быть принята в 25—28%, или одну четверть действительного потребления хлеба. По Москве, по исчислениям А. Е. Лосицкого, норма «хлебного снабжения колеблется для рабочих от 34,5% (март 1919 г.) до 22,6% (июль 1919 г.) и 29% май 1920 г. Для прочего населения—34% (1919 г.) и минимум 9,4% (май 1920 г.). В отношении других продуктов, как-то: мяса, масла, сахара доля «твердого» рынка, конечно, гораздо ниже.

Нижеследующая таблица выдач продуктов питания по карточкам в один из наиболее благоприятных в этом отношении периодов—за август—ноябрь 1919 года—по 166 городам и 37 губерниям Советской России ярко подтверждает сказанное *).

Выдано продуктов питания по карточкам.

РАЙОНЫ.	Число обследованных:			Средняя норма выдачи (в тыс. калорий в месяц).
	губерний.	городов.	местечек.	
1. Северный	7	24	47	13,9 тыс. кал.
2. Центрально-промышленный . . .	8	48	89	14,6 » »
3. Центрально земледельческий . . .	7	34	58	16,6 » »
4. Западный	3	14	27	19,7 » »
5. Поволжье	5	22	46	23,7 » »
6. Приуральский . .	5	22	40	25,6 » »
7. Западно-Сибирский.	2	2	3	46,7 » »
Итого . . .	37	166	310	18,4 тыс. калор.

*) Данные Наркомпрода (в извлечении таблица приводилась в газ. «Экономическая Жизнь» февраль 1920 года).

Таким образом, на долю «твердого» рынка, в среднем, за весь советский период приходится около 20—25% всего фактического потребления, исчисляемого 78—80 тыс. калорий в месяц. Вряд-ли приходится доказывать, что для других категорий потребностей (обувь, одежда, утварь, белье) эта норма еще ниже и, во всяком случае, не выше. Остальное приобретается на вольном «нелегальном» рынке и по так называемым «спекулятивным» ценам *). Вольным рынком пользуются повсюду не только обыватель, но нередко даже и правительственные учреждения сначала «в обход декретов», а в последнее время и в согласии с последними.

Таким образом, вольные цены изучаемого нами революционного периода — явление подлинно массового характера, а потому их изучение приобретает исключительный интерес.

Однако, прежде, чем перейти к анализу движения цен, мы остановимся на двух предварительных вопросах: 1) об источниках статистических сведений о движении цен и 2) о методах целесообразной их обработки при посредстве метода так наз. Index numbers.

Основными источниками для анализа цен до-военного периода и первых годов войны являются, конечно, «Своды товарных цен»...**), издававшиеся ежегодно М-вом Торговли и Промышленности, данные «Торгово-Промышленной Газеты», наконец — для Москвы «Бюллетени» Городской Управы о справочных ценах ***). Для военных годов (1914—1916) сюда надо присоединить ряд специальных изданий, как-то: «Труды Комиссии по изучению дороговизны» I—IV том (изд. о-ва имени А. И. Чупрова), исследования Экономического Отдела Всеросс. Союза городов, материалы и исследования Всеросс. Центрального Союза Потребительн. Обществ.

В первый год революции (1917) большинство указанных органов формально продолжает собирать сведения (в частности, оба столичные статистические бюро); однако, работа в этом направлении по целому ряду причин расстраивается, в результате чего за ряд месяцев 1917 года сведения о ценах отсутствуют

*) Богатейший материал, подтверждающий сказанное, читатель найдет в недавно вышедшем «Статистическом Ежегоднике за 1918—1920 гг.» изд. Центр. Стат. особенно главы VII (А. Е. Лосицкого) и XI (А. Т. Михайловского).

**) Свод товарных цен на русских и иностранн. рынках за . . . г.

***) Мы здесь не перечисляем различных местных изданий о «местных» городских и сельских ценах (напр., в городских и земских сборниках и ежегодниках).

даже по столицам, напр., Москва. На отсутствие регулярной регистрации цен, впрочем, уже в первой половине 1917 г. обращает внимание Отдел Торговли М-ва Торговли и Промышленности. По приглашению последнего около 200 общественных учреждений (биржевые комитеты, сельско хозяйственные общества, земства...) взяли на себя труд по собиранию и телеграфированию отделу цен в местностях их расположения на 1, и 15 число каждого месяца. Уже в сентябре эти цены были опубликованы в № 1 Бюллетеней *). Однако, номер первый оказался и последним...

Сведения о ценах за конец 1917 г., за 1918 г., а также первые месяцы 1919 г., т. е. до того времени, когда окончательно сконструировался Отдел Торговли Центрального Статистического Управления, приходится черпать из самых разнообразных источников, далеко неравноценных. Здесь можно отметить три группы источников. Во-первых, данные, собираемые отдельными Комиссариатами и публикуемые в многочисленных «Бюллетенях» и «Известиях» и «Материалах по статистике» различных Комиссариатов, в особенности данные Комиссариата Труда (сводки отдела текущей статистики), затем данные наших продовольственных органов: 1) „Известия Комиссариата Продовольствия", 2) „Известия Московского областного продовольственного Комитета", 3) Бюллетени Продовольственного Отдела Моск. Горсовдепа и 4) „Продовольственное дело"—орган Городского Продовольственного Комитета (в 1919 г. эти издания были об'единены).

Ко второй группе источников относятся данные, собираемые кооперативными организациями: «Известия Народного Банка» (1918 г., № 1 — 2), анкеты Центросоюза, публикуемые впоследствии в «Бюллетенях Центросоюза».

К третьей группе относятся сведения, собираемые газетами через своих корреспондентов и публикуемые в столичных и местных газетах. Сюда относится специальная анкета о местных ценах газеты «Власть Народа» в апреле 1918 года (под руководством проф. Л. Б. Кафенгауз), среди этого рода материалов центральное место занимает газета «Экономическая Жизнь», которая в течение 1919 года и начала 1920 г. давала регулярные почти еженедельные сведения о вольных ценах по Москве и Петрограду, а со второй половины 1919 г. публиковала собранные чрез специальных

*) Министерство Торговли и Промышленности «Цены главнейших товаров на русских рынках». Цены к 15 июля 1917 г. № 1. 1918.

корреспондентов сведения из целого ряда провинциальных центров: Тверь, Тамбов, Пенза, Симбирск, Киев, Харьков и т. д. *). Некоторое значение для этого периода имеют также и провинциальные советские органы, среди них: «Тульский Коммунар», «Красный Мир» (Кострома), «Рабочий Край» (Иваново-Вознесенск), «Голос Труда» (Александров, Владимирской губ.) и т. д.

Со второй половины 1919 года центральным источником, которым мы и пользуемся, главным образом, в этой работе, являются данные, собираемые Отделом Торговли Центрального Статистического Управления под руководством В. В. Авилова и публикуемые в его оффициальном органе «Бюллетенях».

Параллельно с Ц. С. У. в 1920 и 1921 гг. данные о ценах непосредственно собираются Комиссариатом Труда, Центросоюзом и Наркомфином (конец 1920 и 1921 года). Данные Центросоюза публикуются в «Бюллетенях Центросоюза», затем в «Известиях Московского Потребительского Общества» (раньше «Известиях Коммуны»). Наконец, с 1920 года организовал самостоятельное тщательное наблюдение над московским рынком и кон'юктурный институт при Петровской Сельско-Хозяйственной Академии. Сопоставление этих «параллельных» источников, каковое мы проделали выборочное для 20—25% использованных материалов, приводит нас к убеждению, что цифры, публикуемые указанными учреждениями, довольно реальны и если и несколько грубо, то, во всяком случае, довольно правильно отражают факты подлинной жизни.

Основной недостаток этих материалов состоит в том, что они касаются, главным образом, лишь предметов продовольствия—сведения о непродовольственных продуктах собираются нерегулярно. Дополнительные сведения приходится, поэтому, черпать в местных органах, как-то: «Вестник Самарского Губстатбюро», «Бюллетени Статистического Управления Татарской Совреспублики» (Казань), Журнал «Экономическая Жизнь» (Саратов). Для непродовольственных продуктов существенное значение имеют также рукописные материалы Статистического Отдела Наркомтруда и Наркомфина—телеграфные донесения губфинотделов. Местные органы печати являются единственным источником цен для окраин, занимавшихся «белыми». Здесь отметим «Бюллетени статистики труда Украины» (затем «Материалы по статистике труда»), статистические Бюлле-

*) Сводки этих материалов были сделаны в специальном приложении в «Экономической Жизни»—«Материалы и обзоры» «Экономической Жизни» № 1, 2 и 4-й.

тени по городу Киеву (Киевское Губстатбюро), «Рост цен на продукты продовольствия в г. Екатеринодаре с 1914 г. по 1 января 1920 г.» (изд. Стат. Эконом. Отдела Торговли и Промышленности), далее «Цены на продукты и скот в Кубанском крае» (ряд выпусков).

В общей сложности все перечисленные источники дают богатый и довольно надежный материал, безусловно ожидающий самого детального изучения *). Методы изучения этого материала, способ статистической обработки последнего и составляют, естественно, второй чрезвычайно важный предварительный вопрос. Здесь перед нами стоит, в сущности, целый ряд вопросов: I) какие продукты, какие сорта и по каким районам изучать, II) как велики должны быть интервалы между отдельными регистрациями (неделя, две, месяц) и каковы должны быть группировки во времени (месяц, четверть года, полугодие), III) какой год и число должны быть взяты за основание, IV) необходимо ли составление индексов и какого рода — простой или с взвешиванием, в последнем случае — каковы должны быть принципы взвешивания, наконец, V) в какой валюте выражать наши цены: современной бумажной, в хлебной или в так называемых золотых эквивалентах?

Все эти «общие» вопросы требуют чисто конкретного разрешения в применении к конкретным заданиям и условиям и должны быть основаны на предварительном тщательном изучении самого материала.

Итак, прежде всего, относительно выбора продуктов. К сожалению, только столицы позволяют охватить за весь обследуемый период времени как продовольственные, так и непродовольственные продукты. По остальной России о непродовольственных продуктах имеются сведения лишь для отдельных городов с значительными перерывами во времени и для очень небольшого количества продуктов (ситец, мыло, керосин, галоши, сапоги, валенки).

Далеко неодинаковы и интервалы между отдельными случаями регистрации цен: для Москвы — неделя, для значительного большинства городов 1 и 15 числа каждого месяца, по крайней мере с момента организации статистики цен в Ц. С. У., для некоторых же городов эти интервалы равны месяцу (даже двум, трем). Поэтому

---

*) Такое детальное изучение накопившегося материала не под силу одному лицу, и на свою работу мы смотрим, как на грубую первоначальную попытку, за которой должны последовать другие, более обстоятельные, коллективные исследования, которых материал заслуживает.

в нашей работе мы имеем три типа таблиц: 1) простейшая таблица, охватывающая важнейшие продовольственные лишь продукты — это для всех обследуемых нами районов; 2) «усложненная таблица — со включением ряда непродовольственных продуктов для отдельных «типичных» городов (Казань, Самара, Ставрополь, Саратов, Харьков), наконец, 3) более подробная и сложная таблица по Москве и Петрограду. Эта последняя таблица не только охватывает значительное количество как продовольственных, так и непродовольственных продуктов, ее отличие еще и в том, что в ней интервалы между отдельными регистрациями цен значительно короче (неделя—две).

Первая и основная наша таблица (по всем районам) охватывает лишь пять-шесть важнейших продовольственных продуктов.

В Бюллетенях Ц. С. У.—основном нашем источнике сведений о ценах—сообщаются данные по двадцати продуктам *); однако, тщательное изучение самого материала, необходимость выбирать лишь ходовые «товары» и «сорта» заставили нас уже в процессе работы значительно сузить число предметов для вывода «средней» упомянутыми пятью—шестью предметами, наиболее часто регистрируемыми; того же «сокращения» требовали и другие соображения: необходимость соблюсти известную элементарную пропорциональность **) в «представительстве» отдельных групп и сортов товаров в зависимости от сравнительной их эластичности. Так, из числа мало эластичных продуктов мы выбрали картофель, ржаную муку, и, где были сведения, соль; из числа средне и высоко эластичных— коровье масло и мясо. Наконец, к перечисленным продовольственным продуктам в нашей окончательной таблице районных колебаний уровней цен мы присоединили также и цены на ткани на основании данных Наркомтруда и Наркомфина. Таким образом, нам

*) Ц. С. У. запрашивают сведения о ценах на значительно большее число продуктов; однако, сколько-нибудь регулярные ответы получаются для 20—25 ходовых продуктов, каковые и разрабатываются для «Бюллетеня».

**) В этом отношении регистрация Ц. С. У. несколько односторонняя, они не включают таких важных и ходовых продуктов, как сахар, яйца, молоко, если не говорить о сравнительно коротких промежутках времени, когда имеются сведения и по этим продуктам. С другой стороны, они слишком подробно регистрируют отдельные сорта зерновых продуктов. Вот эти 20 продуктов, регистрируемых Ц. С. У.: мука ржаная, мука пшеничная, рожь, пшеница, овес, ячмень, пшено, гречневая крупа, картофель, масло коровье, масло растит., мясо, конина, сало говяжье, сало свиное, солонина, соль, мясо баранье, мясо свиное, пшеничный хлеб. Далее желательно более подробное указание на сорта, напр., гречневая крупа (какая).

индекс, это—индекс из наибольшего числа типичных продуктов, наиболее ходовых в современных условиях рынка.

В виду огромности территории и резкого различия экономических и бытовых условий, а также большой оторванности районов друг от друга в связи с транспортной разрухой (т. е. в условиях разрыва хозяйственных связей), мы берем только «порайонные» индексы, в пределах же района мы сосредоточиваем изучение на «типических» губерниях и городах, по возможности, с подразделением последних на крупные и мелкие.

Изучение материала показало, что внутри-губернские и внутри-районные колебания цен нередко значительно превышают межрайонную колеблемость цен по соответствующим продуктам. По некоторым губерниям расстояние между максимумом и минимумом цен (по городам) превышает 300—400% **при отсутствии какой-либо серединной величины**, какой-либо мод'ы. Из таких данных мы не находили возможным выводить погубернскую среднюю. В пределах других губерний колебания цен по отдельным городам на одно и то же число были в общем сравнительно умеренны, однако, отдельные города давали резкие «**односторонние**» уклонения в 5—6 раз от моды, что об'яснялось нередко особыми обстоятельствами гражданской войны (фронт, прифронтовая полоса, стоянки войск, бандитизм и пр.). Такие уклонения наблюдались и в сравнительно мирной нечерноземной полосе. Так, например, во Владимирской губернии неизменно довольно резко пониженные цены на хлеб давал Юрьев—Польский уезд—этот почти единственный черноземный оазис, случайно заброшенный в нечерноземную полосу. Эта особенность самого материала, а также и условий, в которых он собирался, заставила нас предпочесть в некоторых случаях пользование модами *), или, вернее, средними из так называемых «серединных» величин, отбрасывая крайние отклонения особенно, когда они носили ярко односторонний характер.

Что касается группировок во времени, то мы стремились придерживаться возможно, коротких (месячных) сроков, однако, не всюду это было возможно, благодаря отсутствию материала. Практически пришлось в большинстве случаев ограничиться регистрацией цен по сезонам сельско-хозяйственного года.

---

*) Разумеется, мы прибегали к этому крайне редко и, став на этот путь для отдельных губерний, мы следовали здесь ему на протяжении всего обследуемого «революционного» периода.

По третьему пункту относительно принципов выбора того или иного года за основание мы руководились следующими соображениями. Целый ряд параллельных заданий, которые, обычно, ставятся при такого рода анализах движения цен, требовали не одного какого либо, а целого ряда оснований. Начало 1914 г. или среднее за 1913—1914 сельско-хозяйственный год, как основание в целях сравнения с до-военными ценами, вряд-ли нуждалось в какой-либо аргументации. Но ограничиться только этим годом в качестве основания нам представлялось неправильным. Не говоря уже про «астрономические» относительные числа, которые получались при этом и основательно затушевывали бы интересные и характерные колебания цен позднейшего *) периода, мы считали необходимым взять за другое основание какой-либо год «советского» периода. Психологические, экономические, правовые, бытовые и социальные нити, преемственно связывающие социальные оценки на полулегальном «вольном» рынке советского периода с оценками и, следовательно, и ценами до-военного периода настолько тонки и слабы, что прямо затруднительно представлять себе движение цен за 1913—1921 годы в виде одной непрерывной кривой. Здесь дело не только в чрезмерном выпуске бумажно-денежных знаков и «обесценении» рубля. Грани, отделяющие «советские» цены от «несоветских» цен, значительно глубже: здесь мы имеем два типа явлений рынка, трудно соизмеримых между собою. Рассматривая «советский» период, как нечто обособленное, мы выбрали основанием для изучения цен начало 1920 года, ибо только к концу 1919 года «гражданская» война была перенесена на далекие окраины (Крым, Кавказ), а «Советская» Россия охватила большую часть прежней Европейской России. «Советский» рубль стал «законным» платежным средством на большей части прежней территории Российской Империи и вытеснил окончательно к этому моменту «царские», думские и керенские деньги, кои были тезаврированы и лишь котировались на узко-спекулятивном рынке, да и то не в качестве денежной счетной единицы, а, вернее, в качестве подпольного суррогата капитальных ценностей. К этому моменту была решена судьба донских денег, карбованцев и прочих «самостийных» знаков. Таким образом, валюта стала чисто советской валютой.

Январь 1920 года, как основание индексовых чисел, удобен также и в смысле сравнения с некоторыми европейскими индексами. Так, 1 января 1920 года принято за основание в германском

*) Наглядность диаграммы в таблиц последнего периода (1918—1921 гг.) при этом сводилась почти к нулю.

индексе газеты «Frankfurter Zeitung» и в итальянском индексе (проф. Bachi). Кроме указанных двух оснований (до-военный и январь 1920 года) мы считали бы правильным взять и май 1921 года, т. е. с момента перемены курса экономической политики и введения свободной торговли. Но это третье основание скорее «desiderata» к будущим исследованиям.

Итак, взяв два указанные нами основания —1913—1914 гг. и 1920 г., мы получали наши индексы путем простого суммирования «относительных» цен отдельных товаров. От «особых» взвешиваний мы отказались. Прием сложных индексов и «взвешиваний» в самое последнее время, «в целях уточнения анализа», широко распространен в нашей русской практике.

«Взвешиваниями» — в целях вычисления прожиточного минимума—пользуется в своих работах С. Г. Струмилин: в основу «весов» он кладет «калорийное» значение отдельных продовольственных продуктов в общем питании рабочего класса (см. С. Г. Струмилин—«Движение цен» в газете «Профессиональное Движение» № 5—8 (1919 г.).

По «струмилинскому методу», «в целях уже более широких», строят индексы отдельные местные учреждения (Саратовский Совнархоз, Екатеринодарское Статистическое Экономическое Управление, отдельные Губстатбюро, областные Наркомфины) и, таким образом, определяют падение покупательной способности и ценности рубля во столько-то раз. «Рубль в Казани (Екатеринодаре, Харькове) пал к такому-то сроку в столько-то тысяч или десятков тысяч раз»,—так обычно формулируются их выводы.

По внешне крайне сложной и логически недостаточно обоснованной формуле строит свои индексы и вычисляет коэффициент обесценения бумажных денег (К—Д) С. А. Фалькнер [1].

---

[1]) См. его «Методы определения ценности бумажных денег» — «Экономич. Жизнь» № 179, 1920 год.

$$К-Д\ \text{(коэфф. обесц. бум. денег)} = К+П\ \text{(коэфф. под'ема тов. цен)} =$$

$$= \left[\frac{(к^{+Т} \times зп^{Т}) + (к^{+В} \times зп^{В})}{ВП} \times \frac{П}{Н}\right] +$$

$$+ \left[\frac{(к^{+Т} \times з\,Кр.^{Т}) + (к^{+В} \times з\,Кр.^{В})}{В\,Кр.} \times \frac{Кр}{Н}\right]$$

Важнейшие условные обозначения: $ЗП^{Т}$ и $З\,Кр.^{Т}$ — это затраты пролетариата по твердым ценам: $ЗП^{В}$ и $З\,Кр^{В}$ — это их затраты по вольным ценам; ВКр и ВП —это денежный бюджет пролетариата и крестьян. Н—население.

В конечном итоге его «индекс» — это «бюджетный» индекс, т. е. «веса», пропорционален бюджетному значению отдельных продуктов. Для С. А. Фалькнера оборот равен сумме денежных бюджетов крестьян и пролетариата (положение само по себе совершенно неверное). Эту сумму он определяет, как видно из приведенной в примечании его формулы, на основании одиннадцати величин, из которых, строго говоря, только три последние величины— П (Пролетариат), Кр. (Крестьянство) и Н (Население)—независимы друг от друга. Все остальные девять величин, конечно, находятся в функциональной зависимости одна от другой. Особенно опасным представляется нам пользование в качестве независимых друг от друга величин такими элементами, как бюджет (денежный же...) пролетариата и крестьянства или «вольными» или «твердыми» ценами. Ведь, последние, в сущности, все время изменялись и их изменения шли в зависимости от вольных цен как этих самых продуктов, так и ряда других продуктов, входивших в состав издержек их производства *). По остроумному замечанию Л. Н. Кафенгауза, «твердые» цены —это те же изменчивые цены с той лишь разницей, что они знают лишь один вид изменения в сторону повышения, тогда как колебания вольных цен идут то вверх, то вниз.

Впрочем, нам здесь не столь важны те или иные ошибки в выборе элементов сложной формулы, важна лишь самая постановка вопросов. А в ней то и кроется основное недоразумение. Методы «взвешивания», если уже их применять, должны быть различны в зависимости от тех заданий, кои при этом ставятся. Одни «веса» нужны для грубого чисто конкретного исчисления прожиточного минимума—здесь нужен «бюджетный» индекс и, конечно, уже не только изменения стоимости 2.700 и 3.600 калорий в хлебе, мясе и т. д.; ведь человек даже в самых тяжелых условиях существования нуждается не только в пище, но и в одежде и помещении.

Пользование одними продовольственными продуктами здесь недостаточно, привлечение же других элементов бюджета резко изменяет установленные соотношения. Совершенно другие, однако, принципы «весов» должны быть положены в основу индекса, претендующего на учет изменений ценности рубля. Здесь пользование бюджетным индексом методологически совершенно неправильно и дает заведомо неверную картину. Здесь веса должны отражать оборот: по «Palgrave'у» веса должны быть пропорциональны

*) См. «Вестник Моск. Областн. Союза кооперативных об'единений» № 9. «К пересмотру твердых цен».

величине оборота каждого из товаров в течение года, считая по цене того же года [1]).

Этот оборот никогда не совпадает с суммой потребительных денежных бюджетов различных классов населения [2]) и отнюдь не пропорционален этой последней. Даже в так называемую «переходную» к социализму эпоху спрос учреждений, оборот с полуфабрикатами и сырьем—все это существенно меняет картину.

Поэтому-то «товарный» доллар [3]) Ihrwing'a Fischer'a, являющийся показателем изменений покупательной силы доллара, представляет собою не что иное, как известную модель рынка оборота: в него входят 27 предметов [4]): 1 кв. ф. дров, $^{1}/_{4}$ бушеля пшеницы, $^{1}/_{4}$ ф. мяса, $^{1}/_{2}$ ф. сахара, $^{1}/_{200}$ пары башмаков, $^{3}/_{7}$ ф. сена, $^{1}/_{4}$ унца кожи, 1 унц мыла, $^{1}/_{8}$ ф. хлопка, $^{1}/_{8}$ галлона керосина, $^{1}/_{18}$ унц. шерсти, 420 унц. каучука, $^{1}/_{2}$ унца меди, $^{1}/_{16}$ галлона 1% алкоголя и пр.

Итак, если бы мы точно знали размеры и органическое строение денежных бюджетов различных классов общества для каждого данного момента времени, если бы точно знали строение товарного рынка—модель оборота, то мы в указанных нами двух случаях и в целях уточнения анализа непременно пользовались двумя приемами взвешивания (по бюджету и по обороту). Но на самом деле этого нет, даже и в нормальное для рынка время и оборот и бюджет [5]) — величины достаточно подвижные, сами находящиеся в зависимости от ценности денег, а потому трудно уловимые. Это обычное несоответствие весов

---

[1]) Н. С. Четвериков. «Метод Index-numbers, как способ изучения изменения ценности денег».

[2]) Опять-таки не только пролетариата и крестьянства (а в нашу эпоху прочие слои населения), интеллигенция, врачи, советские служащие и пр. работники умственного труда, вовсе не «quantité negligeable» по численности и своеобразию их бюджета.

[3]) Ihrwing Fischer «The Stabilising the Dollar» 1920. Его же «Purchasing Power of money» 1909.

[4]) На русском языке имеется (хотя и очень краткое) хорошее изложение последней работы I. Fischer'a у Н. Л. в «Известиях Нар. Ком. Финансов» № 19/35 1920 год.

[5]) Значительные сомнения вызывает против себя и самый «бюджетный» метод определения весов в связи с обычной неточностью и часто недостаточной типичностью бюджетных данных. См. по этому поводу: С. А. Первушин—„Некоторые общие задачи бюджетной статистики в России" М. 1911, его же—„К вопросу о постановке бюджетных исследований" М. 1912, его же—„Из области методологической бюджетной статистики" СПБ. 1913, его же—„Мера точности бюджетных данных" М. 1913.

действительности особенно подчеркивает Flux в своей работе, посвященной index numbers *), и требует периодического from time to time пересмотра весов в целях их согласования с текущими изменениями в области потребления «to correspond with actual changes in consumption».

В настоящую же эпоху грандиозной ломки социальных и экономических отношений опасения Flux'а в особенности уместны.

И западно-европейская экономическая и статистическая мысль чрезвычайно оживленно обсуждает во время и после мировой войны вопросы об индексах, принципах взвешивания. Этому вопросу, в частности, уделяют очень большое внимание глава американской школы Irhwing Fischer, крупнейший современный западно-европейский экономист консультант и авторитет Лиги Наций — Cassel, один из выдающихся экономистов Германии — Вагнер, в современной Германии—проф. K. Diehl, глава английской статистической школы — Bowley, затем проф. Eulenburg, Hofmann, Ernst Kahn, Kuczinsky, проф. Silbergleit, Calwer, Günther, Schott, Elsas, Flux и целый ряд других экономистов и статистиков **). Понятно, мы не можем здесь входить в подробное рассмотрение и обсуждение тех методологических споров, кои возникли вокруг этого вопроса и еще продолжаются в наши дни. Здесь мы, по необходимости, должны ограничиться лишь самыми краткими справками о постановке этого вопроса на Западе. Без этих справок, думается нам, обойтись совершенно невозможно при решении поставленных нами вопросов в применении к современной русской конкретной действительности.

В настоящее время на Западе и в Америке широко практикуются как простые index'ы, так и сложные с взвешиваниями. К числу простых индексов относятся индексы—немецкие 1) Frankfurter Zeitung, 2) Conrad's Jahrbucher и 3) Index-Ziffern d. Statistischen Reichsamts, французский индекс, английские индексы Economist'а, Sauerbeck'а (journal of Royal Statistical Society), американский «Bradsstreet-index».

К числу взвешенных индексов относятся, прежде всего, английский индекс Labour-Gazette (Board of trade), индексы проф.

---

*) Modes of constructing index-numbers, „the Quarterly journal of Economus" vol XXI Boston 1907. В этом отношении Flux во многом развивает лишь мысли предыдущих исследователей, хотя бы Jevons'а.

**) См. Emil Hofmann «Indexziffern im Inland und im Ausland» Karlsruhe 1921; Bowley. «The changes of cost of living and the metods of then measurement» Journal of The Royal Statistical Society vol LXXXII May 1919; W. Flux «The measurement of price changes» Journ. of the Royal Statistical Society» March 1921.

Calwer'а («Monatliche» übersichten über Lebensmittelpreise»), проф. Jastrow'а (в «Arbeitsmarkt» с 1898 г.), индексы Kuczinsk'ого, затем индексы, вычисляемые имперским статистическим бюро «Reichsteuerungszahlen» или «Lebenshaltungsindexziffern der Deutschen Gemeinden mit 10.000 und mehr Einwohner» (на основании данных по 47 городам).

Подобно германскому имперскому статистическому бюро параллельно исчисляет два индекса (простой и сложный) «Statistische Zentralkomission in Wien».

Как правило, простые индексы употребляются для измерения ценности денег и меры обесценения валюты, сложные индексы— для исчисления «прожиточного минимума» и его колебаний во времени.

Сложные индексы, в свою очередь, распадаются на ряд групп: a) индексы продовольственные, составленные исключительно или почти исключительно из продовольственных предметов, таков. например, index Calwer'а и, так называемые «пайковые»—калорийные индексы (стоимость 2.700 или 3.600 калорий) и b) индексы бюджетные с включением в них других элементов бюджета, т. е. квартиры, отопления, освещения, одежды... пропорционально их месту в расходном бюджете рабочего или Mittelstand'а. Сюда относятся индексы Kuczynsk'ого *), Hofmann'а, Günther'а и Elsas'а, а также индексы, публикуемые в английской «Labour Gazette». Особенно интересны и детальны индексы Moritz'а Elsas'а **), исчисляемые им по г. Франкфурту.

В интереснейших методологических спорах, кои развились вокруг этого вопроса, особое внимание было уделено т. наз. сложным индексам и принципам взвешивания.

Bowley, Schott, Eulenburg, Hofmann, даже один из самых горячих сторонников «взвешенных» индексов, как Kuczynsky, выдвинули целый ряд серьезнейших возражений против «реальности» взвешенных индексов и целесообразности их применения. Особенно жестокой критике подверглись сложные индексы, в частности индексы в «Labour Gazette» в известном Lord Sumner's Commitee, составленном из выдающихся специалистов и практиков Англии (в их числе и проф. Bowley).

Прежде всего отмечалась неопределенность самого термина стоимость жизни и «изменения стоимости жизни» (Bowley).

---

*) D-r R. Kuczynsky «Das Existenzminimum und Verwandte Fragen». 1921.
**) Moritz Elsas «Indexziffern seit September 1919».

Затем высказывались сомнения относительно достоверности и типичности бюджетных данных, на которых основаны сложные индексы (Bowley—1919 г.; в русской научной литературе эти сомнения высказывались еще проф. А. А. Кауфманом в 1903 г. и С. А. Первушиным в 1911—1913 гг., см. цитир. выше работы). «Можно ли ручаться, что мы получаем точные сведения о реальных фактах, а не суб'ективно искаженные предположительные данные?... Как быть с спиртными напитками или табаком, которых многие совсем не потребляют?»—говорит Bowley. Он анализирует средние расходы на яйца по бюджетным данным и приходит к выводу, что они отличаются также крайней неустойчивостью: из 99 бюджетов графства Мидланд четверть семейств дала расход на яйца в 4 и менее пенсов в неделю, другая четверть — 12 пенсов и более... квадратическое отклонение = 4 пенса, а вероятная ошибка средней из 99 $= \frac{4}{\sqrt{99}}$ р. Приходится пожалеть, говорит Bowley, что «индивидуальные бюджеты настолько малочисленны, что точность основанных на них выводов оказывается в гораздо большей степени зависимости от искусства, с которым выбирались типичные семьи, чем от элиминирования случайных отклонений в силу закона больших чисел» (Bowley op. cit.).

Далее отмечается произвольность в выборе предметов и сортов для исчисления индекса. На это указывает сам Kuczinsky на вопрос «Wie kann man das Existenzminimum berechnen?... läst sich aus tausend Gründen einwandfrei nicht beantworten» говорит он. Особенно много возражений этого порядка у Bowley, Hofmann'a, Eulenburg'a.

Bowley подчеркивает, что со времени войны произошли резкие изменения в количестве потребляемых продуктов и в их качестве. «Изменились сорта... кусковое сало, которое было в ходу в июне 1918 года, не стоило бы в 1914 г. $11^1/_2$ п. за фунт»... «выбор предметов, на котором мы базировались в 1914 году, мог оказаться совершенно неподходящим для 1919 г.».

Особенно же возражает Bowley (также и Hofmann) против метода измерений «при помощи калорий». «Человек не в состоянии жить одними калориями, пища должна быть удобоваримой и возбуждать аппетит... Никто... «не станет считать навязанную нуждой пищу, состоящую из хлеба, маргарина и сыра, удовлетворяющей его в такой же степени, как та, которую он мог купить на вольном рынке».

Насколько прав Bowley и насколько здесь велико поле для произвола, можно видеть из следующего сопоставления стоимости калорий в различных продуктах, даваемого проф. Slosse'ом в его работе «Pourquoi mangeons nous?» Bruxelles, 1907 г.

Сколько калорий энергии и грамм альбумина можно приобрести за один франк в форме...?

	Калорий энергии.	Грамм альбумина.
Белого хлеба	9700	269
Картофеля	6760	71
Гороха	6640	418
Молока	3179	164
Рыбы	2330	200
Говядины	1924	96
Сыра	1703	130
Яиц	771	[illegible]2

Во время и после войны при разрыве хозяйственных связей эти колебания в стоимости калорий различных видов пищи стали еще более резки.

Неудивительно поэтому, что, при известной свободе выбора предметов потребления, составляющих 2700 или 3600 калорий (а этой свободой неизбежно пользуются отдельные исследователи), различные индексы дают, при сравнительно одинаковом направлении кривых, весьма различные абсолютные уровни *), и получаемые таким путем величины, по заявлению другого сторонника сложных индексов проф. Calwer'а—«Kein brauchbares Bild über die absolute Höhe des Nahrungsmittelaufwands einer Familie gewähren».

Наконец, последнее серьезное возражение, принадлежащее проф. Bowley, сводится к следующему: точность средней, из которой выводится индекс, а следовательно и самого индекса зависит от того, насколько независимы друг от друга цены отдельных товаров, составляющие этот индекс. Между тем «отдельные цены пищевых продуктов не независимы друг от друга.» При таких условиях бюджетные индексы, составленные по необходимости, из сравни-

*) Hofmann. op. cit. стр. 110 (диаграмма).

тельно небольшого количества отдельных товаров, всегда будут односторонни и неверны.

Общую оценку «взвешенных» индексов Bowley дает в следующих словах: «Этот метод можно применять, когда речь идет о переменах, происшедших в одной стране и за такой период времени, когда не было резких изменений, но тот же метод легко может привести к ошибочным и бессмысленным выводам, если его применять к таким периодам, когда цены и размер снабжения подвержены резким колебаниям».

В связи с этим наилучший способ уточнения индексов современные статистики видят вовсе не в усовершенствовании способов взвешивания, а в возможном увеличении числа предметов, из которых выводится затем простой индекс. I. Schott (Statistik 1919 S. 101), Eulenburg (op. cit. стр. 15) и Bowley отмечают, что значение «весов» быстро падает по мере увеличения числа независимых друг от друга членов индекса, что «точность индексовой средней возрастает прямо пропорционально корню квадратному из числа независимых друг от друга данных», причем.... «в том случае, когда данные не являются независимыми друг от друга (напр., пшеница и мука, уголь и чугун, шкуры и кожи) число их нужно увеличить, чтобы получить ту же степень точности».

Вот, в сторону увеличения числа предметов, из которых выводится индекс, и направилась новейшая американская и европейская практика составления индексов, в частности, американский индекс Bradstreet, английский «Times» и немецкий индекс Frankfurter Zeitung *). Последний исчисляет сейчас свой индекс из 77 предметов, разделенных на 4 группы: a) предметы питания (26), b) текстиль, кожа и обувь (15), c) минералы, включая и золото, аллюминий и никкель (18) и d) разные предметы—дрова, спирт (18 пр.).

Еще в большей степени этот путь увеличения числа членов простого индекса приходится рекомендовать в отношении России, где колебания цен и условия снабжения подвергались особо резким и особо частым переменам, вызываемым особенностями революционной эпохи и даже гражданской войны, где социальные перемены, с одной стороны, и почти полный разрыв хозяйственных связей с другой—привели к полной перестройке потребительских бюджетов—этой отправной точки всех «сложных» индексов.

*) Ср. Ernst Kahn. «Die Indexziffern der Frankfurter Zeitung» 1921.

Даже наиболее устойчивая часть бюджета—«продовольствие» отличается исключительной подвижностью *). «Крупнейшей особенностью московского потребления в 1918 году была его крайняя неравномерность»... даже в отношении хлеба—максимум превышал минимум в 10—12 раз. Указанная неравномерность наблюдается как у рабочего, так и нерабочего населения, причем крайние группы были довольно многочисленны, — вот как обобщает результаты обследования питания в Москве столь осторожный исследователь, как А. Е. Лосицкий. Автором этих строк в настоящее время производится индивидуальное и погрупповое изучение одного из самых последних московских массовых обследований питания (осень 1920 года). Предварительные итоги нашей работы вполне подверждают выводы А. Е. Лосицкого. При нашем погрупповом анализе мы пытались элиминировать влияние семейного состава, профессии, брали группы по одинаковым профессиям и размерам семьи и получали те же резкие колебания, ту же неустойчивость средней и отсутствие сколько-нибудь значительной «срединной» группы: уклонения от средней здесь не следуют так называемой Gauss'овой кривой. Чтобы не быть голословным, приведу краткую выдержку из нашей таблицы IV (семья из 4 членов): средняя по всем 61 семьям 2.740 калорий, в день на взрослого едока максимум —4.803 калорий, минимум (если отбросить «сомнительные» бланки с ежедневным потреблением до 1.500 кал.)—1.609; число семей, потребляющих ниже 2.000 калорий ежедневно=16..., число семей, потребляющих свыше 3.500 калорий=15, т. е. крайние уклонения составляют до 50% всего числа случаев. К тем же выводам приводит нас изучение материалов тульского и иваново-вознесенского обследований. Все это указывает на крайнюю неустойчивость «средних» величин, полученных по прежним трафаретным группировкам, и свидетельствует о том, что «потребительские» бюджеты потрясены до основания и в новых условиях подвержены резким колебаниям в зависимости от каких-то новых факторов, еще нами точно не установленных.

Тем же резким колебаниям подвержены и периодические получения продуктов по так называемым твердым ценам **). Так, по

*) Это отмечает Kuczinsky, исследователь послевоенных бюджетов германских рабочих. Такие же указания находим мы и в английской прессе (статья «Cost of living» в Morning Post от 22 декабря 1920 г.).

**) Кабо, «Потребление городского населения» 1918. Еще резче, разумеется, колебания выдач по провинции (см. газету «Экономическая Жизнь» 1919 г.).

данным Московского Городского Продовольственного Комитета, размеры получения продуктов по твердым ценам колебались в пределах только одного сельско-хозяйственного года следующим образом (см. таблицу на стр. 77).

Наконец, совсем плохо обстоит дело с оборотом и распределением его по отдельным продуктам и сортам.

При указанных выше условиях вводить с целью уточнения анализа подобного рода «веса», пользоваться сложной формулой, элементами которой являются такие неопределенные переменные и друг от друга зависимые величины, как «бюджет пролетариата» или коэффициент получения продуктов по твердым ценам, представляется нам крайне опасным*)

Да это, в сущности, и не нужно. «Взвешивание» принципиально желательно там, где помесячные или даже погодные колебания уровня цен очень невелики (в пределах десятков, иногда единиц процентов к году, принятому за основание**), где ошибка в 2—3% может существенно менять картину; наши же русские движения цен в революционную эпоху настолько элементарны, резки и грубы, амплитуда колебаний их настолько велика, что вряд-ли встречается необходимость в пользовании такими сравнительно «тонкими» приемами, выработанными для своего рода микроскопического анализа. Грубый же анализ движения общего уровня цен, при котором «случайная» ошибка в ту или иную сторону на 10%, даже на 20% не играет существенной роли, совершенно не требует взвешивания. Здесь нужно скорее для каждого момента времени абсолютно возможно большее количество разносортных товаров, чтобы элиминировать влияние «особых» факторов, влияющих на цену отдельного товара, и «выявить» общую тенденцию.

Однако, у нас возникают серьезные сомнения другого порядка при пользовании полученными индексами для измерения ценности денег. Дело в том, что колебания цен товаров обусловливаются либо колебаниями ценности денег—измерителей, в которых выражается цена товаров, либо изменениями абсолютной ценности самих товаров, в зависимости от изменившихся условий их спроса и предложения, либо, что чаще всего бывает, теми и другими изме-

*) См. также соображения проф. С. С. Демосфенова в его работе: «Общие соображения о причинах современной дороговизны» Петрогр. 1916 г.

**) Такой именно и был материал, с которым оперировали английский Economist и Statist в до-военную эпоху.

Количество продуктов (в фунтах), выданных по карточкам с 1/VII 1917 г. по 1/VI ст. ст. 1918 г.*)

Название продуктов.	Срок введения карточной системы.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Итого 1918 год. VII—XII	Итого 1918 год. I—VI	Итого 1918 год. За год.
1. Хлеб	1/III 1917	23,25	20,0	19,0	21,25	15,0	12,75	7,75	7,0	7,75	10,50	7,75	7,7	111,25	48,25	159,5
2. Круп. рис	15/VI 1917	1,0	1,1	0,5	0,5	1,0	1,5	0,5	0,5	1,0	0,5	—	—	5,5	2,5	8,0
3. Мясо	18/VII 1917	2,0	3,5	2,5	5,5	1,75	0,75	1,0	1,0	3,0	0,5	1,5	0,5	16,0	7,5	23,5
4. Масло кор.	24/VIII 1917	—	0,25	0,50	0,25	0,50	0,25	0,25	—	—	0,5	0,5	0,25	1,75	1,5	3,25
5. Масло раст.	2/X 1917	—	—	—	1,0	0,5	—	0,25	0,25	0,25	0,5	0,5	0,25	1,5	2,0	3,5
6. Яйца	10/IX 1917	—	—	6	8	4	2	2	4	2	2	—	2	20	12	32
7. Сахар	16/VIII 1916	2	2	2	2	2	2	1	1	2	2	2	—	12	7	19

*) См. Р. Кабо «Потребление городского населения России» М. 1918 г.; те же колебания характерны и для 1919 г. и 1920 г. см. Материалы и Обзоры «Экономической Жизни» № 1 и 2. См. также «Статистический Ежегодник» за 1918—1920 гг. Изд. Ц. С. У. гл. XI.

нениями одновременно. При «стационарном» хозяйстве пользование большим числом товаров, цена коих колеблется в противоположных направлениях, являлось своего рода «случайными» отклонениями от средней. И вывод этой средней из них позволяет устранить указанные колебания абсолютной ценности товаров и установить колебания ценности (цены) денег в их чистом виде. В совершенно ином, однако, положении находится исследователь, пользующийся index'ами в динамике хозяйства, в условиях повышающихся или падающих производительных сил страны. В этих последних случаях все товары или подавляющее большинство их одновременно изменяются в своей абсолютной ценности в одном направлении. В случае быстрого под'ема производительных сил абсолютная ценность большинства товаров понижается (благодаря техническому прогрессу, увеличению производительности труда). В нашем случае резкого падения производительных сил страны в эпоху революции*), когда, под влиянием целого ряда причин, производительность русской промышленности к 1920 г. упала до нескольких единиц процентов к до-военной производительности, когда сократилась резко производительность сельского хозяйства**), совершенно ясно, что изменилась и абсолютная ценность почти всех товаров и притом в одном направлении, т. е. в сторону повышения. В этом последнем случае наши индексы способны дать картину последовательных изменений покупательной силы денег (porchasing power of money или Kaufkraft des Geldes), которая всегда обратно пропорциональна уровню цен (level of frice), но они совершенно бессильны установить изменения в самой ценности денег (intrinsic value of money) по трилогии Cournot или Geldwert по терминологии K. Menger'a, т. е. то, что нас ближе всего интересует. Смешение понятий покупательной силы денег и их ценности, каковое свойственно количественной теории денег и даже их лучшему представителю Ihrw. Fischer'у, приводит к явно неправильным заключениям. Возьмем какой-либо пример. Так, в Москве, под влиянием майского декрета 1919 г., запрещающего частным лицам (не имеющим командировочных удостоверений) пе-

*) См. «Финансы в эпоху диктатуры пролетариата» стр. 25, где приведены исчисления т. Ларина, помещенные им ранее в «Экономич. Жизни» (1921 г.) об отношении производительности русской промышленности 1920 г. к до-военной норме. См. также П. Н. Попов «Динамика цен» «Правда» 2 февр. 1922 г.

**) См. статью А. Н. Хращевой в Вестнике Статистики № 9—12, 1920 г.

резд по ж. д. с 3 июня 1919 г., в начале же июня происходит резкое повышение цен с одновременным некоторым падением цен на местах; та же самая картина повторяется в текущем году после введения запретительного ж.-д. тарифа 15 июля (согласно декрета 9 июля 1921 г.) Сразу быстро взлетевшие вверх цены, в силу закона инерции цены, понятно, сохраняются на этом уровне. Ясно, что в июне 1919 года и во второй половине июля 1921 г. «покупательная сила денег» в Москве резко понизилась, а кое-где на местах повысилась. Но также ясно, что никакого прямого отношения к обесценению денег в связи с выпусками бумажных знаков это не имело.

Две величины — «покупательная сила денег» и «ценность денег» совпадают в своем движении лишь в условиях статики *) хозяйства; в динамике же хозяйства их пути во многом различны. Конкретные движения цен не только отдельных товаров, но и общего их уровня, по большей части, одновременно определяются причинами, лежащими как на стороне денег, так и на стороне самых товаров; выяснение относительной роли каждой из двух указанных нами групп факторов не представляется возможным.

«Выяснить те изменения, которые претерпела собственная ценность денег», говорит К. Менгер, «это значит попытаться отделить в общем изменении товарных цен ту часть, которая зависит от причин, идущих со стороны денег, от той, которая обязана своим происхождением самим товарам, найти затем направление каждой из указанных частей и определить значение как той, так и другой. . . . . пред трудностями ее (этой задачи) разрешения бессильна даже самая точная статистика изменений, происходящих от обеих указанных причин» **).

Точка зрения Менгера, в общем совпадающая со взглядами по

---

*) Поскольку «американские» теоретики берут статику хозяйства, они правы, поскольку они отождествляют эти два понятия в динамике,—они делают явную ошибку.

**) K. Menger. „La monnaie mésure de valeur". Revue d'economie politique 6-me année Paris 1892 (стр. 171—172), те же мысли развивают: N. Pierson „Index-numbers and appretiation of gold" и „The Economic journal" B. V.), затем E. Edgeworth и „Report of the Comitee consisting of Mr's. . . for the purpose of investigating the best metod of ascertaining and measuring variations in the value of the monetary „Standart" 1887. (295). J. Schumpeter „Die Methode Index-Zahlen („Statistische Monats-schrift". X Jahrgang 1905. Wien), Léscure „Hausses et baisses générales des prix" (Revue d'economie politique 26-me année 1912. Краткую сводку читатель найдет у Н. С. Четверикова „Index-numbers, как способ изучения ценности денег". (Статистич. Вестник 1914—15 г., № 3—4).

этому вопросу Pierson'a, Edgeworth'a, Lexis'a. Schumpeter'a и ряда других исследователей этого вопроса, разделяется и новейшими исследователями, в частности, K. Diehl'ем, Lescur'ом, Eulenburg'ом, von-Mises'ом, Howtree, Ot. Spann'ом, W. Eggenschwyler'ом и другими. На этой точке зрения стоим и мы. Поэтому при об'яснении причин современного повышения цен мы попытаемся лишь наметить основные факторы такого беспримерного повышения без какого-либо точного «математического» учета степени влияния каждого из этих факторов, в том числе и выпуска бумажно-денежных знаков.

Теперь несколько слов еще о том, в какой валюте выражать наши цены (золотой, хлебной или бумажной). Пользование «золотыми» эквивалентами вряд-ли может быть признано целесообразным в этот период, когда золото стало редкостью в Республике, и сделки из него, узко спекулятивные, совершались в условиях глубокой конспирации. Сколько-нибудь реального значения такое исчисление, конечно, иметь не могло. Целесообразнее здесь пользование «хлебной» валютой, как наиболее ходовым товаром. Однако, и в этом случае должны быть сделаны серьезные оговорки.

В настоящее время у нас достиг значительного распространения взгляд на хлеб, как на неизменное мерило ценностей, как на товар, абсолютная ценность которого не претерпела сколько-нибудь существенного изменения с до-военным периодом. На основании указанного положения сторонники этого взгляда и пытаются выразить эволюцию цен в хлебе, как «твердой» валюте, и, таким образом, косвенно подойти к т. наз. золотым эквивалентам. Однако, как указывалось в ряде исследований военного периода *), уже во время войны, под влиянием целого ряда факторов, абсолютная ценность хлеба и ее отношение к другим товарам, в том числе и к золоту, претерпела довольно существенные изменения. Нечего доказывать, что ценность хлеба не могла остаться неизменной в советскую эпоху, когда резко изменилась вся экономика страны, сельского хозяйства, в частности, когда фактически исчезло крупное частное сельское хозяйство (один из главных поставщиков рынка), сократились посевные площади и резко изменилось социальное положение крестьянства, не говоря уже о государственной хлебной моно-

---

*) См. «Труды Комисс. по изучению современной дороговизны». Изд. О-ва имени А. И. Чупрова, вып. I—IV М. 1916.

ролии и ее производных. Между меновой ценностью хлеба до войны и в наши дни, несомненно, существует целая «пропасть». Нижеследующая табличка дает представление о ценах различных продуктов, выраженных в весе ржаной муки (в пуд.):

За 1 пуд.	1914 г.	Май 1920 г.	Сент. 1921 г.
	Пудов ржаной муки.		
Масло русское	16,0	6,86	8,30
Говядина	7,33	2,0	2,46
Сельди	10,4	1,97	1,4
Соль	0,83	2,29	0,77
Мыло простое	5,0	2,86	4,92
Ситец 1 арш.	0,11	0,02	0,09
Сапоги 1 пара	5,84	2,0	2,92

Мы не останавливаемся уже на колебаниях урожаев, которые и в советскую эпоху не оставались без влияния на абсолютную ценность хлеба! Итак, мы придаем некоторое реальное значение хлебным эквивалентам, однако, не видим в них тех подавляющих преимуществ, кои позволили бы ими заменить выражение цен товаров в нашей плохой бумажной валюте. Последняя, несмотря на катастрофическое ее падение и натуральный продуктообмен, все же наиболее общее мерило ценности товаров нашего вольного рынка революционного времени *).

II.

Теперь, по выяснении чрезвычайно важных методологических вопросов, перейдем к самому материалу. Все существенное заключается в прилагаемых таблицах. Роль текста при таких условиях лишь вспомогательная. Итак, начнем наш обзор с Москвы.

Нижеследующая таблица № 1 «Общее движение цен в Москве», (см. стр. 82 и 83) дает общее представление о движении цен, причем

*) Здесь любопытно отметить, что и при натуральном обмене стороны в своих оценках и устанавливаемых ими пропорциях обмена обычно и теперь исходят из относительной ценности этих товаров в бумажной валюте: так, за пару ботинок, напр., в Александрове (Влад. губ.) дают 2 мешка картошки, исходя из цены—1 пуд. картоф.—25 тыс. рублей и пара ботинок 150 тыс. руб. (150 тыс. = 150 тыс. р.).

Таблица № 1 А (I).

Общее движение цен в Москве.

	I УВЕЛИЧЕНИЕ В ПРОЦЕНТАХ.						
	За 1914—1915 гг.	За 1915—1916 гг.	За 1916—1917 гг.	За 1917—1918 гг.	За 1918—1919 гг.	За 1919—1920 гг.	За 1920—1921 гг.
Золото	—	—	—	—	—	—	—
Ржаной хлеб	34	24	140	5733	686	1163	728
Ржаная мука	36	25	152	5980	692	1198	706
Пшено	67	9	300	3650	577	733	948
Картофель	0	73	669	645	705	2000	866
Говядина	23	70	90	995	905	1237	700
Селедка	26	116	98	620	1383	1535	401
Молоко	12	44	186	652	757	958	1025
Масло слив.	30	113	54	988	1110	960	582
Сахар песок	15	20	40	8828	604	2437	467
Соль	89	36	33	4900	8233	900	234
Сапоги	43	170	—	—	700	1650	559
Ситец	25	71,8	20	2672	289	2622	1138
Мыло	27	96	75	198	3221	—	—
Спички	—	—	—	—	276	2340	376
Керосин	42,8	6,2	60	514	618	1081	77,8
Дрова (1 с.)	12,7	88	100	400	1700	345	300
Среднее по всем товар.	На 31,8	На 53,4	На 118	На 2122,4	На 1221,4	На 1461	На 579
По продовольственн. продукт.	На 33,2	На 63	На 176,2	На 3299,1	На 1564,8	На 1312,1	На 668,7
По непродовольств. прод.	На 30,2	На 54	На 61	На 946	На 879	На 1608	На 490
Число денег в обращении увеличилось на проценты	С 1,63 милл. до 3,75, т. е. на 130% (в 2,32 р.).	С 3,75 до 6,63 мл., или на 77,2% (в 1,79 раз).	С 6,63 до 12,9 мл., т. е. на 94,6% (в 1,96 раз).	С 12,9 (1/7—17 до 43,26 мл. с 1/7—18) т. е. на 236% (в 3,34 р.)	С 43,26 до 100,3 мл., т. е. на 132% (в 2,33 р.).	С 100,3 до 511,8 мл., т. е. на 4102 (в 5,12 р.).	С 511,8 мил. до 2,336 трилл., или на 362% (в 4,63 раз).

Таблица № 1 А (II).

	II. Цена продукта увеличилась в число раз.			
	С 1914 по 1921 г. 1/VII.	С 1/I—918 г. по 1921 г. 1/VII.	С 1/I—920 по 1/VII—921 г.	С 1/I—921 по 1/VII—921 г.
Золото	в 15.000 раз	—	—	—
Ржаной хлеб	» 184.400 »	в 2.469 раз	в 18 раз	в 5,4 раз
Ржаная мука	» 135.200 »	» 2.752 »	» 19,2 »	» 4,47 »
Пшено	—	—	» 25,2 »	» 3,12 »
Картофель	» 261.200 »	» 5.228 »	» 27,5 »	» 3,8 »
Говядина	» 41.796 »	» 2.456 »	» 17,3 »	» 2,67 »
Селедка	» 35.400 »	» 4.390 »	» 5,8 »	» 1,5 »
Молоко	» 28.750 »	» 1.935 »	» 12,6 »	» 1,18 »
Масло слив.	» 34.342 »	» 1.873 »	» 11,2 »	» 1,58 »
Сахар песок	» 162.214 »	» 2.421 »	» 24,8 »	» 2,46 »
Соль	» 714.000 (max.)	—	» 7,29 »	» 2,0 »
Сапоги	—	—	» 17,64 »	» 1,45 »
Ситец	» 86.730 »	—	» 56,2 »	» 3,3 »
Мыло	—	—	—	» 1,24 »
Спички	» 37.600 »	—	» 8,3 »	» 2,0 »
Керосин	» 66.100 »	—	» 2,65 »	» 1,12 »
Дрова	—	—	—	» 1,65 »

Приложение к табл. № 1 А (II).

Важнейшие финансовые декреты Советской власти.

14/VII—17 национализация частн. банков и ревизия сейфов.
26/I—18 конфиск. акционерн. капитал. частн. банков.
29/VII—17 приостан. оплаты дивиденд. и купонов.
21/I—18 аннулиров. госуд. займов.
20/IX—18 национал. и ликв. банков. конт.
12/VII—18 ликвид. иностр. банк.
2/XII—18 ликв. гор. банка и нац. коопер. банка.
29/IV—19 постановл. Н. К. Ф. о нормах выдачи из сейфов (до 10 тыс.).
Декр. 15/V—19 отмена огран. эмисс. права и новые сов. денезнаки. Аннул. белогв. денезнак.
Декрет 4/III—20 о выпуске новых денезнаков (расч. en Р.С.Ф.С.Р.).
Декрет 15/VII—20 о расч. операц. между казенн. учр. и предприятиями.
Декрет о натураниз. зараб. платы, о натурпремировании, об отмене оплаты квартир, о даровой выдаче продукт. (11/X, 23/XII, 31/XII—20, 5/II, 9/II—21).

вторая страничка этой таблицы (II) подводит итоги этого движения к определенному моменту времени—к 1/VII—1914 г.; 1/I—1918 г.; 1/I—1920 г. и 1/I—1921 г.

Несмотря на кажущуюся «хаотичность» движения цен, при более внимательном рассмотрении их, однако, можно обнаружить совершенно правильную, ярко выраженную, закономерность: цены товаров в общем и среднем возрастают обратно пропорционально их эластичности. Максимальное повышение дает соль (в 714.000 раз)— продукт, максимально не эластичный, далее идет картофель (в 261.200 раз), ржаной хлеб, ржаная мука (в 134—135 тыс. раз); далее идет мясо (41.796 раз); селедка, масло, молоко... и, наконец, наименьшее, по крайней мере одно из наименьших повышений, дает золото (в 15—18 тыс. раз). Нарушают это строгое «соответствие» между степенью возростания цен товаров и их эластичностью *) лишь отдельные, сами по себе сравнительно эластичные, блага: сахар (в 162.214 раз), ситец (в 86.730 раз).

Впрочем, сопоставление цен этих продуктов с годичной выработкой их в Советской России вполне исчерпывает возникающие на этот счет сомнения.

	Цена товаров повысилась с 1914 г. по 1/VII 1921 г. в число раз.	Процент полугодового **) производства 1920 г. к полугодов. мирному производству.
Сахар (раф.).	162.214 р.	4,5 (производство России с Украиной).
Ситец . . .	86.730 »	3,3 (пряжа).
Галоши . .	32.100 »	1,7 (изделия «Главрезины»).
Мыло . . .	76.948 »	2,8 (изделия «Центрожира»).
Керосин . .	66.100 »	33 ***) (Главнефть).
Спички. . .	37.600 »	16 (Главспичка).

*) Скалу эластичности читатель найдет в моей статье «Потребление. Теория и статистика». Энциклопедич. слов. Бр. Гранат (новое издание).

**) Составлено на основании данных Ю. Ларина, опубликованных им в «Экономической Жизни» (1920 г.). Данные Ларина полностью приводятся в следующих изданиях:

1. Е. Преображенский—«Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры». Гос. Изд-во 1920 г. Стр. 74—75.

2. «Социальная революция и финансы» сборник к III Конгр. Коммун. Интерн. Нар. Ком. Фин. Москва. 1921 г. Гл. I. «Финансы в эпоху диктатуры пролетариата». Стр. 25.

***) Это добыча на месте; процент доставки добытого в Россию, благодаря транспортной разрухе и незначит. количеству «целых» цистерн, чрезвычайно низок.

Первая страничка (А) той же нашей таблицы дает представление о темпе возрастания цен в Москве по сельско-хозяйственным годам. Вопреки высказанному в литературе взгляду о быстром наростании скорости под'ема цен во времени (А. Г. Михайловский в «Красной Москве», стр. 322), наша таблица свидетельствует о весьма значительных колебаниях в этом отношении. Цены вовсе не росли «подобно снежной лавине, несущейся вниз со все возрастающей скоростью», как образно формулирует «общие итоги роста» цен в Москве А. Г. Михайловский в только что указанном сборнике.

Так, цена на муку возросла в 1917—18 г. почти на 6000%, на сахарный песок—на 8828%, на соль на—4900%, на ситец—на 2672% в том же году; соответствующие цифры для 1920—21 г. 706%, 476%, 234%, 1138%... Таблица достаточно наглядна, чтобы дольше останавливаться на ее изложении. Весь вопрос в том, чем об'ясняются эти колебания количества бумажных денежных знаков, выпущенных в обращение? Такая зависимость, несомненно, есть; выделяющиеся в отношении эмиссии 1917—18 и 1919—20 годы дают, как раз, наибольшее повышение цен. Однако, с этой точки зрения совершенно непонятен сравнительно гораздо менее «бурный» под'ем цен в 1920—21 сельско-хозяйственном году, когда эмиссия шла в невиданных размерах. Наши сомнения еще более возрастут, если мы внесем «некоторые поправки в кривую» эмиссии в связи с появлением за этот период новых финансовых декретов, в корне меняющих «сферу» и характер денежного обращения (эти декреты частью указаны внизу нашей таблицы). Так, фактическое уничтожение «свободного» кредитного аппарата, резкое ограничение операций национализированных банков (буржуазии—не более 1.000 руб. в месяц), аннулирование займов в конце 1918 г. и в начале 1919 г., наконец, фактическое уничтожение крупной торговли и замена ее кустарным мешечничеством, должны были резко увеличить «сделки на наличные», резко понизить быстроту обращения денег и парализовать влияние «быстрого» роста выпусков бум.-денежных знаков. С другой стороны, пониженный, на первый взгляд, выпуск бумажно-денежных знаков в 1918—19 г. об'ясняется резким уменьшением территории Р. С. Ф. С. Р. (Сибирь, Украина, Колчак, Деникин, Польша и др. окраинные государства). Если внесем поправку на этот счет, затем учтем выпуски сибирских денег, донских, кубанских ден. знаков,

карбованцев и пр. уже более мелких «самостийных» знаков *), то мы должны будем признать, что в общем эмиссия 1918—19 г. была почти не ниже предшествовавшего 1917—18 г. Наконец, темп возрастания «инфляции» в 1919—20 г. должен быть на самом деле понижен, в виду огромного расширения территории Р. С. Ф. С. Р., аннулирования всех денежных знаков, выпускавшихся антисоветскими правительствами, наконец, благодаря фактическому исчезновению из оборота царских денег полностью и почти полностью «думских» денег, которые были «тезаврированы» и если и котировались на подпольной узко спекулятивной бирже, то лишь в качестве подпольного суррогата капитальных ценностей, но никак не в роли счетной денежной единицы и орудия обращения. В общем и среднем, если внести все указанные поправки, инфляция (по расчету на одного жителя) за все эти три сельско-хозяйственные года возрастает, причем темп годичного возрастания колеблется от 200 до 350 процентов. Между тем колебания в темпе возрастания цен весьма велики, притом с тенденцией к понижению.

Нижеследующая краткая табличка иллюстрирует сказанное:

За сельско-хоз. год.	Увеличение цен в % %			Увеличение числа бум. ден. знаков в обращении.	
	Всех прод.	Непрод. прод.	Продов. прод.	Цифра без поправки.	Цифра с поправками.
1916—17 . . .	118%	61% мин.	176,2% мин.	на 94,6% мин.	(236% минус кред. бил.).
1917—18 . . .	3122,4% мак.	946%	3299 макс.	на 236%	
1918—19 . . .	1227,1%	679%	1564%	на 132%	201% [1]
1919—20 . . .	1461%	1608% мак.	1312,1%	на 410% мак.	216,6 [2])
1920—21 . . .	579% мин.	490% мин.	668,7% мин.	на 362%	362% макс.

*) Все это отражалось на требованиях ден. знаков в провинции и на доле их, остающейся за Москвой.

[1]) Размеры возрастания количества бумажных дензнаков определяют за 1918—19 г. не с 43,26 миллиарда до 100,3 миллиард., а до 130 миллиард., так как кроме советских денег было за этот год выпущено «донских» денег около 9,5 миллиардов, украинских карбованцев 7,5 миллиард., в Сибири, на севере, Закавказье... около 10 миллиардов и всюду около 28 миллиардов разного суррогата денежных знаков.

[2]) За этот год были аннулированы «антисоветские» дензнаки, т. е. около 22 миллиардов; исчезли царские знаки на 22,5 миллиардов, думские примерно на 25 миллиард. и частично до 2/3 керенки, т. е. на 18—20 миллиард., а всего на 86—90 миллиард., следовательно, возрастание с 130 миллиард. до 415,6, или на 215—219%.

Факты отнюдь не подтверждают «прямолинейной» количественной теории денег, если не делать самого по себе маловероятного предположения, что наводнение московского рынка денежными знаками шло в ином темпе и ином направлении, чем увеличение общей эмиссии.

Однако, даже и в этом последнем случае присутствие каких то других значительных факторов изменения цен — вне всякого сомнения.

Таблицы №№ 1-А (стр. 82—83), 1 В (стр. 117), 1 С (стр. 118—121) и 1 D (стр. 122—123) помесячного *) движения цен по Москве за период с 1914—1921 гг. (июль) дают довольно богатый материал для уяснения динамики московских цен в революционную эпоху. Сначала фиксируем наше внимание на периоде времени до 1920 года, а затем отдельно рассмотрим последний период с 1920 г. до наших дней.

Цены в конце 1917 года и в 1918 году знают только один вид изменений — в сторону быстрого повышения и увлекают за собой твердые цены, которые пересматриваются и повышаются. 1918 год, первый операционный советский год, проходит под знаком самой решительной борьбы Компрода с самоснабжением населения и с мешечничеством. Так, 22 июля 1918 года появляется известный декрет о спекуляции **) (в известной мере аналогичный с французским революционным декретом о максимуме цен от 5/VI—1793 г.), согласно первого пункта которого, «виновный в скупке, сбыте или хранении с целью сбыта... продуктов питания, монополизованных Республикой, подвергается наказанию не ниже лишения свободы на срок не менее 10 лет, соединенному с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества».

Согласно 11 и 12 п.п. того же декрета, «пособники, подстрекатели»... наказуются «наравне с главным виновником», а «покушение» на это деяние наказуется, как оконченное деяние (ст. 12). В сентябре того же года В.Ц.И.К передал Викжедору и Цекводу ***) следующую телеграмму (опубликованную затем в «Известиях В.Ц.И.К») для рассылки по линиям и пристаням: «В. Ц. И. К.

---

*) С 1917 г. (помесячно).

**) Любопытно сопоставить этот декрет с другим, тоже июльским, декретом о спекуляции, но уже в 1921 году...

***) Всеросс. Центр. Исп. Комитета Проф. Союз. жел. дор. и водного транспорта.

предписывает всем ж.-д. агентам и организациям... ни под каким видом не принимать хлебных грузов, адресованных не на имя Начапрода и Компрода, обязать всех Комиссаров и должностных лиц ни под каким видом не принимать пассажиров с мешками хлеба. О том же говорится в резолюции Моск. Совдепа от 23 июля 1918 года. В эти месяцы страна покрывается густой сетью заградительных отрядов, как на железных дорогах, при станциях, так и на гужевых шоссейных дорогах, отрядов, долженствующих не только конфисковать продукты, но и задерживать... мешечников, а на местах энергично развивают свою деятельность продотряды Компрода *).

При этом «местные власти» не только точно выполняют повеления Центральной власти в этом отношении: в реквизициях и последующих «строгостях» закона они идут гораздо далее, реквизируя даже самые мелкие количества продовольственных продуктов. Единственным, правда, значительным послаблением этого «режима» был кратковременный институт полуторапудничества (с 15/IX по 15/XI), несомненно, замедливший под'ем цен. Понятно, что вольные цены в этот период все же идут быстро в гору (см. таблицу) а самые вольные рынки, поскольку они еще существуют, отличаются исключительной скудностью. Цены же у мелких «конспиративных» мешечников взвинчиваются еще выше, причем потребитель, обратившийся к вольному рынку, оплачивает весьма высокую страховую премию спекулянта и все его убытки, связанные с реквизициями и проч.

Цена ржаного хлеба (1 ф.) с 6 руб. фунт (начало июля 1918 г.) повышается до 12,5 р. (начало января 1919 г.) и до 33 р. март 1919 г. Что взвинчивание цен в столицах резко превышает пределы об'ясннмого «обесценением» курса рубля повышения цен, видно из сопоставления московских цен с провинциальными (см. табл. №№ 3, 4, 5 и 6, на стр. 128—139, а также таблицу в тексте на стр. 101).

Вольные цены на муку, например, «твердо» стояли в течение 1918 г. и начала 1919 г. на уровне 75—80 рублей в Пензе,

*) По докладу Свидерского (Засед. Моск. Совдепа 23 июля 1918 г. Изв. В. Ц. И. К. от 5/VII—1918 г. (уже к концу июля), т. е. в начало своей работы. Продовольственная армия, лишь занятая реквизициями хлеба на местах, не считая заградительных отрядов на станциях, насчитывалась до 10 тыс. человек, коими за ½ месяца реквизировано в разных губерниях 2 милл. пудов. хлеба, или по 2 пуда на человека в день. К августу, по исчислениям Свидерского, Продармия должна увеличиться до 20 тыс. человек.

60—80 руб. в Тамбове, 40—50 р. в Саратове и Саратовской губернии, 30—45 р. в Симбирской и Казанской губерниях.

Неуверенность в советской валюте, связанная с политической неустойчивостью (фактор чисто психический) и решительная борьба с самоснабжением населения и мешечничеством—вот те основные факторы, которые на-ряду с падением курса рубля влияли на цены товаров.

Движение цен 1919 г. в общем идет в том же направлении, что и в 1918 г., т. е. в сторону повышения. Те же причины и обусловливает собой это повышение, как-то: падение производительности труда, промышленная и транспортная разруха, наконец, усиленные выпуски бумажно-денежных знаков: средняя «месячная» эмиссия составляет в 1919 г.—13,5 миллиардов против 2,8 миллиардов в 1918 г., лишь с января до мая месячная эмиссия повышается с *3,8* до *11,9* миллиардов, в сентябре 1918 г. она составляет 21,2 миллиарда и в декабре 32 миллиарда. Однако, несмотря на все это, движение цен в 1919 г., по крайней мере в первую его половину, существенно отличается от предыдущего года. Прежде всего, темп этого повышения для значительного большинства продуктов более замедлен.

Если взять цену января 1919 г. за 100, то июньская цена хлеба выразится цифрами 250 (соответствующая цифра для июля 1918 г. против января 1918 г.—300), цена муки—236 (1918 г.—416,8), картофеля 212 (1918 г.—276,6), сахара 190 (1918 г.—220).

Затем, и это главное,—в отличие от 1918 года цены в 1919 году повышаются уже не непрерывно, а скачками, под'емы цен нередко сменяются значительными падениями. Такое явление нередко наблюдается в 1919 г. по отношению к муке, хлебу, пшену, мясу, сливочному маслу, картофелю.

Наконец, третье отличие вольного рынка 1919 года это—чрезвычайно быстрый рост его оборотов.

«Хлеб имеется в огромном количестве» («Экономическая Жизнь» № 137, 28 апреля 1919 г.), «в огромном количестве, особенно на Сухаревке, имелось сливочное масло, притом хорошее по качеству», «в изобилии имеются мясо, овощи, конфекты, сахар ландрин»...

«за истекшую неделю все то же обилие продуктов». Вот преобладающий тон корреспонденции о вольных рынках, в частности, о Сухаревке за 1919 год. На-ряду с этим, те же источники отличают быстро растущее разнообразие рынка, появление новых продуктов *).

Словом, «рынок и цены» 1919 г. далеко не те, что в 1918 г., и эта глубокая разница свидетельствует о появлении на сцену каких-то новых особенных факторов.

Таким новым фактором явился, несомненно, январский декрет (21 января 1919 г.) Московского Совдепа о «нормированных и ненормированных» продуктах и о вольной торговле последними. К категории нормированных продуктов указанным декретом отнесены лишь хлеб, мука, пшено и сахар.

Прилагаемая таблица № 1—В вначале обнаруживает резкое различие в движении цен этих двух групп товаров. В то время, как нормированные продукты довольно значительно повышаются в цене в течение января—марта, цены на нормированные продукты отличаются большой устойчивостью.

Только привозные из других губерний предметы этой группы (сало, масло, отчасти картофель) вскакивают в цене в середине февраля (снежные заносы и бураны) и второй половине марта (товарные недели с 18 марта по 10 апреля).

К апрелю последовательно переходит на полулегальное положение торговля сахаром, хлебом, мукой и крупами: «хлеб стал продаваться совершенно открыто с лотков с развесом по фунтам» («Экономическая Жизнь», 1919 г. № 90).

Фактически здесь исчезает всякая грань между нормированными продуктами. Сухаревка уже не вмещает всего обилия продуктов и торговцев в своих границах и широко захватывает прилегающие к ней улицы: Мещанскую, Спасскую, Сретенку, Садовую и т. д.

*) Подробную схему движения цен на вольных рынках Москвы и его ценообразующих факторов читатель найдет в моск. ст. «Движение цен на вольном рынке Москвы и некоторых других городов за первую половину 1919 г.» («Экономическая Жизнь». Материалы и обзоры. Периодическое приложение к газете «Экономическая Жизнь», 1919 г. № 4, 1 ноября.

Чрезвычайно быстрый рост предложения товаров *)—Сухаревка растет с американской быстротой—приводит к значительному понижению цен почти всех продуктов в течение довольно долгого периода времени (апрель—май). Так, цена ржаного хлеба (за один фунт), доходившая до 33—36 руб. в марте, в апреле вновь падает до 15—18 р. (минимум) и в течение всего периода твердо держится на уровне 20—22 р. фунт. Насколько понижаются в цене масло, сахар, твердо держится мясо, молоко, творог, сметана, соль.

Апрельско-майский период сравнительно низких цен и обилия продуктов на рынке естественно заканчивается 3 июня с прекращением свободного пассажирского движения,—ведь техника «массового» обхода этого декрета при посредстве всякого рода фиктивных мандатов, впоследствии «довольно» удачная, выработалась лишь через сравнительно продолжительный промежуток времени.

Особенное повышение дают как раз продукты, привозимые с дальних расстояний: пшено, сахар, мука, хлеб,—последний сразу поднимается в цене с 22 р. до 42 р. (середина июня) и 50 р.— начало июля. Наоборот, цены «местных» продуктов: молока, творога, яиц, мяса, отчасти и картофеля—продолжают оставаться на прежнем уровне.

На-ряду с условиями транспорта в этот период июньско-июльского повышения оказывает влияние на цены резкое сокращение выдач по пайкам, затем возросшая эмиссия бум.-денежных знаков (в апреле—5,5 миллиардов, в мае—11,9 миллиардов, в июне—8,0 миллиардов, в июле—12,0 миллиардов) и декрет 15 мая 1919 г. об отмене ограничения эмиссий и выпуске денег нового образца (как чисто психический, а не количественный фактор), наконец, значительные закупки хлеба на московских рынках подмосковными крестьянами, «проевшими свой хлеб» и в то же время располагающими огромными денежными суммами на руках.

На-ряду с резким повышением цен все источники («Экономическая Жизнь», Бюллетени Продовольственного Отдела) отмечают

*)Молчаливая легализация торговли «нормированными продуктами, возобновление более или менее правильного ж.-д. движения после товарных недель, наконец, разрешение «почтовых» пересылок печеного хлеба (с марта 1919 г.)—вот основные причины этого возрастания предложения товаров. Насколько значительное влияние имело разрешение пересылок почтой видно из того, что вскоре после опубликования этого декрета число прибывающих в Москву «почтовых» вагонов с 5—6 увеличилось до нескольких десятков.

резкое сокращение предложения: «спрос значительно превышает предложение даже на таком большом рынке, как Сухаревский, являющемся в наши дни «житницей Москвы», отмечает оффициальный орган «Бюллетени Прод. Отдела» (№ 121, 11 июня 1919 г.)».

В конце июля, августе и, отчасти, сентябре, несмотря на почти полное прекращение выдач по пайкам, несмотря на быстрый рост эмиссии (12,1 миллиард за июль, 13,9—за август, 21,2 за сентябрь), цены обнаруживают вновь тенденцию к понижению, отчасти, сезонного характера. Индекс (из 10 продуктов) дает в августе и сентябре некоторое падение 81.200 и 83.000 против 86.500—уровень в июле 1919 г. Очень значительно падают цены на овощи, картофель и даже хлеб.

Окрестные крестьяне вместо покупателей вновь появляются на московских рынках в качестве продавцов. Впрочем, гораздо большее значение, чем поступление местного хлеба, имело разрешение поездок за хлебом профессиональным организациям рабочих и служащих (рецидив полуторапудничества). Фактически это почти привело ко временному снятию заградительных отрядов и резко повысило волну мешечничества. С октября цены на все продукты «без различия» стремительно летят в гору. Здесь уже ярко выраженное влияние «бумажного» потока. Эмиссия развивается следующим темпом: июль 1919 г.—12,0 миллиард., август—13,9, сентябрь—21,2, октябрь—22,6, ноябрь—22,3, декабрь—32,6, январь 1920 г.—35,2 миллиарда. На-ряду с «количеством» оказывает влияние и качество, как чисто психический фактор. Декретом 21 октября 1919 г. были выпущены знаки в 5 и 10 тысяч рублей, а также для замены тезаврированных керенок—новые знаки в 15, 30 и 60 рублей. Некоторое влияние в смысле усиления темпа повышения цен оказывает и продовольственная политика: вновь вспоминают полузабытый декрет о нормированных и ненормированных продуктах, вновь издается инструкция Наркомпрода (конец октября 1919 г.) о нормах легальной перевозки «нормированных» продовольственных продуктов пассажирами по жел. дорогам; вот эти нормы: 10 ф. печеного хлеба, 20 шт. яиц, 2 ф. масла, 5 ф. мяса, 1 ф. сахара, 1 ф. соли, «ни одного фунта муки». Вновь оживает деятельность продовольственных и заградительных отрядов. Под'ем цен «закономерно» прогрессирует. Факторами, несколько умеряющими этот под'ем в указанный период, были, во-первых, «запасы», сделанные рабочими и служащими осенью через «организации»,

затем увеличение выдач по карточкам и твердым ценам. По данным А. Е. Лосицкого, получали по карточкам *):

Время.	Рабочие.				Прочие.			
	Хлеба и муки.		Всех продуктов.		Хлеба и муки.		Всех продуктов.	
	Всего калор.	% по карт.	Всего калор.	В том числе по карт.	Всего калор.	% по карт.	Всего калор.	% по карт.
В марте 1919 г. . .	881	34,5%	—	—	775	34,2%	—	—
В июле 1919 г. . .	1117	22,6%	2544	15,1%	1004	21,0	2499	13,9
В декабре 1919 г. . .	1404	32,8%	2791	26,2%	1106	33,3	2413	24,6
В мае 1920 г. . .	1396	29,7%	3434	19,3%	1193	19,4	2854	17,5

В общем за вторую половину 1919 года цены в Москве на хлеб возрастают с 50 р. до 200 р.; мясо — с 90 р. до 500 р.; масло — с 250 р. до 2.000 р.; картофель — с 15—20 р. до 60 р.; сахар с 145—150 р. до 900—1.000 р.; ситец с 75 р. до 200—250 р. (арш.).

Теперь перейдем к анализу движения цен за последний период 1920—21 г.

Движение цен за 1920 г. правильно идет в сторону повышения, здесь мы не видим уже тех колебаний, кои характеризуют 1919 год, лишь в августе и сентябре наблюдается некоторое понижение чисто сезонного характера.

Темп этого повышения в общем идет параллельно с выпусками бум.-денежн. знаков, по крайней мере до ноября.

---

*) Данные о получении продуктов рабочими (по карточкам) представляются нам преуменьшенными. Трудно предположить вероятность такой маленькой разницы между «карточным» снабжением рабочих и прочих.

	I/920	III	V	VII	IX	XI	XII	I/921	II	III
				(Относительн. числа).						
Черн. хлеб 1 ф. . . .	100	136,8	179,4	248,7	225,6	282,0	435,7	333,3	1025,1	1538,4
Мясо . . .	100	102,7 пост.	183,7	243,2	237,8	270,0	464,8	594,5	648,6	648,6 пост.
Масло кор. .	100	117,7	125	186	255	375	550	725	725	1250
Молоко . .	100	85,7 пост.	108,5	157,0	242,8	428,5	685,1	1100	971,4	1200
Соль	100	130	159	218	245,4	245,4	245,4	327,2	427,4	727,3
Сахар . . .	100	173	260,3	433,9	566,6	766,6	933,3	1333,3	1333,3	2134
Ситец . . .	100	158,5	256,0	634	609,4	968	975	1707	3014	3170
Сапоги . . .	100	115,3	250	—	—	738	1000	1194	1253,8	1588,4
Средняя . .	100	125	190,4	264,7	321,3	483,0	643,6	842,4	1225,3	1626,1
Рост эмиссии:										
абс.	35,2 милл.	47,6	62,9	68,9	93,8	132,8	172,9	175	190	192
отн.	100	134	178	196	262,7	376,3	492,8	499,6	540,4	548

Никаких других «пертурбационных» факторов не замечается. Ускорение темпа роста цен с июня 1920 года, отчасти, носит сезонный характер, как и в предшествующие годы (сокращение выдач по пайкам весной и закупки крестьян), отчасти должно быть отнесено на счет появления новых денежных знаков в купюрах от 10 до 10.000 р., значительно худших по внешнему своему виду и менее внушающих доверие к себе (фактор психологический). Я разумею «расчетные знаки Р. С. Ф. С. Р.», выпущенные на основании декрета 4 марта 1920 года.

Вновь резкий под'ем цен (не об'яснимый темпом эмиссии) замечается с конца ноября—декабря 1920 года. Индекс кон'юнктурного института дает резкий скачек в декабре—679,9 и 839,2 в январе (1921 г.) против 411,9 в ноябре 1920 г. Важнейший пертурбационный фактор этого периода—это полная ликвидация

Сухаревки и других рынков, а также всяких магазинов.

Стремительный под'ем идет до половины апреля текущего 1921 года, когда намечается резкий поворот нашей экономической продовольственной политики, разверстка заменяется продналогом и декретируется свободная торговля (излишками). В этот новый период цены вновь начинают колебаться, напоминая близко динамику цен 1919 года, даже обнаруживают тенденцию к понижению, несмотря на прогрессирующую эмиссию, несмотря даже на вполне обозначившийся голод в Поволжье—фактор повышения цен «продовольственных» продуктов. Индекс кон'юнктурного института дает в апреле 1327, мае 1236,9, июне 1607, июле 1900, августе 2039 и сентябре 1955. Еще резче эти колебания проявляются по отдельным более ходовым продуктам: хлебу, картофелю, маслу, яйцам и творогу (См. табл. на стр. 96).

Вот эти цены:

Эмиссия за эти месяцы колебалась около цифры 200 миллиардов в месяц, в частности, за февраль—192, за март—205, за апрель—230 за май—193, за июнь -225 миллиардов.

Со второй половины июля на сцену вновь выступают факторы, грозящие новым резким под'емом цен: с 15 июля, согласно декрета 9 июля 1921 г., вводится новый «запретительный» жел.-дор. тариф (повышение ставок в 20.000 раз), действие коего аналогично действию июньского жел.-дорожного декрета 1919 г., наконец, постановлением Совнаркома от 30 июля с. г. вводятся новые расчетные знаки ценностью в 25.000 руб., 100.000 руб., а эмиссия бум.-ден. знаков делает новый огромный скачек вверх. Июльская эмиссия составляет 462 миллиарда, августовская—750 миллиардов. Если вспомнить размеры неурожая в земледельческой части России, то прогноз, как будто бы, ясен.

Однако, цены не только не повышаются, но даже, как будто, несколько падают: августовские, сентябрьские и начало-октябрьские цены стоят в общем на одном уровне, значительно более низком, чем цены в летние месяцы: хлеб стоит на уровне 2.700 р., масло русское 24—26 тыс., масло подсолнечное 17—18 тыс., понижается в цене и мясо. Стоимость месячного (бронированного) пайка изменяется следующим образом: март - апрель 215—220 тыс. руб., 18 июля -312 тыс. руб., 1 августа—299 тыс., 8 августа—250 тыс., 15 августа—212,5 тыс. и в течение сентября и начале октября - 200—185 тыс. руб. Эта стабилизация цен и некоторое их падение выходит за пределы об'яснимого одним лишь «сезон-

	Половина марта.	Половина апреля.	Начало мая.	Половина мая.	Начало июня.	Половина июня.	Начало июля.	Половина июля.	Половина августа.
Мука ржан. 1 ф. (абс.	2875 р.	2500 р.	2500 р.	2500 р.	3500	3750	4000	3600	3000
отн. [1])	1277	1111	1111	1111	1555	1666	1782	1602	1333
Хлеб черн. 1 ф.	3000	2500	2300	2200	3000	2500	3500	3200	2750
	1538,6	1282,1	1179,4	1128,2	1538,4	1282,0	1794,8	1669	1402
Картофель	825 р.	700	725	700	850	1450	2000	1600	700
	1269,2	1076,9	1115,3	1076,9	1307,6	2230	3074,4	2461,4	1076,4
Молоко 1 кр.	2100	1900,7	2250	1560	1900	1650	1900	2200	2800
	1200	1085	1285	885,6	1085	972,8	1085	1245	1600
Масло сливочн.	24000	15000	20000	17000	15000	19000	22000	24000	25000
	1200	750	1000	850	750	950	1100	1200	1250
Яйца	14000	8000	10000	9000	8500	10000	11000	11000	11000
	1037	592,5	740,7	66,6	629,6	740,7	814,8	814,8	814,8
Творог	10000	4500	9000	3250	4000	4750	5000	—	4500
	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ситец	6500	6000	6500	5500	—	10000	—	—	12000
	3170	2926,8	3170	2682,8	—	—	—	—	—
Сапоги	208000	235000	208750	175000	225000	250000	230000	—	—
	1605,7	1807,6	1605,1	1346,1	1730	1923,1	1769,2	—	
Мыло	8000	9000	6000	7000	9000	10000	13000	20000	—
	2463	2608,6	1739	2028	2608,6	2898,5	—	—	—
Числилось в обращении бумажн. денег (в милл. руб.)	1/III около 1.450.000	1/IV 1.697.690	1/V 1.929.820		1/VI 2.122.290		1/VII 2.347.134		1/VIII 2.808.075

[1]) К 1 января 1920 г.

ным» фактором и должно быть отнесено на счет нового фактора — свободы торговли и нового торгового возвышения Москвы в связи с разрешением свободной торговли.

Насколько велико влияние перемены курса экономической политики о свободной торговли на цены видно из следующего сопоставления движения цен с размерами выпуска бумажно-денежных знаков, заимствованного у Люд. М. Ковальской *) и дополненного нами (октябрь—декабрь 1921 г.):

		Общий индекс цен (40 предм.).	Выпуск бумажно-денежных знаков (считая январский 1920 г. выпуск за 100).
1920 г.	Январь	100	100
	Февраль	104,6	93,2
	Март	118,3	135,1
	Апрель	163,6	133,6
	Май	198,2	178,8
	Июнь	228,9	175,6
	Июль	256,9	195,6
	Август	321,3	200,5
	Сентябрь	373,7	266,3
	Октябрь	411,9	333,9
	Ноябрь	496,0	377,3
	Декабрь	679,9	491,1
1921 г.	Январь	837,9	370,3
	Февраль	943,7	547,5
	Март	1284,9	584,6
	Апрель	1327,5	659,2
	Май	1236,9	546,5
	Июнь	1607,2	638,4
	Июль	1900,0	1308,9
	Август	2039,4	2052,0
	Сентябрь	1955,8	2712,2
	Октябрь	2699,8	5424,4
	Ноябрь	3410,1	11436,8
	Декабрь	5025,2	22992,2

*) Люд. Ковальская «Движение вольных цен г. Москвы за 1920—1921 г.г.» (Известия Наркомфина № 18, стр. 29—30).

Если в 1920 году темп роста цен опережал темп роста эмиссии, то, начиная с лета (августа), мы имеем диаметрально противоположную *) картину: темп роста цен весьма значительно отстает от темпа роста эмиссии. Резкое увеличение месячной эмиссии с 450 миллиардов—в июле 1921 г., 730—в августе до 962—в сентябре, 1,9 триллиона—в октябре, 3,8 триллиона в ноябре и семи с лишним триллионов в декабре (см. «Экон. Жизнь» 1922 г. № 37), т. е. в 14—15 раз в полугодие, приводит к повышению общего уровня цен всего лишь в 2½ раза за тот же срок. Однако, если оставить в стороне темп нарастания эмиссии, то придется признать, что с ноября под'ем цен вновь принимает стремительный характер. Как правило, в октябре—ноябре мы вступаем в полосу, когда цены складываются под преобладающим воздействием фактора эмиссионного порядка. Сезонный фактор в эти месяцы уже отпадает. Свобода торговли, своевременно снизившая цены, не может долее играть роль фактора, непрерывно понижающего или стабилизирующего цены... Она не может парализовать влияние стремительного роста эмиссии, голода и истощения товарных запасов в стране, отсутствие сколько-нибудь значительного притока новой товарной массы изнутри—благодаря увеличению производства или извне — благодаря привозу из заграницы (монополия Наркомвнешторга). Не говоря уже про то, что, в связи с небольшим поступлением продналога, сейчас вновь запрещен вывоз сельско-хозяйственных продуктов из Украины и ряда центральных губерний, не говоря уже про эти весьма существенные, также сезонные, ограничения свободы оборота, следует признать, что современная, в сущности розничная, мешечная торговля сделала почти все от нее зависящее для мобилизации товара на рынке и большего от нее ждать при настоящих условиях нельзя. Насколько сильно исчерпаны запасы на местах можно судить отчасти по работе наших железных дорог **). При вполне возможной (по техническим и прочим условиям) погрузке по всей сети в 11—12 тыс. вагонов в день (цифра не очень большая!!!) фактически грузилось за октябрь—декабрь от 7 до 9 тыс. вагонов (включая воинские и прочие грузы). Итак, даже наш в сильной мере расстроенный транспорт, как будто,

*) Свобода торговли проявила себя, разумеется, не сразу, не с апреля; для этого был нужен известный промежуток времени (организационный).

**) Мы говорим отчасти, т. к. свободной оптовой торговли пока у нас нет и, быть может, это одна из причин непоступления грузов.

превышает товарную потребность в нем. Товаров, особенно сельско-хозяйственных, на местах—нет! Боязнь весенней голодовки заставляет производителей воздержаться от продаж. Впрочем и то, что могло бы быть приобретено на местах, не покупается в виду разложения «мешечной» системы торговли: мешечник при новой экономической политике стал оседлым человеком.

К тому же резкое повышение эпидемии сыпняка на железных дорогах делает мешечничество все более опасным, все менее привлекательным. Словом, предложение относительно сокращается; спрос, наоборот, возрастает. Обесценение валюты и призрак весеннего голода заставляют городское население нечерноземной полосы превращать все свои деньги в хлеб. Эти покупки возрастают пропорционально сокращению штатов советских учреждений и снятию с государственного снабжения. Одновременно Москва и другие города наполняются стихийными и организованными группами приезжих из голодных губерний, скупающих хлеб по любой цене и тем взвинчивающих общий уровень цен.

Итак, мы вступили вновь в полосу длительного и нарастающе-стремительного под'ема цен!!!

Теперь подведем итоги по г. Москве. В движении цен на вольных рынках Москвы наблюдаются следующие явления:

1) прогрессирующее повышение цен под влиянием растущей эмиссии бум.-ден. знаков и падения производительных сил страны;

2) сезонные колебания цен на продовольственные продукты в связи с течением сельско-хозяйственного года;

3) колебания цен, связанные с колебанием нашей продовольственной и железнодорожной политики: как правило, периодические весенние послабления в сторону свободной торговли и осенне-зимние стеснения ее.

Относительно этой последней (третьей) группы факторов динамики цен мы должны отметить, что четыре наиболее резкие «скачка» в ценах—конец 1918 г., июнь 1919 г., декабрь 1919 г. и декабрь 1920 г.—январь 1921 г.—вызваны именно факторами этого порядка. Наконец, эта же причина на-ряду с эмиссией лежит в основе нового стремительного повышения цен в половине октября с. г., когда мука внезапно поднимается до 180 тыс. руб., хлеб до 3.600 и даже 4.000 руб. фунт, масло 38—40 тыс., яйца 18 тыс. и т. д. Как раз в это время, в связи с неделей «помощи голодающим», сразу повышаются железнодорожные тарифы на эту неделю (1.000 руб. с версты, сверх цены

установленного «нового» тарифа 9 июля с. г.). Затем, в связи с невыполнением продналога отдельными губерниями Советской России и всей Советской Украиной. из них вновь запрещается свободный вывоз сельско-хозяйственных продуктов.

Поднявшиеся, под влиянием того или иного фактора пертурбационного порядка, цены, в силу закона инерции цены, на этом новом уровне сохраняются и уже от него продолжают свое «нормальное» движение под влиянием эмиссии и проч. Точно также понизившиеся, под влиянием разрешения свободы торговли, цены устанавливаются на некоторый период на этом уровне и уже от него вновь начинают свое нормальное движение под влиянием эмиссии.

III.

Теперь перейдем к анализу **провинциальных цен**. Строго говоря, систематическое изучение последних становится возможным лишь с начала 1920 года (или даже конца 1919 г.), когда окончательно наладились регистрационные аппараты—Губстатбюро и Уотатбюро. До этого данные имеются по сравнительно небольшому числу губерний и продуктов и по крайне неправильным срокам.

Поэтому наш анализ, до 1920 года, носит по необходимости более общий характер, ограничивается лишь изучением общих тенденций и лишь для продовольственных продуктов.

Прилагаемые к этой работе таблицы № 3 —4 дают представление о движении цен по пяти продовольственным продуктам. Здесь в тексте мы ограничимся лишь приведением одной таблички, касающейся цен на ржаную муку (см. табл. на стр. 101).

Эта табличка, как нам кажется, достаточно ярко иллюстрирует «основные» черты динамики вольных цен в общероссийском масштабе.

И так, в провинции так же, как и в Москве, цены на хлеб повышаются: однако, темп этого повышения до конца 1919 года значительно слабее в нечерноземных городах и в редкой степени слабее в городах черноземной полосы. Вследствие неодинакового темпа повышения цен в столице и других городах России, расстояние между московскими и провинциальными ценами прогрессивно увеличивается, причем максимальная разница приходится на конец 1919 года и начало 1920 года. В момент наибольшего расхождения с московскими ценами, цены в Смоленской составляют 31% московской цены (1 января 1920 г.), в Твери — 50%

Движение вольных цен на ржаную муку (в руб. за пуд.).

Пуд.—руб. (на число).			1914 г.	1917 г.	1918 г.		1919 г.	1920 г.				1921 г.				
			Июль.	Весна.	Осень.	Весна.	Осень.	I	IV	VI	IX	I	III	V	VII	VIII серед.
Москва	абс.	1,1	5,07	200	290	920	2400	8000	13500	19600	26500	32000	120000	103000	161000	130000
	отн.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Петроград	абс.	1,23	5,3	—	420	1600	4000	12000	16600	17200	24000	32000	100000	120000	140000	120000
	отн.	116	107	—	145	176	168	150	123	87,6	90,2	100	80	110,8	87,1	100
Иваново-Вознесенск	абс.	1,0	4,9	130	—	600	1500	3500	12000	12000	22000	28000	—	120000	150000	130000
	отн.	91,1	96,1	65,2	—	65,1	62,6	43,8	88,9	61,2	83,1	87,8	—	116,4	112	108,3
Тверь	абс.	1,05	—	185	—	600	1350	4000	8000	11000	16000	—	—	—	140000	—
	отн.	95,4	—	92,1	—	65,1	56,3	50	59,4	56,7	60,2	—	—	—	87,1	—
Смоленск	абс.	1,0	—	—	—	400	1000	2500	7500	10000	—	18000	—	—	150000	—
	отн.	92,2	—	—	—	43,6	41,9	31,6	55,6	51,1	—	56,2	—	—	93,2	—
Калуга	абс.	0,90	—	—	—	—	1500	5600	12000	18000	26000	32000	—	—	150000	120000
	отн.	81,8	—	—	—	—	62,7	70%	89,1	91,8	98,1	100	—	—	93,2	100
Казань	абс.	0,80	—	35,1	—	85	600	1000	5000	12000	—	18000	—	—	300000	186000
	отн.	72,7	—	23,1	—	9,4	25%	145	37,8	61,2	—	56,2	—	—	192	115
Симбирск	абс.	0,70	—	56	—	65	600	900	2600	6250	—	17000	—	160000	300000	220000
	отн.	63,2	—	32,2	—	7,06	25%	11,25	19,4	33,4	—	53,4	—	145,8	192	—
Тамбов	абс.	0,85	—	—	—	—	600	1300	4500	12000	12000	13000	—	—	220000	—
	отн.	77,2	—	—	—	—	850	16,6	33,6	61,2	45,1	40,8	—	—	137,7	—
Саратов	абс.	0,8	—	42,1	—	50	600	—	2200	3500	12000	16000	45000	—	270000	160000
	отн.	72,7	—	27,4	—	5,1%	25%	—	16,4	17,2	45,1	50	40	—	174	—

в Иваново-Вознесенске—43%, в Казани—9%, Симбирске—7%, Саратове—5,1%. Транспортная разруха, заградительные отряды, весьма помогавшие «местам» в деле сохранения их хлебных запасов от мешечников из промышленно-городской России, наконец, отсутствие в первые годы еще сколько-нибудь налаженного аппарата для выкачивания хлеба из деревни путем разверстки — все это удерживало цены на местах. В Поволжье рубль в хлебе обесценивается к осени 1919 года всего в 80—90 раз, тогда как в Москве норма этого обесценивания на этот же срок равна 2.400—2.500 р.

В конце 1919 года и начале 1920 г. наступает перелом. Возрастание цен в провинции идет гораздо более быстрым темпом. К концу 1920 года многие черноземные города (Казань, Тамбов, Пенза, Самара, наконец, даже города Кубани) догоняют цены городов нечерноземной полосы, а весной 1921 года и перегоняют их. Вновь проявляется тенденция к уравнению цен столицы и провинции. То же явление в большей или меньшей степени наблюдается и по отношению к мясу, маслу, соли, сахару.

В наших статьях, посвященных новейшим тенденциям в движении цен *), на основании составленных нами индексов, охватывающих восемь наиболее ходовых продовольственных и непродовольственных (напр., ситец) продуктов, мы доказывали эту ярко выраженную общую нивеллировку цен в различных районах. Наши материалы по необходимости носили выборочный характер. Появившиеся недавно в печати сплошные данные стоимости суточного пайка (2.700 калорий) по рыночным ценам (в рублях), исчисленные по иному (Струмилинскому) методу, вполне подтверждают этот наш вывод. Отсылая читателя к нашей подробной таблице № 10 (стр. 146), мы здесь ограничимся лишь нижеследующими краткими табличками (см. табл. на стр. 103).

Как видно из этой таблички, разница между максимумом и минимумом возрастает до весны 1919 года: на 1 января 1919 г. она составляет 57, на 1 апреля—75. С этого момента она систематически падает, последовательно составляя 68, 64, 52, 45, 30 и достигает минимума на 1 апреля 1921 г.—22 и лишь к 1 июля сего года она вновь значительно повышается, благодаря голоду в Поволжье. Но с осени этот процесс вновь проявляется достаточно ярко. Еще нагляднее, впрочем, следующая табличка, охватывающая, к сожалению, лишь текущий 1921 год (см. табл. на стр. 103).

*) «Вольные цены к осени 1921 г.» в Бюллетене Ц. С. У. № 53 в «Известиях Наркомфина» (№ 12).

Стоимость суточного пайка в различных районах, в % к Северному, принята за 100.

	1919 г.			1920 г.			1921 г.			
	1/I	1/IV	1/VII	1/I	1/IV	1/VII	1/I	1/IV	1/VII	1/XII
1. Северный и Приозерный . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
2. Центр.-пром. .	97	115	93	94	90	101	102	115	106	98,1
3. Западный.	63	71	60	64	78	78	80	95	84	87,2
4. Центр.-земледельческий .	43	51	52	62	75	97	97	98	107	96,1
5. Поволжье.	43	40	32	36	48	55	72	97	140	122,3
Расстояние от максимума к минимуму . .	57	75	68	64	52	46	30	22	56 (!)	34,8

Стоимость суточного пайка (2.700 калорий), в рублях, по вольным ценам.

	1921 г.							
	1/I		1/IV		1/VII		1/IX [1])	1/XII
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Отн.	Отн.
1. Москва	4.678	100	9.360	100	16.105	100	100	100
2. Среднее по всем район.	2.388	51,0	6.034	64,2	13.940	86,5	87	96,0
3. По всем губ. городам.	2.890	61,4	7.212	77,2	15.216	95,0	96	98,5
4. По всем уездн. городам	1.963	42,0	5.047	54,1	12.861	80,0	88	90,1
5. Северн. район. . .	2.882	61,7	6.433	68,8	12.420	77,1	84,9	91,3
6. Центр.-пром. район.	2.942	62,7	7.388	78,4	13.120	81,2	86,4	86,7
7. Западный	2.294	49,2	5.996	64,1	10.395	64,0	?	78,6
8. Центрально-земледельческий	2.792	59,6	6.308	67,4	13.277	82,0	84,1	97,0
9. Поволжье	2.061	46,6	6.229	66,4	17.368	109,8	?	109,2
10. Приуралье	1.207	26,0	3.198	34,3	14.749	91,8	?	103,4
11. Украина	1.598	34,4	3.842	41,4	9.292	57,3	?	70,4

[1]) См. Н. Филиппова «Движение цен» («Экон. Жизнь», 1921 г., № 293).

И так, уравниваются цены не только в Р. С. Ф. С. Р., но и на Украине, Кубани, Сибири. Результаты, полученные двумя параллельными исследованиями по двум различным методам, вполне совпадают. Что же означает это выравнивание цен в различных районах?

Если бы дело шло о стране с установившейся валютой, с хорошо налаженными путями сообщения, солидным торговым аппаратом, то вряд-ли пришлось бы ставить этот вопрос. Ответ был бы очевиден—закон уравнения цен. Однако, в России в это время не было ни транспорта, ни торгового аппарата, ни сколько-нибудь устойчивой валюты, и обычное об'яснение вряд-ли тут уместно. Слишком уже отлична экономика нашего «переходного» времени от обычной капиталистической экономики.

Два или даже три об'яснения, на наш взгляд, возможны здесь: либо причина лежит в катастрофическом обесценивании нашей валюты *), каковое, действительно, имеет место, либо корней этого явления следует искать в той же современной продовольственной политике, которая оказывала такое огромное влияние на московские цены, либо в условиях производства, особенно сельско-хозяйственного, и колебания урожая. Общеизвестно, что в конце концов весь наш «бумажный поток» попадает в деревню и притом преимущественно в деревню плодородных земледельческих губерний. Однако, поступает оттуда не прямым рейсом, а через посредство фабричных центров — городов и индустриальных местечек нечерноземной полосы, которые и являются первыми получателями наших денежных знаков **).

---

*) Обесценение валюты, идущее гигантскими шагами, настолько понижает «относительное» значение других факторов (расстояние, условия транспорта), что кривая цены всюду определяется только этим обесценением; прочие грани стираются, удельный вес других факторов сводится к незаметному минимуму.

**) Из общей суммы денежных знаков, выпущенных в обращение, приходилось на отдельные районы в %% к общему итогу (см. Н. Деревенко «Финансы» «Экон. Жизнь», 1922, № 37).

И так, если решающее значение в динамике цен и их выравнивания имел фактор первого порядка, т. е. обесценивание валюты, то картина движения цен должна быть такова.

В соответствии с *последовательностью распределения «бумажного потока» во времени и в пространстве*, в первую очередь «взвинчивание» цен должно коснуться городов промышленной полосы, затем окрестных деревень, затем городов «земледельческой» полосы, наконец, в последнюю очередь, уездов земледельческой полосы; темп «взвинчивания» должен уменьшаться в том же направлении и затем от центральных губерний и периферии.

Всюду «мера» повышения цен должна быть *обратно* пропорциональна *эластичности продуктов*: наибольшее повышение должны дать *соль*, капуста, хлеб, мука, картофель; наименьшее: масло, мясо, сахар; из непродовольственных—мыло, керосин, дрова.

Соответствовала ли этому действительность?

Как мы указывали, с конца 1919 года в нашем распоряжении имеются достаточно обширные материалы по провинции уже для изучения помесячного движения цен, каковое только и позволило нам разобраться в сложной картине движения московских цен. К этому изучению мы и перейдем, остановившись лишь на «типических» районах.

Прежде всего, каков темп повышения цен по указанным нами выше отдельным городам и районам? Возьмем ту же ржаную муку, как наиболее ходовой товар.

		Москва и губ.	Петроград и губ.	Украина (вся).	Юго-Восток (весь).	Сибирь (вся).
		в	п р о ц е н	т а	х.	
1920 г.	Октябрь . . .	20,6	6,8	12,8	5,5	5,6
1921 г.	Октябрь . . .	34,1	6,1	11,7	5,6	2,1
	Ноябрь . . .	44,1	7,1	6,4	4,5	4,5

Движение вольных цен на ржаную муку.

(Среднее).

	Москва.		Тверь.		Тверская губ.		Тамбов.		Тамбовская губ.		Саратов.		Саратовская губ.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1920 г.														
Январь	8.000	100	4.000	100	3.200	100	1.600	100	1.400	100	1.200	100	800	100
Июнь	19.600	244	11.000	278	10.000	614	10.000	627	9.000	643	3.500	295	2.400	300
Сентябрь	26.500	332	16.000	400	11.000	345	12.000	750	10.500	750	12.000	1.000	6.000	750
Декабрь	30.000	376	18.500	462	13.000	408	13.000	818	13.000	930	15.000	1.280	9.000	1.125
1921 г.														
Январь	32.000	400	19.000	478	14.500	453	13.000	818	13.000	930	16.000	1.333	16.000	2.000
Март	120.000	1.500	60.000	1.500	38.000	1.186	50.000	3.126	54.000	3.860	60.000	5.000	55.000	6.840
Май	103.000	1.288	90.000	2.250	90.000	2.816	10.000	6.290	90.000	6.485	140.000	11.182	125.000	15.564

Итак, картина далеко не соответствует нашим априорным предположениям, по крайней мере той части, которая касается черноземной полосы.

Наиболее стремительное повышение дают уезды и город черноземной земледельческой полосы, причем темп этого повышения особенно заметно возрастает с осени 1920 года (после реализации урожая).

Прилагаемые таблицы помесячного движения цен по Казани, Самаре, Ставрополю и Саратову еще ярче подтверждают указанное. Не вполне соответствует нашим априорным предположениям и сравнительная интенсивность повышения цен по отдельным продуктам: темна обратной зависимости между интенсивностью повышения цен отдельных продуктов и их эластичностью (за исключением хлеба и картофеля) нет. Возьмите таблицу показаний: с 1 января 1920 г. по 1 января 1921 г. наибольшее повышение цен дают хлеб, мясо, картофель (1430, 1080 и 1532), а наиболее малозначительное—соль (повышается всегда до 356 по отношению к январю 1920 г., принятому за 100), тоже капуста. Тоже в Самаре, Саратове: здесь соль за тот же срок повышается до 248, 250 при повышении цен муки до 1942, 1600. Довольно сильно повышается и цена на мясо, сравнительно гораздо меньше муки повышается и мало эластичное мыло, наконец, ситец, совершенно утративший свою былую эластичность в условиях абсолютного мануфактурного голода в деревне.

Только что приведенные факты заставляют нас придти к выводу, что об'яснять это выравнивание цен по районам только бумажным потоком невозможно, что крупную роль здесь играли другие факторы. Этими последними факторами являются недород, по крайней мере в части производящих губерний, и успешная работа Продорганов по выполнению хлебо-фуражной разверстки. По официальным данным, всего хлеба и крупы заготовлено за 1917—18 гг.—52,7 милл. пудов, за 1918—19 гг.—78,1, за 1919—20 г.—177,8, наконец, только за 5 месяцев сезона 1920—21 г.—168,6 милл. пудов. Если выбросить окраины и потребляющую нечерноземную полосу, то по основной производящей полосе это дало за август—декабрь 1919 г.—51,3 милл. пудов, а за август—декабрь 1920 г.—49,8 милл. пудов; зерновой фураж за те же месяцы 1919 г. (по производ. полосе)—15,4 милл., за 1920 г.—50,4 милл. Таким образом, при значительном неурожае и очень большом, притом прогрессирующем, недосеве за 5 осенних месяцев

1921 г. извлечено зерна из производящей полосы 100,2 милл. пудов, против 66,7 милл. пудов в те месяцы 1919 г. *).

Значение этих цифр понятно само собой.

Вот здесь то и заключается второй на-ряду с обесцениванием рубля крупный очаг нашего «сказочного». полета цен. Извлечение хлеба по твердой цене не только уменьшает запасы хлеба на местах на соответствующую величину, оно также приводит к стихийному сокрытию хлебных запасов, затем и к сокращению посевов. По данным А. Е. Лосицкого и А. Г. Михайловского, посевная площадь в 1921 году сократилась, по сравнению с до-военным периодом, во всей Донской области—в три раза, в Ставропольской губ.—в $2^1/_4$ р., в Кубанской области—в $1^3/_4$ раза. По отдельным уездам этих областей сокращение еще более резкое и приходится, главным образом, на 1920—21 г., что указанные авторы, на основании специального местного обследования (по поручению Ц. С. У.), ставят в связь с реквизициями посевного материала до 40—60% в счет продразверстки. Ту же картину рисуют недавно опубликованные «Материалы Челябинского Губ. Стат. Бюро» (1921 г. № 1), где, под влиянием той же причины, посевная площадь в 1921 году сократилась в два раза по сравнению с предшеств. 1920 г. и в 2,6 раза по сравнению с 1916 г. Сокрытие запасов и сокращение посевов—прямое следствие чрезмерно тяжелой продразверстки—естественно вызывают прогрессирующее возрастание цены на вольном «мешечном» рынке. Цена хлеба делается ценой «редкого» блага. Исчезновение или резкое сокращение предложения нескольких «ходовых» благ (муки, мяса, масла) при неизменном общем спросе, далее, приводит к концентрации спроса на (П—1) или (П—3). (П—3) благах вместо прежних П благ и, таким образом, становится новым фактором общего под'ема цен. Теоретически вопрос этот хорошо освещен в труде д-ра Мюнхенского Университета проф. М. А. Бунятян **) «Экономические кризисы» (1916 г.).

Подтверждение этих теоретических положений, прежде всего, можно найти во время войны в хозяйственной жизни Германии,

---

*) Как установлено рядом исследований А. Е. Лосицкого, А. Г. Михайловского, А. А. Рыбникова и других, по разверстке были взяты в Поволжье, Марийской области и ю.-востоке даже «посевные» материалы (до 40—60%!!). То же самое в Сибири. По данным «Материалов Челябинского Губ. Стат. Бюро» (1921 г. № 1 стр. VII), «продразверстка забрала у населения Челябинской губ. не менее 6.331 тыс. посевного материала, из них 345 тыс. пуд., предназначенных для посева на заготовленных парах» (!).

**) Wirtschaftskrisen und Überkapitalisation.

являющейся прототипом нашего, в начале имперского, а затем «советского», государственного регулирования. Это отмечает целый ряд исследователей на основании тщательного изучения хозяйственной жизни Германии военного периода, в частности проф. Боас, проф. Оппенгеймер *).

В том же направлении, только, понятно, в неизмеримо более резкой степени, эти факторы действовали в России. Их влияние было в 1920—21 гг. значительно усилено постигшим земледельческие губернии неурожаем. Фактором, наоборот, несколько умеряющим темп под'ема вольных цен в столицах, являлась распределительная политика Наркомпрода, согласно коей снабжение Москвы, Петрограда и Кронштадта было признано «ударной» задачей, и продовольственные грузы в меру возможного по условиям транспорта усиленно направлялись в адрес М. П. О., хотя бы за счет других городов. В сезон 1920—21 г. (особенно ноябрь—январь) очень значительная, если не большая, часть московского населения (армия, рабочие, фабрики, милитаризованные учащиеся, учащие-лектора, ответственные советские работники почти всех учреждений, наконец, все без исключения сотрудники ряда привилегированных военных, путейских и топливных учреждений, как-то: Реввоенсовет, Всеобуч, Цупвосо, Цутоп, Наркомпрод, Комгосор, Топсоюз) получает продовольственные пайки и внепайковые выдачи через организации. Далее Москва, как административный и железнодорожный центр, является при разрешенной свободе торговли сосредоточением мешечнических воль; мешечнику ехать в Москву и выгоднее и легче, он здесь скорее найдет и мыло, соль, мануфактуру для товарообмена на местах. Он сюда скорее получит и железнодорожный билет. Таким образом, на вольных рынках предложение муки и ряда других продуктов сравнительно возрастает. По предварительным данным Ц. С. У., к концу 1921 года средний общерусский уровень цен уже превышает московский: жизнь в провинции, несмотря на московскую дороговизну, становится еще дороже.

Итак, наблюдающееся «выравнивание» цен различных районов не может быть отнесено на счет только какого-либо одного фактора, в частности на счет быстро возрастающей эмиссии бумажно-денежных знаков, либо на счет восстановления разрушенных хоз. связей, а является следствием целого ряда факторов **).

---

*) См. введение проф. Оппенгеймера к изданию «Reichs-Getreidegesetzgebung f. d. Erntejahr 1918». 1919.

**) Подробно см. нашу статью в «Бюллет. Центр. Статист. Упр.» № 53 «Вольные цены к осени 1921 г.».

Нижеследующие четыре группы факторов обусловили, на наш взгляд, это выравнивание цен: 1) быстро прогрессирующая эмиссия бумажно-денежных знаков, 2) неравномерное распределение хлебно-фуражной разверстки между черноземными и нечерноземными губерниями, обрушившейся всей своей тяжестью на черноземную полосу, особенно Поволжье, Донскую область, Кубань и Сибирь, 3) как следствие этого второго фактора, более резкое сокращение посевных площадей в черноземной и юго-восточной полосе, по сравнению с нечерноземной; в последней даже некоторое относительное увеличение посевной площади по отдельным районам и почти повсеместное увеличение огородной площади, 4) наконец, совпадение неурожаев в черноземной полосе с хорошими и выше-средними урожаями хлеба и картофеля в нечерноземной полосе.

Специально по отношению к Москве надлежит отметить новый фактор: «торговое возвышение в связи с новым курсом экономической политики».

Только что высказанные соображения предопределяют и нашу общую точку зрения на динамику наших цен в революционную эпоху (1917 –1921 гг.).

В исключительном под'еме цен на продукты так же, как и в их выравнивании, у нас в России **повинны не только чрезмерные выпуски бумажно-денежных знаков, но и старая продовольственная политика Р. С. Ф. С. Р.— разверстка и многочисленные производные.**

В настоящее время у нас достигла весьма значительного распространения количественная теория денег в **наиболее крайней и элементарной** ее формулировке. Согласно этой теории, ценность денег есть **прямая и однообразная функция ее количества**: количество является не только важнейшим, но и единственным фактором обесценения; самое количество влияет на ценность денег **элементарно, односторонне, строго-пропорционально.**

Зная, поэтому, коэффициент обесценения, можно всегда точно математически определить потребность в денежных знаках на каждый данный период. Государство может более или менее расчитать размеры падения курса на каждый следующий год и приспособить к уровню этого падения свой комиссионный аппарат *). «Тут

---

*) «Социальная революция и финансы» 1921 г.

затруднения чисто технические... для экспедиции и заготовления... не более» (Е. Преображенский. —«Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» 1920, стр. 67).

«Совершенно очевидно», продолжает Преображенский,—«что крах не может наступить от одного увеличения нулей... Для сокращения нулей можно, напр., цифру 1.000 заменить Т и напечатать бумажки на 10 Т, 100 Т и т. д.»

«На век нашего бумажного обращения математических величин хватит». Мы полагаем, что Е. А. Преображенский неправ даже и в том случае, если верна его (крайняя) количественная теория денег. Для населения 10 Т, 10 М — непонятны, и оно современем просто откажется их брать.

Однако, глубоко неверно самое основание, на котором покоятся все эти расчеты.

Вряд-ли, конечно, можно вообще отрицать влияние «количества» денежных знаков на их ценность и (отдельно) на их покупательную силу, с этой точки зрения и автор этих строк является сторонником количественной теории денег. Но для меня это лишь один из факторов, на-ряду с другими, из числа этих других факторов достаточно указать на качество денег, как фактор чисто психического порядка, на политическое положение, на уровень производительности труда, на условия производства, потребления и т. д.

Падение *) производительности нашей промышленности с 6—6½ миллиардов золотых рублей (до войны) до 700—800 тыс. в настоящее время, падение продукции сельского хозяйства (зернофураж) с 4,5 —5 миллиардов зол. рублей до 1,6—1,8 миллиардов, сокращение мясной продукции с 270 милл. пуд. до 72 милл. пудов, полное исчезновение технич. культур (лен, конопля, хлопок, в значительной мере, сахарная свекловица)—словом, резкое понижение продукции народного хозяйства вряд-ли может занимать меньшее место в цепи факторов, взвинчивающих цены.

Влияние самого «количества» бум.-денежных знаков, выпускаемых в народное обращение, далеко не так прямолинейно, односложно; оно само является равнодействующей, слагающейся из целого ряда разнородных влияний одного же количества. Ведь всякий выпуск бум.-денежных знаков неравномерно распределяется среди

*) В нижеследующем мы приводим данные Ц. С. У., опубликованные П. И. Поповым в газ. «Правда» в статье «Динамика цен» (январь 1922 г.).

населения, это «перераспределение» дохода на почве эмиссии, в свою очередь, приводит к перераспределению потребления... бюджетов. спроса, следовательно уровня и «скалы» цен. При таких условиях вряд-ли можно говорить о какой-либо точной математической пропорциональности. Ее нет и быть не может.

Катастрофическое повышение цен — мы это подчеркиваем — есть продукт не только обесценения нашей валюты под влиянием эмиссии, но и следствие нашего промышленного краха, почти полного израсходования наших «товарных» запасов, тяжкого состояния нашего сельского хозяйства, как продукт нашей продовольственной политики (принудительная разверстка и реквизиции), неурожая, отсутствия инвентаря и т. д., т. е. глубокого кризиса народного хозяйства, коим определяется и самый темп эмиссии.

К сожалению, ни экономика, ни статистика не обладают сколько-нибудь точными методами для точного определения относительного значения «удельного веса» той и другой группы факторов. Нельзя поэтому точно определить и меру падения ценности нашего бумажного рубля, нельзя наперед определить кривую его обесценения и, тем более, момента ее «крушения», уже в первой половине 1919 года, провозглашенного рядом исследователей, в частности З. С. Каценеленбаумом, полагавшим, что от рубля осталось «что-то»... бесконечно малая величина... которая «качественно от нуля ничем не отличается» *).

Нет, даже теперь, т. е. к концу 1921 года, рубль есть «что-то», качественно от нуля отличное и количественно несколько, быть может, даже значительно большее, чем та действительно бесконечно малая величина, которая получается путем простого деления до-военной стоимости дневного пайка в 3.000 или 2.700 калорий на современную его цену.

Крах рубля еще не наступил; наоборот, сообщения с мест, периодические донесения Губфинотделов, свидетельствуют не только о недостатке денежных знаков на местах, но и о повышении спроса на них. Население предпочитает брать за свои отчуждаемые продукты уже не поношенную одежду, не керосин и даже не соль, а «миллионы» обесценившихся рублей, которые, несмотря на все их катастрофическое обесценение, все же лучше обеспечивают свободу выбора благ при свободном обороте. Процесс натурализации оборота

*) «Вестник М. С. С. К.» № 5—6. 1919.

не только достиг своей «точки», но явственно обнаруживается уже и обратная волна: возрождение денег в обороте.

Подробное теоретическое, в частности психологическое, об'яснение этого явления мы дадим в другом месте, здесь же укажем лишь вкратце на те важнейшие конкретные факторы, которые продлили жизнь нашей тяжко и безнадежно больной валюте. Таковые факторы есть и на стороне товаров и в сфере денежного обращения.

Несмотря на резкое сокращение производительности нашей индустрии и монополизацию запасов государством, вольный рынок если и не ломился от товаров, то и не настолько уже страдал от бестоварья, как это принято утверждать. Московские рынки, Иваново-Вознесенская толкучка, Царицынская толкучка (Волжская) и пр. провинциальные рынки, в общем, отличались значительным разнообразием товаров, еще неизмеримо больше товаров проходило «с рук на руки», минуя рынки, столь опасные при переменной погоде. Откуда же брались эти товары? Прежде всего, в эти два-три года было выброшено на рынок все, что «веками» накапливалось буржуазией и большинством городской интеллигенции (от мебели, канделябр, золотых часов, портсигаров, мехов, ботинок, брюк, нижнего белья, включительно). Далее разнообразными путями проникали на «вольные» рынки и запасы «прежних лет». Расплата частью продуктов (табачные, ситцевые фабрики, кожевенные и мыловаренные заводы), натурпремирование, наконец, систематические массовые хищения (что явствует, между прочим, из «Инструкций» фабр.-зав. комитетам о хищениях, опубликованных Совнаркомом в «Изв. В. Ц. И. К.» от 13/VII—1921 г.), а также и «бандитизм»— явились важнейшими проводниками запасов на нелегальные рынки.

Теми же путями, помимо оффициальных ссуд, шло и «натуральное» финансирование (дерево, пряжа, кожа) кустарной промышленности. Словом, товаров было гораздо больше, чем кажется, лишь «строжайшему» государственному и милицейскому контролю соответствовало «искуснейшее» сокрытие товаров и таинственность их обращения (подпольный капитализм предшествовал государственному).

В сфере денежного обращения были также факторы, задерживавшие обесценение валюты, несмотря на чрезвычайный рост количества знаков, ухудшающееся их качество и сокращение сферы денежного обращения (натур. продуктообмен, безвозмездность услуг и т. д.).

В своей книге, выпущенной в самом конце 1920 года,

проф. А. А. Соколов утверждает, что «Франция была наводнена бумажными деньгами в эпоху революции, быть может, даже в большей степени, чем Россия в данный момент» *). Если осторожные исчисления А. А. Соколова и справедливы еще к концу 1920 года, то сейчас вряд-ли они сохранили свое значение. При «буквальном» сравнении перевес и, думаем, очень значительный— на нашей стороне. Однако, здесь надо принять во внимание ряд особенностей, кои отличают нас не только от эпохи французской революции, но, пожалуй, и от всей предшествующей истории денежного обращения.

Прежде всего энергичное действие закона Грешема, в силу которого при выпуске каждого нового худшего образца денежных знаков предыдущие выпуски окончательно исчезали из обращения и тезаврировались, по преимуществу, в деревне—«в кубышках». Так исчезло с денежного рынка не менее 200—250 миллиардов (вместе с царскими и керенскими), или около 10—12% всех знаков, выпущенных в обращение по 1/VII—1921 г. Далее обращение все время совершалось и совершается без помощи кредитного инструмента: обмен, как правило, происходит только на наличные, что резко повышает спрос на деньги.

Наконец, весьма значительно уменьшалась быстрота обращения денежных знаков. Дальность расстояния **), отсутствие транспорта, даже почты, телеграфа и телефона (по крайней мере для вольного оборота), мешечническая мелкая система торговли, крайняя бюрократичность и формализм всего нашего современного хозяйственного уклада—все это резко понизило скорость обращения. Если количество денежных знаков увеличилось в несколько десятков тысяч раз, то без преувеличения можно сказать, что в тысячу раз сократилась и быстрота их обращения.

Наконец, и это, пожалуй, главное, оборот нуждается во чтобы то ни стало в валюте—деньгах. Между тем выбора у нас нет: и существующая, быть может, безнадежно больная валюта не может не жить просто потому, что ее нечем заменить!!!

Вот те факторы, кои, по нашему мнению, поддерживали существование нашей валюты, каково ее будущее и каковы методы ее улучшения—это уже выходит из рамок настоящей работы.

*) Проф. А. А. Соколов—«Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России», стр. 89.

**) А. А. Соколову при сопоставлении с Францией следовало бы вычислить количество денежных знаков не только на голову населения, но и на единицу территории.

Тезисы.

1. Изучение движения цен в эпоху русской революции имеет огромный идиографический и номографический интерес. Существующие статистические сведения, в частности данные Центрального Статистического Управления, представляют вполне достаточный материал для научного их изучения.

2. Единственным способом изучения основных тенденций в движении цен и их об'яснения являются т. наз. метод index-numbers.

Однако, получаемые этим методом относительные цифры общего движения цен не могут служить сколько-нибудь надежным средством для определения меры обесценения валюты, выведения каких-либо точных коэффициентов ее обесценения.

Такая задача непосильна ни одному европейскому индексу (Schumpeter, Menger, Palgrave). Совершенно невозможна она в русских условиях переживаемого момента, когда до самого последнего времени не было свободного рынка, свободного обращения людей и товаров, а индексные числа выводятся из так наз. спекулятивных цен полулегального «вольного» рынка *).

3. Анализ движения цен на указанных вольных рынках не позволяет установить тесной связи между темпом выпуска бумажно-денежных знаков и темпом роста цен.

Последний резко колеблется, особенно в последнее время, в связи с введением свободной торговли, несмотря на чрезмерные выпуски бумажно-денежных знаков, несмотря даже на голод.

4. Наблюдающийся резкий под'ем цен на рынках является следствием не только чрезмерного выпуска бумажно-денежных знаков, но и жесточайшего кризиса нашей промышленности, оскудения ее запасов и, наконец, следствием продовольственной политики советской власти, резко форсировавшей под'ем цен на сельско-хозяйственные продукты, который, в силу закона Gregory King'a и закона уравнения цен, передавался на цены других предметов и, таким образом, форсировал общий под'ем цен.

5. Мера обесценения русского рубля, поскольку она об'ясняется причинами, лежащими на стороне денег, ниже, чем это

*) И в условиях нов. экон. политики, к сожалению, нет еще пока теоретич. оснований для индекса – сравнительной независимости цен различн. групп товаров, нет и свободно воспроизводимых товаров. Цены на хлеб – это «голодные» цены, тресты же, монопольно устанавливая цены на свои изделия «из запасов» (а не свободно воспроизводимые), равняют их по голодным хлебным ценам, и, таким образом, все кривые цен повторяют лишь кривую цен на хлеб.

устанавливается на основании данных о движении вольных цен на полулегальных рынках. Причины живучести русского, хотя бы и резко обесцененного, рубля, кроются как в условиях товарного рынка, так и в сфере самого денежного обращения (исчезновение из оборота и тезаврирование денег старых образцов, отсутствие кредита и понижение быстроты обращения бумажных денежных знаков).

6. Мера обесценения русского рубля обнаруживает значительные колебания во времени и пространстве с заметной, однако, тенденцией к **выравниванию цен и коэффициентов обесценения рубля.**

Основными факторами такого выравнивания цен являются: a) быстрое нарастание темпа эмиссии бумажно-денежных знаков, b) неравномерное распределение хлебо-фуражной развертки между черноземными и нечерноземными губерниями, следствием чего явилось значительное сокращение посевных площадей в черноземной полосе и увеличение их в нечерноземной; c) совпадение неурожаев в черноземной полосе с урожаями в нечерноземной и d) торговое возвышение Москвы.

ЛИТЕРАТУРА *).

А. Литература по методологии индексов.

1. Edgeworst. «Index-numbers». Palgrave «Dictionary of political economy» Vol II 1-st ed. London 1900.

2. A. Bowley. «Elements of statistics» 2 ed 1902.

3. H. Benini. «Principii di statistica metodologica». Torino 1906.

4. D. Schott. «Statistik» 1919.

5. Prof. André Liesse. «La statistique» 1911.

6. N. G. Pierson. «Index-numbers and appreciation of Gold» «The economic Journal» V. B.

7. K. Menger. «La monnaie mésure de valeur». Revue d'economie politique 6-me année. 1892.

8. Ihrwing Fischer. «The purchasing power of money» 1909.

9. Ihrwing Fischer. «The Stabilising the Dollar» 1920.

10. L. March. «Observation et stabilisation des prix». «Journ. de la Société de statistique de Paris» 54 année 1913.

11. I. Schumpeter. «Die Methode der Index-Zahlen». Statistische Monatsschrift X Jahrg. 1905.

12. A. W. Flux. «Modes of constructing index-numbers (the Quarterly Journal of economies»). Vol XXI Boston 1907.

*) В приводимый ниже список включены лишь важнейшие источники и пособия.

13. A. W. Flux. «The measurement of price changes». «Journ. of the Roal Statistical Society», March. 1921.

14. A. Bowley. «The changement of cost of living and the methods of their measurement». Journ. of the Roals Statist. Society Vol LXXXII. Май 1919.

15. Emil Hofmann. «Indexziffern im Inland und Ausland». Karlsruhe 1921.

16. G. Cassel. «World's monetary problems». Brussel 1920.

17. K. Diehl. Gold und Valuta». 1916.

18. Ernst Kahn. «Die Indexzahlen der Frankfurter Zeitung». 1921.

19. Проф. Н. С. Четвериков. «Метод Index-numbers, как способ изучения изменений ценности денег». Статист. Вестник 1914—15 гг. (там же указаны обширнейшая до-военная литература и источники по индексам).

20. Eulenburg. «Die Preisrevolution seit dem Kriege». «Jahrb. für Nationalökonomie und Statistik». 1920.

B. Важнейшие европейские и внеевропейские индексы помещаются в нижеследующих журналах и газетах.

1. «The Economist».	Англия.
2. «The Statist».	
3. «Labour-Gazette» (Board of trade).	
4. «Times» (газета).	
5. «Journal of the Royal Statistical Society».	
6. «Die Konjunktur» (Calwer).	Германия.
7. «Reichsarbeitsblatt».	
8. «Wirtschaft und Statistik». 1921.	
9. «Frankfurter Zeitung».	

10. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik».

11. «Statistische Monatsschrift» Wien.

12. «Statistique générale de la France» (соотв. годы).

C. Важнейшие русские источники.

1. «Свод товарных цен на русских и иностранных рынках» (до 1917 г.).

2. «Торгово-Промышленная Газета».

3. «Статистический Ежегодник» за 1918—1920 гг. вып. I. Изд. Ц. С. У.

4. «Бюллетени Центр. Статистического Управления» №№ 1—69.

5. Журналы: a) «Статистика Труда» (1918—1920 гг.).
b) «Материалы по статистике труда». Изд. Б. Ц. С. П. С., Ц. С. У. и Наркомтруда № 1—11.

6. «Известия Наркомфина».

7. Газ. «Экономическая Жизнь».

8. «Материалы и обзоры Экономической Жизни» (I—IV).

9. Статистич. Бюллетени и сборники местных и окраинных статбюро, как-то: гор. Киева (Украина), гор. Казани (Татреспублика), гор. Екатеринодара (Кубань) и т. д.

Кроме опубликованных данных имеются многочисленные рукописные материалы в Ц. С. У., Наркомтруде, Наркомфине.

С. А. Первушин.

Движение цен в Москв[е]

	1920 год.									
	Январь.		Февраль.		Март.		Апрель.		Май.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Мука ржаная	225	100	234,7	104,3	300	133,3	350	155,5	380	168,8
Хлеб ржаной	195	100	235	120,5	265	135,8	260	133,2	350	179,4
Пшено	245	100	345	140,8	335	136,7	370	161	475	193,8
Картофель	65	100	77	119,2	95	146,1	117	180,7	112,5	173,0
Говядина	462,5	100	450	97,2	475	102,7	600	129,7	850	183,7
Молоко	175	100	190	108,5	150	85,7	186	106,7	190	108,5
Масло русское. . . .	2000	100	2250	112,5	2350	117,7	850	117,5	2500	125
Соль	550	100	575	104,5	715	130	800	145,4	875	159,0
Сахарный песок . . .	750	100	325	110,0	1300	173,3	(1275)	170	1960	260,7
Ситец	205	100	205	100	325	158,5	395	192,6	525	256,0
Сапоги	13000	100	11000	84,6	15000	115,3	31000	208,8	32500	250,0
Галоши	4850	100	5500	113,4	8000	164,9	—	—	—	—
Спички	60	100	62,5	104,1	70	116,6	87,5	145,8	100	166
Керосин	300	100	300	—	400	—	—	—	—	—
Дрова	15000	100	—	—	—	—	—	—	—	—
Мыло	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица № 1-С.

(1920 г. январь принят за 100).

1920 год.

Июнь.		Июль.		Август.		Сентябрь.		Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.	
Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
512,5	327,7	650	288	600	266,6	625	283,3	575	255,8	700	281,7	850	377,3
435	223,0	485	248,7	545	294,8	440	225,6	475	243,0	550	282,0	850	435,7
600	244,8	825	336,7	875	357,5	975	397,4	950	387,7	925	377,5	1200	489,7
142,5	219,2	225	346,1	200	307,1	170	261	190	192	202	311,4	310	476,8
1000	216,2	1125	243,2	1100	237,8	1100	237,8	1000	216,2	1250	270	2150	464,8
200	114,2	275	157,0	390	222,8	425	242,8	525	300	750	428,5	1200	685,1
2800	—	3900	195	5000	250	5100	255	6000	300	7500	375	11500	575
1050	190,9	1200	218,1	1350	245,4	1350	245,4	1400	254	1350	245,4	1350	245,4
3250	433,9	3250	433,9	2950	393,3	3250	433,9	4000	533	4250	566,6	5750	766,6
950	463,4	1300	634	1250	609,4	1250	609,4	1650	766,0	1900	968	2000	975,0
35000	269,2	—	—	50000	384,1	—	—	(82500)	634,6	95000	730	130000	1000
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
105	174,7	135	224,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	60000	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

—

Движение цен в Москве

	1921 год.			
	Январь.		Февраль.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Мука ржаная	920	408,8	2000	888,8
Хлеб ржаной	650	333,3	2000	1025,1
Пшено	2000	816,3	2500	1020,4
Картофель	467,5	750,0	700	1076,9
Говядина	2750	594,5	3000	648
Молоко	1925	1100	1700	971,4
Масло русское	11000	550	14500	725,0
Соль	2000	327,2	2350	427,4
Сахарный песок	7000	933,3	10000	1333,3
Ситец	3000	1707,3	7000	3414,6
Сапоги	155000	1194,6	163000	1253,8
Галоши	30000	—	—	—
Спички	250	416,6	300	500,0
Керосин	725	—	—	—
Дрова	60000	—	—	—
Мыло	—	—	—	—

(1920 г. январь принят за 100).

1921 год.							
Март.		Апрель. 10/IV		Май.		Июнь. (19)	
Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
2250	1000	2000	888,8	2500	1111,1	4125	1833,3
3000	1538,4	2500	1282,1	2200	1128	3750	1923,1
4000	1632,6	3100	1265,3	3125	1275,5	5875	2397,9
825	1269,2	700	1076,9	700	1076,9	1450	2230,7
. 3000	648,6	6500	1405,4	7000	1513	6750	1459
2100	1200	1650	942,8	1550	885,6	2250	1285,6
25000	1250	16000	800	18000	900	21500	1075
4000	727,2	2750	500	2750	500	3500	636,3
16000	2133,3	10000	1333,3	17000	2260	19500	2600
6500	3170,7	6000	2926,8	5500	2682,9	9750	4756,1
200000	1538,4	242500	1865,3	175000	1346,1	250000	1923,1
—	—	—	—	—	—	80000	1649
450	750,0	375	625	350	583,3	500	833,3
1000	—	1000	—	1125	—	850	—
60000	—	80000	—	—	—	—	70000
—	—	—	—	—	—	—	—

Движение вольных цен на

Крупнейшие потребляющие центры Москва, Петроград,

		Январь-Июнь 1917 г.	1918 г.		1919 год.			1920 год.				
			Весна.	Осень.	Весна.	Осень.	Конец.	1/I.	15/I.	1/III.	15/IV.	15/V.
Рж. мука (1 пуд.)	Москва	10,9	170	400	900	2400	—	8000 100	—	15500	18500 166	1600 20
Пшено 1 пуд	Москва	8	240	535	1250	3800	—	10000	—	15700	18760	1695
Картофель	Москва	3,5	40	90	360	480	—	2400	—	3800	5400	495
Масло коровье 1 ф.	Москва	8,0	20	50	125	400	—	1900	—	2320	2220	252
Мясо 1 фунт	Москва	1,2	5,5	10	45	120	—	420	—	520	900	105
Рж. мука	Петроград	10	350	760	1600	4000	11600	—	11200	17600	16600	1600
Пшено	Петроград	6	400	1000	2400	6000	16000	—	16000	22400	23880	2000
Картофель	Петроград	3,5	50	140	700	1000	3500	—	3800	5600	7600	72
Масло коровье	Петроград	2,8	30	65	160	580	1900	—	2450	2600	1645	330
Мясо	Петроград	1,2	5	10,5	65	170	460	—	710	690	980	120
Рж. мука	Иваново-Вознесенск	7,5	125	250	550	1500	3500	4000 100	4500	8500	12000 300	1400
Пшено	Иваново-Вознесенск	7,6	100	180	425	2200	—	—	—	10000	14000	16000
Картофель	Иваново-Вознесенск	2,8	25	35	120	200	500	—	800	1800	2000	2700
Масло коровье	Иваново-Вознесенск	2,5	10	25	80	275	750	—	900	1200	1250	1500
Мясо	Иваново-Вознесенск	6,8	1,8	4,5	12	60	110	—	180	200	350	450

Таблица 1-D.

продовольственные продукты.

Иваново-Вознесенск (абсолютные числа, в рублях).

1920 год.						1921 год.							
15/VI.	15/VII.	1/IX.	1/X.	1/XI.	1/XII.	1/I.	1/II.	1/III.	1/IV.	1/V.	15/V.	15/VI.	Октябрь средняя.
19600	27000	32000 400	25000	31330	26000	32000 400	38000	110000	110000	110000 1372	108000	113000 1420	140000
24000	29320	38000	44000	38000	44000	46000	50000	—	—	107000	133000	220000	192000
6200	8250	6400	8400	8000	8400	9600	20000	23600	(26000)	36000	29000	42000	20600
2750	3150	4500	5300	6300	7750	9250	18165	16250	(19000)	21200	16700	18700	32200
1200	1000	1400	1200	1100	1275	1865	3250	3375	(3800)	6000	6500	5900	8200
17200	16800	24000	20000	22000	24000	32000	40000	80000	120000	86000	120000	132000	117000
22400	23200	28000	26000	48000	36000	72000	80000	-	160000	160000	190000	200000	256520
6000	11200	10000	5600	10000	9600	10000	24000	52000	36000	48000	44000	44000	28000
3235	4840	7000	6500	8250	9000	10000	16000	23000	19000	20000	20200	18400	36750
1550	—	1800	1800	2100	2500	2700	3000	4500	3000	7500	8000	7900	11820
12000	15000	20000 500	—	—	25000	28000 700	28000	55000	85000	85000	90000	125000 3120	117500
20000	—	30000	—	—	31000	42000	—	70000	—	—	120000	180000	210000
2500	4000	5000	—	—	5000	5000	8000	14000	25000	25000	26000	35000	8000
1600	—	3800	—	—	6500	8000	10000	10000	18000	18000	18000	17000	23500
480	—	600	—	—	1000	2000	2500	1500	2500	6000	6600	6400	5600

К а з а н ь

На первое числ

	1920 год.					
	Январь.		Февраль.		Март.	
1. Мука ржаная (1 фунт.)	26,5	100	33,2	124	36,8	137
2. Картофель (1 фунт).	9,8	100	13,5	138	18,2	187
3. Капуста	28,8	100	25	87,1	26,2	91,2
4. Масло коровье	490	100	787	162	886	181
5. Мясо	68,5	100	157,5	230	172	251
6. Яйца (шт.)	16	100	24,3	152	32	200
7. Сахар	400	100	687	173	766	191
8. Соль	245	100	298,7	121	381	154
9. Ситец 1 арш.	250	100	280	115	280	115
10. Ткань шерстяная (1 арш.)	2.000	100	2.200	110	2.500	125
11. Пальто летнее (штука)	25.000	100	25.000	100	25.000	100
12. Сапоги (мужск.)	5.750	100	5.750	100	7.250	126
13. Галоша	2.000	100	1.950	97,8	3.125	152
14. Мыло	(225)	100	251,2	112	325	142
15. Керосин	360	100	381	108	480	135
16. Дрова (куб. саж.)	30.000	100	34.000	113	44.000	144

(с 1 января 1920 г.). *Таблица № 2.*

каждого месяца (в рублях).

1920 год.											
Апрель.		Май.		Июнь.		Июль.		Август.		Сентябрь.	
112,5	424	150	569	285	1.054	300	1.120	425	1.615	400	1.512
40	402	50	503	50	503	82,5	843	137,5	1.041	112	1.214
40	139,7	40	139,7	38,5	134	62,5	218	50	178	50	178
1.250	253	1.600	328	2.000	406	2.200	450	2.350	481	2.300	476
225	327	350	516	475	694	550	807	600	878	650	949
50	312	55	345	50	312	60	378	85	532	71,5	446
850	212,5	900	225,0	2.250	562	2.525	632	3.500	875	3.000	750
525	214	725	296	1.000	402	800	327	575	234	625	256
550	220	750	300	1.266	512	1.400	560	1.400	560	1.300	520
3.000	150	4.000	200	4.000	200	5.600	280	5.500	275	5.000	250
25.000	100	30.000	120	30.000	120	35.000	140	45.000	180	45.000	180
10.000	174	14.000	243	25.000	436	25.000	436	28.000	489	25.000	436
5.500	275	11.000	550	8.500	400	8.000	400	8.500	425	12.000	600
500	224	600	268	825	364	1.400	623	2.000	691	2.000	891
450	127	450	127	400	112	450	127	500	144	550	152
48.000	160	100.000	331	104.000	342	100.000	331	100.000	331	100.000	331

	1920 год.					
	Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.	
1. Мука ржаная (1 фунт)	350	1.340	375	1.430	375	1.43[illegible]
2. Картофель (1 фунт)	100	1.076	120	1.230	150	1.53[illegible]
3. Капуста	80	281	—	—	—	—
4. Масло коровье	3.500	718	4.200	859	5.000	1.03[illegible]
5. Мясо	625	915	680	991	725	1.06[illegible]
6. Яйца (шт.)	78	487	—	—	—	—
7. Сахар	3.580	895	—	—	—	—
8. Соль	625	256	700	286	875	35[illegible]
9. Ситец (1 арш.)	2.300	920	2.750	1.100	(3.200)	—
10. Ткань шерстяная (1 арш.)	13.000	650	(15.000)	750	—	—
11. Пальто летнее (штука)	45.000	180	—	—	—	—
12. Сапоги (мужск.)	80.000	524	—	—	—	—
13. Галоши	17.000	850	—	—	—	—
14. Мыло	2.300	1.012	—	—	—	—
15. Керосин	450	127	—	—	—	—
16. Дрова (куб. саж.)	120.000	400	—	—	—	—

1921 год									
Январь.		Март.		Апрель.		15 Мая.		Июнь.	
450	1.710	940	3.540	1.400	5.300	3.250	12.440	7.000	26.310
137,5	1.400	350	3.584	600	6.120	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5.500	1.144	7.500	1.520	10 500	2.146	12.000	2.480	15.000	3.075
800	1.180	1.500	2.095	2.100	3.091	3.200	4.700	4.000	5.940
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
900	368	1.100	450	2.750	1.128	—	—	3.500	1.446
4.000	1.600	6.000	2.400	5.125	2.050	—	—	—	—
17.600	875	40.000	2.000	30.000	1.500	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40.000	695	65.000	1.133	115.000	2.300	—	—	—	—
30.000	1.500	40.000	2.000	75.000	3.750	—	—	—	—
2.500	1.120	4.000	1.782	4.000	1.782	—	—	—	—
2.000	556	1.500	421	1.200	338	—	—	—	—
160.000	532	160.000	532	280.000	932	—	—	—	—

Самара и Ставрополь

(В руб

	Январь.		Февраль.		Март.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
А. Самара.						
1. Мука ржан. (1 п.)	775	100	888	115	1056	13
2. Картофель (1 п.)	327	100	383	117	525	16
3. Мясо	105	100	142	135	200	19
4. Масло (кор.)	600	100	783	131	831	13
5. Соль	181	100	131	72	363	20
6. Мыло (простое)	150	100	190	126	305	20
7. Ситец (арш.)	383	100	513	132	587	16
8. Спички	30	100	34	114	38	12
9. Валенки (мужск.)	5333	100	5000	93	4000	75,
Б. Ставрополь.						
1. Мука ржан.	300	100	415	137	492	16
2. Мясо (1 ф.)	70	100	93	134	108	15
3. Соль	350	100	368	—	375	—
4. Сапоги (мужск.)	6000	—	8000	—	10500	—
5. Мыло (простое)	250	100	281	—	332	—
6. Спички (1 кор.)	50	100	48	—	63	—

Таблица № 3.

(с Января 1920 г.).

д я х).

Апрель.		Май.		Июнь.		Июль.		Август.		Сентябрь.	
Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1100	141	4600	581	4500	681	7000	903	—	—	—	—
800	245	1200	367	1800	550	8000	1635	4400	1223	4800	1468
245	233	367	349	425	405	350	333	—	—	400	381
1333	222	1375	229	1375	229	1775	295	1700	283	2500	416
538	297	—	—	—	—	530	292	400	221	—	—
367	245	593	398	850	574	1118	756	1200	800	1200	800
733	188	833	214	—	(310)	1667	429	1500	386	2400	618
43	144	65	212	—	(220)	70	234	—	(280)	100	322
—	—	—	—	—	—	-	—	—	—	—	—
560	187	700	232	3780	932	4480	1493	9250	3080	9500	3140
138	197	179	253	238	940	226	323	160	228	192	273
450	128	625	—	—	—	900	—	650	—	625	—
—	—	—	—	—	—	27500	—	—	—	—	—
395	—	425	—	—	—	1360	—	1200	—	1360	—
70	—	68	—	—	—	75	—	—	—	95	—

	Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
А. Самара.						
1. Мука ржан. (1 п.)	7500	968	—	1400	14500	[illegible]
2. Картофель (1 п.)	6667	2089	7575	2317	8667	[illegible]
3. Мясо	300	286	338	322	645	[illegible]
4. Масло (кор.)	3400	566	3575	595	4700	[illegible]
5. Соль	625	290	500	276	450	[illegible]
6. Мыло (простое)	1100	790	1267	841	1400	[illegible]
7. Ситец (арш.)	2250	679	2500	644	2750	[illegible]
8. Спички	200	667	233	778	330	[illegible]
9. Валенки (мужск.)	45000	848	40833	767	39000	[illegible]
Б. Ставрополь.						
1. Мука ржан.	8583	2850	10150	3386	10500	[illegible]
2. Мясо (1 ф.)	178	254	178	254	195	[illegible]
3. Соль	650	—	750	—	725	—
4. Сапоги (мужск.)	37500	—	41875	—	46250	—
5. Мыло (простое)	1750	—	1600	—	1463	—
6. Спички (1 кор.)	160	—	200	—	250	[illegible]

[1]) 1 июля.

1921 год.									
Январь.		Март.		Апрель.		Май.		Июнь.	
Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
15000	1942	35000	4514	50000	7792	—	—	235000 [1])	30140
8000	2466	15250	4680	36000	11075	—	—	120000 [1])	36920
625	595	1000	958	2000	1940	—	—	3700 [1])	3540
4200	700	7000,1	1166,1	612000	2000	—	—	12500	2090
—	—	850	470	—	(500)	—	—	—	(500)
1350	900	2000	1336	3500	2310	—	—	4500	3000
2700	694	3500	906	6500	1642	6500	1642	9000	2340
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12500	4160	21000	7000	70000	23300	77500	—	25800	—
200	286	650	1240	1500	2142	1500	—	2142	—
840	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Саратов

Движение цен

	Январь.		Февраль.		Март.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Мука ржаная (1 ф.)	25	100	35	140	40	160
2. Картофель (1 ф.)	7	100	9	128	20	286
3. Мясо (1 ф.)	120	100	150	125	200	166
4. Масло коровье	370	100	450	121	550	148
5. Молоко (бут.)	120	100	140	116	150	125
6. Сахар	—	800	100	900	112	1500
7. Соль	—	120	100	150	125	230
8. Ситец (1 арш.)	540	100	640	117	790	148
9. Сапоги	10500	100	14500	136	24000	232
10. Галоши	5250	100	—	—	7580	—

Таблица № 4.

(на 1 число).

с января 1920 г. (в рублях).

Апрель.		Май.		Июнь.		Июль.		Август.		Сентябрь.	
Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
50	200	75	300	85	340	125	500	150	600	225	900
20	285	35	500	20	285	35	500	65	928	80	1142
250	208	450	375	400	333	400	333	400	333	400	333
700	189	700	189	600	164	800	216	800	216	1000	270
170	141	175	145	150	125	150	125	175	145	200	166
187	1800	225	2000	250	2000	2500	312	2750	343	3000	375
191	200	166	300	250	300	300	250	300	250	250	208
965	178	(1500)	278	1665	307	1860	335	—	—	1935	358
25900	246	—	—	28340	—	—	—	—	—	44170	420
—	—	—	—	10750	—	—	—	—	—	16800	—

	Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.[1]	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1. Мука ржаная (1 ф.)	325	1300	350	1400	375	1500
2. Картофель (1 ф.)	100	1428	120	1714	130	1857
3. Мясо (1 ф).	400	333	450	375	500	41[illegible]
4. Масло коровье	1500	405	1500	405	1700	459
5. Молоко (бут.)	300	250	400	333	600	500
6. Сахар	3500	437	4000	500	6000	751
7. Соль	250	208	300	250	300	25[illegible]
8. Ситец (1 арш.)	2000	372	—	—	(2400)	446
9. Сапоги	—	—	—	—	48200	458
10. Галоши	—	—	—	—	—	

[1]) Цифра возбуждает сомнение.

1921 год.											
Январь.		Февраль.		Март.		Апрель.		Май.		Июнь.	
Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
400	1600	625	2500	1125	4500	2500	10000	3000	12000	6750	27000
275	3928	350	5000	700	10000	1400	20000	1020	14900	—	—
800	666	1800	1500	2200	1840	4000	3365	5000	4160	5000	4160
3000	8100	8000	2116	12000	3085	16000	4232	16000	4282	14000	3760
800	666	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1000	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
300	250	350	291	(600 [1])	664	—	—	800	664	600	500
2500	468	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
[illegible]0000	460	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Движение вольных цен на продовольс

Центральные промыш

	1917 г. январь—июль.	1918 г. весна.	1918 г. осень.	1919 г. весна.	1919 г. осень.	1919 г. конец.	1920 год. 1 января.	15 января.	1 марта.
Владимирская губ.									
Ржаная мука	8	200	—	20	1700	4300	5000	—	[illegible]
Пшено	—	—	—	—	2500	5000	5900	—	[illegible]
Картофель	2,8	30	40	160	270	550	680	800	[illegible]
Масло коровье	3	12	—	110	250	850	1000	1200	[illegible]
Мясо	1,2	—	—	17,5	60	120	160	160	[illegible]
Нижегородская губ.									
Ржаная мука	—	—	—	—	1120	2080	8000	9200	610
Пшено	—	—	—	—	1850	2100	9500	4000	—
Картофель	—	—	—	—	285	375	460	440	92
Масло коровье	—	—	—	—	210	510	600	680	110
Мясо	—	—	—	—	40	65	90	105	25
Гор. Тула.									
Ржаная мука	—	—	—	—	—	—	6000	—	—
Пшено	—	—	—	—	—	—	7500	—	—
Картофель	—	—	—	—	—	—	720	—	—
Масло коровье	—	—	—	—	—	—	1250	—	—
Мясо	—	—	—	—	—	—	240	—	—

Таблица № 5.

ственные продукты (в рублях).

ленные губернии.

1920 год.						1921 год.						
15 апреля.	15 июня.	15 июля.	1 сентября.	15 октября.	1 декабря.	1 января.	1 февраля.	1 марта.	15 апреля.	15 мая.	15 июня.	Октябрь средн.
9000	14000	18000	20000	22300	24000	24800	32400	38400	81000	95000	170000	122500
10000	—	19000	—	29000	32600	34500	45000	48000	125000	140000	235000	220000
2300	3000	3300	4000	4200	5100	5600	7200	7200	20000	22000	35000	12000
1700	1800	2250	3600	5600	5600	7100	9500	10900	16100	17500	17000	27000
300	400	500	420	460	535	985	1600	1610	3000	3300	4000	6000
6700	12000	14500	19000	23000	24000	25800	48000	49000	90000	98000	218000	152500
6200	14000	17000	20800	21000	—	28000	—	—	—	—	—	220000
1280	2130	3600	2800	2600	2900	4500	6200	—	100000	102000	230000	220000
1100	1280	1600	2200	3150	4500	6200	8400	6700	14200	16000	20000	26000
310	420	490	430	510	520	670	1450	7900	12500	11000	7000	6500
10000	18000	20000	19000	26000	25000	32000	47500	47600	75000	110000	160000	100000
13600	20000	32000	24000	32000	38000	48000	84000	84000	124000	116000	190000	134000
3200	6000	7000	6000	5000	5600	14000	18000	20000	40000	28000	48300	35000
2000	2600	2500	2600	4000	5000	10000	—	13000	15000	15000	15000	29500
600	550	500	600	600	1000	2000	2800	2800	2500	4500	4700	6250

Вольные цены на продоволь

Производящий район—

	1917 г. Январь—Июль	1918 год.		1919 год.			1 9 2 0 год.			
		Весна.	Осень.	Весна.	С 10 ч. Осень.	Конец.	1 Января.	15 Января.	1 Марта.	15 Апреля.
г. Симбирск.										
Рж. мука (1 п.)	5,2	55	50	65	350*)	800	900	1000	1450	2600
Пшено (1 п.)	6	75	70	80	400	—	1000	1200	1650	3000
Картофель (1 п.) . . .	1,8	—	8	—	90	(100)	120	120	175	270
Масло кор. (1 ф.) . .	2,5	—	20	60	285	475	500	560	875	1600
Мясо (1 ф.)	0,9	0,5	6	10	22	45	50	60	140	—
Симбирская губ.										
Рж. мука	5	—	60	50	340	650	700	850	875	2100
Пшено	6	—	80	—	—	800	900	10000	1400	2700
Картофель	1,6	—	7,5	—	...	130	—	160	165	370
Масло кор.	2,4	—	20	50	140	425	500	600	850	1030
Мясо	0,8	—	5,8	8	24	48	50	60	155	210
Казанская губ.										
Рж. мука	5	35	60	80	400	650	750	825	1500	2600
Пшено	—	—	—	—	720	850	900	1000	2600	4100
Картофель	—	—	—	—	160	180	200	220	650	1000
Масло кор.	2,5	—	—	65	180	350	500	800	800	1800
Мясо	0,75	—	—	8	28	40	55	140	140	200

*) 1 Сент. 1919 г.
**) Казань—270000 р. (мука), пшенич. мука—440.000.

Таблица № 6.

ственные продукты (в рублях).

Средне-волжские губернии.

1920 год.					1921 год.							
15 Июня.	15 Июля.	1 Сентября.	1 Ноября.	1 Декабря.	1 Января.	1 Февраля.	1 Марта.	1 Апреля.	1 Мая.	15 Мая.	15 Июня.	Октябрь средн.
6500	7500	11000	11000	13000	17000	29000	45000	76000	115000	160000	280000	202500
4800	10000	12000	12000	12000	20000	36000	60000	80000	180000	140000	280000	215000
3600	3200	3000	3000	3600	4000	10000	25000	40000	40000	40000	80000	21000
1600	1600	2500	3400	4200	8500	6000	12000	15000	20000	14000	12500	1450
400	330	450	500	550	850	1500	2000	35000	—	3500	3500	3200
6000	10000	12000	12000	12500	13400	20000	42000	70000	100000	126000	265000	215000
4500	11800	13000	13000	18000	--	30000	51000	84000	120000	180000	260000	225000
870	1500	2300	2400	2800	3000	3500	10000	19000	40000	40000	70000	20000
1200	1450	2400	2600	3200	6500	7600	10000	12600	18000	18000	10800	13000
260	800	800	300	800	510	900	1200	2600	—	3000	2750	3000
7800	12000	7000	9500	14000	16000	20000	36000	52000	70000	100000	235000**)	190000
10000	18000	13000	15500	19000	21000	29000	42000	69000	88000	120000	230000	200000
1450	2000	2800	4700	5000	5600	7900	12000	13600	24000	32000	64000	29500
1650	1800	2200	3200	4400	4900	6000	7200	7450	11000	11000	12000	19000
360	360	350	330	850	500	1000	1280	1600	2600	3200	3200	4000

Вольные цены на продовольств

Производящий район

	1917 г. Январь—Июль.	1918 г. Весна.	1919 г. Весна.	1919 г. 1 Сентября, Осень.	1919 г. Конец.	1920 год. 1 Января.	15 Января.	1 Марта.	1 Апреля.	15 Апреля.	1 Мая.	15 Мая.
Саратов.												
Ржаная мука 1 пуд . .	5,20	45	60	600	1100	1000	1400	1600	2000	2200	3000	3000
Пшено 1 пуд	6	—	75	600	1300	1000	1500	1600	2100	2300	2800	3200
Картофель 1 пуд	1,8	—	—	180	250	250	250	600	1200	1300	1600	1000
Масло коровье	2,5	—	—	160	600	600	650	950	1800	1800	1800	1500
Мясо 1 фунт	1,0	—	17	35	125	125	120	200	300	300	450	200
Саратовская губ. (уездн. гор.).												
Ржаная мука	4,8	40	50	450	600	600	800 100	1100	1800	1900	1900	1900
Пшено	5	50	75	600	750	600	850	—	1700	1700	2000	2000
Картофель	1,8	—	—	60	100	—	120	400	360	400	860	375
Масло коровье	2,4	—	—	280	400	—	450	800	1000	1000	1000	1250
Мясо	0,8	—	—	45	75	—	75	120	190	190	225	260
Царицынская губ.												
Ржаная мука	—	—	—	—	900	—	—	—	—	—	—	—
Пшено	—	—	—	—	1000	—	—	—	—	—	—	—
Картофель	—	—	—	—	140	—	—	—	—	—	—	—
Масло коровье	—	—	—	—	450	—	—	—	—	—	—	—
Мясо	—	—	—	—	75	—	—	—	—	—	—	—

[1]) Кузнецк—300000, а говяд. 3 и 2 тыс.

ые продукты (в рублях). *Таблица № 7.*

жно-Волжские губернии.

15 Июля.	1 Августа.	1 Сентября.	15 Сентября.	1 Октября.	1 Ноября.	1 Декабря.	1 Января.	1 Февраля.	1 Марта.	1 Апреля.	1 Мая.	15 Мая.	15 Июня.	Октябрь средн.
1 9 2 0 г о д.							1 9 2 1 г о д.							
00	5000	9000	12000	12000	14000	15000	16000	25000	45000	85000	120000	180000	260000	160000
00	5000	7500	12000	12500	14000	16000	22000	35000	65000	600000	140000	220000	300000	195000
00	2000	3200	4800	5000	5000	5200	9000	14000	28000	58000	48000	56000	85000	40000
00	1500	1800	2500	3000	3300	4000	7500	8000	12000	15000	16000	10000	11000	18000
320	340	400	400	400	450	500	800	1800	2200	3000	5000	4000	3500	4500
300	3700	—	6700	5500	6500	7600	14500	18000	95000	67000	90000	145000	270000*)	170000
200	3200	—	7000	7700	9200	10500	14000	19500	40000	69000	110000	160000	280000	200000
00	600	—	850	850	1550	2250	4250	7000	9400	22000	36000	55000	84000	33000
350	1400	—	1500	1550	2000	2650	4200	5900	8200	11200	13500	10000	10000	16500
00	325	—	250	250	300	240	375	650	1450	1850	2600	8700	2750	3200
—	—	—	—	12000	12000	12000	14500	21000	35000	40000	—	95000	—	170000
—	—	—	—	12500	12000	13500	22000	33000	50000	—	—	100000	—	—
—	—	—	—	5000	5000	6250	6200	6200	26000	—	—	40000	—	—
—	—	—	—	2000	2000	2900	3375	4700	7000	7500	—	6500	—	—
—	—	—	—	175	175	335	400	525	900	2000	—	2000	—	—

Колебание цен на ржаную муку по

		1914.	1917.	1918.		1919.	
			Июль.	Весна.	Осень.	Весна.	Осень.
Москва	абс.	1,1	5,07	200	290	920	2400
	отн.	100	100	100	100	100	100
Петроград	абс.	1,3	5,3	420	—	1600	4000
	отн.	118	104,3	148	—	176	168
Иваново-Вознес.	абс.	1,0	4,9	130	—	600	1500
	отн.	91,2	96,1	65,2	—	65,1	62,6
Смоленск	абс.	1,0	—	—	—	400	1000
	отн.	91,2	—	—	—	43,6	41,9
Тверь	абс.	1,05	—	185	—	600	350
	отн.	95,4	—	92,1	—	65,1	56,9
Кострома	абс.	0,90	—	130	—	550	—
	отн.	81,8	—	65,1	—	59,8	—
Казань	абс.	0,80	—	35	—	85	600
	отн.	72,7	—	23,1	—	9,4	28
Симбирск	абс.	0,70	—	56	—	65	600
	отн.	63,7	—	33,2	—	7,06	25,0
Саратов	абс.	0,80	—	42	—	50	600
	отн.	72,7	—	27,4	—	5,1	25,0
Орел	абс.	0,90	4,2	70	—	160	—
	отн.	81,8	82,0	35,0	—	17,6	—
Пенза	абс.	0,80	—	—	—	—	600
	отн.	72,7	—	—	—	—	25,0
Рязань	абс.	0,90	4,35	—	—	—	14000
	отн.	81,8	—	—	—	—	58,7
Калуга	абс.	0,90	4,35	—	—	—	1500
	отн.	81,8	85,6	—	—	—	62,4
Вологда	абс.	0,85	—	—	—	—	1500
	отн.	77,3	—	—	—	—	62,4

Таблица № 8.

различным районам России.

1920.				1921.		
Январь.	Апрель.	Июль.	Сентябрь.	Январь.	Апрель.	Июнь.
8000 100	13500 100	19000 100	26500 100	32000 100	100000 100	160000 100
12000 150	166000 123	17200 87,6	24000 90,2	32000 100	132000 132%	150000 93%
3500 43,8	12000 88,9	12000 61,2	22000 83,1	28000 87,8	20000 90,0	150000 93,0
2500 31,6	7500 55,6	10000 51,1	— —	18000 56,8	65000 59,5	150000 93
4000 50,0	8000 59,4	11000 58,7	16000 60,2	19000 59,4	— —	140000 87,8
— —	— —	16000 82	17000 64,8	22000 68,8	90000 81,8	200000 125
1000 12,5	5000 57,8	12000 61,2	13600 51,4	18000 56,2	130000 118,2	290000 180,2
900 11,2	2600 19,4	6500 33,4	— —	17000 53,4	— —	300000 187,3
— —	2200 16,4	3500 17,2	12000 45,1	16000 50,0	180000 163,4	270000 168,8
— —	10000 74,8	10000 56,8	— —	— —	75000 68,5	130000 80,1
900 11,3	4000 29,4	6000 30,7	— —	13000 40,8	120000 109,8	200000 125
— —	12000 89,1	— —	— —	35000 119,1	100000 100	190000 119
5600 70,0	12000 89,0	18000 91,8	— —	— —	90000 90	150000 93,1
— —	— —	— —	— —	20000 63,5	70000 63,8	140000 87,8

Вольные цены на продо

Производящий район-

	1917 г. Январь—Июль.	1918 г. Весна.	1918 г. Осень.	1919 г. Весна.	1919 г. Осень.	1919 г. Конец.	1920 год. 15 января.	1920 год. 1 марта.	1920 год. 15 апреля.	1920 год. 15 мая.	1920 год. 15 июня.
г. Пенза.											
Ржаная мука 1 п. . .	5,6	75	75	100	700	850	1200	1500	4000	5000	6000
Пшено	6	—	—	100	800	650	100 1000	125 1000	133 —	2500	500 4000
Картофель	2	—	9	—	120	160	100 200	180	450	800	400 600
Масло коровье	2,4	—	—	45	180	380	450	700	236 —	—	300 1500
Мясо	0,9	—	—	12	40	65	100 65 100	170	300 46	400	[illegible] 460 65
г. Тамбов.											
Мука ржаная	5,4	—	—	80	820	1300	1600	3000	4500	8500	12000
Пшено	—	—	—	80	750	860	100 1100	2000	3800	7000	10000
Картофель	—	—	—	—	—	250	100 300	600	800	1000	2500
Масло коровье . . .	2,5	—	—	60	—	600	600	1000	1500	1500	1800
Мясо	1,2	—	—	12	40	55	40	180	350	350	400
Тамбовская губ.											
Мука ржаная	5,2	—	—	—	—	1000	1400	2100	2800	6000	9000
Пшено	4,5	—	—	—	—	700	1200	1800	1750	5000	7000
Картофель	2,25	—	—	—	—	160	200	350	525	600	1100
Масло коровье . . .	2,5	—	—	45	—	400	450	720	900	1000	1250
Мясо	0,8	—	—	9	—	45	60	160	225	300	270

Таблица № 9.

вольственные продукты (в рублях).

Средне-черноземные губернии.

1920 год.						1921 год.							
15 июля.	1 сентября.	15 сентября.	1 октября.	1 ноября.	1 декабря.	1 января.	1 февраля.	1 марта.	1 апреля.	1 мая.	15 мая.	15 июня.	15 сентября.
10000	7000	7000	—	7000	8000	15000	30000	38000	60000	—	120000	250000	140000
	583	583				1833		3166	5000		1000	2834	
6000	10000	10000	—	10000	12000	18000	32000	40000	60000	—	11000	260000	140000
	1000	1000				1800		4000	6000		1100	2000	
1600	—	2000	—	2500	3000	6000	8500	11000	18000	—	22000	56000	180000
		1000				3000		5500	9000		11000	27800	
1500	2000	2100	—	3000	3000	5000	8000	5500	14000	—	13000	10000	14000
	444	466				1111		1717	3111		2888	2222	
500	500	500	—	350	400	500	1600	1600	3500	—	5000	4000	4500
		76				76		246					
15000	10000	12000	12000	12000	—	13000	20000	45000	55000	90000	100000	220000	165000
16000	15000	15000	15000	16000	—	17000	25000	55000	60000	100000	120000	280000	165000
3000	2500	4000	3000	3500	—	3500	11000	18000	20000	25000	30000	60000	27500
1600	1700	2000	2500	3200	—	4000	8000	10000	11000	11500	11000	13000	18500
350	400	450	400	400	—	600	1800	2000	2000	4000	5500	4000	4500
16200	10000	10500	10000	11000	—	13000	23000	60000	58000	90000	85000	208000	128000
17000	11000	11000	12500	—	—	16000	29000	68000	65000	85000	100000	215000	160000
2000	1150	1400	1460	—	—	2600	6100	10000	13100	21000	26000	50000	25000
1380	1100	1100	1500	—	—	4700	6600	9100	9000	9000	10500	12500	18000
325	300	300	316	—	—	400	950	1800	1940	3400	3200	4300	4500

Таблица № 10.

Стоимость (ежемесячная) 2700 калорий в различных районах России.

Название района, города.	1921 год.							
	1 января.		1 апреля.		1 июля.		1 ноября.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1. Москва	4678	100	9360	100	16105	100	13900	100
2. Средняя по всем районам	2388	51,0	6034	64,2	13940	86,5	13100	94
3. По всем губ. города	2890	61,4	7213	77,2	15216	95,0	13900	100
4. По всем уезд. гор.	1963	42,0	5047	54,1	12861	80,0	12500	60,0
5. Северный район (средняя)	2883	61,7	6433	68,8	12420	77,1	13200	95,2
6. Петроград	4166	89,0	12526	134,1	16473	102,1	—	—
7. Губернские города (северной области)	3211	68,7	7705	81,2	13463	83,2	—	—
8. Уездные города (северной области)	2237	47,9	3943	42,1	10369	64,0	—	—
9. Западный район (средн.)	2394	49,2	5996	64,1	10395	64,0	11000	78,1
10. Губернские города (западная область)	2634	56,4	6253	66,7	12405	77,0	—	—
11. Уездные города (западная область)	2172	46,4	5904	63,1	9672	60,2	—	—
12. Центр.-промышленн. (средн.)	2942	62,7	7369	78,4	13120	81,2	12000	79,1
13. Иваново-Вознесенск.	2638	56,4	7097	75,4	15615	97,1	—	—
14. Губернские города (центр. пром. обл.)	3195	68,7	7888	84,6	13853	85,8	—	..
15. Уездные города (центр. пром. обл.)	2567	54,7	6653	71,1	12028	75,0	—	—
16. Центр.-землед. (средн.)	2792	59,6	6308	67,4	13277	82,0	12500	80,0

Название района, города.	1921 год.							
	1 января.		1 апреля.		1 июля.		1 ноября.	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
17. Тамбов	1738	87,8	7690	82,1	17675	110,1	—	—
18. Губернские города (центр. землед. обл.	3549	75,8	7789	83,4	14717	91,6	—	—
19. Уездные города (центральн. землед. обл.).	2324	49,8	5898	59,6	12387	76,8	—	—
20. Приволжский район (средняя)	2061	46,6	6229	66,4	17868	109,8	15500	111,8
21. Казань	2347	50,2	6923	68,4	28589	144,1	—	—
22. Губернские города (области)	2263	48,5	6943	74,2	19620	120,4	—	—
23. Уездные города (обл.)	1886	39,4	5610	60,1	15417	109,6	—	—
24. Приуралье (средняя)	1207	26,0	3198	34,6	14749	91,3	14000	102,1
25. Уфа	1559	33,4	4756	50,7	20280	131,3	—	—
26. Губернские города (области)	1614	34,2	3652	39,1	16595	103,2	—	—
27. Уездные города (обл.)	1088	23,2	3065	32,7	14206	88,7	—	—
28. Украина (средняя) .	1598	34,4	3842	41,4	9292	67,8	—	—
29. Харьков	2950	63,4	5592	59,3	14093	88,3	—	—
30. Губерск. города (обл.)	1753	37,8	3851	41,4	9069	56,4	—	—
31. Уездные города (обл.)	1492	30,6	3832	40,8	9414	68,4	—	—
32. Кубань (средняя) . .	3145	67,4	5620	60,2	19230	119,4	—	—
33. Сибирь (средняя) . .	1652	36,4	2592	27,4	6640	41,7	—	—
34. Томск	3825	81,4	4540	47,8	8954	55,6	—	—
35. Иркутск	5625	109,8	4641	48,7	8044	50,6	—	—
36. Губерск. города (обл.)	2527	54,0	3292	35,1	7969	49,4	—	—
37. Уездные города (обл.)	736	15,8	1825	20,0	6091	33,4	—	—
38. Туркестан	574	12,8	1538	16,2	5026	32,3	—	—

Эмиссионное хозяйство, как экономическая категория.

Доклад С. А. Фалькнера, прочитанный 11 июня 1920 г.

I. Организационное строение эмиссионного хозяйства.

Среди многих неожиданностей, которые явила для теории хозяйства эпоха мировой войны, различные новообразования в сфере денежного обращения и государственного хозяйства были одними из наименее предвиденными.

Такие явления, как возрастание обращающейся на данной территории денежной массы в 300—400 раз, как рост цен от 2 до 10 тысяч раз, как ценностное размежевание совершенно одинаково бесценных бумажных знаков по чисто внешним признакам, как вытеснение из оборота все более и более мелких купюр за их ненужностью, как преимущественное или даже почти исключительное финансирование в течение ряда лет всех государственных операций за счет бумажно-денежных эмиссий, и, несмотря на все это, продолжение функционирования аппарата денежного обращения и полное фиаско весьма многочисленных предсказаний о его крушении, — все эти явления, заслуживающие самого пристального внимания теоретика, побуждают задуматься о самом **методологическом подходе** к их исследованию и уяснению.

С этой точки зрения для экономической теории, стремящейся осознать всю совокупность явлений денежного хозяйства переживаемой эпохи, возможны **два пути**.

Во-первых, можно исследовать их с точки зрения привычных, уже вовлеченных ранее в круг теоретического знания и замкнутых его формулами и обобщениями, денежных отношений; тогда анализ сведется к составлению длинного **каталога укло-**

ний современности от предуказанных ей прошлым путей, уклонений такого размаха, что самые нормы и масштабы, с которыми мы будем подходить к ним для их регистрации, грозят потеряться и утратить всякое значение.

Во-вторых, можно попытаться подойти ко всему сложному круговороту современности синтетически и искать норм и масштабов в нем самом, дабы не утратить критерия соразмеренности орудия и об'екта познания и усвоить взаимную связь элементов и тенденций этого круговорота в их специфическом своеобразии.

Теоретическую закономерность такого подхода перед лицом грандиозных событий современности оспаривать вряд-ли возможно. Научность такой попытки синтетического познания будет целиком зависеть оттого, насколько удастся при этом найти своеобразные организационные принципы, лежащие в основе своевременного денежного хозяйства; принципы, формулировка которых позволила бы противопоставить его, как систему, денежному хозяйству до-военного и, быть может, после-военного времени.

Однако, нельзя отрицать того обстоятельства, что против этого второго пути и, стало быть, в пользу первого говорят соображения чисто практические. Действительно, дезорганизующее влияние бумажно-денежных эмиссий на все народное хозяйство является фактом не только общеизвестным и общепризнанным, но и побуждающим стремиться к возможно более быстрому оздоровлению денежного хозяйства и ликвидации эмиссионного финансирования. Вот это вполне законное стремление и приводит к гипертрофии практической точки зрения в ущерб точке зрения теоретико-познавательной и к затушевыванию тех своеобразных закономерностей, которые могут быть вскрыты на почве чисто об'ективного анализа. Не подлежит сомнению, что рассмотрение современных денежных отношений с точки зрения многообразных уклонений его от нормальных форм придает в массовом сознании, слабо различающем теоретический и практический аспекты, особую убедительность пропаганде возвращения к нормальным формам. Но для теоретика, зато, такое смешение аспектов карается почти всегда не только неполным усвоением наблюдаемых явлений, но и ошибочным прогнозом тенденций их дальнейшего развития.

Автор этого доклада выдвигает на первый план задачи чисто теоретические, ибо только на основе строго об'ективного познания сущего можно стремиться к выработке столь же об'ективно значимых тезисов практической политики и осознать неизбежное ограни-

чение различных пожеланий условиями и возможностями реально данной обстановки. На этой основе он стремится к систематическому познанию всего круговорота денежного хозяйства в целом и ищет основных обобщающих принципов, которые могли бы послужить ключем к уяснению своеобразия уже эмпирически нащупываемых нами закономерностей.

В этой проблеме уже с самого начала следует наметить **три различных подхода**, последовательное углубление которых и даст нам возможность выделить три основные принципа построения того, что можно назвать «**системой эмиссионного хозяйства**», ибо в основе ее лежит факт массовых и систематических эмиссий бумажных денег.

Первый подход будет подходом **финансовым**, ибо в условиях государственного хозяйства коренится самый источник и стимул реорганизации обычного денежного хозяйства в хозяйство эмиссионное. Признак, который вскрывается им, будет иметь поэтому характер **генетический**.

Второй подход будет направлен к самому ядру системы — ее **денежной** характеристике, и принцип, вскрываемый им, будет иметь значение **принципиально-теоретическое**.

И, наконец, третий подход будет иметь целью выяснить **обще-экономическое** значение специфической формы эмиссий и будет стремиться выяснить **обще-организационные** принципы эмиссионного хозяйства.

Что касается **финансового генезиса** эмиссий, то он может быть формулирован в следующих положениях.

Давление нормальной финансовой системы капитализма — системы налоговой — на доходный бюджет населения имеет вполне определенные пределы. При всяком значительном повышении налоговых требований государства, коим увеличивается давление на потребительские бюджеты широких масс населения, сопротивление последних сокращению их потребительных возможностей прогрессивно увеличивается, и, как следствие отсюда, норма поступлений на каждую новую единицу требований понижается. Поэтому, при всяком значительном увеличении расходов (школьным примером является война) налоговая система получения государством нужных ему покупательных средств быстро исчерпывается и пополняется или даже заменяется произвольным созданием их самим государством.

Между тем, с точки зрения финансово-организационной, эмиссионная система противостоит налоговой, как ее антитезиса, существо ее может быть формулировано весьма сжато и точно.

В то время, как в налоговой системе государство получает нужные ему средства путем принудительного из'ятия из обращения уже циркулирующих денежных знаков, в системе эмиссионной оно достигает того же путем столь же принудительного внедрения в обращение новых произвольно создаваемых им денег.

В первом случае совокупная величина обращающейся денежной массы остается неизменной, и сокращается лишь та часть ее, которая находится в частном обладании; во втором случае количество денежных единиц, находящихся в частном обладании, прелиминарно остается неизменной до того момента, пока новые суммы их, увеличивающие собою их общую массу, не перейдут в частное обладание, искусственно понижая ценность уже обращавшихся ранее сумм.

Принципиально самостоятельность эмиссий, как финансовой системы, обосновывается не просто фактом выпуска бумажных денег, как это часто приходится слышать, а именно фактом принудительного внедрения их в обращение в обмен за из'емлемые из обращения реальные ценности.

И принудительность этого внедрения заключается не в том, что вновь созданные денежные знаки нельзя отличить по внешнему виду от обращавшихся ранее (с таким утверждением тоже часто приходится сталкиваться), а в том, что государство, уравнивая новые знаки в их законной платежной силе со старыми, чисто фактически делает их единственным средством расплаты по своим обязательствам, так что контрагентам государства выбора не предоставляется.

Внешне же новые денежные знаки часто можно отличить от старых даже и при тождестве рисунка и написания по номеру серии, а часто, как мы знаем, и рисунок и написание бывают совершенно новыми, а оборот все же вынужден не только принимать их, но и длительно пользоваться ими, ибо раз внедрившиеся в обращение новые платежные средства, ставшие орудием расчетов между частными лицами, только как платежное средство, т. е. в порядке обмена на какие-либо замещающие их ценности, могут быть из'яты из обращения.

В связи с этой финансово-генетической характеристикой эмиссионного хозяйства необходимо констатировать два обстоятельства.

Во-первых, метод эмиссий является самым мощным и эффективным среди всех финансовых методов капитализма. В этом нас убеждает тот эмпирически непреложный факт, что государства тем чаще и тем полнее используют его, чем слабее их финансовая организация и чем меньше их хозяйственное достояние. Именно, поэтому, самые бедные и хуже всего организованные страны в Европе—Россия и Австрия—являлись в течение всего XIX в. классическими примерами почти перманентных бумажно-денежных эмиссий.

И, во-вторых, необходимо иметь в виду, что выпуск бумажных денег является лишь второй в истории человечества формой воплощения эмиссионного принципа. Металлическое обращение само по себе немало не препятствует осуществлению эмиссионной политики, хотя эти опыты, имевшие огромное значение в течение длинного ряда веков, ныне почти совершенно позабыты.

Кто штудировал экономическую литературу раннего меркантилизма (я укажу хотя бы только на писателей XVI и XVII веков— Scaruffi, Doreanzati, Antonio Serra — в Италии, Жана Бодена и du Haslann'а — во Франции, Джона Гальса — в Англии, Мельхтора фон-Эссе и полемику летучих листков Альбертинской и Эрнестинской линий — в Германии,—тот знает, насколько вопрос об изменении металлического содержания монет, применявшемся всеми владетельными герцогами и королями Европы для пополнения своей казны, стоял тогда в центре общественного внимания.

Такое «ухудшение» денег проводилось в двух различных формах.

С одной стороны, понижалось содержание благородных металлов во вновь выпускаемой монете того же наименования, что и обращавшаяся старая. С другой стороны, предпринимались и универсальные перечеканки всей обращающейся денежной массы с тою же целью.

Другим примером первой формы может служить последовательное понижение содержания серебра в английской монете. В течение 6 царствований от Вильгельма-Завоевателя до Елизаветы количество пенсов, чеканившихся из одного тоуэрского фунта серебра, 10 последовательными приемами было увеличено с 240 до 697$^1/_2$. А так как основная денежная единица Англии—фунт стерлингов—легально продолжал оставаться равным 240 пенсам (20 шиллингам по 12 пенсов), то его металлическое содержание было тем самым понижено с 1 полного тоуэрского фунта серебра до 240/697½ его, т. е. почти в три раза, причем после каждого

из 10 понижений его ценности английское правительство расплачивалось новыми обесцененными фунтами стерлингов по обязательствам, заключенным в старых полноценных, так что разница между старым и новым содержанием серебра в фунте стерлингов пополняла собою доходы казны.

Примером еще более грандиозного масштаба может служить опыт металлической эмиссии царя Алексея Михайловича, когда вместо серебряных полтинников были выпущены медные, за которыми последовали алтыны, гроши и копейки, причем вскоре вся эта монета упала, по сравнению с серебром, до $^1/_{17}$ номинала. Позже она обесценилась еще гораздо больше и лишь через 9 лет была выкуплена казной по $^1/_{100}$ ее выпускной номинальной ценности, т. е., приблизительно, по цене содержавшейся в ней меди.

Как на пример второй формы, укажу на одну из последних операций этого рода во Франции, произведенную уже в XVIII веке в эпоху регентства.

Французский финансист середины XVIII века Dutôt рассказывает:

«12 октября 1715 года регентом было дано торжественное обещание не изменять номинальной цены денег, но ровно через два месяца в декабре 1715 г. был издан декрет, повелевавший сдать всю звонкую монету на монетный двор под предлогом изменения лицевого изображения короля. На монетном дворе принимали луидоры, ходившие по 14 ливров за 16, а серебряные экю в 3 ливра 10 су за 4 ливра. Выдавали же их назад—луидор за 20, а экю за 5 ливров.

Герцог Ноайль (президент финансового совета) надеялся, что на монетный двор поступит, по крайней мере, 1 миллиард, и что он получит барыша до 200 миллионов, но ошибся. На монетный двор принесли лишь 379 миллионов, и весь барыш от новой операции не превышал 72 миллионов».

Таково финансовое существо эмиссионной политики, весьма древней по идее и лишь достигшей в эпоху мировой войны необычайного напряжения и в корне изменяющей всю физиономию менового хозяйства.

2. Гораздо больше трудности представляет формулировка второго основоположного принципа эмиссионного хозяйства — **принципа ее денежного обращения**. К нему можно подойти, лишь отдавая себе ясный отчет во всей совокупности свойств

до-военной системы золотого обращения, как она выработалась в течение ряда последних десятилетий.

Здесь, прежде всего, нужно констатировать, что заимствованная от классической школы традиционная характеристика золотого обращения, как денежной системы, с постоянно устойчивой ценностью денежной единицы, должна быть ограничена весьма существенными оговорками.

Эта устойчивость была на деле весьма относительной и могла быть утверждаемой лишь в связи с двумя обстоятельствами: во-первых, с тем, что изменения ценности золотой единицы происходили лишь медленно и постепенно и, во-вторых, с тем, что в каждый данный момент a priori нельзя было предвидеть направления грядущего изменения этой ценности, будет ли она повышаться или понижаться.

Однако, изменения в кон'юнктуре мирового рынка, с одной стороны, и величине денежной массы со всеми ее суррогатами, с другой,—создали в истории денежного обращения мирового хозяйства в течение последних трех четвертей XIX века весьма яркую картину последовательных сдвигов покупательной силы золотой единицы, как они отразились в движении мирового уровня цен.

Как известно, в истории цен мирового хозяйства, помимо общеизвестных повышений и понижений их, в 10—11-летние периоды промышленных циклов, резко разграничиваются 3 основные волны. Примерно, с 1850 до 1873 года идет непрерывная волна повышения денежных цен или, что то же, понижения ценности всех металлических единиц различных национальных систем денежного обращения. Оно сменяется обратной волной понижения цен с 1873 до 1896 года.

Наконец, во всей Западной и Восточной Европе с 1896 г., а в Соединенных Штатах с 1897 г. подымается новая волна всеобщего повышения цен, которое продолжается вплоть до начала мировой войны и в последние годы перед нею превращается в настоящее социальное бедствие. Достаточно сказать, что за этот короткий, сравнительно, 17-летний период цены мирового хозяйства поднимаются, в среднем, на 45—50%.

Внутренний механизм и исходная стимулировка этих правильных, сменяющих друг друга, волн в мировом движении цен, с заметным общим преобладанием повышательных сдвигов над понижательными, несмотря на вызванную ими чрезвычайно обширную

литературу на всех языках, не могут считаться вполне выясненными. Однако, ясно одно: имели ли здесь преимущественное значение факторы, лежащие на стороне денег или на стороне товаров, самый факт длительных изменений общего уровня цен является выражением противоположных им изменений ценности (покупательной силы) денег.

Таким образом, с точки зрения ценностей, вся общепринятая система нерегулированного металлического обращения XIX и XX веков должна быть охарактеризована, как система медленных, a priori неопределимых изменений ценности денежной единицы, с эмпирически намечающейся общей тенденцией понижения ее.

И вот этой системе нерегулированной, т. е. свободно вырабатываемой в меновом взаимодействии отдельных хозяйствующих ячеек, ценности денежного обращения должны быть противопоставлены две другие системы, среди которых система металлического обращения занимает лишь промежуточное место.

Одна из них является пока созданием аналитической мысли некоторых крупных экономистов - теоретиков; другая дана житейскому и научному опыту в эпоху мировой войны и требует от науки лишь синтезирующих формулировок для ее теоретического осознания.

Первая из этих систем была создана как раз с целью устранения ценностных дефектов системы металлического обращения, столь болезненно отражающихся на всем функционировании социального организма. В 1911 году, когда всеобщее повышение цен привело к резкому обострению всех социальных противоречий капитализма, в Соединенных Штатах была образована специальная комиссия для исследования причин дороговизны и форм борьбы с нею, опубликовавшая свои работы в ряде томов. В то же время, когда вся теоретическая мысль была поставлена перед этими же вопросами, крупнейший теоретик денежного обращения Америки Ирвинг Фишер выступил с предложением противодействовать вздорожанию жизни не отдельными локальными мероприятиями и паллиативами, а реконструкцией денежной системы в целом.

Основная идея его проекта сводилась к тому, чтобы перейти от системы свободного нерегулированного металлического обращения, которое подвержено всяческим случайным влияниям в виде изменений в добыче золота и обращении денежных суррогатов или

сознательных давлений наиболее мощных финансовых об'единений, к системе денежного обращения, регулируемого в целях максимальной стабилизации покупательной силы денежной единицы. Если превратить показатель изменения покупательной силы денежной единицы—движение общего уровня цен—в масштаб для регулирования обращающейся денежной массы для обратного давления на цены, то цель стабилизации, столь необходимой для всей экономической жизни, будет достигнута, и ценность денег будет, в худшем случае, подвергаться кратковременным и весьма незначительным колебаниям вокруг единого постоянного центра, но никогда не даст картины длительно повышающейся или понижающейся кривой.

Эти идеи Ирвинга Фишера были во время войны восприняты в Западной Европе и, скрестившись с некоторыми более ранними конструкциями швейцарско-немецких экономистов, приобрели особенно актуальное значение в Швейцарии.

Здесь все последние годы вопрос о создании так называемой абсолютной валюты, на место старой арбитражной валюты, был поставлен на очередь, как насущная проблема денежной политики, и весьма оживленно дискуссировался в ряде газетных и журнальных статей, докладов и брошюр. Из защитников этой идеи я укажу, например, на Christen'a, Silvio Gesell'a и др., писавших одновременно и в швейцарской, и в германской прессе.

Эта система абсолютной валюты, как валюты со вполне устойчивой ценностью, не затрагиваемой никакими изменениями денежного или товарного обращения, противостоит системе металлического обращения, характеризуемой, как мы видели, лишь весьма относительной устойчивостью ценности денежной единицы, в смысле медленности ее изменений, которые, однако, в течение всего начала XX века сводились к ежегодному обесценению, в среднем, на 3% ее исходной величины.

С точки зрения ценностей система абсолютной валюты составляет, таким образом, один из возможных пределов эволюции обычной металлической валюты при осложнении ее регулированием в целях соответствия интересам народно-хозяйственной жизни.

Другим противоположным пределом ее эволюции, с той же ценностной точки зрения, является система эмиссионная, в которой наличная денежная масса также подвергается сознательному

воздействию государства, но в целях совершенно иных, в целях государственно-финансовых.

Превращая денежную систему из орудия народно-хозяйственного оборота в служанку государственного казначейства, эмиссионное финансирование приводит к систематическому понижению ценности денежной единицы.

Темп этого понижения — и в этом второе своеобразие эмиссионной системы — может быть при нормальной хозяйственной продукции и товарном обращении страны заранее определен с достаточной степенью достоверности, ибо он зависит, прежде всего, от соотношения между величиной уже обращающейся денежной массы и величиной денежного дефицита в расходном бюджете государства.

Так как в каждой данной экономической обстановке общая ценность всей обращающейся денежной массы является величиной вполне определенной, то наделение ею принудительно внедряемых в оборот новых денежных знаков может совершаться лишь за счет соответствующего понижения покупательной силы всех старых.

3. Итак, финансовая характеристика системы эмиссионного хозяйства дается принципом внедрения в обращение вновь создаваемых платежных средств, а ее денежная характеристика — принципом систематического понижения ценности денежной единицы. Рассматривая взаимоотношение этих двух моментов друг с другом, нужно признать, что обесценение денег является необходимым коррелатом увеличения их массы; это лишь реакция товарного оборота на принудительное внедрение в него новых денежных знаков и компенсация этого процесса. При этом такая компенсация не только неизбежна в аспекте причинном, но и необходима в аспекте телеологическом, так как она является методом поддержания нормальной работы народно-хозяйственного механизма. Ибо обесценение валюты является способом противодействовать избыточному возрастанию покупательной силы некоторых групп населения.

Нейтрализуя чрезмерное скопление денежных знаков, понижение их экономического значения становится тем самым орудием принудительного восстановления товарообмена в стране. Нормальный товарообмен во всем его товаро-распределительном значении может протекать лишь на основе взаимного соответствия величине денежной массы, с одной стороны, и денежного вознаграждения товар-

ной массы—с другой. И, наоборот: там, где реальное обесценение валюты приостанавливается благодаря задержке в повышательном движении товарных цен, силою длительного закрепления их нормировкой на одном и том же уровне, там немедленно возникают заторы и в товарообмене.

Таким образом, обесценение бумажных денег является не только неизбежным условием, но и формой проявления основного процесса усвоения гражданским оборотом новой денежной массы и приспособления к ней. Этим констатированием мы переходим к третьему принципу эмиссионного хозяйства—к его обще-экономической или, если угодно, обще-организационной характеристике, дающей возможность противопоставить его, как целое, в пределах менового хозяйства теоретически-традиционному типу денежного хозяйства с стабильной ценностью денежной единицы.

Дело в том, что меновое хозяйство, как таковое, отличается высокой степенью приспособляемости ко всем возможным новообразованиям и воздействиям на него извне и из внутри. Всякое давление на какой-либо один элемент этой системы немедленно вызывает соответствующее перемещение всех остальных элементов ее с целью восстановления устойчивого равновесия для всей системы хозяйственного взаимодействия в целом.

Важнейшим проявлением организационного приспособления народно-хозяйственной совокупности к денежным эмиссиям, возведенным в финансовую систему, и является понижение ценности каждой денежной единицы для уравнения совокупной ценности новой, возросшей, денежной массы со старой.

На-ряду с этим процессом ценностного усвоения народно-хозяйственным оборотом эмиттируемой валюты, можно констатировать второй процесс, столь же характерный для всей системы—это процесс циркуляторного усвоения новых денежных знаков.

В истории всякой интенсивно развивающейся эмиссионной системы наступает момент, когда увеличивающаяся бумажная масса припадающей ценности ее начинает тяготить народно-хозяйственное обращение.

Мелкие купюры перестают быть платежным средством в реальном обороте за малой ценностью их и большой массой вытесняются из оборота и последовательно заменяются все более и более высокими цифровыми величинами.

Такая последовательная смена реально-циркулирующих денежных единиц, по мере обесценения их, является характернейшим явлением развития эмиссионной системы.

Отражая в повышении числового наименования купюр рост всех товарных цен, эта смена, как таковая, не носит в себе ничего опасного, ибо это только смена наименований, смена начертаний цифр на бумажных бланках, да еще смена этих самых бланков.

При этом можно различить две формы, в которых технически проявляется этот процесс.

При, сравнительно, медленном развитии обесценения, когда мелкие купюры, если не каждая в отдельности, то в известных суммах, представляют еще возможное орудие обмена, гражданский оборот стремится приспособиться к этому процессу. В обороте появляются свертки и стопки мелких бумажных купюр, циркулирующие с определенным ценностным значением, обозначенным на них от руки или сообщаемым изустно при передаче с рук на руки совершенно без просчета или контроля их содержания, ибо каждый отдельный составляющий их бланк уже почти не имеет никакого циркуляторного значения.

Это был метод чисто фактического создания самим оборотом новых денежных знаков путем превращения массы ненужных мелких купюр в высшие.

В России этот процесс проявился впервые уже зимой 1917—1918 г. в городе с наиболее высоким уровнем товарных цен и с наибольшими организационными навыками населения—в Петрограде. Выпущенные в оборот взамен тезаврированной медной монеты разменные знаки в 1, 2, 3 и 5 копеек недолго выполняли здесь свои общественные функции. Вскоре они стали складываться и сворачиваться в пятачки и гривенники и обращаться только в таких пакетиках.

Для теории денежного обращения это означало, что копейки, как реально циркуляторные единицы, были вытеснены из оборота. реально циркулирующими стали только эти пятачки и гривенники.

«Мы видели», —говорил автор этого доклада на совещании, предшествовавшем I Всероссийскому С'езду С. Н. Х. в мае 1918 г.,—«как копеечные боны складывались в пятаки и гривенники, быть может, мы увидим, как гривенники будут складываться в рубли, а рубли в сотни рублей».

Мысль, казавшаяся многим тогда совершенно невероятной, осуществилась в своей первой части весьма быстро. Уже летом того же 1918 г. в Петрограде же разменные марки в 10, 15 и 20 коп. стали связываться в стопки и сворачиваться в пакетики по 3, 5 и 10 рублей и передаваться с рук на руки в качестве новых платежных единиц. Позже то же перенеслось и в Москву и другие центры, хотя здесь это явление получило, сравнительно, меньшее распространение благодаря меньшим организационным навыкам.

Нельзя отрицать, однако, что такие уплотнения денежных единиц не представляются достаточно удобными для оборота, и он стремится освободиться от них, что особенно ускоряется при большей быстроте темпа эмиссионного обесценения валюты.

В этом случае появляется *вторая форма* технической смены мелких купюр крупными: за быстротой обесценения первых они непосредственно устраняются из оборота, частью возвращаясь в кассы Государственного банка, откуда они были выпущены, частью же теряясь в частном обладании.

Параллельно этим двум основным циркуляторным процессам эмиссионного обесценения денежной единицы и последовательного развития потребностей оборота во все высших и высших купюрах намечаются два процесса, характеризующие развитие самой техники эмиссий.

Это, во-первых, повышение доли крупных купюр в общей массе эмиссий и далее создание все более и более крупных купюр, доселе не употреблявшихся *). Этот процесс приспособления эмиссионной техники к потребностям оборота совершается не без пробелов и задержек, особенно в первые периоды проведения эмиссионной политики, задержек, которые весьма неблагоприятно отражаются на обороте.

Вторым техническим процессом является приспособление выработки и формата повышающихся купюр к их реальному обесценению. Совершенно неизбежное при массовой заготовке крупных купюр упрощение их и особенно уменьшение формата являются, в свою очередь, самым ярким внешним выражением того обесце-

---

*) В ранний период развития эмиссий, которые начинаются обычно выпуском купюр, замещающих лишь полноценную монету в обращении, можно заметить обычно обратный процесс *понижения* выпускаемых купюр применительно к процессу вытеснения звонкой монеты в порядке убывающей ценности ее металла, а, стало быть, и ее величины, наименования. Так, у нас в России за кредитными билетами от 500 до 1 рубля последовал выпуск 50-копеечных бон, затем разменных марок в 20, 15 и 10 коп. и, наконец, разменных бон в 1, 2, 3 и 5 копеек.

нения их, под давлением которого эти упрощение и уменьшение были предприняты.

Изложенные формы приспособления менового хозяйства к эмиссионной политике государства составляют одна из двух важнейших устоев, на которых зиждется столь странная на первый взгляд, непоколебимость системы эмиссионного хозяйства в целом, несмотря на все предсказания о ее неизбежно близком крахе.

Вторым устоем ее является та совершенно исключительная по своему значению потребность в орудиях обращения, которая характеризует собою меновой организм. Являясь единственным материальным элементом связи между отдельными хозяйствующими ячейками при той сложной системе их взаимозависимостей, которая возведена всей историей товарообмена в целую сеть разделения труда, денежное обращение фактически может подвергаться самым невероятным искажениям, и все же меновое хозяйство будет принуждено поддерживать его и пользоваться им.

История денежных систем знает гораздо больше периодов непрекращающихся денежных неурядиц, страшно разрушительно отражавшихся на всей хозяйственной жизни, чем эпох сколько-нибудь урегулированного обращения.

Начиная от древней Аттики, где в 407 году до Р. Х., в пору бедствий, порожденных Пелопонесской войной, когда испорченная низкопробная золотая монета быстро вытесняла старинную афинскую, что дало повод Аристофану весьма точно формулировать так называемый закон Грешема; через эпохи императоров Диоклетиана и Зенона, когда массовые металлические эмиссии плохих монет вызвали всеобщее повышение цен и столь большие социальные бедствия, что побудили уже тогда произвести опыты универсальной нормировки цен с исчислением себестоимости производства на местах и прочими тонкостями, которые кажутся нам самого новейшего происхождения; далее, через все средневековье и новое время; вплоть до конца XVIII века, наполненные непрерывными встрясками хозяйственной жизни—массовыми использованиями чеканки монеты для целей финансирования казны всех владетельных герцогов и королей, что подало даже Макколею—историку страны, едва-ли не наиболее благополучной в этом отношении—Англии, констатировать, что все зло, которое терпела Англия в течение четверти столетия от дурных королей, дурных министров, дурных парламентов и дурных судей, едва-ли равнялось тому злу, которое ей делали в 1 год

дурные кроны и дурные шиллинги; наконец, к изобретенным английскими теоретиками конца XVII века, в связи с развитием кредита, бумажным деньгам, опыты культивирования которых с теми же финансовыми целями в течение последних 2-х столетий слишком свежи у всех в памяти.

Вся эта нескончаемая вереница искажений денежных систем не дает, однако, ни одного примера краха денежной системы, как таковой, из-за внутреннего разложения, как ни пугали этим крахом всех неразумных невольных или злостных эмиссионистов сторонники урегулирования денежного обращения.

История знает лишь случаи замены одной денежной системы другой, вытеснения лучшей системой худшей и затем уже ликвидации этой последней за ненадобностью.

Но поскольку худших денег заменить нечем, при сколько-нибудь нормальной хозяйственной товарной производительности страны, как условии функционирования того товарообмена, целям которого единственно и служат деньги,— при этих условиях никакая денежная система (в том числе и самая худшая—система эмиссионная) крушения потерпеть не может.

Она может быть разрушена только извне, с разрушением всего хозяйства и всего товарообмена, но никакой тенденции внутреннего разложения в ней не заключается.

Нередко, однако, приходится встречаться с мнением, что наблюдающийся в некоторых местностях России отказ крестьян продавать свои продукты за деньги и требование уплаты натурой и есть показатель неминуемо близкого краха нашей эмиттируемой валюты.

По этому поводу нужно сказать, что такое мнение основано на смешении двух совершенно различных явлений.

Несомненное стремление некоторых районов к натурализации обмена вызывается не нежеланием деревни получать денежные знаки или недоверием к ним, а чисто фактической невозможностью для нее в создавшихся ныне условиях найти им, в свою очередь, какое-либо товарное применение.

Эта невозможность найти товарное применение для денег, которые не хочет получать деревня, обусловливается двумя моментами: 1) предельным падением товарной продукции города, не могущего ныне ничего дать деревне за скудностью собственного

потребления, 2) весьма значительным накоплением денежных избытков в деревне, создавшихся как чрезвычайно высоким уровнем цен на ее продукты за все истекшее время, так и значительным сокращением ее затрат в городе в тот же период в силу указанного уже сокращения производительности труда.

При этих условиях стремление деревни натурализовать обмен является лишь методом добавочного давления на город с целью извлечения оттуда части имеющихся в непосредственном пользовании и потреблении населения товаров хотя бы ценой ущерба для этого последнего.

Но чем устойчивее товарный рынок в городе, в силу ли относительно бо́льшей продукции данного района или бо́льших запасов накопленных предметов непищевого потребления, и чем выше, стало быть, возможность товарной реализации деревенских денег, тем охотнее и деревня принимает деньги и тем менее настойчиво стремится к натуральной плате.

II. Задачи денежной политики в системе эмиссионного хозяйства.

В свете изложенных тенденций системы эмиссионного хозяйства задачи денежной политики резко разграничиваются на два различные цикла.

К первому циклу относятся чрезвычайно трудные и социально-ответственные задачи по подготовке денежной реформы с целью стабилизации ценности денежной единицы.

Но в процессе развития эмиссионного хозяйства эта основоположная цель является совершенно недостижимой без коренного изменения чисто финансовых условий, приведших к необходимости использования эмиссий в качестве финансового аппарата.

Если с чисто логической точки зрения финансовое положение может быть серьезно улучшено либо решительным сокращением государственных расходов, либо столь же решительным увеличением доходов, то в отношении расходов, резкое возрастание которых и является, обычно, финансовым фактором эмиссий, нужно сказать, что перед лицом таких нужд, как потребности ведения войны либо опыты социальной реорганизации хозяйства, —всякие пожелания о сокращении расходов обречены на полную бесплодность.

Что же касается увеличения доходов, то в неудаче всех попыток в этом направлении проявляется лишь своеобразная внутрен-

няя закономерность и внутренная инерция системы эмиссионного хозяйства.

Уменьшить необходимость все новых и новых эмиссий можно лишь, из'емля уже обращающиеся денежные знаки, либо путем широких кредитных операций, либо путем введения новых налогов большого масштаба.

Между тем, заемные операции становятся в системе эмиссионного хозяйства крайне затруднительными, ибо при дальнейшем обесценении денег обязательства, закрепляемые в номинальном выражении, обесцениваются вместе с ними и превращают всякий заем в налог.

С другой стороны, введение новых налогов также становится весьма мало продуктивным, ибо оно встречает препятствие в следующих характерных чертах эмиссионного хозяйства.

Внедряющаяся в экономический оборот новая денежная масса требует для ее распространения и воздействия на все народное хозяйство в целом известного, довольно продолжительного времени. Попадая сначала в руки той или иной, обычно небольшой, группы лиц, новые деньги, повышая собою их платежеспособность и спрос на средства их производства и предметы потребления и далее повышая при неизменившемся товарном предложении цены на обе эти группы товаров, тем самым переходят в руки следующих уже более широких слоев населения, пока путем ряда таких последовательных переходов не повышают общий уровень цен, вызывая в связи с этим ряд дальнейших изменений всего народного хозяйства в целом.

При этих условиях, даже в случае приостановки дальнейших эмиссий с целью реорганизации финансового аппарата, продолжающиеся еще в течение довольно значительного времени рост цен и дезорганизация хозяйства, непрестанно и с большою силою давящие на потребительские бюджеты широких масс населения, вместе с тем доводят до максимума активное сопротивление их введению каких-либо новых налогов, ибо таковые явятся при описанных условиях не заменой эмиссионного давления, а удвоением его.

Таким образом, реально, вопрос о ликвидации эмиссий становится на всем континенте Европы целиком в зависимость не только от увеличения налоговых поступлений, сколько от сокращения расходных бюджетов.

Между тем, для ряда ближайших лет положение всей континентальной Европы в этом отношении нельзя не признать весьма плачевным.

Здесь, прежде всего, нужно иметь в виду, что огромное разбухание бюджетов всех европейских стран вызвано не только ростом общего уровня цен, как выражением обесценения денежной единицы, и, стало быть, представляет собою не только количественное перечисление реально неизменной нормы затрат материальных ценностей.

Четыре группы новых расходов появились ныне в бюджетах всего побежденного континента Европы (ибо экономически, а не военно-политически Франция и Италия находятся в том же самом лагере побежденных, что и Германия с Австро-Венгрией), и эти расходы будут обременять их в течение длинного ряда лет.

Это, во-первых, процентирование огромной военной задолженности; во-вторых, пенсии и пособия пострадавшим во время войны наиболее работоспособным группам населения и их семьям; в-третьих, восстановление территорий, разрушенных военными действиями, и обновление износившегося во время войны механического оборудования страны (в частности, всего железнодорожного транспорта) и, наконец, в-четвертых, расходы на вооружение и подготовку к новым мировым войнам, очередное значение которых столь ярко вырисовывается уже теперь.

Особенное значение имеют здесь 1 и 4 пункты (процентирование долгов и новые вооружения), а между тем именно они без социального конфликта ликвидированы быть не могут.

Все это дает основание предвидеть, что континентальная Европа обречена на целый ряд лет продолжать пользоваться эмиссионным аппаратом для покрытия своих чрезвычайно значительных дефицитов.

Не нужно забывать, что с конца октября 1918 г., когда мировая война была закончена, прошло уже почти 2 года, а бумажно-денежный поток, затопивший весь континент, разливается все шире и шире.

Денежная масса Франции может теперь считаться достигающей 60 миллиардов фр. (считая банкноты и монетизированные боны нац. защиты), Германии (считая банкноты и Darlehenskassenscheine) около 70 миллиардов марок, бывш. Австро-Венгрии значительно больше 100 миллиардов крон.

Но особенно важны даже не абсолютные цифры обращающейся массы, а темп возрастания ее.

Если взять целиком послевоенный 1919 год, то мы получим следующие сопоставления.

С конца 1918 г. по конец 1919 г. денежная масса Франции (считая только банкноты, ибо цифр о бонах у меня нет) возросла на 25%, Италии—на 40%, Болгарии—тоже на 40%, Германии—на 50% и Австро-Венгрии—не менее, чем на 80% (большинство цифр исчислено мною на основании данных лондонск. «Economist'a»).

Даже страны, весьма благополучные, увеличили свою бумажную массу, хотя, конечно, в меньших размерах: Япония на 35%, Англия на 18%, Испания на 17%, Греция на 14%, Соединенные Штаты на 11%.

Незначительно увеличили свое денежное обращение либо даже начали сокращать лишь совсем мелкие нейтральные страны, да еще Бельгия и Румыния, из коих первой удалось это сделать благодаря непрестанному финансированию ее союзниками, а второй—благодаря огромным военным грабежам.

Так, почти нормальным (т. е. мало увеличившимся или неизменным) в течение 1919 г. денежное обращение оставалось в Дании, Норвегии, Швеции и Румынии. Первые попытки сокращения денежной массы (не превышающие 2—3% ее величины) сделали Бельгия, Голландия и Финляндия, и лишь в Швеции сокращение за год достигло 11% обращавшейся массы.

Таким образом, если взять указанные выше 5 важнейших стран континентальной Европы и прибавить к ним Россию, то окажется, что, примерно, из 462-миллионного населения Европы 340 миллионов живут в условиях интенсивно развивающегося эмиссионного хозяйства и лишь 122 миллиона, т. е. около 27%, в условиях сколько-нибудь устойчивого денежного обращения.

Имея в виду совершенную неизбежность дальнейшего развития эмиссий, впредь до радикального изменения финансового положения Европы, нужно констатировать, что задачи денежной политики ближайшего времени должны будут ограничиваться лишь вторым циклом проблем чисто текущего значения и ограниченных рамками самого эмиссионного хозяйства. Это—задачи возможного смягчения всех форм социально-хозяйственной дезорганизации, являющихся неизбежными спутниками эмиссий, и максимального приспособления денежной и социаль-

ной техники эмиссий к потребностям товарного оборота и товарной производительности страны.

Методы разрешения этих задач упираются, с одной стороны, в меновые соотношения денежной и товарной масс и в государственную политику цен товаров и труда, с другой стороны, в формы непосредственного воздействия на самую денежную массу, находящуюся в обращении или внедряемую в него.

При ограниченности заданий этого цикла внутренними рамками развития эмиссионной системы они превращаются в «методы регулирования эмиссионного хозяйства».

Детальное изучение обоих очерченных циклов задач денежной политики в системе эмиссионного хозяйства (первого, заключающегося в подготовке денежной реформы с целью стабилизации денежной единицы, и второго, заключающегося в мероприятиях, ограниченных рамками самого эмиссионного хозяйства) составляет темы особых работ, выходящих за пределы настоящего нашего очерка, посвященного уяснению сущности эмиссионного хозяйства, как особой экономической категории.

III. Наши основные положения.

Формулируем в заключение наши основные положения.

1. В анализе хозяйственных форм и новообразований современности, когда борьба интересов достигает величайшего напряжения, следует более, чем когда-либо, строго размежевывать теоретический и практический аспекты: констатирования сущего, с одной стороны, и тезисы практической политики и постулаты долженствования—с другой.

2. Изучение необычайно усложнившихся явлений денежного хозяйства не может идти одним аналитическим путем, но должно быть дополнено синтетическим осознанием связи явлений во всей совокупности, ибо применяемые в аналитике критерии, заимствуемые из схем и отношений привычной системы денежного хозяйства, оказываются не соотносительными явлениями современности и недостаточными для их теоретического уяснения.

3. Эмиссионное хозяйство, как экономическая категория, противостоит хозяйству денежному в его традиционном изложении в пределах хозяйства менового.

Как самостоятельная система, оно констатируется тремя основоположными принципами, из которых один имеет генетическое, второй—теоретическое и третий—общеорганизационное значение.

4. Генетически-эмиссионная система определяется ее финансовым существом. В этом аспекте она противостоит налоговой системе, как ее антитеза. В первом случае государство для получения из частнохозяйственного товарного оборота нужных ему реальных ценностей принудительно из'омлет из частного обладания часть циркулирующих платежных средств; во втором случае оно принудительно внедряет с тою же целью новые платежные средства, произвольно им создаваемые.

5. Теоретическое существо эмиссионного хозяйства дается характеристикой его денежной системы в ряду трех возможных типов денежного обращения: а) так наз. «абсолютной валюты», осуществляемой методами государственного регулирования денежной массы с целью стабилизации ее товарно-покупательной силы; б) обычно нерегулируемой металлической валюты с относительно медленными и априорно неопределенными изменениями ценности, но фактически с общей тенденцией обесценения, и в) эматируемой валюты с систематически и необходимо понижающейся ценностью.

6. Обще-организационное существо эмиссионного хозяйства определяется обще-экономической ролью процессов усвоения товарооборотом новой денежной массы и приспособления всей системы менового хозяйства к ее длящемуся потоку. Эти процессы дают обширный материал для установления ряда закономерностей, составляющих специфическую характеристику эмиссионного хозяйства.

7. Возможность произвольно длительного развития эмиссионной системы обусловливается 2 факторами: во-первых, совершенно исключительным, ни с чем несравнимым, значением денежного обращения (при всех формах его искажения) для менового хозяйства в целом и, во-вторых, указанной приспособляемостью менового хозяйства ко всем воздействиям извне, благодаря легкой подвижности элементов и звеньев, из которых оно состоит.

8. Однако, указанная устойчивость эмиссионной системы, как таковой, нимало не ослабляет тех весьма сильных дезорганизующих влияний эмиссий на всю хозяйственную жизнь, которые вызываются невозможностью точного и полного приспособления оборота к

эмиссионному потоку и условиями социальной техники внедрения этого потока в хозяйственный оборот.

9. Эмиссионный рост цен и эмиссионная дезорганизация хозяйства, которые по условиям социальной техники усвоения эмиссий продолжаются и после их прекращения, делают крайне трудной реорганизацию финансового аппарата в направлении замены эмиссий налогами, ибо в этих условиях введение новых налогов оказывается для широких масс населения не сменой одной формы фискального бремени другой, а удвоением его.

10. С другой стороны, вся финансовая и социально-экономическая кон'юнктура после-военного хозяйства континентальной Европы не дает оснований предполагать возможность решительного сокращения расходных бюджетов, а это, в свою очередь, делает неизбежными дефициты и покрытие их эмиссиями.

11. При этих условиях, из двух циклов задач денежной политики—во-первых, по возвращению к денежному обращению со стабилизованной ценностью денег и, во-вторых, по возможному смягчению дезорганизующих влияний эмиссий,—первый цикл отступает на второй план, и очередное значение на довольно продолжительное время приобретает лишь второй цикл. Методы разрешения этих задач, будучи ограничены в своем применении рамками эмиссионной системы, тем самым превращаются в методы регулирования самого эмиссионного хозяйства.

С. А. Фальннер.

Обесценение бумажных денег на внутреннем рынке.

(Анализ причин и законов падения покупательной силы денег).

Доклад З. С. Кацеленбаума, прочитанный 3 и 10 декабря 1920 г. *).

Количественная теория и ее варианты.—Кассовый момент и его значение.—Взгляды Монтескье, Рикардо, Юма.—Быстрота обращения денег.—Понятие циркулирующих денег.—Влияние отдельных сортов денег.—Банкнота.—Чеки и банковые деньги.—Доход и его значение.—Пропорциональность.—Равномерность.—Уменьшение количества денежных знаков и его влияние.—Уравнение цен.—Момент доверия и его значение.

I.

Обращаясь к рассмотрению внутренне-валютного вопроса, т. е. к изучению законов движения покупательной силы денег внутри страны, мы должны раньше всего установить, каковы те перемены в сфере денежного обращения, которые оказывают влияние на обесценение денег. Какие факторы денежной сферы вызвали падение покупательной силы русского рубля?

Основным фактором, влияющим на покупательную силу денег внутри страны, поскольку речь идет о факторах из сферы денежного обращения, мы считаем изменение **количества** имеющихся

---

*) Настоящий доклад представляет собою извлечение из более обширной работы об обесценении бумажных денег. Вся проблема обесценения бумажных денег распадается, по нашему мнению, на четыре вопроса: установление двойственности обесценения бумажных денег, т. е. обесценения их, с одной стороны, на внутреннем, а с другой – на внешнем рынке, выяснение причин и законов каждой из этих двух форм обесценения в отдельности, а именно, с одной стороны, выяснение причин и законов движения покупательной силы бумажно-денежной единицы на внутреннем рынке, а с другой—причин и законов колебания курса и, наконец, выяснение законов взаимодействия обеих форм обесценения. Настоящий доклад посвящен разработке второй из этих четырех частных проблем.

в стране денежных знаков: рост количества денежных знаков вызывает обесценение денежной единицы. В факте обесценения русского рубля по отношению к товарам внутри страны «повинно» увеличение количества кредитных билетов и других видов бумажных денег в народном обращении.

Мы примыкаем, таким образом, к количественной теории денег и определенно расходимся со всеми теми экономистами, которые склонны вообще отрицать влияние количества денег на их ценность. Мы расходимся и с теми, которые считают, что нынешнее обесценение рубля может быть об'яснено без остатка причинами, действующими на стороне товаров. Но этим, однако, мы еще далеко не определили нашего взгляда на обесценение бумажных денег и не выяснили причин понижения покупательной силы рубля.

Количественная теория, как известно, имеет много вариантов *). Различные авторы различно понимают значение количественного момента. Всякий сторонник количественной теории должен поэтому об'яснить, в каком смысле он понимает влияние количества денег на их ценность. Поскольку нас интересует процесс обесценения бумажных денег, наша задача—об'яснить, почему рост количества бумажно-денежных знаков в обращении вызывает падение покупательной силы денежной единицы. Почему у нас в России увеличение количества кредитных билетов в обращении должно было явиться фактором понижения ценности бумажного рубля?

Мы понимаем причинную связь между ростом количества бумажно-денежных знаков и падением покупательной силы денежной единицы в следующем смысле. Эта причинная связь кроется, по нашему мнению, в той общей роли, которую играют деньги в капиталистическом хозяйстве. Деньги представляют собою в условиях современного хозяйства товар, хотя и товар своеобразный. В качестве товара деньги подвержены влиянию оценки и могут в зависимости от спроса и предложения стоить «дороже» или «дешевле». Когда наличность денег искусственно увеличивается, когда у каждого хозяйствующего суб'екта их оказывается значительно больше того, что ему нужно для оборота, он понижает оценку своей де-

*) Кроме старых вариантов Локка, Монтескье, Юма, Рикардо укажем на новейшие варианты Wicksell'a («Geldzins und Güterpreise», Iena, 1898), Wieser'a («Der Geldwert und seine Veränderungen», «Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik in Wien», 1909), Spiethoff'a (Die Quantitätstheorie, «Festgabe für Ad. Wagner», Leipzig, 1905), Irwing Fischer'a («The Purchasing power of money», New-York, 1918), Mises'a («Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel», Berlin, 1912).

нежной массы и готов отдать большее количество денежных единиц за тот самый товар, за который он раньше отдал бы их меньше.

Деньги представляют собою, как говорил Маркс, «всеобщий товар». Их особенность и их роль в хозяйстве заключается в том, что они представляют собою вид всеобщего товара, который в любое время может быть превращен в любой вид конкретного товара. Каждый предприниматель всегда должен иметь в общей массе своего капитала известное количество этого «всеобщего» товара для того, чтобы его предприятие могло безостановочно функционировать. Каждый домохозяин должен иметь известное количество этого товара для того, чтобы в его домохозяйстве не наступило каких-либо пертурбаций. Но каждый домохозяин и, в особенности, каждый предприниматель должен иметь этого «всеобщего» товара не слишком много и не слишком мало. Соответственно этому каждый предприниматель и каждый домохозяин должен иметь не слишком много и не слишком мало всякого другого конкретного материала, необходимого для его производства. Когда в предприятии оказывается слишком много или слишком мало «всеобщего» товара, равновесие нарушается, и предприятие оказывается в ненормальном положении.

Представим себе для примера, что какой-либо капиталист, обладающий капиталом в 3 миллиона рублей, пожелал бы оборудовать и пустить в ход фабрику, вырабатывающую бумажную пряжу. Он должен был бы вполне определенным образом распределить свои 3 миллиона между различными затратами на конкретные виды капитала. Известную часть капитала он должен был бы затратить на приобретение участка земли, часть на приобретение леса или торфяного болота для получения топлива, часть на возведение фабричных зданий, часть на покупку машин, часть на приобретение запасов сырья и т. д. Между всеми этими затратами при рациональной постановке предприятия должно установиться определенное соотношение. Это соотношение дается опытом и зависит от расположения фабрики, условий рынка и всех прочих условий данной обстановки. Если фабрика находится близко к порту, она может иметь небольшой запас хлопка. В Манчестере бумагопрядильные фабрики имеют в нормальное время запасы хлопка только на несколько недель. Близость Ливерпуля, центрального рынка хлопка, дает им возможность легко и быстро пополнять свои запасы. Если же фабрика расположена дальше от порта, она должна иметь больший запас хлопка. Русские фабрики Московского района даже

до войны и всеобщего расстройства транспорта рисковали бы приостановкой производства, если бы они не держали запасов хлопка на 2—3 месяца вперед. В зависимости от времени и места в соотношении различных затрат возможны, таким образом, значительные различия. Но в каждый данный момент и для данного предприятия это соотношение, как мы говорили, является вполне определенным. Если бы наш капиталист затратил слишком большую часть капитала на постройку фабричных зданий и слишком малую на приобретение машин, то известная часть зданий оказалась бы пустой, часть капитала не была бы использована. Если бы, наоборот, на строения было бы затрачено слишком мало, а на машины слишком много, то часть машин не поместилась бы в фабричном здании и осталась неиспользованной. Если бы фабрикант затратил слишком много на приобретение участка и слишком мало на запасы сырья, то при первой же заминке в подвозе фабрика должна была бы остановиться из-за недостатка сырья. Если бы, наоборот, запас сырья оказался слишком значительным, то, очевидно, капитал, помещенный в этом излишке, оказался бы праздным. Если при данной конкретной обстановке, согласно данным опыта, фабрика должна иметь запасы хлопка на три месяца, то она не может иметь запасы лишь на один месяц и не должна держать запасов на 6 месяцев. Каждый вид конкретного капитала должен составлять определенную долю общего капитала данного предприятия.

Но среди различных видов конкретного капитала, который должен иметь капиталист для ведения прядильной фабрики, ему необходимо иметь, между прочим, и наличные деньги, некоторое количество «всеобщего товара». Раньше всего предпринимателю необходимы известные суммы для повседневного оборота. Предприятие ежедневно покупает и продает. Расчет происходит в деньгах, которые, таким образом, оказываются необходимыми для предприятия. Эти «оборотные средства» составляют, однако, лишь небольшую часть потребности в деньгах. «Всеобщий товар» необходим предпринимателю, главным образом, для того, чтобы он мог в любое время пополнить запасы любого конкретного товара. Не зная в точности, какие виды конкретного товара ему могут понадобиться, капиталист держит на всякий случай известное количество «всеобщего товара». Как бы ни были осторожны расчеты предпринимателя, жизнь может их в той или иной мере обмануть. Предпринимателю может понадобиться какой-либо вид сырья, который раньше не требовался. Продажа выделанной пряжи, которая по рас-

четам должна была дать известную сумму через два месяца после того, как фабрика пущена в ход, может задержаться. Могут быть введены новые налоги, которые потребуют известных взносов. Словом, возможны всякие случаи, при которых потребуется увеличение инвестированного в предприятии капитала путем расширения той или иной доли конкретного капитала. Все эти непредвиденные или не вполне предвиденные случаи требуют, чтобы в предприятии имелись наличные деньги. Капиталист, затрачивающий на фабрику 3 миллиона, должен уделить известную часть этой суммы на приобретение «всеобщего товара», должен держать известную часть своего капитала в наличных деньгах.

По отношению к этому виду капитала применимы, однако, те же законы, что и по отношению к другим долям капитала. Количество денег, которые предприниматель должен держать для правильного ведения предприятия, меняется в зависимости от обстановки. Ко всем прочим обстоятельствам здесь прибавляется еще влияние кредита. Чем легче данное предприятие может получить в случае надобности кредит, тем меньше ему нужно наличных денег в качестве запаса. Но, независимо от этих вариаций, количество денег, которое данное предприятие должно держать в каждый конкретный момент, представляет собою вполне определенную величину и составляет определенную часть всего инвестированного в предприятии капитала. Эта доля должна быть ни слишком велика и ни слишком мала, как не должна быть ни слишком велика и ни слишком мала доля затраты на приобретение хлопка. Если при общей затрате капитала в 3 милл. рублей предприниматель должен иметь в кассе в среднем, допустим, около 300.000 рублей, то эта сумма не должна опускаться до 50 тысяч рублей и не должна на продолжительное время составлять 1 милл. руб. В первом случае предприятие рискует не получить в нужный момент необходимый ему вид конкретного капитала или может оказаться вынужденным прибегнуть к кредиту на тяжелых условиях. Во втором случае в предприятии остается неиспользованной часть капитала, которая могла бы быть использована, если бы ее обратить в машину, сырье, на наем рабочих и проч.

Итак в каждом отдельном предприятии все части капитала должны состоять в определенной пропорции, а в том числе и количество наличных денег должно составлять известную часть всего капитала. Пока эта пропорция не нарушается, предприятие ведется целесообразно, и предприниматель не имеет основания переоценивать

какую-либо конкретную часть капитала. Но когда пропорция нарушается, то и прежнее отношение предпринимателя к отдельным долям капитала изменяется. Одна часть капитала оказывается в избытке, другая в недостаточном количестве. При таких условиях естественно начинается переоценка частей капитала, и та доля конкретного капитала, которая оказывается в избытке, теряет для предпринимателя известную часть своей ценности. Он проявляет склонность реализовать излишек, стремится обменять его на другой вид капитала для того, чтобы снова восстановить нормальную пропорцию.

Тот же процесс распределения долей и их переоценки проявляется и в потребительском хозяйстве, т. е. в домохозяйстве. И здесь для правильного ведения хозяйства запасы потребительных благ должны быть рационально распределены и разбиты на отдельные виды конкретных благ. И здесь в каждом домохозяйстве, на-ряду с запасами конкретных потребительских благ должно иметься известное количество «всеобщего товара»—денег, которые могли бы быть превращены в нужный момент в конкретные блага. И здесь количество этого «всеобщего товара» должно быть не слишком велико и не слишком мало. И здесь нарушение этой пропорции приводит к переоценке отдельных конкретных благ и самого «всеобщего товара»—денег.

Между тем постоянное увеличение количества денежных знаков в народном обращении ведет к увеличению запасов «всеобщего товара» у отдельных предпринимателей и у отдельных домохозяев, нарушает установившуюся пропорцию и вызывает понижение оценки этого «всеобщего товара»—денег. Нарушение пропорции должно происходить с тем большей силой, когда процесс наводнения рынка бумажными деньгами сопровождается абсолютным уменьшением реального капитала. Между тем таковым является обычно положение в периоды роста бумажно-денежного обращения. Бумажные деньги выпускаются почти всегда в периоды войн и революции, а эти периоды характеризуются растратой национального капитала и упадком производительности труда. Увеличение бумажно-денежного «капитала» страны происходит параллельно с уменьшением капитала реального.

С изложенной точки зрения находит об'яснение падение покупательной силы рубля после 1914 г. за время войны и революции. Перед войной в России обращалось денежных знаков на 2 мил-

лиарда рублей, считая в том числе и золотые монеты. К началу 1919 г. в обращении оказалось денег в 28 раз больше. Если даже допустить, что новые деньги распределялись пропорционально прежним запасам «всеобщего товара», то это будет означать, что предприятия, которые до войны привыкли держать у себя в кассе наличными деньгами 100 тыс. руб., к началу 1919 г. должны были держать 3 милл. руб., и что крестьянин, который раньше держал для оборота запас денег в 100 руб., должен был иметь к началу 1919 г. 3.000 руб. Поскольку же распределение новых денег оказалось неравномерным, в отдельных предприятиях и в отдельных домохозяйствах рост запасов должен был оказаться еще более значительным.

Допустим, что какое-либо крестьянское хозяйство, весь капитал которого вместе с землею можно было оценить до войны в 3.000 руб. обходилось с запасом наличных денег в 100 руб. В 1919 г. это хозяйство имело денег на 3.000 руб. Но при этом вещный капитал хозяйства уменьшился по оценке в старых рублях с 2.900 р. до 2.000 р. Лишние денежные знаки на 2.900 руб. могли оказаться в хозяйстве благодаря реализации, частью по реквизиции, частью добровольно пары лошадей или коров. В хозяйстве на протяжении 4—4½ лет произошло, таким образом, резкое **увеличение денежного капитала за счет капитала вещного**. Это изменение не могло не вызвать постепенного уменьшения «суб'ективной» оценки денег и увеличения суб'ективной оценки реальных благ. Но эти изменения «суб'ективных» оценок имели массовый характер. Наплыв денег наблюдался во всех почти хозяйствах и во всех хозяйствах должны были сказаться последствия этого наплыва. В результате, и отношение между реальными благами или товарами, с одной стороны, и деньгами— с другой, т. е. товарные цены, должны были измениться и на рынке, где сталкиваются влияния всех факторов, и это изменение должно было выразиться в росте товарных цен.

Такова та основная причина, которая при усиленных выпусках бумажных денег вызывает падение ценности денежной единицы на внутреннем рынке.

Выяснив в общих чертах связь между ростом количества бумажных денег и падением ценности бумажно-денежной единицы, мы можем перейти теперь к рассмотрению некоторых подробностей процесса обесценения.

Раньше всего мы хотели бы установить, какое место занимает изложенная выше точка зрения в ряду различных вариантов количественной теории. Как мы уже упоминали, эти варианты сильно отличаются один от другого. Расхождение между сторонниками количественной теории денег касается раньше всего об'ема влияния количественного принципа. Между тем, как одни авторы (Монтескье, Юм) выдвигали количественный принцип для об'яснения колебаний ценности всякого рода денег, и на первом плане денег металлических, другие (Маркс и, пожалуй, Рикардо) считали количественный принцип приложимым лишь для неразменных бумажных денег и строили теорию ценности металлических денег на других началах. Еще большее расхождение имеется между различными «квантитативистами» по вопросу о характере воздействия количественного момента на цены. Самая классификация количественной теории денег представляет поэтому известные трудности *).

В соответствии с той терминологией, которая, под влиянием исследования Бем-Баверка о теории прибыли, установилась в последнее время в экономической литературе в классификации различных теорий, мы полагали бы правильным делить «квантитативные» теории на наивные и мотивированные. К наивным мы отнесли бы старые варианты теории, которые в немецкой литературе часто называются механическими **), а к мотивированным—новейшие варианты количественной теории, которые, в противоположность вариантам механическим, можно было бы охарактеризовать, как варианты — психологические.

Механические варианты количественной теории отличаются тем, что они все исходят из предположения о существовании какой-то непосредственной, механической, связи между количеством денежных знаков и товарными ценами. Деньги и товары противопоставляются в этой формулировке одни другим. Товарная цена представляется авторам механической теории, как результат отношения всей массы денег ко всей массе товаров. В виду существования этой связи между всей массой денег и всей массой товаров, увеличение денежной массы при неизменности товарной массы

*) История количественной теории, главным образом, впрочем, история старых вариантов интересно изложена у J. L. Laughlin'a («The principles of money», N. Y. 1916 г. гл. VII). Краткий анализ новейших теорий дает Altmann (См. «Quantitätstheorie, d Hand. d. Staatsw». III aufl.).

**) См. Altmann («Zur deutschen Geldlehre» и s. w., стр. 35), Mises (Theorie des Geldes и s. w., стр. 152). Определение старой количественной теории, как механической, впервые кажется, дано Локксом.

193—12

ведет к понижению цены и наоборот. Изменение товарных цен под влиянием изменения количества денег и товаров представляется авторам механической формулировки квантитативной теории до известной степени, как результат действия законов спроса и предложения. Но эти авторы не исследуют вопроса о том почему происходит это изменение под влиянием спроса и предложения. Они не об'ясняют сущности механизма того повышения цен, которое получается в результате изменения количества денег *).

В таком именно смысле понимает количественную теорию один из старейших ее защитников—Монтескье. Товарные цены, по мнению Монтескье, определяются отношением между общим количеством товаров, имеющихся во всем мире, и общим количеством золота и серебра. Так как общая сумма товаров соответствует общей сумме денежного металла, то и каждый отдельный товар соответствует известной части металла. Предположим, рассуждает Монтескье, что в мире существует только один вид продовольствия или товара, или что существует только один вид, который продается и что он так же делим, как деньги, тогда определенная часть этого товара будет соответствовать части всей массы денег: половина всей массы одного — половине всей массы другого, десятая, сотая, тысячная доля первой — десятой, сотой, тысячной доле второй **). Отсюда следует, что если количество денег в стране увеличивается вдвое, то вдвое же должны возрасти и товарные цены, и наоборот ***). Чувствуя, однако, известную натяжку в своих рассуждениях, Монтескье старается несколько ограничить понятия «общей суммы денег» и «общей суммы товаров», но это ограничение не изменяет его конечного вывода. «Так как», говорит он в той же 7-й главе 22-й книги «Духа законов»: «не все то количество благ, которое составляет собственность людей, находится одновременно в торговом обороте, равно как не находятся одновременно в обороте все металлы или монеты, которые служат им знаками, то и цены определяются сложным путем, а именно не непосредственно отношением совокупности всех предметов к совокупности всех знаков, а отношением совокупности всех предметов, находящихся в торговом обороте, к совокупности всех знаков, находящихся в том же

*) Отсутствие в старой теории об'яснения механизма воздействия количества денег на цены особенно подчеркивает Spiethoff. (См. его «Quantitätstheorie» в «Festgaben für A. Wagner», L. 1905, стр. 249 и сл.).

**) Montesquieu. L'Esprit des lois. Livre XXII, Ch. VII) озагл. «Comment le prix des choses se fixe dans la variation des richesses de signé. Парижское изд. 1874 г. стр. 356.

***) Там-же, L. XXII, ch. VIII.

обороте. Но так как предметы, которые не находятся в обороте сегодня, могут войти завтра, а знаки не вошедшие сегодня, могут также вступить вслед затем, то установление цен на предметы зависит всегда в основе своей **о т о т н о ш е н и я в с е й** массы предметов ко всей массе знаков».

Нетрудно заметить, что основное представление Монтескье о строении цены является в высокой степени наивным. Общая сумма товарных цен не находится в соответствии с общей ценностью всей обращающейся в стране монеты. Очень богатая страна может иметь небольшое количество денежных знаков, и наоборот. Товарные цены подвержены влиянию факторов, лежащих на стороне товаров и не связанных, тем не менее, с количеством товаров. При общем ухудшении условий производства сумма товарных цен может возрасти, между тем как к о л и ч е с т в о денег и к о л и ч е с т в о товаров останется при этом неизменным. Наконец, цену отдельного товара нельзя представлять себе, как частное от деления общей суммы товарных цен на количество товаров. Скорее сумму товарных цен можно мыслить только, как результат сложения цен отдельных товаров *).

---

*) Приведенные в тексте рассуждения Монтескье дали Марксу повод для нескольких саркастических замечаний. „Иллюзия", говорит Маркс: „согласно которой товарные цены определяются массой средств обращения, а последняя, в свою очередь, массой находящегося в стране денежного материала,—эта иллюзия у ее первых представителей опирается на ту нелепую гипотезу, что в процесс обращения товары вступают без цены, а деньги без ценности, и что потом, в этом процессе, некоторая часть товарной кучи обменивается на некоторую часть металлической массы. („Капитал", т. I кн. I гл. 3, в русск. пер. под ред. П. Струве СПБ. 1899 стр. 78—79). Далее в примечании к этому абзацу Маркс, полемизируя с Монтескье, говорит: „Что каждый отдельный товар, посредством своей цены, составляет элемент суммы цен обращающихся товаров,—это очевидно. Но совершенно непонятно, каким образом масса несоизмеримых между собой потребительных ценностей может обмениваться на находящуюся в стране массу золота и серебра. Если весь мир товаров фокусническим способом превратить в один единственный товар и каждый отдельный товар представить лишь в виде некоторой части совокупного товара, то получится такой красивый образчик вычисления: совокупный товар — X центнерам золота, товар = некоторой части совокупного товара = такой же доле X цент. золота". Интересно отметить, что Р. Гильфердинг повторяет в отношении бумажных денег те самые рассуждения Монтескье, которые так зло и остроумно осмеяны Марксом. Развивая вслед за Марксом тот взгляд, что количественная теория, неприложимая к металлическим деньгам, вполне применима к бумажным деньгам, Гильфердинг рассуждает так: „При чисто бумажной валюте сумма цен, представляемая бумажными деньгами, при той же быстроте обращения, изменяется в прямом отношении с суммой товарных цен. и в обратном отношении с количеством выпущенных бумажно-денежных единиц. Тот же закон проявляется и тогда, когда при отсутствии свободы чеканки обращение обслуживается неполноценным металлом. Во всех этих случаях средства обращения являются не денежными знаками, и не знаками золота, а знаками ценности. Однако, они получают эту свою ценность не от ценности одного какого-либо

Другой представитель механической количественной теории денег, которому принадлежит одна из лучших формулировок теории, Рикардо, преподносит эту теорию не в столь наивной форме, как Монтескье. Он не считает, что товары входят в оборот без цены, и не считает, что товарные цены суть просто частное от деления всех денег на все товары, но и он не чужд идеи об известном противопоставлении всей товарной массы всей денежной массе. А что еще важнее, и у него связь между количеством денег и товарными ценами изображается, как связь чисто механическая. И у него отсутствует об'яснение того процесса, который вызывает влияние количества денег на ценность денежной единицы. Все это заставляет отнести Рикардо к разряду сторонников наивно-механического варианта количественной теории.

Первым поводом для выступления **Рикардо** в печати послужило, как известно, резкое падение курса английских банкнот в начале XIX века, выразившееся в средине 1809 г. в отклонении их от паритета на 13—14%. Это падение курса было связано с приостановкой с 1797 г. размена банковых билетов на золото. Рикардо напечатал по этому поводу в августе 1809 г. свою первую статью в «Morning Chronicle» под заглавием: «Цена золота», а за ней последовали еще две статьи на ту же тему. В конце того же 1809 г. Рикардо опубликовал свою первую брошюру «Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот». («The high price of bullion, a proof of the depreciation of bank-notes»), в которой были изложены его взгляды на деньги и банковский вопрос. Значительно позже, в 1817 г., было опубликовано бессмертное произведение Рикардо, его «Principles of Political Economy and Taxation». Здесь во многих местах разбросаны отдельные соображения о деньгах, и им посвящена отдельная небольшая глава («On currency and banks», Ch. XXVII). Денежные

товара, как получает, например, бумажный знак свою ценность от золота при смешанной валюте, когда он выступает, как представитель золота. Но общая сумма бумажно-денежной массы при не изменности быстроты обращения денег имеет одинаковую ценность с общей суммой имеющейся в обороте товарной массы. Ценность бумажных денег является, следовательно, отражением общественного процесса обращения. В этой ценности в каждый данный момент все обмениваемые товары действуют как единая сумма ценности, как целостность, которой вся масса бумажных денег общественным процессом обмена противопоставляется, как равная целостность" („Das Finanzkapital", Wien, 1910, стр. 41—42). „Что это, как не наивная гипотеза" о вступлении в обращение товаров без цены и денег без ценности, и как не обмен „некоторой части товарной кучи" на некоторую часть бумажной массы? Это ли предполагал Маркс, когда он утверждал, что количественная теория приложима к об'яснению ценности бумажных денег?

взгляды Рикардо, таким образом, формулированы в ранних его произведениях и здесь же изложен его взгляд на значение количества денег.

«Золото и серебро», говорит Рикардо, «имеют, подобно другим товарам, внутреннюю ценность, которая не является случайной, но зависит от их редкости, от количества труда, затраченного на их добычу, и от ценности капитала, употребленного в рудниках, где они добываются» [1]).

«Если бы количество золота и серебра, употребляемое в мире, как деньги, было слишком мало или чрезмерно велико, то это обстоятельство ни в какой мере не отразилось бы на пропорции, в которой металлы распределялись бы между различными странами; изменение в их количестве имело бы лишь то последствие, что товары, на которые они обмениваются, стали бы относительно дороже или дешевле. Меньшее количество денег исполнило бы функции орудия обращения так же хорошо, как и большее. . . Если бы одна страна успела больше в хозяйственном прогрессе, нежели другие, то эта страна потребовала бы и получила бы большую пропорцию мирового запаса денег. . . Равным образом, если какая-либо страна растратила часть своего богатства или потеряла часть своей торговли, она не сумеет удержать то количество средств обращения, которым она владела до того. . . Если бы в какой-либо стране был открыт новый золотой рудник, деньги этой страны понизились бы в своей ценности вследствие роста количества драгоценных металлов в обращении и перестали бы иметь ту ценность, что деньги других стран. Золото и серебро, как в монете, так и в слитках, подчиняясь закону, который регулирует обращение всех прочих товаров, немедленно стали бы предметом экспорта; они оставили бы страну, в которой они стали дешевы, и перешли бы в страну, где деньги дороги, и это продолжалось бы до тех пор, пока рудник оставался бы производительным и пока не восстановилась бы пропорция, существовавшая между капиталом и деньгами каждой страны до открытия рудника, а золото и серебро не пришли бы повсюду к одинаковой ценности. . . Если бы вместо открытия рудника, в какой-либо стране был бы учрежден банк, аналогичный английскому банку, снабженный правом выпуска своих билетов в качестве орудия обращения, то после того, как им было бы выпущено значительное количе-

---

[1]) High price of bullion, «Works» ed. by Mc. Culloch, L. 1871, стр. 263.

ство билетов, путем ли выдачи ссуд торговцам или путем оказания авансов правительству, и таким образом увеличилась бы значительно общая сумма денежных знаков, наступили бы те же последствия, как и в случае открытия рудника. Орудие обращения понизилось бы в своей ценности, а товары испытали бы соответственное повышение» *). Делая ссылку на Юма, Рикардо говорит дальше: «Ценность средств обращения каждой страны составляет известную пропорцию с ценностью товаров, которые они приводят в обращение. Никаков увеличение или уменьшение количества денег, независимо от того, состоят ли они из золота, серебра или бумаги, не могут поднять или уронить их общую ценность выше или ниже этой пропорции. Если рудники перестают давать годичное снабжение благородных металлов, то ценность денег повышается, и в качестве орудия употребляется меньшее их количество. Уменьшение количества будет пропорционально повышению их ценности. Равным образом, если бы были открыты новые рудники, ценность благородных металлов понизилась бы, и в обращении употреблялось бы большее их количество, так что в том и другом случае отношение ценности денег к ценности благ, которые они приводят в оборот, осталось бы тем же. Если бы в период, когда банк менял свои билеты на металл по пред'явлении, количество билетов возросло бы, то это оказало бы лишь небольшое постоянное действие на ценность денег, ибо в этом случае приблизительно равное количество монеты было бы извлечено из обращения и вывезено. Но если банк освобожден от обязанности платить по своим билетам металлом, и вся звонкая монета вывезена из страны, то всякий излишек билетов понижает ценность средств обращения пропорционально этому излишку. Если до приостановки размена сумма денежных знаков Англии составляла 20 миллионов, а к этому прибавить 4 миллиона, то 24 миллиона будут иметь не большую ценность, чем прежде 20 миллионов, при условии, что товары остались те же, и что не было соответственного вывоза монеты; и если бы банк последовательно увеличил бы количество билетов до 50 или до 100 миллионов, возросшее количество было бы поглощено денежным обращением Англии, но оно во всех случаях понизилось бы до ценности 20 миллионов» **).

Во всем этом рассуждении нет указаний на процесс обесценения денег, в особенности поскольку речь идет об обесценении,

---

*) Там же стр. 263—265.
**) Там же стр. 284—285.

не связанном с международными отношениями. Деньги отдельной страны рассматриваются, как некая совокупность, у которой существуют какие-то механические взаимоотношения с товарами. Последняя мысль получает у Рикардо яркую формулировку в одном из писем его к Мальтусу. «Я считаю», говорит он здесь, «что деньги должны быть рассматриваемы, как нечто целое, и, как таковое, они должны быть сравниваемы со своей массой товаров, которые приводятся ими в обращение» *). И по отношению к этой концепции количественной теории применимы те же возражения, которые выше были приведены, по отношению к теории Монтескье **).

---

*) The currency must, I apprehend, be considered as a whole, and as such must be compared with the whole of the commodities, which it circulates“, письмо от 17 июля 1811 г. См. Letters of David Ricardo to Th. R. Malthus. Ed by J. Bonar, Oxford, 1887, стр. 13.

**) Одним из наиболее спорных пунктов в толковании денежной теории Рикардо является вопрос о том, считал ли Рикардо количественный момент определяющим фактором для всяких денег, или же он принимал количественную теорию только для неразменных банкнот или бумажных денег. Как видно из приведенных в тексте отрывков, Рикардо так излагает свои взгляды на деньги, что дает повод как для того, так и для другого толкования. С одной стороны, в целом ряде мест, Рикардо без всяких оговорок утверждает, что ценность денег, вообще, определяется — их количеством. В этих случаях речь идет, несомненно, не только о бумажных деньгах, но и деньгах металлических. Рикардо ссылается в подтверждение своих взглядов на Юма, теория которого относилась ко всяким деньгам. Он определенно говорит о влиянии открытия новых рудников, и все это дает повод считать, что его количественная теория есть теория денег вообще, а не только денег бумажных. С другой стороны, Рикардо сплошь и рядом противопоставляет металлические деньги деньгам бумажным, а разменные банкноты, — банкнотам неразменным. Он говорит о том, что ценность золота и серебра, подобно ценности других товаров, зависит от труда, затраченного на их производство, что, как будто, не вполне гармонирует с теорией, которая выдвигает на первый план количественный момент. Отсюда вытекает второе толкование, приписывающее Рикардо взгляд, что ценность металлических денег зависит от количества труда, затраченного на их производство, а ценность бумажных денег от их собственного количества. Первого толкования придерживался Маркс (см. «Zür Kritik», II. c.). Считая, что Рикардо признает значение количественного момента как для металлических, так и для бумажных денег, Маркс противопоставляет ему свое собственное понимание теории денег, признающее значение количественного момента для бумажных денег, но конструирующее ценность металлических денег на принципе трудовых затрат. Основываясь, между прочим, на следующем заявлении Рикардо, высказанном им в полемике с Бозанкетом: «что товары повышаются или падают в ценности пропорционально увеличению или уменьшению количества денег — это я считаю фактом не подлежащим опровержению», Маркс указывает и на противоречие, существующее в его денежной теории, утверждающей с одной стороны, что ценность золота и серебра зависит от количества труда, затраченного на их производство, а, с другой, что ценность металлов определяется их количеством. В русской литературе ту же трактовку и критику денежной теории Рикардо мы встречаем у Патлаевского (Теория денежного обращения Рикардо и его последователей; Одесса 1871 г.) Иного толкования придерживается A. Wagner: (Geld und Credittheorie der Peelschen Bacante, 47), а также Laughlin (The principles of money, London, 1916, стр. 247—248), считает, что центр тяжести количественной теории Рикардо лежит в об'яснении явлений бумажно-денежного обращения, и что он лишь вскользь затра

Если Рикардо стоит еще на наивно-механической позиции в применении к деньгам количественного принципа, то этого нельзя сказать про его предшественника в разработке денежной теории Юма. Юм не ограничивается одним лишь противопоставлением товаров и денег: он старается вскрыть *процесс* воздействия количества денег на цены, установить причинную связь между этими

гивает вопрос о значении количественного момента для металлических денег. Еще определеннее высказывается в этом направлении Karl Diehl («David Ricardo's Grundgesetze der Volkswirtschaft und Besteuerung 3-r Bd, Socialwiss. Erläuterungen» II Th. Leipzig, 1905, стр. 226. По мнению Диля, противоречия во взглядах Рикардо на ценность могут быть поняты только, таким образом, что Рикардо в соответствии с условиями денежного обращения своего времени, когда платежным средством в Англии служила неразменная банкнота, хотел обосновать теорию, приложимую к бумажно-денежному хозяйству, и вовсе не имел в виду стран с нормальным металлическим денежным обращением.

По поводу этой контроверзы надо сказать следующее. Ряд текстуальных заявлений Рикардо, несомненно, оправдывает толкование Маркса. Но вопреки тексту, быть может, правильнее принять точку зрения Laughlin'a и Diehl'a. Дело в том, что даже там, где Рикардо применяет количественный принцип к металлическим деньгам, он придает ему не столь исключительное значение, как в применении к разменным банкнотам. Количественный принцип в его представлении по отношению к металлическим деньгам вовсе не стоит в таком противоречии с принципом трудовым, как это толкует Маркс. Когда Рикардо говорит о влиянии на ценность денег открытия новых рудников, то он имеет в виду не только рост количества денег, но и уменьшение затраты труда на добычу металла. Это с очевидностью обнаруживается, между прочим, из ответа Рикардо перед Комиссией палаты общин 1819 г. по вопросу о предпочтении золота или серебра, как основной валюты. На вопрос комиссии: «если система одного металла предпочтительнее, так как она подвержена меньшим колебаниям, чем система двух металлов, то какой из металлов вы бы рекомендовали?». Рикардо ответил: «я нахожу, что на этот вопрос несколько трудно ответить; существовали основания, которые долгое время заставляли меня думать, что серебро более удобный металл в качестве измерителя ценности; но так как я слышал, что в серебряных рудниках теперь *усиленно применяются машины, а это легко может привести к росту количества этого металла и к изменению его ценности*, между тем как это явление не оказывает никакого влияния на ценность золота, то я пришел к заключению, что золото является лучшим металлом для регулирования ценности нашей валюты». (Цит. по Diehl'ю, указ. соч. стр. 222, курсив наш). Изменение ценности серебра представляется Рикардо следствием роста его количества, но это не противоречит влиянию количества затраченного труда, ибо рост количества серебра, сам по себе, воспринимается, как результат введения машин и изменения условий производства. Только при выпусках, не требующих затраты труда бумажных денег влияние количественного момента проявляется в чистом виде (На возможность согласования количественного принципа с принципом трудовых затрат указывает в русской литературе А. Миклашевский. См. его «Деньги» стр. 309 и 620). Кроме того, мы хотели бы высказать еще следующее предположение. Нам представляется, что во взглядах Рикардо по интересующему нас вопросу, вообще, произошла на протяжении 1809—1819 гг. некоторая перемена. Первоначально Рикардо, действительно, выдвигал количественную теорию, как принцип, приложимый ко всяким деньгам, а не только к бумажным. Он был в этом смысле строгим последователем Юма. Этот взгляд и проявляется в ранних выступлениях Рикардо, относящихся к 1809—1811 г.г., в его «High price of bullion», полемике с Бозанкетом и ранних письмах к Мальтусу. Достаточно указать, напр., на следующее место из письма Рикардо к Мальтусу от 22 декабря 1811 г.г.: «I believe you admit that in the case of an augmentation of 2 percent, to our currency *altough it were*

двумя фактами. Его теория занимает, в виду этого, переходное место между старыми наивно-механическими вариантами и современными мотивированными, психологическими вариантами количественной теории. В этом отношении денежная теория Рикардо составляет шаг назад по сравнению с теорией Юма, хотя в других отношениях теория Рикардо больше разработана.

Связь между ростом количества денег и под'емом цен Юм об'ясняет следующим образом: «Известно, что со времени открытия рудников в Америке, во всех странах Европы промышленность развилась, но развилась она только у владельцев этих рудников; и это обстоятельство может быть приписано, на-ряду с другими причинами, росту золота и серебра. В соответствии с этим мы находим, что в каждом государстве, в которое деньги начинают притекать в

---

wholly metallic the prices of commodities would rise in his country 2 percent above their former level»... «Letters». Там-же, стр., 21. (Курсив наш). В то же время в этих сочинениях еще не вполне сложились взгляды Рикардо на ценность вообще. Но впоследствии по мере того, как у Рикардо складывались его общие взгляды, он несколько изменил свои взгляды на деньги. Он сохранил количественную теорию для об'яснения ценности бумажных денег, но старался элиминировать этот момент из об'яснения ценности металлических денег. Словом, приближался к той точке зрения, которая впоследствии была формулирована Марксом. В таком именно виде выступают взгляды Рикардо в опубликованных в 1817 г. его «Началах политической экономии». Эта эволюция взглядов Рикардо лучше всего обнаруживается из сопоставления его ранних работ с XXVII главой «Principles», трактующей о денежном обращении и о банках («On currency and banks»). Эта последняя глава не представляет собой ничего нового. Она является сводкой ранее опубликованных сочинений и главным образом двух трактатов: «High price of bullion» и «Proposals for an Economical and secure currency», причем начало главы есть повторение первой работы, а конец текстуально взят из второй. Сравнение главы «on currency and banks» с High price of bullion», обнаруживает, однако, ту перемену во взглядах, которую мы предполагаем. Дело в том, что в главе «On currency and banks» Рикардо очень сокращает все то, что относится к металлическим деньгам, и очень определенно и пространно говорит о деньгах бумажных. Эта глава почти не содержит указаний, которые позволяли бы причислить Рикардо, на ряду с Юмом, к сторонникам количественной теории в применении к металлическим деньгам. В то же время, переработка более раннего произведения выражается в данном случае в более яркой формулировке влияния количества затраченного труда на ценность. Наиболее интересно сопоставление в этом отношении 2 абзаца «High price of bullion» со 2 же абзацем главы: «On currency and banks». В «High price of bullion» Рикардо говорит: Gold and silver, like other commodities, have an intrinsic value, which is not arbitrary, but is dependent on their scarcity, the quantity of labour, bestowed in procuring them, and the value of the capital employed in the mines which produces them».

В XVII гл. «Principles» тот-же абзац гласит: «Gold and silver, like all other commodities, are valuable only in proportion to the quantity of labour necessary to produce them and bring them to market. Gold is about fifteen times dearer than silver, not because there is a greater demand for it, nor because the supply of silver is fifteen times greater than that of gold, but solely because fifteen times the quantity of labour is necessary to procure a given quantity of it». В «High price of bullion» (1809) Рикардо считал, что ценность золота и серебра зависит от «редкости», «количества труда» и «ценности капитала». В «Principles» (1817) это место подвергается переработке в том смысле, что на ценность золота и серебра влияет только количество труда, затраченного на их производство.

большем изобилии, чем раньше, всякая вещь получает новый вид, труд и промышленность оживляются; торговец становится более предприимчивым, промышленник—более прилежным и поворотливым, и даже земледелец идет за своим плугом с большей живостью и вниманием... Чтобы оценить это влияние, мы должны иметь в виду, что хотя повышение цен товаров является неизбежным последствием роста количества золота и серебра, но оно наступает не непосредственно за этим ростом; некоторое время необходимо, пока деньги циркулируют через всю страну и обнаружат свой эффект на всех слоях населения. Вначале незаметно никакой перемены; затем постепенно начинают расти цены сначала одного товара, потом другого, пока, наконец, весь уровень цен не достигнет правильной пропорции с новым количеством монеты, которое имеется в государстве. По моему мнению, только в течение этого промежутка, между приобретением денег и повышением цен, возросшее количество золота и серебра благоприятно для промышленности. Когда какое-либо количество денег ввозится в страну, оно не сразу расходится по многим рукам, но сначала попадает в сундуки немногих лиц, которые стараются немедленно его применить наилучшим образом. Предположим, что некоторые промышленники или торговцы получили золото и серебро за товары, которые они отправили в Кадикс. Они получают, таким образом, возможность занять больше рабочих, чем раньше, которые и не подумают потребовать более высокой заработной платы, а будут рады получить работу от таких хороших плательщиков. Но если рабочих станет мало, промышленник даст более высокую плату, первоначально потребовав усиленного труда, мастер охотно идет на это, так как он сможет теперь больше есть и пить, компенсируя свою усиленную усталость и большую затрату материалов. Он несет свои деньги на рынок, где он находит всякую вещь по той же цене, что и раньше, но возвращается с большим количеством вещей и лучших сортов для потребления своей семьи. Земледелец и огородник, видя, что все их товары раскупаются, усиливает рвение на получение большего количества продуктов; в то же время они могут получить больше материи и лучшего качества от своего лавочника, цены которого остаются прежними и деятельность которого возбуждается новыми барышами. Так можно легко проследить движение денег через все государство, и мы найдем, что они должны сначала оживить старания каждого индивидуума, раньше, чем они повысят цены на труд» *).

---

*) David Hume. Of money. «Essays, moral, political and literary», Part II, Essay III. цит. по изданию Green and Grose, London, 1875, стр. 313—314.

Задачей Юма в этом замечательном отрывке было, собственно, не выяснение механизма повышения цен под влиянием роста количества денег. Он просто хотел выяснить свою позицию по отношению к меркантилистам, преувеличивавшим значение денег для страны. Он хотел установить, что богатство заключается не в деньгах. Не считая возможным отрицать влияние денег в смысле повышения производительности, он старался показать, что это влияние кратковременно и постепенно. Быть может, в связи с этим Юм, казалось бы, не вполне последовательно предполагает, что цены на продукты земледельца и огородника не должны подняться, и что их поощрение должно выразиться лишь в росте их производства. И вывод, который делает Юм из вышеизложенного рассуждения, заключается в том, что для внутреннего благополучия страны безразлично, имеет ли она большее или меньшее количество денег. Правильная политика государства заключается только в том, чтобы количество денег по возможности росло *). Но хотя и высказанное не с прямой целью выяснения причинной зависимости между количеством денег и товарными ценами рассуждение Юма послужило исходным пунктом для дальнейшей разработки количественной теории, у Юма имеются уже и некоторые предпосылки новых вариантов, а именно: рассмотрение количественного принципа под углом зрения динамики, указание на постепенность и неравномерность процесса роста цен и, наконец, указание на психологический момент, хотя и в очень ограниченных пределах.

Дальнейшую разработку количественная теория нашла в современных трудах экономистов, преимущественно немецких, а именно в трудах Визера, Шпиттофа, Мизеса, Лифмана и др. Эта разработка пошла в направлении дальнейшего выяснения причинной зависимости между увеличением количества денежных знаков и ростом цен. Отрицая наличность непосредственной механической связи между количеством денег и ценами, не считая возможным понять эту связь при помощи противопоставления массы денег и массы товаров, эти авторы стараются изучить д и н а м и к у повышения цен при росте денежного обращения, вскрывая и об'ясняя те психологические явления, которые вызывают изменения в хозяйственных мотивах и хозяйственных действиях людей. Вместе с тем они стараются выяснить и различные детали самого процесса изменения цен. От наивного варианта количественной теории они переходят к

*) Там же, стр. 315.

варианту мотивированному и от механического к психологическому *). К этой группе вариантов количественной теории относится и наша точка зрения о связи между количеством денег и ценностью денежной единицы, как она изложена была на предыдущих страницах.

Сторонники количественной теории все сходятся в том, что изменение количества денег оказывает влияние на покупательную силу денежной единицы. Но возникает дальнейший вопрос, а именно, *какие деньги* влияют в этом направлении? На этот вопрос могут быть даны различные ответы.

Раньше всего возникает разногласие по вопросу о том, *влияют ли на покупательную силу денежной единицы все имеющиеся в стране деньги или только деньги циркулирующие?* Мы видели, что Монтескье отвечал на этот вопрос в первом смысле. По его мнению, установление цен на предметы зависит всегда от отношения всей массы предметов ко всей массе денег. Ему не чуждо понятие «денег, находящихся в обороте», но он не считает возможным приписывать влияние на цены только этой части денег.

---

*) 1) Шагом назад является та формулировка, которую количественная теория нашла в вышедшей недавно и привлекшей большое внимание книге американского профессора Irving Fischer'a («The purchasing power of Money» N-У—1913).

Фишер возрождает механическую количественную теорию, вводя в нее лишь некоторые модификации, вызываемые современными условиями кредита, и дает абстрактную и, по нашему мнению, совершенно безплодную формулу ценности денег. Причинная связь между количеством денег и товарными ценами, а равно и процесс изменения ценности денег под влиянием изменения их количества, остаются у него необ'ясненными. К этой теории мы еще вернемся в дальнейшем.

2) Мы не считаем возможным входить здесь в рассмотрение тех различий, которые существуют между различными представителями психологической количественной теории, и, в частности различий между нашим пониманием вопроса и концепцией других авторов. Мы хотели бы лишь отметить, что от Визера, Шпитгофа, Мизеса и др. представителей австрийской школы нас отличает то, что эти авторы стремятся уложить количественную теорию в формулы этой школы, мы же, относясь с большим равнодушием к принципу предельной полезности, считаем эту операцию излишней, да и невозможной. Стремление связать количественную теорию с теорией предельной полезности заставляют этих авторов делить ценность денег на «суб'ективную» и «об'ективную», выводить вторую из первой и т. д., а это все не содействует выяснению вопроса. В частности представители австрийской школы должны признавать действие количественного момента как для бумажных денег, так и для металлической валюты. Я же склонен думать, что суб'ективная переоценка денег наступает лишь при нарушении нормальных условий денежного обращения, я не решался бы в полной мере распространить сделанные в тексте выводы на периоды нормального денежного обращения. Из русских экономистов к изложенной нами выше в тексте точке зрения близко примыкает проф. Н. Д. Силин. «Характер связи между увеличением количества денег и падением их ценности», говорит он: «связь, которая в течение продолжительных периодов может не наблюдаться совсем, а затем сказывается с неожиданной силой, говорит в пользу психологического, а не механического об'яснения воздействия количества на ценность денег» («Вестник Финансов» 1917 г. № 31, стр. 120).

Совершенно иначе отвечает на этот же вопрос Юм. Он также думает, что цены товаров определяются отношением количества товаров к количеству денег, но не отношением количества «всех товаров» к количеству «всех денег», как это думал Монтескье, а лишь количеством товаров, привезенных на рынок, к количеству денег, на рынке циркулирующих. «Ясно, говорит Юм, что цены зависят не столько от абсолютного количества денег, которые имеет страна, сколько от количества товаров, которое поступает или может поступить на рынок, и от количества денег, которое циркулирует. Если монета запрятана в ящик, она также мало имеет значения для цен, как если бы она была уничтожена. Если товары собраны в житницах и складах, это имеет тот же эффект. Так как деньги и товары в таких случаях никогда не встречаются, то они и не действуют друг на друга. Если бы нам пришлось делать какие-либо предположения о цене продовольствия, то зерно, которое фермер должен сберечь для посева и прокормления своего и своей семьи, никогда не должно быть принято в расчет. Только излишек, сравниваемый со опросом, определяет цену» *). «Цены, говорит он дальше, определяются отношением между циркулирующими деньгами и поступившими на рынок товарами» **).

Понятия «циркулирующих денег» и «рыночных товаров» не отличаются у Юма достаточной определенностью. Некоторые исследователи считают, что под «рыночным товаром» Юм понимал товары, фактически поступившие на рынок, а под циркулирующими деньгами—деньги, фактически обращающиеся на рынке ***). Нам представляется, что Юм вкладывал в оба понятия более широкий смысл, и его расхождение с Монтескье не было столь значительным. Мы думаем, что под «рыночным товаром» Юм понимал не только товар, в данный момент фактически поступивший на рынок, но и, вообще, всякий товар, который может поступить на рынок. Из сферы благ, участвующих в образовании цен, он имел в виду исключить лишь те, которые потребляются в натуральных хозяйствах и, вообще, не предназначены для товарного оборота. Точно также он понимал под «циркулирующими» деньгами не деньги, циркулирующие в какой-либо определенный момент, а вообще все деньги, которые могут циркулировать. Из общей суммы денег, оказывающих влияние на строение цен, он имел в виду исключить

*) David Hume «Essays» там же, стр. 316—317.
**) Там же, стр. 318.
***) См., напр., Laughlin «Principles of money» 232.

лишь ту часть, которая зарыта в земле и никогда не вступит в оборот.

Но как бы то ни было, последующие представители механической количественной теории восприняли понятия «рыночных» товаров и «циркулирующих» денег, вкладывая в них то более широкий, то более узкий смысл. Так, напр., Милль считал, что на цены действует то количество денег, которые люди хотят израсходовать, т. е. все деньги, которые они имеют в своем обладании», за вычетом тех, которые они рассматривают, как сокровище (what they are hoarding), или, по крайней мере, держат, как резерв на будущие случаи. Коротко говоря, предложение денег заключается во всей той сумме денег, которая находится в циркуляции в данное время *). «Каково бы ни было количество денег в стране», говорит он дальше: «из него будет действовать на цены только та часть, которая поступает на товарный рынок и здесь фактически обменивается на блага. Всякое увеличение в стране в количестве этой части денег имеет тенденцию повышать цены. Но деньги, собранные, как сокровище, не влияют на цены. Деньги, хранимые отдельными лицами в резерве на случаи, которые еще не представились, не влияют на цены. Деньги, находящиеся в сундуках банка или хранимые, как резерв, частными банкирами, не влияют на цены до тех пор, пока они не извлечены, а даже в этом случае лишь, когда они извлечены для израсходования их на покупку товаров» **). На той же позиции стоит и современный экономист, пытающийся возродить механическую количественную теорию, Ирвинг Фишер. И он под деньгами, влияющими на цены, понимает «деньги в обращении» ***).

Деление денег на «циркулирующие» и «нециркулирующие» было воспринято не только сторонниками, но и некоторыми противниками количественной теории. В известном споре между последователями Рикардо, т. наз. «currency school», и его противниками, школой «banking» это деление даже было использовано, как основной аргумент против теории Рикардо. Мы имеем в виду концепцию Fullarton'a. Ссылаясь на то, что существующие в каждой стране

*) John Stuart Mill «Principles of Political economy II, Ch. VIII § 2, 7-ое изд. L. 1871, стр. 12—13. (Курсив—Милля).

**) Там же, стр. 20. Милль идет в этом отношении несколько дальше, чем Рикардо, которому было чуждо деление денег на циркулирующие и накопленные, но который под «товарами» понимал лишь те товары, которые «приводятся в обращение» деньгами. См. выше.

***) Ср. Irwing Fisher, The purchasing power of money, стр. 29. N—I. 1913

деньги делятся на две части, на деньги, «находящиеся в обращении», и деньги, «составляющие сокровище», или резерв «hoards», Фуллертон, отвергая влияние на цены нового притока металла, оспаривал все те явления международного движения денег, которые формулировал Рикардо. Новые запасы металлов, по мнению Фуллертона, вовсе не всегда поступают в сферу денежного обращения. Поскольку они не нужны для оборота, они поглощаются резервами «hoards», и уже из этих резервов металл вступает в область денежного оборота по мере потребности в нем, так что «колебание в снабжении вовсе не отражаются на той части монеты, которая находится в циркуляции, и которая одна только влияет на цены, но они лишь затрагивают ту часть денег, которая состоит в резерве» *).

С представлением о том, что в установлении товарных цен участвует не вся масса денег, а только та часть ее, которая «циркулирует», связана еще и другая идея, а именно идея о влиянии на цены быстроты обращения денег. Эта идея, которая еще чужда теории Монтескье, выдвигается последующими сторонниками механической количественной теории, получает в их концепциях все большее и большее значение и приводит в конце концов к новой формулировке самого количественного принципа. Вместо одного фактора, влияющего на образование цен на стороне денег, получаются два фактора: количество денег и быстрота их обращения. Так, напр., Ирвинг Фишер говорит, что «уровень цен изменяется: 1) прямо пропорционально количеству денег в обращении, 2) прямо пропорционально быстроте их обращения и 3) обратно пропорционально общей массе торговых оборотов, совершенных ими» **). «Быстрота обращения» здесь фигурирует, как такой же фактор образования цен, как и количество денег.

«Быстрота обращения», как фактор, противопоставляемый количеству денег, встречается у Локка ***) и у физиократов. У

*) John Fullarton. On the regulation of currencies. 2 ed. 1845 стр. 11. Цит. по Fr. Hoffmann. Kritische Dogmengeschichte der Geldwerttheorien. Leipz. 1907 стр. 135.

В последующей литературе указание на значение резервов в делении денег на «деньги в циркуляции» и «резервы» постоянно связывается с именем Fullarton'а Как видно из приведенной в тексте истории вопроса, последний только своеобразно использовал идею о делении денежной массы на две части, и ему, пожалуй, принадлежит еще термин: «hoards». Самая же идея об особом положении денег, хранящихся в качестве сокровища, была определенно высказана Юмом, а указание на нее имеется и его у предшественников, в том числе у Монтескье.

**) Fischer указ. соч. стр. 29.

***) Locke, Some considerations. Works, стр. 234.

Летрона *) быстрота обращения выдвигается, как средство экономить деньги. Но особенное внимание уделяет «быстроте обращения» Милль. У него значение быстроты обращения уже формулировано в тех же выражениях, какие в наше время употребляет Фишер. «Если мы примем», говорит он, «количество продаваемых товаров, и число раз перепродажи этих товаров за количества данные, то ценность денег будет определяться их количеством и средним числом раз, которые каждая монета перейдет из рук в руки во время этого процесса. Общая масса проданных товаров (считая каждую перепродажу тех же самых товаров, как бы за прибавку к их количеству) была обменена на всю массу денег, помноженную на число покупок, которое в среднем было сделано каждой монетой. Следовательно, при том же количестве товаров и товарных оборотов, ценность денег обратно пропорциональна их количеству помноженному на то, что называется быстротой обращения. А количество денег в обращении равно денежной ценности всех проданных благ, деленной на цифру, которая выражает быстроту обращения **).

Как видно из этих рассуждений Милля, конструкция понятия «быстроты обращения», как фактора образования цен, вытекает у него из того же механического восприятия количественной теории, которое дает основание для деления денег на «циркулирующие» и «не циркулирующие». Цены образуются от «встречи» известной массы денег с известной массой товаров. Встречающиеся величины совпадают одна с другой и дают в результате общий уровень цен. Отсюда, как будто, естественно придти, с одной стороны, к выводу, что на стороне денег на строение цен оказывает влияние только та часть, которая «циркулирует, т. е. фактически участвует

*) Le Trosne в «De l'intérêt social» выдвигает ее, как аргумент против меркантилистов, преувеличивающих значение металла для страны. «Быстрота обращения» действует у него не рядом с количеством, а взамен количества. Его взгляды в этом отношении противоположны взглядам Юма. «On ne peut donc pas dire», читаем мы у него: «que la culture languit» parce que l'argent manque, mais l'argent semble rare, parce que la culture est faible.. l'argent, sans augmenter en masse suffira à tous les échanges. la célérité de son mouvement supplée à sa quantité. Lorsqu'il en est besoin, il ne fait que glisser d'une maine dans l'autre sans arreter un instant». В увлечении идеей о возможности замены денег Le Trosne доходит до рекомендации бумажных денег. . . «S'il ne peut suffis», продолжает он: «à la célérité qu'on exige de lui; si l'on trouve sa marche trop lent, son poids trop embarassant, son transport trop incommode, on le substitue le papier, avec lequel on fait une infinité d'affaires sans que l'argent se montre». (См. «Physiocrates» par Daire, P. 1846, стр. 916; см. также Маркса Капитал т. I, 3, 2, в прим. 76).

**) J. St. Mill. Principles of political economy. B. III. Ст. VIII. § 3. Изд. 1871 г. т. 2, стр. 17—18.

во встрече с товарами, а — с другой, что если одна и та же монета «встречает» несколько товаров то, и в процессе сопоставления ее с товарами ее количество должно быть помножено на «быстроту обращения».

В том понимании связи между изменением в количестве денег и изменением товарных цен, которое дано было нами на предыдущих страницах, нет места для деления всей денежной массы на «циркулирующие» и «нециркулирующие» деньги и для «быстроты обращения», как самостоятельного фактора. Мы исключаем из нашей концепции оба эти понятия и считаем, что, поскольку на цены влияет изменение в количестве денег, это влияние сказывается всей массой денег. Мы возвращаемся, таким образом, в этом отношении к концепции Монтескье, и вот по каким основаниям.

Раньше всего, самые понятия «циркулирующих» денег и «быстроты обращения» представляются недостаточно ясными. В самом деле, что такое «циркулирующие деньги» и какое значение может иметь выделение их из общей массы денег? Если под «циркулирующими деньгами» понимать, вслед за Миллем и Фишером, ту часть денег, которая фактически встречается с товарами, то нельзя не признать, что эта часть невелика, и, главное, ее размер зависит от периода времени, который мы вовлекаем в круг нашего внимания. Вся денежная масса распределена между отдельными кассами, имеющими мало подвижной характер, и из общей суммы кассы всегда «циркулирует» лишь верхушка, самый небольшой слой. В течение года, быть может, половина всех денежных знаков страны переменит своих владельцев, в течение месяца в движении будет, пожалуй, 4—5% всех денежных знаков. А в течение дня, в течение часа? Что же считать «циркулирующей» частью денег, оказывающей влияние на цены, часть, которая раз в год переменит своих владельцев, или часть, которая в течение дня «циркулирует»?. Если же брать небольшие периоды, то не оказывается ли, что цены зависят от совершенно ничтожной части всей денежной массы. Поскольку нас интересует вопрос о влиянии новых выпусков денег, и, главным образом, бумажных, как понять распределение этих новых выпусков между «циркулирующими» и «нециркулирующими» деньгами. Наконец, можно ли считать, что в отдельных хозяйствах имеет какое-либо значение деление кассы на циркулирующую или предназначенную для циркуляции часть и часть не циркулирующую?. Еще большей туманностью отличается

понятие «быстроты обращения», неясность которого была отмечена и самим Миллем *).

Кроме того, ограничение количества денег, влияющих на цены, деньгами циркулирующими, и введение фактора быстроты обращения приводит к такой формулировке количественной теории, которая отличается абсолютной пустотой и не имеет никаких элементов каузальности. Если противопоставление всей массы денег и всей массы товаров у Монтескье и Рикардо и не давало достаточного об'яснения сущности причинной связи между количеством денег и товарными ценами, то все же их формулировка отличалась содержательностью. Формулировка же Милля и Фишера, вводящих свои ограничения, оказывается при внимательном рассмотрении пустой тавтологией. Что говорили Монтескье и Рикардо? Цены зависят от отношения всей имеющейся в стране массы денег и всей массы товаров. Увеличьте общее количество денег вдвое, и цены поднимутся вдвое. Это утверждение может быть признано неверным, недоказанным, но за ним нельзя не признать определенного содержания. Во что превращается та же мысль в формулировке Милля и Ирвинга Фишера? Высота товарных цен, говорят они, определяется количеством фактически проданных товаров, количеством фактически участвовавших в товарообмене денег и средним количеством оборотов, которые сделал каждый денежный знак. Это, разумеется, верно. Но что заключается в этом утверждении кроме пустой тавтологии? Какие здесь элементы причинности? Допустим, что в январе 1914 г. в России была продана известная масса товаров на 2 миллиарда рублей, что в этом обороте участвовало на ½ миллиарда рублей денежных знаков, из которых каждый перешел из рук в руки в течение этого месяца 4 раза. Допустим теперь, что в январе 1916 г. была продана такая же масса товаров за 4 миллиарда рублей, то что цены возросли вдвое. Мы можем заранее сказать, что январь 1916 г. отличался от января 1914 г. или тем, что в 1916 г. в обороте участвовало в 2 раза больше денежных знаков, т. е. не ½ миллиарда, а 1 миллиард рублей, или тем, что каждая монета сделала в 2 раза больше оборотов, т. е. не 4, а 8, или обе величины испытали изменение. Но что означает это утверждение, кроме пустого трюизма. Что оно

---

*) J. St. Mill цит. соч. стр. 18. Милль думал, что причина лежит в неудачном обозначении понятия и предлагал употреблять выражение «the efficiency of money» вместо «rapidity of money», но дело здесь не в терминологии, а в существе понятия.

об'ясняет? Имеются ли в нем хотя бы малейшие элементы, указывающие на причинную связь между количеством денег в стране и уровнем цен? Ведь $^1/_2$ миллиарда рублей в 1914 г. и 1 миллиард в 1916 г. составляли лишь часть и притом небольшую часть всей денежной массы страны. Рост товарных цен и вовлечение в оборот большего количества денег могли произойти как при увеличении общего количества денежных знаков в стране, так и при его уменьшении.

Формула Милля-Фишера никакого об'яснения этой связи не содержит *).

Наконец, главная причина, которая заставляет нас отвергнуть деление денег на циркулирующие и нециркулирующие, заключается в том, что, по нашему мнению, влияние изменяющегося количества денежных знаков на цены есть следствие переоценки денежной массы в индивидуальных хозяйствах. Но эта переоценка распространяется на всю денежную наличность данного индивидуума, на всю его кассу. Никто не делает различия между различными частями своей кассы, никто не различает при оценке денежной массы циркулирующей части от всего остального. И даже те деньги, которые зарыты в землю, те «клады», которые имел в виду Юм, несомненно, участвуют в оценке и переоценке денежной единицы, хотя они и не участвуют в обороте. Процесс накопления «hoards» в смысле Фуллертона сделал большие успехи в России за время настоящего периода бумажно-денежного обращения. В землю закопаны большие массы денег. Но все эти массы денег весьма определенно действуют на психику их владельцев и без всяких оговорок участвуют в процессе их оценок. Между «кубышечными»

*) Понятие быстроты обращения, не нашедшее достаточной разработки в трудах тех авторов, которые придавали ему значение в качестве фактора, определяющего ценность денег, привлекло гораздо больше внимания со стороны критиков. Уже старый немецкий экономист Hufeland отметил неопределенность этого понятия, указав между прочим, что и само слово «circulation» не передает с достаточной точностью движение денег, которые вовсе не делают никакого круга. («Die Lehre vom Geld» 1819, стр. 249).

Критику понятия дает K. Hildebrand («Die Theorie des Geldes» Jena 1883 г. стр. 34 и сл.) «Man sieht also» заключает он свой анализ «die ganze Theorie von der Bestimmung des Geldbedarfs durch die sog. «Circulationsgeschwindigkeit» des Geldes erweist sich bei näherer Betrachtung als ein durchaus leerer und nichtssagender Formalismus (стр. 41). Заявление Hildebrand'a встретило некоторое возражение со стороны Виксоля, который хотел бы спасти понятие быстроты обращения, отведя ему более скромное место, чем ему отводил Милль и дополняя его противоположным понятием «Ruhezeit» времени, когда монета находится в покое (см. его «Geldzins und Güterpreise», Jena, 1893, стр. 45 и сл.). В новейшей литературе на понятии «Umlaufsgeschwindigkeit» останавливается Liefmann («Geld und Gold», 1916, стр. 44—45).

деньгами и всей остальной денежной массой нет в этом отношении никакой разницы. И тем более нет никакой разницы между отдельными частями «внекубышечных» денег, из которых в смысле Фишера, «циркулирует», конечно, очень небольшая часть. Поскольку количество денег влияет на ценность денежной единицы, влияние оказывается всей массой денег. Так наз. «быстрота обращения» не оказывает воздействия на оценку денежной массы и остается без влияния на уровень товарных цен *).

Вопрос о том, какие деньги участвуют в процессе образования цен, или, точнее, какие деньги должны быть приняты во внимание при учете того количества, которое оказывает влияние на цены, не исчерпывается тем ответом, который был дан в предыдущем параграфе. Мы пришли к выводу, что на цены влияет все количество имеющихся в стране денег безотносительно к тому, какая часть из них может быть отнесена к разряду «циркулирующих»

---

*) Вместо идеи циркулирующих денег мы выдвигаем в нашей концепции идею о кассовых остатках, как основе для установления причинной связи между количеством денег и товарными ценами. Рост количества денежных знаков ведет к изменению кассовых остатков, а через это изменение, к переоценке денежной массы, и повышению товарных цен. В этом пункте наша точка зрения близко подходит ко взглядам Knut Wicksell'я, который в своей замечательной книге выдвинул мысль о значении Kassenbestände («Geldzins und Güterpreise», стр. 35, 55 и сл.). Но мы решительно расходимся со всеми остальными положениями Викселя. В противоположность Рикардо, который считал, что количество денежных знаков влияет на цены, но не на рыночный процент, и проводил резкую грань между движением денег, как денежных знаков, и движением денег, как ссудного капитала, Виксель считает, что количество денег влияет на цены через процент, и связывает уровень цен с теорией процента в формулировке Бем-Баверка. Это построение нам представляется искусственным, шагом назад по сравнению с анализом Рикардо. Зато мы совершенно не можем согласиться с Зиммелом, который склонен отрицать существование неподвижных денежных масс, как явление постоянное, и даже проводит в этом отношении резкое различие между товарами и деньгами. Продажа товаров, по мнению Зиммеля всегда предполагает наличность запаса, а деньги в запасе быть не должны. «Niemand lässt» говорит он: «soweit er es vermeiden kann, erheblichere Geldsummen stille liegen, und man kann es tatsächlich fast immer vermeiden kein Kaufmann aber entgeht dem, dass beträchtliche Teile seines Vorrates lang liegen, ehe sie verkauft werden («Philosophie des Geldes», 2 Aufl. 1907, стр. 110). Это противопоставление совершенно искусственно. В современном хозяйстве громадные массы денег должны лежать «праздно», как кассовый запас, и из этих запасов и составляется сумма денежных знаков страны. Отдельные хозяйства также не могут избежать этого факта, как они не могут избежать того, чтобы держать известные запасы изготовляемых ими товаров. Каждый предприниматель и каждый домохозяин старается сводить свой запас денег к минимуму, так как лишний запас ему пользы не приносит, но совершенно то же самое наблюдается и по отношению к запасам товаров. Поскольку существует «ruhender Warenvorrat», постольку же существует «ruhender Geldvorrat». И так как в каждый данный момент в процессе обмена участвуют очень небольшие доли товаров и денег, то и факторы, влияющие на цены, надо искать не в движущихся очень небольших их частях, а в «покоющихся» больших массах.

денег и какая—к разряду денег, находящихся в покое. Но возникает дальнейший вопрос, все ли сорта денег входят в то количество, которое влияет на цены, и все ли эти сорта влияют в одинаковой степени? Мы говорили до сих пор по преимуществу о бумажных деньгах. К ним относились наши рассуждения о процессе, в каком происходит рост цен под влиянием увеличения количества денег. Но на-ряду с бумажными деньгами существуют другие виды денег. Если отвлечься от имеющих в данном случае второстепенное значение разменных денег, то остаются еще три сорта денег, к которым относится вышепоставленный вопрос—металлические деньги, разменные банкноты и чеки, или, как правильнее было бы сказать, «банковые деньги». Из них последний вид денег фигурирует на-ряду с неразменными бумажными деньгами во все те периоды бумажно-денежного обращения, которое мы наблюдали за последнее десятилетие. Возникает вопрос, относятся ли положения количественной теории в одинаковой степени ко всем видам денег или нет? Могут ли металлические деньги, разменные банкноты и чеки быть приравнены в этом отношении к бумажным деньгам, или их циркуляция подчиняется другим законам?

Остановимся отдельно на каждом из указанных трех сортов денег.

Первые авторы количественной теории—Локк, Монтескье, Юм выдвигали свои положения почти исключительно по отношению к металлическим деньгам. Бумажные деньги стояли вне сферы их внимания. Однако, в последующей литературе вопрос о значении количественного момента для металлических денег получил иное решение. Как мы видели уже, Рикардо перенес центр вопроса с металлических денег на неразменные банкноты или бумажные деньги, а Маркс определенно принял количественную теорию для бумажных денег, отвергая ее значение для денег металлических. Современные сторонники количественной теории, как Визер, Шпитгоф, Мизес, склонны придать количественному принципу общее значение и считают его в равной мере приложимым как к бумажным, так и к металлическим деньгам. Как же решается этот вопрос с точки зрения тех взглядов, которые были высказаны нами в начале настоящего доклада? Нам кажется, что известное различие между бумажными и металлическими деньгами в этом отношении существует, и количественная теория, вполне приложимая к бумажным деньгам, имеет при металлическом обращении ограниченное значение, и вот почему. Мы должны заметить, что количественная

теория понимается нами, как теория динамическая, как теория, об'ясняющая процесс обесценения. С этой точки зрения мы придаем значение количественному фактору, считая, что рост количества вызывает переоценку денежной единицы. Но для того, чтобы изменение количества вызывало переоценку, это изменение должно быть значительным. Нужно наводнение рынка денежными знаками, нужна инфляция. Медленному изменению количества денежных знаков, не заметному для индивидуального хозяйства, нельзя приписывать влияния на переоценку денежной единицы. Но явление инфляции, явление усиленного роста количества денежных знаков, сопровождающее все периоды бумажно-денежного обращения, как правило, невозможно при металлическом обращении. Добыча металла связана с трудом, и количество металла, поступающего на рынок, может возрастать лишь очень медленно. Поскольку это количество возрастает, этот рост не таков, чтобы он мог преодолеть инерцию в оценке денежной единицы и вызвать ее переоценку. Вот почему на ценность металлических денег количество их, в общем и целом, не должно оказывать влияния. В оценке металлических денег проявляются общие законы цены. Но бывают периоды, когда снабжение мира благородными металлами начинает напоминать снабжение страны бумажными деньгами, когда на рынке валютного металла обнаруживается инфляция, и металлы наводняют сферу денежного обращения. Мы имеем в виду известные исторические периоды революций цен, а именно знаменитый период XIV века, когда после открытия Америки оттуда хлынула в Европу масса золота и серебра, тот самый период, который, несомненно, имели в виду Юм и Рикардо, когда они говорили о влиянии открытия новых рудников, или период 50-х и 60-х годов прошлого столетия, когда количество золота в Европе возросло вследствие открытия калифорнийских рудников. Сюда же можно отнести то положение, в котором оказались страны с серебряным обращением в начале 70-х годов прошлого века, после того, как Германия перешла от серебра к золоту, выбросила на мировой рынок часть своего серебряного запаса, создав в этих странах серебряную инфляцию. Золотую инфляцию пережили во время последней войны Соединенные Штаты, куда хлынули из Европы громадные запасы золота *). В такие периоды количественный момент оказывает на движение ценности

*) Об американской золотой инфляции ср. E. Makai: „Währungsstudien mit besond. Rücksicht auf Oest-Ungarn" Stuttgart. 1917. стр. 29.

металлических денег такое же влияние, какое он оказывает на ценность бумажных денег при постоянных выпусках таковых. Но так как периоды металлической инфляции бывают сравнительно редки, то все же полной аналогии между металлическими и бумажными деньгами в этом отношении не наблюдается.

Разменные банкноты отличаются от металлических денег тем, что их изготовление не требует затраты труда. Технически выпуск банкнот, разменных на металл, может быть беспредельным. В этом отношении разменные банкноты имеют гораздо больше общего с бумажными деньгами, чем металлические деньги. Распространяется ли на разменные банкноты положение количественной теории? Можно ли считать, что рост количества разменных банкнот вызывает такой же процесс изменения ценности денежной единицы, как рост количества неразменных бумажных денег?

Это есть тот вопрос, который стоял в центре великого спора двух школ в течение 2 четвертей XIX века—школы «currency», последователей Рикардо, и школы «Banking»—его противников. Школа «currency», в лице лорда Оверстона, Торренса, Мак-Келлока и других, утверждала, что разменные банкноты—те же деньги, что и неразменные, и что выпуск банкнот, безразлично-разменных или неразменных, оказывает влияние на цены, и что значительные выпуски их неминуемо вызывают инфляцию. Школа «banking», в лице Тука, Фуллертона, Вильсона, Жильбарта, утверждала, что разменные банкноты представляют собою не настоящие деньги, а кредитные документы, обязательства банков, что инфляция возможна лишь при бумажных деньгах, и что при существовании размена банковых билетов на металл никакого излишка денежных знаков в обращении образоваться не может. Известно, что спор этот привлек исключительное внимание вследствие тех выводов, которые делала та или другая сторона из своего заключения. Школа «currency» стояла за ограничение прав Английского Банка на эмиссию банковых билетов и за установление тесной связи между наличными металлическими запасами банка и количеством выпускаемых банкнот (этот принцип и был проведен в акте Роберта Пиля 1844), «банковая школа» стояла за свободу эмиссии.

О споре двух английских школ так много написано в иностранной и русской литературе *), что мы не считаем нужным вновь

*) Классическим трудом по этому вопросу остается книга Ад. Вагнера: «Die Geld-und Credittheorie der Peelsheen Bankacte», Wien, 1862. В русской лите-

подвергать анализу аргументы той и другой стороны. Мы хотели бы лишь отметить те взгляды, которые существуют на этот вопрос в новейшей литературе. Кстати, ознакомление с этими взглядами должно устранить один предрассудок по поводу результата спора между «currency school» и «banking school», который широко распространен в экономической литературе. Принято думать, что хотя на практике победа осталась за сторонниками Рикардо, и эмиссионная политика Английского Банка базируется на принципах школы «currency», в теоретическом споре, будто бы, решительная победа одержана «банковой школой» Тука и Фуллертона. Это не совсем так. Утверждение о том, что выпуски разменных банкнот не оказывают влияния на цены, и что эти выпуски не могут вызывать инфляции, вовсе не встречает в современной специальной литературе, посвященной деньгам, такой поддержки, как это обычно думают. Не разделяет в этом отношении взглядов Тука и большинство представителей новейших вариантов количественной теории.

Adolph Weber в специальном исследовании, посвященном вопросу экономической и юридической природы банкноты, пришел к выводу, что банкнота мало отличается по своему характеру от бумажных денег *). Pierson, примыкая к количественной теории денег, считает, что разменные банкноты так же влияют на цены, как и банкноты неразменные. При этом, отмечает он, на цены оказывает влияние только та часть банкнот, которая выпущена сверх металлического покрытия **). Такого же взгляда на этот вопрос держится и Виксель. «Разменность», говорит он, «гарантирует ценность банкнот по отношению к монетному металлу, но общая ценность банкнот и металлической монеты по отношению к товарам определяется общим положением денежного рынка, которое, в свою очередь, в той же мере испытывает влияние наличности банкнот, как и монеты и как, наконец, всех прочих орудий обмена и кредита ***). Wieser в своей последней работе также высказывается по этому вопросу в духе школы «currency». Вся масса

ратуре вопрос освещен в цитир. книге Патласского в работе И. И. Кауфмана: «Неразменные банкноты в Англии», в книге П. Гамбарова: «По вопросу о выпуске банковых нот и о привилегированных крупных банках. Банковый акт Роберта Пиля 1844 г.» Спб. 1875 г., в книге Миклашевского: «Деньги» и т. д.

*) «Die Banknote ist ohne Zweifel wirtschaftlich so wie rechtlich eine Art Geld, eine Art Papiergeld». (A. Weber. Die Geldqualität der Banknote. Leipzig. 1900. Стр. 65).

**) D. N. Pierson. Principles of Economics. T. I. Стр. 394.

***) «Geldzins und Güterpreise», стр. 43—44.

разменных банкнот, говорит он, может быть разделена на две части: на заменяющую металлические деньги массу (Ersatzmasse) и дополнительную к ним (Zusatzmasse).

Та часть банкнот, которая заменяет металлические деньги, т. е. которая покрыта металлом, не представляет теоретического интереса с точки зрения влияния ее на цены. Но то, что выпущено сверх металлического покрытия, имеет первостепенное значение для денежного обращения страны. «Банкнота, которая, вследствие массовой привычки получила силу хождения, практически перестала служить простым денежным обязательством, но она сама стала деньгами, и в смысле практического влияния общая масса денег данной страны увеличилась вследствие этого на всю сумму дополнительного выпуска (Zusatzmasse)» *). К точке зрения «currency-school» примыкает в данном вопросе и другой представитель австрийской школы, Mises. Эмиссионные банки обладают, по его мнению, возможностью увеличивать выпуски своих банкнот до невероятных размеров. Требование о разменности теоретически не служит в этом отношении препятствием. Последствия от такого выпуска банкнот наступают те же, что и от выпуска бумажных денег. «Путь, по которому идет обесценение денег в случае выпуска денег на обычных банковых началах, может несколько отличаться от того пути, по которому обесценение идет в случае увеличения запаса денег в узком смысле слова или выпуска орудий обращения не на банковых началах; сущность явления остается та же. Ибо, в общем, безразлично, начинается ли уменьшение внутренней об'ективной меновой ценности денег от владельцев рудников, от государства, выпускающего бумажные или кредитные деньги или разменные монеты, или оно начинается от предпринимателей, которые получили вновь выпущенные средства обращения в виде ссуды» **). Несколько одиноко звучит в новейшей литературе мнение Лифмана по этому вопросу, который примыкает к воззрению Тука и считает, что в вопросе о выпуске банкнот решающее значение должно иметь не количество, а та цель, для которой банкноты выпускаются ***).

*) Fr. v. Wieser. Theorie der geselleschaftlichen Wirtschaft. Grundriss der Socialoekonomik. Tübingen. 1914. Стр. 298.

**) L. von Mises. Theorie des Geldes u. s. w. Стр. 426.

***) R. Liefmann «Geld und Gold». Стр. 235. На этой же традиционной точке зрения на банкноты стоит и М. А. Букатин, утверждающий, что банкноты «не только не могут служить первоначальной причиной движения цен, но даже не в состоянии существенно повлиять на последние» («Экономические кризисы», М. 1915. Стр. 124). Впрочем, он впадает в противоречие с этим утверждением, говоря (на той же стр.), что «эластичность кредита... придает ценности денег большую устой-

С нашей точки зрения, позиция, которую занимают в этом вопросе Пирсон, Викcель, Визер и др., правильна. Поскольку там приходится возвращаться к спору школ «currency» и «banking», мы должны признать более правильной позицию школы «currency». Разменные банкноты представляют собою не кредитный документ, а деньги. Поскольку они по своей экономической природе не отличаются от других сортов денег, их количество не безразлично для сферы денежного обращения, и если в стране циркулируют разменные банкноты на-ряду с металлическими деньгами, то вся масса банкнот, не покрытая металлом — «Zusatzmasse», входит в ту общую сумму денежных знаков, которая влияет на строение товарных цен. Так как изготовление банкнот не требует издержек, то выпуск банкнот, предоставленный на полное усмотрение банка, может так же, как и выпуск бумажных денег, повести к переполнению рынка денежными знаками, к инфляции. Но в степени инфляции, до которой рынок может быть доведен при выпусках, между банкнотами и бумажными деньгами существует известная разница, что правильно отметили и сами представители «currency school». Бумажные деньги, будучи неразменны, могут увеличиваться в количестве беспредельно, беспредельно же может падать и ценность денежной единицы. Выпуски же разменных банкнот, которые с технической точки зрения также могут увеличиваться беспредельно, имеют, однако, экономический предел в доверии публики к банку. При слишком больших выпусках публика может потерять доверие к банку и пред'явить билеты к размену. Опасение паники само является некоторым регулятором для эмиссии банкнот, которая и при отсутствии законодательных норм никогда не могла бы достигнуть тех размеров, до которых доходит эмиссия неразменных банкнот—бумажных денег *).

чивость», ибо если эластичность кредита способна возвращать ценность денег к уровню, от которого она по тем или иным причинам отклонялась, то, очевидно, эта эластичность, или выпуск банкнот, оказывает влияние на ценность денег.

*) См. П. Гамбаров. Банковый акт Роберта Пиля 1844 г. Спб. 1875 г. Стр. 237. Визер вслед за Фуллертоном видит предел инфляции при разменных банкнотах в сроке векселей, под которые выпущены банкноты. («Theorie d. ges. Wirtschaft», стр. 298—299). Это едва ли правильно, ибо в банковской практике сроки векселей вовсе не имеют того значения, которое им приписывала школа Тука и Фуллертона. Векселя сплошь и рядом пролонгируются, и кредит, оказанный формально на короткий срок, при тесных взаимоотношениях банков с их клиентурой, фактически всегда бывает долгосрочным. Ссуда, выданная под вексель на 6 месяцев, вовсе не должна на самом деле вернуться в банк к этому времени, и если ссуда выдана банкнотой, то и банкнота может остаться в обороте после этого срока.

Переходим к рассмотрению значения третьего сорта денег, а именно банковых вкладов *) и базирующегося на них чекового обращения. Вопрос о роли вкладов в инфляции имеет особенно серьезный интерес, как вопрос, относящийся к современному моменту. В самом деле в течение 1914—1917 гг. одновременно с ростом количества кредитных билетов, произошло и увеличение вкладов в банках на 4 миллиарда рублей и вкладов в сберегательных кассах на 3 миллиарда рублей. Какая роль принадлежала этому обстоятельству в обесценении денежной единицы? Существует ли аналогия между бумажными деньгами и вкладами в смысле влияния их на цены? Составляют ли суммы на текущих счетах такие же деньги, как металл или банкноты, или же они имеют какое-либо иное значение?

На этот счет в экономической литературе существуют разные взгляды. Ирвинг Фишер держится того мнения, что банковые деньги «deposit currency», то-есть суммы, состоящие в банках на текущих счетах, являются такими же деньгами, как и банкноты. Главное отличие денег на текущих счетах от банкнот, по мнению Фишера, «является чисто формальным и заключается в том, что банкноты переходят из рук в руки, между тем как суммы на текущих счетах циркулируют только при посредстве специальных приказов, называемых чеками»**). Считая, что деньги на текущих счетах являются такими же деньгами, как и прочие деньги, Фишер видоизменяет в связи с этим и свой основной закон строения цен. Для страны, где нет «банковых денег», формула цен, по мнению Фишера, сводится к тому, что уровень цен товаров изменяется прямо пропорционально количеству денег, прямо пропорционально быстроте обращения и обратно пропорционально общей сумме оборотов. Но так как в современном хозяйстве, на-ряду с обычными деньгами, существуют «банковые деньги» («deposit currency»), количество которых также влияет на цены, то и закон строения товарных цен соответственно видоизменяется. Цены зависят не только от количества денег и быстроты их обращения,

*) Под «банковыми вкладами» мы понимаем здесь, как и в дальнейшем, как «вклады» в более узком смысле, т. е. срочные вклады, так и суммы, состоящие на текущих счетах. Как известно, эти последние и составляют почти всю массу «банковых денег».

**) «The purchasing power of money», стр. 34.

не и от количества **банковых денег** и быстроты **их** обращения *).

Такого же взгляда на значение депозитов в общей сумме денежных знаков придерживаются и некоторые другие экономисты. Так, **Лексис** говорит, что «общая сумма депозитов, которая состоит на счетах банков до востребования и которой можно располагать при посредстве чеков... равна той добавочной сумме золота и банкнот, которую должны были бы иметь к каждому вечеру в в своих кассах все участвующие в обороте, если бы годичный оборот количественно и качественно осуществлялся бы исключительно при помощи расплат наличными без всякого участия чеков» **).

---

*) Для страны, в которой нет банковых денег, уравнение цены имеет вид:

$$MV = Z\,pq,$$

где M = количеству денег, V—быстроте обращения, Zpq = сумме (Z) цен (p) помноженной на количество товаров (q).

Для страны, в которой имеются банковые деньги, уравнение цены принимает вид

$$MV + M'V' = Zpq,$$

где кроме предыдущих факторов, M — есть количество банковых денег, а—V' быстрота их обращения. Фишер утверждает, что между суммой денег конкретных и суммой «банковых денег» существует будто бы строгое соотношение, и что изменению количества денег (M) вызывает **пропорциональное** изменение количества денег на текущих счетах (M') («The purchasing power», стр. 53). На основании этого утверждения, Фишер приходит к выводу, что и включение банковых денег в уравнение цен «не нарушает при нормальных условиях количественного отношения между деньгами и ценами». (Там же стр. 54). Однако, утверждение Фишера о том, что сумма депозитов всегда изменяется соответственно изменению суммы денег, остается совершенно недоказанным. При росте количества денежных знаков обыкновенно растут и депозиты, но полного параллелизма между этими двумя процессами вовсе не должно быть. В частности, такого параллелизма не было и в России, в течение 1914—1917 гг. Фишер пробует обосновать этот параллелизм на том, что общая сумма денег в стране всегда распределяется в известной пропорции между «деньгами» в узком смысле и депозитами. Отсюда он хочет заключить, что при изменении количества денег должно произойти пропорциональное изменение количества депозитов. Но и это последнее утверждение представляется также недоказанным. Не подлежит поэтому сомнению, что если принимать во внимание «банковые деньги», то надо будет признать нарушенным количественное отношение между «деньгами» в узком смысле и товарами, установленное Фишером для элементарного типа хозяйства.

**) Lexis. Art. «Scheck», Handw. d. Staatsw., III Aufl. См. также Mises, цит. соч., стр. 320—321. Значение депозитов, как средства экономить деньги, было выдвинуто в старой экономической литературе. Указание на этот момент мы встречаем уже у Петти. Он ставит вопрос: «What remedy is there if we have too little money?», и отвечает. «We must effect a Banc, which well computed, doth almost double the Effect of our coined Money: And we have in England Materials for a Bank which shall furnish stock enoug to drive the Trade of the whole Commercial World». (Sir William Petty. Quantulumcunque concerning money. 1682. Цит. по изд. Ch. H. Hull, «The economic Writings of Sir W. Petty. Vol. II. Cambridge, 1899. Стр. 446). У Рикардо мы также читаем: «The daily improvements which we are making in the art of economizing the use of circulating medium by improved methods of banking, Would render the same amount of notes excessive now which were necessary for the same state of commerce at a former period» («High price of bullion», Works», Стр. 282). У Петти и Рикардо

Противоположного взгляда на этот вопрос придерживается другой американский ученый, проф. Чикагского университета Laughlin. Laughlin считает, что депозиты не могут оказывать непосредственного влияния на цены. Мнение о том, что «по мере роста банковых вкладов (deposit currency) создается соответствующая покупательная сила денег, и что эта новая покупательная сила имеет такое же влияние на уровень цен, какое имело бы соответствующее количество наличных денег», он считает неправильным. Рост депозитов может оказывать на цены лишь небольшое косвенное влияние, в той мере, в какой это явление отражается на спросе и предложении валютного металла *).

Подходя к вопросу о влиянии банковых депозитов на цены с точки зрения развитых выше положений, мы должны раньше всего указать, что в этом отношении надо отличать периоды нормального денежного обращения от периодов инфляции. Как Фишер, так и Лефлин рассматривают вопрос в общей форме, в обстановке нормального денежного обращения. При таких обстоятельствах количеству «банковых денег», быть может, действительно не приходится придавать значение фактора, оказывающего влияние на образование цены. Но в отношении интересующего нас периода, т. е. периода бумажно-денежного обращения, взгляд Фишера нам кажется более правильным. Рост сумм на текущих счетах в такие периоды выходит далеко за пределы нормы. Он знаменует собою увеличение покупательной силы. Поскольку суммы на текущих счетах могут быть в любой момент взяты, они являются для вкладчика потенциальными деньгами. Они увеличивают общую массу того «всеобщего товара», который имеется в его предприятии, и увеличивают ее при этом не потому, что условия требуют накопления «всеобщего товара», а потому, что «всеобщий товар» некуда девать. Такое накопление «всеобщего товара» не может не оказывать влияния на оценку денежной единицы. Увеличение общего количества депозитов в русских кредитных учреждениях за время 1914—1917 гг. на 4 миллиарда рублей обозначает увеличение на 4 миллиарда сумм на текущих счетах отдельных лиц и предприятий, а это увеличение

речь идет, однако, только об «экономии» в денежных знаках благодаря депозитам. Депозиты не рассматриваются еще, как самостоятельный вид денег, имеющий одинаковое влияние с другими видами их. Эту точку зрения мы встречаем у Милля («The amount of purchasing power which a person can exercise is composed of all the money in his possession, or due to him, and of all his credit». См. «Principles», B. III. ch. XII, § 2).

*) J. L. Laughlin—The principles of money. London, 1916. Стр. 135 и сл.

должно действовать в том же направлении, в каком действует увеличение количества наличных знаков денег.

Рост банковых вкладов, как потенциальных денег, действует *в том же направлении*, что и рост кредитных билетов. Из этого, однако, не следует, что он действует *совершенно одинаково* с ростом кредитных билетов, как это, повидимому, думает Фишер. Фишер упускает из вида, что «банковые деньги» все же являются, как принято говорить, «суррогатом денег», а не настоящими деньгами, и их влияние на цены не может быть таким, каким бывает влияние на цены наличных денег.

Депозиты являются для вкладчика потенциальными деньгами. Вкладчик может выписать чек и пустить соответствующую сумму в циркуляцию. Но в то же время «банковые деньги» приносят процент. Они выступают для вкладчика в двойной роли, в роли денег, с одной стороны, и в роли капитала, приносящего процент, с другой. Используя депозиты в качестве денег, вкладчик лишается возможности получать на них процент, т. е. использовать их в качестве капитала. Этот двойственный характер депозитов, выступление их как в форме денег, так и в форме капитала, создает известное психологическое отличие между отношением хозяйственного суб'екта к депозитам и отношением к наличным деньгам. Банковые деньги являются отчасти капиталом, не обладают той силой «обращаемости», которая присуща наличным деньгам. Такова двойственная природа «банковых денег», которая дает основание отличать их от актуальных денег при оценке того влияния, которое количество денег оказывает на ценность денежной единицы *).

---

*) Эту двойственную природу «банковых денег» упускает из вида Г. Л. Эльяссон, когда он утверждает, что «рубль, значащийся у меня по сберегательной книжке или имеющийся у меня на текущем счету также, подымает цены товаров, как рубль, находящийся у меня в «кошельке» (Финансовая газ. за 1917 г., № 473). Известное различие между рублем «в кошельке» и рублем в сберегательной кассе несомненно, существует. Заметим, кстати, что и депозиты в целом не представляют собой однородной массы в этом отношении. Для одних вкладчиков их депозиты являются больше деньгами, для других больше капиталом. Вклады в сберегательных кассах являются больше «капиталом», вклады в коммерческих банках больше «деньгами». Вклады, которыми можно оперировать при посредстве чека, больше «деньги», чем те, на которые нельзя выписать чек и т. д. Значительный интерес представляет вопрос о том, каким депозитам можно приписать способность влиять на расценку денежной единицы, всем ли суммам, состоящим на текущих счетах, или только тем, которые «циркулируют». С нашей точки зрения, речь может идти только о всей массе вкладов. Но Фишер, повидимому, мыслит и влияние банковых денег в более в узком смысле, как влияние той суммы, которая циркулирует. Правда, с одной стороны, он тонко отмечает, что «деньгами являются не чеки сами по себе, а банковые депозиты, которые они представляют»,

Поставленный выше вопрос о том значении, которое имел для процесса падения покупательной силы русского рубля рост вкладов в банках и сберегательных кассах на 7 миллиардов рублей, решается в том смысле, что это обстоятельство усилило инфляцию, хотя влияние этих 7 миллиардов рублей не было аналогично влиянию равного количества кредитных билетов.

Итак, мы приходим к заключению, что количественная теория денег приложима не только к бумажным деньгам, но также и к металлическим деньгам, размепным банкнотам и депозитам, но что по отношению к последним трем видам денег влияние количественного момента проявляется не всегда и выступает не в такой резкой форме, как в отношении бумажных денег.

II.

Увеличение количества денежных знаков в народном обращении, усиленные выпуски бумажных денег приводят к накоплению денег в индивидуальных хозяйствах, в отдельных предприятиях, в отдельных домохозяйствах. Но накопление денежных знаков сплошь и рядом воспринимается в индивидуальном хозяйстве, как рост дохода. В особенности, такую оценку получает накопление денег со стороны предпринимателей или оказавшихся в благоприятном положении служащих и рабочих, в начальной стадии инфляции. Умножение количества денег в хозяйстве есть для них вместе с тем получение добавочной прибыли, обогащение. Отсюда возникает их добавочный спрос на продукты, отсюда—переоценка товаров и денег распространяется по всему народно-хозяйственному организму. Мы видели, что уже в том описании процесса влияния возросшего количества денег на цены, которые дал Юм, видное место отводится влиянию роста доходов.

Отсюда естественно напрашивается вопрос, не следует ли искать основные факторы образования цен в доходах, и, в частности, не является ли рост доходов основной причиной повышения

(там же стр. 31), но затем он старается определить «M'», как количество «циркулирующего» кредита. Фишер отчасти вынужден понимать количество «банковых денег» (M') ограничительно, поскольку он понимает ограничительно количество прочих денег (M). Но в общем понятие «циркулирующих» депозитов представляется еще более неясным, чем понятие «циркулирующих» банкнот.

цен при бумажно-денежной инфляции? На этот вопрос дает утвердительный ответ одно из новейших течений экономической мысли. Вместе с тем, и количественная теория денег у сторонников этого взгляда получает особое толкование. Рост количества денежных знаков, говорят они, действительно, оказывает влияние на цены, но влияние это является не прямым, а косвенным. Увеличение количества денег влияет лишь через доходы. Рост товарных цен наступает в результате инфляции постольку, поскольку инфляция приводит к росту доходов отдельных лиц и усиливает, вместе с тем, их покупательную стоимость. Дело, следовательно, не в оценке или переоценке денежной массы, как таковой, а в усиленном пред'явлении спроса, как результате возросшего дохода.

В английской литературе мы встречаем некоторое указание на значение доходов в этом смысле, кроме Юма, еще у Тука, который приходит к этому заключению в процессе критики количественной теории*). Но особенно усиленно разрабатывает эту тему новейшая немецкая литература. Первые указания на значение доходов в качестве фактора, влияющего на ценность денег, мы встречаем здесь у Визера в цитированном уже нами его реферате о ценности денег. Под запасом денег, который оказывает влияние на их ценность, говорит Визер, «нужно понимать не ту сумму денег, которую данное лицо имеет в кошельке или в кассе, а тот доход, который имеется в распоряжении лица для производства затрат в течение известного хозяйственного периода» **). «Индивидуальная ценность денег изменяется по мере того, как изменяется индивидуальный денежный доход»... «Ценность денег получает свой размер от расходов, производимых в хозяйстве, а эти последние зависят от денежного дохода» ***)...

Приблизительно в одно время с Визером идею о влиянии доходов на ценность денег выдвинул Zwiedineck, посвятивший этой теме специальную статью, в названии которой („Die Einkommengestaltung als Geldwertbestimmungsgrund“) удачно выражена сущность этой новой трактовки вопроса ****). Цвидинек видит в доходах основной фактор образования ценности денег и при том не только в моменты инфляции, но и в периоды нормального денежного обра-

*) См. Wicksell, Geldzins und Güterpreise, стр. 40.

**) Fr. Wieser. Der Geldwert und seine Veränderüngen в указ. месте стр. 507.

***) Там-же стр. 508.

****) Otto von Zwiedineck. «Die Eikommengestaltung als Geldwertbestimmungsgrund„. Jahrbuch für Gesetzg. Verwaltung und Volksw. 1909, 1, Heft. Стр. 131 и сл.

щения. Он провозглашает, вообще, примат доходов над ценами и, в противоположность, как будто, господствующему в новейшей литературе представлению, согласно которому доходы являются результатом реализации цен, утверждает, что цены сами определяются доходами. От изменения доходов происходит изменение цен, а не наоборот. Ибо для изменения цен нужно изменение спроса, а это изменение наступает тогда, когда увеличиваются или уменьшаются доходы. «Поведение хозяйствующего суб'екта на рынках определяется суммой ценностей, которыми он располагает, и силой его потребностей. Сумма ценностей; имеющихся в распоряжении лица, есть, разумеется, нечто безусловно отличное от денег. Для данного хозяйственного строя эта сумма ценности, которыми располагает хозяйствующий суб'ект, в общем и целом охватывается общим понятием дохода. Но для многих потребительных благ сюда относится также понятие имущества (Vermögen), так как известные предметы обычно приобретаются отдельными лицами на средства общего их имущества... *). В развитом кредитном хозяйстве решающее значение для ценности денег имеет средняя высота доходов, так как с изменением дохода в общем и целом начинает подвергаться колебаниям и внутренняя ценность денег, а именно с повышением доходов проявляется тенденция к падению ценности денег, а с уменьшением доходов—к его повышению **).

К этим взглядам примкнул и Лифман, который старается связать указанную теорию доходов со своей «психологической» теорией народного хозяйства. И для него на цены влияет не количество денег, а размер дохода. «Nicht das Geld, so kann man sagen, kauft die Güter, sondern die Einkommen kaufen Sie», формулирует Лифман свои выводы ***). Это положение он иллюстрирует рядом примеров. Большинство доходов, а раньше всего крупные доходы, это не деньги, а чисто счетные величины, право собственности на различнейшие обязательства и суммы. Но для рабочего даже, который получает ежедневно свои три марки заработной платы, разве эти три марки служат основой для удовлетворения его потребностей? Нет, он считается

*) Там-же, стр. 144—145.
**) Там-же, 145—146.
***) «Geld und Gold». Стр. 87. «Я считаю это», прибавляет он со своим обычным самомнением «одним из важнейших положений, экономическое значение и применение которого, можно, конечно, правильно понять только с точки зрения психологической теории народного хозяйства».

не с этими тремя марками, но со своим **общим годичным или, по меньшей мере, месячным доходом**...

Ни один человек не думает при своих расчетах о том, в каких денежных знаках воплощается его доход, и как он затратит ту сумму денег, которая находится в его кошельке. В громадном большинстве тех случаев, когда говорят о деньгах, ни в малейшей степени не думают о конкретных платежных средствах, от количества которых должны были бы зависеть цены, но думают о доходе или долях дохода, которые можно затратить на ту или другую надобность сообразно с общим хозяйственным планом *).

Так ставится в теоретической литературе вопрос о влиянии доходов на ценность денег. Мы не станем анализировать проблему в целом, т. е. общий вопрос о взаимоотношении доходов и цен, так как это вывело бы нас далеко за пределы нашей темы, а попытаемся разобраться в той части вопроса, которая нас ближайшим образом интересует, а именно в вопросе о том, каково значение роста доходов при растущем бумажно-денежном обращении.

Можно ли утверждать, как это делают Цвидинек, Лифман и др., что причину роста цен при бумажно-денежной инфляции надо искать не в увеличении количества денежных знаков, как таковых, а в росте доходов?

Во многих случаях последний вопрос имеет одно лишь абстрактно-теоретическое значение. Мы имеем в виду те случаи, когда переход к бумажным деньгам сопровождается и ростом количества денежных знаков и ростом доходов, и когда оба процесса идут более или менее параллельно. В таких условиях в конце концов получается известный круг: рост количества денежных знаков ведет к росту доходов, рост доходов вызывает повышение цен, а в результате—новые требования на денежные знаки. Здесь, если угодно, безразлично, что считать исходным пунктом процесса: рост

*) Там же, стр. 88—89. О значении дохода, как фактора образования цен см. также Spiethoff (Quantitätstheorie), Fr. X. Weiss («Das Geld ist Gegenstand der Wertschätzung insofern, indem es... Einkommen bildet.. Wenn man daher die Wirkung einer Veränderung der Geldmenge auf den Geldwert ins Auge fasst... Wird vor allem die Tatsache in Betracht zu Ziehen sein dass, die neue hinzukommende Geldmenge... nicht in Vergleich zu setzen ist mit der bisherigen Geldmenge, sondern mit dem bisherigen Einkommen». «Die moderne Tendenz in der Lehre vom Geldwert», «Zeitschrift für Volksw. Soc. u. Verw.», 1910, стр. 522—523). К проблеме подходят и Зиммель («Der einzelne macht... sein Ausgaben, bewilligt insbesondere die Preise für Grössere Anschaffungen nicht von Ihrem Verhältniss zu seinem momentanen Geldbestand aus, sondern im Verhältniss zu seinem Gesamteinnahmen innerhalb einer längeren Periode», «Philosophie des Geldes», стр. 111).

количества денежных знаков или рост доходов. Но бывают случаи, когда указанная проблема приобретает большее значение и упирается одной своей стороной в практический вопрос финансовой политики. Мы имеем в виду случаи, когда между ростом количества денежных знаков и ростом доходов не наблюдается достаточного параллелизма, когда доходы быстро растут при слабом росте денежной наличности или наоборот. Что в этих случаях считать основной причиной роста цен, поскольку дело идет о причинах, влияющих на стороне денег, количество денежных знаков или доходы? Яркие примеры отсутствия полного параллелизма дала последняя война. Как известно, в эту войну во всех странах наблюдался рост доходов, который был вызван и беспрестанно поддерживался военными заказами воюющих стран. «Военные прибыли» с самого начала войны и военная заработная плата несколько позднее— явление, которое в течение 1914—1918 гг. давало тон народному хозяйству не только воюющих государств, но и государств нейтральных, как Соединенных Штатов (вступивших в войну только в апреле 1917 г.) и Скандинавских стран. Но этому повсеместному и более или менее равномерному (по крайней мере, в первые годы войны) росту доходов соответствовал совершенно неодинаковый в разных странах рост количества денежных знаков. Бумажно-денежная инфляция оказалась совсем небольшой в Англии, небольшой в Германии, очень резкой в Австро-Венгрии, Франции и, в особенности, в России, а в Соединенных Штатах, Швеции, Норвегии и Дании инфляция выразилась в притоке золота. В таких условиях, для правильного понимания процесса обесценения денег, очевидно, небезразлично, где лежат основные факторы роста цен, в росте ли доходов, или в росте количества денежных знаков.

Можно ли, однако, вслед за Цвидинеком и Лифманом свести весь процесс бумажно-денежной инфляции к влиянию доходов, растворить в доходах рост количества денежных знаков? На этот вопрос мы ответили бы отрицательно. Мы не станем утверждать, что рост доходов не имеет никакого значения при бумажно-денежных выпусках. Изменение доходов может оказывать в индивидуальном хозяйстве влияние на оценку денежной единицы. Рост доходов может вызвать понижение этой оценки, а уменьшение доходов—ее повышение. Но на-ряду с этим ни в какой мере не уничтожается влияние изменения кассовой наличности. Рост кассовой наличности должен вызвать изменение оценки денежной единицы даже и тогда, когда это изменение и не ощущается в хозяйстве, как рост дохода.

Влияние роста доходов, как фактор, влияющий в сторону обесценения денег, не может быть поставлен на место роста количества денежных знаков. Рост доходов может действовать лишь как дополнительный мотив.

Мы признаем главным фактором, если можно так выразиться, основной категорией,—рост кассовой наличности и отводим второстепенное место росту доходов раньше всего потому, что рост количества денежных знаков есть реальность, факт вполне ощутимый, между тем, как рост доходов, в условиях бумажно-денежного обращения, сплошь и рядом представляет собою иллюзию. Рост денежного дохода сплошь и рядом сопровождается уменьшением реального дохода. Мы это могли наблюдать в последние годы в России не только на доходах служащих и рабочих, но и на доходах крестьянского хозяйства, на доходах фабричных предприятий. Переоценка денежной единицы приводит к иллюзии роста доходов. Обнищание, истощение реального богатства принимает форму денежного обращения. «За процессом богатения нередко скрывается процесс раздвоения капитала, перевод его с полноценной денежной единицы на денежную единицу обесцененную» *). Словом, там, где идет речь о росте доходов, сплошь и рядом никакого роста доходов и нет. Правда, иллюзия роста доходов сама по себе не безразлична для оценки денежной единицы. Мы видим, что люди обнаруживают склонность к усиленным тратам не только тогда, когда они фактически богатеют, но и тогда, когда им кажется, что они богатеют. Это искреннее заблуждение, несомненно, является фактором повышения цен, как является фактором понижение цен, последующее «неожиданное разочарование». Но после известного периода рост денежных доходов теряет даже и свою прелесть иллюзии. Всем становится ясно, что рост их доходов есть миф. И, тем не менее, цены продолжают расти, потому что на-ряду с доходами растут и кассовые остатки, растет количество денежных знаков, как таковые. Таков первый мотив, который заставляет придавать большее значение росту количества денежных знаков, нежели росту доходов.

Затем, рост доходов не может почитаться единственным фактором обесценения денег еще и потому, что он сливается в своем действии на оценку с действием «имущества».

---

*) См. нашу книжку: «Война и финансово-экономическое положение России», М. 1917, стр. 79.

Если верно, что человек при расходовании сумм обычно считается не только с наличностью своей кассы, своего кошелька, а учитывает нечто более обширное, то это более обширное есть, во всяком случае, не только его доход, но все его имущество. Никто не тратит в течение известного периода времени ровно столько, сколько составляет его доход. Известные группы населения делают «сбережения», тратят меньше, чем они зарабатывают, другие, наоборот, растрачивают часть своего капитала. При определении того, что предназначено к расходованию, люди считаются не только с доходами, но и со всей совокупностью своего капитала. Можно ли при таких условиях считать, что увеличение дохода само по себе есть достаточное основание для более усиленной траты? Конечно, увеличение дохода есть вместе с тем и увеличение имущества. Лифман и Цвидинек и упоминают вскользь об имуществе (Vermögen), как факторе, влияющем на цены на ряду с доходом (Einkommen). Но они не замечают, что поскольку «доход» сливается в своем влиянии с «имуществом», от дохода, как самостоятельного фактора, ничего собственно не остается. Ибо доход хозяйствующего суб'екта может возрасти в несколько раз в то время, как в общем состоянии его имущественной массы произойдет лишь небольшое изменение. Если считать, что доходы влияют на обесценение денежной единицы лишь постольку, поскольку они изменяют имущественное положение отдельных хозяйствующих лиц, а к такому выводу приводит последовательное применение вышеизложенных взглядов, — то, вообще, рост доходов должен быть признан фактором весьма слабым, который не всегда может об'яснить резкие изменения цен.

Лифман приводит в доказательство своего взгляда некоторые наблюдения над индивидуальной психологией. «Ни один человек, говорит он, «не думает при своих расчетах о том, в каких денежных знаках воплощается его доход, и как он затратит ту сумму денег, которая находится в его кошельке». Даже рабочий, получающий т р и марки в день, считается, по мнению Лифмана, при своих затратах со своим годичным или, по крайней мере, месячным доходом. Это наблюдение по меньшей мере спорно. Лифман слишком преувеличивает «расчетливость» рабочего. С неменьшим правом, чем Лифман, мы противопоставили бы его утверждению — другое. А именно, ни для одного хозяйствующего лица, собирающегося делать затраты, не безразлично состояние его «кошелька», наличность его кассы. «Спрос», склонность заплатить

больше или меньше находятся у всех хозяйствующих людей, даже самых «расчетливых» в зависимости оттого, какая часть их имущественной массы воплощена в денежных знаках. Утверждение, что блага покупаются па доходы, а не па деньги, есть в лучшем случае красивая фраза, на самом же деле покупать приходится за деньги, а не за доходы. Доход может быть велик, но если он весь связан, если он выражается в приросте реальных ценностей, если рост дохода не сопровождается ростом наличности, то и хозяйствующий суб'ект связан в своих склонностях к покупкам. Ликвидная часть дохода и имущественный массы, т. е. денежная наличность, имеет самостоятельное и отдельное значение в индивидуальном хозяйстве. Эта ликвидная часть, рядом с доходом и имуществом, и в большей мере, чем эти последние, определяет оценку денежной единицы со стороны хозяйствующих лиц.

Наконец, последний аргумент в пользу нашего взгляда мы приведем из области операций по финансированию последней войны. Сравним условия финансирования войны в Германии и России. До конца 1919 г. Россия и Германия затратили на войну внутри страны, не считая затрат заграницей, приблизительно равные по номиналу суммы: Россия — около 45 миллиардов рублей, Германия — около 100 миллиардов марок. В обеих странах эти суммы приняли форму «доходов». Они вышли из государственной казны и прошли через кассы военных поставщиков к различным слоям населения. В обеих странах произошло увеличение количества денежных знаков в обращении, но далеко неодинаковое. В России к этому времени было кредитных билетов вместе с суррогатами— краткосрочными обязательствами, сериями и проч. миллиардов на 30, или в 19 — 20 раз больше, чем до войны. В Германии было на 31/XII—1917 г. банковых билетов на 11.468 милл. мар. и свидетельств ссудных касс на 6,3 мил. мар., т. е. всего на 18 милл. марок, или в 6 раз больше, чем до войны. Получилось это различие, как известно оттого, что в Германии гораздо удачнее прошла реализация внутренних займов. Бумажным деньгам, наполнявшим кассы русских хозяйств, в германских хозяйствах соответствовали облигации внутренних займов. Эти облигации, разумеется, не в меньшей мере, чем русские бумажные деньги, представляли собою возросший доход и возросшее имущество. С точки зрения Лифмана, и влияния их на цены должно было бы быть одинаковым. Но это привело бы нас к парадоксальному выводу, что между тем и другим способом финансирования войн—

между выпуском бумажных денег и реализацией займов—нет разницы в смысле влияния этого финансирования на цены.

Вот почему мы считаем, что хотя рост доходов и имеет известное значение в ряду факторов обесценения денег, но он действует не всегда и лишь как фактор дополнительный. Основная причина роста цен, поскольку речь идет о причинах действующих на стороне денег, лежит в росте количества денежных знаков в индивидуальных хозяйствах.

III.

Мы говорили до сих пор об основных причинах, действующих на стороне денег и вызывающих обесценение бумажных денег. Перейдем теперь к рассмотрению некоторых законов этого обесценения.

Традиционная количественная теория считала основным законом обесценения денег пропорциональное падение ценности денежной единицы по мере роста количества денежных знаков. Если количество денег увеличивается вдвое, то ценность денежной единицы падает на половину, при увеличении количества денег в 4 раза ценность денежной единицы опускается до 25% и т. д. Таково представление о законе обесценения денег старых представителей количественной теории.

Идея пропорционального обесценения денег по мере роста их количества была намечена еще Монтескье.

„Если со времени открытия Индии", писал он, „количество золота и серебра возросло в Европе в отношении 1 к 20, то и цены товаров должны были бы возрасти в отношении 1 к 20 *)".

Наиболее яркую формулировку идеи пропорциональности находим у Рикардо.

Ценность общего количества денежных знаков в какой-либо стране, по мнению Рикардо, находится в известном соотношении

---

*) «L'Esprit des lois», цит. по Парижскому изд. 1874 г. кн. XXII, «Des lois dans le rapport qu'elles ont avec l'usage de la monnoie», гл. VIII, стр. 357. «L'Esprit des lois», как известно, впервые издано в 1748 г.

с общей ценностью обращающихся в данной стране товаров. Возрастание или уменьшение количества обращающихся денег не может поднять или уронить ценность всей совокупности денежных знаков. „Если рудники перестают доставлять свое годичное предложение драгоценных металлов, то ценность денег возвышается и в качестве орудия обращения употребляется меньшее их количество. Уменьшение их количества будет соответствовать возвышению их ценности. Таким же образом, если бы были открыты новые рудники, то ценность драгоценных металлов уменьшилась бы, и в обращении стало бы употребляться большее их количество, так что в каждом из этих случаев относительная ценность денег и товаров, обращаемых ими, оставалась бы без изменения. Если банк освобождается от платежа по билетам металлом, и вся монета вывозится, то всякий излишек в билетах банка роняет ценность орудия обращения соответственно излишеству в нем. Если бы до освобождения банка от платежей обращалось на 20 миллионов билетов и к ним было бы присоединено 4 миллиона, то ценность 24 миллионов была бы не больше, чем ценность прежних 20 при условии, что количество существующих товаров оставалось бы прежнее, и не было бы соответствующего вывоза монеты, и если бы банк последовательными выпусками довел эту сумму до 50 или до 100 миллионов, то все увеличение этого количества было бы поглощено обращением Англии, но, во всяком случае, упало бы до ценности 20 миллионов *).

Маркс, как мы видели, отвергал количественную теорию по отношению к металлическим деньгам и разменным банкнотам, но признал ее, с своей стороны, в применении к бумажным деньгам. При этом он признал ее в той же форме, в какой она была намечена Монтескье и формулирована Рикардо. Отрицая за бумажными деньгами значение самостоятельного денежного знака, считая, что бумажные деньги не могут иметь собственной ценности и являются лишь „знаками ценности", представителями металлической монеты, Маркс находил, что эти „знаки ценности" обесцениваются пропорционально возросшему их количеству **).

Изложенные выше взгляды заставляют нас отвергнуть идею пропорционального обесценения денег по мере роста их количества.

---

*) «Высокая цена слитков и т. д.», пер. под ред. Зибера, стр. 304.
**) См. «Капитал», т. I кн. I, гл. 3, с. «Монета, знак ценности».

Ибо, на чем основано было мнение, что ценность денег изменяется пропорционально изменению количества? Очевидно—на механическом представлении о причинах обесценения, на предположении о том, что между количеством денег, с одной стороны, и количеством товаров, с другой, существует какое-то определенное соответствие. Не только Монтескье, но и Юм рассуждает следующим образом: „Так как все количество товаров всегда обменивается на всю массу денег, приносящую на рынок для покупок, то товары будут продаваться за количество денег, уменьшающееся или увеличивающееся в точной пропорции с суммой денег, принесенной на рынок" *). Мы показали, однако, выше, что механическое восприятие количественной теории неприемлемо, что того общего соответствия между деньгами и товарами, о которых говорили эти авторы, не существует, что деньги и товары не противостоят одни—другим, как нечто целое, и цены не получаются от деления одной величины на другую. Вместе с тем отпадает и предположение о пропорциональном изменении цен в результате изменения количества денег.

Выше мы указали, как мы представляем себе влияние роста количества денег на их ценность. С увеличением количества денег у каждого отдельного предпринимателя, у каждого отдельного домохозяина оказывается большее количество денежных единиц. Количество оказавшихся у него денег начинает превышать его нормальную потребность. Оценка денег у отдельных лиц понижается, а это ведет к общему понижению покупательной силы денег.

Но понижение оценок, вследствие роста количества благ, не должно обязательно быть пропорциональным. Увеличение количества благ в два раза не должно вызывать понижения оценки единицы блага в два раза. Оценка может при одних условиях понизиться лишь незначительно, на 5—10%, а при других единица блага может понизиться и в 3 и более раза. Точно также покупательная сила денежной единицы отсюда не должна понижаться пропорционально росту количества денег.

Отказ от механического понимания того взаимоотношения, которое существует между количеством денежных знаков и ценностью денежной единицы, привел нас, таким образом, и к отказу от принципа пропорциональности. Существует, однако, еще и другой мотив, который побуждает нас к такому выводу. Как мы раз'яснили

---

*) Там-же.

выше, мы понимаем процесс изменения ценности бумажных денег, как результат двух рядов причин, причин, действующих на стороне товаров, и причин, действующих на стороне денег. Допустим, что увеличение количества денежных знаков, действительно, должно было бы вызвать пропорциональное понижение ценности денег. Но, ведь, на-ряду с этой причиной действуют и факторы, исходящие от товаров. И так как действие тех и других факторов находит общее выражение в изменении цены, то в конце концов изменение товарных цен не должно все-таки соответствовать росту количества денег. Если признавать, что рост цен вызывается, с одной стороны, ростом количества денежных знаков, а с другой—причинами «товарными», то увеличение количества, допустим в 4 раза, не должно было бы вызывать повышения цен в 4 раза, даже при пропорциональном влиянии количества, ибо товарные причины могли бы вызывать и, в свою очередь, рост цен, который в результате мог бы оказаться 8- или 10-кратным, или же, наоборот, товарные причины могли бы действовать в обратном направлении, и тогда уровень цен мог бы повыситься только вдвое. Последовательное проведение принципа пропорциональности должно, собственно, привести к элиминированию всех факторов, влияющих на цены, кроме количества денежных знаков. Но такое элиминирование методологически неправильно, ибо оно исходит из неверного представления об общем процессе изменения ценности денег.

Между тем, существование факторов, действующих на цены со стороны товаров, не чуждо было и Рикардо. Это можно видеть хотя бы из цитированного выше нами рассуждения Рикардо в его полемике с Бозанкетом, где он определенно говорит о причинах повышения товарных цен, которые могут быть отнесены к действию налогов, к усилению редкости товара «или к какой-либо другой причине» *). Рикардо, как будто, избегает при этом противоречия со своим учением о пропорциональном повышении цен в виду той оговорки «прочих равных условий», которая предполагается при всех его дедукциях. Пусть какие-либо причины отклоняют цены от того уровня, на котором они должны были бы установиться в результате пропорционального влияния количества денежных знаков. Эти отклонения не нарушают закона, установленного Рикардо, так как здесь не осуществлена оговорка «ceteris paribus». Но дело

*) Reply to M. Bosanquet's Practical observations etc. ch. VIII, Works, стр. 356.

в том, что самая предпосылка «ceteris paribus» в данном случае неприменима. Поскольку изменение ценности денег есть результат двух рядов непрерывно действующих причин, мы не можем выводить законы этого обесценения в предположении, что один из этих рядов не действует. От причин, действующих непрерывно, нельзя отвлечься, а, вместе с тем, надо отказаться от мысли о пропорциональном соответствии между увеличением количества денег в обращении и понижением ценности денежной единицы *).

---

*) Идея пропорциональности уже давно стала вызывать возражения в литературе о деньгах. Еще Law указывал на то, что при увеличении количества денег (у него идет в данном случае речь об «ухудшении» монеты путем повышения ее номинала) товары могут повыситься в цене но в такой пропорции, как количество денег («Les marchandises hausseront de prix, sans que ce soit peut être en proportion du haussement de la monnaie». «Considerations sur le numeraire», ch. IV, P. 1648, стр. 496, в изд. Daire, Economistes financiers du XVIII siecle»). Не является строгим «пропорционалистом» и Юм. По крайней мере, указывал на то, что со времени открытия Вест-Индии цены поднялись в Европе в 3—4 раза, между тем, когда количество золота возросло с XV века значительно больше, чем в 4 раза, Юм относит это расхождение к причинам, действующим на стороне товаров. Принцип пропорциональности из старых авторов отвергал также Cantillon (См. Altmann Quantitätstheorie. Handw. der Staatsw. III Auflage). Из современных авторов против мысли о пропорциональности высказывается Spiethoff («für eine irgendwie proportionale Wirkung liegt... keinerlei Gewähr vor» цит. ст. в Festgaben für A. Wagner, стр. 261). В этом же смысле высказался и Mises («Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel». München 1912 г. Стр. 154). После этого нельзя не признать по меньшей мере странным безапелляционное заявление Лифмана, будто количественная теория всегда предполагает пропорциональное изменение ценности денег в связи с изменением количества («Geld und Geld» 1916 г., стр. 177), как, впрочем, и не менее странно его утверждение в той же книге (стр. 159) будто бы до него никто из авторов, говоривших о влиянии роста денежного обращения на цены, не исследовал вопроса о том, почему, какими путями и каким образом возросшее количество денежных знаков вызывает повышение товарных цен. Достаточно напомнить о Юме, чтобы показать, насколько это утверждение голословно.

В русской литературе к вопросу о связи между ростом количества денежных знаков и степенью их обесценения неоднократно подходил в своих последних статьях о деньгах и в книге «Бумажные деньги и металл» М. И. Туган-Барановский, но он не дал на этот важный вопрос единообразного ответа. Количество денег, обращающихся в России, писал он в октябре 1916 г., уже теперь увеличилось более, чем в три раза. Это не может не привести к соответствующему повышению товарных цен. Правда, процесс приспособления товарных цен к увеличенному количеству денег есть процесс очень сложный и длительный, но тенденция к пропорциональному повышению товарных цен совершенно бесспорна. Если мы допустим, что к концу войны в России будет обращаться на 10 миллиардов рублей кредитных билетов, то такое огромное количество денег не может быть поглощено русским рынком иначе, как при соответствующем повышении товарных цен («Финанс. Газ.» за 1916 г. № 3177). Здесь Туган-Барановский является решительным сторонником теории пропорциональности.

Такое же утверждение Туган-Барановский повторил и в книге «Бумажные деньги и металл», в главе о лаже. «Увеличение количества денег в стране, говорит он, должно привести к пропорциональному повышению товарных цен: если количество денег в стране повысилось вдвое, то, при прочих равных условиях, и товарные цены должны повыситься вдвое» (стр. 127—128). Затем следует оговорка, что количественная теория справедлива лишь при предположении

Если теоретический анализ приводит к выводу об отсутствии пропорциональности между ростом цен и ростом количества денежных знаков, то неудивительно, что и статистика не могла установить этого соответствия. Его не нашел Юм и др. исследователи, изучавшие период золотой инфляции, наступивший после открытия Америки, его не нашли и различные исследователи, изучавшие разные периоды бумажно-денежной инфляции. С ростом выпусков бумажных денег росли и товарные цены, но точного соответствия между этими рядами не наблюдалось *). И мы напрасно стали бы искать это соответствие и в тот период бумажно-денежного обращения, который мы сейчас переживаем.

IV.

Отказ от механического понимания количественной теории приводит к некоторым другим выводам. Так, мы должны признать, что рост количества денежных знаков отнюдь не должен действовать на все цены равномерно. Неодинаковый под'ем цен на разные предметы может происходить, во-первых, оттого, что на-ряду с факторами, действующими на стороне денег, всегда имеются факторы, влияющие на стороне товаров. Эти факторы могут вызывать повышение цен отдельных товаров по сравнению с прочими товарами, т. е. влиять не на весь уровень цен в его целом, а на взаимоотношение цен разных товаров. Но и поскольку мы учитываем

неизменности всех других условий, влияющих на ценность денег (скорости оборота денег, размера пользования кредитом и количества обращающихся товаров); в действительности эти другие факторы ценности денег не остаются неизменными, но непрерывно колеблются. Поэтому в действительной жизни нельзя ожидать, чтобы товарные цены изменялись пропорционально изменению количества денег. (Там же, стр. 129). Оговорка эта мало согласуется с приведенной выше выдержкой из «Финансовой Газеты». Несмотря на эту оговорку, книга Туган-Барановского, как будто, не оставляет сомнения, что он является решительным сторонником идеи пропорциональности при прочих равных условиях. «Прочие равные условия» предполагал и Рикардо, их предполагает и Фишер. Приведенная оговорка не указывает, таким образом, на отступление от традиционного механического понимания количественной теории. Несколько неожиданным оказалось при этих обстоятельствах заявление Туган-Барановского в одной из позднейших статей, что он отнюдь не является сторонником той мысли, что падение ценности денежной единицы должно быть всегда строго пропорционально увеличению количества денег в обращении («Речь» от 8 февраля 1917 г.).

*) Вот, напр., вывод, к которому пришел автор исследования о бумажно-денежном обращении в Италии М. Грунвальд («Принудительный курс и восстановление валюты в Италии» пер. под ред. Гурьева ст. 1896 г. стр. 77) в результате анализа цен за период 1866—1873 гг.: «вздорожание цен никогда не было прямо пропорционально увеличению бумажно-денежного обращения, даже, напротив, от времени до времени за увеличением циркуляции следовало понижение цен.

только денежные факторы, равномерность повышения товарных цен вовсе не вытекает из сущности того процесса, который вызывается инфляцией. Ценность бумажно-денежной единицы падает под влиянием переоценки денег со стороны хозяйствующего суб'екта. Эта переоценка осуществляется в процессе сравнения денег с товарами при покупках и продажах. Но деньги при покупках и продажах сравниваются не с товарами вообще, не со всей товарной массой в ее целом, а с конкретными товарами. На конкретных товарах, на их цене и отражается изменение переоценки денежной единицы под влиянием роста количества. Уровень цен слагается из цен отдельных товаров. Изменение уровня товарных цен есть изменение отдельных цен конкретных товаров. Повышение уровня цен при инфляции осуществляется через повышение отдельных цен, в результате большого количества отдельных актов индивидуальных переоценок денежной единицы, отдельных «встреч» денежной наличности хозяйствующих людей с теми или иными товарами. Но эти «встречи» происходят не одновременно, один товар покупается раньше, другой позже, один в момент, когда покупатель и продавец склонны сделать очередную переоценку денежной единицы, другой в момент более спокойного «отношения» к инфляции. Вследствие этого отдельные товары воспринимают неодинаково влияние переоценки денежной единицы, и под'ем цен становится неравномерным. Неравномерность отражается и на различии цен в разных местностях. Местные цены испытывают на себе раньше всего влияние местных переоценок. Но инфляция не повсюду имеет одинаковое влияние. В одних местах пресыщение оборота денежными знаками воспринимается более чутко, в других—население значительно позже замечает происшедшую перемену. Отсюда проистекает неодинаковое влияние выпусков бумажных денег на товарные цены в разных районах. На-ряду с «товарными» причинами, причины «денежные» создают пестроту товарных цен в разных районах.

Указанная неравномерность под'ема цен, как результат своеобразности процесса воздействия количества денежных знаков, с течением времени несколько сглаживается. Сглаживаются постепенно и местные различия и те отклонения вверх и вниз отдельных товарных цен, которые нарушили существовавшие раньше меновые пропорции. Но едва-ли можно думать, что раз создавшаяся неравномерность может исчезнуть бесследно, и что пропорции должны вернуться к прежнему своему состоянию. Поскольку процесс обра-

зования цен есть непрерывный исторический процесс, и сегодняшние цены являются исходным пунктом для образования завтрашних, раз наступившее отклонение от старых пропорций уже само оказывается фактором дальнейшего образования цен. До войны, напр., в 1914 г. кружка молока стоила в Москве 5 коп., а пуд картофеля 30 коп. В середине августа 1919 г. кружка молока стоит 20 руб., а пуд картофеля 600 руб. Раньше пуд картофеля соответствовал 6 кружкам молока. Теперь отношение сильно изменилось в пользу картофеля: за 1 пуд картофеля можно получить 15 кружек молока. Картофель вздорожал по отношению к деньгам в 2.000 раз, но и по отношению к молоку он вздорожал в $2^1/_2$ раза. Эта неравномерность под'ема цен картофеля и молока имеет в своей основе ряд «товарных» причин, но и деньги играли здесь известную роль. Продавцы и покупатели молока могли иначе ощущать инфляцию, иначе совершать переоценку бумажного рубля, чем продавцы и покупатели картофеля. Но прежняя меновая пропорция молока и картофеля отношение 1 : 6, действовавшая в течение длительного периода времени, имела глубокие основания. В этом отношении сказались общие законы образования цен. Некоторые из причин, вызывавших то, а не иное отношение меновой пропорции этих двух продуктов капитала, инвестированного в той и другой отрасли хозяйства и т. д., быть может, и не исчезли окончательно. Они будут тянуть меновую пропорцию молока и картофеля к прежнему уровню, понижать цену картофеля до 120 рублей или повышать цену молока до 100 рублей. Однако, известная доля неравномерности может остаться, и факт длительного существования новой пропорции 1 : 15 может оказать влияние и на последующее строение цен того и другого товара *).

Наше толкование количественной теории даст нам возможность без труда об'яснить и другое влияние из области движения товарных цен, которое можно было наблюдать в период обесценения бумажного рубля, 1915—1919 гг., а именно, что под'ем цен

---

*) Неравномерность под'ема цен под влиянием роста количества денег отмечает Зиммель. Противоположное механическое понимание вопроса в этом пункте он считает ошибочным. «Diese Begründung ist irrig und übersieht eine eigentümliche, tief einschneidende Bestimmtheit des Geldes, die man seinen Elastizitätsmangel nennen konnte: Sie besteht darin, dass ein neues innerhalb eines Wirtschaftskreises verteiltes Geldquantum die Preise nicht nach ihren bisher bestehenden Proportionen erhöht, sondern neue Preisverhältnisse zwischen ihnen schafft»... („Philosophie des Geldes", стр. 143—144). Ср. также Мизес цит. соч., стр. 152 и сл., а также G. Wiebe (Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI и XVII Jahrhunderts", L. 1895, стр. 196).

происходит не постепенно, а толчками. Цены в общем и целом растут собственно не изо дня в день, а сразу повышаются в определенные периоды года. С точки зрения механической количественной теории этот факт трудно об'ясним, в особенности если принять во внимание, что за все время выпуски денег производились безостановочно. Но дело в том, что в оценке денег, как и в оценке товаров цена господствует над психологией покупателя и продавца. Выпуски бумажных денег, вызывающие накопление запасов денежных знаков в кассах отдельных лиц, вызывают переоценку денежной единицы. Но для того, чтобы такая переоценка совершилась, должна быть преодолена известная инерция. Незначительный рост кассовой наличности не в состоянии побудить хозяйствующего суб'екта к переоценке денежной единицы. Только периодически инерция преодолевается, и цены сразу делают известный скачок. Нередко этот скачок совпадает с моментами усиленного действия «товарных» причин (расстройство транспорта, новые урожаи, повышение «твердых» цен, рост цен накануне праздников), но все же и в этих случаях действуют и причины, влияющие на стороне денег.

Чтобы закончить анализ законов, которым подчиняется обесценение бумажных денег на внутреннем рынке, мы должны остановиться на одном вопросе, имеющем большое теоретическое и практическое значение. Мы имеем в виду вопрос о том влиянии, которое должно оказывать на покупательную силу денежной единицы из'ятие излишков бумажных денег. С точки зрения традиционной механической количественной теории, уменьшение количества денежных знаков должно вызывать повышение покупательной силы денежной единицы и притом повышение пропорциональное. Мы видели, что такова была позиция Рикардо. Влияние количества денег на цены есть результат сравнения всего количества денег со всем количеством товаров, и если рост количества денежных знаков ведет к росту товарных цен, то уменьшение этого количества должно вести к соответствующему падению цен. Согласно этим взглядам, искусственное из'ятие денежных знаков из обращения после длительного периода инфляции должно парализовать все влияние этой инфляции и приводить цены к прежнему уровню *). С этой точки зрения, напр., выходит, что если бы мы стали

---

*) См. A. Wagner. Socialoekonomische Theorie «des Geldes und Geldwesens». 1909 г., стр. 704.

теперь извлекать из обращения теми или иными способами наши бумажки и доводить обратно количество денежных знаков со 100 миллиардов до 90, 80 и т. д., то и цены должны были бы соответственно понижаться.

Опыт показал, однако, что из'ятие бумажных денег вовсе не приводит к тому результату, которого, как будто, следовало бы ожидать на основании вышеприведенного взгляда. Извлечение бумажных денег, которое предпринималось с целью увеличения их покупательной силы, не давало должного эффекта. Сплошь и рядом эта мера не оказывала, вообще, никакого влияния на цены, и, во всяком случае, уменьшение количества ни в какой мере не приводило к пропорциональному повышению покупательной силы денежной единицы *). В истории русских бумажных денег безрезультатный опыт с из'ятием ассигнаций имел место в 1818—1822 гг.

К 1818 г. общее количество ассигнаций доходило в России до 825,8 милл. руб. По докладу тогдашнего министра финансов Д. А. Гурьева было решено приступить к из'ятию на 450 милл. р. ассигнаций. От этой меры ожидали соответствующего повышения курса ассигнационного рубля. В общем, за 4 года было из'ято ассигнаций на 229,3 милл. руб., и общая сумма их к 1823 г. была понижена до 595,8 милл. руб. Это сокращение количества ассигнаций на 28% привело к незначительному повышению курса с $25^1/_6$ до $26^2/_5$ коп. серебр. за 1 рубль ассигнационный. На товарные цены эта мера, повидимому, не оказала ни малейшего действия. Результатом уменьшения количества ассигнаций оказалось лишь то, что взамен ассигнаций в оборот стало вступать золото и серебро. Неудача этой меры и побудила, повидимому, тогдашних финансистов приступить к регулированию валюты не путем из'ятия излишков денежных знаков, а в направлении девальвации **).

Это обстоятельство послужило для некоторых исследователей аргументом против количественной теории денег в ее целом. Из того факта, что уменьшение количества бумажных денег не вызы-

*) Несколько примеров безрезультатности опытов уменьшения количества бумажных денег, главным образом в Соединенных Штатах, приводит Е. М. Эпштейн в своей работе. «Бумажные деньги в Италии, Австрии и Северо-Американских Соединенных Штатах» (М., 1895 г., стр. 135—136, 163—164). Надо, впрочем, отметить, что Е. М. Эпштейн не всегда сопоставляет движение количества денег с движением их покупательной силы. Часто у него идет сопоставление количества с движением ажио, что не соответствует нашей точке зрения.

**) См. об этом в юбил. изд. «Министерство Финансов» 1802—1902 гг. т. I, стр. 68 и сл.

вало понижения товарных цен, они делали тот вывод, что и увеличение их количества ни в какой мере не может влиять на цены.

Однако, этот последний вывод основан на неправильном понимании значения количественного момента, как на неправильном же понимании основаны были и те ожидания, которые возлагались на меры по из'ятию денежных знаков. Если оставить механическую концепцию количественной теории и видеть в понижении покупательной силы бумажно-денежного знака в периоды инфляции результат процесса переоценки денежных масс в индивидуальных хозяйствах, то надо будет признать, что связь количества денег с их ценностью вовсе не является обязательно связью двухсторонней. Рост количества денежных знаков вызывает понижение ценности денежной единицы, но последующее уменьшение количества отнюдь не должно вызывать обратного процесса и, во всяком случае, не является обязательным, чтобы процесс повышения ценности денег, если бы таковой в результате уменьшения их количества и наступил, был аналогичен по своей силе предыдущему процессу падения ценности и возвращал бы товарные цены к прежнему уровню. В самом деле, если в каком-либо крестьянском хозяйстве было раньше 100 руб., а затем их количество насильственно и быстро начинает расти и доходит в 3—4 года до 10.000 руб., то этот факт не может не изменить оценки данным хозяином отдельного рубля и соответственного повышения оценки реальных благ, вырабатываемых в собственном хозяйстве или покупаемых на стороне. Но если в результате громадного числа таких переоценок установился новый уровень товарных цен, этот уровень цен становится уже чем-то данным для отдельных хозяев. Если бы мы затем стали уменьшать количество денежных знаков в упомянутом хозяйстве, если бы мы даже могли постепенно свести это количество обратно с 10.000 руб. до 100 руб., должно ли бы это вызывать столь же интенсивную переоценку? Едва-ли. Ибо окристаллизовавшаяся в сознании хозяйствующего суб'екта новая ценность бумажного рубля и новые товарные цены оказали бы противодействие этому процессу переоценки. Хозяйствующие люди старались бы заполнить образовавшийся у них недостаток денежных знаков разными способами: крестьянин уменьшил бы свой денежный оборот и усилил бы натуральную часть своего хозяйства, предприниматель усилил бы употребление денежных суррогатов, прибегнул бы сильнее на безденежный расчетный аппарат. Из'ятие денежных знаков, быть может, привело бы к

известным заминкам в их хозяйствах и, до известной степени, привело бы к понижению товарных цен. Но это понижение никогда не могло бы стать столь интенсивным, каким раньше было повышение. Возврат к старому уровню цен и при стремительном и интенсивном из'ятии вновь выпущенных во время инфляции бумажных денег был бы невозможен, и такой возврат вовсе не вытекает из сущности процесса обесценения денег. Совершенно естественно, что в тех случаях, когда из'ятие денежных знаков происходит медленно и постепенно, оно проходит незаметно для индивидуального хозяйства, остается без влияния на оценку денежной единицы и не влияет на уровень цен. Таким образом, оказывается, что **количественная теория не имеет обратной силы**, и в то время, как рост количества денег вызывает рост товарных цен, последующее уменьшение этого количества не производит соответствующего обратного действия на цены.

Из этого не следует, однако, что из'ятие бумажных денег, как мера финансовой политики, представляется всегда бесполезной. Когда страна желает возобновить размен бумажек на металл и должна для этого привести свою бумажно-денежную наличность в известное соответствие с металлической наличностью, из'ятие известной части бумажек может оказаться неизбежной и целесообразной мерой. Но от этой меры не следует ожидать того, что она дать не может, а именно соответствующего понижения товарных цен.

С точки зрения этого положения можно легко понять и тот поразительный факт, что на протяжении тысячелетий ценность денег и, в частности, покупательная сила золотых и серебряных денег испытала столь сильное изменение. Как известно, покупательная сила золотых и серебряных денег в древние и средние века была в сотни и тысячи раз больше их теперешней покупательной силы. Цены товаров на протяжении истории неуклонно растут. Если бы количественный момент действовал в ту и другую сторону с одинаковой силой, то это явление было бы непонятно. Ибо, если количество золота и серебра в настоящее время во много раз больше, чем их было у древних или в средние века, но, ведь, соответственно возросли и «товарные массы», вовлеченные в денежный оборот. Если бы мы стали сравнивать, с одной стороны, общие массы металлических денег, которые имелись, скажем, до открытия Америки и теперь, а с другой—общие массы товаров, фигурировавших тогда и теперь, то едва-ли это сравнение было бы

в пользу «денег» и едва-ли оно могло бы об'яснить тот факт, что ценность металлических денег к моменту до последней войны упала, по сравнению с ценностью их в конце XV века, в 6—7 раз. Но дело в том, что с конца XV века мировое хозяйство пережило 2—3 периода металлической инфляции. Эти периоды приводили к понижению покупательной силы золота и серебра по отношению ко всем прочим товарам, и хотя за периодами денежной инфляции всегда следовали периоды товарной инфляции, но реакция товарных цен, которая в результате наступала, всегда бывала много слабее, чем предыдущий под'ем. В сторону повышения цен количественный момент всегда действовал гораздо интенсивнее, чем в сторону понижения и этим об'ясняется, что на протяжении веков уровень товарных цен повышался, а не понижался.

Быть может, здесь уместно будет отдать некоторую дань взгляду, которому мы не придавали столь большого значения, в несколько иной связи. Мы имеем в виду взгляд о значении доходов, как фактора образования цен. Мы не считаем, чтобы в доходах следовало искать главную причину роста цен при инфляции. Но несомненно, что в том противодействии, на которое наталкивается процесс понижения товарных цен при из'ятии денежных знаков, доходы играют большую роль. Рост цен при инфляции сопровождается ростом денежных доходов. Иногда рост цен обгоняет рост доходов, иногда, наоборот, некоторые доходы растут быстрее, чем цены. Но в общем и целом инфляция протекает параллельно с повышением доходов в их денежной форме: растут прибыли, растет заработная плата рабочих, оклады служащих и рабочих и т. д. Обратный процесс понижения цен мыслим только, как процесс понижения денежных доходов. Но процесс понижения денежных доходов наталкивается на психологическое противодействие социальных групп, которое вырастает в конце концов в активное противодействие. Понизить денежную заработную плату в 2 раза не так просто, как повысить ее в 2 раза. Пусть даже реальная плата от понижения денежной платы не пострадает, пусть в конце концов пониженный денежный доход даст большее удовлетворение, но уже таково психологическое влияние цифровой оценки дохода в деньгах в современном денежном хозяйстве, что на первом плане получателей дохода интересует их денежное выражение. На этом в конце концов основан тот успех, с которым используется государствами бумажно-денежный аппарат. Получатели доходов долгое время не замечают уменьшения своих реальных поступлений, когда растут их

денежные доходы. И они же оказывают сильное противодействие понижению их денежного дохода, хотя бы оно и было куплено ценой повышения доходов реальных.

Таковы те основные причины, которые приводят к тому, что из'ятие бумажно-денежных знаков не вызывает соответствующего понижения товарных цен.

Мы говорили до сих пор о причинах, действующих на стороне денег, и пришли к выводу, что когда после длительного периода инфляции действие этих причин прекращается или даже начинается действие их в обратную сторону, то этот факт сам по себе не может привести к восстановлению status quo ante в области уровня товарных цен и ценности денежной единицы. Но каково в этом отношении роль факторов, действовавших на стороне товаров? Как должно действовать на ценность денег отпадение тех причин, которые вызывали обесценение денежной единицы на стороне товаров? Должна ли смена периода «бестоварья» периодом товарного изобилия приводить цены до прежнего до-инфляционного уровня? Этот вопрос, как известно, имеет первостепенное практическое значение в настоящее время не только в России, но и во всех других странах, переживавших за время войны в той или иной степени повышательную кон'юнктуру. Должны ли, например, в Англии, Франции, Соединенн. Штатах товарные цены вернуться к до-военному уровню, независимо от процессов денежного обращения просто под влиянием того, что эти страны вернулись к нормальной жизни и, быть может, вскоре будут добывать и перерабатывать столько же продуктов, сколько они добывали и перерабатывали до войны? Мы и на этот вопрос склонны были бы ответить отрицательно. Поскольку в результате «бестоварья» и других обстоятельств установился новый уровень цен и новая ценность денежной единицы, постольку этот новый уровень является уже исходным пунктом для последующего хозяйствования. Смена «бестоварья» товарным изобилием, конечно, небезразлична для хозяйства. Эта смена, раньше всего, должна прекратить дальнейшее повышение цен, она может вызвать некоторую реакцию, но она вовсе не требует, чтобы товарные цены вернулись к прежнему уровню. Ибо и в этой сфере обратное движение цен должно встретить противодействие, с одной стороны, в том, что население привыкает к новым ценам и кладет их в основу своих расчетов и своей хозяйственной деятельности, а с другой, что новые цены отразились на денежных доходах,

и возврат к старым ценам предполагал бы понижение этих денежных доходов.

Это не означает, конечно, что уровень цен должен остаться совершенно неизменным. Некоторая общая реакция должна наступить. Кроме этой общей реакции прекращение причин, действующих на стороне товаров, должно вызвать уравнение цен во всех направлениях: некоторое изменение в меновых пропорциях отдельных товаров, т. е. некоторое относительное понижение цен тех товаров, которые по каким-либо особым причинам испытали какое-либо исключительное повышение, уравнение цен в производящих и потребляющих районах и, наконец, уравнение цен товаров внутреннего рынка с привозными товарами иностранных рынков. Но ни реакция, неизбежная при наступлении товарного изобилия, ни процесс уравнения не должны, говоря абстрактно, аннулировать все то действие на цены, которое было произведено „товарными“ причинами в период инфляции. Как бы быстро не исчезали „товарные“ причины, действия, произведенные ими на цены, не могут бесследно исчезнуть. Весьма возможно, что через 4—5 лет Европа и Америка залечат раны, нанесенные им мировой войной, и вернутся к прежнему товарному изобилию. Но когда наступит период, в котором в Европе и Америке будет столько же товаров, сколько было их в начале 1914 г., и столько же денег, сколько их было тогда, то все же цены на товары, несомненно, будут в 2—3 раза выше, чем они были до войны, и в 2—3 раза будет ниже ценность денег.

V.

Мы выдвигали до сих пор, как основной фактор, вызывающий обесценение бумажно-денежной единицы, изменение в количестве обращающихся бумажных денег. В экономической литературе существует, однако, течение, которое склонно придавать главное значение другому фактору, а именно моменту доверия населения к деньгам. Сторонники этого взгляда видят причину обесценения бумажных денег в недоверии к ним населения или, вернее, в упадке того доверия, которое оно раньше питало к металлическим деньгам. При этом некоторые авторы считают, что изменение доверия является единственным фактором, влияющим на стороне денег, другие-же находят, что «доверие» или «недоверие» действуют на ценность бумажных денег на-ряду с количественным моментом. Мы

имеем в данном случае некоторую разновидность или специальное применение к бумажным деньгам той теории доверия, которую в свое время выдвигал Маклеод по отношению к деньгам вообще.

С указанным взглядом мы встречаемся уже в старой экономической литературе. Так, немецкий экономист начала XIX века современник Рикардо, Hufeland определенно выдвигает «недоверие» («Mihskredit»), как фактор, вызывающий обесценение бумажных денег, на-ряду с ростом их количества*).

В русской литературе о деньгах влиянию доверия или недоверия придавал большое значение Миклашевский. «Первая причина», писал он, «которая всегда оказывает влияние на покупательную силу бумажных денег—наличность охотников расставаться со своими благами и доверие или кредит их к тому, что выпусками не станут злоупотреблять» **). Этому же взгляду отдал известную дань М. И. Туган-Барановский. Теория эта получает у него следующую формулировку. Если, благодаря значительному увеличению в народном хозяйстве количества денег, говорит он: „товарные цены быстро начинают расти, и общественное мнение сознает, что этот рост неизбежен и неустраним, то в обществе начинает распространяться убеждение в невыгодности хранить капитал в виде денег и в предпочтительности превращения его в разного рода имущественные ценности (акции разного рода предприятий, земельные имущества, товары и пр.). Иными словами, является склонность покупать и неохота продавать, что не может не создавать тенденции к под'ему цен. В данном случае эта тенденция создается изменяющейся общественной расценкой самих денег,

---

*) Hufeland «Die Lehre vom Geld» 1819 г. стр. 394; Лифман («Geld und Gold» стр. 173), впрочем, слишком переоценивает распространенность этого взгляда, когда он утверждает, что «im allgemeinen hat man sich die Preissteigerung immer so vorgestellt dass bei einer Geldvermehrung das vertrauen der Wirtschaftssubjekte immer mehr sinkt und die Verkäufer daher immer weniger dafür geben wollen». В частности Лифман неправильно приписывает такой взгляд Heyn'у, между тем, как этот последний, выдвигая влияние на цены роста банковского кредита (правильно или неправильно, это — вопрос другой), утверждает нечто совсем другое (См. O. Heyn. «Unser Geldwesen nach dem Kriege» 1916, стр. 40). Не совсем прав и Mises (Theorie des Geldes u. s. w. стр. 135), который приписывает тот же взгляд американскому экономисту Laughlin'у, между тем, как этот последний признает влияние доверия—в смысле шансов на размен не на покупательную силу бумажно-денежного знака, а на его курс (см. его Principles of money стр. 531 и сл. Ср. также взгляды Вагнера по этому вопросу в его «Socialoekonomische Theorie des Geldes u. s. w. стр. 694).

**) А. Миклашевский.—«Деньги» М. 1895, стр. 621.

опасением падения ценности денежной единицы и предвидением под'ема цен на реальные ценности—имущество и товары“ *).

Мнение о том, что причина обесценения бумажных денег лежит в упадке «доверия» к деньгам, пользуется, между прочим, большим распространением в публике. Оно как-то больше гармонирует с тем металлическим фетишизмом, который свойственен практикам и кажется им более простым об'яснением обесценения, нежели рост количества и переоценка денежной единицы. Отсюда—мы часто встречаемся с этим взглядом и на страницах специальной так наз. «финансовой» прессы.

Мы стоим, однако, на той точке зрения, что в теории бумажных денег «недоверие» не может фигурировать в ряду факторов, влияющих на покупательную силу бумажно-денежной единицы и вызывающих обесценение бумажных денег на внутреннем рынке по отношению к товарам. Вопрос о „доверии“ или „недоверии“, как мы это постараемся показать в другом месте, имеет первостепенное значение в области внешневалютных отношений, и в этой области „доверие“ в известном смысле влияет на курс. Но там, где речь идет о сравнении денег с товарами, об изменениях уровня цен и покупательной силе денег, там этот момент не имеет значения. Та или иная степень „доверия“ к русскому рублю на международном рынке оказывает определенное действие на курс рубля, но степень доверия не оказывает влияния на покупательную силу рубля внутри страны.

В самом деле, что следует понимать под „недоверием“ к бумажным деньгам и в каком смысле можно говорить об «упадке доверия» при прекращении размена?

Очевидно, здесь не идет речь о доверии, как социологической предпосылке обращения денег. Уверенность в том, что данные деньги являются общепризнанным орудием обмена, и что всякий член данного государства примет их в обмен на свои товары, является необходимой предпосылкой обращения всяких денег, в том числе и бумажных. Но

---

*) «Бумажные деньги и металл», стр. 34—35. Надо, впрочем, сказать, что Туган-Барановский не придавал этому фактору всеоб'емлющего значения, так как несколько дальше он по поводу этого момента оговаривается: «Действие его может обнаружиться лишь в случаях особенно резкого изменения ценности денежной единицы, когда цены растут у всех на глазах столь стремительно, что даже у обывателя и обычного капиталиста, чуждого каким бы то ни было экономическим теориям, возникает сомнение в устойчивости ценности денежной единицы и необходимости учесть этот новый фактор в своем хозяйственном поведении» (там же, стр. 35).

это доверие не может «падать», ибо оно не может быть больше или меньше. Деньги обращаются до тех пор, пока это «доверие» существует. Но малейшее колебание его приводит к невозможности их дальнейшего обращения. Малейшее сомнение в „силе хождения“ денег делает их уже негодными. Бывают периоды бумажно-денежного обращения, когда население теряет „доверие“ к деньгам в этом именно смысле, когда оно в один прекрасный момент перестанет их окончательно принимать и когда бумажно-денежные знаки превращаются в ничего нестоющие лоскутки бумаги. Это—моменты, совпадающие с нулификацией бумажных денег, период, который пережила, напр., Франция в конце 1796 г. и в начале 1797 г. Когда население начинает чувствовать, что деньгам грозит полное аннулирование со стороны государства, оно перестает их принимать, «теряет к ним всякое доверие». Но этот момент окончательного разочарования населения в данных денежных знаках, момент краха, не нарастает постепенно. Он лишь характеризует собою самый последний момент периода обесценения. В начальные периоды обесценения этот мотив чужд хозяйствующим людям, ибо, раз возникнув, он делает уже обращение бумажных денег невозможным. Упадок доверия к бумажным деньгам в этом смысле присущ, таким образом, не всем периодам бумажно-денежного обращения, он не наблюдается в тех случаях, когда выпуск бумажных денег не заканчивается крахом, да и в этих последних случаях он проявляется лишь в конечный момент обесценения. При таких условиях упадок доверия, в этом значении слова, не может об'яснить весь процесс обесценения. В самом деле, мы в настоящий момент, в конце 1919 г., дошли в России почти до полного обесценения бумажно-денежного рубля. Сейчас, несомненно, в населении разлито некоторое сомнение по поводу того, сохранит ли этот денежный знак какое-либо значение, вообще. Но это сомнение появилось в широких слоях населения очень недавно, быть может, каких-нибудь полгода. Оно—сравнительно слабо. И, тем не менее, оно сделало бумажный рубль почти негодным для оборота и привело нас к вынужденному безденежному товарообмену. Можно ли, однако, себе представить возможность обращения бумажных денег, если бы этого рода сомнения существовали уже в 1917, 1916 или 1915 гг. Конечно—нет, ибо зарождение этих сомнений уже давно привело бы к тому краху, который мы переживаем сейчас. Но если в 1915, 1916 и 1917 гг. этих сомнений не было, то, очевидно,

они не могли об'яснить факт обесценения бумажных денег в его целом *).

Но под доверием к бумажным деньгам можно понимать и нечто другое, а именно учитывание шансов на восстановление размена и восстановление металлического обращения. Некоторые авторы считают, что хозяйствующие люди ценят бумажные деньги лишь в той мере, в какой они могут получить за них металл, и под «доверием» они понимают степень вероятности восстановления размена и оценку «металлического содержания» бумажно-денежного знака. Однако, и в этом смысле доверие или недоверие к бумажно-денежному знаку не влияет на его покупательную силу. Фактически этот мотив чужд широким слоям населения и при оценке товаров он не фигурирует. Поскольку продавец того или иного продукта не связан с заграничным рынком и не испытывает последствий повышения вексельных курсов, у него нет также веских оснований повышать цену своего товара и понижать расценку получаемых взамен него кредитных рублей исключительно вследствие того, что рубль перестал размениваться на золото. Его не может также интересовать вопрос, скоро ли будет восстановлен размен, раз всякий другой торговец всегда готов принимать у него в уплату тот же кредитный рубль, а государство, имеющее многомиллиардный бюджет, принимает этот рубль в покрытие налогов по прежней расценке.

Можно, наконец, говорить о недоверии еще в одном смысле. Наблюдая постоянное повышение товарных цен, торговец может, конечно, задерживать товар в ожидании дальнейшего повышения. Он может назвать свое действие «недоверием» к рублю. На самом деле здесь, однако, будет не недоверие к рублю и не нежелание получить взамен рубля товар, а обычная повышательная спекуляция. Если торговец будет опасаться, что он через месяц выручит за данный товар меньше, чем он мог бы выручить сейчас, он не станет задерживать товара и охотно возьмет те самые деньги, которым он, будто-бы, не доверяет.

*) Влияние недоверия в моменты краха или в последний период бумажно-денежного обращения, очевидно, имеет в виду и М а р к с, когда он выдвигает этот мотив, как фактор обесценения бумажных денег, на-ряду с количеством (если бумажные деньги переступают поставленные им границы, т. е. то количество золотых монет одинакового наименования, которое могло бы циркулировать, то, помимо *угрожающей им опасности потерять всякое доверие публики*, они в товарном мире начинают представлять лишь то количество золота, которое определяется присущими этому миру законами и которое только и может быть представляемо бумажными знаками («Капитал», т. I. В русск. пер. под ред. Струве стр. 82. Курсив—наш).

Полемизируя с одной из моих предыдущих работ, Винокуров старается доказать существование фактора доверия к валюте внутри страны примерами из области расценок биржевых бумаг, которое, по его мнению, находит об,яснение только в недоверии к рублю и в желании публики превратить свой капитал в реальную ценность. Между тем движение биржевых цен за время войны служило лучшим доказательством нашей точки зрения. Если бы «доверие» к рублю играло серьезную роль, то цены дивидендных бумаг должны были за время войны расти безостановочно. Между тем биржа пережила несколько периодов понижения, совпавших с периодами роста товарных цен. Держатели акций охотно расставались с ними и обменивали свои «реальные» ценности на бумажные рубли в такие моменты, когда не было никаких оснований проникаться особым «доверием» к рублю. Таково, напр., было положение в марте и апреле 1917 г. *).

Об'ясняется это просто тем, что и моменты под'ема были вызваны не желанием приобрести «реальные ценности» во что бы то ни стало, а расчетом на то, что эти «реальные ценности» будут приносить современем лучший доход и повысятся в цене. Когда возникли сомнения в правильности этих расчетов, изменилось и отношение «к реальным ценностям» **).

Вот почему нельзя придавать значение моменту «доверия», как фактору, влияющему на покупательную силу денег. Можно согласиться с М. Туган-Барановским, что, «в случаях особенно резкого изменения ценности денежной единицы», действие этого фактора обнаруживается, однако, такими периодами можно считать лишь периоды, предшествующие бумажно-денежной катастрофе, полного обесценения бумажек. Когда количество бумажных денег возрастает до неимоверных размеров, когда под влиянием этого обстоятельства новые денежные знаки оказываются совершенно ненужными в хозяйстве, население начинает отказываться от их приема.

---

*) См. «Финансов. Газ.» за 1917 г. № 401.

**) Некоторые склонны усматривать недоверие к деньгам в факте покупки многими лицами домов, не приносящих дохода. Получается впечатление, что эти лица предпочитают иметь бездоходный дом, нечто реальное, нежели иметь «ничего не стоющие» бумажки. Это представление, однако, в корне ошибочно. Покупка «бездоходных» домов совершается в расчете на то, что современем эти дома будут давать большой доход и что тогда и их стоимость в рублях сильно возрастет. Если бы не было этого ожидания роста доходности, никто не стал бы покупать дома, ибо в таком случае было бы много выгоднее помещать деньги в облигациях государственных займов, ибо всякий хозяйствующий суб'ект понимает, что лучше иметь «нереальную» ценность, приносящую доход, нежели иметь «реальную» ценность, дохода не приносящую.

В этот момент может обнаружиться общее недоверие к бумажным деньгам, их перестают принимать, потому что теряется уверенность, что за них можно будет получить в обмен новый товар. Можно представить себе внезапное исчезновение доверия к деньгам, как особый вид паники, но нельзя думать, что доверие может постепенно уменьшаться. Нельзя в таком постепенном падении доверия видеть причину постепенного понижения покупательной силы денег внутри страны.

З. Каценеленбаум.

Математический анализ эмиссионной денежной системы России.

Тезисы доклада члена Коллегии Народного Комиссариата Финансов О. Ю. Шмидта, прочитанного 24 июня 1921 г.

I. Предпосылки математического анализа.

Предпосылка 1. Количественная теория в ее простейшей формулировке: количество денег (q) пропорционально стоимости (u) всех продуктов рынка, т. е.

$$1) \quad \ldots\ldots \quad q = ku$$

В рассмотрение элементов, входящих в k, как-то скорость обращения и т. д., при нашем анализе нет нужды вдаваться.

Предпосылка 2. В равные небольшие промежутки времени путем выпуска бумажных денег отчуждаются равные части имеющегося на рынке количества товаров, т. е.

$$2) \quad \ldots\ldots \quad du = un\,dt$$

II. Математический анализ.

Равенства (1) и (2) дают дифференциальное уравнение:

$$3) \quad \ldots\ldots \quad dq = nq\,dt,$$

означающее, что эмиссия за известный промежуток времени пропорциональна количеству обращающихся уже денег.

Интегрированпе дает

$$4) \quad \ldots\ldots \quad q = c\,a^t,$$

где $a = l^n$ — основание натуральных логарифмов. Формула (4) показывает, что количество денег в обращении в эмиссионном хозяйстве растет со временем по закону показательной функции (геометрической прогрессии), т. е. в равные промежутки времени увеличивается в равное число раз.

Из (4) непосредственно следует, что эмиссия E за время t определяется тем же законом

5) . . . . . . $E = b\ a^t$.

где a прежнее, $b = c\ (a - 1)$.

III. Подтверждение фактами.

В формулы входят 2 постоянных величины: c—начальное количество денег и a—коэффициент увеличения за единицу времени. Эти величины можно определить из двух наблюдений, чем произвол и ограничивается.

Если, изучив цифровые данные фактической эмиссии России, принять a = 5,25, а эмиссию за 1920 год за 900 миллиардов, то подчисленная по месяцам с 1918 г. по 1921 г. по формуле (5) эмиссия оказывается поразительно близкой с фактической, настолько, что кривая теоретическая идеально выправляет зигзагообразную фактическую.

Также идеально совпадают теоретическое и фактическое q (количество денег в обращении), если сделать правдоподобное допущение, что с номинальных цифр имеющихся денег надо единовременно скинуть 20 миллиардов на оставшиеся за рубежом деньги.

IV. Дальнейший математический анализ.

1. Если применять количественную теорию в более раскрытой форме

$$q = k\ p\ w,$$

где p средняя цена, a w количество товаров, то, зная кроме формулы (4) закон изменения w (из фактических наблюдений), можно определить закон изменения цен p. Напр., при уменьшении w по аналогичному закону, p изменяется по закону показательной функции с бо́льшим знаменателем чем q (т. е. скорее q в определенном числе раз). Факты хорошо согласуются с этим, хотя грубость и случайность имеющегося материала наблюдений не дает возможности точной математической проверки.

2. Входящая в (3), (4) и (5) величина $n = \lg a$ не случайна, но определяется из структуры рынка по формуле

$$n = L\ [R + (1 - R)\ M]$$

в зависимости от того, какую часть L рынка составляют закупки на новые деньги, какую часть (R) составляет сельско-хозяйственное производство в общем и какова быстрота оборота промышленности (M). Для нашего случая $n = 1{,}66$.

3. Возможен математический анализ более обобщенных случаев (напр., с участием кредита, с восстановлением налогов и т. д.), анализ влияния роста социализации рынка, математический анализ последствий девальвации и т. д. Все это—предмет особого доклада.

V. Выводы.

1. Для чисто-бумажной валюты, при отсутствии системы кредита, количественная теория оказывается весьма точной.

2. Эмиссия России следует совершенно определенному математическому закону, допускающему предсказания вперед.

3. Эмиссионная система имеет свою устойчивую и закономерную экономику, внутри которой экономические законы видоизменяются, но не теряют закономерного характера.

4. Теоретически мыслима эмиссионная система и при капиталистическом строе, с кредитными отношениями, биржей и т. д., несмотря на переменную валюту, так как это изменение строго закономерно.

5. Поскольку кривая эмиссии не показывает за 3½ года никаких тенденций к уклонению от теории, предположения о крахе эмиссионной системы неосновательны.

6. Возможная длительность эмиссионной системы беспредельна и ограничивается фактически не внутренней неизбежностью краха, а исключительно изменением тех более общих явлений, которые породили и самую эмиссию.

7. Возможность точного предсказания предстоящей эмиссии должна быть использована для регулирования цен, тарифов и т. д.

8. Применение методов математики или теоретической физики к теоретической экономике еще не получило достаточного распространения, хотя способно дать некоторые результаты.

Январь 1919 г.—июнь 1921 г.

О. Шмидт.

Счетоводство государственных предприятий при падающем курсе рубля.

Доклад С. В. Воронина, прочитанный 15 сентября 1919 г.

I.

Переход значительной части нашей промышленности к порядку централизованного государственного управления требует особого внимания к вопросам учета материального и финансового состояния национализированных предприятий, а также и успешности их работы. Только учет, дающий подробно и однородно составленные сведения относительно оборудования предприятия зданиями, машинами, орудиями и инструментами, относительно имеющихся у него запасов материалов производства и относительно степени производительности, которой данное предприятие достигло, может содействовать высшему руководящему органу промышленной жизни страны при составлении и проведении в жизнь стройного плана промышленной работы. Этот руководящий орган должен быть в состоянии, при помощи данных учета, определить, как велика общая производительность каждой отдельной отрасли промышленности, соответствует ли она потребностям, заявленным народным хозяйством, как велики затраты на производство в соответствии с выяснившейся производительностью отдельных предприятий, насколько возможно при определенных затратах направлять народный труд в данную отрасль промышленности и не представляется ли необходимым, ограничив производство в одной отрасли, расширить его в другой вследствие большой настоятельности потребностей, удовлетворяемых последней.

Основной формой учета в экономической области является учет бухгалтерский, пополняемый статистическим учетом и техни-

ческим учетом и техническим описанием. Бухгалтерский учет отличается от двух других видов учета тем, что, во-первых, он выражает все данные о составных экономических элементах предприятия в единой ценностной единице, а именно в денежной единице, а, во-вторых, он, в своем содержании, охватывает как все состояние предприятия к определенному моменту времени, так и все изменения его состава и всю его работу, поскольку они имеют экономическое значение. Первенствующее значение денежного учета об'ясняется тем, что в системе хозяйства, основанного на частной собственности на средства производства и на свободе хозяйственного оборота, цена является фактором, регулирующим хозяйственную жизнь, направляющим приложение народного капитала и труда и определяющим всю организацию народного хозяйства.

Хозяйство социалистическое, построенное на противоположных началах—государственной собственности на средства производства и централизованного руководства промышленной работой—повидимому, не нуждается в денежном механизме для своего оборота и должно отвергать значение цены, как регулирующего фактора народно-хозяйственной жизни. Учет социалистического хозяйства представляется более статистическим учетом и техническим описанием обобществленной промышленности страны, чем ее денежным бухгалтерским учетом, так как в обороте чисто социалистического хозяйства деньги и ценность, выраженная в деньгах, т. е. цена, не имеют той руководящей роли, как в хозяйстве капиталистическом.

Несомненно, однако, что и для социалистического хозяйства необходима какая-то единица учета, которая давала бы возможность составить себе общее представление о величине народного богатства, о распределении его по отдельным отраслям хозяйства, о величине затрат на производство определенных продуктов и о сравнительной производительности отдельных предприятий. В соответствии с общим трудовым характером социалистического общества такая единица естественно представляется связанной с человеческим трудом, и именно в этом направлении работает над ее конструированием социалистическая мысль.

В настоящем изложении мы не имеем в виду обсуждение вопроса о наиболее целесообразной форме создания трудовой единицы ценности. Наше задание сводится сейчас к возможно правильной постановке учета в условиях существующего переходного экономического периода, хозяйственное строение которого предста-

вляется соединением обоих начал, т. е., с одной стороны, и социалистического в виде огосударствленной крупной промышленности и монополизированного снабжения населения некоторыми важнейшими предметами питания и потребления и, с другой стороны, свободного оборота в виде ненационализированной мелкой промышленности, торговли ненормированными продуктами и крестьянского хозяйства, поддающегося влиянию экономического руководства центра лишь в незначительной степени. Поскольку в общем наше народное хозяйство не является вполне социалистически организованным, постольку для хозяйственного оборота между его обобществленной частью, с одной стороны, и необобществленной—с другой, а также между хозяйствами, всецело построенными на частном принципе, является необходимым посредник в виде денежных знаков в том виде, в каковом эти знаки существуют, а именно в виде бумажного рубля. В этом бумажном рубле и ведется в настоящее время учет всей хозяйственной жизни страны: в нем составляются государственные росписи и в нем же учитывается имущество и деятельность национализированной промышленности.

Такого рода способ учета можно было бы признать вполне удовлетворительным для текущего переходного периода, если бы ценность единицы учета—бумажного рубля, т. е. его покупательная сила—не изменялась бы с такой быстротой в сторону уменьшения. Конечно, и до-военная мировая денежная единица — золотая—не была безусловно постоянной в своей ценности; но колебания цен, поскольку их причины приписывались золоту, были настолько постепенны и незначительны, что не могли считаться существенными для тех практических целей, которые ставит себе бухгалтерский учет промышленных и торговых предприятий. В положении, принципиально более сходном с нынешним, находились в XIX веке страны, продолжительное время принужденные существовать в условиях бумажно-денежного обращения — Россия, Австро-Венгрия, Италия. Но это сходство положения только кажущееся: в самых неблагоприятных условиях цены в течение года колебались в небольших процентах, в настоящее же время годовые изменения цен для многих продуктов измеряются сотнями процентов.

Это прогрессирующее падение ценности бумажного рубля, служащего единицей хозяйственного учета, и заставляет нас обратиться к обсуждению вопроса о реорганизации учета для того, чтобы работа по учету давала хотя бы только приблизи-

тельно те результаты, ради которых она ведется. Совершенно ясно, что в случаях, когда единица учета быстро изменяет свою ценность, представляется весьма затруднительным сравнивать данные, относящиеся к моментам, отделенным более или менее продолжительным периодом времени, а также оценивалась на основании этих данных производительность работы учитываемых хозяйств. Действительно, цена материала, обработанного в каком-либо промышленном предприятии в различные периоды времени, изменяется не только в зависимости от изменения количества материала, но и от изменения цены единицы его. Суммы, затраченные на оплату труда, колеблются не только в зависимости от числа рабочих и служащих, но и в зависимости от изменений тарифов по оплате труда. Точно также и доходная часть предприятий, состоящая в передаче готовых продуктов органам распределения, находится в зависимости не только от количества изготовленных и переданных продуктов, но и от их расценки, весьма различной даже на протяжении годового периода. Наконец, и оценка капитальных статей баланса зданий, машин, оборудования не может быть оставляема без изменения, хотя бы количественно соответствующие статьи в инвентаре и не изменялись. Дело в том, что от оценки зависит отчисление в фонд погашения или на ремонт, причем соответствующие этим отчислениям суммы входят в расходы предприятия и соответственно увеличивают себестоимость продукта. Между тем, ценность амортизируемых зданий, машин и инструментов, выраженная в рубле, потерявшем часть своей ценности со времени предыдущей переоценки, должна быть повышена, и фонд амортизации будет недостаточно велик, чтобы приобрести новую машину взамен сношенной, или построить здание, взамен устаревшего. Действительно, предположим, что приобретенное в настоящее время какое-либо оборудование стоит 120.000 р. и рассчитано на два года работы. Если мы будем относить на его возобновление 5.000 р. в месяц, т. е. будем на 5.000 р. увеличивать себестоимость продуктов, произведенных в течение месяца, то по истечении двух лет, когда инструменты придут в негодность, мы будем располагать, действительно, фондом в 120.000 р. на приобретение новых, но при том темпе падения рубля, который наблюдается в настоящее время, мы не будем, вероятно, в состоянии обеспечить себя и четвертой частью необходимого оборудования. При этом также обнаружится, что, включая в ежемесячные расходы отчисление в амортизационный фонд всего в сумме 5.000 р., мы

не дооценивали своих расходов и расчитывали себестоимость продуктов ниже действительной.

II.

Таковы в кратких чертах затруднения, возникающие при ведении промышленного счетоводства в денежной единице, покупательная сила которой колеблется. Подробный анализ баланса и отдельных статей оборота во II части настоящего доклада представит нам их еще раз наглядно. Каким же образом, однако, могли бы мы устранить эти затруднения, каким образом могли бы мы создать такой способ счетоводства, при котором мы получали бы от бухгалтерских данных, т. е. от балансов, оборотных ведомостей, отчетов и таблиц ответы на те основные вопросы, на которые вообще должно отвечать счетоводство. Должны ли мы, продолжая вести записи в теряющих свою ценность рублях, найти какой-то ключ для перевода разновременных данных к одному постоянному знаменателю, или более целесообразным представилось бы заменить рубль какой-нибудь другой учетной единицей, например, трудовой,— заменить вполне или вести учет параллельно с ней.

Обращаясь к первой возможности, мы, прежде всего, встречаемся с предложением принять за постоянную единицу ценности для сравнения разновременных данных учета ту единицу, которая в довоенное время вполне удовлетворительно исполняла свое назначение, т. е. золотую. Представляется, как будто бы, возможным переводить учетные данные на стоимость золотого рубля в соответствующий момент и таким образом получать цифры, вполне сравниваемые. Однако, подобный процесс, легко мыслимый, практически совершенно неприемлем. Прежде всего цены золотого рубля в бумажных рублях не существует, так как золото из‘ято из оборота, и все сделки с ним запрещены. Это запрещение не является случайное деталью существующего порядка. Государственное хозяйство наше построено на системе выпусков бумажных денег Народного Банка, успешности функционирования которой свободный оборот драгоценных металлов представлял бы весьма реальную угрозу. Кроме того, у трудового социалистического государства естественно существует принципиально отрицательное отношение к спекулятивной наживе, для которой свободный оборот драгоценных металлов дал бы обширное поприще. Таким образом, установление государственной монополии обладания металлами, в особенности золотом в более или менее значительных количествах, является необходимым. Но даже

16*

если представить себе возможность разрешения свободного оборота с драгоценными металлами, как одно из противоречий общему строю, неизбежных в период переходного времени, то и тогда цена золота в бумажных рублях не дала бы нам прочного мерила ценности. Оборот с золотом при современных условиях—отсутствие крупных капиталистов, отсутствие мест хранения и безопасного транспорта, а также отсутствие связи с международным золотым резервуаром—неизбежно принял бы спекулятивную форму в худшем смысле этого слова, спекуляции на случайное изменение цены под влиянием тех или иных слухов, событий и т. д. и отнюдь не был бы определенным выявлением изменения ценности бумажных денег, измеряемой в наиболее постоянном ценностном измерителе мирового оборота. Таким образом, и разрешение свободного оборота с золотом, с трудом мыслимое и нецелесообразное в существующих условиях, не может нам дать искомого ключа для сравнения данных разновременного учета.

Точно также должно быть отвергнуто и другое возникающее предположение—воспользоваться, как постоянным мерилом ценности, ценою в бумажных рублях иностранной валюты. Здесь, прежде всего, необходимо иметь в виду, что при существующих после военных условиях валюты всех культурных стран, построенные до начала войны на золоте, обратились фактически в бумажно-денежные неразменные системы, каждая из которых имеет самостоятельные колебания, почему ни одна из них не может считаться достаточно устойчивой, чтобы служить основанием прочного мерила ценности.

Что касается, наконец, возможности переучитывать данные учета, выраженные в бумажных рублях при помощи коэффициента, полученного путем вывода средней из изменяющихся цен на различные товары, сырье и предметы потребления, то здесь мы останавливаемся перед тем затруднением, которое вообще возникает при выработке различных систем index numbers. Выбор ряда предметов, цены которых при этой операции сравниваются, принятие при выводе средней различной величины, как основание каждой из них, соответственно значению ее в общем хозяйственном обороте—все это вносит в расчеты такой элемент произвола, который не мог быть удовлетворительно устранен в практике экономических исследований. Такого рода исчисления могут давать результаты с известного рода приблизительной точностью лишь при исчислении частных потребительных бюджетов и то однородного строения, но при сравнении данных по промышленным предприя-

тиям, где по каждому проходят, помимо заработной платы, затраты на материалы—разнородные и в различной степени изменяющиеся в цене, пользование одним и тем же коэффициентом падения покупательной силы рубля не может дать удовлетворительных результатов.

Если, таким образом, мы принуждены отказаться от мысли найти общий коэффициент—ключ для сравнения данных разновременного учета, то нам надлежит перейти к обсуждению возможности воспользоваться единицей ценности, так или иначе связанной с трудом, с тем, чтобы или сделать ее единственным основанием учета, или применить ее для переучета данных, выраженных в рублях.

Предположительная конструкция этой трудовой единицы ценности намечается в двух направлениях: принятие за основание либо оплаты часа труда, либо количества самого труда, затраченного на производство данной ценности; причем это количество должно измеряться количеством затраченного рабочего времени, помноженного на тот или иной коэффициент квалификации работника,—коэффициент, исчисляемый посредством деления средней тарифной ставки работника данной квалификации на тарифную ставку работника первого тарифного разряда. Первое из указанных построений трудовой единицы ценности вырисовывается в следующем виде: предположим что заработок среднего рабочего составляет 1.000 р. в месяц, т. е. 40 р. в день, или 5 р. в час, при условии 8-часового рабочего дня. Таким образом, мы получаем стоимость одного часа среднего труда, которую можем принять в основание для перечисления данных учета по отдельным статьям. Так, если стоимость единицы меры (аршина, пуда и т. д.) известного продукта определяется в 20 р., то мы можем считать эту стоимость равной 4 часам труда. Такого рода переучет может быть произведен по отношению к одновременным данным учета, но по отношению к разновременным данным, что собственно и составляет нашу цель, такого рода переучет не может дать ожидаемых результатов по следующим основаниям: продолжающееся обеднение народного хозяйства дает населению все меньшее количество предметов потребления. Внешним образом этот несомненный факт выражается в том, что цены на предметы потребления, особенно на предметы первой необходимости, растут быстрее, чем декретируемая заработная плата, и после повышения ставок заработной платы трудящиеся уже не могут по повышенным ставкам удовлетворять

свои потребности в такой мере, как они удовлетворяли их по предшествующим ставкам в начале существования последних. Таким образом, стоимость одного часа труда (например, 7 р. 50 к. вместо 5 р. в случае повышения заработка среднего рабочего с 1.000 р. до 1.500 р. в месяц) будет ниже стоимости часа труда в предшествующий период, поскольку мы выразим ее в количествах продуктов и материалов, которые за нее могут быть приобретены. И, если мы высчитаем, например, стоимость какого-либо здания, на постройку которого в первый период пошло строительных материалов на 50 тыс. р. и заработной платы также на 50 тыс. р., то, принимая, что материалы вздорожали в деньгах не на 50%, а на 80%, мы получим его стоимость в первом случае в 20 тыс. часов труда, а во втором для трудовых затрат также в 10 тыс. часов труда, а для материальных затрат 90 тыс. р. : 7 р. 50 к. = 12 тыс. часов труда, т. е. стоимость того же сооружения, потребовавшего в обоих случаях одного и того же количества и труда и материалов, выразится в разных цифрах в первом случае 20 тыс. часов труда, а во втором 22 тыс. часов труда. Из приведенного примерного расчета видно, что коэффициент ценности, получаемый из изменения денежной оплаты труда, не может дать необходимого нам мерила для переучета разновременных данных.

Перейдем теперь к рассмотрению возможности принять за единицу учета не оплату рабочей силы, а количество труда. Здесь, прежде всего, нам придется встретиться с вопросом о коэффициенте на квалифицированность труда. Дело в том, что хотя соотношения профессиональных ставок оплаты труда в его различных видах и могут дать нам необходимые коэффициенты с известным приближением, но постоянная тенденция к повышению высших ставок в меньшем размере, чем низших, вносит элемент непостоянства во все расчеты, поскольку они относятся к разному времени. Но если мы оставим в стороне это частичное затруднение, то самое построение единицы ценности на затрате труда представляется принципиально наиболее соответствующим основам трудового социалистического общества. Мыслимо провести через всю линию производства (да и, вообще, всей общественно полезной работы) последовательную расценку различных стадий труда, начиная с первоначальных, т. е. с добывания сырых материалов—угля, железа и др., и с сельско-хозяйственного производства, хлеба, хлопка и т. д. и, затем, постепенно переходить в своих исчислениях далее в том порядке, как движется сырой материал, постепенно преобразуясь,

путем приложения труда, и готовый продукт. Установив вначале, сколько часов среднего труда необходимо для производства одного пуда хлеба, хлопка, угля, железа, мы могли бы принимать установленную таким образом их ценность за основание и, присоединяя к ней затрату труда в последующих стадиях их переработки и передвижения, дойти, в конце концов, до определения стоимости готового продукта. Такого рода исчисление стоимости продукта вместе с тем давало бы нам данные о сравнительной производительности труда в различных предприятиях одной отрасли за один и тот же период и об изменениях этой производительности. Так, если производство одного аршина ситца требует в одном предприятии 1 часа труда, а в другом ⅞ часа труда, то очевидно, что производительность 2 предприятия выше. При этом необходимо иметь в виду, что таким образом оценивается производительность предприятия в общем, а не производительность труда лиц, в нем работающих, если мы не учтем также индивидуальные условия работы предприятия, поскольку они повышают производительность работы, например, существование в распоряжении предприятия водяной силы, сравнительно лучшие качества участков земли в сельско-хозяйственных предприятиях, различия богатства недр земли в горных и т. п., одним словом, те факторы, которые в капиталистическом обороте **создают** дифференциальную ренту. Эти факторы должны быть также известным образом отражены в балансах и оборотах учета, производимого на основе предполагаемой трудовой единицы, хотя бы путем искусственной приблизительной оценки, на основании исчисления того количества труда, которое потребовалось бы, если бы данное предприятие было лишено этих благоприятных условий производства.

Производство подобного рода оценки в трудовой единице ценностей по мере прохождения ими производственного процесса представляется, однако, возможным лишь при наличии ряда условий. Прежде всего оно предполагает исчерпывающий статистико-экономический учет производства во всех его стадиях, во-вторых, необходимо, чтобы в производство поступали ценности обобществленного производства, оцененные на основании той же трудовой единицы, а не приобретенные за деньги, у частных хозяйств, так как трудовая оценка продуктов частных хозяйств была бы крайне затруднительна. Одним словом, необходимо полное организованное обобществление хозяйства страны, построенное на основе технического и экономического изучения всего хозяйственного процесса. Очевидно,

что при существующих переходных условиях и в современный период хозяйственной жизни провести такой учет невозможно, да и не имело бы смысла, так как самое изменение условий производства в смысле их упорядочения и улучшения требовало бы новой обработки материала и уничтожало бы ценность только что произведенной работы. Таким образом, и эта форма учета, по своим принципам наиболее совершенная, не может быть принята в настоящее время.

III.

После того, как мы последовательно рассмотрели и отвергли ряд предположений о возможном видоизменении порядка хозяйственного учета, остается обратиться к последнему мыслимому выходу из затруднительного положения, которым нам представляется переоценка данных учета не на основании какого-либо общего коэффициента падения стоимости рубля, а на основании изменений в ценах единиц отдельных балансовых и оборотных статей. В основание подобной переоценки должны быть принимаемы для сырья, топлива и материалов твердые или вольные цены в зависимости от того, по твердым или по вольным ценам поступают данные предметы. Таким образом, если мы хотим сравнить балансы или оборотные данные по одному и тому же предприятию за два разновременных периода, то нам придется произвести ряд исчислений, а именно: исходя из данных количественного учета за первый из рассматриваемых периодов, пересоставить учет в ценах позднейшего из сравниваемых периодов; так, например, стоимость зданий должна быть переоценена по позднейшей стоимости постройки, запас и расход материалов и топлива по твердым или вольным ценам позднейшего периода, расход на рабочую силу по ставкам позднейшего периода, выход и сдача готовых продуктов опять-таки по позднейшим ценам. Подобная переоценка, некоторые подробности которой разработаны во втором докладе, посвященном настоящей теме, с известной приблизительностью даст нам два баланса, где количественные данные состояния имущества и оборотов будут расценены по ценам одного периода. Однородность этих данных даст возможность пользоваться ими как данными обычного бухгалтерского учета с известной приблизительностью.

В связи с изложенными предположениями представляется весьма существенным обратить особое внимание на метод определения твердых цен, на правильность установления и на об'единение их

в таком духе, чтобы устанавливаемые твердые цены действительно были показателями трудовых затрат общества на производство или добычу расцениваемого предмета. Это тем более существенно, что если процесс обобществления будет развиваться далее, то твердые цены должны будут охватывать все больше и больше ценностей хозяйственного оборота, пока, наконец, не сделаются единственной его учетной формой.

С. В. Воронин.

Балансы национализированной промышленности при падающем курсе рубля.

Доклад Е. С. Лурье, прочитанный 15 сентября 1919 г.

Бухгалтерский баланс имеет своей задачей представить итог ценностей, находящихся к определенному моменту в распоряжении данного предприятия.

Баланс национализированной промышленности должен дать представление о ценностях, находящихся к определенному сроку в распоряжении каждого данного предприятия, центра или главка, об'единяющего группу предприятий и всего государства, как владельца национализированной промышленности.

Необходимо предварительно уяснить себе, каково влияние изменения собственника отдельного предприятия и всей промышленности в государственном масштабе на судьбу баланса. Оставаясь на формальной точке зрения, не входя в экономическую оценку результатов работы национализированной промышленности, мы должны сказать, что баланс промышленных предприятий, принадлежащих социалистическому государству, должен разрешить ту же задачу, что и баланс капиталистического предприятия или сводный баланс капиталистической промышленности. Он должен дать представление о всех ценностях, которыми владеет государство в качестве собственника промышленных предприятий. И этот факт перехода собственности от массы физических лиц к единому юридическому лицу—государству—сам по себе не может изменять роли и задачи баланса в бухгалтерском смысле этого термина.

Раз мы так определяем задачу баланса национализированной промышленности—будем ли мы говорить о балансе отдельного предприятия или о сводном балансе группы предприятий или отраслей промышленности, об'единяемой главками и центрами, или сводном балансе всей социалистической промышленности, мы должны этот

баланс непременно выразить в общепризнанном мериле ценности, имеющем устойчивый курс и не обнаруживающем тенденции к колебанию. Но при нынешних условиях, когда русский рубль проявляет непрерывное стремление к падению, выражение отдельных статей баланса и всего его итога в рубле не даст, в сущности, ответа на пред'являемый вопрос, и баланс его не разрешает самой задачи, ибо рубль в очень слабой степени, в особенности в течение последнего года, выполняет одну из своих основных функций: мерила ценности.

В самом деле: можно ли сводить к одному итогу такие статьи баланса как касса, текущие счета и все вообще статьи денежного характера, а, с другой стороны, реальные статьи, статьи имущественные. Трудность не в оценке имущества, ибо это вопрос техники: можно условиться, что в основу оценки имущества будут положены те или иные определенные методы, и что эти методы будут однообразны для всех балансов национализированной промышленности. Но тогда, очевидно, как отдельные статьи баланса, так и окончательный его итог нужно будет толковать с очень большими оговорками, лишающими всякого значения единицу измерения, ибо в том и заключается основной смысл денежной единицы, как мерила ценности, что он упрощает весь процесс оценки. А между тем, в эпоху колебания денежной единицы и того головокружительного падения, свидетелями которого мы все являемся, о денежной единице, как о мериле ценности, говорить не приходится.

Указание на то, что, ведь, составлялся у нас баланс предприятий при колеблющейся денежной единице в 1915, 1916 и 1917 гг. и что тогда вопрос о возможности составления баланса в рубле не брался под сомнение, нисколько не изменяет положения. Конечно, и в 1916 и в 1917 гг. баланс следовало принимать с очень большими оговорками. Но теперь, после тех колебаний, которые русский рубль проделал в течение 1918—1919 гг., эти оговорки сделались столь значительными, что от рубля, как единицы измерения, как масштаба, остается, в сущности, очень немного и тут можно сказать, что количество переходит в качество, и что настал момент, когда мы вопрос о целесообразности составления баланса в падающем рубле и о роли такого баланса должны поставить совершенно определенно.

В докладе С. В. Воронина было указано, что в нашем распоряжении нет других способов выражения баланса, кроме измерения всех его статей в данной единице. Попытки обратиться к трудочасу

по соображениям, в этом докладе изложенным, не могут быть признаны удачными. В виду этого мы стоим перед вопросом: как же быть?

Совершенно очевидно, что баланс, который имеет окончательной своей целью на основании итога ценностей, находящихся в распоряжении владельца предприятия, сопоставлять успешность работы данного предприятия с работой того же предприятия в другой период времени или с работой других разнородных или однородных предприятий за тот же период времени в другом районе, что эти задачи могли быть правильно поставлены и разрешены лишь при наличии однообразной единицы измерения. Рассуждая теоретически, мы эту чисто сравнительную задачу баланса могли бы разрешить в том случае, если бы установили ряд технических способов, однообразных для всех предприятий страны по условному определению статей их баланса в колеблющейся денежной единице. Но эта задача сравнительного сопоставления работы и ценности ряда предприятий может быть разрешена некоторыми другими методами, к которым мы вернемся ниже. Здесь же необходимо подчеркнуть, что не относительное, а абсолютное значение баланса, как свода ценностей, находящихся в распоряжении владельца предприятия при колеблющемся рубле, весьма сомнительно. Падающий курс рубля создает очень зыбкую почву для баланса всякого рода предприятий, как государственных, так и всяких иных. Если и можно сейчас технически составить баланс, если падение курса рубля не сказалось на самом методе составления баланса, то анализ баланса в настоящих условиях требует столь многих оговорок и пояснений, что баланс, как таковой, в значительной степени лишается основных своих функций.

Необходимо помимо того иметь в виду, что составление баланса национализированной промышленности, как в общегосударственном масштабе, так и в пределах отдельных главков и центров и т. д., теряет долю своего практического значения еще и потому, что для подавляющего большинства предприятий, для целого ряда отраслей промышленности отсутствует ликвидационный баланс не только на середину 1918 г., когда совершалась национализация промышленности, но нет баланса на 1 января 1918 г. Таким образом, если подходить к балансу, как материалу для сопоставления результатов деятельности промышленности в социалистических условиях и при капиталистическом режиме, и для того придумывать целый ряд технических методов, облегчающих составление баланса национализи-

рованной промышленности при падающем рубле, то окажется, что, за отсутствием материала для сравнения, эту работу сделать нельзя будет. Таким образом, баланс национализированной промышленности, не имеющий абсолютного значения, как свод ценностей, которым располагает государство в данный момент, лишается также значительной части своей роли, как метод сопоставления итогов работы в различные периоды времени.

Для разрешения стоящей перед нами проблемы необходимо также иметь в виду то положение, в котором находится счетоводство национализированной промышленности. Насколько известно, отдельные главки и центры давали самые разнообразные инструкции по счетоводству для подчиненных им предприятий. Мало того, есть целый ряд главков и центров, которые к вопросам отчетности проявляли индиферентное отношение, а потому в пределах одних и тех же главков и центров, в пределах одной и той же промышленности форма отчетности различна. Если же принять во внимание общие условия, в которых совершалась национализация нашей промышленности, и тот развал административного аппарата, который всем достаточно известен, то говорить о сколько-нибудь удовлетворительных материалах для отчетности не приходится. Ведь не надо забывать, что лишь в самое последнее время сделана попытка унифицировать форму счетоводства и отчетности всей нашей национализированной промышленности. Ведь только 4 августа с. г. президиумом Выссовнархоза утверждена форма баланса национализированных предприятий и инструкция Финансово-Счетного Отдела по составлению баланса и учета производств национализированных предприятий. Но эта форма баланса нисколько не разрешает материального вопроса об отчетности, ибо на эту форму отчетности наша национализированная промышленность фактически будет в состоянии перейти еще не так скоро. Потребуется долгий промежуток времени, покуда форма, утвержденная Финансово-Счетным Отделом Совнархоза, попадет через главки и центры в предприятия. И, таким образом, расчитывать на то, что у нас будет по отношению к 1919 г. однообразный материал для отчетности и составления баланса, не приходится. Эти чисто фактические обстоятельства должны послужить лишним доказательством в пользу того, что при нынешнем положении, при падающем курсе рубля и при общем состоянии национализированной промышленности баланс, как таковой, теряет значительную часть своего смысла.

Пока декрет о расчетных операциях фактически невозможно

будет осуществлять в России, до тех пор, вместо книговых записей и натурального обмена, совнаркозам, главкам, центрам и отдельным предприятиям придется оценивать весь свой баланс и все своё имущество именно в рубле, к тому же беспрерывно падающем; до тех пор и интересующий нас вопрос о роли баланса при падающем курсе денежной единицы не утрачивает своего значения.

Обращаясь к утвержденной президиумом Совнархоза форме баланса учреждений и предприятий Совнархоза, следует сказать, что, несмотря на то, что она с внешней стороны приспособлена к изменившимся условиям и что вся отчетность построена на началах бюджетно-сметных, тем не менее, вопрос о рубле, как единице измерения всех статей, не утрачивает своего значения и для социалистической формы счетоводства и для социалистической формы баланса. Надо только прибавить, что целый ряд отдельных указаний и инструкций по составлению баланса и учета производства национализированных предприятий, несомненно, еще более затрудняет положение и не вносит ясности в вопрос об оценке статей баланса. Так, например, обращаясь к активу и останавливаясь на первой рубрике его «имущества», мы усматриваем, что статья 10 инструкции гласит: «леса, земли, недра, как общегосударственное достояние, в балансах учреждений и предприятий Совнархоза учитываются не на праве собственности, а как имущество, вверенное на предмет эксплоатации или сохранения». Редакция этой статьи инструкции совершенно не ясна. Либо перечисленное имущество вовсе исключается из баланса, либо оно должно быть включено в него, как один из составных элементов. Третья возможность исключена—представить себе такое положение, что в балансе в качестве имущества будут показаны ценности, предоставленные данному учреждению или предприятию для сохранения или эксплоатации, было бы, конечно, неправильно, а между тем цитированная ст. 10 говорит именно о сохранении или эксплоатации. Но ведь ясно, что, учитывая имущественное положение данного предприятия, сопоставляя его производительность с производительностью однородных предприятий в другом районе страны, мы всегда должны будем сообразоваться с размерами, с качеством и т. д. земельных участков, недр и лесов, которые находятся в эксплоатации данного предприятия или учреждения, и думается, что изменение формы собственника национализированных ныне предприятий, переход их из частных рук в руки государства, нисколько не изменяет существа дела. Неясность этой ст. 10, о которой, несомненно, последует целый ряд запросов

с мест, осложняет совершенно выражение баланса в какой бы ни было единице ценности. Для того, чтобы можно было выразить баланс, хотя бы для какой-нибудь служебной цели, в падающем рубле, совершенно необходимо установить определенную систему твердых цен на земельные участки, недра и леса, передаваемые государством в эксплоатацию тем или иным предприятиям. При таком положении и если эти твердые цены будут пересматриваться одновременно с другими твердыми ценами, получится возможность выражения баланса хотя бы в падающем рубле. Такую же оценку необходимо было бы сделать в отношении изданий, технических сооружений и всех других статей баланса, на которые до этих пор твердых цен не существует.

Если это будет установлено, то тогда возможно будет, значит, свести к одной единице измерения и тогда станет возможна об'ективная оценка в рубле разнообразных статей учета инвентаря, производства и эксплоатации, кредитов и расчетов. Но, повторяю, это абсолютное значение баланса, выраженного в падающем рубле, будет всегда нуждаться в очень многих оговорках и, в лучшем случае, может быть использовано для сравнения не столько имущественного положения, сколько производительности предприятия. Но последняя задача может быть достигнута еще другими путями.

Обращаясь к другим статьям инструкции Совнархоза, поскольку она затрагивает тему нашего доклада, мы хотели бы указать, что основная цель баланса бюджетно-сметного счетоводства, по мнению автора инструкции, слагается из трех категорий: а) определение имущественного положения хозяйства, б) систематическое сопоставление доходов с расходами, выявляющееся в порядке хозяйственных операций, в) определение себестоимости изготовленных продуктов производства.

Останавливаясь на этих трех задачах, мы должны сказать, что, в сущности говоря, только первая из них—определение имущественного положения хозяйства—является основной задачей баланса в специальном значении этого термина, а две других задачи являются дополнительными и входят, как это обычно принято в счетоводстве, в другие части годового или периодического отчета предприятия. Думается, что переход нашей промышленности от порядка банковского кредитного финансирования на бюджетно-сметное нисколько не изменяет этого положения. Мы останавливаемся на этой стороне дела потому, что она имеет непосредственное отношение к нашей теме. Если, как выше уже указывалось, определение имуществен-

ного положения данного хозяйства при наличии баланса, выраженного в падающем рубле, и может быть достигнуто с большими оговорками, то две другие задачи—систематическое сопоставление доходов с расходами и определение себестоимости изготовленных продуктов производства—могут быть разрешены другими путями. Но для того необходимо предварительно принять ряд мер, которые внесли бы ясность и определенность в форму баланса, утвержденную Совнархозом. Эти меры касаются, главным образом, рубрики «а» (статьи «имущество») в балансе Совнархоза, на чем мы уже останавливались выше. В результате этих мероприятий получится возможность учесть все основные элементы предприятия в колеблющейся денежной единице. С этой оговоркой возможно будет систематическое сопоставление доходов и расходов как одного и того же предприятия за различный промежуток времени, так и разных предприятий одной и той же группы за определенный период. Эти же условия дадут возможность определить себестоимость изготовленных продуктов производства.

Но, независимо от этого, так как результат всех подсчетов получится в денежной единице и итоговые суммы будут составляться из сложения по существу разнородных, разнокачественных денежных единиц, как, например, рубля в январе 1919 г. и рубля в августе 1919 г., представляется совершенно необходимым ввести коррективы для сопоставления как доходов с расходами, так и производительности в виде таблиц и ведомостей, выраженных в единицах меры и веса и т. д. Эти таблицы и ведомости приобретают теперь тем большее значение, что баланс и отчетные статьи, выраженные в рублях, не дадут правильного представления о настоящем положении дела не только потому, что они составлялись из сложения разноценных рублей, но и потому, что в балансе, скажем, какого-нибудь металлургического главка или центра будут складываться рубли самарские с московскими, петербургскими и курскими рублями, ценность которых в разных местах страны достаточно различна, даже в один и тот же момент. В виду этого, значение статистических материалов, которые при постоянном курсе денежной единицы играли в отчетах лишь чисто вспомогательное значение и рассматривались как иллюстрация, приобретает в настоящее время роль бухгалтерского суррогата. Приходится констатировать, что в эпоху, когда нарушено правильное денежное обращение и заменено бумажными суррогатами, когда целый ряд основных продуктов заменяется тоже суррогатами, и бухгалтерия, нераз-

рывно связанная с финансами и экономикой страны, должна довольствоваться суррогатами. И для нее такими суррогатом будут статистические материалы, прилагаемые к отчетам и выраженные в единицах меры, веса, об'ема и т. д. Эти материалы позволят сделать сопоставление: а) относительно предприятий в разных районах страны за один и тот же промежуток времени, б) одного и того же предприятия или целой группы и за разные промежутки времени и в) производительности предприятия в условиях национализации и условиях капиталистического режима.

В виду того, что эти статистические ведомости при нынешнем положении приобретают особое значение, необходимо принять целый ряд мер к тому, чтобы на составление этих статистических приложений к отчетам, которые из приложения становятся основными частями отчета, было бы обращено должное внимание. Вследствие этого представляется целесообразным образовать при Финансово-Счетном Отделе Высшего Совета Народного Хозяйства особую комиссию, на которую должна быть возложена выработка формы статистических ведомостей отчетов для всех главков и центров. Независимо от этого для отдельных главков и центров придется установить специальные формы статистической отчетности, обусловленные специальной обстановкой и характером данной промышленности.

Эти статистические ведомости дадут нам в результате материал для характеристики производительности предприятий и для сравнения эффективности работы. Эти же ведомости послужат вспомогательным источником для ответа на вопрос о движении доходов и расходов, выраженных в реальных ценностях. И, наконец, если эти статистические ведомости не могут дать нам ответа на вопрос об имущественном положении главка, центра или всего Совнархоза в общей для всех отраслей промышленности единице измерения, то подобное значение они могут иметь.

Такими паллиативами придется пользоваться до тех пор, покуда не будет восстановлено денежное обращение или же покуда оно не будет совершенно уничтожено, уступив свое место социалистическому товарообмену и расчетным операциям национализированной промышленности, которые не будут знать денег. До тех же пор, пока будет существовать беспрерывно падающая или резко колеблющаяся валюта, без суррогата в отчетности обойтись нельзя будет.

Е. С. Лурье.

Роль денег в товарообмене.

Доклад В. Я. Железнова, прочитанный 25 июня 1920 г.

Вопрос о роли денег в товарообмене, казалось бы, настолько выяснен экономической теорией, что нет надобности поднимать его в специальном совещании, имеющем целью обсудить положение расстроенного денежного обращения и меры его улучшения. Но в настоящее время в руководящих общественных кругах сложился своеобразный взгляд на значение денег в народном хозяйстве. Ценность денег упала до размеров чрезвычайных и продолжает падать, угрожая полным обесценением—не беда, можно обойтись и без них и даже следует, ибо деньги—фетиш, ослепляющий невежественные и косные массы и сохраняющий свое обаяние только среди людей, зараженных застарелыми социальными предрассудками. Можно перевести все хозяйство на натуральные расчеты, распределять все, что кому нужно, из общественных магазинов, и потребности каждого будут удовлетворены не хуже прежнего.

В виду таких воззрений, имеющих, к сожалению, далеко не одно теоретическое значение, а оказывающих известное влияние и на современную политику денежного обращения, представляется не лишним остановиться, хотя бы вкратце, на некоторых функциях денег. Такое рассмотрение основных денежных функций должно показать, что они не затрагиваются, казалось бы, радикальнейшими переменами в политическом и социальном строении общества, что их действие проявляется гораздо глубже, и что поэтому слишком рано говорить, не настал ли уже для современной России момент, когда деньги становятся ненужной роскошью и могут быть заменены иными, более рациональными, способами распределения.

Деньги рождаются из общественного разделения труда. Это ясно понимал и отчетливо формулировал еще Платон, а в совре-

менной политической экономии, с особенным ударением, отметил Ад. Смит. В трудораздельном хозяйстве, по его известным словам, «всякий человек... живет обменом или становится в известной мере купцом, а само общество вырастает в нечто такое, чем бывает собственно коммерческое общество» *).

Дело здесь не в разделении труда самом по себе. Разделение труда может проводиться довольно далеко и в замкнутом хозяйстве натурального типа. Возбуждение к обмену создается не одним обособлением видов занятий, но и разделением интересов, образованием юридически самостоятельных хозяйственных единиц, ограниченных друг от друга большим или меньшим кругом хозяйственной деятельности, «чтобы производить товар, надо производить не только потребительные стоимости, но потребительные стоимости для других, общественные потребительные стоимости... В совокупности всякого рода потребительных стоимостей или товаров проявляется настолько разнообразная совокупность полезных работ, разнообразных по роду, виду, семейству, подвиду, разновидности, другими словами—проявляется общественное разделение труда. Без него не может быть производства товаров, хотя нельзя сказать наоборот, что производство товаров есть необходимое условие разделения труда. В старинной индийской общине труд разделен, но продукты не становятся товарами... Только продукты самостоятельных и друг от друга независимых частных работ являются товарами, которые могут быть обменены один на другой»... «Товары не могут сами отправляться на рынок и выменивать само собою»... «Чтобы сопоставить вещи, как товары, хранители товаров должны относиться друг к другу, как лица, воля которых пребывает в их вещах, так, что каждый только на основании своей собственной воли и воли другого, оба, следовательно, на основании их общей воли, присваивают себе чужой товар тем, что отчуждают собственный. Они должны, следовательно, признавать друг друга частными собственниками. Это юридическое отношение, форма которого есть договор, законно или незаконно совершенный, есть только волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дается самим экономическим отношением» **).

То же самое подчеркивает и Гельферих в своей известной

---

*) Wealth of Nations, Book I, chap. IV. Изд. Cannan'a vol. I. стр. 24.
**) К. Маркс. Капитал, 2-е изд. т. I. Спб. 1898, стр. 6—8 и 47.

книге. Денежное обращение предполагает, как всякий обмен, «комбинацию разделения труда и частной собственности», а не «один какой-либо из этих фактов сам по себе» *).

Обычно при анализе роли денег в товарообмене останавливаются на этом утверждении и переходят прямо к характеристике денежных функций в условиях современного хозяйственного строя или, вообще, строя, предполагающего господство принципа частной собственности, в противоположность изолированному натуральному хозяйству старого времени и мыслимым формам коммунистического хозяйства. Но раздельность интересов и потребность менового оборота выступает весьма справедливо и в социалистических формах хозяйства, допускавших самостоятельность доходов отдельных лиц. Поэтому круг применения рациональных форм товарообмена чрезвычайно широк, тем более, что самые коммунистические формы общества только теоретически могут мыслиться вполне в чистом виде, а в реальном проявлении необходимо должны включать в себя различные уступки и компромиссы. Во всяком случае, целый ряд социалистических систем, допускающих самостоятельные доходы, необходимо требует при их рациональном осуществлении применения денег, как наиболее удобного способа реального использования предоставленного права на доход.

В таких социалистических системах, как справедливо отмечает М. И. Туган-Барановский, распределение продуктов обязательно совершается при помощи той или иной системы денег, хотя бы только идеальных: каждая отдельная личность расходует свой доход—потребляет в пределах ценности, которой располагает, для чего требуется, в свою очередь, точное сравнение ценности потребляемой вещи с общей ценностью дохода потребляющего лица и расходование этой последней ценности данным лицом для приобретения предметов потребления. Поэтому при системах этого типа предметы потребления должны иметь свою цену, цена же должна быть выражена в каких-либо единицах. Иными словами, деньги, как мерило цен и как покупательное средство, являются в системах этого типа необходимым орудием распределения продуктов **).

Таким образом, разделение труда и разделение интересов, хотя бы только в форме самостоятельных доходов, неминуемо приводят к необходимости пользования деньгами. Господство

---

*) Helfferich. «Das Geld» 2 Aufl. Leipzig. 1910. Стр. 218.

**) М. И. Туган-Барановский. Социализм, как положительное учение. Петроград, 1918 г. Стр. 19.

принципа частной собственности в общественном строе вовсе не есть необходимое условие для товарообмена и применения к нему денег. Частная собственность может быть значительно урезана, все люди, занятые хозяйственной деятельностью, могут быть превращены в государственных чиновников, получающих свой доход, как казенное жалованье, но, пока за ним будет признано право на свой личный, определенный доход, раздельность интересов останется, а с ней и вытекающие из нее весьма важные социальные следствия.

Раздельность интересов—будет ли она сохранена в сравнительно узком или более широком кругу—есть форма проявления индивидуальной свободы. Она означает свободу хозяйственного выбора, свободу действия в очерченных для нее границах. Она может распространяться на все хозяйственные действия, и тогда она предполагает широко развитой строй частной собственности, но, как было указано, она будет существовать и при простом предоставлении отдельным лицам права распоряжения получаемым им доходом, т. е. и в социалистическом государстве, поскольку в нем будет признано это право. А так как в современной Росси право лица на доход пока не оспаривается, то значит не отрицается (а, напротив, должно быть признано желательным) предоставление лицу возможности наиболее рационального использования его права.

Вот здесь то мы и встречаемся с одной из основных функций денег.

Характерной чертой трудоразделъной организации общества представляется, что при ней для каждого работника упрощается и суживается его труд и, вместе с тем, усложняется и разнообразится доход. Вопрос выбора в труде сводится к определению своего призвания, часто на всю жизнь, вопрос же о выборе в пользовании доходом составляет повседневную задачу. Если трудно судить за другого, к какому делу он пригоден, а рациональнее предоставить ему самому разобраться в выборе профессии, лишь облегчая и помогая ему в этом деле, то еще труднее заранее определить для человека круг конкретных предметов, удовлетворяющих его текущим потребностям. Передача доходов в натуре тем труднее, чем дальше проведено в обществе разделение труда, чем сложнее, разнообразнее и обширнее общественное производство и чем культурнее и разнитее привычки и вкусы потребителей. Обеспечить рациональное распределение продукта общественного производства между членами общества какой-либо принудительной нормой невозможно, тем более, что при всем обилии производительности того

или иного общества его запасы хозяйственных благ, идущих в распределение между членами, не могут быть безграничными. Следовательно, сама хозяйственная необходимость требует предоставления свободы выбора в распоряжении доходами. Само собою разумеется, что эта свобода выбора не может быть беспредельной и обусловливается размером производительности данного общества. Наилучшим способом обеспечения такого свободного выбора и представляется передача лицу абстрактного права на доход в виде определенной ценностной величины, указывающей его долю в общей массе чистого дохода общества. Наиболее же рациональной формой выражения ценностной величины получаемого лицом дохода являются деньги, почему без денег нельзя обойтись при любой форме политической и социальной структуры общества, признающей самостоятельные доходы, если только в нем не отрицается необходимость рационального устроения экономических отношений — допущение, которое представлялось бы нелепостью.

Кстати сказать, рациональное выражение доходов требует не только денежной формы, но и рационального устройства самого денежного обращения, т. е., прежде всего, денег с устойчивой покупательной силой. Уплата доходов в деньгах с резко и быстро падающей покупательной силой не только суживает свободу выбора в пользовании доходом, но обычно превращается в экспроприацию самого дохода, ибо доход, выраженный в таких деньгах, имеет непреодолимую тенденцию ущербляться и может в пределе дойти до нуля, быстро приближаясь к этому пределу, — картина, которую нам приходится наблюдать в наше время. Пополнение убывающей части денежного дохода его натурализацией, как показывает и переживаемый опыт, может заделывать лишь некоторые бреши, оставляя многие и самые необходимые потребности неудовлетворенными. Конечно, в наше время нельзя не считаться с крайним товарным оскудением, но и в наилучших мыслимых обстоятельствах натурализация дохода означала бы сужение свободы потребления, навязывание человеку того, что ему — по крайней мере в данный момент — лишнее, и, наоборот — лишение того, что отвечало бы его привычкам и вкусам.

Говоря коротко, превращение денежного дохода в натуральный есть лишение свободы, тягостное для получающего доход и нерациональное с точки зрения интерессов народного хозяйства, как целого. Здесь функции денег, как всеобщего эквивалента и орудия обращения, выступают в их положительной общественной роли,

создавая условия наиболее рационального и справедливого (при прочих равных условиях) распределения чистого дохода общества между его членами. «Только деньги, говорит Гельферих, дают возможность поставить труд и капитал отдельного лица при сохранении его хозяйственного самоопределения на службу целого и, с другой стороны, снабдить его из произведения целого предметами, удовлетворяющими его потребностям, короче, только деньги делают возможным осуществляемый в нашем хозяйственном строе компромисс между личной свободой и общественной организацией» *). На эту роль денег обратила особенное внимание новейшая литература денежного вопроса, в Германии—философское направление в теории денег (Зиммель, К. Сода, японец по происхождению, но писатель немецкий), у нас, следуя за ним, покойный А. М. Рыкачев (который практически делал из этих положений несколько, на мой взгляд, поспешные выводы, по существу же, в основе был вполне прав). Любопытно отметить, что, совершенно независимо от каких бы то ни было направлений в теоретической разработке денежного вопроса, эту сторону денег с чрезвычайной яркостью охарактеризовал у нас еще Ф. М. Достоевский в «Записках из мертвого дома», быть может, потому, что она сильно давала себя чувствовать в обстановке каторжной жизни, где вопросы свободы и именно свободы бытовой, житейской передумывались с особенной остротой.

«Деньги есть чеканная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдесятеро. Если они только брякают у него в кармане, он уже вполовину утешен, хотя бы и не мог их тратить. Но деньги всегда и везде можно тратить, тем более, что запрещенный плод вдвое слаще». И дальше: «Деньги... имели в остроге страшное значение, могущество. Положительно можно сказать, что арестант, имевший хотя какие-нибудь деньги в каторге, в десять раз меньше страдал, чем совсем не имевший их, хотя последний обеспечен тоже всем казенным, и к чему бы, кажется, иметь ему деньги,—как рассуждало наше начальство. Опять-таки, повторяю, что если бы арестанты лишены были всякой возможности иметь свои деньги, они или бы сходили с ума или мерли бы, как мухи (несмотря на то, что были во всем обеспечены), или, наконец, пустились бы в неслыханные злодейства... К деньгам арестант жаден до судорог, до омрачения рассудка, и если действительно бросает их, как щепки, когда кутит, то бросает за то, что

*) Helfferich, «Das Geld». Стр. 292.

считает еще одною степенью выше денег. Что же выше денег для арестанта? Свобода или хотя какая-нибудь мечта о свободе...»*).

Конечно, можно мыслить общество, для которого почему-либо было бы желательно искоренить даже те последние обрывки свободы, какие власть дореформенной России оставляла для каторжан. Но и для такого общества должен был бы сохранить значение собственный экономический интерес, расчет выгоды в устроении его хозяйственных дел, и расчет этот неминуемо должен был диктовать ему иную политику по отношению к деньгам. Дело в том, что свобода выбора на товарном рынке гарантирует не только максимум удовлетворения для покупщиков, но и возможную экономию товарного производства. Распределение имеющихся трудовых сил между различными отраслями хозяйства наиболее рационально достигается по указанию общественного спроса, единственным языком которого может быть только денежная цена. Когда говорят о регулировании производства по учету действительных потребностей общества статистическими наблюдениями над потреблением конкретных товаров, обыкновенно упускают из вида те индивидуальные уклонения в потреблении, которые имеют решающее значение и для размеров самого производства. Если строить потребление по «среднему» типу, то необходимо в значительной мере увеличить общую сумму производства. При сохранении же прежней суммы придется фатально уменьшить сумму удовлетворения, получаемую лицом от его дохода. Если лицо получает в год известную денежную сумму, скажем, шестьсот рублей или шесть тысяч, оно само распределяет свои расходы между различными потребностями по степени их настоятельности. Если же реальный состав его дохода будет определяться за него, на основании средних цифр потребления всего населения или данной профессиональной группы, то в него пришлось бы включить многое такое, на что он сам не счел бы возможным нести расход или вообще или в текущем году и, значит, соответственно сократить степень пользования по другим статьям его дохода. Я в нынешнем году мог бы не покупать костюма, шляпы, мебели, но мне очень нужно было бы купить белья и то не всякого, а, например, хотя бы одних рубашек и носовых платков, а другой, напротив, очень бы желал обновить костюм, но не нуждался бы в носовых платках и рубашках, и если бы обоим нам было предоставлено сделать выбор самим, расходуя наши денежные доходы, мы устрои-

*) «Записки из мертвого дома». Ф. М. Достоевского.

лись бы одинаково удобно и нашими закупками сообщили бы и надлежащее направление мануфактурной промышленности. Если же бы нас стали довольствовать натурой, то или каждому из нас пришлось бы дать и по костюму, и по дюжине рубашек, и носовых платков, что создало бы излишнее бремя для общественного производства, а при невозможности нести его привело бы к выдаче соответственных продуктов по жребию или, еще хуже, по созданным специально для этого случая привилегиям одних и умалению прав других. В конечном же результате один из членов общества остался бы совершенно неудовлетворенным при сравнительно слабом избыточном удовлетворении другого члена, снабженного привилегией. И главная задача распределения продуктов сводилась бы при таком порядке вещей не к тому, сколько нужно дать, а сколько у каких групп общества отнять, чтобы иметь возможность удовлетворить остальных.

Если денежная форма дохода дает наиболее совершенное выражение общественному спросу, то при ней же достигается и наиболее рациональное приспособление к имеющемуся предложению товаров.

При сравнительно небольшом предложении товаров цены на них должны естественно подниматься, и это приведет к тому, что из группы покупателей отпадут все те, для которых это повышение представляется невыгодным, которые предпочтут ему иное употребление соответственной части своего дохода, и останутся лишь те, которые согласятся для удовлетворения данной потребности пожертвовать другими, в их глазах, менее важными. Равным образом, при сокращении спроса на некоторые товары, понижение их расценок привлечет к ним некоторых покупателей, которые при понизившейся цене их найдут возможным предпочесть приобретение их покупке других предметов, ставших, вследствие этой перемены, еще менее ценными для них. Этот тонкий и чувствительный анахронизм товарного рынка не может быть заменен никаким внешним регулирующим аппаратом, ибо суть дела здесь не в одних средних величинах, но и в надлежащем распределении общей суммы продукта между отдельными лицами соответственно их индивидуальным потребностям. Только здесь идут от периферии к центру, а не от центра к периферии. Центр здесь—начало воспринимающее, а не побуждающее, и ему надо зорко присматриваться и чутко прислушиваться к тому, что совершается в глубинах народно-хозяйственной жизни, и, сообразно с этим, вести свою регулирующую работу.

Конечно, превосходство денежного дохода над натуральным проявляется резко только при эластичности спроса, при условии, что данное общество в состоянии обеспечить своих членов сверх самых необходимых, чисто животных, потребностей. Если бы все общественное производство свелось к добыванию немногих видов самых необходимых пищевых продуктов в количестве, еле хватающем для самого скудного пропитания, то расчеты были бы просты, и натуральная система была бы как раз по плечу такой общественной организации. Но и такое состояние было бы возможно только при полном возвращении к условиям примитивного быта с его сравнительным обилием даров природы. В современных обществах, при известной степени густоты населения и проявлении действия так называемого закона уменьшения земледельческого продукта, уже одно снабжение всех членов общества предметами первой необходимости становится довольно трудным и сложным делом и требует рациональной организации хозяйства, которую также невозможно наладить без помощи денег. Всякое рационально поставленное хозяйство требует учета. Но что такое учет хозяйства, как хозяйства, т. е. экономической стороны той или иной человеческой деятельности. Это есть, прежде всего, некоторое ценностное сравнение, подведение баланса доходов и расходов, которое опять-таки немыслимо без денег. Безденежный учет хозяйства превратил бы все хозяйственное счетоводство в необозримый ряд инвентарных записей, в итоге которых никак нельзя было бы определить, правильно или неправильно ведется данное дело с экономической стороны, ибо без общего знаменателя, без общей единицы меры хозяйственного значения всех разнообразных предметов, занесенных в инвентари, никакое общее суждение о хозяйственных результатах дела невозможно. Вот почему всякое хозяйственное счетоводство ведется на денежные суммы, и баланс выводится также в результате сравнения денежных величин, благодаря которым только и возможно сравнение издержек и выручки, расходов и доходов. Значение денег, как всеобщего показателя цен, выступает здесь особенно отчетливо, подчеркивая неразрывность употребления денег и рационального ведения всякого хозяйства. Трудно представить себе, каким образом была бы устроена отчетность национализированных предприятий и чем определялись бы взаимные отношения друг с другом, если бы все предметы, входящие в них и выпускаемые ими, отмечались бы лишь в натуре, без всякой денежной оценки. Путаница, которая неизбежно возникла бы при таком порядке, неми-

вуемо привела бы к тому, что деньги, как счетная единица, возродились бы в той или иной форме.

Здесь опять-таки нельзя не отметить, что рациональная постановка учета требует и рациональных денег, т. е. денег с устойчивой покупательной силой, ибо при падающей валюте всякая калькуляция будет проблематичной сверх допустимой меры (что наблюдается опять-таки в наше время, когда составление хозяйственных смет стало делом почти безнадежным). Легкость отношения к деньгам, как элементу хозяйственной организации, часто вытекает из недостаточного внимания к тому, что составляет суть всякого хозяйства,—к ценностному сравнению хозяйственных благ. Даже совершенно изолированный хозяин, который ничего не покупает и не продает, должен, однако, оценивать свои продукты и средства производства, т. е. производить ценностное сравнение между ними, если он желает установить правильное отношение между своими затратами и выручкой. Этот случай, как справедливо замечает Зиммель, только подтверждает общее положение, что всякое хозяйство есть некоторое взаимодействие и именно взаимодействие в специфическом смысле обмена, пожертвования одной вещью ради другой. «Ибо всякое взвешивание, оправдывает ли определенный продукт определенный расход труда или иных благ, есть для хозяйствующего суб'екта совершенно то же самое, как при обмене предшествующая оценка того, что отдают, сравнительно с тем, что покупают»*).

Иначе говоря, хозяйство невозможно без сравнения ценностей, сравнение же ценностей предполагает некоторую меру, т. е. опять-таки деньги. Всякая ценность имеет относительное значение и устанавливается, определяется только сравнением между вещами. Одно—желание вещи, возвращаюсь опять к превосной характеристике Зиммеля, еще недостаточно для определения ее ценности. «Ибо практической, т. е. входящей в движение хозяйства, ценностью желаемый предмет становится только в силу того, что желаемость его сравнивается с желаемостью другого и через это вообще получает некоторую меру. Только тогда имеется второй об'ект, о котором я знаю, что я могу дать его за первый или первый за него, каждый из них приобретает некоторую обозначенную хозяйственную ценность. Отдельная единичная ценность столь же мало первоначально существует для практики, как единое для сознания

*) G. Simmel. «Philosophie des Geldes». 2-е изд. Leipzig. 1907. Стр. 35.

С различных сторон было указано, что два старше одного. Куски разломанной палки требуют слова для выражения множественного числа, целое же есть просто «палка», и повод обозначать его «единой» палкой представится лишь тогда, когда две палки будут рассматриваться в каком-либо отношении друг к другу. Так и простое желание какого-либо об'екта не приводит еще к тому, чтобы он имел хозяйственную ценность, ибо в себе самом он не находит требуемой для этого меры: только сравнение желаний, т. е. обмениваемость их об'ектов, фиксирует каждого из них, как определенную по своей высоте, следовательно хозяйственную, ценность» *). А раз нужна мера, то общество будет инстинктивно стремиться найти для нее наиболее подходящую форму, и такой формой и явились деньги, в которых функция посредничества в товарном обмене и выражения ценности товаров осуществляется наиболее чистым образом. Главный смысл замечательного анализа процесса образования денег у Маркса заключается именно в том, что общество после ряда последовательных проб останавливается, наконец, на некотором всеобщем эквиваленте, противополагаемом, как нечто своеобразное всей пестрой массе сравниваемых с ним товаров. «Деньги это—кристалл, который неизбежно образуется в процессе обмена товаров, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются один к другим и этим фактически превращаются в товары. Историческое развитие обмена и вширь и вглубь все более и более придает продуктам труда характер товаров и, вместе с тем, развивает присущую их природе противоположность между потребительною и меновою стоимостью. Необходимость дать внешнее выражение такой противоположности для целей торговых сношений стремится породить самостоятельную форму товарной стоимости и до тех пор не успокаивается, пока такая форма не будет, наконец, достигнута, вследствие раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, по мере того, как происходит превращение продуктов труда в товары, совершается, вместе с тем, и превращение товара в деньги». Сюда Маркс присоединяет характерное примечание: «Поэтому можно судить о проницательности мещанского социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время уничтожить противоречие денег и товара, следовательно, и самые деньги, так как они существуют только, как результат этого противоречия. Это все равно, что уничтожить

*) Там же. Стр. 47—48.

папство, оставив католицизм»,*). Или, как указывает Зиммель, необходимость для образования обыкновенной ценности установления известного расстояния между суб'ектом и вещью наилучшим образом воплощается в денежном обмене. Деньги реализуют в себе общую философскую формулу, что вещи находят свой смысл друг в друге, и что взаимность условий, в которых они находятся, образует их бытие и форму их бытия» **).

Нет надобности останавливаться на неудобствах, создаваемых отсутствием денег, в самом механизме товарного оборота—слишком уже они бросаются в глаза и слишком живо запечатлелись в сознании современного русского человека вынужденной практикой непосредственной мены. Но, может быть, нелишне отметить, что затруднения непосредственного товарообмена должны неминуемо приводить к сужению товарного рынка и всем вытекающим отсюда следствиям—сокращению поля применения разделения труда, гибели и невозможности нового налаживания крупного производства, к распылению общества на мелкие самодовлеющие хозяйственные единицы. При денежном обмене тяжесть товарного тела, его малоподвижность облегчаются непрерывным движением ценностных единиц, принимающих на себя значительную долю экономического трения в сношениях между отдельными хозяйствами. Товарный оборот есть, прежде всего, перемещение ценностей, не требующее, как известно, немедленного и непосредственного передвижения самих товаров в натуре. Перемещение ценностей из рук в руки может обойтись и без передвижения самих реальных носителей этих ценностей, а если передвижение товаров в натуре необходимо, то оно происходит тогда и в такие пункты, когда и где это представляется наиболее экономически выгодным. Медленно двигающиеся товары приобретают, благодаря деньгам, как наиболее ходкому представителю ценности, такую же быстроту ценностного перемещения, как и двигающиеся более быстро. При отсутствии денег это выравнивание скоростей ценностных перемещений не могло бы происходить, и в результате рыночный оборот свелся бы к сравнительно немногим товарам, которые, несомненно, должны были найти скорый сбыт, т. е. быстро находили бы себе подходящий ценностный эквивалент в натуральной форме товаров, непосредственно нужных для их обладателей. А скудость ассортимента на товарном рынке должна была

*) «Капитал», т. I. Стр. 49.
**) Г. Зиммель «Философия денег». 2-е изд. Лейпциг. 1907. Стр. 96.

бы повлечь за собой и упрощение форм производства. Такое установление близких и непосредственных связей между производителем и потребителем было бы в конечном счете невыгодно для того и другого и налагало бы стеснительные путы на всю хозяйственную деятельность общества. Деньги являются и здесь освобождающим фактором, открывающим более широкий простор развитию производительных сил. Производство, благодаря деньгам, получает возможность наиболее рационального территориального распределения, отделяясь от места потребления создаваемых продуктов, а с тем самым оказывается в состоянии проводить самую дробную специализацию занятий в пределах общей потребности весьма широкого рынка. Каждый специальный производитель имеет возможность немедленной реализации дохода сбытом продуктов на таком рынке, и это дает ему твердую точку опоры в проведении специализации своего дела до желательной степени. Обеспеченность сбыта продуктов за деньги может, таким образом, легко и без стеснения для хозяйственных деятелей поддерживать чрезвычайно сложную, многоветвистую систему общественного разделения труда. Взаимная зависимость всех отдельных хозяйственных деятелей при этом остается и чувствуется весьма живо, но, как справедливо замечает Гельферих, «чем больше развивается хозяйство.... тем меньше становится отдельное лицо зависимым от определенных других лиц; его зависимость относится, напротив, к неопределенной и безличной совокупности и «рынку». Эта совокупность не предписывает ему с резкой строгостью личной воли, что он должен делать и чего не должен делать; напротив, она руководит им, делая ему указания в сторону его собственной выгоды, согласно с которой он должен принимать свои решения, и это чувствуется, как свобода; с другой стороны, зависимость отдельного лица от больших совокупностей, чувствуемая не как свобода, есть важнейший принцип, на котором покоится общественная культура» *).

Конечно, крупное производство и общественное разделение труда продолжали бы существовать в руках общественной власти, снабжающей население некоторым кругом предметов первой необходимости, но мы видели уже, насколько затруднительным был бы ход этих предприятий при отсутствии общей счетной единицы. Словом, с какой стороны мы не стали бы подходить к хозяйству, отказавшемуся от помощи денег, мы увидели бы, что оно имеет

*) Helfferich «Das Geld». Стр. 246—248.

неопреодолимую тенденцию к «опрощению» и изоляции, превращению в ряд единообразных, хотя в своем роде и живописных, Робинзонад, сколько-нибудь сносных только в благодатном климате и среди роскошной природы далекого юга, а никак не на нашем угрюмом, неприветливом севере. Наконец, накопление и перемещение капиталов из рук в руки невозможно в сколько-нибудь широком об'еме без помощи денег. Совершенно ясна невозможность широкого развития кредита в хозяйстве, не знающем денег. Но и простое накопление средств, хранящихся в хозяйстве до поры до времени за невозможностью реализовать их в близкое время в предметах, необходимых для хозяйства, чрезвычайно стесняется, если такое накопление должно совершиться в натуральной форме. Здесь также нелишне отметить, что правильный ход накопления требует опять-таки рациональной постановки денежного обращения, т. е. денег с устойчивой покупательной силой. Во время войны и больших потрясений народной жизни, когда хозяйственная деятельность замирает, выжидая лучшего будущего, слои населения, имеющие возможность накоплять, образуют своими сбережениями большой резервный фонд для будущего хозяйственного строительства и для исцеления ран, нанесенных хозяйственным расстройством. В частности, даже в современной России, с перемещением центра тяжести накопления в крестьянские массы, накопление капиталов в деревне дало бы возможность с наступлением спокойных условий для хозяйственной деятельности преобразовать русское крестьянское хозяйство в сторону его рационализации и тем двинуть вперед и общее экономическое развитие России. При современных же условиях нашего денежного обращения, грозящих обесценить всю массу бумажного резерва, вся эта капиталообразующая сила современной деревни может превратиться в ничто.

Я ограничился немногими указаниями на роль денег в современном трудораздельном хозяйстве, имея в виду не исчерпать этот вопрос (сам по себе обширный и сложный), а лишь обратить внимание на то, что к деньгам нельзя относиться слишком легко, считая их несущественной принадлежностью хозяйственной жизни, без которой можно обойтись при новых формах социального строя, значительно урезывающих круг частно-правовых отношений. Я пытался показать, что дело здесь не в этих формах, а в самом фундаменте народного хозяйства, без которого немыслимы рациональные формы социального порядка. Деньги нужны постольку, поскольку есть нужда ставить хозяйство рационально; можно

мыслить, конечно, и иррациональные формы хозяйства, можно мечтать о временах величайшего изобилия, когда не за чем будет кропотливо считать и мерить хозяйственные ценности, а предоставлять всем и каждому беззаботно черпать, что захотят, из невидимо пополняемого общего запаса и, значит, совершенно позабыть о деньгах и денежном счете,—но сейчас едва-ли в России найдется человек, которому была бы охота предаваться таким мечтаниям.

В. Железнов.

Проблема денег и оценки в социализме.

Доклад З. С. Каценеленбаума, прочитанный 2 июля 1920 г.

I.

Россия подошла вплотную к практической постановке проблемы о дальнейшей судьбе денег и денежной системы. Возможно, что крайняя актуальность проблемы является результатом до некоторой степени случайного обстоятельства, того, что октябрьская революция унаследовала от прошлого основательно испорченное денежное обращение, что первые годы после октябрьской революции протекали в условиях бумажно-денежного хозяйства. Но как бы то ни было, в результате денежное обращение дошло до такого расстройства, при котором оставаться нельзя. Жизнь требует того или иного решения денежного вопроса. В то же время с полной очевидностью выступает разница в положениях, в которых находятся в отношении этого вопроса, с одной стороны, капиталистические страны Запада, а, с другой—перестраивающаяся на коммунистических началах Россия. Для Австрии, Германии и др. стран, страдающих от бумажно-денежной инфляции и находящихся в этом отношении в положении, весьма похожем на положение России, денежный вопрос в целом не вызывает сомнений. Для этих стран ясно, что их задача заключается в исправлении валюты, и речь может идти лишь о способах этого исправления. Для России встает предварительный принципиальный вопрос: следует ли, вообще, идти в сторону восстановления и исправления денежного обращения, или же задача заключается в полной ликвидации денег, как таковых, упразднении денежной системы в ее целом. Известно, далее, что среди руководителей экономической и финансовой политики Советского правительства преобладает второе течение.

Задача настоящего доклада заключается в том, чтобы осветить этот вопрос с теоретической стороны, выяснить то место, которое должны занимать деньги в социалистической системе.

Социалистической литературе нельзя сделать упрека в том, что она уделила мало внимания проблеме денег. Виднейшие социалисты XIX века—Прудон, Родбертус, Маркс и Энгельс—ставят проблему междухозяйственного обмена и, вместе с тем, денег в центре своего внимания. Маркс, разделяя в этом отношении судьбу Рикардо, начинает свои выступления в экономической литературе с разработки теории денег и уже от нее переходит к другим сторонам экономической теории. Первые работы Маркса: «Нищета философии», «Zur Kritik», первые главы «Капитала» посвящены исключительно или преимущественно денежному вопросу. И, тем не менее, на практический вопрос, поставленный жизнью перед практиками социализма, на вопрос о том, как быть с деньгами и денежной системой при переустройстве общества на социалистических началах, вся эта литература, в сущности, ясного и определенного ответа не дает.

Два направления мы можем заметить в разработке проблемы денег у тех социалистов XIX века, которых мы выше назвали.

Прудон («Système des contradictions économiques» и Philosophie de la Misère, Paris 1846; «Solution du problème social». P. 1848, «La Banque d'échange» 1848), предшественниками которого Маркс считает английских социалистов начала XIX века и главным образом John Gray'я («The social system Treatise on the principle of Exchange», Edinburgh 1831 и «Lectures on the Nature and use of Money» Edinburgh 1848) и Bray'я (Labour's Wrongs and Labours Remedy. Leeds 1839), а также Родбертус видели основную болезнь капиталистического общества, главную причину нищеты и тяжелого положения низших классов, в недостатках обмена. Исходя из теорий ценности Рикардо, из положения, что ценность товара определяется количеством затраченного на его производство труда, считая, с другой стороны, принципом высшей справедливости, чтобы люди при обмене своих товаров, обмене, неизбежном в обществе, основанном на разделении труда, обменивались эквивалентами, эти писатели констатировали в современной организации общества ряд отклонений от этого принципа. Один, как Грэй—слабый социалист, видел причину этого уклонения от обмена эквивалентами в невозможности снабдить хозяйства достаточным количеством золота и серебра, другие, как горячий комму-

нист Брэй, считали причиной этого уклонения частную собственность на орудия и средства производства. Но все они подчеркивали, что главное зло проистекает от плохой организации обмена, в результате которой рабочий, отдавая свою рабочую силу капиталисту, получает, как эквивалент, не весь продукт своего труда, а только часть его. Видя в недостатках обмена основную причину социальных бедствий, все эти экономисты в той или иной форме выдвинули в качестве основной задачи социального переустройства реорганизацию обмена, создание такой системы, при которой был бы осуществлен высший принцип социальной справедливости, обмен эквивалентами. Но все несправедливости обмена связаны с нынешней системой денег и денежных цен. Отсюда указанное направление социалистической мысли и делает вывод, что для социального переустройства необходима реорганизация денежной системы, создание новой системы денежного обращения, при которой денежная цена товара соответствовала бы его настоящей ценности, т. е. количеству затраченного на них труда. Логическим выводом из этих положений для всех писателей рассматриваемого направления является необходимость создания «трудовых денег» и определение ценности товаров не по произволу его владельца, а по решению компетентного органа, переход от системы рыночных цен к системе «конституированной ценности» (т. е. к системе твердых «указных» цен).

Самую организацию обмена и трудовых денег в новом обществе все эти экономисты представляли себе несколько различно. Более ранний из них Грэй, который, как рассказывает Маркс, в 1848 году после февральской революции послал французскому временному правительству докладную записку, доказывающую, что Франция нуждается не в «организации труда», а в «организации обмена» на основе проектируемой им денежной системы *), выдвигает следующий план.

Лица, решившие об'единить свой капитал для лучшего его использования и лучшего снабжения себя предметами первой необходимости и комфорта, образуют ассоциацию, принимающую следующую «коммерческую конституцию». Ассоциация избирает из своей среды «национальную торговую палату» (National chamber of Commerce) в составе президентов и достаточного число членов, которые берут на себя контроль и управление делами ассоциации.

*) Marx, Zur Kritik der Polit. Ökon. B. 1859. Стр. 61.

Ассоциация обращается с предложением о вступлении в ее состав ко всем лицам, владеющим землей и капиталом. Земля и капиталы, переданные ассоциации, оцениваются, и их владельцы получают ежегодно фиксированный доход, соответствующий их ценности. Обработка земли и ведение промышленных и торговых дел поручаются служащим и управляющим, получающим фиксированную плату и действующим под наблюдением Торговой Палаты. Каждый продукт всякого наименования, выработанный на фабриках и землях ассоциации, складывается в национальных товарных складах и поручается охране служащих, также получающих твердую плату, фиксированную Торговой Палатой. Все розничные магазины, также управляемые назначенными Торговой Палатой служащими, снабжаются всеми продуктами из национальных товарных складов. Вся заработная плата рабочим и служащим выплачивается деньгами, не имеющими внутренней ценности; цены товаров должны слагаться, во-первых, из стоимости материала, во-вторых, из заработной платы и, в третьих, из прибыли такого %, который обеспечивал бы постепенное и быстрое накопление капитала, выплату ренты, процентов, погашения капитала, оплаты непроизводительного труда, вознаграждения за несчастные случаи и покрытие всех государственных расходов. Земля, капитал и труд ассоциации посвящаются, в первую очередь, на снабжение национальных товарных складов продуктами, необходимыми для удовлетворения разнообразных потребностей. Первой задачей ассоциации должно быть стремление выплатить возможно скорее занятый капитал, с которым она начнет свои операции, и перейти на работу с собственным капиталом. Счета всех оборотов ассоциации должен вести Национальный Банк *). Этот банк имеет только две задачи: он, во-первых, сосредоточивает в своих руках изготовление и выпуск бумажных денег, которые он передает агентам ассоциации, и, во-вторых, ведет всю национальную бухгалтерию, открывая отдельный счет каждому служащему ассоциации **).

Несколько иначе подходит к вопросу другой английский экономист Брэй ***). «Труд один», говорит Брэй, «создает ценность...

*) John Gray. The Social System, 1831. Ch. III. Стр. 31—37.

**) Там же, стр. 64.

***) Нижеследующие цитаты взяты из «Нищеты Философии» Маркса, в которой на многих страницах приводятся длинные выписки из книги Брэя «Labours Wrong c. t. c. (см. 8 нем. изд. «Das Elend der Philosophie») 1895, стр. 45—53. Первоисточник мне в данное время недоступен.

Каждый человек имеет безусловное право на все то, что создано честно его трудом. Присваивая себе плоды своей работы, он этим не совершает никакой несправедливости по отношению к другим людям, так как он не лишает другого права поступать таким же образом... Согласно самой природе труда и обмена, высшая справедливость требует, чтобы все участвующие в обмене не только получали взаимные выгоды, но и выгоды равные. Существуют только две вещи, которые люди могут выменивать друг у друга, это труд и продукты труда. Если бы обмен происходил на справедливых началах, то ценность всех продуктов определялась бы стоимостью их производства и равные ценности всегда обменивались бы на равные ценности»... «До сих пор мы всегда применяли в высшей степени несправедливую систему обмена: рабочие отдавали капиталисту труд целого года в обмен на ценность только одной половины года и отсюда, а не от мнимого неравенства физических и интелектуальных сил индивидуумов, произошло неравенство в богатстве и силе»... «Никакой взаимности не может быть там, где нет равенства в обмене. Неравенство в обмене, как причина неравенства в обладании имуществом, есть тот тайный враг, который нас пожирает»... «Размышление над целями общества дает мне право утверждать, что не только все люди должны работать для того, чтобы они были в состоянии обмениваться, но и что обмениваться должны равные ценности на равные ценности»... «При помощи равенства в обмене богатство потеряет его нынешнюю способность, так сказать, самопроизвольно возобновляться и возрастать: оно не сможет из себя возмещать потерю, происходящую от потребления; ибо там, где богатство не воссоздается трудом, оно, будучи раз израсходовано, теряется навсегда. То, что мы теперь называем прибылью и процентами, при системе равенства в обмене существовать не может»...

«Но если», говорит далее Брэй, «для возможности построения общественной системы на началах коммунизма в законченной форме безусловно необходимо изменение характера людей, если, с другой стороны, современная общественная система не дает ни возможности, ни обстановки, которые необходимы для этого изменения характера и для подготовки людей к лучшим условиям существования, которых мы все желаем, то ясно, что положение неизбежно останется таким же, каким оно является сейчас, если не открыть и не провести подготовительную стадию развития—процесс, который принадлежит как нынешней системе, так и будущей системе (системе

коммунизма)—своего рода переходной стадии, в которую общество вступило бы со всеми своими ненормальностями для того, чтобы ее оставить по накоплении тех свойств и способностей, которые являются необходимыми жизненными условиями системы коммунизма *)».

В качестве такой переходной стадии—в этом отличие данной системы от планов Грэя, а также Прудона и Родбертуса, которые видели в своих проектах реорганизации обмена последний идеал, Брэй рекомендует переустройство общества на кооперативных началах. Все общество представляет собою большую ассоциацию, состоящую из независимых отдельных ассоциаций. Отдельные лица об'единяются по семействам, семейства по общинам. Общественный строй превращается в большую акционерную компанию, которая состоит из бесконечного числа маленьких акционерных обществ, которые работают совместно и обмениваются своими продуктами. Но этот обмен совершается на базисе полнейшего равенства. Общие и местные бюро («Boards of trade») вырабатывают план производства. Они устанавливают общую массу различных предметов, необходимых для удовлетворения потребностей в течение известного периода, предметов, изготовление которых и принимают на себя хозяйственные ячейки. Эти же бюро и устанавливают относительную ценность каждого отдельного товара по сравнению с другим, ценность, основанную на количестве труда, необходимого для его производства. В этой ассоциации каждый имеет равное право на использование сил природы и успехов техники. В этих пределах каждый имеет право накоплять из заработанного продукта столько, сколько он хочет, и располагать накопленным так, как это ему желательно.

Здесь уместно будет остановиться на попытках по осуществлению идеи «трудовых денег» и замены ими металлической монеты, которые были сделаны в разных странах в первой половине XIX века. Маркс связывает эти попытки с идеями Брэя **), но Антон Менгер правильно указывает, что английские попытки связаны не с выступлением Брэя, а с деятельностью Роберта Оуэна, и в самом деле те учреждения, на которые ссылается Маркс, были основаны и даже частью успели сойти со сцены за несколько лет до выхода в свет цитированной книги Брэя ***).

*) У Брэя стр. 136 см. Marx «Das Elend der Philosophie» стр. 51.

**) См. цит. соч. стр. 57.

***) См. A. Menger «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag» 3 Aufl. B. 1904, стр. 97, а также его Neue Staatslehre Jena 1903 стр. 130—131.

Идея «трудовых денег», по сообщению Noyes, принадлежит американскому последователю Оуэна, Warren'у, который предложил этот план Оуэна около 1826 года *). Сам Warren делал несколько раз попытки осуществить этот план в Цинциннати, Оуэновской колонии: «Новая Гармония» и др. местах. Он оперировал в течение 30 и 40 годов и твердо верил в свою идею. Но попытки Warren'а не получили большого развития и остались малоизвестны. Сам Оуэн оказался в этом отношении счастливее. Его попытка осуществления трудовых денег имела значительно больший успех, хотя и кратковременный, и идея «трудовых» или «рабочих» денег оказалась навсегда связанной с его именем.

История Оуэновских «трудовых денег» вкратце такова. В 1832 г. Р. Оуэн поместил в своем журнале «Кризис» такое об'явление:

«От Института справедливого трудового обмена трудящихся классов.

«Equitable Labour Exchanges Institution of industrial classes.

«Земледельцы, садовники, мануфактуристы, торговцы продовольствия, посредники, лавочники, оптовые и розничные деятели всех наименований, механики и все прочие, кто готовы распорядиться различными предметами своего производства и торговли единственно справедливым способом, которым люди могут отчуждать друг другу свою собственность, т. е. отдавая их ценность, выраженную в труде, за равную ценность, выраженную в труде, без посредства денег, приглашаются снестись с м-ром Самуэлем Остином в «справедливом трудовом обмене». Почтовые расходы должны быть оплачены. Роберт Оуэн».

Для осуществления предприятия было снято большое помещение, в котором находились обмениваемые товары. Всякий участник учреждения (National Equitable Labour Exchange) приносил в это помещение («базар») свой продукт и получал за него «трудовой бон» (labour note), на котором было обозначено число часов труда, затраченных на производство данного продукта. Для определения числа часов владелец продукта представлял счет, в котором каждые шесть пенсов калькулировались, как один час труда. Продукт подвергался оценке и за него уплачивалось в трудовых бонах не то количество «часов», которое требовал владелец, а «общественно-необходимое» количество часов. Получив трудовой

*) I. H. Noyes History of american socialism Philad. 1870. стр. 94 и сл.

бон, его владелец мог купить за него в магазине тут же или в другое время любой выставленный предмет. Сапожник, сдававший башмаки, мог приобрести здесь картошку, мясо и пр. За каждую операцию учреждение взыскивало комиссию в $8^1/_3$%, причем в некоторых местах эта комиссия взималась деньгами.

В первое время «базары» имели громадный успех. Вслед за главным базаром на King's Cross, руководимым самим Оуэном, по крайней мере номинально, его последователями были основаны ряд базаров в Лондоне и др. городах Англии. Вклады товарами в отдельные «базары» достигали 10 тыс. фунтов стерлингов в неделю, суммы громадной по тогдашнему времени. Обмен несколько отставал от сдачи товаров, но все же протекал удачно. Среди сдаваемых товаров были такие, как мясо, мануфактурные изделия и др. предметы широкого спроса. «Трудовые боны» представляли собою настолько интересную бумагу, что ее охотно принимали и посторонние лица. В частности лавочки вывешивали об'явления об их готовности принимать боны. В Бирмингаме до 300 лавочников об'явили, что они будут принимать эти боны. Их принимали и в театрах. Трудовые «базары» стали извлекать значительные доходы от посредничества. Они начали издавать свои газеты, печатать регулярно отчеты. Для завершения всей операции предполагалось основать банки, которые регулировали бы обращение «трудовых денег» и производили бы обмен их на деньги металлические, но эта идея осуществлена не была *).

Все эти учреждения и весь этот «бум» продержался в Англии около 2—3 лет, и в 1834 году «базары» стали ликвидироваться. Едва-ли приходится об'яснять, почему эта идея потерпела крушение. Гораздо поразительнее то, что «базары» хотя и не долго существовали, но имели успех. В самом деле в основе лежала идея «справедливости». Всякий труд оценивался одинаково, по шести пенсов за 1 час. Но ясно, что на «вольном» рынке меновая пропорция не всегда была такова. А так как «базары» оуэнистов были ничтожными оазисами среди безбрежного моря вольного рынка, то естественно, что в «базарах» некоторые товары должны были залеживаться и на боны не всегда можно было получить то, что нужно. И в самом деле, «трудовые боны» скоро стали обесцениваться. Уже в конце 1833 г. их расценивали не в

*) Подробности см. у Holyoake The History of Cooperation 1906 vol I. Ст. VIII, а также A. Menger «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag». B. 1904, стр. 94 и сл.

6 пенсов за 1 час, а в $4^{1}/_{2}$ пенса за час. И надо думать, что поскольку «базары» некоторое время имели успех, то это происходило оттого, что во главе их стояли практики, которые идею «справедливости» в обмене осуществляли не очень строго. Иными словами, при приеме товаров и их оценке руководители базаров, вероятно, считались не столько с количеством труда, фактически затраченного на предмет или даже «общественно-необходимого», а с рыночной ценой. Если при приемке пары башмаков «базар» просто оценивал их предварительно в пенсах и затем за каждые 6 пенсов давал «1 час», то, разумеется, опасности обесценения трудовых бон становились меньше. Надо, кроме того, думать, что «базары» на практике делали известный выбор при приеме товаров и так или иначе отклоняли предметы, на которые не было постоянного спроса и менее интересные. Только при этих условиях можно понять, как, вообще, могли некоторое время обращаться это «трудовые боны» в условиях денежного хозяйства.

Повидимому, независимо от идей Оуэна, аналогичную попытку сделал во Франции забытый социалист, марсельский адвокат, Мацель. Мацель в 1829 году основал вместе со своим братом в Марселе «банк обмена», имевший ту же задачу устранения денег и замены их непосредственным обменом. Банк, об'единявший до 50 тыс. рабочих семей, просуществовал несколько лет, имел отделения в разных городах Франции, Бельгии и Швейцарии и, видимо, развил даже более интенсивную деятельность, чем некоторые «базары» Оуэна *).

Возвратимся, однако, к истории идеи трудовых денег.

Своеобразную постановку денежной проблемы мы встречаем у Прудона. И для него центр социальной проблемы лежит не в области производства, а в области обмена. Почти в тех же выражениях, что и Джон Грэй, он пишет в марте 1848 года: «Не в организации труда нуждаемся мы в настоящий момент... То, в чем мы нуждаемся, то, что я об'являю именем рабочих, это взаимность, справедливость в обмене, это организация кредита» **).

Этот вывод, к которому Прудон приходит в 1848 г., когда ему пришлось давать ответ на практические вопросы, имеет свои корни в той предварительной критической работе, которую он про-

*) См. S. Engländer, Geschichte der französischen Arbeiter-Associationen. 4-er Th. Hamburg 1864. гл. LV.

**) Organisation du crédit et de circulation et solution du problème social (Oeuvr. compl. P. 1868. T. VI. Стр. 93).

делал в предыдущих трудах. Известно, что Прудон резко выступил против собственности, что уже в первой своей работе: Qu'est ce que la propriété, опубликованной в 1840 году, он бросил свою знаменитую формулу, затем повторяемую им на всяком шагу: La propriété c'est le vol («Собственность—это воровство»). Но одинаково отрицательно Прудон относился и к коммунизму. «Общность», говорит он в другом месте, «есть неравенство, но в смысле, обратном тому, в каком существует ныне неравенство в строе частной собственности. Собственность есть эксплоатация слабого сильным, а общность собственности есть эксплоатация сильного слабым» *). «Общность имуществ—есть религия нищеты» **).

Каков же должен быть новый мир, который хотел построить Прудон? В чем социальный идеал Прудона? Определенного ответа на это он, в сущности, не дает. Но из его своеобразного отношения к собственности и коммунизму этот идеал вырисовывается с известной ясностью. Как правильно замечает Рист, этот идеал заключается в уничтожении «не трудового дохода», который нарушает принцип взаимности услуг ***). Желая уничтожить этот основной атрибут собственности, Прудон хотел бы сохранить самую собственность. В «декларации», которая предшествует нотариальному договору об учреждении «Народного Банка», Прудон клянется, что, «критикуя собственность или, лучше сказать, совокупность институтов, рычагом которых является собственность», он никогда не стремился «нападать на индивидуальные права, признанные предыдущими законами, оспаривать законность приобретенных имуществ, призывать к произвольному разделу имуществ или ставить препятствия свободному и правильному приобретению имущества путем продажи и обмена; ни даже запретить или упразднить путем изданного свыше декрета земельную ренту и прибыль на капитал» ****).

Итак, новый мир Прудона, это мир—построенный на взаимности, хозяйственный строй, при котором каждому должна быть гарантирована возможность реализировать продукт своего труда. План, который Прудон выдвигает для осуществления этого идеала, весьма

*) «Memoires sur la propriété» стр. 204, цитир. по Ристу «Прудон и социализм 1848 г.», гл. V, перев. на русск. яз. книги Ш. Жид:—«История экономических учений», М. 1915, стр. 174.

**) Там-же, стр. 174.

***) См. «Memoire sur la propriété» стр. 204. Цитир. по Ристу «Прудон и социализм 1848 г.», гл. V, перев. на русск. яз. книги Ш. Жид:—«История экономических учений», М. 1915, стр. 174.

****) Banque de Peuple, Oeuvr. Comp. т. VI, стр. 260.

прост. Для преобразования общества, думает Прудон, необходимо лишь устранить прибыль на капитал и процент, а это последнее может быть достигнуто путем организации дарового кредита. С этой целью Прудон в 1848 г. выдвигает идею учреждения «Банка Обмена (Banque d'échange). Основная задача банка заключается в устранении из оборота золота и металлических денег. Об'единяемые банком хозяйственные деятели, «купцы, ремесленники, предприниматели, промышленники, собственники, экономисты, юрисконсульты, профессора, писатели, артисты, рабочие...», являющиеся его членами, обязуются принимать выпускаемые банком «меновые билеты» (bons d'échange) купюрами в 20, 100, 500 и 1.000 франков. Все члены банка сдают ему для комиссионной продажи свои изделия, за которые банк платит указанными билетами. Эти билеты банк в любой момент оплачивает, но не металлом, который изгоняется из оборота, а теми разнообразными товарами, которые накопляются в его складах. В то же время банк оказывает своим членам даровой кредит под товары и будущие продукты. Таким образом, по выражению последователя Прудона А. Даримона, достигается то, что обмен становится «непосредственным, взаимным и даровым» *).

Прудон не ограничился одной лишь пропагандой идеи «Банка обмена», заменяющего деньги «меновыми бонами». 31 января 1849 года парижский нотариус Dessaignes зарегистрировал устав банка, представленный «гражданином Пьером Жозефом Прудоном, представителем народа, проживающим в Париже, улица Мазарин, 70», того самого банка, посредством которого его учредитель и расчитывал воздвигнуть «новый мир». В виде компромисса Прудон не только огласил приведенную выше декларацию о собственности, декларацию сомнительной искренности, но и решил собрать денежный капитал в 5 милл. франков путем подписки и установить начисление 2% за даваемый в кредит капитал. Но § 9 устава твердо устанавливал принцип банка, а именно, «что всякий сырой материал дан природой человеку даром; что в хозяйственном строе всякий продукт происходит от труда, и следовательно капитал непроизводителен; что всякая кредитная операция выливается в операцию обмена, а следовательно предоставление капитала и учет ценностей не может давать место наложению процента»... Банк, названный «Народным», Banque de Peuple собрал большое

*) См. предислов. А. Даримона к ст. Прудона «Banque d'échange» в т. VI цит. «Oeuvr. Compl.», стр. 142.

число подписчиков, до 12.000 человек, хотя сумма подписанного капитала достигла только 36.000 фр. Но, спустя 2 месяца после учреждения устава, Прудон был приговорен к 3 годам тюрьмы за статьи против Люи Бонапарта и он об'явил, что вынужден отказаться от организации банка.

Мы не станем останавливаться здесь на критике банкового проекта Прудона. Надо сказать, что ни из работ самого Прудона, ни из длинных интерпретаций его последователей, в сущности, нельзя себе уяснить, на чем могла быть основана вздорная мысль, будто путем организации учреждения, впоследствии получившего значительное распространение в форме «Общества взаимного кредита», можно в условиях капиталистического хозяйства «воздвигнуть новый мир», да еще такой прекрасный, который не будет иметь ни недостатков собственности, ни недостатков коммунизма. Нам важно было установить отношение Прудона к деньгам, отношение, которое нашло свое выражение в его проекте устранения металла и замены его «меновыми свидетельствами». Важно лишь отметить, что в проекте «меновых свидетельств» Прудона отсутствует идея твердой фиксации товарных цен. В его «Банке» существует контрольная комиссия оценщиков, но эти оценки не фиксируют цен принимаемых банком товаров, и цены эти устанавливаются рынком путем спроса и предложения. Разрешение социальной проблемы должно произойти «без максимума».

Переходим к Родбертусу.

Родбертус впервые выступил с идеей конституированной ценности и трудовых денег в 1842 году в работе: «Zur - Erkentniss unserer Staatswirtschaftlichen Zustände» за несколько лет до Прудона. На этом основании он оспаривал приоритет на эту идею. Более полное развитие эти взгляды Родбертуса нашли в его позднейших работах, в «социальных письмах» и, в особенности, в его «четвертом социальном письме к фон-Кирхману».

Выдвигая в качестве идеала общественного устройства «государственное хозяйство без собственности на землю и капитал», Родбертус рекомендует организацию «центрального учреждения», которое «соразмеряло бы национальное производство с национальными потребностями, держало бы национальный продукт на высоте производительных средств, регулировало бы распределение национального дохода» *). «Каким образом», спрашивает Родбертус,

*) См. «Капитал 4-е соц. письмо к фон-Кирхману», русск. пер. П. Давыдова, С.П.Б. 1906, стр. 8.

«должно поступать центральное учреждение, что бы распределять национальный доход сообразно принципам предположенного здесь правового порядка. Эти принципы, напомню, не «коммунистические», т. е. они не определяют, что индивидуальная доля должна быть независима от индивидуального труда и должна определяться только общественным произволом. Напротив, они определяют, что всякий имеет право собственности на полную ценность продукта своего индивидуального труда... В предположенном здесь общественном строе государственно-хозяйственное учреждение устанавливало бы принципы взаимного значения, как вообще продуктов по отношению друг к другу, так, следовательно, и продуктов по отношению к доходу. Именно, учреждение должно было бы определить, сколько ценности заключалось бы в продукте труда каждого по отношению ко всякому иному продукту труда и, следовательно, также и по отношению к готовым благам, составляющим доход, и затем на его попечении лежала бы забота о том, чтобы всякий получал в свое собственное распоряжение именно столько дохода *). «В состоянии ли выполнить это какое-либо учреждение?», спрашивает Родбертус, и на это отвечает: «Оно может достигнуть этого двумя мерами:

а) путем конституирования ценности всех продуктов,

б) путем создания денег, вполне соответствующих своей идее **).

Конституирование ценности, что на современном языке означает установление твердых цен, должно производиться, по мнению Родбертуса, сообразно сумме «непосредственного и посредственного труда, которого стоит продукт» (по формуле $m + \frac{n}{x}$, где m есть непосредственный труд, а $\frac{n}{x}$ — изнашивание орудия производства). Процесс конституирования ценности наталкивается на затруднения, проистекающие оттого, что труд бывает различного вида, различного качества, различной производительности. Это затруднение может легко быть устранено, как думает Родбертус, при помощи сведения всех этих различных видов труда к одной общей мере: «нормальному труду». В виду изменений, которые постоянно происходят в количествах труда, необходимого для производства того или

*) Там-же, стр. 89.
**) Там-же, стр. 89.

много продукта, система конституированной ценности, естественно, предполагает «периодический пересмотр нормировок».

Переходим к последнему звену социалистической системы Родбертуса, к вопросу, который нас здесь главным образом занимает, а именно к организации денежной системы. Эта организация представляется Родбертусу в той форме, чтобы «государственно-хозяйственное учреждение выдавало бы каждому производителю свидетельство на такое количество доставленного нормального труда, сколько заключал бы в себе действительно произведенный им продукт, причем расчет производился бы сообразно только что изложенным принципам. Это свидетельство точно обозначало бы произведенную им ценность и, поэтому, могло бы также служить для пред'явителя свидетельством на получение такого же количества ценности. Пред'явив это свидетельство, он мог бы получить эту ценность в качестве вознаграждения за свой труд из общественных магазинов в любых благах, составляющих доход, подобно тому, как ныне получают блага за деньги из магазинов частных лиц. Эти нормальные трудовые свидетельства служили бы в этом общественном порядке средством обращения, насколько в нем была бы еще тогда нужда. Действительно, так как вся почва и весь капитал составляли бы общее состояние производителей, и, следовательно, также одно учреждение заведовало бы ими, то не было бы никакой нужды в средствах обращения, для того, чтобы, напр., шерсть попала в руки прядильщику, другими словами, чтобы совершалось все движение капитала с одной производственной ступени к другой... Эти нормально-трудовые свидетельства служили бы лишь средством ликвидации для связанных разделением труда производителей... Они представляли бы собой самые совершенные деньги, какие только мыслимы. Деньги, которые, во-первых, были бы самой совершенной мерой ценности, так как каждое бумажное денежное свидетельство выражало бы также известное количество ценности в той самой мере, в какой была бы конституирована ценность, которые, во-вторых, давали бы абсолютную уверенность, так как они выпускались бы только тогда, когда, действительно, была бы в наличности указанная в них ценность; которые, в третьих, сами по себе представляли бы не что иное, как не имеющий никакой ценности клочек бумаги, который, однако, самым совершенным образом выполнял бы все условия денег» *).

*) Там-же, стр. 98—99.

Мы рассмотрели ряд теорий, которые выдвигали в качестве основной причины социальных бедствий несправедливость обмена и считали средством устранения этих бедствий реорганизацию обмена и усовершенствование денежной системы. Подход их к проблеме денег был таков: они критиковали несовершенства денежного обращения в условиях капиталистического хозяйства и рекомендовали планы его преобразования. «Идеальные» деньги, нормально-трудовые деньги, вполне соответствующие конституированной ценности, деньги из бумаги с фиксированной ценностью должны заменить собою в будущем строе нынешние плохие металлические деньги. Круг их обращения будет более ограничен, если собственность на землю и капитал будет упразднена, но в пределах того оборота, где эти деньги будут иметь хождение, они будут исполнять все функции денег. Вместе с тем, они из орудия угнетения обратятся в орудие высшей справедливости *).

Чтобы понять подход к денежной проблеме того направления социалистической мысли, которое мы только что охарактеризовали, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Они различно представляли себе задачу и осуществление своих планов. Одни смотрели на систему «трудовых денег», как на окончательный идеал хозяйственного устройства, другие видели в ней переходную стадию. Одни предполагали упразднение прибыли и процента, другие считали, что совершенствование обмена может произойти и при существовании, по крайней мере, временной прибыли и нетрудовых доходов (взгляд Грэя, а также более ранний взгляд Родбертуса). При всем том у всех этих писателей была одна общая черта, черта, которая, по нашему мнению, и об'ясняет их принципиальное отношение к деньгам. Все они примыкают к тому направлению социалистической мысли, которое, усматривая корень социального зла в существовании эксплоатации и нетрудовых доходов, считает основной задачей общественного переустройства устранение этих последних. Их общественный идеал это—право каждого на полный продукт своего труда. Каждый работает в меру своего желания и получает компенсацию в меру своего труда. Разделение труда делает невозможным непосредственное присвоение каждым работником своего продукта. Он вынужден пускать его в обмен. Задача в том и заключается, чтобы этот обмен был спра-

---

*) Несколько иначе подошел к вопросу об устранении денег в безденежном обороте в новое время основатель Института Социальных Наук в Брюсселе Solvayee. См. его—«Le Comptabilisme social» Bruxelles. 1896.

ведливый, чтобы работник получал в других продуктах сумму, вполне эквивалентную своему труду. Для лучшего достижения этого идеала необходимо обобществить орудия и средства производства, перейти к социалистическому переустройству общества. Это необходимо сделать, но социалистическое переустройство должно служить лишь средством для осуществления высшего идеала справедливости, права каждого на полный продукт труда. Это переустройство должно помочь каждому реализовать в продукте свой труд.

Таков общественный идеал Родбертуса и его предшественников. Из права каждого на полный продукт труда проистекает и отношение этого направления к обмену и деньгам. Обмен должен остаться и в обществе будущего, ибо только обмен дает возможность реализовать ценность продукта **соответственно с количеством проработанных нормально-трудовых дней**. Каждый имеет право на такую часть общественного продукта, какая соответствует его работе. Прилежный должен получить больше, чем ленивый, способный и талантливый больше, чем плохой работник. Это и достигается обменом на основе конституированной ценности и «трудовыми деньгами». Деньги не могут быть устранены из общественного устройства, стремящегося осуществить право каждого на полный продукт его труда, ибо они то и должны реализовать продукт, они то и должны воплотить различие между прилежным и ленивым, способным и бездарным.

После всего сказанного должно быть ясно, почему тот подход к проблеме денег и их роли в социалистическом строе, который мы находим у Прудона и Родбертуса, был неприемлем для другого направления социалистической мысли, направления, представленного **Марксом и Энгельсом**. Социалистический идеал Маркса и Энгельса это—не **право каждого на полный продукт своего труда**, а такая организация хозяйства, при которой труд вообще обезличивается, становится общественным в чистом виде. Все работают **по мере своих сил** и по мере пред'являемого к ним со стороны общества требования и все получают из общей выработки часть **по мере своих потребностей** («от каждого по его способностям, каждому по его потребностям»). Ни о каком «моем», «твоем» труде в социалистическом обществе не должно быть речи, как не может быть и речи о каком-то «праве» на ту или иную долю продукта со стороны работника. Это и есть тот «коммунистический» идеал (кавычки Родбертуса), который, как тонко отмечает последний, существенно отличается от его собствен-

ного, идеал, при котором «индивидуальная доля должна быть независима от индивидуального труда и должна определяться только общественным произволом» *).

Этот общественный идеал логически несовместим с понятием обмена. Продукты распределяются не в порядке «обмена», не в порядке возмещения и удовлетворения каких-то прав, а в порядке общественного распоряжения, считающегося с наличностью продуктов и степенью нужды того или иного индивидуума. Система премирования может быть применена, в особенности в переходный период, но не в порядке оплаты «справедливого» вознаграждения за прошлый труд, а в порядке поощрения будущего труда. Но деньги являются функцией обмена. Отсюда очевидно, что вместе с обменом из коммунистического хозяйства устраняются и деньги. Я не знаю, высказывает ли Маркс где-либо последнюю мысль с полной определенностью. Одно для меня несомненно, что такой вывод сквозит во всех его рассуждениях о деньгах в капиталистическом хозяйстве и логически вытекает из всей его системы.

Вот почему на тех десятках и сотнях страниц, на которых Маркс и Энгельс говорят о деньгах, Маркс в «Нищете Философии», «Zur Kritik», «Капитале», Энгельс в предисловии к «Нищете Философии» Маркса, их рассуждения ведутся совершенно не в той плоскости, в какой их ведет первое направление социалистической мысли. Проблема денег при коллективизме их не занимает, очевидно, потому, что, с их точки зрения, деньги в будущем обществе существовать не могут. Они рассматривают проблему денег с двух сторон. С одной стороны, они,—собственно только Маркс,—занимаются анализом проблемы денег в условиях капиталистического хозяйства, как теоретической проблемы, продолжая в этом отношении работы Юма, Рикардо, Тука, с другой стороны, они полемизируют с тем направлением социалистической мысли, которое считает деньги совместимыми с социализмом, и хочет разрешить социальный вопрос при помощи улучшения денежной системы. На этой почве развертывается двойная полемика: Маркса против Прудона (в «Нищете Философии» и, отчасти, в «Zur Kritik») и

*) Морис Бургэн («Соврем. социалистические системы и экономическое развитие», СПБ. 1906, стр. 122 и сл.), ссылаясь на одно из писем Маркса и некоторые цитаты из Энгельса, утверждает, что и они не были противниками распределения по принципу полного продукта труда, по крайней мере в первый период существования социалистического общества. Это толкование мне представляется неверным.

Энгельса против Родбертуса (в предисловии к «Нищете Философии»).

Мы не станем останавливаться на этой полемике.

Маркс и Энгельс критиковали систему Прудона и Родбертуса с точки зрения капиталистических отношений. Идеал Прудона и Родбертуса характеризуется ими, как мелкобуржуазный. Но идея «трудовых денег» не выдерживает критики и потому, что лежащее в их основе требование о праве на полный продукт труда само по себе логически не выдержано. Можно ли в самом деле установить, сколько должен получать сапожник за свой труд в продуктах труда печника, а профессор в продуктах труда дворника? Родбертус думает разрешить эту проблему при помощи «конституирования» ценности, установления всеобщей системы твердых цен, с которой мы теперь так хорошо знакомы. Может ли ценность быть «конституирована» с полной справедливостью, может ли труд различной формы, различного качества, различной интенсивности быть сведен к одному знаменателю? Родбертус думает, что это возможно при помощи сведения всех видов труда к «нормальному труду», но он совершенно не об'ясняет тех принципов, при помощи которых это сведение возможно. Между тем проблема сведения различных видов труда к «нормальному труду» является логически неразрешимой. Какой труд важнее, труд парикмахера или труд булочника, труд ученого или труд носильщика тяжестей? Сколько дней труда первых должны соответствовать 1 дню труда вторых? Это не трудно «конституировать», но конституирование не может не быть произвольным. Может даже случиться, что и парикмахер, и булочник, и ученый, и носильщик будут вполне удовлетворены теми пропорциями, которые «конституирующий» орган установит между их трудом, и, тем не менее, нельзя будет доказать, что это конституирование справедливо, что каждый в самом деле осуществил полное свое право на продукт своего труда. Поскольку существует разделение труда, и производитель реализует свой труд не в своих, а в чужих продуктах, индивидуальный труд неадэкватен вознаграждению за этот труд, и никакой орган не может этой проблемы разрешить. В капиталистическом хозяйстве, когда вознаграждение за труд определяется рынком и конкуренцией в порядке денежного обмена, рабочий ощущает себя ограбленным со стороны предпринимателя. В обществе с конституированной ценностью, выдвигающем принцип права на полный продукт труда, каждый работник будет себя считать ограбленным своим соседом.

Если, напр., установить («конституировать»), что труд университетского профессора относится к труду университетского швейцара, как 2:1, то оба будут обижены и оба будут иметь логически совершенно одинаковые основания, ибо их труд логически несравним, а потому установленная пропорция 2:1 не может не быть произвольной. Проблема «нормального труда» неразрешима, а вместе с тем неразрешима и проблема конституированной ценности и проблема «нормально-трудовых» денег, как средства осуществления социальной справедливости. Но в то же время нельзя не отметить, что последовательно проведенный принцип права на полный продукт труда при существовании «нормально-трудовых» денег скоро привел бы к социальному неравенству. Самые небольшие различия в оценке труда, различие затрат, сосредоточение средств в руках отдельных семей в результате наследования скоро привели к сосредоточению больших запасов потребительных благ в отдельных руках. Накопление, может быть, было бы не столь стремительным, как при хозяйстве с частной собственностью на капитал, но и без непосредственной эксплоатации, при «эксплоатации», проистекающей от пропорции в системе конструирования ценности, дворцы, автомобили, бриллианты и т. д. скоро сосредоточились бы в руках избранных, а на долю большой массы населения остались бы койки и пешее хождение. Надо ли говорить, что даже «идеальные деньги» при этой системе только облегчили бы процесс аккумуляции капиталов. Под видом «предметов потребления» богатые люди при помощи «идеальных денег» сосредоточили бы у себя постепенно и средства производства. При существовании денег и свободном обмене эксплоатация нашла бы лазейку через «конституированную ценность».

Итак, мы приходим к выводу, что из двух направлений в социализме совместимость денег с новым общественным устройством признает то, для которого задача социализма заключается в устранении эксплоатации, в осуществлении права каждого на полный продукт труда. Другое направление, направление чисто коммунистическое, понимающее распределение в новом строе не в форме предоставления каждому его продукта, а исходящее из принципа работы по мере сил и удовлетворения по мере потребностей, не видит в социалистическом устройстве элементов обмена, а вместе с тем и базиса для существования денег. Поскольку нам представляется социализм логически мыслимым только во второй коммунистической форме, мы должны признать, что с социалистиче-

ским устройством существование денег несовместимо.

II.

Здесь возникает тогда другой вопрос. Известно, что деньги исполняют в капиталистическом хозяйстве ряд общественных функций. Деньги, как общественное явление, возникли не случайно, а в результате глубоких причин, глубоких потребностей. Можно ли считать, что в социалистическом обществе не должно быть тех задач, которые разрешали деньги в обществе капиталистическом? Только в этом случае «проблема денег в социализме» разрешается утверждением, что деньги социалистическому обществу не нужны. Если же допустить обратное, а именно, что и в социалистическом обществе будут существовать те задачи, которые разрешались деньгами в обществе капиталистическом, то, естественно, возникает вопрос: что же заменит деньги в социалистическом обществе? Как будут разрешаться те проблемы, которые в капиталистическом аппарате разрешались деньгами?

Эта проблема в социалистической литературе, насколько известно, не подвергалась серьезной и всесторонней разработке. Между тем, как видно будет из дальнейшего, она имеет большое практическое значение и требует решительного ответа. Чтобы подойти к ее разрешению, надо проследить ту эволюцию, которую должны проделать различные функции денег. Если исходить из традиционной классификации, функции денег в капиталистическом хозяйстве распадаются на 4 группы. Деньги являются орудием обмена, мерилом ценности, средством накопления и средством погашения отсроченных платежей. Надо признать, что из этих 4 функций три должны отпасть в социалистическом обществе, и в этом, быть может, лежит причина того, что самое устранение денег представлялось старым писателям социалистического направления несложной задачей. В самом деле, в социалистическом государстве не нужно «орудия обмена», ибо в нем, вообще, не должно быть обмена. Распределение продуктов осуществляется в коммунистическом обществе не в процессе обмена, а путем выражения общественной воли. Каждый должен получить из общественных магазинов долю, соответствующую его потребностям. Он должен получить ее конкретно в тех именно продуктах, которые нужны для удовлетворения его потребности. Кто любит получше одеваться и может удовлетвориться менее обильной пищей, тот должен получить соответственно больше

предметов одежды и соответственно меньше предметов питания, а тот, кто по своему физическому состоянию нуждается в более усиленном питании, но не привык обращать слишком большого внимания на свой туалет, тот должен получить соответственно большую долю пищевых продуктов и соответственно меньше одежды. Кто имеет склонность к занятию науками и к чтению книг, тот должен получать печатные издания, а кто обладает музыкальным вкусом и способностями, тот должен получить рояль и др. музыкальные инструменты. Если же в ком-либо счастливо сочетаются и музыкальные вкусы, и любовь к философствованию, и вкус к изящной одежде, если он в то же время по состоянию здоровья нуждается в лучшем питании, то общество должно дать ему удовлетворение во всех этих областях, если даже материальная ценность всех этих продуктов будет во много раз превышать получку среднего простака, лишенного всех этих вкусов и потребностей. Этому последнему общество может лишь предложить повышать и развивать свои вкусы, дабы этим путем приобрести право на соответствующие блага. Этот порядок распределения не оставляет места для обмена. Правда, предметы потребления и в коммунистическом обществе составляют индивидуальную собственность. Вещью, полученной из общественного магазина, ее обладатель может располагать совершенно свободно. Он может ее обменять на другую вещь, полученную другим членом общества. Нетрудно, однако, видеть, что при правильном функционировании распределительного аппарата в таком обмене никакой нужды быть не должно. Только при общем недостатке продуктов и при неналаженности аппарата, словом, в переходный период, может случиться, что одни получают слишком много одних продуктов, а другие слишком много других, и люди вынуждены менять селедки на муку. При налаженности распределительного аппарата, при правильном применении коммунистических принципов распределения, такие неправильности должны быть исключением, а если кто-либо по той или иной причине получил не тот продукт, который ему нужен, то замену его другим может осуществлять общественный магазин точно так же, как в капиталистическом строе частный магазин нередко меняет своему покупателю одну вещь на другую, если покупатель неудачно определил свою потребность или свой выбор. При таких условиях обмен в развитом коммунистическом хозяйстве может сохраниться лишь в форме случайной мены, не имеющей экономического значения. Деньги, как орудие обмена, в этом обществе не нужны. В то же время, в социалистическом

строе не может, повидимому, проявляться и другая функция, выполняемая ими в обществе капиталистическом, функция накопления. Ибо никакое накопление, выходящее за пределы непосредственных потребностей, в социалистическом обществе не может иметь места. Только социализм Родбертуса, допускающий накопление «честно заработанного» продукта, может с этой целью сохранять деньги. С коммунистическим же обществом накопление стоит в полном противоречии. Такое общество не может мириться ни с одним из стимулов накопления. Поскольку этот стимул лежит в приобретении богатства, как средства власти над людьми, он, разумеется, явно противоречит идее экономического равенства. Но и постольку, поскольку стимул накопления хозяйствующих людей является стремлением обеспечить себя, на случай инвалидности и старости, или обеспечить свое потомство, этот стимул противоречит социалистическому устройству, в котором социальное обеспечение заменяет собою индивидуальную страховку от старости и инвалидности, а общественное воспитание заботу о детях.

Еще меньше можно говорить в коммунистическом обществе о деньгах, как средстве погашения отсроченных платежей. И в самом деле, основа кредита заключается в перенос капиталов из одного предприятия в другое. Общество без права частной собственности на землю и капитал не имеет базы для развития кредита и долговых отношений. В социалистическом обществе мыслим чисто «потребительский» кредит, разумеется, без процентов, для которых источника не существует, но этот потребительский кредит вполне может осуществляться в натуральной, продуктивной форме и нисколько не нуждается в деньгах, как абстракции.

Совершенно не так обстоит дело с четвертой функцией денег, с их ролью «мерила ценности», орудия оценки. Эта роль, про которую очень много и интересно говорит Маркс, когда он анализирует функции денег в капиталистическом обществе, упускается из вида, когда думают об обществе, в котором денег не нужно. Является ли «измерительная» функция денег такой же, как и «обменная» и «сберегательная» функция, чем то, вызываемым только капиталистическим хозяйством, отпадающим вместе с этим последним? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Задача измерения ценности, та задача, которую выполняют в капиталистическом обществе деньги, должна стоять и в обществе социалистическом. Отказываясь от денег, социалистическое государство должно поду-

мать о том, как будут исполняться в нем работы по измерению ценностей, чем будут в этом смысле возмещены в нем деньги.

Мы не сказали бы, что измерительная задача стоит перед социалистическим обществом во всем том ее об'еме, в котором она осуществляется в обществе капиталистическом. Ибо измерительная функция денег сама по себе разлагается на ряд элементов, из которых не все могут иметь отношение к социалистическому строю.

Мы имеем в виду то обстоятельство, что измерительная функция денег осуществляется в капиталистическом обществе как в процессе обмена, так и в процессе производства и процессе потребления. В процессе обмена измерительная функция денег выражается в том, что хозяйствующий суб'ект оценивает в деньгах как продаваемый, так и покупаемый товар. Эта оценка предшествует обмену и служит основой меновой пропорции. В процессе производства измерительная функция денег выражается в том, что хозяйствующий суб'ект сводит все конкретные виды капитала, которыми он располагает, к одному «всеобщему товару»—к деньгам, измеряет в денежной единице все эти разрозненные элементы и, на основании этого процесса измерения, учитывает результаты своего хозяйствования, определяет, в какой мере она работает, с прибылью или убытком, и в каком направлении он должен вести свое дело в дальнейшем. Наконец, в сфере потребления измерительная функция денег проявляется в том, что рынок путем понижения цены одного товара и повышения цены другого указывает, какой товар произведен с избытком и какой в недостаточном количестве, чем и намечается путь для более правильного определения общественных потребностей.

Из трех проявлений измерительной функции денег, которые мы наметили, первое, действительно, отпадает в социалистическом хозяйстве. Для измерительной функции денег, как функции, предшествующей обмену, не остается места ни в отношениях между отдельными людьми, ни в построении государственного хозяйства. Отдельные хозяйствующие люди, поскольку вообще можно назвать члена коммунистического общества хозяйствующим лицом в широком смысле этого слова (ибо здесь хозяйствует не отдельное лицо, а коллектив), не нуждаются в мериле ценности при обмене, ибо обмен, как мы показали выше, вообще, не должен играть никакой роли в их хозяйственной деятельности. Не нуждается в мериле ценности для соответствующей цели и государственное хозяйство. Так как государство не ставит себе задачей, чтобы каждый работник полу-

чая «свой» продукт, так как оно не меняет труд на продукты, а распределяет последние в ином совершенно порядке, то и ему нет никакой надобности для этой цели оценивать, измерять путем какого-либо мерила получаемый им от индивидуума труд или выдаваемые им продукты. Но за то два других проявления измерительной функции денег—проявление ее в процессе производства и проявление ее в процессе потребления—не отпадают с переходом к социалистическому устройству. Ибо ясно, что социалистическое хозяйство должно иметь свой аппарат для выявления потребностей и оно должно иметь аппарат для учета результатов производства.

Из этих двух последних проблем, **проблемы учета потребностей и проблемы учета результатов производства**, только первая, т. е. проблема учета потребностей, как мы покажем дальше, проблема менее сложная, находит некоторое отражение в цитированной выше социалистической литературе. Мы имеем в виду полемику Энгельса с Родбертусом.

Полемизируя с «глупостями утопии трудовых денег», выдвинутой Родбертусом, Энгельс говорит следующее:

«В совершенном капиталистическом обществе каждый индустриальный капиталист производит на свой страх, что, как и сколько он хочет. Общественная потребность остается для него неизвестной величиной как в отношении качества и сорта потребных предметов, так и в отношении их количества. То, что сегодня не может быть доставлено с нужной быстротой, может завтра быть предложено в количествах, далеко превосходящих потребность. Несмотря на это, в конечном счете потребности, так или иначе, плохо или хорошо, бывают удовлетворены, и производство в конце концов в общем и целом направляется на те предметы, которые необходимы. Каким образом достигается разрешение этого противоречия? При помощи конкуренции. Каким образом конкуренция осуществляет это? Просто тем, что она понижает ценность товаров, не нужных для немедленной общественной потребности, по их количеству или по их роду ниже их трудовой ценности, и этим окольным путем даст почувствовать производителям, что они произвели или вообще ненужные товары или хотя сами по себе и нужные, но в чрезмерном количестве... Осуществляя в рамках общества обменивающихся производителей товаров закон ценности товарного производства, конкуренция вместе с тем осуществляет единственно возможные в данных условиях организацию и порядок общественного производства. Только в результате понижения или

повышения ценности продуктов отдельные производители товаров узнают, что и сколько общество желает или не желает из них брать, но как раз *этот единственный регулятор* (курсив наш) — утопия, защищаемая Родбертусом, желает устранить. И если мы тогда спрашиваем, какая же у нас гарантия, что будет выработано нужное количество каждого продукта, а не больше, что мы не будем голодать от недостатка ржи и мяса, задыхаясь от избытков свекловичного сахара и перепиваясь картофельным спиртом, что мы не будем иметь недостаточно штанов, чтобы прикрыть нашу наготу, в то время, когда пуговицы для штанов будут кишеть миллионами,—тогда Родбертус с триумфом указывает нам на свой замечательный расчет, по которому для каждого лишнего фунта сахара, для каждой непроданной бочки спирта, для каждой непришитой к штанам пуговицы была выставлена правильная квитанция, расчет, который точно «сходится», по которому «все требования удовлетворены и ликвидация проведена верно». А кто не верит, тот пусть обратится к Regierungs Hauptkassen Rentamts-kalculator X. в Померании, который проверил расчет и нашел его правильным, и который, как никогда еще не уличенный в неправильности при ведении кассы, заслуживает безусловного доверия *).

По поводу этого рассуждения Энгельса необходимо заметить следующее. Несомненно верно, что в условиях товарного производства цены являются единственным регулятором производства, единственным средством для выявления общественной потребности. Колебание цен есть необходимая предпосылка для действия этого регулятора. Там, где цена «конституируется», устанавливается высшим органом власти, изменения цен не отражают изменений спроса и перестают быть регулятором. Деньги в качестве измерителя ценности не исполняют в этих условиях своей функции согласования предположения со спросом, производства с потреблением. Но дело в том, что вопрос о «регуляторе» встает не только по отношению к той организации общества на основе «конституированной» ценности, которая выдвинута в «утопии» Родбертуса. Ведь, тот же вопрос встает и по отношению к любой форме социалистического хозяйства и, в частности, к той форме коммунизма, которую имел в виду Энгельс. Если там, где действует «конституированная» ценность, денежная цена не есть регулятор производ-

*) Marx «Das Elend der Philosophie 3-ite Aufl. St. 1895. Vorwort. von. Fr. Engels, стр. XVI—XVIII.

ства и не дает возможности судить о спросе, то тем менее ценность может служить таким регулятором в обществе, где, вообще, не должно быть ни обмена, ни цен, ни денег. Вопрос о регуляторе, который Энгельс ставит Родбертусу, в одинаковой степени относится и к нему самому.

Между тем, как раз по адресу Родбертуса упрек, выдвинутый Энгельсом, был несправедлив. Ибо еще годом раньше, чем было написано цитированное выше предисловие Энгельса к «Нищете Философии» (помеченное октябрем 1884 г.), опубликовано было (в конце 1883 г.) «4-ое социальное письмо» Родбертуса, в котором указанный вопрос об учете потребностей поставлен и разрешен в том смысле, в каком, очевидно, пришлось бы разрешить его и Энгельсу. Сохраняя «конституированную» ценность, обмен и деньги, Родбертус вовсе не собирается возложить на них попрежнему работу «регулятора» в вышеуказанном смысле, функцию измерения ценности для выявления потребности. Выявление потребностей Родбертус предполагает производить в другом порядке. Порядок этот весьма простой и хорошо нам знакомый.

То «общественное учреждение», которое регулирует все хозяйство, должно «привести в известность» национальные потребности. «Как оно может это выполнить»?, спрашивает Родбертус. «Какие потребности следует удовлетворять, так как число как общественных, так и индивидуальных потребностей бесконечно? Посмотрим. Существуют общественные потребности (государственная потребность), к удовлетворению которых индивидуумы принуждаются обществом, и частные, удовлетворение которых оно предоставляет каждому. Национальная экономия вообще может не приводить в известность первые, они определяются общественной волей... Таким образом, дело идет только о той возможности, какая имеется для нее в этом строе в большей степени для выяснения индивидуальных потребностей. В чем заключается, в сущности, трудность выяснения частных потребностей? Не столько в том, какими потребностями обладают индивидуумы и чем должно их удовлетворить. В общем, потребности образуют у каждого человека—об этом заботятся человеческая природа и мода—одинаковый ряд, и можно также считать за известное, какие и сколько необходимо средств удовлетворения для отдельных потребностей. Трудность заключается в выяснении того, насколько ряд потребностей каждого отдельного человека должен быть удовлетворен наличными средствами, следовательно, она заклю-

чается в сравнении производительной силы нации и доли каждого в ней с его подлежащими удовлетворению потребностями».

Разрешая эту последнюю задачу определения производительной силы нации при помощи всеобщего учета различного рода труда, сведенного к «нормальному труду», Родбертус следующим образом предполагает разрешить проблему согласования производства с потребностями. «Если, таким образом, приведена в известность национальная потребность, то соответствующее ей ведение национального производства не может быть затруднительным. Центральное учреждение, знающее всю сумму национального труда и обязанное само распоряжаться совокупным национальным капиталом, должно только, сообразно приведенным в известность потребностям, организовать отдельные производства и затем распределить в них труд и капитал нации. Для этого необходимы только соответствующие с его стороны распоряжения. Для того, чтобы... удержать национальный продукт на высоте наличных производительных средств, центральное учреждение должно было бы только направлять всякий наличный труд, согласно выраженным в труде же потребностям и производствам, в эти последние и организовать их в самых удобных для этого местах и вести при помощи самых подходящих средств».

Нельзя не признать, что схема Родбертуса, по которой построены центральные органы регулирования хозяйства в Советской России, является логически единственно мыслимой схемой согласования производства и потребления в социалистическом государстве. То, чего опасался Энгельс, изобилие брючных пуговиц при недостатке штанов, здесь вовсе не должно иметь места, хотя оно, разумеется, может иметь место при плохом функционировании аппарата. Измерительная функция денег заменяется здесь, и, в общем, с успехом, всеобщим учетом потребностей и всеобщим распределением труда и капитала.

Одно лишь надо иметь в виду. Родбертус слишком упрощает проблему, утверждая, что потребности образуют у каждого человека одинаковый ряд. Как ни велико значение в этом смысле «человеческой природы и моды», все же потребности разных групп людей крайне разнообразны и сильно меняются с течением времени. Учет потребностей должен принимать во внимание разнообразие и изменчивость вкусов и интересов. С точки зрения чисто хозяйственной, для регулирующего органа было бы наиболее удобным считать потребности стационарными в качественном отношении. Это избавляло бы хозяйство от потерь, неизбежно свя-

занных с переходом от изготовления одних предметов к изготовлению других. В условиях товарного производства публика легко имеет возможность, путем сокращения спроса и вызываемого им понижения цен, дать знать предпринимателям об изменении своих вкусов и потребностей и заставить их считаться с этим фактом. Публика легко дает знать предпринимателям, что она склонна перейти от карусели к кинематографу или от кинематографа к театру-варьете. По схеме Родбертуса, ныне осуществляемой в России, есть опасность **давления хозяйствующих органов** на вкусы, главным образом, в смысле их упрощения и стабилизации. Хозяйственный орган, сам по себе, заинтересован в этой стабилизации, как облегчающей его работу. Кормить все население простейшей пищей, одеть всех в одинаковую форму, питать всех одинаковыми зрелищами было бы наиболее экономно с точки зрения хозяйствующих органов, и увлечение такой политикой с их стороны весьма естественно. А между тем капиталистический строй показывает нам, как сильно могут действовать предприниматели на вкусы потребителей, и как часто это действие имеет вредный характер и понижает культурный уровень масс. Не ново в этом отношении, что мода, разрабатываемая предпринимателями, является одним из способов давления на вкусы и на спрос. Массовое производство суррогатов, предметов худшего качества немало содействовало понижению вкусов в наше время. Но в условиях свободного рынка человек имеет хотя бы некоторую возможность заявить свой протест против насилия производителей в этом отношении, путем сокращения спроса. В условиях централизации предложения это давление на потребности легко может принять еще более резкие формы. Между тем постоянство вкусов и потребностей представляет собою худший вид культурного застоя, и такое постоянство может служить опаснейшим тормозом для прогресса. Вот почему проблема учета потребностей не решается так просто, как это думал Родбертус. Вкусам и склонностям должен быть дан какой-либо выход. В социалистическом обществе должны быть выработаны более сложные методы изучения и учета этих вкусов при условии отсутствия давления и предоставления им свободного проявления. Должно быть гарантировано развитие этих вкусов и потребностей, удовлетворение новых и новых физических и умственных запросов человека. Возможно, что эта задача не может быть разрешаема одними лишь хозяйствующими органами. Возможно, что на помощь экономике здесь должны быть привлечены психология, искусство, медицина

и другие отрасли знания, которые помогали бы выявлять истинные потребности человека в каждый данный момент и запросы, вытекающие из его естественного развития. Возможно, что здесь встают широкие задачи перед статистикой, которая должна выработать правильные методы опроса и учета потребностей во всем их многообразии. Словом, проблема не так легка, как это думал Родбертус. И, тем не менее, надо признать, что его схема разрешает тот вопрос о регуляторе, который поставлен Энгельсом. Ибо можно спорить о методах более совершенного учета потребностей, но раз потребности более или менее точно учтены, а абсолютно точный учет не достигается и при помощи цены, то и согласование их с производством достигается на основании схемы, выдвинутой Родбертусом.

В этом смысле мы и приходим к выводу, что учет потребностей может компенсировать в социалистическом государстве отсутствие денег в качестве мерила ценности в сфере потребления.

III.

Переходим к третьей форме, в которой проявляется измерительная функция денег, к проявлению ее в области производства. В товарном хозяйстве деньги служат средством для учета результатов производства. Отдельные предприятия стремятся извлечь возможно большую прибыль. Недостаточная прибыль или, тем более, убыток служит для предпринимателя основанием к тому, чтобы извлечь свой капитал из данного предприятия и перенести его в другое. Таким путем регулируется передвижение капиталов из одного предприятия в другое, из одной отрасли в другую, из одного района в другой, из одной страны в другую. Нецелесообразное хозяйство уступает место более целесообразному, невыгодное—выгодному. Так, в результате тенденции нормы прибыли к некоторому равенству стихийный процесс приложения труда и капитала находит более или менее правильное направление. Но как выявляется результат хозяйствования, прибыльность или убыточность предприятия? Оно находит свое выражение в денежной единице. Прилагая сюда выражение Энгельса, мы бы сказали, что деньги являются единственным регулятором целесообразного приложения труда и капитала в товарном хозяйстве. В самом деле, каждый фабрикант начинает хозяйственный период, свой «отчетный» год с известным запасом самых разнообразных элементов производства и кончает его с запа-

сом тех же или иных элементов. Учесть результаты он может, лишь сведя все эти элементы к какой-нибудь общей единице, каковой в товарном хозяйстве и является денежная единица. Фабрикант-прядильщик, допустим, имел к началу года 10.000 пудов хлопка, пять цистерн нефти, три фабричных корпуса, сто тысяч веретен и т. д., а к концу года 2.000 пудов хлопка, 3 цистерны нефти, три фабричных корпуса, 120 тысяч веретен, 1.000 пуд. пряжи и т. д. Как решает он вопрос о результатах годичной работы? Он имеет теперь больше веретен, но меньше хлопка, больше пряжи, но меньше нефти и т. д. Что перевешивает: прибавление одних предметов или убыль других? Этот вопрос решается путем оценки всех, без исключения, элементов капитала, всех товаров, в одном товаре, деньгах. Эта операция и дает возможность судить о результате деятельности предприятия, а вместе с тем и о дальнейших задачах предприятия.

Переход к социалистическому хозяйству, предполагающий устранение цен и денег, как мерила ценности, как всеобщего товара, разумеется, делает невозможным учет результатов производства в деньгах. Можно ли, однако, вести какое-либо хозяйство, индивидуалистическое или коллективистическое без учета его результатов? На этот вопрос нельзя не ответить отрицательно. Социалистическое хозяйство в такой же мере нуждается в учете результатов хозяйствования, как и капиталистическое. Социалистическое государство обладает известным запасом труда и капитала. Руководствуясь хозяйственным принципом, одинаково обязательным для всякого хозяйствования, оно должно с этим запасом получить максимум продуктов, удовлетворить максимум потребностей.

Кроме того труд и капитал, которым располагает нация в каждый данный момент, есть тот резерв, который обеспечивает жизнь не только данного поколения, но и поколений грядущих. Заботясь об удовлетворения текущих потребностей, социалистическое государство должно, вместе с тем, заботиться и о сохранении и умножении запасов орудий и средств производства, а также и рабочей силы. При централизованном хозяйстве нетрудно добиться временного эффекта в смысле удовлетворения текущих потребностей за счет истощения рессурсов национального капитала и труда. Можно увлечься и другой крайностью: направить слишком большое количество наличных запасов труда и капитала на увеличение орудий и средств производства, ограничивая снабжение наличного населения средствами потребления. Словом, социалистическое госу-

дарство должно правильно распределять наличные запасы труда и капитала между двумя общественными потребностями: между производством средств производства и производством средств потребления. Все эти вопросы в условиях капиталистического хозяйства разрешаются—плохо или хорошо, это—вопрос другой—в порядке конкуренции между предпринимателями, базирующимися на денежном учете. В государстве социалистическом этот денежный учет должен так или иначе быть компенсирован.

Говоря конкретно, в области распределения труда и капитала стоят следующие задачи. Раньше всего весь наличный запас труда и капитала должен быть определенным образом распределен между производством предметов потребления и производством средств производства. Речь идет в данном случае не о воспроизводстве того сырья и тех орудий труда, которые затрачиваются в течение известного периода, но и о целесообразном их приумножении. Нормально прогрессирующее государство, население которого из года в год возрастает, должно приумножать те орудия производства, которые обслуживают его труд. Но так как конкретные виды машин и других орудий меняются, то перед социалистическим хозяйством стоит задача оценки и сопоставления всего своего наличного капитала к началу и концу того или иного производственного периода. Только на базисе такой оценки государство может решить, увеличился ли или уменьшился весь общественный капитал за истекший период, следует ли в дальнейшем изменить пропорцию между производством средств производства и производством средств потребления, или оставить ее в прежнем виде, увеличить ли процент удовлетворения имеющихся потребностей или его уменьшить.

Задача правильного распределения труда и капитала между производством средств производства и производством средств потребления является предварительной задачей в области направления труда и капитала. Когда эта задача так или иначе решена, и общество определило, какие доли труда, орудий и средств производства должны быть направлены в ту или иную область, тогда встает второй вопрос, а именно вопрос о точке приложения труда и капитала. Во-первых, труд и капитал должны быть правильно распределены между различными районами страны. Россия, напр., должна решить, какая часть ее наличного труда и капитала должна быть приложена в центре страны, какая направлена на окраины, какая на Урал, какая на Сибирь, какая на

Туркестан. Во-вторых, капитал и труд должны быть распределены известным образом между отдельными отраслями хозяйства, между сельским хозяйством и индустрией, между отдельными видами индустрии. В-третьих, капитал и труд должны быть распределены в известном отношении между отдельными типами предприятий. Вопрос о преимуществах крупной или мелкой формы предприятий далеко не решен в пределах капиталистического хозяйства. Не только в сельском хозяйстве, но и в индустрии рынок указывает известные пределы, за которыми централизация делается нерациональной. В условиях социалистического государства вопрос о размерах предприятий должен быть поставлен, конечно, иначе, чем в капиталистическом, и здесь он требует своего решения. Наконец, поскольку социалистическое государство не является изолированным и находится в торговых отношениях с другими странами, вопрос о распределении труда и капитала соприкасается с общим вопросом о внешней торговой политике, ибо страна должна решить, какие продукты она будет вырабатывать у себя и какие получать из заграницы при помощи товарообмена. В переходный момент, немедленно после перехода от денежного хозяйства к социализму, трудность этих вопросов может не ощущаться, ибо государство может некоторое время руководствоваться опытом, основанным на прошлом денежном учете. Но положение изменяется. С ростом населения, с изменением техники и т. д. должно происходить и изменение в группировке труда и капитала. Старые критерии не могут долго служить, и социалистическое хозяйство должно иметь свои методы распределения труда и капитала. Все это делает совершенно необходимым замену измерительной функции денег в социалистическом хозяйстве чем-нибудь иным, выработку новой системы учета результатов производства взамен учета денежного.

Не трудно видеть, к каким тяжелым последствиям может повести в этом отношении отсутствие учета. Достаточно остановиться на одной из упомянутых группировок, на распределении капитала по районам. Известно, напр., что наш Туркестан при затрате на орошение известного капитала может удовлетворить всю потребность русской текстильной промышленности в хлопке, а при большей затрате он может даже дать излишек для вывоза. Это было хорошо известно и в России и заграницей уже, по крайней мере, в течение 30—40 лет. Тем не менее, хлопководство в Туркестане развивалось постепенно, осуществление планов искусственного орошения откладывалось, Россия пополняла свою потребность в хлопке

провозом его из Америки, а капитал шел в другие отрасли, на развитие той же текстильной промышленности, на расширение угольной и железной промышленности юга и т. д. Можно ли отрицать, что это в общем и целом было целесообразно, что помещение громадных капиталов в туркестанское орошение 20 лет тому назад в ущерб другим отраслям было бы губительно для русского хозяйства? Но чем было достигнуто это целесообразное распределение капитала и труда? Конечно, денежным учетом, который нерациональность затрат на орошение в то время проявлял убытками в денежной форме, убытками, которые терпели слишком поспешные «пионеры». Без такого учета можно было бы уже десятки лет затрачивать громадные капиталы на это дело без того, чтобы указанная ошибка была обнаружена. Потребности населения удовлетворялись бы и при этом условии, но удовлетворялись бы в пониженном размере. Общая сумма труда и капитала не дала бы максимума результата.

В сущности нет такого хозяйственного акта, рациональность которого не могла бы быть подвергнута сомнению при отсутствии учета. Возьмем, напр., пару фактов из современной действительности. Вот лозунг: «все на транспорт». Казалось бы, что это— такое положение, которое при настоящих условиях является бесспорным. Россия крайне нуждается в паровозах. От транспорта зависит снабжение населения продовольствием и т. д. Все, как будто, совершенно ясно и бесспорно. А, между тем, и здесь возможно сомнение. Быть может, если бы были подсчитаны и сведены в одной единице все усилия, затраченные на ремонт паровозов, если бы они были сопоставлены с усилиями и затратами на производство известного количества пшеницы, льна или заготовку леса, то в данных условиях вовсе оказалось бы выгоднее вместо ремонта паровозов заняться производством добавочного количества пшеницы, льна или леса и выменивать у англичан эти добавочные количества на паровозы. Вот другой пример: постройка Шатурской электрической станции. Достижение это само по себе велико. Но поскольку в настоящих условиях нет подсчета затрат на это сооружение, нет оценки той доли национального труда и капитала, которые затрачены на это сооружение, мы не в состоянии сказать, что постройка Шатурской станции была действительно целесообразна с народно-хозяйственной точки зрения, а не представляет собою лишь достижение техническое, и что не было бы выгоднее затраченные на это дело труд и капитал употребить на другое предприятие.

Было бы, разумеется, неправильно думать, будто тот учет, который существует в капиталистическом хозяйстве, учет денежный, является там единственным и в то же время совершенным средством рационального построения хозяйства, правильного распределения труда и капитала. Хорошо известно, что и в капиталистическом обществе существует вмешательство государства в хозяйственные отношения. Правительство ведет здесь свою экономическую политику, стремится регулировать хозяйство, направить труд и капитал не туда, куда их влечет естественное движение цен, а в другие отрасли. Государство «покровительствует промышленности», т. е. отвлекает труд и капитал из сельского хозяйства в индустрию, оно покровительствует отдельным отраслям индустрии, отдельным районам. В этом смысле денежный учет является здесь не всегда безраздельным регулятором. В результате, хозяйственная политика оказывается иногда правильной, а иногда неправильной. Здесь многое, слишком многое зависит от случая, от того, насколько предугадано будущее. Оказываясь в одних случаях весьма невинным, это вмешательство, поскольку оно стремится распределить труд и капитал не так, как это предуказывается свободным рынком, имеет иногда неисчислимые последствия: оно приводит то к расцвету государства и народного труда, то к полному его упадку.

Но и там, где денежный учет действует безраздельно, там, где движение капитала и труда предуказуется только рынком, т. е. ценами и денежной оценкой, там также аппарат работает далеко не всегда точно. Напротив, капиталистическое хозяйство изобилует ошибками в расчетах. Сплошь и рядом новое предприятие, новая отрасль или новый район в первые годы дают прибыль, производят обманчивое впечатление расцвета, чтобы затем вылетать в трубу. Нерациональное распределение труда и капитала и является главной причиной капиталистических кризисов. Целесообразность в этом распределении нередко достигается в результате основательных потрясений, достигается, словом, дорогой ценой.

Из всех этих недостатков денежного учета, конечно, отнюдь не может вытекать сомнение в необходимости учета вообще. Плохой учет и вызываемые им кризисы есть, в сущности, один из главных хозяйственных аргументов против капитализма, которым, как известно, сильно пользуется антикапиталистическое направление мысли.

Это тем более делает необходимым для социалистического государства поставить и правильно разрешить проблему учета хозяйственных результатов производства, заменить в этом смысле измерительную функцию денег.

Но чем заменить? Как поставить учет результатов производства в социалистическом хозяйстве?

Первая мысль, которая приходит в голову по этому поводу, заключается в том, нельзя ли денежный учет заменить учетом натуральным, учитывать результаты производства в продуктах. Натуральный учет тем более соблазнителен, что натурализация проводится в социалистическом обществе в других областях, как, напр., в области распределения. Тем не менее, от натурального учета необходимо отказаться, так как проблема натурального учета логически не разрешима. Совершенно очевидно, что она не разрешима для отдельных частей социалистического хозяйства, для отдельных хозяйств, для отдельных отраслей, для отдельных районов. Допустим, что прядильная фабрика получает от государства хлопок, нефть и рабочую силу и дает ему взамен пряжу. Получаемые продукты несравнимы с продуктами выпускаемыми, и никто не может сказать, каков в данных условиях тот максимум пряжи, который должна давать фабрика взамен получаемого сырья, топлива и рабочей силы, и рационально ли использованы в данном случае эти последние. Может быть, можно решить вопрос путем сравнения работы двух фабрик, вырабатывающих пряжу? Но одна из них работает на нефти, другая на торфе, третья на дровах; одна находится ближе к пункту распределения, другая дальше и т. д. Наконец, сравнение может оказаться в пользу одной из двух, между тем, как обе уступают третьей, находящейся в другом районе. Словом, поскольку продукт производства не совпадает с сырьем, натуральное сравнение и учет результатов производства отдельного предприятия невозможны. Такой учет мыслим лишь там, где сырье совпадает с продуктом производства, т. е. на низших стадиях сельского хозяйства, там где собирается тот же продукт, который затрачен на посев. Но и здесь при более высокой технической стадии производства, при применении машин и удобрений, непосредственное сравнение затраты и выручки в натуре невозможно.

Но если невозможно поставить натуральный учет в отдельных предприятиях, в отдельных частях социалистического хозяйства, то нельзя ли поставить его по отношению к хозяйству в его целом? Мы бы не сказали, что это решительно невозможно. Можно соста-

вить инвентарь в продуктах всего национального капитала в начале и конце хозяйственного периода и на основании сопоставления этого инвентаря сказать, произошло ли увеличение или уменьшение национального богатства. Если сопоставлять, таким образом, результат двух или трех последовательных периодов, то это сопоставление даст основание для некоторых выводов. Но только для некоторых и далеко не точных. В один год увеличилось количество коров, но уменьшилось количество паровозов, в другой—наоборот. Трудно будет сказать, какой год был более и какой менее благоприятным по своим хозяйственным результатам. Только в том случае, когда мы будем наблюдать увеличение или уменьшение по всем или почти по всем рубрикам инвентаря одновременно, мы сможем с большей определенностью судить о результатах хозяйства. Затруднение, однако, усиливается оттого, что хозяйственный инвентарь в современном обществе должен иметь много сотен, а то и тысячи рубрик, одновременное движение которых в одну и ту же сторону мало вероятно. Вдобавок самые рубрики из года в год меняются: одни выпадают, а на их место появляются новые. Между тем количество рубрик имеет здесь принципиальное значение. В этом разнообразии товаров— отличие нового коммунистического общества, которое должно быть построено в нынешних условиях, от первобытных коммунистических общин. Там, где капитал состоит из двух-трех предметов, овец, коз и колодцев, натуральный учет результатов хозяйствования всего общества достаточно прост, и там эта проблема, конечно, иначе решается, чем в современном хозяйстве с тысячами отдельных продуктов.

Допустим, однако, что натуральный инвентарь дал бы возможность учесть результаты хозяйства всего общества в его целом. При всем том задача учета результатов производства осталась бы неразрешенной. В самом деле, задача эта, как мы выяснили, заключается в том, чтобы указать путь правильного распределения труда и капитала. Но путь этот при общем учете результатов всего хозяйства в его целом все же не будет указан. Допустим, что мы в результате общего учета найдем, что хозяйство велось плохо и требует исправления. Можно ли будет на этом основании сказать, в каком направлении это исправление должно быть произведено? Конечно, нет. Ибо мы не будем знать, где ошибка, куда направлено слишком много и куда слишком мало капитала и труда, откуда и куда капитал и труд должны быть перенесены. Это последнее указание нам мог бы дать только учет результатов отдельных частей

всего общественного целого, отдельных отраслей производства, отдельных предприятий.

Итак, от натурального учета результатов производства социалистическое общество должно отказаться, если оно не решится для этой цели пойти по пути упрощения потребностей, уменьшения числа товаров до самого незначительного их числа. Проблема замены измерительной функции денег в области производства остается открытой. Должна создаться какая-то новая наука, которая поставила бы и разрешила бы этот вопрос во всей его полноте.

Но без учета практически невозможно хозяйствовать. Вот почему по мере выпадения денег и денежной оценки социалистическое хозяйство вынуждено будет пользоваться каким-либо другим, хотя бы и несовершенным, методом. Этим методом, к которому в конце концов необходимо прибегнуть для замены денег в этой роли, очевидно, является все таки «трудо-час» или «нормальный труд» Родбертуса и других утопистов. Мы отметили выше все недостатки этой единицы измерения, ее производительность, неразрешимость проблемы сведения разных видов труда к «нормальному труду». Все это делает «нормальный труд», как полупроизвольное установление, совершенно непригодным для выполнения функции орудия обмена и для осуществления принципа о «праве каждого на полный продукт труда». Но негодный в той роли, для которой предназначал его Родбертус, в сфере обмена, этот же «нормальный труд» может служить хотя бы и несовершенным средством для внутрихозяйственного учета. Как ни плоха эта единица измерения, она все же может дать хотя некоторую точку опоры для сравнения различных затрат и выручек и для суждения о результатах хозяйствования, как в его целом, так и в отдельных его частях.

IV.

В предыдущих рассуждениях о проблеме денег в социализме мы имели в виду постановку и решение этого вопроса в развитом социалистическом государстве. Но мы переживаем сейчас «переходный период». Как стоит проблема денег в этот период? Трудность вопроса заключается в том, что унаследованная от буржуазного строя денежная система пришла в полный упадок раньше, чем этот переходный период закончился. Мы хотели бы высказать по этому вопросу лишь одно соображение. Мы думаем, что двойственной по-

литики в денежном вопросе вести нельзя. Государство в настоящее время может или вести политику перехода к безденежному обращению или заняться восстановлением валюты. Тот или иной курс зависит от взгляда на то, в какой мере пройден «переходный период». Если считать, что переходный период пройден в большей своей части, что мы уже на 3/4 или на 4/5 находимся в условиях социализма и только на 1/4 или 1/5 «торчим» в буржуазном или мелкобуржуазном хозяйстве, тогда нет никакого резона восстанавливать сейчас валюту. Остаток пути можно кое-как пройти и без денег.

Но если считать, что путь к социализму пройден лишь на 1/4 или 1/5, а 3/4 или 4/5 пути впереди, то тогда политика отказа от валютной политики уже в настоящее время едва-ли может быть признана целесообразной не только с точки зрения нужд и интересов мелкобуржуазных элементов и, главным образом, крестьянства в данный момент, но и с точки зрения задач социалистического строительства. Ибо, поскольку у нас сохранились буржуазные и мелкобуржуазные отношения, отсутствие валюты означает просто развал хозяйства, а развал не может служить благоприятной обстановкой для какого бы то ни было строительства, а тем более для переустройства всего хозяйства в его целом.

З. С. Каценеленбаум.

Социалистическое хозяйство, цена и деньги.

Доклад А. А. Соколова, прочитанный 2 мая 1921 г.

Сохранятся ли цена и деньги в социалистическом хозяйстве? Так как понятие цены и денег связано с понятием рынка, а рынка в социалистическом хозяйстве не будет, то отсюда сам собою, как будто бы, напрашивается тот вывод, что с переходом к социалистическому строю категория цены должна будет отмереть вместе с другими категориями капиталистического хозяйства.

Однако, есть авторы, которые держатся на этот счет другой точки зрения. К числу их принадлежит К. Каутский. Каутский совершенно правильно связывает понятие цены и денег с понятием распределения и максимального удовлетворения. Упомянув о том, что в социалистическом обществе производство и потребление будут подвергнуты планомерному регулированию, он говорит: «Но, скажут нам, разве мыслимо выполнить эту задачу в современном крупном государстве? Попробуйте-ка, напр., в Германии представить себе государство в роли заведующего не только производством целых двух миллионов предприятий, но и обращением их продуктов, которые надо отчасти доставлять из одного предприятия в другое в виде средств производства, отчасти сбывать в виде предметов потребления 60 миллионам потребителей с разнообразными и непостоянными потребностями. Задача представляется подавляющей, если не предполагать, что можно регламентировать и потребности людей по одному простому шаблону, что можно сократить их потребности и выдавать каждому причитающуюся ему порцию, как делается в казарме, т. е., другими словами, низвести современную культурную жизнь на неизмеримо более низкую степень. Так неужели же «государство будущего» должно представлять из себя не что иное, как казарму или тюрьму» («На другой день после социальной революции», стр. 40)?

Чтобы избежать этих последствий, т. е. превращения жизни в казарму или тюрьму, Каутский считает необходимым сохранение денег. Приступать при социальной революции сейчас же к упразднению денег было бы, по мнению Каутского, нежелательно и невозможно. «Деньги, — говорит он, — самое простое из известных доныне средств обращения продуктов, средств распределения их между отдельными членами общества в таком сложном механизме, каким является современный способ производства со свойственным ему гигантским разделением труда. Это такое средство, которое дает возможность всякому удовлетворить свои потребности сообразно с его индивидуальными склонностями (в пределах экономической силы, разумеется). Как средство обращения, деньги останутся необходимостью, пока не придумано ничего лучшего. Но само собою разумеется, что они утратят, по крайней мере в сфере внутреннего обращения, некоторые из теперешних функций и, прежде всего, функцию мерила стоимости» (Там же, стр. 26—27).

Итак, по мысли Каутского, деньги должны остаться в социалистическом обществе.

Но если в социалистическом обществе останутся деньги, то, очевидно, должны остаться и цены на продукты. Каутский так именно и думает, причем, по его мнению, задача социалистического общества отнюдь не будет заключаться в том, чтобы осуществить закон стоимости во всей его полноте, т. е. принять меры к тому, чтобы обменивались только равные стоимости на равные. В действительности закон стоимости есть закон, исключительно свойственный обществу товарного производства. При общественной собственности на средства производства он «заменяется общественным регулированием производства при помощи обмена равных стоимостей. Вместе с тем исчезает также необходимость того, чтобы деньги были мерилом стоимости и предметом, имеющим стоимость. Металлические деньги могут быть заменены каким-нибудь денежным знаком. Самые цены на продукты можно будет устанавливать тогда независимо от стоимости. Однако же, количество вложенного в продукты рабочего времени всегда будет иметь крупное значение при их оценке, и очень возможно, что при этом будут сообразоваться с исторически установившимися ценами» (Там же, стр. 29).

Небезынтересны также соображения Каутского, касающиеся заработной платы. Раз в социалистическом обществе сохранятся деньги и цены, то отсюда, по мнению Каутского, следует, что и труд в этом обществе будет оплачиваться деньгами, но должна,

будет, следовательно, существовать и рабочая плата. Правда, рабочая плата при пролетарском режиме будет представлять собою нечто совершенно иное, чем при капиталистическом режиме. «В настоящее время рабочая плата есть цена товара: «рабочая сила». Она определяется в конечном счете издержками содержания рабочего, ее колебания зависят от колебаний спроса и предложения. В обществе, где господствует пролетариат, все это исчезает. Работника уже не заставляет нужда продавать свою рабочую силу, рабочая сила перестает быть товаром, цена которого определяется издержками его воспроизведения, и цена ее становится независящей от отношения между предложением и спросом. Высота рабочей платы определяется теперь в конечном счете количеством продуктов, имеющихся на-лицо для распределения между рабочими»...

Однако, уровень заработной платы, по мнению Каутского, не во всех отраслях производства будет одинаков. «Так как рабочие будут назначаться на различные работы не по военному, не без их собственного согласия, то может случаться, что в некоторых отраслях промышленности окажется избыток, а в других недостаток рабочих. Восстановить нарушенное равновесие можно будет, понижая заработную плату в тех отраслях промышленности, где замечается чрезмерный наплыв рабочих, и повышая плату там, где рабочих слишком мало, до тех пор, пока в каждой отрасли труда не будет именно столько рабочих, сколько нужно»... (29—30).

Итак, хотя Каутский и говорит, что в социалистическом обществе заработная плата будет независима от соотношения предложения и спроса, однако, в дальнейшем, как мы только что видели, он сам признает, что даже и она не будет вполне свободна от действия этого закона.

Остановимся теперь на мнении Ад. Вагнера. В своей «Social-ökonomische Theorie des Geldes und Geldwesens» Вагнер посвящает особый экскурс социалистическим рабочим деньгам. Его соображения по этому вопросу сводятся к следующему. По его мнению, последовательное проведение социалистических идей должно привести к натуральному распределению продуктов личного потребления, т. е. к такому их распределению, при котором не только ценностные доли (die Wertanteile) каждого «товарища» (кавычки Вагнера) в народно-хозяйственном чистом доходе трудовой коммуны (Arbeitsgemeinschaft) определяются авторитарно, но при этом доли

эти передаются «товарищу» для удовлетворения его потребностей в форме определенных конкретных благ определенного рода и количества. Но ради такого порядка распределения пришлось бы уже, очевидно, пожертвовать всякой «свободой потребления», всяким свободным выбором благ. Чтобы избежать «ужасающей чудовищности» (abschreckende Ungeheuerlichkeit) этой системы, выдвигается идея т. н. рабочих денег, при которых эта свобода потребления, по крайней мере, в известных пределах, может быть сохранена.

Вагнер считает, однако, этот проект рабочих денег неосуществимым. Как он указывает, для осуществления проекта рабочих денег требовались бы следующие предпосылки:

1) При этом следовало бы все качественно различные виды труда рассматривать как равноценные и их количества определять временем, затраченным на работу, соответственно с чем выдаваемые каждому рабочему и гласящие на единицы времени (часы) удостоверения о произведенной им работе и выступали бы в роли рабочих денег. Либо следовало бы действовать подобным же образом, но лишь после того, как качественно различные виды труда были бы сведены с помощью какого-либо неизбежно произвольного коэффициента к ценностным единицам какого-нибудь определенного рода труда (простого ручного труда), измеряемого опять-таки временем, и удостоверения выдавать уже на исчисленное таким образом количество работы. Оба эти метода не могут, однако, применяться без величайшего произвола. Но если бы даже эта трудность была преодолена, этим была бы пройдена лишь первая стадия на пути разрешения всей задачи.

2) После этого пришлось бы идти дальше и для всех благ («товаров» также и здесь, ибо они производились бы для сбыта), устанавливать таксы соответственно сведенной к единицам труда стоимости каждого блага. Здесь мы опять сталкиваемся с проблемой, вряд-ли разрешимой.

3) Предположим, однако, что и эта задача будет разрешена. В таком случае продукты по этим таксам на складах должны были бы быть предоставлены товарищам, соответственно их потребностям в обмен на их, полученные ими как рабочие деньги. удостоверения о количестве произведенного ими труда.

4) Но тут возникает новая трудность, заключающаяся в том, что понадобилось бы приноровить предложение товаров как количественно, так и качественно (т. е. по роду, сорту, виду благ) к проистекаю-

щему из соответствующей потребности и черпающему свою покупательную силу из рабочих денег спросу.

5) Этого, однако, нельзя гарантировать, даже если бы размеры производства можно было установить на основании данных предыдущего времени. Ибо, благодаря ограничению новой позднейшей потребности размерами и видами прежнего производства, свобода потребления была бы все же сильно урезана и, отчасти, даже совершенно упразднена.

6) Последствия всего этого были бы следующие: обращающимся за товарами «товарищам» некоторые продукты навязывались бы, т. к. иначе эти блага не нашли бы сбыта, следовательно, появился бы «принудительный обмен» рабочих денег на товары. Если же пожелали бы этого принудительного обмена избежать, то не оставалось бы ничего другого, как понижать таксы тех продуктов, которые совсем не находят сбыта или спрашиваются в меньшем количестве, чем сколько их имеется для продажи, таксы же тех товаров, спрос на которые превышает имеющиеся запасы, наоборот, соответственно повышать, чтобы, таким образом, уменьшить спрос. Таким образом, и при социалистических рабочих деньгах пришлось бы опять вернуться к «рыночному закону» свободного оборота, закону спроса и предложения и к регулированию цен соответственно этому закону (142—143).

Таким образом, с точки зрения А. Вагнера, цена и деньги суть такие явления общественного хозяйства, без которых это последнее обойтись не может.

Ту же мысль высказывает Парето. «Даже если бы социалистическое государство, — говорит он, — уничтожило всякую возможность обмена, если бы оно препятствовало всякой купле-продаже, цены от этого не исчезли бы; они остались бы, по меньшей мере, как средство учета для распределения товаров и их преобразований. Употребление цен есть самое простое и легкое средство для разрешения уравнений обмена, и если бы стали намеренно воздерживаться от применения этого средства, вероятно, дело кончилось бы все-таки его употреблением под другим именем, и мы имели бы чисто словесное изменение, суть дела осталась бы прежней» (Manuel d'économie politique. Paris, 1909, p. 211. цит. у Струве «Хозяйство и цена», ч. II, стр. 69, прим. 9).

В русской литературе о неупразднимости цен и денег говорит Струве. «Социализм, — говорит он, — может упразднить частную собственность, может устранить свободу оборота, но не может

упразднить ни денег, ни цен, ибо самая идея «справедливого распределения» благ предполагает их измеримость и требует их «измерения» («Хозяйство и цена», ч. II, стр. 68—69).

Заметим, что поскольку Струве признает понятие меновой ценности понятием производным от цены, постольку он естественно не может мыслить себе общественного хозяйства без категории цены. Как он сам указывает, «лишь в изолированном хозяйстве можно отвлечься от цен и денег» (Там же, стр. 65). Правда, Струве различает цену вольную, возникающую в процессе свободного образования цен, и цену указную, возникающую на основе социального регулирования или велений государственной власти. И возникает, следовательно, вопрос, не будут ли цены социалистического общества представлять собою указные цены, устанавливаемые властью вне всякой зависимости от закона спроса и предложения. На этом вопросе нам придется остановиться ниже. Сейчас же отметим только, что исследование самого Струве не позволяет нам сделать этого заключения, ибо его собственный вывод, основанный на изучении исторической феноменологии цены, сводится к тому, что «принцип и явление указной цены вырабатывается медленно и с трудом и в самом своем развитии неизбежно прислоняются к стихийно слагающемуся явлению вольной цены» («Хозяйство и цена», т. I, стр. 311). У Струве же мы находим мнение, что «идея полной рационализации цен и всецелого управления их царством представляется фантастической» (Там же, стр. 313).

Отметим здесь кстати некоторую непоследовательность Л. Н. Юровского, который, с одной стороны, всецело присоединяется к Струве в его полемике против метафизики ценности и цен, а, с другой стороны, склонен рассматривать цену, как историческую категорию, а именно как категорию, свойственную меновому (капиталистическому) хозяйству («Очерки по теории цены», стр. 74 и 142, прим. на стр. 180).

В заключение укажем еще, что проф. М. И. Туган-Барановский также полагает, что при социалистическом строе закон спроса и предложения сохранит свое значение. Но нужно иметь в виду, что Туган-Барановский проводит разницу между социалистическим и коммунистическим строем, усматривая эту разницу в том, что при социалистическом строе, в отличие от коммунистического, категория индивидуального дохода не будет полностью упразднена (См. его работу «Социализм, как положительное учение»).

Попытаемся теперь разобраться в этих мнениях. Остановимся,

прежде всего, на понятии цены. Сохранится или не сохранится цена в социалистическом хозяйстве?

Как известно, новейшая теория кладет в основу учения о цене понятие равновесия или уравнения спроса и предложения *). Простейший же случай равновесия, как указывает Маршалл, наблюдается тогда, когда человек удовлетворяет одну из своих потребностей своим собственным трудом. Для примера Маршалл берет мальчика, который рвет ежевику для собственного удовлетворения. Вначале, когда мальчик только что начинает собирать ягоды для себя, процесс собирания ягод в течение некоторого времени сам по себе доставляет ему некоторое удовольствие. Несколько времени спустя, работа по собиранию ягод начинает уже утомлять мальчика, однако, то удовольствие, которое он получает от ягод, еще настолько велико, что оно оказывается более, чем достаточным для того, чтобы вознаградить мальчика за потраченные усилия. В дальнейшем, однако, когда мальчик уже достаточно насытится ягодами, удовольствие, получаемое им от ягод, будет все более уменьшаться, а утомительность работы, быть может, не столько вследствие ее тяжести, сколько вследствие ее монотонности, будет все более возрастать. Равновесие будет достигнуто тогда, когда желание поиграть и утомление собиранием ягод составят у мальчика явный противовес желанию есть ягоды. В этот момент удовлетворение, получаемое мальчиком от срывания ягод, достигает своего максимума, ибо до этого момента каждое новое усилие прибавляло к его удовольствию больше, чем сколько у него брало, а после этого, наоборот, отнимало бы от его удовольствия больше, чем сколько к нему прибавляло бы (См. Marshall, Alfr. Principles of Economies. 5 ed. p. 331). Если угодно, то мы уже имеем здесь дело со своего рода обменом,—обменом затраченных усилий на полученное удовлетворение (такую точку зрения высказывает, напр., Шумпетер, полагающий, что «можно перенести схему обмена на всякое хозяйственное действие», см. Das Wesen u. der Hauptinhalt der theoretischen - Nationalökonomie, стр. 50). Правда, указанное построение, т. е. подведение соразмерения выручек и затрат

*) Впрочем, нельзя сказать того, чтобы теория уравнения спроса и предложения была выдвинута лишь в новейшее время, ибо понятие уравнения спроса и предложения было известно и более старым писателям. См., напр., «Основания политической экономии», Дж. Ст. Милля, где мы находим превосходную формулировку закона уравнения спроса и предложения или, как Милль предпочитает выражаться, уравнения взаимного спроса (ибо предложение мы можем рассматривать как спрос) в применении к внешней торговле.

в пределах строго индивидуального хозяйства единичного хозяйствующего суб'екта под понятие обмена может показаться слишком искусственным (см. Юровский, Л. Н., ук. соч., стр. 32, прим.). Однако, нельзя не признать, что уже в этом соизмерении выручек и затрат, производимом единичным хозяйствующим суб'ектом,— соизмерении, выявляющем количественный принцип наших ценностных суждений, заложены основы феномена цены и денег (Ср. Струве, «Хозяйство и цена», т. I, стр. 4—5).

Из примера равновесия, приведенного Маршаллом, видно, что в тех случаях, когда нам приходится иметь дело с единичным хозяйствующим суб'ектом, являющимся одновременно производителем и потребителем, оба противоборствующие элемента равновесия—усилия и затраты, с одной стороны, и удовлетворение—с другой, непосредственно соприкасаются друг с другом, представляя собою психические оценки одного и того же лица. В меновом, в особенности же в капиталистическом, хозяйстве, построенном на применении наемного труда, положение складывается уже иначе. Здесь указанные два момента—оценка усилий и жертв—с одной стороны и оценка удовлетворения—с другой стороны—раз'единяются, образуя—первая цену предложения, исходящую от производителей или продавцов вторая—цену спроса, исходящую от потребителей или покупателей (причем, однако, не следует забывать, что предложение мы можем рассматривать, как спрос, а спрос, как предложение, вследствие чего и раз'единение оценок покупателей и продавцов, очевидно, не может быть полным).

Если мы обратимся, напр., к Маршаллу, то увидим, что в своем учении о равновесии он подробно анализирует оба эти элемента рыночной цены—элемент спроса и элемент предложения. Под ценой спроса Маршалл разумеет ту цену, по которой все имеющееся на рынке количество товара в известную единицу времени (день, неделю, год) может найти для себя покупателей. Условия, управляющие этой ценой для данного количества блага,— говорит Маршалл,—в отдельных случаях бывают различны (в данном случае необходимо, между прочим, считаться с различной степенью эластичности наших потребностей), но, во всяком случае, чем больше предлагается данного блага на рынке, тем ниже цена, по которой оно может найти себе покупателей, или, другими словами, цена спроса для каждого, скажем, бушеля или ярда понижается с каждым увеличением предлагаемого количества (342).

Что касается цены предложения, то, допуская на минуту, что для производства данного предмета не требуется ничего, кроме затраты труда, Маршалл приходит к выводу, что ценой предложения для данного количества блага будет та, которая должна потребоваться для того, чтобы вызвать трудовые усилия рабочих, необходимые для производства этого количества в данную единицу времени. Но так как для производства благ, вообще, требуются не только различные виды труда, но и употребление капитала в его различных формах, то реальные издержки производства блага, по мнению Маршалла, должны складываться из всех различных видов труда, которые прямо или косвенно вложены в производство предмета плюс жертва воздержания или, лучше сказать, ожидания, необходимая для сбережения капитала, употребляемого в производстве блага. Денежную сумму, которую требуется заплатить за все эти усилия и жертвы, Маршалл называет денежной стоимостью производства или, короче, издержками производства. Эти издержки производства суть те цены, которые требуется заплатить для того, чтобы вызвать соответствующее предложение усилий и жертв, необходимых для производства, или, другими словами, это есть цена предложения (Там же, стр. 339).

Однако, как указывает Маршалл, общие условия предложения представляются менее определенными, чем общие условия спроса. Они меняются в зависимости от длины периода, к которому относится исследование, главным образом потому, что как материальный капитал производства в форме машин и других приспособлений, так и не материальный капитал в форме искусства, ловкости и организации медленно растут и медленно уменьшаются (Там же, стр. 342).

Дело в том, что, по мнению Маршалла, большое влияние на рынок оказывает элемент времени. Как он указывает, рынки изменяются, во-первых, в зависимости от периода времени, который предоставляется «силам спроса и предложения для того, чтобы придти в равновесие друг с другом, и, во-вторых, в зависимости от площади, на которую они простираются. При этом этот элемент времени требует в настоящее время даже более пристального внимания, чем элемент пространства. Ибо природа самого равновесия так же, как и причин, которыми оно определяется, зависит от длины периода, на который простирается рынок. Если период короткий, то предложение ограничивается имеющимися на-

лицо запасами; если период длинный, то на предложение в большей или меньшей степени будут оказывать влияние издержки производства данного продукта, и если период очень продолжителен, то на эти издержки производства, в свою очередь, в большей или меньшей степени будут влиять издержки производства труда и материальных предметов, необходимых для производства блага. Эти три класса, конечно, неуловимыми ступенями переходят одна в другой (Там же, стр. 330).

Итак, спрос и предложение приходят на рынке в соприкосновение друг с другом, и это приводит к установлению между ними известного равновесия. Но что же такое равновесие? Маршалл отвечает на этот вопрос таким образом: «Когда, — говорит он, — произведенное (в единицу времени) количество таково, что цена спроса выше цены предложения, тогда продавцы получают больше, чем сколько достаточно для того, чтобы стоило производить блага на рынок в этом количестве, и тогда в производстве появляется активная сила, стремящаяся к увеличению количества, производимого для рынка. С другой стороны, когда произведенное количество таково, что цена спроса менее, чем цена предложения, тогда продавцы получают меньше, чем достаточно, для того, чтобы стоило производить товары для рынка в таком размере. В таком случае те, которые как раз находились на границе сомнения, следует ли им увеличивать производство, решают не делать этого, и, таким образом, в производстве возникает активная сила, стремящаяся уменьшить количество, доставляемое на рынок. Когда цена спроса равна цене предложения, производимое количество не имеет тенденции ни увеличиваться, ни уменьшаться; это есть равновесие.

Когда спрос и предложение находятся в равновесии, количество блага, которое произведено в единицу времени, может быть названо количеством равновесия, а цена, по которой оно продается, может быть названа ценой равновесия» (Там же, стр. 345).

Мы не предполагаем здесь подробно изучать проблему равновесия, исследовать различные возможные случаи этого равновесия и т. д. Тот теоретический подход к разрешению этого вопроса, который мы находим у Маршалла, является одним из лучших, но он не единственный. У. Л. Н. Юровского, напр., мы уже находим дальнейшую переработку теории Маршалла, причем Л. Н. Юровский, опираясь на работы наиболее выдающихся представителей новейшей политической экономии, особенно подчеркивает связь теории цены,

с учением о статике и динамике хозяйства (Очерки по теории цены, стр. 125 и сл.). Наоборот, П. Б. Струве стоит на той точки зрения, что идеи: 1) экономического равновесия и 2) различения статики и динамики в экономике—идеи, тесно между собою связанные и характерные для новейшей политической экономии в ее самых проницательных представителях (Кларк, Шумпетер), составляют тот доктринальный груз, который мешает ей решительно и последовательно встать на почву эмпиризма («Хозяйство и цена», ч. II, стр. 104, прим.). На всех этих разногласиях и различиях в оттенках мнений мы можем, однако, здесь не останавливаться, так как они нисколько не затрагивают и не колеблют основного и для нас в данном случае особенно важного положения, разделяемого всеми названными нами авторами, несмотря на различие их взглядов в других вопросах, – того положения, что цены не могут складываться вне зависимости от спроса. Но нам необходимо остановиться на вопросе о том, насколько правильно самое это основное положение, т. е. насколько верно то, что цены определяются соотношением предложения и спроса.

Известно, что теория издержек производства в том ее виде, как она была развита классической школой политической экономии, стояла на иной точке зрения. В тяготении цены к издержкам производства она видела такой закон, который стоит вне зависимости от спроса и определяется одними производственными условиями. Так именно, думал, напр., Рикардо. Однако, Рикардо в данном случае стоял на неправильной точке зрения, как это было доказано в русской литературе В. К. Дмитриевым.

«Рикардо — читаем мы, — в «Экономических очерках», вып. I, В. К. Дмитриева,—дает нам безукоризненный анализ закона, управляющего ценностью продуктов, отдельные порции которых производятся с различными издержками производства (в частности для случаев, когда издержки производства могут быть сведены к одному труду— с различными затратами труда), но анализ этот вовсе не доказывает, как это думает Рикардо, что ценность подобных продуктов не зависит в конечном счете от условий спроса и предложения, стремясь установиться на некотором уровне, зависящем исключительно от производственных условий. Напротив,... всякое изменение в условиях спроса и предложения (в конечном счете сводящееся к изменениям в области потребления...) неизбежно ведет к изменению цены продукта (= ценности в некотором продукте, собственная ценность которого принимается

за постоянную), хотя бы все производственные условия (не зависящие от хозяйственного расчета, а лишь от состояния техники и наличности различных природных факторов производства) остались без изменений» (34).

Существование такой же зависимости ценности блага от условий спроса и предложения устанавливается В. К. Дмитриевым также в отношении благ редких, монопольных—с одной стороны,—и благ, бесконечно воспроизводимых приложением труда и капитала в условиях, исключающих возможность возникновения ренты,—с другой (стр. 49—51, 60 и сл.).

Впрочем, существует мнение (его высказывает, напр., Маршалл), что даже и Рикардо не отрицал влияния полезности на цену продукта. Он только брал полезность за данное, так как ее влияние относительно просто, и рассматривал стоимость производства, так как влияние этой последней менее очевидно (цит. соч., стр. 314 и сл.). Что касается самого Маршалла, то он, как известно, отнюдь не отрицает значения закона издержек производства (в условиях стационарного государства, по его мнению, цена продукта определялась бы даже исключительно этим законом); но закон издержек производства, по теории Маршалла, как бы входит в систему закона спроса и предложения, поэтому он и полагает, что спорить о том, управляется ли цена полезностью или издержками производства, столь же бесполезно, как бесполезно спорить о том, какое лезвее ножниц — верхнее или нижнее — режет кусок бумаги (цит. соч., стр. 348—349; 367).

Те же самые соображения развивает Л. Н. Юровский. «Мы,—говорит он,—рассматривали все время цену, как функцию спроса и предложения. Кривая спроса указывает нам связь между оценками покупателей и ценою; кривая предложения—связь между ценою и оценками продавцов. Две эти кривые (или соответствующие им уравнения) определяли искомое значение цен. «Закон издержек производства» должен как бы войти в эту систему кривых или уравнений; кривая спроса так же, как и кривая предложения, должна учитывать его. Он не влияет на высоту цены какими-то особыми путями. Он не стоит вне закона спроса и предложения, а составляет содержание последнего при динамической постановке вопроса... Закон издержек производства не есть какой-либо принцип, занимающий положение рядом с теми общими началами, которые мы излагали в предыдущем очерке (где цена исследовалась, как функция количества благ, и выводилась из уравнений

спроса и предложения. А. С.); он выделяет лишь в пределах общих зависимостей один практически чрезвычайно важный ряд и указывает его значение. Не два механизма образования цен противопоставляются друг другу, а вслед за рассмотрением общих принципов всего механизма мы лишь переходим к изучению отдельных его частей» (Юровский Л. Н., у. с., стр. 152).

Итак, мы приходим к выводу, что правильная оценка блага, определяющая его действительное хозяйственное значение, не может основываться на учете одних только производственных условий и находиться вне всякой зависимости от спроса.

Но не стоит ли этот вывод в противоречии с трудовой теорией ценности К. Маркса? Мы полагаем, что он не стоит в противоречии и с этой теорией.

В самом деле.—Как известно, согласно учению К. Маркса, ценность продукта определяется количеством потраченного на его производство общественно-необходимого рабочего времени. Но что такое общественно-необходимое рабочее время? И может ли количество этого общественно-необходимого времени определяться независимо от условий спроса и предложения?

На этом вопросе останавливается В. К. Дмитриев и приходит к выводу, что, ставя ценность в зависимость от количества общественно-необходимого труда, теория, выводящая ценность из количества общественно-необходимого рабочего времени, тем самым ставит ценность в зависимость от условий спроса и предложения (в конечном счете от условий потребления), так как ничем иным, как условиями спроса и предложения, определяется, какое именно количество труда является в каждом данном случае общественно-необходимым.

Как указывает, далее, В. К. Дмитриев, чтобы поставить определение количества общественно-необходимого труда вне зависимости от условий спроса и предложения, некоторые сторонники этой формы трудовой теории ценности пытаются отожествить количество общественно-необходимого труда с средним количеством, употребляемым на производство данного продукта. «Но,—возражает Дмитриев, утверждать это—значит отрицать все, что сделано Рикардо для выяснения законов, управляющих ценностью продуктов, отдельные порции которых производятся с различными издержками производства. Анализ Рикардо не оставляет никакого сомнения в том, что ценность продукта определяется количеством труда, употребленного на производство данного продукта не при сред-

них, а при наиболее неблагоприятных условиях его производства».

По мнению В. К. Дмитриева, количество общественно-необходимого труда могло бы равняться среднему количеству лишь в том исключительном частном случае, когда сумма положительной ренты в данной отрасли в точности равнялась бы сумме отрицательной ренты («Экономич. очерки», вып. I, стр. 55—56).

Напомним, с своей стороны, что Маркс принимал теорию дифференциальной ренты и допускал вообще возможность существования разности между индивидуальной ценой производства производителей, поставленных в более благоприятные условия, и общественной ценой производства, регулирующей рынок всей соответственной сферы производства (см. «Капитал» т. III, ч. 2, гл. 38), откуда, повидимому, следует что и по Марксу ценность не всегда должна регулироваться средним количеством труда [1]). Но, если это так, то, очевидно, и к Марксу относится то положение, к которому приходит В. К. Дмитриев на основании точного анализа теории ценности Рикардо, а именно, что ценность продукта не может определяться одними производственными условиями вне всякой зависимости от спроса.

Что количество общественно-необходимого рабочего времени не может не находиться в зависимости от условий спроса, это, по нашему мнению, подтверждается следующим рассуждением самого Маркса в т. III «Капитала». «Закон стоимости,—говорит здесь Маркс,—проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся, благодаря разделению труда, сфер производства; следовательно, не только в том, что на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и в том, что из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество; потому что условием остается, чтобы товар представлял потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по

---

[1]) Конечно, положение должно было бы стать иным при социалистическом производстве, когда (как указывает Родбертус) ценность данного количества продукта должна будет нормироваться не по нормальному труду работающих в разных местах индивидов, а по среднему количеству труда, затраченного на всю массу производимого в обществе продукта данной категории (Родбертус. «Теория ренты и исследование о капитале». Пер. А. А. Кауфмана, стр. 221—222). Однако, и в этом случае зависимость цены продукта от спроса на него, как будет раз'яснено дальше в тексте, не отпадает.

себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит оттого, адэкватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, оттого, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной, потребностью распределен труд между различными сферами производства... Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе—вот что определяет здесь количества всего общественного рабочего времени, приходящиеся на различные особые сферы производства. Но это все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно тот закон, согласно которому потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт имеет лишь то касательство к отношению между необходимым и прибавочным трудом, что при нарушении этой пропорции не может быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, напр., бумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но, вообще-то, на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, т. е. часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех количеств общественного рабочего времени, которое можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще; хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения определенной общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество, при данных условиях производства на такой-то продукт определенного рода, может затратить лишь столько-то из всего рабочего времени, которым оно располагает»... («Капитал», т. III, ч. 2, пер. под ред. В. Базарова и И. Степанова, стр. 172—178). Впрочем, уже в первой главе I тома Марксова «Капитала» имеется указание на то, что цена продуктов может в некоторых случаях расходиться с их трудовой стоимостью (пример золота и бразильских алмазов, приводимый Марксом на стр. 5).

Такое же понимание общественно-необходимого времени разви-

вает также и К. Каутский. Для иллюстрации Каутский берет следующий пример.

«Предположим,—говорит он,—что в данном обществе общественно-необходимое время в данный период времени составляет для брюк 10.000 рабочих дней, а для подтяжек—1.000 рабочих дней. Это значит, что для того, чтобы удовлетворить общественный спрос на брюки и подтяжки при данном состоянии производительности труда, требуется указанное количество рабочих дней. Если продукт одного рабочего дня оценивается в 10 марок, то стоимость брюк будет равна 100.000 марок, стоимость подтяжек — 10.000 марок... Если теперь на фабрикацию подтяжек идет более рабочих сил, чем общественно необходимо, то соответствующее количество рабочих сил должно быть взято из каких-нибудь других отраслей труда, так как число находящихся в распоряжении общества рабочих сил ограничено; предположим для простоты, что эти рабочие силы отняты от портняжества. Вместо общественно-необходимого рабочего времени в 10.000 рабочих дней в одной отрасли производства и в 1.000 рабочих дней в другой мы находим, положим, 8.000 действительно потраченных рабочих дней в первой, 3.000—во второй: общество завалено подтяжками и терпит недостаток в брюках. Что произойдет от этого? Цены на подтяжки упадут, цены на брюки поднимутся. 3.000 рабочих дней, действительно потраченных в области производства подтяжек, будут представлять стоимость лишь 1.000 общественно-необходимых рабочих дней: стоимость одной пары подтяжек понизится до одной трети прежней ее величины; цена также упадет и, пожалуй, ниже трети. Стоимость же брюк будет попрежнему определяться общественно-необходимыми 10.000, а не действительно потраченными 8.000 рабочих дней, стоимость отдельных брюк будет равняться пяти четвертям прежней стоимости. Вследствие этого фабрикация подтяжек становится невыгодною, число посвящаемых ей рабочих сил сокращается, и избыток их направляется снова в производство брюк, сделавшееся чрезвычайно выгодным. Так регулируется производство законом стоимости при свободной конкуренции. Это, разумеется, не самый лучший, какой только можно придумать, способ регулировать производство, но он оказывается единственно возможным при частной собственности на средства производства»... («На другой день после социальной революции», стр. 29).

Из приведенных выдержек, как нам кажется, с полной ясностью вытекает, что, по воззрениям самого К. Маркса, за которым сле-

дует Каутский, количество общественно-необходимого рабочего времени не может определяться вне зависимости от общественных потребностей, т. е. вне зависимости от спроса. Ибо, если действительно потраченное рабочее время, хотя бы и соответствующее средним техническим условиям, окажется не пропорциональным общественной потребности, оно при оценке будет приниматься за величину, равную общественно-необходимому, с точки зрения общественной потребности, рабочему времени, хотя бы эта величина и была в одних случаях больше, а в других меньше действительно потраченного времени. Но если это так, то отсюда с несомненностью уже следует, что никакая чисто «производственная» оценка, т.е. оценка, опирающаяся исключительно на производственные условия, напр., в единицах труда («тредах»), не может дать вполне правильного представления о действительной ценности блага, а, следовательно, и не может быть положена в основу хозяйственного плана.

Мы приходим, следовательно, к выводу, что цена продукта не может не находиться в зависимости от спроса. Но при этом мы должны иметь в виду два случая: 1) случай свободной конкурренции и 2) случай монополии. Теория равновесия, развиваемая Маршаллом и другими авторами, предполагает существование свободной конкурренции. При существовании монополии цены, конечно, должны строиться иначе. Если в условиях свободной конкурренции равновесие наступает и цена окончательно устанавливается тогда, когда в максимуме будет количество обмененных благ, то при монополии цена, по общему правилу, установится так, чтобы в максимуме был чистый доход монополиста. Однако, получение этого небольшого чистого дохода вовсе не связано непременно с установлением наиболее высокой цены. Вполне возможны и постоянно бывают такие случаи, когда, понижая цену, монополист достигает большего дохода, так как понижение цены влечет за собою увеличение спроса (См. Marshall, гл. XIV, Теория монополии). Другими словами, это значит, что и при существовании монополии фактор спроса не утрачивает вполне своего значения, откуда, в свою очередь, вытекает, что и монопольную цену мы можем до известной степени рассматривать, как цену равновесия между спросом и предложением.

Сделаем теперь некоторые выводы, вытекающие из предшествовавшего изложения. Выводы эти могут быть формулированы таким образом:

1. При системе свободной конкурренции равновесие между спросом и предложением устанавливается при помощи рынка, при-

чем колебания цен представляют собой тот механизм, посредством которого это равновесие осуществляется и поддерживается.

2. Ни цена спроса, ни цена предложения сами по себе не являются ценою равновесия; последняя возникает лишь из столкновения этих цен (т. е. цены спроса и цены предложения).

3. Большое влияние на рынок, в смысле приспособления предложения к спросу, оказывает элемент времени.

4. Даже и при существовании монополии элемент спроса оказывает влияние на цены.

В условиях социалистического хозяйства также, очевидно, должно будет тем или иным путем устанавливаться равновесие между спросом и предложением. В самом деле, ведь и социалистическое хозяйство будет находиться, по крайней мере, в обозримом будущем под действием «космического факта ограниченности вещных благ». Для ближайшего будущего мы не можем предположить такого развития производительных сил, при котором открывалась бы возможность безграничного удовлетворения всех человеческих потребностей. Следовательно, некоторые потребности и в социалистическом обществе придется урезывать, ограничивать, т. е., другими словами, приводить спрос в равновесие с предложением. С другой стороны, благодаря неправильному распределению производительных сил, всегда может оказаться устранимый избыток или недостаток благ; в этом случае понадобится уже предложение привести в должное соответствие со спросом.

В то же время необходимо иметь в виду, что задача социалистического хозяйства будет заключаться в возможно более полном удовлетворении потребностей граждан. Стремление к максимальному удовлетворению потребностей населения должно, следовательно, стать основным руководящим началом социалистического хозяйства. И, если, как мы видели, даже монополист, стремящийся только к извлечению возможно большего чистого дохода, вынужден в той или иной степени считаться с интересами потребителей, то органы социалистического хозяйства должны будут, конечно, прежде всего руководиться потребностями населения.

Но достижение максимального удовлетворения представлялось бы, очевидно, невозможным на основе карточной, пайковой системы, без предоставления гражданам известной свободы выбора хозяйственных благ (к этому вопросу нам еще придется вернуться ниже). Поскольку же и в социалистическом обществе будет сохранена известная «свобода потребления», постольку здесь мы будем иметь

дело со спросом, в котором будут находить свое внешнее выявление суб'ективные оценки потребителей. Впрочем, даже и при существовании карточной системы эти суб'ективные оценки все же могли бы находить свое выражение, напр., в жалобах на недостаток каких-либо продуктов, в обмене одних продуктов на другие, который мог бы происходить между отдельными гражданами, и т. д.

Итак, и в социалистическом хозяйстве при сохранении свободы потребления должна будет выявиться оценка со стороны потребителей, т. е. то, что Маршалл называет ценою спроса.

Спрашивается теперь, **возможно ли создать в социалистическом хозяйстве в целях учета благ какую-либо счетную единицу, не зависящую от оценки благ со стороны потребителей?**

Несколько времени тому назад вопрос этот подробно обсуждался в нескольких правительственных комиссиях, в которых принимали участие представители различных советских учреждений, при чем, если оставить в стороне проекты чисто материального учета, то здесь наметились два основных течения: одни стояли за расценку в новой счетной единице—т. н. тредах (трудовых единицах); другие же настаивали на сохранении валютирования в денежной единице—рубле. С этой точки зрения представляют интерес мнения, представленные В. А. Миллером и С. Г. Струмилиным— с одной стороны, и А. П. Рудановским— с другой.

В. А. Миллер и С. Г. Струмилин, «исходя из того положения, что в основе стоимости, как экономической категории, лежит труд, что историческая форма стоимости зависит от общественных отношений производства и распределения и что в планомерно организованном трудовом обществе производительные отношения регулируются не стихийным взаимодействием спроса и предложения, а общественными нормами производства и потребления», полагали, что «в рамках советского строя счетным выражением трудовой стоимости может служить лишь абстрактная норма, установленная центральными руководящими органами».

Указанные авторы полагали далее, что «интересы хозяйственного учета требуют форсированного введения новой счетной единицы в форме трудового эквивалента. И как бы несовершенны ни были первые попытки установить трудовой прейс-курант для материальных ценностей, обращающихся внутри советского хозяйства, следует признать, что амплитуда колебаний, во всяком случае, будет ограничена тесными рамками колебаний в области

производительности труда. Поэтому, чем скорее будет приступлено к выражению реального содержания трудовых процессов в их новой общественной форме при помощи трудового эквивалента, лишенного всякого фетишизма и свободного от влияния спроса и предложения, тем короче будет путь к рациональной организации общественного хозяйства».

Иначе подошел к этому вопросу А. П. Рудановский, который в своем мнении выставил ряд положений, в основе своей совершенно правильных, хотя и не совсем удачно формулированных. Заслуживают внимания следующие положения А. П. Рудановского. «Оценкой хозяйственного процесса, с точки зрения производства,— говорит он,—определяется стоимость, которая зависит от количества труда, необходимого для возобновления потребного количества производимых вещей со скоростью, отвечающей времени их потребления; оценкою же хозяйственного процесса, с точки зрения потребления, определяется ценность, которая зависит от числа требований, пред'являемых к произведенному количеству вещей в течение срока или периода, отвечающего их воспроизводству»...

«Так как настоящая оценка хозяйственного процесса,—говорится, далее, в мнении А. П. Рудановского,—достигается лишь постольку, поскольку производственная оценка (стоимость) и потребительная оценка (ценность) в пределе уравниваются между собою, то единица хозяйственной оценки должна быть комплексом единицы стоимости и единицы ценности, где обе единицы безусловно уравнены или, что то же, находятся в неизменно постоянном соотношении или неразрывной связи; тогда измерение стоимости и ценности общею им, связывающею их, производственно-потребительною единицею будет всегда давать баланс, показывающий величину их взаимного отклонения от уравнения».

Итак, по мнению А. П. Рудановского, для правильного учета хозяйственных процессов нужна, как он выражается, «комплексная единица», т. е. единица, представляющая собою «неразрывное сочетание единицы стоимости с единицею ценности». Пользуясь терминологией Маршалла, мы могли бы эту мысль формулировать так: истинное значение каждого блага может быть определено только по цене равновесия; последняя же возникает из столкновения цены предложения и цены спроса (производственной оценки или стоимости и потребительной оценки или ценности по терминологии А. П. Рудановского). В таком виде эта мысль А. П. Рудановского нам представляется совершенно правиль-

вой. Вывод же, который из нее вытекает, сводится к тому, что мы не можем создать какой-то особой производственной оценки или, точнее, мы не можем такую оценку признать достаточной и самодовлеющей вне связи ее с потребительной оценкой (ценою спроса).

Вывод этот, как нам кажется, согласуется и с теми приведенными выше рассуждениями К. Маркса и Каутского, где они развивают ту мысль, что количество общественно-необходимого рабочего времени не может определяться вне зависимости от общественных потребностей, т. е. вне зависимости от спроса. И, в самом деле, если действительно потраченное рабочее время, хотя бы и соответствующее средним техническим условиям, может иногда оказаться непропорциональным общественной потребности и в этом случае оно при оценке будет приниматься за величину, равную общественно-необходимому (с точки зрения общественной потребности) рабочему времени,—хотя бы эта величина и была в одних случаях больше, а в других меньше действительно потраченного времени,—то отсюда, с несомненностью, уже следует, что никакая чисто «производственная» оценка, т. е. оценка, опирающаяся исключительно на производственные условия, наприм., в единицах труда («тредах»), не может дать вполне правильного представления о действительной ценности блага, а, следовательно, и не может быть положена в основу хозяйственного плана.

Итак, и в социалистическом обществе истинное представление о действительном хозяйственном значении блага может дать только цена, т. е. оценка, возникающая на основе уравнения спроса и предложения.

Но здесь возникает вопрос, каким же образом это уравнение спроса и предложения будет происходить в социалистическом хозяйстве?

Дело в том, что социалистическое хозяйство должно будет представить собою совершенно особый тип хозяйства. В отличие от народного хозяйства, как бессуб'ектной системы единичных хозяйств, социалистическое хозяйство будет до известной степени (хотя далеко не вполне, о чем ниже) приближаться к понятию суб'ективного телеологического единства, и таким образом по своей формальной структуре обладать чертами индивидуального

хозяйства. Однако, в то же время существенное отличие социалистического хозяйства от единичного хозяйства заключается в том, что первое (т. е. социалистическое хозяйство) будет являться общественным хозяйством—хозяйством, которое должно будет возникнуть на основе народного хозяйства, как системы взаимодействующих хозяйств, которое охватит огромное количество людей, и в котором неизбежно поэтому должны будут возникнуть такие функции и такие явления, которые будут уже сближать это хозяйство с системой хозяйств.

Таким образом, природа социалистического хозяйства будет отличаться, как от природы замкнутого и вообще индивидуального хозяйства, так и от природы народного хозяйства, почему и уравнение спроса и предложения не может здесь устанавливаться ни тем путем, каким оно устанавливается в хозяйстве единичного хозяйствующего суб'екта, ни тем путем, каким оно осуществляется при системе свободной конкуренции [1].

В хозяйстве единичного хозяйствующего суб'екта, являющегося одновременно производителем и потребителем, равновесие между затраченными усилиями и полученными результатами может осуществляться, как мы видели, на основе чисто суб'ективных оценок. В хозяйстве социалистическом равновесие таким путем осуществляться, конечно, не может, ибо, хотя социалистическое хозяйство приближается, как мы видели, по своей формальной структуре к сингулярному хозяйству, однако, как было выяснено выше, это формальное сходство не устраняет того существенного различия между этими двумя видами хозяйства, что первое является индивидуальным, а второе—общественным, и в первом удовлетворяются собственные потребно-

---

[1]) Говоря об особенностях природы социалистического хозяйства, необходимо, однако, иметь в виду, что те три понятия (простой совокупности, системы и единства), на которых Струве строит свою классификацию, (принятую, между прочим и Бухариным в его «Экономике переходного периода») трех типов хозяйственного строя (натурального хозяйства, народного хозяйства и коллективизма)—отнюдь не раз'единены между собою непроходимой пропастью, ибо система есть совокупность, хотя и не наоборот, и единство есть система, хотя и не наоборот.

Отсюда, между прочим, вытекает то, что основные экономические категории, хотя бы в зародышевой форме, не могут не быть присущи всем этим трем типам хозяйственного строя, а, с другой стороны, то, что выводы, полученные нами при изучении народного хозяйства, в особенности если мы при этом пользуемся т. е. социально-органическим методом, т. е. исходим из представления о народном хозяйстве, как целом (хотя и не как единстве), не могут не сохранять известного значения в применении к социалистическому строю. На этом основании мы, между прочим, думаем, что и теория цены, как она разрабатывается в условиях народного хозяйства, не может не заключать в себе некоторых положений, применимых и к социалистическому хозяйству.

сти с помощью собственного труда, а во втором—чужие потребности с помощью чужого труда (Зомбарт). В то же время в социалистическом хозяйстве не будет и рынка, на котором равновесие устанавливается стихийно на основе свободной игры спроса и предложения.

Каким же образом равновесие будет устанавливаться в социалистическом хозяйстве?

Важнейшая особенность социалистического хозяйства будет заключаться в том, что здесь весь хозяйственный процесс будет регулироваться соответствующим органом (или органами) общественной власти. Установление равновесия между предложением, т. е. между имеющимся в распоряжении общественной власти запасом благ, предназначенных к распределению, и спросом на них, должно составить задачу этого органа социалистического общества. Чтобы выполнить эту задачу, соответствующий орган должен учесть размер производительных сил общества, количество имеющих быть произведенными продуктов, с одной стороны, и размер общественной потребности—с другой. Выполнение уже и первой задачи, очевидно, сопряжено с большими трудностями, ибо действительно полученное количество продуктов всегда может разойтись с предположенным (в особенности, напр., в области сельского хозяйства). Но особенно сложную и трудную задачу должен представить учет человеческих потребностей, крайне разнообразных и изменчивых, постоянно сменяющих одна другую.

Родбертус высказывает ту мысль, что установление размера потребностей не должно будет вызывать больших затруднений, т. к. общество будет исходить при этом из количества имеющихся в его распоряжении рабочих сил. Общество будет производить продукты и оказывать различные услуги лишь настолько, насколько ему позволит это имеющееся в его распоряжении количество труда. Но в том то и дело, что это имеющееся в распоряжении общества количество труда должно быть наиболее целесообразно распределено между отдельными потребностями, и перед обществом должен встать вопрос о том, как это сделать. Конечно, эта задача учета потребностей была бы сильно облегчена, если бы граждане социалистического общества были посажены на определенный паек и должны были бы ограничиваться в своем потреблении лишь тем, что им дают. Но в таком случае, как уже нами отмечалось, нужно было бы отказаться от мысли о максимальном удовлетворении потребностей.

Вот почему и гражданам социалистического государства необходимо будет предоставить возможность самим выявлять свои потребности путем свободного выбора тех или иных благ. При этом всегда может, конечно, получиться, что на один продукт существует большой спрос, и его поэтому не хватает, а на другой — спроса нет, и он поэтому имеется в избытке. В таком случае социалистическому обществу придется, очевидно, пустить в ход тот же прием, который применяется рынком в условиях менового хозяйства, т. е. повысить цену на один товар и понизить на другой и таким путем восстановить равновесие между предложением и спросом. Прибегать к этому приему представится тем более необходимым, что, ведь, и к социалистическому обществу применимо то соображение Маршалла, которое он высказывает в отношении капиталистического общества, а именно его указание на то, что всегда требуется известный срок, известное время для того, чтобы предложение могло приноровиться к спросу.

Правда, равновесие между спросом и предложением может быть установлено не только путем повышения и понижения цен, но и иным путем, а именно путем нормирования потребления тех продуктов и услуг, в которых ощущается недостаток. Быть может, в некоторых случаях, а именно, в случаях крайнего недостатка в предметах самой первой необходимости, потребность в которых не может быть сокращена и за которые люди готовы отдать последнее, что они имеют,— указанный порядок распределения, т. е. равный дележ недостающего продукта по определенным нормам между всеми,— даже в большей степени отвечает принципу максимального удовлетворения, чем распределение на основе колебания рыночных цен,— если только принудительное регламентирование потребления, неизбежно в таких случаях сопровождающееся (при существовании частных производителей) принудительной регламентацией производства, конфискацией имеющихся запасов и т. д., не приводит к дальнейшему сокращению количества производимых продуктов, и если только равный раздел фактически возможен и не приводил бы на практике лишь к крайне нерациональному использованию данных предметов или услуг, напр., услуг железных дорог, трамвая и т. д.

Однако, установление определенных норм для потребления неизбежно основывалось бы на тех или иных предварительных исчислениях и предположениях, которые могли бы разойтись с действительной потребностью отдельных лиц. Вследствие этого установленная норма могла бы оказаться слишком высокой для одних и слишком

низкой для других (мы берем здесь более нормальное положение вещей, а не тот случай, когда потребности населения не удовлетворяются даже в пределах физиологического минимума), а это значит, что распределение по нормам, как это уже нами отмечалось, противоречило бы принципу максимального удовлетворения потребностей. Поскольку же, заметим кстати, это распределение по нормам связывалось бы, кроме того, и с бесплатной раздачей продуктов, постольку это приводило бы к тому, что многие брали бы и те продукты, в которых они не испытывают никакой надобности.

Итак, ни статистика, ни какие-либо другие приемы исчисления не могут дать нам точного учета человеческих потребностей, так как потребности эти, рождаясь не только в области желудка, но и в причудливой области человеческой фантазии, представляют собою нечто глубоко суб'ективное, изменчивое и непостоянное. Вот почему максимальное удовлетворение потребностей может быть достигнуто только в том случае, если каждому будет предоставлена возможность свободного выбора хозяйственных благ, а предложение будет приноравливаться к этому, постоянно изменяющемуся, спросу. Правда, теория, согласно которой максимум удовлетворения для всего общества достигается в том случае, когда каждый расходует свой доход, как он хочет, нуждается, быть может, в некоторых поправках. Так, Маршалл указывает на то, что для общества не безразлично, расходует ли данное лицо свой доход так, что это ведет к увеличению доходов людей бедных или богатых; в первом случае оно, очевидно, в большей степени содействует общему благосостоянию, чем во втором. Равным образом, не безразлично для общества, будет ли данное лицо расходовать свои средства на блага, подлежащие закону возрастающих издержек производства, или на блага, подлежащие закону уменьшающихся издержек производства, ибо в первом случае оно затрудняет, а во втором облегчает получение тех же благ для своих соседей. Поэтому, по мнению Маршалла, необходимо исследовать, в какой мере общество могло бы воздействовать на отдельных индивидов для того, чтобы направить их действия по таким путям, которые приводили бы к наибольшему увеличению суммы общего благополучия (ук. соч., стр. 474—475).

Не трудно, однако, видеть, что приведенные соображения Маршалла относятся собственно к системе свободной конкуренции. Из них нужно сделать только тот вывод, что система свободной конкуренции, связанная с имущественным неравенством, не есть тот идеальный

экономический строй, при котором должна достигаться наивысшая ступень максимального удовлетворения. Но соображения Маршалла отнюдь не опровергают того положения, что общий максимум удовлетворения может быть достигнут только на основе свободного (по крайней мере, в известных пределах) стремления каждого к осуществлению своего максимума удовлетворения. Лишь таким путем, т. е. в результате «действия разных сил, из которых каждая действительно стремится осуществить свой максимум удовлетворения» (Струве, «Хозяйство и цена», ч. II, стр. 31), возникает общий максимум удовлетворения при системе свободной конкуренции. Но таким же путем должен слагаться общий максимум удовлетворения и при социалистическом строе [1]).

По этим соображениям, мы не можем вполне разделить мнение П. Б. Струве, который полагает, что «в социалистическом хозяйстве самой проблемы максимального удовлетворения в том виде, как она ставится по отношению к системе свободной конкуренции, не может существовать, ибо в социалистическом обществе «ex hypothesi» взаимодействие автономных хозяйствующих суб'ектов отсутствует, и не максимум удовлетворения определяется из хозяйственного процесса, а хозяйственный процесс или план построяется в зависимости от заранее установленного идеала или максимума удовлетворения,— откуда Струве делает, далее, тот вывод, что «система свободной конкуренции» и «социалистическое общество» не могут быть вовсе правомерно сравниваемы с точки зрения максимума удовлетворения» (ук. соч., стр. 31—32).

«Проблема максимума удовлетворения,—пишет далее П. Б. Струве,—как она ставится по отношению к «системе свободной конкуренции» ,могла бы быть поставлена в отношении к социалистическому обществу или вообще ко всякому хозяйству, понимаемому в смысле суб'ективного телеологического единства, лишь в том случае, если бы мы условились такое хозяйство рассматривать по аналогии с системой хозяйств, т. е. идти методологическим путем, обратным тому, который под наименованием метода Кене так усиленно рекомендует Туган-Барановский. В некоторых случаях при-

[1]) Конечно, удовлетворение самых причудливых потребностей со всеми их оттенками не гарантировано и при системе цен. Но принципиально важно то, что при системе цен мы пользуемся свободой выбора желаемых предметов, и эта свобода выбора уже сама по себе является для нас огромным благом которое, не может быть заменено никакими выгодами даже самой совершенной пайковой системы распределения. Но свобода выбора благ неизбежно, конечно, будет вносить расстройство в намеченный план снабжения населения.

менение фикции обмена к безобменному хозяйству может быть, на самом деле, плодотворным, но проблема максимума удовлетворения сама по себе имеет настолько абстрактное и формальное значение, что постановка этой проблемы по отношению к хозяйству, методологически приравниваемому к системе хозяйств, есть не более, не менее как игра ума, бесплодная в научном отношении» (там же, стр. 32).

Однако, между понятиями системы и единства нет какой-либо непроходимой пропасти. С другой стороны, не следует забывать того, что хотя социалистическое хозяйство мы и мыслим себе, как нечто, приближающееся к понятию суб'ективного телеологического единства, однако, это все же будет не индивидуальное, а общественное хозяйство, об'емлющее большую совокупность лиц, из которых каждое, как бы не была велика солидарность его интересов с интересами всего общества, неизбежно должно будет в той или иной степени противопоставлять себя, как индивида, обществу, как целому [1]. Далее, в социалистическом обществе может, а с нашей точки зрения и должна, сохраниться свобода потребления, в социалистическом обществе может, а с нашей точки зрения и должно, существовать нечто, напоминающее теперешние рыночные цены и рыночный обмен. А, если это так, то нельзя не притти к заключению, что и при социалистическом строе общий максимум удовлетворения может быть достигнут только на основе свободного (по крайней мере, в сфере потребления) стремления каждого индивида осуществлять свой максимум удовлетворения.

Из предшествующего изложения видно, что закон спроса и предложения должен сохранить свою силу и при социалистическом строе. Но, конечно, действие этого закона в условиях социалистического хозяйства видоизменится. При социалистическом строе все, или почти все, производство будет сосредоточено в руках государства. Предложение будет, следовательно, исходить только от него: государство будет выступать как бы в роли монополиста. Другими

[1]) В самом деле, нельзя себе представить, чтобы суб'ективные оценки всех граждан социалистического общества во всем безусловно совпадали. Такое расхождение суб'ективных оценок постоянно наблюдается даже в пределах семейного, т. е. единичного хозяйства. Тем более возможно такое расхождение суб'ективных оценок в социалистическом хозяйстве, которое будет охватывать большее число людей с разными желаниями, стремлениями и интересами. На этом последнем основании мы, между прочим, не считали бы вполне правильным подводить социалистическое хозяйство на-ряду с единичным хозяйством под понятие суб'ективного телеологического единства, ибо общественное хозяйство никогда не сможет превратиться в хозяйство единичное.

словами, в условии социалистического хозяйства цены должны строиться иначе, чем при режиме свободной конкуренции, когда мы предполагаем наличность соревнования как на стороне покупателей, так и на стороне продавцов; но они, очевидно, не могут строиться и так, как они строятся в условиях капиталистического строя при существовании монополии, ибо социалистическое государство будет монополистом совершенно особого рода,—не тем монополистом, который стремится к извлечению возможно большей выгоды, а монополистом, который ставит себе задачей достижение наибольшей суммы общественной пользы. Следовательно, относительно социалистического государства мы должны предполагать, что оно будет устанавливать цены скорее слишком низкие, чем слишком высокие. Однако, и социалистическому государству придется считаться с тем, что, если оно будет продавать свои продукты по цене, отстающей от цены равновесия, т. е. от той цены, при которой должно установиться уравнение спроса и предложения при данном их соотношении, то это поведет к тому, что спрос превысит предложение, и часть спроса останется неудовлетворенной.

От социалистического государства будет зависеть установить ту или иную цену предложения. Но и социалистическое государство не сможет распространить свою власть на суб'ективные оценки потребителей. Поэтому, пусть даже социалистическое государство те или иные продукты будет раздавать бесплатно, но, если эти продукты будут раздаваться в недостаточном количестве, оценка их со стороны потребителей будет весьма высока.

Каким образом будет определяться себестоимость продукта при социалистическом строе?

На этот счет проф. М. И. Туган-Барановский высказывает следующее соображение. «Существенная разница между строением цен при социализме и при капитализме,—говорит он,—будет лежать . . . . . . в области распределения общественного труда между различными отраслями производства. При социализме это распределение будет управляться . . . . непосредственно трудовым фактором — относительной трудовой стоимостью каждого продукта; при капитализме же трудовой фактор действует лишь косвенно, как капиталистические издержки производства, осложняясь иными не трудовыми элементами». «Итак,—продолжает проф. М. И. Туган-Барановский,—непосредственным регулятором цен при социализме, как и при капитализме, будет соотношение общественного спроса и общественного предложения; за пределами же рынка при социа-

лизме регулятором общественного предложения будет трудовая стоимость каждого продукта, между тем, как при капитализме таким регулятором являются капиталистические издержки производства». (См. «Социализм, как положительное учение», стр. 106—107).

Для нас, однако, не представляется достаточно ясным, каким образом это может происходить, что в то время, как на продукты будут устанавливаться цены, регулируемые соотношением спроса и предложения,—за пределами рынка при социализме регулятором общественного предложения будет трудовая стоимость каждого продукта. Но ясно ли, что раз сохраняется цена на продукты, то, именно, цены и будут регулировать собою как спрос, так и предложение? И этот вывод для Туган-Барановского, казалось бы, должен был бы быть тем более обязательным, что, вопреки обычному представлению о том, что социализм приведет к трудовой цене, он сам признает и считает нужным это подчеркнуть, что социалистическая цена далеко не всегда будет трудовой ценой (ук. соч., стр. 107)[1].

Приведенные выше соображения относятся, главным образом, к тем предметам и продуктам, которые идут непосредственно на потребление. Но возникает вопрос о том, **как при социалистическом строе будут оцениваться те средства и орудия производства, например,** некоторые виды машин, которые по самым своим внешним свойствам предназначаются исключительно для производства? Что касается количества производительных сил, которые общество должно будет затратить на производство таких машин, то оно будет зависеть, конечно, от размеров общественного спроса, который будет проявляться через посредство тех предприятий, которые будут употреблять данные материалы, орудия и средства производства для

[1]) Как известно, Туган-Барановский стоит на той точке зрения, что трудовая стоимость продукта, являющаяся лишь другим выражением понятия производительности труда, «не может не быть одним из условий, определяющих хозяйственный план—распределение человеческого труда между различными отраслями производства. И легко понять, что трудовая стоимость играет решающую роль в составлении хозяйственного плана» («Основы полит. экономии». 2 изд. Стр. 46—47). По этому поводу, однако, Н. Бухарин правильно замечает, что хозяйственный план, о котором говорит Туган-Барановский, есть категория индивидуального хозяйства, и притом хозяйства натурального, которое производит для себя самые разнообразные блага. К капиталистическому хозяйству и даже к отдельным капиталистическим предприятиям эта категория уже неприменима («Полит. экономия, рантье». Стр. 194). Мы тоже, с своей стороны, думаем, что, вследствие отличия социалистического хозяйства, как общественного, от индивидуального замкнутого хозяйства, категория трудовой стоимости не может играть решающей роли в социалистическом хозяйстве, где цены продуктов также всегда могут отклоняться от их трудовой стоимости.

выработки соответствующих продуктов и изделий. Но это, очевидно, еще не будет давать оснований к установлению оценки каждой данной машины, каждого данного орудия, инструмента и т. д.; а в то же время, некоторые, по крайней мере, из этих машин и орудий совсем не будут предлагаться на оценку потребителей, а будут непосредственно передаваться из государственного предприятия, вырабатывающего соответствующие материалы и средства производства, в государственное предприятие, их использующее.

По этому поводу нельзя, однако, не указать, что с проблемой оценки т. н. нерыночных продуктов приходится иметь дело и в условиях менового хозяйственного строя. В частности, вопрос об оценке нерыночных продуктов всегда возникает в области сельского хозяйства, где к числу таких нерыночных продуктов относится навоз и, отчасти, об'емистый корм (прежде всего сено) и работа собственного рабочего скота. Проф. А. Скворцов, исследовавший этот вопрос в специальной работе «К вопросу об оценке нерыночных продуктов в сельско-хозяйственном счетоводстве» (см. «Известия Петровской Земледельческой и Лесной Академии», год VIII), пришел к выводу, что оценка таких нерыночных продуктов по рыночным ценам представляет собою неправильный прием, так как при этом в счет были бы введены величины, совершенно внешние для хозяйства и не имеющие никакого отношения к способу производства и потребления данного продукта в хозяйстве. Введенные таким образом в счетоводство величины представляли бы собою величины средние и, в силу этого, были бы несравнимы с другими величинами, входящими в счетоводство, так как последние отражают в себе влияние условий того года, к которому относится отчет. Кроме того, по мнению проф. А. Скворцова, хозяин оценивает продукты, потребленные в хозяйстве по иным основаниям, чем те же продукты, назначенные для рынка. В последних потребительная ценность их имеет для него значение только постольку, поскольку от нее зависит их меновая ценность прежде всего или цена; в продуктах же, потребляемых в хозяйстве, ценится именно их потребительная ценность прежде всего, т. е. их способность доставить при употреблении их в дело большее или меньшее количество потребительных ценностей как в форме рыночных, так и в форме нерыночных продуктов (149—150).

С своей стороны, проф. А. Скворцов предлагает другие способы оценки нерыночных продуктов, а именно оценку по стоимости производства продукта и оценку по высоте оплаты про-

дукта, причем в основу как того, так и другого метода оценки, по его мнению, должны быть положены следующие положения:

1) Все величины, указывающие стоимость и оплату продуктов, обращающихся в хозяйстве, должны быть выведены из данных хозяйства за тот год, к которому относятся эти величины.

2) Все внешние для хозяйства величины (рыночные цены и рента) не должны фигурировать в вычислениях, ибо не этими внешними величинами определяется строй и доходность хозяйства, а, наоборот, внутренние, в самом хозяйстве и его строе лежащие причины определяют величину его доходности и ту цену, по которой данный продукт мог бы быть доставлен хозяйством на рынок (154).

Но любопытно, что когда проф. А. Скворцов переходит к определению стоимости производства навоза (оговариваясь, что цену нерыночных продуктов, особенно навоза, приходится устанавливать все же до известной степени произвольно или, точнее, условно (стр. 157), то к числу расходов он относит денежный расход на оплату работы постоянных рабочих при лошадях и на уборку и хранение соломы после обмолота (182—3). Далее проф. А. Скворцов признает, что для хозяина важно бывает часто узнать, как оплачивается тот или другой, употребляемый в хозяйстве, материал, т. е., другими словами, для него важна оценка по высоте оплаты продуктов (стр. 191 и сл.); под оплатой же продукта проф. А. Скворцов разумеет всю сумму денег, полученную вследствие переработки в хозяйстве данного нерыночного продукта в меновые ценности (стр. 155). Но если все это так, то не доказывает ли это, что и при тех способах оценки нерыночных продуктов, которые рекомендует проф. А. Скворцов, мы все же не бываем в состоянии совершенно избежать обращения к ценам и деньгам.

То же самое, несомненно, будет происходить и в социалистическом хозяйстве. Правда, здесь масса нерыночных продуктов будет гораздо более значительна, почему и определение себестоимости этих продуктов будет наталкиваться на еще большее затруднение. Но поскольку и при социалистическом строе сохранится заработная плата, т. е. цена труда, поскольку и при этом строе предметы потребления будут иметь свою цену, постольку, очевидно, и в социалистическом хозяйстве при определении себестоимости предметов, хотя бы и не предназначенных для

непосредственного потребления, нельзя будет отрешиться от цен и денег, ибо в стоимость этих продуктов будет введена цена труда и цена тех материалов и предметов, которые могут быть обращены не только на производство средств производства, но и непосредственно на потребление и, следовательно, должны носить на себе прямую потребительскую оценку (напр., железо для производства машин и железо для кровли). Кроме того, стоимость материалов, орудий и средств в производстве должна будет определиться стоимостью тех предметов непосредственного потребления, которые из них или с их помощью будут вырабатываться, но стоимость предметов потребления, как выше было указано, и в социалистическом хозяйстве будет выражаться опять-таки в ценах.

Переходим теперь к вопросу о деньгах.

Сохранятся ли деньги в условиях социалистического строя?

Родбертус и Каутский, как мы видели, отвечают на этот вопрос утвердительно. Но Родбертус мыслит себе деньги социалистического общества в форме «рабочих свидетельств», которые выдавались бы каждому производителю в удостоверение того, что им выполнено определенное количество нормального труда, и которое давало бы ему право в обмен на это удостоверение получить из общественных магазинов равную ценность в виде любых предметов потребления. Другими словами, проект Родбертуса сводится к проекту создания «рабочих денег». Последние, по мысли Родбертуса, будут служить в социалистическом хозяйстве орудием обращения, поскольку в нем вообще будет надобность (ибо для направления производства с одной ступени на другую при социализации всей земли и всего капитала в таком орудии уже не было бы нужды). При этом, с точки зрения Родбертуса, проектируемые им нормальные рабочие свидетельства являлись бы идеально-совершенными деньгами, ибо они, во 1-х, были бы совершенным мерилом ценностей, так как на каждом из них изображалась бы известная сумма ценности, выраженная в той же единице, в какой ценность была бы нормирована; во-2-х, были бы, безусловно достоверны, ибо выпускались бы лишь по мере изготовления обозначенных ими ценностей, и, в 3-х, исполняя в наивысшем совершенстве все функции денег, сами по себе были бы лишь не имеющими ценности клочками бумаги («Теория ренты и исследование о капитале», перевод А. А. Кауфмана, стр. 223—224).

Однако, если проектируемые Родбертусом нормальные рабочие свидетельства являлись бы лишь представителями соответствующих количеств труда, то не ясно ли, что именно поэтому они и не могли бы служить самостоятельным мерилом ценности, подобно тому, как не служит им банкнота, писанная и разменная на золото?

Что касается Каутского, то его соображения по вопросу о природе и функциях денег в условиях социалистического хозяйства (в брошюре «На другой день после социальной революции») отличаются чрезмерной краткостью и большой неясностью. Ясно, впрочем, что Каутский мыслит себе деньги социалистического государства не в форме рабочих свидетельств, а в форме денег, приближающихся по своему характеру и значению к теперешним деньгам. Однако, он полагает, что при социалистическом строе деньги утратили бы, по крайней мере, в сфере внутреннего обращения, некоторые из теперешних функций и прежде всего функцию мерила стоимости. Но тогда возникает вопрос «чем же будет измеряться ценность продуктов в социалистическом хозяйстве»? С точки зрения Родбертуса, мерилом ценности служило бы количество нормального труда. Но Каутский, как мы знаем, признает, что в социалистическом хозяйстве цены могут отклоняться от трудовой стоимости, а если так, то цены, очевидно, не могут измеряться трудовыми единицами, следовательно, должно понадобиться какое-то другое мерило ценности.

Для Туган-Барановского деньги являются тем признаком, с помощью которого он проводит разницу между социализмом и коммунизмом.

Под социалистическими системами он разумеет те системы, при которых сохраняется (в известных пределах) категория индивидуального дохода, логически предполагающая свободу распоряжения доходом, свободу расходования дохода по своему вкусу, а вместе с тем и право личного владения предметами потребления. При этих системах предметы потребления должны иметь свою цену, цена же должна быть выражена в деньгах.

Что касается коммунизма, то при нем категория индивидуального дохода совершенно упраздняется, а вместе с тем отвергается частная собственность на все предметы хозяйства без различия, в том числе и на предметы потребления. При этом коммунистический строй представляется Туган-Барановскому в двух различных формах. Возможен, прежде всего, коммунизм, принудительно нор-

вирующий предметы потребления; такой коммунизм, по мнению Тугана-Барановского, должен быть решительно отвергнут, ибо он не совместим со свободной человеческой личностью. Во-вторых, теоретически можно себе мыслить и такую систему коммунизма, при которой будет осуществляться полная свобода потребления, т. е. такой порядок вещей, когда каждый член общества будет иметь возможность в неограниченном количестве и притом совершенно задаром получать от общественного хозяйства все те блага и услуги, в каких он нуждается. Но такое счастливое состояние, очевидно, создастся для человечества только тогда, когда оно уже перейдет из «царства необходимости» в царство свободы, т. е. когда, в сущности, уже не будет хозяйства, когда исчезнет самое понятие хозяйства, неразрывно соединяющееся у нас теперь с представлением о тяжелых трудовых условиях, с одной стороны, и недостатке благ—с другой. Как бы то ни было, но при коммунистическом строе в деньгах, разумеется, уже не будет необходимости, почему Туган-Барановский и проводит между социализмом и коммунизмом ту разницу, что общественное хозяйство при социалистическом строе будет носить денежный характер, а при коммунистическом строе—натуральный.

Итак, в социалистическом обществе деньги, по мнению М. И. Туган-Барановского, должны будут остаться. Но в социалистическом обществе, так думает Туган-Барановский, деньги будут уже совершенно иной природы: ничего общего с товаром они иметь не будут. «Социалистические деньги—пишет цитируемый нами автор—явятся вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества, как, напр., метрическая система мер была результатом сознательного творчества революционной Франции. Даже более — социалистические деньги в гораздо большей степени, чем метр или аршин, будут актом общественного творчества, ибо метр или аршин все же определенные об'ективные величины, доли об'ективного протяжения. Чтобы измерить длину того или иного предмета, нужно физическое измерение этого предмета при помощи данного физического орудия измерения—метра или аршина. Напротив, единица измерения цен, чем будет социалистическая денежная единица, никакой физической реальностью обладать не будет и даже сама по себе отнюдь не будет ценностью».

Что же будет представлять из себя денежная единица в условиях социалистического строя? Она будет представлять собою просто условный знак, необходимый для счета. «Единицей измерения цен при социалистическом строе будет не ценность того или

иного конкретного предмета и не трудовой час или какая-нибудь другая конкретная величина. Единицей измерения цен будет условный знак, не заключающий в себе никакой ценности. Этот условный знак не имеет сам по себе определенного содержания. Но он получает это содержание, если оказывается, что в одном продукте этих условных величин более, чем в другом».

Какое же, однако, значение может иметь такое условное, фиктивное измерение? По мнению Туган-Барановского, такое условное измерение, безусловно, имеет значение и расширяет наше знание о предметах, ибо «денежное выражение ценности имеет своей целью не определение абсолютных размеров ценности того или иного продукта, а установление соотношения между покупательными средствами того или иного лица и ценами всех продуктов, на которые могут быть затрачены данные покупательные средства. Без знания этого соотношения нельзя знать, какие продукты и в каком количестве могут быть приобретены данным лицом. Для того, чтобы это соотношение было выражено, нет необходимости определять абсолютную величину ценности покупательных средств, а достаточно лишь соотношение цен».

«И в области физических явлений,—поясняет далее свою мысль М. И. Туган-Барановский,—мы сплошь и рядом производим такое фиктивное измерение, которое вполне удовлетворяет нашим практическим целям. Так, измеряя теплоту термометром, мы определяем температуру не количеством тепловых единиц, а условным признаком — расширением столбика ртути. Сами по себе показания столбика ртути не дают никакого знания о количестве теплоты, но они обнаруживают соотношения температуры в той или иной среде, а это все, что нам нужно для данных практических целей. Совершенно также и условная счетная денежная единица в социалистическом хозяйстве, не давая никакого знания об абсолютной величине ценности, явится основанием для измерения соотношений между покупательными средствами и ценами приобретаемых продуктов, а также соотношения цен друг к другу. На практике больше ничего и не потребуется. Итак, социалистические деньги могут прекрасно функционировать, не обладая сами ценностью. Денежная единица при социализме не будет единицей ценности, как ныне, а единицей измерения цен подобно тому, как один градус по Цельсию не есть единица теплоты, но единица измерения температуры».

Какие функции могут выполнять социалистические деньги?

По мнению М. И. Туган-Барановского, в пределах данного государства бумажные деньги социалистической эпохи будут выполнять только часть функций современных денег. Они не будут мерилом ценности, а только масштабом цен; рядом с этой функцией они будут выполнять функцию всеобщего платежного (покупательного) средства. Вместе с тем в большей или меньшей мере они будут орудием обмена, во-первых, в сношениях между отдельными хозяйственными группами внутри государства, поскольку при социалистическом строе известная часть средств производства будет эксплоатироваться за свой собственный счет отдельными общественными группами различного состава и даже отдельными лицами, а, вовторых, в области международных хозяйственных сношений. Какой внешний вид будут иметь социалистические деньги, это, по мнению М. И. Туган-Барановского,—вопрос техники и практического удобства. Можно себе представлять, что это будут деньги, подобные современным бумажным, т. е. отдельные бумажные листы, переходящие из рук в руки, или же социалистические деньги будут иметь характер именных чековых книжек, вручаемых каждому гражданину на определенную сумму, причем оплата приобретаемых продуктов будет производиться чеком. Наконец, можно себе представить, что и чековых книжек не будет, а каждому будет открываться именной кредит, с которого и будут списываться при покупках соответствующие суммы. В этом последнем случае не было бы денежных знаков, как особых предметов. Но деньги все-таки останутся хотя и в идеальной форме открываемых кредитов на известные суммы.

Денежные единицы могут носить те же названия, что и ныне,—рубля, франка, марки, фунта стерлингов и т. д. Но, конечно, это будут те же названия для вещей совершенно различного рода, ибо «социалистический франк не будет монетой золотой или серебряной, а простым условным знаком. Применение старых денежных названий, по мысли Туган-Барановского, удобно в том отношении, что облегчило бы переход к новым условиям общественного хозяйства: социалистическому обществу не пришлось бы производить новой расценки в новых денежных единицах всех продуктов, и оно получило бы возможность унаследовать (конечно, с нужными изменениями) цены капиталистической эпохи. «Во всяком случае, — замечает М. И. Туган-Барановский,— было бы очень нецелесообразно присваивать денежным единицам будущего трудовые названия, напр., назвать денежную единицу

1 часом труда и т. п. Нецелесообразно это было бы потому, что, как бы ни назвать денежную единицу, цены в социалистическом обществе не могут всегда соответствовать трудовым стоимостям продуктов, и трудовые названия денег были бы, таким образом, словом без определенного содержания или, точнее, словами, вводящими в заблуждение, что, во всяком случае, не может считаться желательным» («Социализм, как положительное учение», стр. 17 и сл., 96 и сл. и 107—109).

На социалистических, чисто номиналистических, деньгах Туган-Барановского мы должны будем здесь вкратце остановиться.

Как мы видели выше, Туган-Барановский утверждает, что единицей измерения цен в социалистическом обществе будет условный знак, не заключающий в себе никакой ценности. Это положение не вызвало бы с нашей стороны никаких возражений, если бы при этом имелось в виду только то, что при социалистическом строе (так же, впрочем, как и при капиталистическом) могут циркулировать бумажные деньги, не имеющие внутренней ценности. Но Туган-Барановский хочет в данном случае доказать совсем другое. Он хочет доказать, что описываемые им социалистические денежные знаки не только будут лишены внутренней ценности, но и сама социалистическая денежная единица будет представлять собою условную величину, лишенную определенного содержания.

Однако, всякая величина, хотя бы и условная, все же представляет собою известную конкретную величину. Аршин, пуд, градус Цельсия или Реомюра—суть условные единицы измерения, но, вместе с тем, все же конкретные величины. Ясно, что и денежная единица не может не быть известной величиной.

Туган-Барановский не согласен с этим и рассуждает таким образом. Пусть единица социалистической цены есть X. Сказав, что цена продукта есть X, я, конечно, ничего не сказал о величине цены этого продукта. Однако, дело принимает совершенно иной вид, если продолжить этот процесс определения цены продуктов в фиктивных ценностных единицах. Пусть цена одного продукта равняется X, цена же другого продукта равняется 2 X; это второе измерение мы получаем, зная, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого. Туган-Барановский сам признает, что в данном случае то утверждение, что ценность второго продукта вдвое выше первого, не есть вывод из выражения ценности в фиктивных ценностных единицах, а, наоборот, это последнее выражение есть вывод из нашего знания, что ценность второго продукта вдвое выше,

чем первого. Однако, он полагает, что подобные условные обозначения все же имеют весьма важное значение, так как дают нам соотношение цен различных продуктов.

Развивая все эти соображения, Туган-Барановский не замечает только одного, того, что если мы сведем ценности всех продуктов к ценности продукта А, а ценность самого продукта А обозначим X, приняв X за денежную единицу, то это и будет означать, что мы измерим продукты денежной единицей, равной по величине ценности продукта А, т. е., другими словами, наша денежная единица X получит в данном случае определенную конкретную величину.

В доказательство возможности проектируемых им социалистических денег, как чисто условных знаков, Туган-Барановской ссылается на то, что и в области физических явлений мы сплошь и рядом производим чисто условное, фиктивное измерение, которое однако, вполне удовлетворяет нашим практическим целям. Так, например, измеряя теплоту термометром, мы определяем температуру не количеством тепловых единиц, а условным признаком—расширением столбика ртути, хотя все показания столбика ртути сами по себе не дают никакого знания о количестве теплоты. Но в том то и дело, что столбик ртути, обладая физической реальностью, поддается воздействию температуры, в точности отражая на себе ее изменения, почему по движению столбика ртути (его расширению или сжатию) мы и можем судить об измерении температуры. Между тем, социалистические деньги Туган-Барановского не будут заключать в себе никакой ценности, а, следовательно, и не будут отражать на себе движения цен.

Ведь у нас нет такого аппарата или инструмента, который автоматически измерял бы цены товаров, и мы знаем, как это подтверждается всей историей денежного обращения, что цены товаров могут измеряться только ценами же, товарами, имеющими известную цену. Вот почему на первых порах денежного обращения в качестве денег всегда выступают предметы, обладающие внутренней ценностью, и вот почему никакая государственная власть не может создать новой денежной единицы, не вложивши в нее материального содержания, не обеспечив ее размен на определенное количество тех или иных реальных ценностей.

Сравнение денежной единицы с термометром, которое приводит Туган-Барановский, скорее говорит как раз против его точки зрения. В самом деле, почему столбик ртути показывает нам температуру? Потому, что он сам подчинен действию этой последней, точно также

и денежная единица лишь постольку может измерять ценности поскольку, будучи известной ценностной величиной, она сама подлежит закону ценности.

Нет сомнения, что и социалистическая власть не смогла бы создать такую денежную единицу, которая измеряла бы ценности, сама никакой ценностью не обладая. Правда, социалистические деньги, по мысли Туган-Барановского, и не будут служить мерилом ценности; они будут служить только масштабом цен, но ведь функция денег, как масштаба цен, могла возникнуть только на основе их функции, как мерила ценности. Только после того, как все товары измерены денежной единицей и получили соответствующую денежную оценку, мы, на основании этих денежных оценок, начинаем определять соотношение цен отдельных продуктов. Так, если я в каком-либо прейс-куранте вижу, что предмет А стоит 5.000 р., а предмет В—10.000 р., то отсюда я заключаю, что цена предмета А относится к цене предмета В, как 1 : 2, и иногда для нас только это и важно бывает знать — не то, какую ценность представляет предмет А и предмет В, а то, каково соотношение цен этих двух предметов. В этом случае деньги уже выступают в роли как бы условного масштаба цен—условного в том смысле, что масштаб этот может быть и большего и меньшего размера. Так, в приведенном нами примере цена предмета А относится к цене предмета В, как 5000 : 10000. Но соотношение между ценами этих двух предметов осталось бы тем же самым и в том случае, если бы цены эти относились друг к другу как 10000 к 20000 или как 2500 к 5000 и т. д.

Однако, повторяем, деньги становятся масштабом цен только тогда, когда цена каждого отдельного товара получила свое выражение в известной сумме денежных единиц, как своем ценностном эквиваленте, и когда, уже через посредство денег, установились определенные соотношения не только между ценами всех товаров и деньгами, но и между ценами самих товаров.

Итак, наши основные возражения против проекта социалистических денег Туган-Барановского сводятся к следующим положениям:

1) так как нельзя себе представить такого общественного хозяйства, которое было бы совершенно чуждо гетерогенического элемента, то нельзя допустить и возможности таких денег, которые являлись бы «вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества». Туган-Барановский впадает в явную непо-

следовательность, когда он, с одной стороны, утверждает, что социалистические деньги являются всецело актом сознательного общественного творчества, а, с другой стороны, сам признает, что закон спроса и предложения сохранит свою силу и в условиях социалистического строя;

2) Туган-Барановский впадает в данном случае в ту же ошибку, в которую впал в свое время Джемс Стюарт, не понявший превращения мерила ценности в масштаб цен (см. по этому поводу К. Маркс—«К критике политич. экономии», русск. пер. П. П. Румянцева, стр. 66—68).

Отметим еще, что полезность существования и при социалистическом строе чего-то похожего на нынешние деньги признается даже некоторыми коммунистами. На этой точке зрения стоит, например, Е. Преображенский, который полагает, что натурализация заработной платы и введение рабочих книжек, по которым служащие и рабочие социалистического государства будут получать от государства необходимые продукты, введение рабочих книжек для крестьян, сдающих свои излишки государству и получающих продукты индустрии, совсем не делает излишним введение особого рода краткосрочных расчетных знаков, в роде чеков или талонов. «Эти знаки, вероятно, придется ввести для удобства распределения, с тем, чтобы каждый работник-потребитель мог получить нужное ему количество продуктов с учетом его индивидуальных склонностей».

Эту свою мысль Е. Преображенский поясняет следующими соображениями. «Допустим,—говорит он,—в складах государственных кооперативов приготовлены для распределения: мануфактура, обувь, сласти, игрушки, ежемесячно, в среднем, каждый рабочий может пойти в театр и т. д. Если на все эти продукты и развлечения выдаются талоны, то один предпочтет получить лишний фунт сахара, другой—лишний аршин мануфактуры, третий—не раз, а два захочет пойти в театр за счет получения продуктов питания, четвертый предпочтет уступить очередь в театр за лишний десяток яиц, пятый захочет получить два пуда яблок от крестьянина, отказавшись от обуви, и т. д. Такой обмен талонами внутри потребителей ничего не меняет ни в самой системе распределения, ни в количестве подлежащего распределению продукта, но в то же время предоставляет достаточный простор для более полного удовлетворения индивидуальных потребностей. Поэтому выпуск таких чеков или талонов, как с обозначением продуктов, которые на них можно получить, так и без обозначения, с указанием лишь тру-

довой ценности талона (есть масса продуктов самых разнообразных, фиксировать названия которых на талон нет ни возможности, ни смысла), будет весьма необходим на тот, весьма продолжительный, период времени, когда социалистическое общество не в состоянии будет дать каждому работнику все необходимое по его потребностям. Такие талоны и обмен ими будут играть существенную роль, как известный корректив к нормам социалистического распределения. Деньги, как средство обращения и накопления, умрут вместе с товарным хозяйством, но одна положительная их сторона—возможность каждому получить в первую голову и в большем размере то, что ему больше нужно (правда, в определенных пределах)—сохранится, поскольку будет введена хорошо расчитанная в своих пропорциях система талонов» («Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», стр. 83—84).

Из приведенной цитаты видно, что Е. Преображенский стремится примирить принцип свободы выбора хозяйственных благ с принципом нормирования потребления. Таким путем он избегает возражения, которое направляет по адресу социалистов, допускающих свободу потребления, А. М. Рыкачев, указывающий на то, что «сохранение свободы выбора хозяйственных благ в государстве будущего» означало бы сохранение коммерческих принципов, сохранение товарного характера за производством хозяйственных благ («Деньги и денежная власть», стр. 100—101). Но, с другой стороны, сохраняя нормирование потребления и допуская свободу потребления только в известных ограниченных пределах, Е. Преображенский проявляет некоторую половинчатость и по существу не устраняет своего конфликта с принципом максимального удовлетворения.

Попытаемся теперь, имея в виду изложенные выше суждения отдельных авторов, высказать свою собственную точку зрения по затронутому нами вопросу, а именно по вопросу о том, сохранятся ли или не сохранятся деньги в социалистическом обществе? Впрочем, правильнее было бы этот вопрос поставить в более общей форме и сформулировать его так: **возможно ли какое бы то ни было общественное хозяйство без употребления денег?**

Тот тезис, который мы выставляем по этому вопросу, сводится к следующему: **никакое общественное хозяйство (поскольку оно остается под действием закона ценности) не может существовать без денег; доказатель-**

ством этого служат, во-первых, та тесная внутренняя связь, которая существует между понятием денег и понятиями ценности и цены, и, во-вторых, анализ самой сущности денег.

Из предыдущего изложения должно было стать ясным, что никакое хозяйство и никакое хозяйствование немыслимы без понятия ценности, откуда мы сделали еще и тот вывод, что построение хозяйства на основе чисто материального (не ценностного) учета представляется поэтому невозможным. Что же касается самих проэктов чисто материального учета, то наши основные выводы по этому вопросу сводятся к следующему. Вещно-натуралистическая точка зрения всегда оказывала влияние на экономическое мышление (физиократы) и отразилось в ряде понятий, напр.: понятии производительности труда, с которым связано понятие трудовой стоимости, понятии производительных сил, продукта, техники хозяйства и т. д.), с которыми мы постоянно оперируем. Дело в том, что между количеством благ и их ценностью существует несомненная связь и зависимость, ибо есть случаи, когда ценностная производительность, несомненно, обусловлена физической или вещной производительностью, когда прибавочная ценность явственно прикрепляется к прибавочному продукту (Струве, П. Б. «Хозяйство и цена», ч. II, стр. 13). Мы только не можем предположить, что эта зависимость величины ценностей от массы благ является строго определенной. Конечно, если бы мы, согласно известной формуле проф. Туган-Барановского, могли думать, что «полезность последних единиц свободно-воспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность — должна быть обратно пропорциональна относительному количеству этих продуктов, производимому в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов» (Основы политической экономии, 2 изд., стр. 47), то в таком случае это в сущности значило бы, что по количеству благ мы можем судить об их ценности. Но формула Туган-Барановского основана на т. н. втором законе Госсена, который вызывает против себя ряд возражений и в который сам Туган-Барановский вносит некоторые поправки (там же, стр. 48, прим.).

Если бы формула Туган-Барановского была верна, то в таком случае, при увеличении запаса благ, совокупная ценность этого запаса никогда не могла бы возрасти, так как ценность единицы блага обратно пропорционально понизилась бы, а между тем Струве, напр., находит возможным утверждать, что нормальным случаем

зависимости величины ценности от массы благ является прямая, положительная зависимость величины ценностей от массы благ». Для уяснения Струве берет простейший случай, когда при данной затрате труда и капитала масса благ увеличивается. «Нормально при этом ценность единицы падает, а совокупная ценность растет. Это означает, что чем производительнее производственный процесс, тем большая величина ценности нормально прикрепляется к его продукту» (Хозяйство и цена, ч. II, стр. 6—7). Таким образом, повторяем, зависимость величины ценности от количества продукта, несомненно, существует, однако, мы не можем считать ее строго определенной—такой, которая поддавалась бы чисто арифметическому вычислению. Вот почему вещно-натуралистическая точка зрения хотя и правомерна, но лишь в известных пределах, и было бы неправильно на ней одной строить хозяйственный расчет.

Чисто материальный учет всего более применим там, где возможна натуральная сравнимость, т. е. где нам приходится иметь дело с физическим приращением, однако, и здесь обойтись без ценностного учета мы не можем, т. к. и в этих случаях чисто материальный учет мог бы привести нас к неправильным заключениям. Так, с точки зрения чисто материального учета нужно было бы признать, напр., животноводство нерациональным занятием, т. к. животные, перерабатывая растительные продукты, возвращают в питательном веществе только часть той энергии, которая аккумулирована растением. Однако, продукты животноводства ценятся потребителями настолько высоко, что занятие животноводством, тем не менее, оказывается выгодным. При этом рыночная оценка продуктов не всегда бывает рациональна, т. е. не всегда соответствует питательному значению продукта, однако, все такого рода оценки, хотя бы и не рациональные, об'ясняющиеся влиянием вкусов привычек и т. п. оказывают влияние на производство (см. Струве, н. с., ч. 2, стр. 51, ср. Скворцов, А. А. проф. «К вопросу об оценке нерыночных продуктов в сельско-хозяйственном счетоводстве», в изв. Петровской Академии, VIII, стр. 57, где факт расхождения рыночных цен с содержанием питательных веществ констатируется также, в отношении кормов для животных).

Отметим еще, что вещно-натуралистическая точка зрения естественно приводит к теории вменения, а теория вменения легко переходит в соответствующую теорию распределения. Впрочем, Н. Бухарин, который в последнее время особенно выдвигал необходимость вещно-натуралистической точки зрения (см. «Экономику переходного периода»), видимо, не

боится этих последствий, т. к. он определенно признает, что вменение ценности продукта различным производственным факторам есть некоторый реально протекающий психологический процесс. (Политич. экономия Раштьс, стр. 105—106). Но, во всяком общественном хозяйстве, поскольку оно остается хозяйством и притом, именно, общественным, а не индивидуально-замкнутым, суб'ективные оценки неизбежно трансформируются в об'ективную социально-экономическую форму цены. Во всяком общественном хозяйстве, на каких бы началах оно ни было построено, должна остаться цена. Цены же находят свое выражение в деньгах. Следовательно, во всяком общественном хозяйстве должны сохраниться и деньги. С этой точки зрения прав А. М. Рыкачев, указывающий, что предпосылкой всех его рассуждений о деньгах была общая мысль, что там, где нет употребления денег, нет и цен, нет и рынка, нет и проблемы ценности в обычном смысле этого последнего термина (ук. соч., стр. 78). Действительно, все эти понятия—ценность (суб'ективная), цена и деньги, находятся в тесной связи между собою (хотя и не могут быть непосредственно дедуцированы одно из другого) и, если так можно выразиться, держатся друг другом. Но в основе всего лежит ценность (суб'ективная), и именно поэтому в условиях индивидуального хозяйства весь хозяйственный процесс может совершаться на основе чисто суб'ективных оценок, не выливающихся в форму цен и денег, хотя и заключающих в себе зародыши как явления цены, так и явления денег. В общественном хозяйстве неизбежно возникает социально-об'ективное явление—цена. На основе же явления цены столь же неизбежно возникает феномен денег.

К этому же выводу мы должны будем придти, если будем исходить из анализа сущности денег.

В самом деле, в чем заключается сущность денег? На наш взгляд, наиболее правильный подход к разрешению этой проблемы (так же, как и многих других) мы находим у П. Б. Струве. К сожалению, однако, свои взгляды по этому вопросу Струве высказывает мимоходом, иногда в форме отдельных коротких замечаний, в которых мысль автора не получает достаточно полного развития и обоснования.

Одно из таких коротких замечаний по вопросу о природе и сущности денег мы находим у Струве в самом начале его работы «Хозяйство и цена», там, где, анализируя отдельные моменты, входящие в состав даваемого им определения хозяйства, он останавли-

вается на понятии экономического принципа. «Подчинение хозяйствования принципу наименьшей траты предполагает количественное сравнение или измерение как актов, так и результатов хозяйствования. Вне возможности подобного измерения не может быть рационального хозяйства. Измерение и измеримость актов и результатов хозяйствования есть основа явления денег и определяет собою их существо» («Хозяйство и цена», ч. I, стр. 45).

В другом месте вопрос о природе денег П. Б. Струве ставит в связи с вопросом о характере общественно-экономического процесса вообще. Этот процесс, по мысли Струве, характеризуется основным имманентным дуализмом. В нем существует два рода явлений, в каждый данный момент или, вернее, в каждом изучаемом отрезке времени существенно отличающиеся один от другого. Один ряд, могущий быть рациональным, т. е. направленным согласно воле того или иного суб'екта, другой ряд, не могущий быть рационализированным, протекающий стихийно, вне соответствия с волей какого-либо суб'екта (ук. соч., ч. I, стр. 60—61). При этом граница между «естественным» и «рациональным» элементом в общественно-хозяйственной жизни, по мысли Струве, не есть граница постоянная. Наоборот, она в высшей степени текуча, так как человечество, несомненно, двигается по пути все большей и большей рационализации общественно-хозяйственной жизни, как в ее целом, так и в отношении отдельных ее феноменов, как цена и деньги (там же, стр. 66).

С этим же дуализмом общественно-экономического процесса мы сталкиваемся и при обсуждении проблемы денег: «Есть ли деньги условное установление, всецело подчиняющееся единой телеологической воле суб'екта, или они суть явление, имеющее свою стихийную закономерность? Таков тот вопрос, который, по мнению Струве, мы должны себе поставить, если мы хотим выяснить природу денег. При этом, как раз'ясняет Струве, вопрос этот, т. е. вопрос о том, есть ли деньги явление «естественное» или «рациональное», гетерогеническое или автогеническое, и в какой мере в деньгах представлен элемент естественный и элемент рациональный, совершенно не совпадает или, по крайней мере, не на всем своем протяжении совпадает с тем вопросом, который в теории денег разделяет «номиналистов» и «металлистов». Дело в том, что вопрос о том, прикрепляется ли качество настоящих денег лишь к такому предмету, который в том самом качестве, в котором он употребляется как деньги, имеет цену и помимо денежного употребления,

или деньги могут существовать независимо от такого материально-товарного субстрата,—этот вопрос, говорит Струве, ни исторически, ни—что для нас важнее—статически не совпадает с вопросом об естественности или рациональности денег. Могут ли настоящие деньги быть не материальны с точки зрения товарного оборота, этот вопрос означает совсем не то же, что вопрос о том, суть ли деньги созданье государства и политики, т. е. явление, для которого существенным является «рациональный» элемент. Смешение этих двух различных вопросов, по мнению Струве, происходит потому, что нематериальные деньги генетически также, повидимому, регулярно вытекают из деятельности государства, из рационального источника, как деньги материальные возникают независимо от государства, развиваются стихийно из менового оборота, однако, заявляет Струве,—«генезис той или другой формы денег нисколько не решает вопроса об их природе (в систематическом смысле)» (там же, стр. 74—75).

Сказанным определяется отношение П. Б. Струве к государственной теории денег Кнаппа. Заслуга Кнаппа, по мнению Струве, заключается в том, что он на истории денежного обращения некоторых современных государств подметил и изобразил процесс рационализации денег, главным агентом которого является государство, почему весь процесс принимает характер огосударствления. Этим об'ясняется, почему Кнапп так легко поддался соблазну свои наблюдения над процессом рационализации и огосударствления денег обобщить в систематическую форму государственной теории денег. Однако, именно тот факт, что в истории денег, как это настойчиво подчеркивается самим Кнаппом, действует начало гетерогонии целей, свидетельствует о том, что деньги не суть просто государственное явление. Но, кроме того, государство не есть единый мыслимый и реальный творец автогенических денег. Поэтому государственной теории денег Струве противопоставляет общественное понимание денег, т. е. то понимание их, которое видит в деньгах не продукт государства, как источника рациональных действий, а продукт общества, понимаемого в смысле гетерогенического явления, в котором растворяются рациональные действия государства. Таким образом, государственному пониманию денег логически противостоит общественное понимание их (в указанном выше смысле), а вовсе не метализм, как думает сам Кнапп. Правда, процесс рационализации денег, совершающийся через посредство государства, повидимому, окончательно отрывает

деньги от их металлической основы. Вот почему государственная теория денег Кнаппа противополагает себя металлизму. Однако, в своем походе против «металлизма» сам Кнапп смешал две указанных выше проблемы—проблему сочетания в деньгах гетерогенического и автогенического элементов с проблемой металлизма и номинализма, и в этом, по мнению Струве, заключается главный коренной порок его теории. «В критике металлизма, он (Кнапп) победоносен, всегда попадает в цель, но «государственной» природы денег он вовсе не доказывает» (стр. 75).

Но как же сам Струве отвечает на поставленный им вопрос о том, суть ли деньги по существу явление автогеническое или гетерогеническое? Отвечая на этот вопрос, Струве говорит: «Тут мы сразу должны повиниться в «половинчатости». Оставаясь на почве фактов, мы на явлении денег, на разных ступенях их развития можем констатировать лишь основной дуализм общественного экономического процесса. Момент естественный, гетерогенический в огромной мере преобладает в деньгах в течение очень продолжительного времени, но момент рациональный, автогенический никогда не отсутствует в них. Задача истории развития и теории денег заключается в том, чтобы в реальном явлении денег, рассмотреть и взвесить действие этих элементов (79)».

Природы денег Струве касается еще в третьей главе (указная цена с денег) первой части своей книги «Хозяйство и цена». В этой третьей главе он развивает следующие положения. Прежде всего он устанавливает, что государственный характер денег есть лишь частный случай указной цены. Но указный характер денег, по мнению Струве, развился не из указного характера товарных цен, а из той их функции, которую Кнапп с правильным историческим чутьем поставил в главу понимания всего явления денег, из их функции, как платежного средства.

«Повидимому,—говорит, далее, Струве, всеобщим средством обмена и мерилом ценности, прежде всего, становятся те предметы, которыми первоначально производятся обязательные платежи. Но вполне естественно, что это суть в то же время по общему правилу наиболее обменоспособные, наиболее ходячие товары. Деньги, таким образом, вырастают из двух корней: из обмена (акт двухсторонний) и из уплаты (акт односторонний). Но поскольку деньгам присущ характер государственный, публично правовой, постольку они суть область регулирования, явление автогеническое в нашем смысле,

они вырастают из «платежного» строя, из регулирования порядка уплат (417)».

Что указной характер денег вытекает из их функции, как платежного средства, это, по мысли Струве, подтверждается тем, что те ценностные скалы разных товаров, которые устанавливались в примитивных условиях, представляли собою, в сущности, не нормы обмена, а нормы платежа, обозначали цены, которые, в отличие от цен продажных, Струве называет ценами платежными или солюционными.

Итак, цена денег, с точки зрения Струве, носит указный характер, причем указная цена и находит свое выражение, прежде всего, в форме фиксации цены, сначала — товаров, а потом денег — монеты, откуда Струве далее делает тот вывод, что грань между деньгами и товаром есть в то же время грань между ценой указной и вольной. Однако, Струве сейчас же спешит оговориться, что указной характер денег не означает всемогущества государства в области денежного обращения. «Государство,—пишет он,—это показывает вся история денежного обращения всего мира—не всемогуще, но и не бессильно по отношению к деньгам. Связь денежного обращения с государством и его интересами превращает денежную политику в широком смысле в подлинное управление. Секрет силы и действительности этого управления заключается, с одной стороны, в реальной денежной и, вообще, экономической власти самого государства, с другой стороны—в ясном понимании и соблюдении границ этой власти. Возможность освобождения денежного обращения от материальной (металлической или иной) основы определяется не просто велением государства, а рациональным, основанным на знании реальных условий денежного обращения, характером этого явления. «Идеализация» или «номинализация» денежного обращения сводится не к простому приказу: это есть проблема рационального овладения сплошным переплетом явлений, в которых гетерогенический элемент играет крупнейшую роль. Игнорирование этого элемента, «превышение» экономической власти государства, тотчас же даст себя знать крушением денежной политики: управление денежным обращением превратится в денежную анархию» (стр. 321).

Остановимся теперь еще на тех коротких, но очень ценных, замечаниях Струве по вопросу о природе и сущности денег, которые мы находим во второй части его работы «Хозяйство и цена». Здесь, прежде всего, должно быть отмечено положение Струве,

согласно которому «хозяйственные блага суть необходимо блага, носящие на себе знак цены, выражаемые или выразимые в деньгах». Хозяйственным благом, по мысли Струве, та или иная вещь или услуга является лишь постольку, поскольку она приобретает цену. Хозяйственной жизни не то что не существует, ее нельзя конструировать вне так или иначе осуществляющего процесса установления цен.

Правда, для установления цен нужны деньги. Но это обстоятельство Струве не смущает. «В только что указанном основном смысле,—говорит он,—хозяйственная жизнь без денег не представима. Ибо явление денег, по самой своей сути, сводится не к той или иной технике обмена и даже вовсе не требует свободного менового хозяйства. Существо денег есть не более и не менее, как так или иначе и для тех или иных целей осуществляющаяся постоянная измеримость и обратимость «благ», превращающая их в цены» (Стр. 44).

Говоря это, Струве не забывает того, что в единичном, напр., семейном хозяйстве, как он и сам утверждал в другом месте, «может не быть фактической (психологической) надобности в точном сравнении и измерении разных вещей и услуг». Однако, эта фактическая ненужность об'ективной оценки или установления цен нисколько, однако, не устраняет того, что, если суб'ект такого хозяйства захочет отдать себе отчет в своем хозяйстве, захочет вести ему счет и учет, то он выдумает именно... деньги (стр. 44—45).

Необходимо отметить еще и другую мысль Струве, ту его мысль, что деньги так же, как и цена, представляют собою некую данность, которая не может быть непосредственно дедуцирована из понятия ценности. Понятия: хозяйственное благо, цена—ценность, деньги,—одно без другого держаться не могут. Причем, по мысли Струве, указанный логический порядок этих понятий можно смело перевернуть и представить его в таком виде: деньги, цена—ценность, хозяйственное благо.

Ибо,—поясняет эту свою мысль Струве,—во всех этих трех понятиях пред нами лишь разные аспекты единого по существу явления, эти разные аспекты суть в то же время для непосредственного наблюдения и эмпирического исследования экономиста три основные данности.

«Без идеи измерения, измеримость сравнимости, которые есть существо денег, не могут быть мыслимы экономические понятия цены—ценности и блага. Но и наоборот: деньги, как специфиче-

ское явление всеобщего орудия мены и платежа, есть лишь воплощение идеи измеримости благ, находящихся в обороте и получающих цену. Это ясно из всех социалистических проектов отмены или реформы денег, которые теоретически тем интересны, что они устанавливают именно неупраздимость денег. Социализм может упразднить частную собственность, может устранить свободу оборота, но не может устранить ни денег, ни цен, ибо самая идея «справедливого разделения» благ предполагает их измеримость и требует их измерения» (68—69).

Изложенное понимание денег, развиваемое Струве, по его мнению, заключает в себе окончательное теоретическое оправдание номинализма, который, однако, вовсе не должен быть «государственным» пониманием денег: «В функциональном существе денег, как орудия ценностного измерения, говорит Струве, заключается возможность денег только «номинальных»... (стр. 68, прим.)».

Мы остановились так подробно на изложении взглядов Струве потому, что, как это уже было отмечено нами выше, мы находим у него, с нашей точки зрения, наиболее правильный подход к разрешению проблемы денег. Его основную мысль, сводящуюся к тому, что природа денег двойственна, что в деньгах переплетаются два элемента—элемент естественный, гетерогенический и элемент рациональный—автогенический, причем соотношение между этими двумя элементами не является постоянным, но меняется в истории, эту мысль мы считаем совершенно правильной и дающей ключ к пониманию эволюции денежного обращения. Но, как это уже было отмечено нами выше, у Струве мы не находим вполне законченной и детально разработанной теории денежного обращения. Вот почему многие вопросы, неизбежно возникающие при изучении проблемы денег, у него остаются нераз'ясненными.

Одним из таких вопросов, неизбежно возникающих при выяснении понятия и сущности денег, является вопрос о различных функциях денег и об отношении этих функций между собою. К сожалению, на этот вопрос мы не находим у Струве вполне определенного и ясного ответа.

С одной стороны, подчеркивая указный характер денег и признавая, что тарифирование товаров на случай datio in solutum, где бы оно ни встречалось, означает исключение из общего факта господства и исторического первенства вольной цены (ч. 1, стр. 319), Струве тем самым приближается к Кнаппу, которому он ставит в заслугу то, что он, с правильным историческим чутьем, поставил во

главу понимания всего явления денег функцию их, как платежного средства. И в одном месте Струве даже прямо признает, что, повидимому, всеобщим средством обмена и мерилом ценности, прежде всего, становятся предметы, которыми первоначально производятся обязательные платежи. Однако, с другой стороны, признать функцию платежного средства основной функцией Струве не может, потому что такого рода признание означало бы, вместе с тем, признание того, что деньги суть чисто автогеническое явление, а это стояло бы в противоречии со всем тем, что он сам говорит о роли и значении гетерогенического элемента в деньгах.

Итак, хотя роль автогенического элемента в деньгах все более усиливается, и, в частности, значение государственного управления в области денежного обращения все более возрастает, тем не менее, признавая, что природа денег двойственна, и что в деньгах всегда присутствует и гетерогенический элемент, мы, очевидно, не можем функцию денег как платежного средства, принимать за их основную функцию. Но можем также мы, с точки зрения учения, развиваемого Струве, видеть основную функцию денег в их функции, как орудия обращения или обмена. Правда, у самого Струве мы по этому вопросу не найдем вполне ясного и определенного мнения. Так, он говорит, напр., что деньги вырастают из двух корней: из обмена (акт двухсторонний) и из уплаты (акт односторонний); и это может дать повод думать, что деньги, по мысли Струве, неразрывно связаны с меновым хозяйством, подобно тому, как само меновое хозяйство неразрывно связано с деньгами, ибо без денег невозможно самое теоретическое представление о состоянии равновесия в обмене (у.с.,ч. II, стр. 66, прим.) Однако, с другой стороны, Струве указывает, что явление денег по самой своей сути сводится не к той или иной технике обмена и даже вовсе не требует свободного менового хозяйства. Действительно, как мы видели, Струве считает, что деньги нельзя будет упразднить в социалистическом хозяйстве. Мало того, он думает, что даже суб'екту единичного, напр., семейного хозяйства, если бы он захотел отдать себе отчет в своем хозяйстве, захотел вести ему счет и учет, пришлось бы выдумать.... деньги.

Правда, поскольку эти деньги будут выдуманные, постольку они, очевидно, не будут настоящие (деньги без гетерогенического элемента), но мы согласны со Струве в том, что зачатки феномена денег заложены уже в индивидуальном (безобменном) хозяйстве,

почему мы и не можем, подобно К. Менгеру (см. его статью «Das Geld» в «Handwörterbuch des Staatswissenschaften», 3. Auflage) функцию денег, как орудия обмена, считать их основной функцией, т. е. такой функцией, из которой могут быть выведены все остальные функции, или которая, по крайней мере, является необходимым условием других функций.

У нас остается еще одна главная (если не считать второстепенных) функция денег, а именно функция их, как орудия ценностного измерения. Как известно, некоторые экономисты очень умаляют значение этой функции и даже относят ее к числу производных (см., напр., указанную статью Менгера, ср. Рыкачев, ук. соч., стр. 83—85). Однако, Струве, видя в деньгах воплощение идеи измеримости благ, естественно должен был выдвинуть эту функцию на первый план. Для него, как мы видели, измерение и измеримость фактов и результатов хозяйствования есть основа явления денег и определяет собою их существо (ч. I, стр. 5). Существо денег он видит в их функции, как орудия ценностного измерения (ч. 2, стр. 68, прим.).

Мы, с своей стороны, тоже полагали бы, что функция ценностного измерения должна быть признана основной их функцией не в том смысле, что из нее могут быть непосредственно выведены все остальные функции денег, а в том смысле, что она служит условием для возникновения других функций. В самом деле, мы не можем функцию денег, как орудия мены, непосредственно дедуцировать из их функции, как орудия ценностного измерения, уже хотя бы потому, что ценностное измерение хозяйственных благ, в котором мы вслед за Струве видим основу денег, возможно и в безобменном хозяйстве; следовательно, не везде, где уже наметилась функция денег, как орудия ценностного измерения, возникает и функция денег, как орудия мены, а это свидетельствует о том, что функция денег, как орудия обмена, возникает при наличии некоторых особых об'ективных условий и потому не может быть непосредственно дедуцирована из функции их, как орудия ценностного измерения. Невозможность непосредственного выведения функции орудия обмена из функции мерила ценности вытекает, далее, из того, что функции эти могут иногда раз'единяться и выполняться разными об'ектами. Точно также мы, как нам кажется, не можем непосредственно дедуцировать из функции денег, как орудия ценностного измерения, и их функцию, как законного платежного средства, ибо функция ценностного измерения возникает на почве гетероге-

ноческого, а функция законного платежного средства на почве автогенического элемента денег*).

Но в то же время ни количественные пропорции обмена, ни нормы платежа, очевидно, не могли бы возникнуть, если бы хозяйственные блага не были измеримы.

Нужно, впрочем, сказать, что даже и К. Менгер (будучи склонен функцию денег, как мерило ценности, рассматривать как функцию производную) не проявляет все же в этом случае должной последовательности и считает возможным и эту последнюю функцию (т. е. функцию денег, как масштаба или индикатора меновой ценности благ) на-ряду с функцией их, как менового средства или орудия обмена включить в определение понятия денег. Далее, Менгер признает, что еще и в эпоху натурального хозяйства, когда об обмене не могло быть и речи, оценка благ через посредство других благ все же производилась. В частности, уплата различных односторонних повинностей могла производиться альтернативно различными благами, и сам Менгер по этому поводу замечает: «между тем альтернативно определяемый платеж благ предполагает известное соотношение между ними или их аналогией». Но, с нашей точки зрения, именно в возникновении этих ценностных пропорций между отдельными благами (пропорций, которые могли наметиться еще в условиях натурального хозяйства) и заключается основа феномена денег, как известной формы ценности, как средства выражения этих количественных ценностных пропорций. При этом наше указание на то, что обмену благ должно предшествовать их ценностное измерение, отнюдь не следует понимать в том смысле, что обмениваться могут лишь абсолютно равные, абсолютно эквивалентные ценности. В действительности, как на это справедливо указывает Менгер, обмен потому и происходит, что каждая из

*) К. Менгер высказывает мнение, что, вообще, нет надобности выделять функцию денег, как платежного средства, в особую функцию (см. указанную статью). Но нам кажется, что стоять на этой точке зрения—это значит чрезмерно умалять значение сознательного элемента и, в частности, роль государства в сфере денежного обращения. Наиболее ярко значение денег, как законного платежного средства, выступает в тех случаях, когда деньгам придается принудительный курс. Правда, установление принудительного курса, как справедливо отмечает Менгер, становится необходимым лишь в периоды расстройства денежного обращения; в сфере денежного обращения это есть явление ненормальное, патологическое. Однако, уже самая возможность такого явления, как принудительный курс, показывает, что денежное обращение имеет свою юридическую сторону, опирающуюся, конечно, на экономические функции денег.

О невозможности сведения всех функций денег к какой-либо одной говорит также Ад. Вагнер, см. его («Socialökonomische Theorie des Geldes u. Geldwesens». Стр. 116).

сторон оценивает то, что она получает выше того, что она отдает. Таким образом, обмениваемые блага в глазах договаривающихся сторон могут быть неравной ценности, но все же для обмена необходимо, чтобы обмениваемые блага были ценностно измеримы и сравнимы, измеримость же благ выражается в их денежной оценке.

Итак, деньги со всеми их функциями возникают на основе измеримости или ценностной сравнимости хозяйственных благ, т. е. на почве того свойства их (возникающего на основе нашего ценностного о них суждения), которое должно быть им присуще при всяком хозяйственном строе, причем мы не можем себе представить того, чтобы монета или бумажный знак, не являющиеся прямыми представителями другого об'екта, выполняющего все функции денег, т. е. не являющиеся простыми кредитными знаками, могли выполнять функции орудия обращения, не являясь в то же время средством для выражения ценностных пропорций, т. е. мерилом ценности. Отсюда, между прочим, следует: 1) что деньги никогда не могут лишиться совершенно этой функции служить орудием ценностного измерения (даже и при крайнем расстройстве денежного обращения), если только они выполняют другие функции, и 2) что деньги, как воплощение идеи измеримости благ, не упразднимы.

Переходим теперь к вопросу о металлизме и номинализме. Как мы видели, Струве допускает возможность денег только номинальных, причем он полагает то, что эта возможность вытекает из функционального существа денег, как орудия ценностного измерения. Таким образом, особенностью взглядов Струве (по сравнению, напр., с теорией Кнаппа) является то, что он обосновывает номиналистическое понимание денег не на юридической функции их, как законного платежного средства, т. е. не на той их функции, которая возникает на основе автогенического элемента в деньгах, а на той функции их (как орудия ценностного измерения), которая возникает в результате стихийного органического процесса. Но дело в том, что, с точки зрения Струве, существо денег является чисто функциональным, т. е. заключается в выполняемой ими функции ценностного измерения. Другими словами, существенным, конститутивным признаком денег служит не та или иная материальная консистенция того предмета, который выступает в роли денег, а единственно выполнение ими упомянутой функции (орудия ценностного измерения). Деньги воплощают в себе лишь идею измеримости благ, но именно поэтому,—такова, очевидно, мысль Струве,—они могут и

не обладать внутренней ценностью, т. е. могут быть только номинальными.

Мысль о том, что существо денег заключается в самой функции, как орудия ценностного измерения, мы считаем весьма важной. Мы, действительно, должны проводить известное различие между ценностью и орудием ценностного измерения, между ценностью и формой ценности.

Хозяйственная ценность выявляется в определенных количественных отношениях, количественных пропорциях; устанавливающихся между отдельными благами в результате хозяйственной их оценки. Другими словами, основа ценностной измеримости благ заложена в глубине нашего ценностного суждения о вещах. Деньги же служат лишь орудием этого нашего ценностного суждения о предметах, лишь средством выражения тех количественных пропорций, которые слагаются на основе ценностного измерения вещей.

Изложенное понимание денег, видящее существо денег в выполняемой ими функции ценностного измерения, несомненно, содержит в себе теоретическое об'яснение того явления, которое заключается в идеализации или номинализации денег (в особенности, если мы поставим это понимание в связь с фактом растущей рационализации общественно-экономического процесса, в частности же, с усиливающейся в сфере денежного обращения ролью государства и с развитием кредита, элемент которого, как справедливо указывает А. Вагнер, всегда бывает присущ денежному обращению, хотя бы и построенному на чисто металлической основе).

В самом деле, что деньги с течением времени в процессе исторического развития все более идеализируются, это—факт, которого в настоящее время никто не будет оспаривать. Таким образом, номиналистическая теория пытается дать лишь об'яснение тому процессу, который фактически уже совершается.

Однако, утверждение Струве о возможности денег только номинальных нуждается все же в некотором ограничении, тем более, что оно, с нашей точки зрения, не вполне согласуется с его собственным воззрением на роль гетерогенического элемента в общественно-экономическом процессе, вообще, и в сфере денежного обращения, в частности.

Впрочем, здесь важно установить тот смысл, который мы будем вкладывать в понятие номинальных денег. Если под номинальными деньгами мы будем разуметь деньги, регулируемые приблизительно на тех же основаниях, как и металлические деньги,

с тою лишь разницею, что это будут деньги, лишенные металлического и, вообще, вещного содержания, то в таком случае нужно будет признать, что существование таких денег еще не означало бы той степени рационализации денежного обращения, которая предполагала бы полное изгнание всякого фетишизма из этой области. Но такого рода бумажные деньги, подчиняющиеся в своем обращении законам органического общественно-экономического процесса, быть может, было бы и не совсем точно называть чисто номинальными.

Чисто номинальными деньгами являлись бы те социалистические деньги, которые описывает проф. М. И. Туган-Барановский в своей работе «Социализм, как положительное учение» (см. выше). Но такие чисто номинальные деньги, как их рисует себе Туган-Барановский, деньги, являющиеся лишь условными знаками, необходимыми для счета, как мы уже видели, совершенно неосуществимы при каком бы то ни было хозяйственном строе.

Приблизительно то же самое приходится сказать и по поводу проекта рабочих денег. Небезинтересно отметить, что Родбертус, проектируя свои нормальные рабочие свидетельства, которые он называет идеально совершенными деньгами, вполне правильно связывает возможность выпуска таких денег с нормированием ценности. «Только тогда,—говорит он,—когда будет отменена частная собственность на землю и капитал, когда то и другое будет поручено заведыванию общественной власти, которая будет регулировать производство сообразно с потребностями, а за мерило будет принят нормальный труд, возможно приноровить нормировку ценности к изменчивым условиям, влияющим на эту последнюю, и удерживать ее на соответствующем уровне, и лишь при тех же предположениях и на тех же началах может быть создан новый род денег, который не несет за собой своего обеспечения, как нынешние металлические деньги, и не лишен всякого обеспечения, как бывает большею частью с нынешними банкнотами и кредитными билетами, могут быть созданы денежные знаки, которые, сами бы по себе лишенные ценности, всегда обеспечены действительною наличною ценностью» («Теория ренты и исследование о капитале» пер. А. А. Кауфмана, стр. 224).

Таким образом, по мысли Родбертуса, выпуск рабочих свидетельств оказался бы возможным только в том случае, если бы ценность всех благ была нормирована по количеству затраченного на них нормального рабочего времени, а такая нормировка ценности

благ, в свою очередь, оказалась бы возможной только в том случае, если бы центральный орган социалистического хозяйства всегда удерживал производства на уровне потребностей. Но выше нами уже было выяснено, что такое точное приноровление производства к бесконечному разнообразию человеческих потребностей представляется задачей совершенно неосуществимой. Поскольку же и в социалистическом обществе цены будут колебаться в зависимости от соотношения спроса и предложения, постольку выпуск рабочих денег, основанных на представлении, что цена всех благ точно соответствует количеству потраченного на них труда, становится, очевидно, невозможным.

Наконец, те же возражения, которые выше выдвинуты нами против проекта Туган-Барановского, в известной мере могут быть выдвинуты и против соображений Струве. Правда, как это уже и было нами отмечено, та номинализация или идеализация денег, о которой говорит Струве, не должна непременно означать полной рационализации денежного обращения, и те номинальные деньги, возможность которых Струве допускает, не следует обязательно понимать в смысле чисто автогенических денег, т. е. «денег, являющихся вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества». Но если даже под номинальными деньгами разуметь только хорошо известные уже и капиталистическому строю бумажные деньги, являющиеся, по мысли Туган-Барановского, лишь эмбрионом социалистических денег, а номинализацию денег понимать лишь в смысле возможности денег, совершенно оторвавшихся от всякой материальной или вещной основы, то все же существование денег, совершенно лишенных внутренней ценности, совершенно оторвавшихся от металлической или, вообще, вещной основы, знаменует собою такую высокую степень рационализации денежного обращения, которая не может не оказаться в некотором противоречии с гетерогеническим элементом хозяйственного процесса и которая, поэтому, если и может быть достигнута, то лишь при особо благоприятных условиях.

Значит ли это, однако, что бумажная валюта невозможна? Отнюдь нет. Бумажная валюта, притом не только расстроенная, но и вполне здоровая, конечно, возможна, и прогресс денежного обращения, несомненно, клонится в эту сторону, т. е. в сторону замены металлических денег бумажными деньгами. Но, прежде всего, бумажное обращение могло развиться лишь на почве вещного денежного

обращения. Бумажное обращение может возникнуть не иначе, как восприняв ту идеальную денежную единицу, которая вырабатывается и запечатлевается в сознании людей на почве обращения вещных денег. Кроме того, хотя та идеальная денежная единица, которая вырабатывается и затем запечатлевается в сознании людей на почве вещного денежного обращения, раз возникнув, отразивши в себе цены товаров и сама отразясь в этих, — и может в дальнейшем выполнять свои функции независимо от того, несет ли она, по выражению Родбертуса, за собой свое обеспечение или нет, т. е. опирается ли она на металл или нет, — однако такое, благоприятное положение продолжается лишь до тех пор, пока уровень и соотношение цен устойчивы и в них не вносится никаких резких изменений. В этом случае, т. е. пока исторически сложившийся уровень и соотношение цен остаются устойчивыми, идеальная денежная единица, хотя бы и воплощенная в лишенных внутренней ценности бумажных денежных знаках, может успешно функционировать просто потому, что в этих условиях, т. е. при наличности вполне определившихся и достаточно устойчивых меновых пропорций, как между товарами и деньгами, так (через посредство денег) и между самими товарами, когда вся унаследованная система цен держится как бы сама собою, опираясь на свою внутреннюю связанность, — функция денег, как орудия ценностного измерения, однажды уже выполненная, уже утрачивает до известной степени свое практическое значение. Но положение дела сразу меняется, как только в эту сложившуюся систему цен вносятся резкие изменения, благодаря ли причинам, лежащим на стороне товаров, или благодаря причинам, лежащим на стороне денег. В этом случае унаследованная от прошлого идеальная денежная единица уже утрачивает свою определенность и возникает потребность в том, чтобы снова прикрепить ее к некоторой реальной ценности (определенной величины), которая и приобретает значение новой (если не номинально и формально, то материально) денежной единицы (см. некоторые замечания по этому поводу в нашей работе «Обесценение денег, дороговизна и перспектива денежного обращения в России» (стр. 31—33).

Правда, в периоды резкой перестройки прежней системы меновых пропорций обесценению могут подвергнуться не только бумажные деньги, но и реальные ценности, в частности золото (см. ук. нашу работу, стр. 18 и сл.). Но все же материальные об'екты, обладающие внутренней ценностью, выражаясь фигурально, могут активнее бороться за свое положение в кругу других товаров и

быстрее и легче найти место, которое должно им принадлежать в новой системе денег и меновых пропорций.

Наше заключение по этому вопросу, т. е. по вопросу о номинализации и рационализации денежного обращения, сводится, таким образом, к следующему. Рационализация денежного обращения в известных пределах безусловно возможна и желательна. При благоприятных экономических условиях, когда экономическая жизнь совершает свой кругооборот без всяких излишних трений, подобно хорошо слаженному механизму, она, эта рационализация денежного обращения, может пойти весьма далеко. Но она все же имеет свои границы, полагаемые для нее гетерогеническим элементом хозяйственного процесса. И, так как полное и окончательное преодоление стихийного, гетерогенического элемента в общественном хозяйстве, по нашему мнению, представляется невозможным, то отсюда следует, что и рационализация денежного обращения никогда не может быть доведена до конца, т. е. до того предела, когда деньги стали бы «вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества».

Теперь мы можем возвратиться к тому вопросу, который был поставлен нами выше, а именно к вопросу о том, останутся ли деньги при социалистическом строе, и мыслима ли вообще какая бы то ни была форма общественного хозяйства без всякого участия денег?

Выше мы подошли к разрешению этого вопроса, исходя из анализа понятий ценности и цены. Анализ этот привел нас к выводу, что так как понятия хозяйствования и хозяйства совершенно не мыслимы без понятия ценности, а понятие ценности (суб'ективной) в условиях общественного хозяйства неизбежно трансформируется в социально-об'ективное явление цены, то полное упразднение денег нужно признать невозможным, ибо понятия ценности, цены и денег суть понятия, теснейшим образом связанные между собою и представляющие собою лишь различные стороны одного и того же явления.

Теперь к этому же выводу мы приходим, исходя из анализа понятия и сущности самих денег. В самом деле, этот анализ показал, что основа явления денег заложена в нашем ценностном суждении о вещах, благодаря которому все вещи становятся для нас ценностно-измеримыми и сравнимыми. Деньги являются лишь средством для выражения этой ценностной измеримости и сравни-

мости благ (в условиях общественного хозяйства), но так как ценностная измеримость и сравнимость благ будут иметь место во всяком хозяйственном строе, то этим доказывается то, что в условиях общественного хозяйства деньги не упразднимы.

А. А. Соколов.

Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата.

Доклад К. Ф. Шмелева, прочитанный 13 мая 1921 г.

1. Новые методы регулирования государственного хозяйства (тенденции в развитии государственного хозяйства буржуазии и пролетариата и новые методы).

Функции государственной власти имущих классов, а следовательно и их государственного хозяйства ни в каком случае не направляются в сторону полного поглощения государственным хозяйством частных единичных хозяйств с их частными интересами. Этим направлением государственного хозяйства имущих классов обусловливается малый удельный вес его во всем народном хозяйстве. В России, напр., весь чистый доход государственного хозяйства составил в 1913 г. 14,3% во всем доходе народного хозяйства. И хотя, с течением времени, бюджеты всех буржуазных государств быстро возрастают, однако, этот рост в общем и целом не обгоняет роста национального дохода *).

Иную тенденцию являет государственное хозяйство пролетариата. Соответственно основной задаче пролетарской диктатуры— сделать все средства производства достоянием государственной власти пролетариата и организовать государственное производство продуктов, нужных для личного потребления населения,—основной характерной чертой государственного хозяйства пролетариата является увеличение его об'ема: в меру осуществления указанной задачи, удовлетворение все большего и большего количества потребностей населения становится заботой государственной власти. Так как период пролетарской диктатуры кончается тогда, когда в общем

---

*) К. Шмелев.—«Финансовая политика буржуазии».

исчезают все частные единичные хозяйства и когда государственное хозяйство начинает совпадать с общественным хозяйством, то очевидно, что пределом этому увеличению об'ема государственного хозяйства пролетариата является круг всех потребностей общества.

Но прежде, нежели будет достигнут этот предел, на известных ступенях расширения об'ема государственного хозяйства пролетарской диктатуры уже встает задача перевести методы его регулирования на новые рельсы, неведомые государственному хозяйству буржуазии: возникает необходимость, во-первых, ввести материализацию государственного бюджета и, во-вторых, ввести в государственном хозяйстве в качестве всеобщей однородной единицы учета— вместо денежной (товарной) единицы—единицу сознательного измерения общественно-необходимого труда, как потребного для производства отдельных работ и операций, так и воплощенного в продуктах труда,—короче: возникает необходимость ввести в государственном хозяйстве трудовую единицу учета.

II. Материализация бюджета.

I. Понятие материализации бюджета.

Рассматриваемый по внутреннему своему существу, а не формально по юридическому своему свойству, государственный бюджет представляет собою план государственного хозяйства на тот или иной промежуток будущего времени. Соответственно этому значению слов «государственный бюджет», материализовать государственный бюджет—это значит учитывать в нем вещественные и личные элементы государственного хозяйства, измеряя количества их самих, а не количества их ценности (или стоимости). Задача материализации бюджета состоит, таким образом, не в учете (посредством измерения) ценности (или стоимости) вещественных и личных элементов государственного хозяйства—средств производства, рабочей силы, предметов человеческого потребления,—а в учете (посредством измерения) самих этих элементов—и средств производства, и рабочей силы, и предметов потребления — в их материальных оболочках, лишенных всякого ценностного покрывала.

Так как при этом (т. е. при материализации бюджета) задача заключается в учете самих элементов государственного хозяйства, а не ценностных выражений их, то очевидно, что каждая из

цифр, которыми измеряются эти элементы, охватывает собой и, охватывая, характеризует исключительно элементы, сходные между собою по тому или иному (важному с точки зрения хозяйствующих суб'ектов) физико-химическому эффекту, ими производимому.

Из указанного определения сущности материализации бюджета само по себе не вытекает, что материализованный бюджет исключает ценностное выражение бюджета: наоборот, один и тот же бюджет может быть в одно и то же время и материализованным и ценностным бюджетом, т. е. таким бюджетом, в котором, на-ряду с учетом самих элементов государственного хозяйства, имеет место и учет ценности (или стоимости) этих элементов.

2. Чем становится государственный бюджет в результате материализации?

В результате материализации государственный бюджет становится не чем иным, как планом распределения всех вещественных и личных элементов государственного хозяйства по отдельным его отраслям и сферам.

Распределять что-либо можно лишь зная, что именно и в каком количестве подлежит распределению. По этому плану распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его отраслям и сферам,—распределения в собственном (узком) смысле— неизбежно предшествует учет всех элементов государственного хозяйства, подлежащих распределению.

От этого характеристика материализованного бюджета, как плана распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его сферам, не перестает быть верной: слово «поездка» в узком своем смысле означает лишь самый процесс езды, лишь самое движение, а между тем в обычном своем употреблении оно охватывает в себе не только процесс езды, но и самую подготовку езды (сборы, запряжка лошадей и пр.); подобно этому и выражение «план распределения» охватывает собой не только план распределения в собственном (узком) смысле, но и предварительный неизбежный момент—учет того, план распределения чего строится.

Таким образом, материализованный бюджет, являясь планом распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его сферам, распадается на две части: первая часть - это учет вещественных и личных элементов государственного хозяйства; вторая же часть—это в собственном (узком) смысле план распре-

деления элементов государственного хозяйства между отдельными сферами этого последнего.

И в той и в другой части дело идет именно о материализованном бюджете, т. е. об учете и распределении самих элементов государственного хозяйства (вещей и лиц, точнее, рабочей силы этих последних), а не их ценности (или стоимости). Учет же и распределение самих элементов государственного хозяйства в их материальных оболочках немыслим без той или иной группировки их по категориям.

Чем же определяется эта группировка в материализованном бюджете элементов государственного хозяйства по категориям?

Вещи характеризуются исключительно своими свойствами; только по сходству и различию свойств вещи группируются и различаются между собою *). Группировка элементов государственного хозяйства по категориям их материального существа есть частный случай группировки вещей вообще, и потому она может быть основана ни на чем ином, как только на сходстве и различии свойств группируемых элементов.

Так как, далее, дело идет о материализованном бюджете, то свойствами, на основе которых производится группировка элементов государственного хозяйства, являются естественные свойства этих элементов, т. е. те физико-химические эффекты, которые проистекают от тех или иных связей их между собой и другими вещами.

Каждому данному уровню развития техники и естественных наук соответствует определенный круг известных физико-химических эффектов тел вообще. Какие из всех возможных на данном уровне развития техники и естественных наук эффектов кладутся в основу группировки элементов государственного хозяйства по категориям в материализованном бюджете, какими сторонами и в какой степени должны сходиться эффекты, чтобы об'единять элементы, свойствами которых они являются, в одну категорию,— все это определяется той целью, какая преследуется составлением плана распределения этих элементов по отдельным сферам государственного хозяйства. А этой целью является обеспечение такого распределения элементов государственного хозяйства по отдельным его сферам, которое способно доставить наибольшую выгоду при наименьших затратах.

*) Со всей резкой отчетливостью, вообще присущей гениальным мыслителям, эта мысль была формулирована еще Людвигом Фейербахом в сочинении «Сущность христианства». Спб. 1906, стр. 19.

В обществе с диктатурой имущих классов, т. е. с господством этих классов, позволяющим им распоряжаться государственной машиной принуждения «для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы» (Плеханов),—наибольшая выгода есть выгода имущих классов, а наименьшие затраты—как будет доказано в IV отделе настоящего очерка—суть денежные издержки этих классов. В обществе с диктатурой рабочего класса наибольшая выгода, это—наиболее полное и наиболее равномерное (во времени) удовлетворение потребностей членов общества, а наименьшие затраты, это—затраты рабочих сил этих членов.

3. Когда и почему приходится материализовать бюджет?

Государственному хозяйству буржуазии в общем и целом достаточно было одного ценностного (денежного) учета. Это обусловливалось двумя рядами причин: во-первых, расходы и доходы государственного хозяйства буржуазии в главнейшей своей массе не носили производственного характера (расходы состояли по преимуществу из расходов на вооруженную силу, на общее управление, на денежные расходы по содействию частным единичным хозяйствам; доходы же заключались по преимуществу из денежных поступлений налогового характера); во-вторых, малый удельный вес государственного хозяйства буржуазии во всем народном хозяйстве и непроизводственный (в общем) его характер делали для него вполне возможным получение в потребных количествах нужных продуктов и работников тех или иных специальностей и квалификаций на рынке.

Государственное хозяйство пролетарской диктатуры в ходе своего исторического развития все больше и больше утрачивает все эти особенности государственного хозяйства буржуазии: во-первых, чем больше расширяется его об'ем, тем больше тают в свом удельном весе расходы и доходы его непроизводственного типа и, наоборот, тем больше увеличиваются расходы и доходы его производственного типа; во-вторых, чем больше расширяется об'ем государственного хозяйства, чем больше оно проникается производственным духом, тем все затруднительнее становится ему доставать нужные продукты и нужных работников в потребных количествах на рынке, так как, с одной стороны, все увеличиваются количества нужных государственному хозяйству продуктов и работников, и так как, с другой стороны, все уменьшаются те количества этих про-

дуктов, которые поставляют на рынок частные единичные хозяйства. Чтобы не оказаться в тот или иной момент в тупике, государственное хозяйство пролетарской диктатуры должно учитывать все количества тех продуктов и работников, которые ему нужны, в их специфических видовых единицах измерения. А это означает, что оно должно поставить бюджет на те рельсы, которые принято называть материальным учетом.

Тот тупик, в котором может очутиться государственное хозяйство пролетарской диктатуры, если оно не будет поставлено на рельсы материального учета, заключается в том, что утрачивается всякая возможность установить распределение наличных запасов вещественных и личных элементов производства не только пропорционально различным массам потребностей, но и пропорционально различным отраслям производства.

Так как государственное хозяйство пролетарской диктатуры уже с первых шагов своего исторического существования поглощает всю крупную промышленность, которая даже в отсталых капиталистических странах составляет ныне не менее половины всего промышленного производства, так как поглощенные государственным хозяйством пролетарской диктатуры крупные предприятия неравномерно распределяются по отдельным отраслям промышленности, а падают на определенные отрасли ее, составляя в этих последних почти исключительно господствующий тип производства,— то в виду всего этого государственное хозяйство пролетарской диктатуры уже с первых шагов своих должно установить материализацию бюджета, дабы постоянно не оказываться в тупиках. Это положение бесспорно.

Относительно же ценностного учета возникают два сомнения: 1) нужен ли вообще какой-бы то ни было ценностный учет — денежного или трудового типа безразлично,—раз имеется материализация бюджета; не достаточно ли одного материального учета: 2) если на-ряду с материальным учетом нужен ценностный учет, то какого типа—денежного или трудового? Оба эти вопроса недостаточно полно освещены литературой.

III. Достаточно ли в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры одного материального учета?

1. Поводы к постановке этого вопроса.

Поводом к постановке этого вопроса является различие тех методов, посредством которых делают свои хозяйственные расчеты

единичные хозяйства капиталистического общества, с одной стороны, и социалистическое хозяйство,—с другой.

Производить те или иные продукты, производить их в той или иной комбинации личных и вещественных элементов производства, все эти задачи частными единичными хозяйствами, существующими в капиталистическом обществе, решаются путем сравнения выгодности различных способов,—выгодности, полностью определяемой по денежным ценам товарного рынка. И такие расчеты, основанные на рыночных расценках, проделываются всеми решительно частными единичными хозяйствами, независимо оттого, продают ли они на рынке продукты своих хозяйств или не продают, а назначают их для собственного потребления.

Это всеобщее распространение денежных расценок товаров происходит оттого, что общественное хозяйство товарного типа в своей капиталистической форме достигло такого уровня развития, когда продукты любого рода можно, в случае нужды, продать или купить на рынке.

Метод хозяйственных расчетов, которым пользуются единичные хозяйства, т. е. метод расчетов, основанных на состоянии и движении цен товарного рынка, представляет единственный (и в этом его достоинство, как бы дурен он не был) способ достижения в безголовом товарном обществе тех задач, разрешение которых обязательно для всякого человеческого общества, если оно желает существовать: поддерживать равновесие между потребностями и производством—раз и производить наибольшее количество продуктов с наименьшей затратой рабочих сил людей—два.

О построении социалистического хозяйства по методу расчетов единичных хозяйств капиталистического общества не может быть никакой речи.

Социалистическое общество поставлено в необходимость все свои потребности удовлетворять продуктами своего же социалистического хозяйства. Оно не может отказаться от производства продуктов, необходимость которых им признается, в надежде получить эти продукты за пределами социалистического хозяйства на товарном рынке частных единичных хозяйств, ибо где имеется развитое социалистическое хозяйство, там нет места единичным хозяйствам с их единичными волями. Поэтому метод хозяйственных расчетов, покоющийся на рыночных расценках,—метод, единственно устанавливающий порядок в хозяйстве товарного общества, оказывается экономически невозможным для социалистического общества.

И вечное необходимое условие существования всякого человеческого общества—производство, организованное и организуемое таким образом, что массы общественного труда распределяются пропорционально различным массам потребностей, что наибольшие результаты, оцениваемые с точки зрения потребностей общества, получаются с наименьшей затратой сил общества,—может быть осуществлено социалистическим обществом путем непосредственного планомерного строительства всего общественного хозяйства, руководимого единым центральным его органом. Об'единяемые в своей деятельности этим общим центральным органом общества, специальные хозяйственные центры с сотрудничающими с ними местными едиными хозяйственными органами и местными же специальными центрами и отдельными производственными единицами определяют: какие продукты, где, сколько, каким орудием, в течение какого времени должна производить каждая производственная единица; отдельные комбинации вещественных и личных элементов производства оцениваются при этом непосредственно по той производительности труда, которую они сулят.

Нельзя ли, исходя из такого характера социалистического хозяйства, вывести следующее:

1) социалистическому обществу не нужен ценностный измеритель для продуктов непосредственного потребления людей, ибо, как не измеряй, не сравнивай эти продукты, удовлетворяющие разнородным потребностям, это ни к чему не приведет, так как оно все-таки должно производить именно такие-то продукты, а не иные, и при том именно в таком-то количестве, а никаком другом;

2) в силу того же не нужен ценностный измеритель и для продуктов, являющихся средствами производства предметов, непосредственно удовлетворяющих разного рода потребности людей, ибо говорить о выборе между средствами производства предметов, непосредственно удовлетворяющих один род потребностей людей, и средствами производства предметов, удовлетворяющих другой род потребностей людей, в социалистическом обществе не приходится, так как это означало бы в нем не что иное, как отказ от равномерного удовлетворения всех потребностей людей;

3) не нужен ценностный измеритель и для продуктов, которые хотя и являются в конечном счете средствами производства предметов, удовлетворяющих непосредственно один и тот же род потребностей людей, но уничтожаются, как таковые, на разных стадиях производства, ибо, как не сравнивай между собой

продукты, являющиеся средствами производства разных стадий, в социалистическом хозяйстве одну стадию не заменить другой;

4) не нужен в социалистическом обществе ценностный измеритель и для продуктов, являющихся средствами производства в пределах одной и той же стадии, ибо, как не сравнивай эти продукты, один материальный род их не заменить другим материальным родом их, так как каждый производственный процесс при данных технических условиях во всех своих единичных явлениях необходимо требует одних и тех же пропорций между разными материальными оболочками его средств;

5) не нужен ценностный измеритель и для выражения личных и вещественных элементов производственного процесса в однородных ценностных единицах, ибо не нужно само это выражение, так как при данных технических условиях личный и вещественный элементы во всех единичных случаях производственного процесса находятся в одной и той же пропорции;

6) не нужен, наконец, ценностный измеритель и для сведения труда квалифицированного (сложного) к труду неквалифицированному (простому), так как при данных технических условиях количественные соотношения труда во всех случаях производственного процесса данного рода одни и те же.

Этими шестью пунктами охватываются все стороны производства (в собственном смысле) социалистического общества. И если бы они были истинны, то они свидетельствовали бы о ненужности ценностного измерителя для всей области производственной деятельности людей.

Но, оказавшись почему-либо ненужным в этой последней, ценностный измеритель еще этим самым не изгоняется из сферы распределения созданных продуктов. Нельзя ли поэтому (по-прежнему продолжая исходить из характера социалистического хозяйства) сделать вывод о ненужности ценностного измерения для сравнения между собой продуктов непосредственного потребления людей и в области распределения: ведь, социалистическое общество продуктов не продает, а чрез свои органы непосредственно распределяет их между своими членами для потребления.

Без всяких дальнейших околичностей приведенная мотивация не может считаться достаточной. В отношении к собственно производственной сфере социалистического хозяйства нужно еще показать, насколько соответствуют действительному порядку вещей те условия, которые требуются для того, чтобы можно было ограни-

читься одним материальным учетом. Относительно же распределения нужно показать, что новые (сравнительно с капиталистическими) методы его довольствуются одним материальным учетом.

2. В каких случаях и почему может быть, пожалуй, достаточен один материальный учет?

Дабы решить вопрос о достаточности материального учета в области социалистического производства, надобно, прежде всего, установить те условия, отклонение от которых делает материальный учет недостаточным, а затем—определить, какой мерой реальности эти условия обладают. Если действительность хотя бы только в части случаев показывает картину, не соответствующую этим условиям, то это, очевидно, будет означать, что рядом с материальным учетом необходим и учет ценностный.

Один материальный учет может быть, **пожалуй**, достаточен для определения различий в выгодности (в производительности труда) только в тех случаях, которые удовлетворяют некоторому ряду определенных условий. Одна категория этих условий относится к вещественным и личным элементам производства сравниваемых случаев (I). Другая категория относится к продуктам, производимым в сравниваемых случаях (II).

I. Вещественные и личные элементы производства должны удовлетворять следующим условиям:

1) группы элементов, состоящие из однородных по качеству и материальной оболочке единиц, должны быть на-лицо во всех отдельных сравниваемых случаях;

2) количества, в которых взята каждая группа элементов, должны быть одинаковы во всех сравниваемых случаях или (по меньшей мере) требуется, чтобы пропорции, в которых находятся между собой отдельные группы элементов внутри каждого случая, были одни и те же во всех случаях.

II. Продукты, производимые или могущие быть произведенными в каждом из сравниваемых случаев, должны удовлетворять одному из двух условий:

1) либо во всех сравниваемых случаях должны производиться продукты одного и того же рода или продукты хотя и разнородные по своей материальной оболочке, но годные для однородного, с естественной точки зрения, употребления (напр.: рожь и пшеница, или березовые дрова и осиновые дрова, или дрова и торф, как предметы топлива),

2) либо же, если в сравниваемых случаях производятся разнородные продукты или продукты, не годные для однородного потребления, то, во-первых, все отдельные роды продуктов, добываемых в одном каком-нибудь любом случае, должны добываться в каждом из всех остальных сравниваемых случаев, и, во-вторых, пропорции, в которых стоят друг к другу отдельные роды продуктов в одном случае, должны равняться соответствующим пропорциям каждого из остальных случаев (напр., если в одном случае производятся вагоны и паровозы, то и в каждом из остальных случаев должны производиться такие же по качеству вагоны и паровозы и притом в тех же самых количественных пропорциях).

Только для случаев, удовлетворяющих указанным условиям, возможно **цифровое** определение различий их между собой по выгодности. А как раз одно только цифровое определение различий может дать точки исхода для суждения о том, в какой момент одну производственную комбинацию выгодно заменить другой.

Очевидно, что при указанных условиях потому признается достаточным материальный учет, что они заставляют за их спиной предполагать равенство ценностей отдельных единиц однородных элементов производства во всех случаях.

Но это равенство без предварительного всесторонне ценностного выражения всех элементов производства, очевидно, может быть, пожалуй, допущено лишь относительно случаев, имеющих место в одном и том же территориальном районе, так как, в противном случае, нужно посредством ценностного выражения всех элементов производства убедиться, как именно влияют издержки транспорта на ценности одних и тех же по материальной оболочке элементов: никакого **само собой** разумеющегося допущения сделано тут быть не может.

5. Безусловная необходимость ценностного учета во всех решительно случаях производства.

Но материальный учет **вообще во всех случаях** (даже в тех, которые удовлетворяют условиям, указанным выше, и которые относятся к предприятиям, расположенным в одном и том же территориальном районе) недостаточен, так как нет никакой физической возможности полностью учесть, подсчитать в натуральных величинах все отдельные элементы производственного процесса. Это последнее обстоятельство справедливо как относительно учета последующего, так и тем более относительно учета предварительного, который необходим

решительно во всех случаях, так как без того или иного хозяйственного плана (пускай даже этот план будет иметься лишь в голове) нельзя проделать даже одного производственного процесса.

Материальный учет терпит ограничения и еще с одной стороны. Дело в том, что он не может быть достаточным тогда, когда требуется сравнить выгодность случаев, относящихся к разным производственным комбинациям, так как те условия, при которых он, пожалуй, может быть допущен, имеют в виду как раз случаи, относящиеся к одной и той же комбинации вещественных и личных элементов производства. А между тем существует настоятельная необходимость в том, чтобы определять в ц и ф р а х различия выгодности отдельных случаев, относящихся к разным производственным комбинациям.

В каждый данный момент приходится иметь дело с разнообразными комбинациями производственных элементов почти в любой отдельной отрасли труда. Это происходит по преимуществу в зависимости от двух обстоятельств:

1) в каждой данной местности необходимо бывает принять наиболее целесообразную в ней комбинацию производственных элементов;

2) быстрый прогресс техники общественного производства постоянно ставит лицом к лицу все новые и новые комбинации производственных элементов: не успевает износиться вещественный остов вчера созданных элементов, как сегодня технический прогресс выдвигает более совершенный остов *).

Отказаться от введения новых изобретений техники в угоду сохранения одного рода комбинаций, это значило бы отказаться от

*) «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем у всех прежних способов производства базис по существу был консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую» (Маркс. «Капитал». Т. I, гл. VIII).

Левассер дает иллюстрацию мысли К. Маркса. Он осматривал лесопильные заводы на берегу Миссисипи. «Одна пильня обратила на себя его внимание отличным устройством и высокой производительностью труда. Провожатый выразил при этом сожаление, что не может показать Левассеру пильню, устроенную со всеми новейшими приспособлениями; эта пильня,—добавил он,—существует уже два года. Затем проходили мимо запертого лесопильного завода с разбитыми оконными стеклами. На вопрос Левассера, что это за строение, ему ответили: «эта лесопильня была построена 7 лет назад; так как все устройство очень изменилось за последние годы, то пришлось бросить ее» (Levasseur. «L'ouvrier américain. I, 1898. 67». Изложено по Исаеву: «Мировое хозяйство». Спб. 1910. Стр. 355).

технического прогресса в угоду застоя и неподвижности. Но всякий раз, как возникает необходимость применения нового изобретения, его преимущество должно быть оценено по отношению ко всем существующим комбинациям, ибо только таким порядком можно определить момент, в какой та или иная из существующих комбинаций может быть заменена новой.

Так как уже при нынешнем состоянии техники общественного хозяйства из всех производимых обществом продуктов большую по стоимости часть представляют средства производства и только меньшую часть составляют предметы непосредственного человеческого потребления, так как, далее, в поступательном ходе общественного развития доля средств производства все увеличивается, а доля предметов непосредственного человеческого потребления все уменьшается, то признание необходимости всестороннего ценностного выражения даже только за одними средствами производства означает признание необходимости всестороннего ценностного выражения за большинством продуктов социалистического производства *). Но так как разные комбинации вещественных и личных элементов производства нередко связаны с производством предметов непосредственного человеческого потребления разного рода и притом в разных пропорциях в каждой из сравниваемых комбинаций, то, следовательно, рациональная организация социалистического производства требует ценностного измерения и для известной части продуктов непосредственного потребления людей.

Таким образом, поскольку дело касается собственно производственной сферы, то социалистическому хозяйству без однородного измерителя для всех элементов производства и известной части их результатов не обойтись.

Так решается вопрос относительно социалистического хозяйства. Но раз всеобщий ценностный измеритель необходим в социалистическом хозяйстве, в котором не имеют места частные единичные хозяйства, то он необходим и хозяйству более ранней исторической эпохи—эпохи пролетарской диктатуры и, в частности, государственному хозяйству этой диктатуры.

*) «Почти все движение всемирной торговли обусловливается влиянием потребностей не личного потребления, а производства» (Маркс. «Нищета философии». Перев. В. Засулич. Спб. 1906. Стр. 12). «Окончательному распределению»,—вторит Марксу Родбертус,—«всегда подлежит лишь малая часть наличного совокупного продукта, именно та часть, производство которой в данный момент завершено на последней ступени» (Родбертус. «Теория ренты и исследование о капитале». «Социальные письма к фон-Кирхману». Сокращ. перевод А. А. Кауфмана. Москва. 1908. Стр. 196—197).

4. Необходимость ценностного измерения для рациональной организации распределения продуктов личного потребления.

Выгодной (рациональной) организацией производства не замыкается задача общественного хозяйства и, в частности, государственного хозяйства пролетарской диктатуры.

Ведь, карточная система, которая предлагает всем и каждому одно и тот же ассортимент благ, есть плод крайней нищеты. Как только такая нищета хоть мало-мальски бывает изжита, тотчас же оказывается необходимым предоставить известный выбор потребителям.

В товарном обществе потребители делали выбор в пределах той суммы покупательных средств, которая была в их распоряжении. Выбор в известных пределах должен быть и в социалистическом обществе, а, следовательно, в обществе с пролетарской диктатурой.

Но где имеется возможность выбора между разными по материальной оболочке продуктами, там должен быть ценностный измеритель для всех продуктов.

IV. Денежная единица и всеобщая единица сознательного измерения труда в эпоху пролетарской диктатуры. Роль их в различные моменты этой эпохи.

I. Сущность проблемы.

Признанием необходимости в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры однородной ценностной единицы учета определяется только первая половина проблемы об основаниях учета в государственном хозяйстве. Предстоит еще определить остальную половину этой проблемы, заключающуюся в вопросе, какого же типа должна быть признанная необходимой однородная единица учета?

Общественное хозяйство товарного типа в качестве такой единицы принимает денежную единицу, или единицу денег. Так как деньги есть всеобщий товар, то это значит, что общественное хозяйство товарного типа в качестве единицы учета принимает единицу меры того или иного товара, как материальной вещи,— товара, принимаемого за всеобщий эквивалент *).

---

*) Денежная счетная единица есть лишь специфическая счетная единица вещества,—специфическая в силу того, что она выступает, как единица меры вещества, применяемая в процессе функционирования вещества в качестве денег;

Может ли государственное хозяйство пролетарской диктатуры пользоваться единицей учета, подобной всеобщей единице учета в общественном хозяйстве товарного типа? Так как всеобщей единицей учета в товарном обществе является, как только что указано, единица меры вещества, применяемая тогда, когда вещество употребляется в качестве денег, т. е. всеобщего эквивалента, то, следовательно, вопрос этот сводится к вопросу о том, может ли государственное хозяйство пролетарской диктатуры в качестве всеобщей (для себя) единицы учета пользоваться единицей меры одного какого-нибудь вещества. Но и в такой формулировке вопрос нуждается в расшифровании.

Коммунистическому обществу, т. е. обществу, исключительно представляющему собой «союз свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы, как одну общественную силу» *), никто и ничто не мешает пользоваться в выражении ценности всех продуктов единицей меры материальной оболочки одного какого-нибудь продукта. Но для этого оно должно предварительно определить, сколько общественно-необходимого труда воплощено во всех отдельных продуктах, не исключая и того продукта, в единице меры которого, как вещества, оно желает выразить ценность остальных продуктов; ибо это может быть сделано им лишь путем сознательного отнесения определенных количеств общественно-необходимого труда, затраченного на производство отдельных продуктов, к общественно-необходимому труду, воплощенному в единице меры вещества, через которое выражается ценность других продуктов. Очевидно, что тут основной всеобщей единицей учета,—того учета, в котором участвует сознательная воля людей,— является не единица меры вещества, а как раз единица меры общественно-необходимого труда.

Следовательно, поставленный вопрос сводится к тому, можно ли в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры так поль-

---

ее видовой (специфический) признак лишь тот, что она выступает как единица меры вещества, применяемая в процессе функционирования вещества в качестве всеобщего эквивалента—денег. Что та единица меры вещества, которая применяется к веществу тогда, когда оно выступает в качестве всеобщего эквивалента—денег, по большей части отличается от обычных мер вещества, употребляемых тогда, когда оно не выступает в качестве денег (например, обычных весовых названий металла), это ничего не изменяет в существе данного дела. В своем «Капитале» (т. I, гл. III) Маркс сжато, но исчерпывающе указал исторические причины, приведшие к подобному различию.

*) Маркс. «Капитал», т. I, гл. I.

зоваться единицей меры какого-нибудь вещества, чтобы она была всеобщей (для государственного хозяйства) единицей учета без предварительного всеобщего (опять-таки в отношении к государственному хозяйству) учета общественно-необходимого труда, воплощенного во всех отдельных продуктах.

После таких замечаний очевидно, что центр тяжести в вопросе о том, какова должна быть всеобщая для государственного хозяйства пролетарской диктатуры единица учета, сводится к обсуждению вопроса о том, представляется ли экономически возможным и необходимым пользоваться в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры в качестве основной всеобщей для него единицы учета единицей меры одного какого-нибудь вещества (без предварительного учета общественно-необходимого труда, воплощенного во всех отдельных продуктах).

2. Типы ценностного измерителя в различные моменты эпохи пролетарской диктатуры и в различных сферах общественного хозяйства этой эпохи.

Трудность решения этого вопроса заключается в том, что государственное хозяйство пролетарской диктатуры есть факт переходной эпохи, где, на-ряду с государственным хозяйством, существуют и единичные хозяйства частных лиц, которые продолжают пользоваться капиталистическими методами учета и хозяйственных расчетов, т. е. без предварительного учета общественно-необходимого труда, воплощенного во всех отдельных продуктах, так или иначе вступающих в сферу этих единичных хозяйств. Трудность эта происходит из того, что вопрос о том, какой единице меры — меры трудовых затрат или же меры всеобщего эквивалента — денег — предоставить место основной всеобщей единицы учета в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры, приходится решать в такой социально-экономической обстановке, которая не допускает никаких сомнений и никаких вопросов относительно всеобщей единицы учета в частных единичных хозяйствах: ибо раз существуют частные единичные хозяйства одного большого общественного хозяйства, вступающие между собой в товарный обмен, — деньги волей-неволей должны остаться хотя бы в качестве орудий товарного обращения *).

*) Раз деньги должны остаться в качестве орудий товарного обращения, то это значит, что они должны быть хорошими орудиями товарного обращения, —

Если никаких сомнений относительно денежного учета в частных единичных хозяйствах быть не может, то очевидно, что вопрос об единице учета в государственном хозяйстве сводится к вопросу о том, когда нельзя в государственном хозяйстве обойтись без предварительного учета общественно-необходимого рабочего времени, затраченного на производство всех отдельных продуктов, так или иначе обращающихся в сфере государственного хозяйства. А это может быть с наибольшей рельефностью очерчено лишь посредством рассмотрения этапов общественного развития в порядке убывающей роли во всем общественном (а не только государственном) хозяйстве учета в трудовых единицах рабочего времени. Это же значит, что целесообразно рассматривать этапы общественного развития в порядке, обратном тому порядку, в котором они исторически сменялись или будут сменяться друг другом.

По убывающей роли трудовой единицы учета этапы общественного развития могут быть расположены, примерно, таким образом:

А. Коммунизм.

I этап: общество состоит из одного только исключительного коммунистического союза людей, т. е. «союза свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы, как одну общественную силу» (Маркс);

II этап: общество состоит из двух или более исключительно коммунистических союзов.

Б. Эпоха пролетарской диктатуры.

III этап: в пределах государственного хозяйства воплощается в продукты **больше половины** того количества общественно-необходимого живого труда, которое воплощается в продукты во всем общественном (народном) хозяйстве;

IV этап: в пределах государственного хозяйства воплощается в продукты **меньше половины** того количества общественно-необходимого живого труда, которое воплощается в продукты во всем общественном (народном) хозяйстве.

хорошими, по крайней мере, настолько, что они сохраняют те преимущества, которые сделали их деньгами, превратили развернутую форму товарного обмена в форму денежную. Очевидно, что непременным членом в составе этих преимуществ должна быть известная устойчивость покупательной силы этих орудий (О развернутой форме обмена и превращении ее во всеобщую денежную форму см. Маркс: «Капитал», т. I, гл. I, особенно отделы «В» и «С»).

В. Общество с хозяйством товарного типа (эпоха с господством имущих классов).

V этап: империализм.

I. Относительно первого этапа не может быть никаких сомнений в том, что в нем безраздельно и исключительно будет царить трудовая единица учета; о товарной единице учета, единице меры того или иного вещества тут не будет никакого помина, ибо сама социальная природа этого этапа такова, что она исключает всякую возможность для составляющего его союза людей вступить в сношения с кем бы то ни было: ведь, нет никаких других самостоятельных хозяйств.

II. Точно также обстоит дело с единицей учета и на втором этапе: и здесь будет исключительно царить трудовая единица учета: ибо в каких бы отношениях не были между собой коммунистические союзы, составляющие общество, каждое из них свой учет и свои расчеты, не исключая и расчетов по сношениям с другими союзами, будет базировать на общественно-необходимом рабочем времени.

III и IV. Этапы эпохи пролетарской диктатуры резко отличаются от предыдущих двух этапов тем, что в них еще существует экономическая необходимость в товарной единице учета, так как на этом этапе в обществе существует **достаточно большое число** частных единичных хозяйств, каждое из которых руководится в своей деятельности волей, не координированной с волями других единичных хозяйств.

Эта необходимость для частных единичных хозяйств, вступающих в обмен между собой, товарной (денежной) единицы вытекает из того, что только посредством колебаний товарных цен (а цена, ведь, есть не что иное, как название денег, отнесенных в определенном количестве к товару) может устанавливаться равновесие между производством и потребностями в этих единичных хозяйствах.

Что касается государственного хозяйства в эпоху пролетарской диктатуры, то вопрос о том, какой из двух типов ценностного измерителя—товарный (денежный) или трудовой—будет господствовать в нем, решается исключительно в зависимости от технической целесообразности и технической осуществимости применения в жизни каждого из них; на том или ином этапе эпохи пролетарской диктатуры будет применяться в государственном хозяйстве тот тип, который

наиболее технически целесообразен и наиболее легко осуществим. Дело в следующем.

Установление на базе трудовой единицы расценок государственных продуктов необходимо требует расценки в трудовых единицах и тех продуктов, которые производятся вне сферы государственного хозяйства, ибо в производстве каждого продукта участвуют (по цепному правилу) почти все продукты всех отдельных стадий общественного производства. Вследствие этого, определение трудовых затрат для части продуктов ставится на шаткую почву, оторванную от жизни, ибо оказывается необходимым трудовые затраты для части продуктов определить не на основании действительных трудовых затрат, воплощенных в них и **зарегистрированных на всех стадиях их производства**, а на основании особого условного масштаба. Чем значительнее удельный вес этих условно вычисленных трудовых затрат в общей сумме трудовых затрат, воплощенных в том или ином продукте, переделанном в сфере государственного хозяйства, тем менее точной оказывается трудовая оценка этого продукта, тем, далее, больше технических вычислений приходится делать для установления этой расценки.

Распространяя эти соображения на всю массу продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства, мы должны придти к такому выводу: чтобы был смысл подымать работу по введению трудовой единицы ценности, **надобно, чтобы в государственном хозяйстве воплощалось в продукты не меньше половины того количества общественно-необходимого живого труда, которое воплощается в продукты во всем народном хозяйстве**; в противном случае является более целесообразным — более точным и более практичным и экономным — вести учет в товарной (денежной) единице, выражая в этой последней и те трудовые затраты, которые имеют место непосредственно в государственном хозяйстве *).

V. Экономическая необходимость для государственного хозяйства имущих классов товарной (денежной) единицы (будь оно хотя самым абсолютным монополистом вроде единого государственного треста капиталистов, по выражению Н. Бухарина **), зиждется на том, что оно является эксплоататорским хозяйством имущих классов, т. е. применяет наемную рабочую силу, которая все еще продолжает быть

*) Применяя указанный общий вывод к России, нужно сказать: значительнейшая часть живого труда воплощается сейчас в ней за пределами госуд. хозяйства; поэтому трудовая единица ценности в ней сейчас неосуществима.

**) «Экономика переходного периода». М. 1920.

товаром, и цена которой не может не быть денежной ценой; добиваясь наибольшей чистой выгоды, государственный трест капиталистов должен все свои расчеты, а следовательно и учет, базировать на издержках производства; а так как главные издержки производства—заработная плата—выражены в товарных единицах, то—в силу необходимости однородной единицы учета во всей сфере производства—всеобщей единицей учета может быть лишь товарная единица, ибо ею выражается заработная плата.

V. Декрет и Положение о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

(Проекты Народного Комиссариата Финансов).

1. Связь между Декретом и Положением.

Декрет о трудовой единице учета намечает лишь основные принципы трудового учета. Он содержит следующее: 1) указывает цели, которые ставятся трудовому учету (§§ 1 и 2); 2) декретирует единую длявсех отраслей государственного хозяйства трудовую единицу учета (§§ 1 и 2); 3) устанавливает основы содержания трудовой единицы учета (§ 3); 4) возлагает на Совет Труда и Обороны обязанность: а) составления правил применения трудового учета (§ 4) и б) организации всех необходимых мероприятий и подготовительных работ по проведению в жизнь трудовой единицы (§ 6); 5) подтверждает необходимость ведения материального учета на-ряду с трудовым учетом (§ 5); 6) устанавливает крайний срок повсеместного введения трудового учета.

Положение же о трудовой единице учета развивает и конкретизирует намеченные Декретом основные принципы трудового учета.

2. Конечная цель трудового учета и общий контур пути к ее достижению.

Целью трудового учета является обеспечение регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях (§ 1 Декрета).

Путем к достижению этой цели признается: сведение всего многообразия материального учета (учета в различных единицах измерения) к единству ценностного, по общественно-необходимым

трудовым затратам, учета. Этим, следовательно, признается, во-первых, недостаточность для достижения намеченной цели одного материального учета и, во-вторых, необходимость введения ценностного учета трудового типа, точнее—того типа, который построен на сознательном учете трудовых затрат (§ 2 Декрета).

В однородных трудовых единицах ведется как учет живого труда, направленного на производство отдельных работ и операций, так и расценка в трудовых затратах всех продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства, а равно и услуг, этим последним оказываемых (§ 2 Декрета и § 1 Положения).

Как вытекает из существа целей, поставленных трудовой единице, эта последняя ни в каком случае не претендует, по смыслу Декрета и Положения, на то, чтобы заменить собой денежную единицу в качестве функции ее, как орудия обращения; она вообще не распространяется на частные единичные хозяйства и не претендует на выполнение каких бы то ни было функций денег для этих единичных хозяйств. Единственно, чем вызвана расценка хозяйственных благ, обращающихся в сфере государственного хозяйства, по сознательно определяемым трудовым затратам, так это только потребностями учета в пределах самого государственного хозяйства.

3. Основное содержание трудовой единицы; ее определение.

а) Принципы построения трудовой единицы; установление основных элементов этой единицы.

Выразить вещественные и личные элементы производства и их результаты в однородных единицах трудовых затрат, очевидно, можно лишь, рассматривая человеческий труд, как нечто качественно совершенно однородное.

А это, прежде всего, означает отвлечение от конкретных видов (форм) труда. Каждый конкретный труд есть труд, направленный на изготовление конкретно-полезного предмета и потому качественно отличается от других видов конкретного труда, направленных на изготовление других видов полезных предметов; например, конкретный труд ткача, направленный на изготовление ткани, качественно отличается от конкретного труда сапожника. Если отвлечься от конкретных форм отдельных полезных работ, то последние уже не различаются между собой по качеству, но сводятся все к одинаковому человеческому труду, который представляется лишь как «затрата человеческой рабочей силы безотносительно к форме такой

затраты» *). Отвлекаясь от конкретных форм труда, мы тем самым отвлекаемся и от конкретных свойств продуктов труда. «От них ничего не осталось кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка безразличного человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме такой затраты. Все эти вещи представляют теперь лишь выражение того факта, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы общей им всем общественной субстанции они являются стоимостями».

«Итак потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней осуществляется или материализуется абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, «этой созидающей стоимость субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, меру в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.» **).

И мы принуждены будем измерять количество труда рабочим временем до тех пор, пока на практике не установилось непосредственного измерения количеств труда.

Если стоимость продукта определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость продукта тем больше, чем ленивее и неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени потребуется ему для изготовления продукта. Но тот труд, который образует субстанцию стоимости, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях продуктов, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет подобно всякой другой из них ту же самую человеческую рабочую силу, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы, следовательно, затрачивает на производство данного продукта лишь необходимое в среднем или общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных обще-

*) К. Маркс «Капитал». Т. I, гл. I.
**) К. Маркс, Ц. соч. Гл. I.

ственно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда *).

Очевидно, что в продуктах это общественно-необходимое время (поскольку дело касается собственно производства) будет выражать то, что принято называть средней нормой выработки того или иного продукта в обществе.

Общественно-необходимый труд, который измеряется общественно-необходимым рабочим временем, «есть затрата простой средней рабочей силы, которой располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой специальной подготовкой». Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества представляет величину данную.

Сравнительно сложный труд есть только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого **).

Таким образом, для того, чтобы выразить элементы производства и его результаты в стоимостях через общественно-необходимое рабочее время, требуется: 1) найти наиболее подходящую единицу общественно-необходимого рабочего времени (час, день, рабочий период трудящегося и т. д.), придав ей общественно-необходимую норму выработки; 2) установить соотношение между простым и сложным трудом и 3) установить порядок приведения различных индивидуальных интенсивностей труда к общественно-средней интенсивности.

б) Какое рабочее время принять за всеобщую единицу измерения труда?

В качестве мерила трудовых затрат выше признано необходимым принять рабочее время. Теперь возникает вопрос, какой период времени принять за единицу, по отношению к которой все остальные периоды—более короткие или более длинные—являлись бы дробными или множественными величинами ее. Выбор единицы трудового измерителя имеет большое значение: при трудовой расценке продуктов труда все количество продуктов, созданных в течение единицы времени, принятой за трудовую единицу, будет

---

*) К. Маркс., цит. соч. Т. I. Гл. I.
**) К. Маркс., цит. соч. Т. I. Гл. I.

определять расценку дробных или множественных величин этого количества.

Исходя из этого значения трудовой единицы, можно наметить те требования, которые к ней пред'являются. Таковыми являются:

1) наибольшая ее константность, как показателя общественно-необходимых трудовых затрат, и

2) наибольшее ее техническое удобство при производстве трудовых расценок продуктов.

Этим требованиям, пред'являемым к трудовой единице, удовлетворяет нормальный рабочий день.

Более короткий период, скажем, один час работы, не отличается более или менее устойчивым количеством содержимого в нем общественно-необходимого труда, так как в течение отдельных часов рабочего дня это количество не остается постоянным, а изменяется— сначала увеличивается, а затем уменьшается. Обладая таким крупным недостатком сравнительно с нормальным рабочим днем, один час работы не представляет вместе с тем сравнительно с этим последним никаких особенных технических выгод и удобств при трудовой расценке продуктов.

Более длинный период, чем нормальный рабочий день, как единица измерения труда—скажем, неделя нормальной работы или же рабочий период жизни работника—представляет значительные недостатки: 1) возникают значительные неудобства при расценке продуктов труда в трудовой единице; 2) большая константность в содержании общественно-необходимого труда обладает тут меньшей вероятностью сравнительно с вероятностью константности этого труда в нормальном рабочем дне, так как на протяжении рабочего периода жизни работника возможны всяческие перерывы и изменения в продолжительности работы.

Что рабочий день, будучи нормальным, раз навсегда не фиксирован в календарных единицах времени, и что продолжительность его может быть различна в различных отраслях труда,—это является достоинством его как трудовой единицы, так как именно это обстоятельство придает трудовой единице наибольшую константность в содержании общественно-необходимого труда.

В виду вышеизложенного наиболее приемлемым в качестве трудовой единицы является нормальное время (и именно нормальный день) простого труда при нормальной его напряженности.

Идея нормального дня простого труда с полной нормой выработки (как показательницей нормальной напряженности труда) принадлежит у нас в России С. Г. Струмилину; он считает необходимым ввести теперь же в нашем государственном хозяйстве трудовую единицу учета с таким основным содержанием.

«В качестве единицы трудовой ценности я предлагаю», — пишет Струмилин,—«принять ценность продукта труда одного нормального дня работника первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки в 100%».

Эту нормальную трудо-единицу, соответствующую работе в 100.000 килограммометров, обозначим сокращенно буквами «тр. ед.» или словом «тред». Тысячу таких «тредов» назовем «килотредом», миллион—«мириатредом» *).

В общей своей формулировке это определение принято проектом Декрета Народного Комиссариата Финансов о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

в) Основное содержание единицы трудового учета в проектах Декрета и Положения.

Единица трудового учета определяется проектом Декрета так:

«За единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности для данного рода работы» (§ 3 Декрета). Таким образом, если средняя продукция одного нормального рабочего дня простого труда равняется, скажем, 20 единицам данного продукта, то 100 единиц этого продукта составляют 5 единиц трудового учета.

Указанное определение трудовой единицы было принято рабочей группой Валютной Подкомиссии Междуведомственной Комиссии Комиссариата Финансов по предложению С. Г. Струмилина большинством 4 голосов против одного моего голоса.

В качестве доводов против принятой редакции определения трудовой единицы я выставил следующие соображения.

1) По точному смыслу принятого определения единицей трудового учета является не рабочее время, а продукция труда за известное время («за единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормаль-

*) «Вестник Труда». Ежемесячный орган Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. Январь-февраль 1921 г. № 1—2 (4—5). Статья С. Струмилина: «Проблемы трудового учета». Стр. 76.

ной его напряженности для данного рода работы»). Продукция есть не что иное, как продукт, который может быть одним из двух: либо материальной вещью, либо же конкретно-определенной услугой. А это означает, что раз за единицу трудового учета принимается продукция, то—в силу разнородности материальных оболочек вещей и конкретно-определенных услуг—создастся ровно столько единиц трудового учета, сколько родов продуктов (вещей и услуг) существует. Отвлечься же от конкретного вида продуктов труда,—это значит отвлечься от самих продуктов. А это значит отвлечься от самой «единицы трудового учета», раз за эту последнюю принимается известное количество этих продуктов.

2) В защиту принятого определения единицы трудового учета могут, пожалуй, привести указание на то, что средняя продукция есть показатель необходимого труда и в качестве такового показателя она и принимается. Однако, это указание не спасает принятого определения от существенных пороков: во-первых, сама средняя продукция есть результат, вычисленный на основе истинной первоначальной единицы учета, и, во-вторых, она представляет из себя то количество продуктов, которое соответствует одной единице учета и, следовательно, является не единицей учета, а тем количеством данного рода продуктов, которое расценивается в одну трудовую единицу. Первая характеристика средней продукции может быть подтверждена или опровергнута лишь обсуждением того, как на деле определяется эта средняя продукция.

Как же устанавливается принимаемая за единицу трудового учета средняя продукция одного нормального дня простого труда? Так как большинство продуктов не является результатом одного рабочего дня или одного рабочего, то, очевидно, в большинстве случаев ее приходится вычислять особо. Вычисление состоит в следующем: вычисляется количество нормальных дней простого труда (проделываются, между прочим, особые вычисления для того, чтобы сложный труд выразить в простом труде); на это количество нормальных дней простого труда делится средняя норма выработки; результат и есть средняя продукция. Спрашивается, что же в таком случае является основной единицей учета: средняя ли продукция или нормальный рабочий день? Ответ очевиден: раз средняя продукция является уже результатом вычислений, сделанных на основе нормального дня простого труда (на основе в том смысле, что она специально относится к нормальному дню не какого-нибудь, а простого труда с нормаль-

ной напряженностью), то основной единицей является не средняя продукция, а нормальный день простого труда со средней нормой выработки, взятой как показатель интенсивности труда. Где продукт является результатом коллективной работы, где продукт представляет результат более чем одного нормального дня труда, где, наконец, продукт производится при участии работников выше обыкновенной средней рядовой квалификации, там очевидность этого бьет в глаза. Но и там, где продукт является результатом труда одного рабочего, одного нормального дня труда и притом простого труда,—единицей измерения труда является не этот продукт, а нормальный день простого труда с нормальной напряженностью. Ибо и тут неизбежно исследуется, действительно ли продукт представляет результат одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности: не будь этого, можно было бы в определении единицы измерения труда отказаться от отнесения продукта к одному нормальному дню простого труда с нормальной его напряженностью, а между тем этот отказ невозможен, и за него не будет ратовать и сам Струмилин.

Средняя же продукция есть лишь то количество продуктов данного рода, которое относится к единице учета подобно тому, как определенное количество товаров относится к одной денежной единице. И как количество товаров, оцениваемое в одну денежную единицу, не есть сама денежная единица, так и количество продуктов, приходящееся на единицу трудового учета, не есть сама эта единица *).

3) Будучи отнесен к «средней продукции», термин «единица трудового учета», введенный в принятое определение, оказывается настолько неопределенен, что способен повести к заблуждениям. Например, средняя продукция одного нормального дня простого труда мельника равняется 20 пудам муки, а так как за «единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда», то, очевидно, эти 20 пудов муки являются единицей трудового учета. Но что значит то, что 20 пуд. муки

*) Определение единицы сознательного измерения труда через среднюю продукцию не является новшеством С. Г. Струмилина. Родбертус в своем „4 социальном письме" точно также определяет единицу сознательного измерения труда через среднюю продукцию. Он говорит: „при помощи нормального дневного урока, этого среднего продукта среднего работника в течение определенного промежутка нормального рабочего времени, центральный орган сможет определить, несмотря на различия в свойствах работников, насколько данное количество нормального рабочего времени может служить для удовлетворения потребностей" („Капитал. 4 социальное письмо". Гл. II).

являются «единицей трудового учета»? Значит ли это, что 20 пуд. муки оцениваются в размере одной трудовой единицы? Но это предположение, логически вытекающее из определения «единицы трудового учета» «средней продукцией» первым — противоречит истине: ибо 20 пуд. муки являются результатом не только труда мельника, но и труда работников в сельском хозяйстве, добывающих зерно, и т. д. Эта неопределенность, ведущая к ложным заключениям, может быть устранена тогда, когда термин «единица трудового учета» будет заменен более определенным термином «единица измерения труда». Если же не делать этой замены, то нужно резче, чем это сделано в § 3 Декрета, оттенить то положение, что расценка благ и услуг ведется по количеству общественно-необходимого труда, вложенного в них; этого особого оттенения не требуется тогда, когда употребляется точный термин: «единица измерения труда».

4) Продукция рабочего дня есть не что иное, как то количество продуктов, которое вырабатывается в течение одного дня. Два момента, зависящие от личных качеств работника, определяют эту продукцию: 1) квалификация труда и 2) напряженность труда. Поскольку берется простой труд, постольку квалификация труда устраняется из сферы влияния на продукцию (так как устраняются различия в квалификации), постольку, следовательно, остается лишь напряженность труда, как фактор, связанный с личными качествами работника и влияющий на производительность труда, т. е. на продукцию. Но эта напряженность труда при неизменной квалификации сама приводится в известность через посредство продукции, а не продукция через напряженность труда. Отсюда следует, как частный случай, что и нормальная напряженность труда при неизменной квалификации приводится в известность через среднюю продукцию, а не наоборот. Поэтому добавление к словам: «за единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда» еще и слов «при нормальной его напряженности для данного рода работы» ничего не дает ни в смысле достаточной полноты определения, ни в смысле практического указания на путь к определению средней продукции.

По всем указанным четырем рядам соображений я не счел для себя возможным согласиться с принятым рабочей группой в проекте Декрета определением единицы трудового учета.

По моему мнению, правильно формулировать содержание еди-

ницы сознательного измерения труда можно лишь следующим образом:

«За единицу измерения труда принимается один нормальный день простого труда при нормальной его напряженности».

Указание на то, что нормальная напряженность определяется через норму выработки, я считал целесообразным ввести лишь в Положение о трудовой единице учета, в котором вообще конкретизируются основные мысли Декрета; вполне удовлетворительным я признаю то указание, которое дается в принятом, по моему предложению, Валютной Подкомиссией § 2 Положения.

Положение о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р. практически конкретизирует принципиальное определение трудовой единицы, данное в Декрете, так:

«2. За единицу измерения труда принимается один нормальный день труда рабочего 1-го тарифного разряда при выполнении им нормы выработки или задания в 100%. Означенная единица измерения труда называется «трудовой единицей» или «тредом» и обозначается знаком «тред».

Выражение «единица измерения труда» является тут наиболее целесообразным.

Во-первых, § 1 Положения устанавливает ведение во всех отраслях государственного хозяйства как учета труда, направленного на производство отдельных работ и операций, так и расценки в трудовых затратах всех продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства. Так как расценка благ по воплощенному в них труду означает не что иное, как учет овеществленного труда, то задача трудового учета формулируется в первом параграфе, как задача учета труда живого и овеществленного. Этим самым единица трудового учета конкретно определяется, как единица измерения труда. Поэтому нет никакой надобности в следующих за первым параграфах Положения употреблять вместо конкретно-определенного термина «единица измерения труда» неопределенный термин «единица трудового учета».

Во-вторых. Термин «единица измерения труда», будучи конкретно-определенным, обладает значительным преимуществом сравнительно с неопределенным термином «единица трудового учета»: он определенно указывает на то действие, к которому привлекается единица трудового учета; это действие—измерение труда.

Принятое Положением определение единицы измерения труда конкретизирует уже все три элемента единицы: 1) нормальное рабочее время конкретно определяется как нормальный день труда; 2) в качестве простого труда принят труд рабочего первого тарифного разряда; 3) напряженность труда, как общий принцип, заменена практическим своим показателем (действующим в пределах одной и той же квалификации и одной и той же отрасли труда)— нормой выработки.

1. Нормальный рабочий день был введен в определение трудовой единицы уже в Декрете. Выше я уже указал на те преимущества, которыми обладает нормальный рабочий день перед другими нормами рабочего времени (вроде, напр., средней продолжительности рабочего периода жизни человека).

2. Квалификация труда. Принятый в определении единицы измерения труда путь конкретизации квалификации—в качестве простого труда принимается труд рабочего первого тарифного разряда — развивается в § 3 Положения, где указывается порядок приведения труда лиц высших разрядов квалификации к труду первого тарифного разряда. Таким образом, за классификацию работников государственного хозяйства по разрядам квалификации в общем и целом принимается классификация этих работников по тарифным разрядам. Труд лиц, оплачиваемых вне тарифных разрядов, неизбежно приходилось принять за один или несколько новых разрядов квалификации сверх тех разрядов, которые соответствуют тарифным разрядам.

Соображения, в силу которых следует признать правильным принятие тарифных разрядов за разряды квалификации, таковы:

Простой труд есть труд, который способен выполнить рабочий с обыкновенной (обычной для массы лиц рабочего возраста) подготовкой. Сложный труд есть труд, который может быть выполнен лицами, обладающими бо́льшей подготовкой, чем обыкновенная рядовая подготовка рабочих. Различными ступенями подготовки обусловливаются, таким образом, различные разряды квалификации труда *). Пока будут существовать различные ступени подготовки и обусловливаемые ими различные разряды квалификации труда, до тех пор будут существовать и различия в размерах оплаты.

*) Что различия в подготовке обусловливают различия в квалификации труда, это ни в каком случае не может само по себе еще означать того, что и различия в квалификации соответствуют различиям в подготовке.

Это последнее положение подлежит особому самостоятельному доказательству.

Где — как в капиталистическом обществе — главные издержки по обучению (содержание учащихся) падают на самого учащегося или его семью, где рабочая сила является товаром, количество и качество которого определяется в процессе стихийного колебания его цены, там эти различия в оплате труда ближе подходят к различиям в подготовке и обусловливаемым этими последними различиям в квалификации. Где же — как в социалистическом обществе и обществе с пролетарской диктатурой — главные издержки по обучению (в том числе и содержание учащихся) падают на государственное хозяйство, где устраняется стихийный порядок обеспечения народного хозяйства нужными кадрами работников, там различия в оплате труда перестают хотя сколько-нибудь соответствовать различиям в подготовке и различиям в квалификации — там вознаграждение, получаемое работниками, перестает быть регулятором, обеспечивающим народное хозяйство нужными кадрами работников. Однако, различия в оплате, хотя и совершенно не соответствующие издержкам на подготовку оплачиваемых лиц, все-таки остаются в качестве некоторой приманки и в социалистическом обществе и будут оставаться там, все уменьшаясь, до тех пор, пока не исчезнут различия в квалификации труда, пока окончательно не исчезнет обусловливаемое этими различиями разделение труда (узко понимаемое в смысле пожизненного закрепления за отдельными лицами трудовых функций отдельных специальностей). А эти различия в квалификации труда будут существовать не только в течение всей эпохи революционной диктатуры пролетариата, но и в течение низшей фазы коммунизма (обычно именуемой социализмом). И только на высшей фазе коммунистического общества имеются налицо такие условия, которые устраняют какую бы то ни было связь между работой и вознаграждением работника: каждый будет получать по потребностям и работать по способностям *).

---

*) „На высшей фазе коммунистического общества — после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни, когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: „каждый по способности, каждому по потребностям" (К. Маркс, „Критика Готской программы". Цитировано по В. Ильину (Н. Ленину): „Государство и революция". Петроград. 1918. Стр. 89—90).

В том или ином распределении продуктов личного потребления ошибочно видеть (как то делает подавляющее большинство экономистов) отличительную осо-

Одним из этих необходимых условий является существование различий в квалификации труда. И потому некоторые различия в оплате труда различных квалификаций не могут исчезнуть до тех пор, пока не исчезнет сама их основа—различия в квалификации труда. А раз это так, раз основой различий оплат труда по работе являются различия в квалификации труда, то правильная классификация должна совпадать с правильной классификацией разрядов оплаты (тарифных разрядов).

Существуют все основания за то, чтобы за разряды квалификации принять разряды оплаты.

Во-первых. Разряды оплаты, задевая интересы отдельных лиц, стремящихся получить в качестве вознаграждения возможно больше, способны придти в соответствие с разрядами квалификации в самом процессе своего применения — в результате изменений и дополнений, имеющих место в этом процессе применения. Разряды же квалификации сами по себе, наоборот, есть нечто абстрактное (отвлеченное от жизненных интересов отдельных лиц). А так как всякие, не выросшие непосредственно (стихийно) на жизненной почве, схемы всегда более или менее искусственны и исправляются жизнью в процессе своего применения, так как, далее, разряды квалификаций исправляются жизнью лишь как разряды оплаты, — то наибольшей жизненностью должны отличаться те классификации квалификаций труда, которые базируются на классификации различий в оплате труда.

Во вторых. Никакая группировка работников, сделанная на основе различий в затратах на их подготовку, не может сама по себе быть группировкой работников по разрядам квалификаций. Дабы группировка работников, сделанная на основе различий в затрате на их подготовку, могла быть принята за группировку по разрядам квалификации,—нужно, чтобы

бенность социализма в понимании К. Маркса и Фр. Энгельса. Видеть основную отличительную особенность социализма в том или ином распределения предметов непосредственного потребления людей—это значит для Маркса и Энгельса вступать в явное противоречие со своим собственным пониманием хода исторического процесса. Но Маркс и Энгельс неповинны в таком „противоречии". В только что цитированной „Критике Готской програмы" Маркс пишет: „Видеть в так называемом распределении сущность дела и на нем ставить главное ударение вообще ошибочно. Любое распределение средств потребления есть лишь производное следствие распределения средств производства. А распределение этих последних составляет характер самого способа производства". „Вульгарный социализм (а благодаря ему и часть демократия) усвоил от буржуазных экономистов взгляд на распределение, как на нечто совершенно независимое от способа производства, и потому представляют себе задачи социализма, главным образом, в области распределения".

безраздельно господствовало правило — работу, которую обычно выполняют лица с большей подготовкой, неспособны выполнить и не выполняют лица с меньшей подготовкой. Это, пожалуй, может иметь место там, где распространение в массах населения образования идет снизу, начинается с низших ступеней образования: сначала все население обучается в школах первой ступени, затем в меру распространения образования первой ступени расширяется круг лиц, проходящих школу второй ступени, и т. д. Но раз в какой-либо степени имеет место обратный процесс, а именно: расширение идет сверху — все больший и больший процент лиц, окончивших (скажем) школу второй ступени, проходит школу третьей ступени,—раз имеет место и такой процесс, не исключается возможность того, что труд, обычно выявляемый лицами с большей подготовкой, может с такой же силой выявляться и лицами с меньшей подготовкой, — другими словами, не исключается возможность того, что различия в подготовке не оказываются различиями в квалификации.

Итак, за разряды квалификации наиболее целесообразно принять разряды работников по оплате труда (тарифные разряды).

Но отсюда ни в каком случае нельзя сделать вывода, что и те коэффициенты, которые показывают, во сколько раз больше выявляется простого труда работниками высших квалификаций сравнительно с работниками низших разрядов в течение нормального периода работ, целесообразно и правильно вычислять на основе различий в оплате труда работников разных квалификаций. Такой вывод можно сделать лишь в том случае, если будет доказано, что различия в оплате труда в точности соответствуют различиям в затратах на подготовку работников различных квалификаций. Но так как ни в эпоху пролетарской диктатуры ни (тем более) в социалистическом обществе о таком соответствии не может быть никакой речи, то этот вывод оказывается неверным, и верным будет обратное: нецелесообразно и неправильно коэффициенты квалификации вычислять на основе различий в оплате труда, существующих в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры.

Таким образом, различия в оплате труда целесообразно и правильно положить в основу построения квалификационных разрядов. Поскольку имеются на-лицо тарифные разряды, постольку целесообразно и правильно принять эти последние в качестве квалификационных разрядов. Что же касается труда лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, то для них разряды квали-

фикации приходится устанавливать особо на основании различий в оплате этого рода труда. Так как на деле удельный вес труда лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, в общей массе труда незначителен, так как колебания в оплате различных видов этого труда незначительны сравнительно с различиями в оплате труда рабочих первого и последнего тарифных разрядов, то для экономической практики, которой не нужна громоздкая микроскопическая точность, технически целесообразно будет принять труд всех лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, за труд одного квалификационного разряда с одним коэффициентом квалификации. Так и поступает Положение, вводя в дополнение к § 3 особое примечание (первое).

3. Напряженность труда. Показателем нормальной напряженности труда берется в Положении полная норма выработки. Этот прием методологически вполне правилен, раз дело идет о напряженности труда в пределах одного и того же разряда квалификации.

4. Порядок выражения в трудовой единице труда различного качества.

Конкретизированное определение трудовой единицы показывает, что она содержит в себе три элемента: 1) нормальный день труда, 2) труд рабочего 1-го тарифного разряда и 3) полную норму выработки.

Если бы в действительности никаких отклонений от этих элементов не было — если бы всегда имела место только нормальная длительность труда, если бы имел место только труд одного первого разряда квалификации, если бы, наконец, всегда выполнялась норма выработки или задания, — то не было бы никакого вопроса о том, как выражать различные количества труда в трудовой единице, так как каждый акт труда без особого выражения оказывается исчисленным в трудовой единице, если исчислена его календарная длительность.

Но так как на деле это не так, то возникает особая задача выражения труда в трудовых единицах. Так как в действительности все три элемента трудовой единицы являются идеальными элементами, так как жизнь, как общее правило, являет отклонение от всех трех элементов в одном и том же производственном процессе, то формулирование правил выражения труда в трудовой единице представляет значительные трудности, которые, однако,

должны быть преодолены, раз все-таки необходимо это выражение сделать.

Эти трудности могут быть преодолены лишь посредством расчленения отклонений. Это путь —единственный. На него и вступило Положение.

§ 3 берет случай с одним отклонением, имеющим место относительно одного элемента — разряда квалификации —и указывает порядок его исправления:

«Нормальный день труда лица высшего тарифного разряда или разряда вне тарифного, при выполнении им нормы выработки или задания в 100%, выражается в тредах цифрой, полученной от помножения этого дня на коэффициент квалификации труда данного разряда.

Примечание 1. Труд лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, считается трудом одной квалификации с одним коэффицентом квалификации».

§ 4 Положения берет случай с другим отклонением (от нормального рабочего дня) и указывает порядок его исправления:

«Неполный рабочий день того или иного разряда или день, увеличенный сверхурочными часами, в полном рабочем дне того же разряда выражается величиной, полученной от деления проработанного времени на время нормального рабочего дня, надлежаще установленного для соответствующей категории труда».

§ 5 Положения указывает, наконец, порядок исправления третьего отклонения—отклонения от полной нормы выработки:

«Выраженное в нормальных рабочих днях (§ 4) время переводится на нормальное рабочее время с полной нормой выработки или задания посредством умножения его на выполненную долю нормы выработки или задания».

Так как в действительности имеют место случаи, когда учета производительности труда не ведется (нормы выработки не устанавливаются, а если устанавливаются, то выполненные доли их не регистрируются), то для таких случаев волей-неволей приходится напряженность труда и выработку считать нормальными и принимать их за единицу.

Это и предусматривается примечанием к § 5 Положения:

«В тех случаях, когда учета производительности труда не ведется (нормы выработки не устанавливаются и выполненные доли этих норм не регистрируются), выработка считается нормальной,—

независимо оттого, производится ли работа в урочное или сверхурочное время».

5. Трудовой учет в учреждениях и предприятиях.

Как было указано в § 2 настоящего отдела моего очерка, основной целью трудового учета, по мысли проектов Декрета и Положения, является обеспечение регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях.

Достижение этих целей ставит следующие задачи трудовому учету:

1) учет живого труда,

2) расценка хозяйственных благ и услуг

и 3) учет выплат, связанных с различными расчетами, как-то: вознаграждение рабочим и служащим в. вообще, оплата услуг, оказываемых учреждению или предприятию отдельными лицами, их об'единениями или другими учреждениями и предприятиями, а равно оплата средств производства.

1. Учет живого труда необходим как непосредственно для того, чтобы иметь возможность судить о выгодности приложения труда в различных случаях, так и для того, чтобы можно было на основании затрат труда на отдельные работы или операции устанавливать расценки хозяйственных благ.

Учет живого труда выдвигает два вопроса: 1) с какой детализацией работ и операций этот учет вести и 2) как выражать в трудовых единицах работу разной длительности разной квалификации и разной напряженности.

Последний вопрос разрешен в предыдущем.

Что касается первого вопроса, то в Положении можно было установить лишь общий принцип учета—необходимость наибольшей—допустимой по техническим условиям—детализации тех работ и операций, по которым этот учет ведется, так как, во-первых, точно установить круг работ и операций, по которым ведется особый учет живого труда, можно лишь посредством исчерпывающего перечня этих работ и операций, что может быть достигнуто только в результате длительной работы всех отдельных частей государственного хозяйства, так как, во-вторых, раз установленный перечень работ и операций не есть нечто неподвижное, но

постоянно меняется в зависимости от изменения технической обстановки производства. Но так как один голый принцип все-таки недостаточен, а нужен перечень, то Положение должно было установить и процессуальный порядок составления этого перечня.

Положение следует намеченному способу разрешения первого вопроса: § 6 устанавливает общий принцип учета («учет живого труда в учреждениях и предприятиях ведется по отдельным работам и операциям с возможной по техническим условиям детализацией»); § 10 устанавливает процессуальный порядок составления перечня работ и операций, по которым ведется учет живого труда.

2. **Расценка по трудовым затратам хозяйственных благ и услуг** в учреждениях и предприятиях государственного хозяйства должна давать возможность сравнивать производительность труда в отдельных предприятиях или учреждениях, вырабатывающих тот или иной продукт или оказывающих ту или иную услугу.

Дабы достигнуть этого, прежде всего надобно, чтобы одинаковые по материальной оболочке средства производства для отдельных стадий производства оценивались в трудовых единицах одинаково: только на основе общей плоскости одинаковых оценок вещественных элементов производства может быть установлено сопоставление производительности труда во всех отдельных предприятиях или учреждениях государственного хозяйства той или иной отрасли производства. А это общее основание может быть достигнуто лишь в том случае, если стоимость для учреждения или предприятия средств производства (материалов и средств труда) слагается из стоимости этих средств на местах их производства, устанавливаемой по одним и тем же для всех предприятий и учреждений нормам оценок единицы однородных по материальной оболочке предметов и стоимости доставки этих средств в предприятие или учреждение, — стоимости, устанавливаемой на основе одних и тех же для всех предприятий и учреждений принципов и методов. Однородность оценочных норм средств производства, а равно однородность принципов и методов установления стоимости перевозок могут быть достигнуты тогда, когда нормы оценок средств производства на местах производства и принципы и методы определения стоимости перевозок — и то и другое — являются одинаковыми для всего государственного хозяйства. А это, очевидно, означает, что нормы оценок средств производства на местах их производства и нормы стоимости доставки этих средств — и то и другое — устанавливаются

в общем для всего государственного хозяйства трудовом прейскуранте.

Исходя из развитых соображений, и был мною формулирован § 7 Положения:

«Стоимость для учреждения или предприятия средств производства (материалов и средств труда) слагается из стоимости этих средств на местах их производства и стоимости доставки их в учреждение или предприятие. Как стоимость на местах производства, так и стоимость доставки определяются по нормам трудового прейскуранта».

Примечание к этому постановлению подчеркивает обязательность этого правила расценки для отдельных стадий производства. «Указанное правило расценки материалов и средств труда по нормам трудового прейскуранта применяется для всякой и при том исключительно той стадии производства, в которой они употребляются именно как материалы и средства труда,—независимо оттого, являются ли они продуктами предшествующей стадии производства самого предприятия или нет, доставлены ли они силами самого предприятия или нет».

Стоимость изделий или услуг учреждения или предприятия слагается из выраженных в тредах затрат живого труда в нем на эти изделия или услуги и трудовой стоимости потребленных при производстве этих изделий или услуг средств производства (§ 8 Положения).

Сравнение вычисленных, таким образом, индивидуальных стоимостей изделий или услуг в отдельных предприятиях или учреждениях будет давать картину сравнительной выгодности производства того или иного рода изделий или услуг в отдельных предприятиях.

Что касается стадий производства, по которым ведется самостоятельный учет трудовой стоимости изделий и услуг (§§ 7 и 8 Положения), то, в силу тех же соображений, которые были выдвинуты ранее относительно круга работ и операций, для которых ведется особый учет живого труда,—Положение признает необходимым иметь специальный перечень; составление этого перечня возлагается им опять-таки на Совет Труда и Обороны (§ 10 Положения).

3. Учет выплат. Независимо от учета затрат живого труда и стоимости изделий и услуг, учреждение или предприятие ведет в тредах, по нормам, установленным трудовым прейскурантом, учет различных выплат, как-то: вознаграждение рабочих

и служащим и оплата услуг, оказываемых отдельными лицами, их об'единениями и предприятиями, а равно оплата средств производства (§ 9 Положения). Эти выплаты не оказывают влияния на расценку изделий и услуг. Однако, учет их необходим для того, чтобы можно было определить то количество (по трудовой стоимости) прибавочного продукта, которое создается в отдельных учреждениях и предприятиях, а затем и во всем государственном хозяйстве: вычет из установленной по нормам трудового прейскуранта стоимости изделий и услуг, произведенных в учреждении или предприятии, величины, представляющей сумму выплат и стоимости неоплаченных учреждением или предприятием частей потребленных средств производства, даст величину трудовой стоимости прибавочного продукта для данного учреждения или предприятия.

6. Коэффициенты квалификации труда и порядок их установления.

В предыдущем (§ 3 настоящего V отдела) я выяснил невозможность построения целесообразной и правильной классификации различий в квалификации труда, исходя из группировки работников, сделанной на основе различий в затратах (труда) на их подготовку. Но это отнюдь не означает того, что коэффициенты для сведения труда высших разрядов квалификации к труду первого разряда-квалификации будет неправильно определять величиной, показывающей, во сколько раз средние затраты труда на подготовку одного работника того или иного разряда квалификации выше всех средних затрат труда на подготовку одного работника первого разряда квалификации не могут быть установлены—в противоположность самим разрядам квалификации — на основе тех оплат труда, которые имеют место в государственном хозяйстве пролетарской диктатуры. Уже одно это обстоятельство должно было рассеять всякие, с а м о с о б о й р а з у м е ю щ и е с я, выводы о том, будто исчисление коэффициентов квалификации на основе труда, затраченного на подготовку работников отдельных разрядов квалификации, неправильно. Наоборот. Если исходить из сущности простого и сложного труда, то наиболее правильным теоретически будет именно этот путь исчисления коэффициентов квалификации. И это потому, что только этот путь ведет к такому понятию коэффициента квалификации, которое является прямым логическим выводом из существа содержания понятий простого и сложного

труда. Сущность этого понятия коэффициента квалификации такова: коэффициент квалификации того или иного разряда представляет собой величину, показывающую, во сколько раз масса всего общественно-необходимого труда, затраченного в среднем на подготовку одного работника этого разряда, выше труда, затраченного, в среднем, на подготовку одного работника первого разряда квалификации.

Однако, до тех пор, пока в результате применения в жизни трудового учета не накопится достаточного материала для установления таких идеально правильных коэффициентов квалификации, практически целесообразным является другой (менее точный) метод—метод определения коэффициентов квалификации на основе соотношений средних заработных плат трудящихся отдельных квалификаций в последний до-военный период лет (примерно в 1911—1913 гг.). Два соображения говорят в пользу этого метода: 1) теоретически правильный метод исчисления коэффициентов квалификации чрезвычайно затруднителен и, пожалуй, практически неосуществим до тех пор, пока действие трудового учета не даст достаточного материала для этого; 2) значение коэффициентов квалификации заключается в их влиянии на расценку изделий и услуг; и если капиталистическое общество могло существовать и быстро развивать свои производительные силы, не чувствуя помех со стороны того обстоятельства, что расценки благ и услуг делаются в нем на основе заработных плат, то не может быть помех и обществу с пролетарской диктатурой со стороны того же обстоятельства, а именно, что на расценку благ и услуг влияют капиталистические заработные платы.

Поэтому позиция, занятая в вопросе о методах определения коэффициентов квалификации Положением, является достаточно обоснованной, тем более, что эта позиция—временная (с течением времени действия трудового учета она будет все больше и больше приближаться к теоретически правильной позиции).

Соответствующий параграф Положения (§ 11) гласит так:

«Коэффициенты квалификации труда отдельных разрядов устанавливаются единые для всего государственного хозяйства и представляют собой соотношение средних заработных плат трудящихся этих квалификаций в последний до-военный период лет (примерно в 1911—1913 гг.) Коэффициентом квалификации труда того или иного разряда считается отношение средней заработной платы трудящегося этого разряда к средней заработной плате трудящегося первого тарифного разряда». На эту позицию надо

смотреть, как на первоначальную временную позицию трудового учета*).

Единство коэффициентов квалификации, равно как и единство самих разрядов квалификации, необходимо для того, чтобы иметь расценки благ и услуг, сделанные по одному масштабу для всего государственного хозяйства.

Так как обычно сравниваются между собой хозяйственные результаты за целый год (бюджетный период), то возникает необходимость обеспечить единство разрядов квалификации и их коэффициентов не только в пространстве, но и во времени, а именно: во все время бюджетного периода должна действовать одна и та же сетка разрядов квалификации и одни и те же коэффициенты квалификации. Это предусматривается §§ 12 и 13 Положения.

«Коэффициенты квалификации труда пересматриваются всякий раз, как происходят те или иные изменения в распределении отдельных квалификаций труда по тарифным разрядам. Измененные коэффициенты квалификации вступают в действие с начала ближайшего бюджетного периода».

7. Составление номенклатуры изделий, урочного положения и трудового прейскуранта.

Из механизма трудового учета, очерченного в предыдущем, с достаточной отчетливостью выяснилось, что для надлежащего функционирования этого механизма необходимо иметь единые для всего государственного хозяйства:

1) общую систематическую номенклатуру изделий, частей и материалов с твердой стандартизацией установленных сортов и марок (нормальный сортамент);

2) общее урочное положение о нормах рабочего времени, необходимого для производства различных работ и операций, имеющих место в пределах государственного хозяйства;

3) общий трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг.

Порядок составления, изменения и дополнения всех этих книг с достаточной отчетливостью намечается Положением, так что не

*) Для оттенения этого в Положение следовало бы ввести и теоретически правильный метод исчисления коэффициентов квалификации подобно тому, как это сделано в том же Положении относительно методов установления расценок благ и услуг для трудового прейскуранта.

встречается, особой надобности об'яснять его в настоящем очерке *). Необходимо только отметить следующее: постановление параграфа 22 о том, что «изменения и дополнения, внесенные в общую систематическую номенклатуру, общее урочное положение и общий трудовой прейскурант, вступают в силу с момента наступления ближайшего бюджетного периода», вызвано потребностью в обеспечении применения однообразных норм в течение всего бюджетного периода.

8. Порядок составления первого общего трудового прейскуранта.

Первый трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг составляется на основе тех средних цен, какие изделия и услуги имели в последний до-военный период (примерно 1911—1913 гг.) в местах своего производства (§ 24 Положения). Это отступление от общего порядка составления трудового прейскуранта, указанного в разделе V Положения, вызвано невозможностью установить размеры общественно-необходимого труда, затраченного на производство изделий и услуг до тех пор, пока, по меньшей мере, годовое действие трудового учета не дает нужного материала. Волей-неволей пришлось положить в основание исчислений норм первого трудового прейскуранта те цены, которые изделия и услуги имели в последний нормальный период капиталистического развития. Но от этого никакой беды произойти не может. Капиталистическое общество не страдало оттого, что пропорции, в которых товары обменивались между собой, не совпадали с теми пропорциями их, которые устанавливаются воплощенными в них общественно-необходимыми трудовыми затратами (ценностями). Точно также не будет страдать и общество с пролетарской диктатурой оттого, что первый трудовой прейскурант его государственного хозяйства основывается на ценах капиталистического общества.

Что касается отдельных постановлений Положения о порядке составления первого трудового прейскуранта, то необходимо только привести пример, иллюстрирующий порядок, проектируемый §§ 27 и 29 Положения.

---

*) Проекты Декрета и Положения о трудовой единице напечатаны в приложении к докладу.

Пример:

Разряды квалификации:	I.	II.	III.	IV.
Число рабочих и служащих .	100	50	10	1
Число дней работы . . .	300	200	200	200
Коэффициенты квалификаций.	1	2	5	10
Количество трудовых единиц (произведение из числа рабочих и служащих, числа дней и коэффициентов квалификаций)	30.000	20.000	10.000	2.000

Сумма чистой продукции . . = 124.000 р.

Сумма тредов . . . . . . 62.000 »

Паритет одного треда к рублям составляет:

$$1 \text{ тред} = \frac{124.000}{62.000} = 2 \text{ руб.}$$

Н. Ф. Шмелев.

Приложения:

1) Проект Декрета о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

2) Проект Положения о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

Приложение 1.
Проект.

Декрет Совета Народных Комиссаров о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Р. С. Ф. С. Р.

(По обсуждении вопроса рабочей группой Валютной Подкомиссии Н. К. Ф. проект составлен С. Г. Струмилиным. Проект рабочей группой принят).

§ 1. В целях обеспечения регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях, предприятиях и хозяйствах Р. С. Ф. С. Р. устанавливается единая для всех отраслей государственного хозяйства и управления трудовая единица учета.

§ 2. Имея своей основной задачей сведение всего многообразия материального учета, в различных единицах измерения, к единству ценностного (по общественно-необходимым трудовым затратам) учета, этот последний об'емлет собою учет как живого труда, направленного на производство отдельных работ и операций, так и труда, овеществленного в продуктах всех стадий производства.

§ 3. За единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности для данного рода работы. Означенной трудовой единице учета присваивается наименование «тред».

§ 4. На Совет Труда и Обороны возлагается (в развитие настоящего Декрета) выработка и установление в срочном порядке: 1) правил приведения сложного труда к простому, 2) выраженного в тредах нормального прейскуранта трудовых расценок всех хозяйственных благ и услуг, подлежащих учету, и 3) порядка периодического, по мере надобности, пересмотра этих правил и прейскурантов.

§ 5. С осуществлением трудового учета все хозяйственные обороты проводятся в отчётности по трем параллельным графам с записью: 1) количества—в различных единицах (счетом, мерою),

2) веса—в пудах, и 3) ценности—в графе на сумму—в тредах. Операции с денежными знаками проводятся в порядке материального учета количества этих знаков разных достоинств с переводом их в тред—в графе на сумму—по курсу дня.

§ 6. Организация всех необходимых мероприятий и подготовительных работ по проведению в жизнь трудовой единицы возлагается на Совет Труда и Обороны, с таким расчетом, чтобы повсеместное введение означенного учета во всей его полноте могло быть осуществлено не позже 1 января 1922 г.

Приложение 2.

Проект.

Положение о трудовой единице учета в государственном хозяйстве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

(По обсуждении вопроса рабочей группой Валютной Подкомиссии Н. К. Ф. проэкт составлен К. Ф. Шмелевым. Проект принят рабочей группой полностью. Валютная Подкомиссия Н. К. Ф. успела рассмотреть и принять первые пять параграфов проекта).

Раздел I.

Общее положение.

§ 1. Во всех отраслях государственного (как общегосударственного, так и местного) хозяйства Р. С. Ф. С. Р. ведутся в однородных трудовых единицах: а) учет труда, направленного на производство отдельных работ и операций, и б) расценка в трудовых затратах как всех продуктов, обращающихся в сфере государственного хозяйства, так и услуг, этим последним оказываемых.

Раздел II.

Основное содержание трудовой единицы и порядок приведения к ней труда различного качества.

§ 2. За единицу измерения труда принимается один нормальный день труда рабочего 1 тарифного разряда при выполнении им

нормы выработки или задания в 100%. Означенная единица измерения труда называется «трудовой единицей» или «тредом» и обозначается знаком «тред».

§ 3. Нормальный день труда лица высшего тарифного разряда или разряда внетарифного, при выполнении им нормы выработки или задания в 100%, выражается в тредах цифрой, полученной от помножения этого дня на коэффициент квалификации труда данного разряда.

Примечание I. Труд лиц, оплачиваемых вне установленных тарифом разрядов, считается трудом одной квалификации с одним коэффициентом квалификации.

Примечание II. Коэффициенты квалификации труда отдельных разрядов устанавливаются Советом Труда и Обороны и сообщаются ведомствам и учреждениям для повсеместного применения (см. раздел IV настоящего Положения).

§ 4. Неполный рабочий день того или иного разряда или день, увеличенный сверхурочными часами, в полном рабочем дне того же разряда выражается величиной, полученной от деления проработанного времени на время нормального рабочего дня, надлежаще установленного для соответствующей категории труда.

§ 5. Выраженное в нормальных рабочих днях (§ 4) время переводится на нормальное рабочее время с полной нормой выработки или задания посредством умножения его на выполненную долю нормы выработки или задания.

Примечание. В тех случаях, когда учета производительности труда не ведется (нормы выработки не устанавливаются и выполненные доли их не регистрируются), выработка считается нормальной,—независимо от того, производятся ли работы в урочное или сверхурочное время.

Раздел III.

Трудовой учет в учреждениях и предприятиях.

§ 6. Учет живого труда в учреждениях и предприятиях ведется по отдельным работам и операциям с возможной по техническим условиям детализацией.

§ 7. Стоимость для учреждения или предприятия средств производства (материалов и средств труда) слагается из стоимости этих средств на местах их производства и стоимости доставки их

в учреждение или предприятие. Как стоимость на местах производства, так и стоимость доставки определяется по нормам трудового прейскуранта.

Примечание. Указанное правило расценки материалов и средств труда по нормам трудового прейскуранта применяется для всякой и притом исключительно той стадии производства, в которой они употребляются, именно как материалы и средства труда, — независимо оттого, являются ли они продуктами предшествующей стадии производства самого предприятия или нет, доставлены ли они силами самого предприятия или нет.

Материалы и средства труда, как продукты предшествующей стадии производства, расцениваются в порядке, предусмотренном в § 8 настоящего Положения, вне всякой связи с расценкой их как потребленных в производственном процессе материалов и средств труда.

§ 8. Стоимость изделий или услуг учреждения или предприятия слагается из выраженных в тредах затрат живого труда в нем на эти изделия или услуги и трудовой стоимости потребленных средств производства.

Примечание. Затраты живого труда определяются в порядке § 6, а трудовая стоимость потребленных средств производства в порядке § 7 настоящего Положения.

§ 9. Независимо от производимого в порядке §§ 6 и 8 учета затрат живого труда и стоимости изделий и услуг, учреждение или предприятие ведет в тредах — по нормам, установленным трудовым прейскурантом, — учет выплатам, связанным с различными расчетами, как-то: вознаграждение рабочим и служащим и вообще плата услуг, оказываемых учреждению или предприятию отдельными лицами, их об'единениями или другими учреждениями и предприятиями, а равно оплата средств производства.

Примечание. Выплаты денежных сумм учитываются в тредах по курсу дня, устанавливаемому в порядке § 20 настоящего Положения.

§ 10. Как перечень работ и операций, по которым ведется учет живого труда (§ 6), так и перечень стадий производства, по которым ведется самостоятельный учет трудовой стоимости изделий и услуг (§§ 7 и 8), а равно и особый учет выплат (§ 9) специально устанавливаются Советом Труда и Обороны и изменяются им по мере надобности.

Раздел IV.

Коэффициенты труда различных квалификаций и порядок их установления.

§ 11. Коэффициенты квалификации труда отдельных разрядов устанавливаются единые для всего государственного хозяйства и представляют собой соотношения средних заработных плат трудящихся этих квалификаций в последний до-военный период лет (примерно 1911—1913 гг.). Коэффициентом квалификации труда того или иного разряда считается отношение средней заработной платы трудящегося этого разряда к средней заработной плате трудящегося первого тарифного разряда.

§ 12. Коэффициенты квалификации пересматриваются всякий раз, как происходят те или иные изменения в распределении отдельных квалификаций труда по тарифным разрядам. Пересмотр коэффициентов квалификации совершается в порядке § 11 настоящего Положения.

§ 13. Измененные коэффициенты квалификации вступают в действие с начала ближайшего бюджетного периода.

Раздел V.

Составление номенклатуры изделий, урочного положения и трудового прейскуранта.

§ 14. В целях достижения во всех частях государственного хозяйства единства действия трудового учета составляются единые для всего государственного хозяйства:

а) общая систематическая номенклатура изделий, частей и материалов с твердой стандартизацией установленных сортов и марок (нормальный сортамент);

б) общее урочное положение о нормах рабочего времени, необходимых для производства различных работ и операций, имеющих место в пределах государственного хозяйства Р. С. Ф. С. Р.;

и в) общий трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг.

§ 15. Общее урочное положение должно содержать для всех отдельных отраслей государственного хозяйства:

а) полный и детальный перечень названий работ и операций и их условные обозначения (шифры);

б) описание нормальных технических условий каждой работы или операции;

в) указание профессионального состава исполнителей отдельных работ и операций, с обозначением средней их квалификации;

г) средние нормы времени выполнения отдельных работ и операций (штуко-время)

и д) предельные коэффициенты допускаемых поправок средних норм выработки (§ 4) в зависимости от особых технических условий, в которые поставлены отдельные предприятия.

§ 16. Средняя норма времени выполнения той или иной работы или операции определяется на основе средних трудовых затрат, приходящихся на единицу этой работы или операции во всем государственном хозяйстве в течение того или иного, устанавливаемого Советом Труда и Обороны, истекшего периода времени, с учетом обстоятельств, могущих изменить эти затраты в ближайшем будущем.

§ 17. Коэффициенты для поправки средних норм времени (пункт д § 15) вычисляются на основе тех различий, которые устанавливаются между средними трудовыми затратами, приходящимися на единицу работы или операции во всем государственном хозяйстве, с одной стороны, и средними трудовыми затратами, приходящимися на единицу той же работы или операции в отдельных учреждениях или предприятиях, либо в отдельных сходных группах их—с другой.

§ 18. Общий трудовой прейскурант содержит единые для всего государственного хозяйства расценки в тредах хозяйственных благ на местах их производства, а равно и расценки услуг, оказываемых различными отраслями государственного хозяйства.

§ 19. Трудовые расценки хозяйственных благ и услуг для трудового прейскуранта (18) устанавливаются на основе средней трудовой стоимости для государства единицы каждого рода благ или услуг за тот или иной, определяемый Советом Труда и Обороны, истекший период времени с учетом всех изменений, которые могут произойти в этой средней стоимости в ближайшем будущем.

Примечание. Средняя трудовая стоимость для государства единицы блага или услуги за тот или иной период времени определяется посредством деления суммы трудовых стоимостей, в которое обошлось производство всего количества данного рода благ или услуг во всех отдельных учреждениях

и предприятиях за тот же период времени (§ 8), на самое количество этих благ или услуг.

§ 20. Денежная единица для перевода ее в треды (§ 9) расценивается по ее покупательной силе, периодически устанавливаемой методом чисел—показателей.

§ 21. «Общая систематическая номенклатура», «общее урочное положение» и «общий трудовой прейскурант» изменяются и дополняются по мере надобности.

§ 22. Изменения и дополнения, внесенные в «Общую систематическую номенклатуру», «Общее урочное положение» и «Общий трудовой прейскурант», вступают в силу с момента наступления ближайшего бюджетного периода.

§ 23. Составление и изменение общей систематической номенклатуры, общего урочного положения и общего трудового прейскуранта хозяйственных благ и услуг возлагается на Совет Труда и Обороны, с предоставлением ему права привлекать отдельные комиссариаты и учреждения к содействию по выполнению этой обязанности.

Раздел VI.

Порядок составления первого общего трудового прейскуранта.

§ 24. Первый трудовой прейскурант хозяйственных благ и услуг составляется на основе тех средних цен, какие изделия и услуги имели в последний до-военный период (примерно 1911—1913 гг.) в месте своего производства.

§ 25. Составление первого общего трудового прейскуранта распадается на три части: а) приведение в известность и консервация средних цен изделий и услуг на местах производства в последний до-военный период; б) перевод этих цен на трудовые единицы и в) согласование этих расценок изделий и услуг, выраженных в трудовых единицах, с производительностью труда, установившейся ко времени применения прейскуранта.

§ 26. Для перевода средних цен благ или услуг, установленных в порядке § 25 настоящего Положения, в расценки этих благ и услуг в тредах, вносимых в первый трудовой прейскурант, Совет Труда и Обороны определяет:

а) скольким золотым рублям последних до-военных цен равнялась одна трудовая единица, вычисленная для этого периода в по-

рядке, указанном §§ 2, 5, 11 и 13 настоящего Положения о приведении квалифицированного (сложного) труда к труду первого разряда;

б) устанавливает для отдельных отраслей народного хозяйства России коэффициенты тех поправок, которые должны быть сделаны при переводе цен до-военного периода на трудовые единицы, в виду изменившейся к моменту применения трудового прейскуранта производительности труда.

§ 27. Сумма золотых рублей, соответствующая одной трудовой единице, определяется посредством исследования тех частей отдельных отраслей народного хозяйства России, относительно которых имеются достаточно полные сведения:

а) о числе рабочих и служащих, работавших в тот или иной период времени, близкий к началу войны 1914 г.;

б) о распределении этих рабочих и служащих по отдельным разрядам квалификации, так что возможным становится приведение их труда к труду первого тарифного разряда;

в) о количестве проработанных этими рабочими и служащими дней за весь принятый в расчет год или ряд лет,

и г) о сумме чистой продукции, полученной за то же время от исследуемой отрасли народного хозяйства.

§ 28. Стоимость в золотых рублях трудовой единицы выражается отношением чистой продукции в золотых рублях, полученной во всех исследуемых частях народного хозяйства (§ 27), к выраженному в тредах количеству живого труда, которое затрачено на получение этой продукции.

Примечание. Количество живого труда в тредах определяется в порядке, указанном §§ 2, 5, 11 и 13 настоящего Положения.

§ 29. Средние до-военные цены изделий и услуг, выраженные в золотых рублях, переводятся на треды посредством деления их на соответствующую одному треду сумму золотых рублей.

§ 30. Средние расценки изделий и услуг, выраженные в тредах, прежде применения их в учреждениях и предприятиях, приводятся в соответствие с производительностью труда, имеющей установиться на время начального действия настоящего Положения.

Приведение в указанное соответствие заключается в делении или умножении этих расценок изделий и услуг на величины, показывающие, сколько раз показатели производительности труда, имеющие установиться на время начального действия настоящего

положения в соответствующих изделиям и услугам отраслях общественного хозяйства, содержатся в показателях производительности труда в последние до-военные годы в тех же отраслях общественного хозяйства; причем деление производится в том случае, если величины—меньше единицы, а умножение—если они больше единицы.

Заключение Института Экономических Исследований по докладу К. Ф. Шмелева «Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата».

(Принято в заседании секции по денежному обращению и кредиту 13 мая 1921 г.).

Принимая во внимание:

1) что бумажный рубль утратил свою устойчивость в качестве ценностного измерителя,

2) что для обеспечения хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях нужна устойчивая единица измерения ценности,

Институт Экономических Исследований считает необходимым указать:

1) что выработка новой счетной единицы требует больших и сложных подготовительных работ, намеченных составленными Народным Комиссариатом Финансов проектами Декрета и Положения о трудовой единице учета, как-то: составление общего урочного положения, общего трудового прейскуранта, общего свода средних цен, общей номенклатуры изделий, частей и материалов, коэффициентов квалификации сложного труда, которые и должны лечь в основу практического осуществления трудового учета;

2) что вышеперечисленные работы, независимо от своего основного назначения, имеют громадную самостоятельную ценность для учета материального бюджета и нормализации производства;

3) что урегулирование денежного обращения представляет собою самостоятельную государственную задачу, разрешение которой стоит вне зависимости от установления в государственном хозяйстве трудового учета.

Задачи Р. С. Ф. С. Р. в области денежного обращения.

Доклад З. С. Каценеленбаума, прочитанный 1 апреля 1921 г.

I.

Настоящий доклад является продолжением моего доклада о «Проблеме денег и оценке в социализме». Точнее, он должен явиться развитием последнего тезиса, выдвинутого мною в упомянутом докладе на заседании нашей комиссии от 2 июля 1920 г. Придя в этом докладе к тому заключению, что в развитом социалистическом обществе деньги существовать не могут, и что проблема учета в таком обществе должна разрешаться при помощи учета трудового, я в последнем тезисе попытался наметить задачи денежного обращения в промежуточную стадию, подобную той, которую мы сейчас переживаем. «Вопрос о деньгах и денежной политике в нынешний переходный момент», гласит этот тезис, «решается в зависимости оттого, как смотреть на путь, пройденный от капитализма к настоящему коммунизму. Если считать, что большая часть пути уже позади, то нет основания восстанавливать валюту. Если же считать, что пройдена лишь небольшая часть пути, то политика должна была бы вестись в направлении восстановления денежной системы, ибо в условиях буржуазного и мелкобуржуазного хозяйства плохие деньги знаменуют собою хозяйственный развал и его усиливают, а обстановка хозяйственного развала не может считаться благоприятной для какого бы то ни было строительства, а тем более для крупнейшего общественного переустройства».

Когда я месяца два тому назад принял поручение комиссии представить доклад о задачах в области денежного обращения в настоящий момент и предполагал обосновать необходимость для Р. С. Ф. С. Р. иметь денежную систему, я считал, что в мою

задачу будет входить, главным образом, доказательство того, что Россия представляет собою страну в гораздо большей степени мелкобуржуазную, чем это может казаться с первого взгляда, что в ее населении, состоящем, главным образом, из крестьян, еще слишком развиты собственнические и индивидуалистические инстинкты для того, чтобы путь к социализму мог считаться в большей своей части пройденным. Исходя из этого положения, я и предполагал показать затем, что при таких условиях упразднение денежной системы представляется мало целесообразным. Происшедшие за последние недели события сделали, однако, излишним доказательство первого положения. После речи Председателя Сов. Нар. Комисс. на X с'езде коммунистической партии и последовавших затем декретов о замене разверстки продовольственным налогом и разрешения продажи излишков, а в особенности после опубликованного 29 марта с. г. декрета о разрешении свободного провоза и продажи хлебо-фуражных и других продуктов в губерниях, выполнивших разверстку, это первое положение, повидимому, может считаться общепризнанным. Сознание того, что мы живем в обстановке господства мелко-буржуазной стихии, что эта стихия может быть изжита только в результате длительного и постепенного процесса, в результате ряда рациональных мероприятий, что до сих пор, пока эта стихия не изжита, с ней приходится серьезно считаться,—это сознание широко разлито сейчас в самых различных кругах.

Как ставится и решается в такой обстановке вопрос о деньгах? Правильно ли говорить об упразднении денег, как задаче финансовой политики сегодняшнего дня? На этот вопрос приходится ответить решительным: нет! Поскольку мы признаем, что наше народное хозяйство не является в данный момент социалистическим, поскольку мы признаем, как составную часть этого хозяйства, мелко-буржуазное крестьянское хозяйство и промысла, постольку мы обязаны сделать тот вывод, что это хозяйство без денег, как всеобщего товара, как орудия обмена и измерителя ценности, существовать не может.

Надо сказать, что попытки обоснования проектов упразднения денег имели место не только в нашей финансовой литературе. На-ряду с писателями коммунистами, которые доказывали, что деньги в Р. С. Ф. С. Р. подлежат скорейшему упразднению и искоренению, как институт, не совместимый с процессом социалистического строительства уже в настоящей его стадии, в иностранной

литературе та же идея была выдвинута представителями совершенно другого лагеря. Некоторые немецкие экономисты не-социалисты, как Otto Neurath, Joseph Grunzel и др., выдвинули «натуральный товаробмен», как форму, которая должна заменить денежный обмен в условиях чисто-буржуазного хозяйства. Мотив этих экономистов был иной, чем мотив русских коммунистов. В их предложениях сказалось разочарование в пользе денег, как орудия обращения, разочарование, вытекавшее из крайней неустойчивости покупательной силы денег во время войны. Деньги «подвели», подвели, именно, капиталистическое хозяйство. Чтобы гарантировать себя на будущее время от такого подвоха, упомянутые экономисты и выдвинули идею о замене денежного хозяйства натуральным хозяйством и даже «крупнонатуральным хозяйством» («Grossnaturalwirchaft» O. Neurath'a), о замене денежного счета «натуральным учетом» (Naturalcalcül). Совершенно естественно, что эти проекты возникли в Германии, в период исключительно резкого колебания курса марки и мрачных видов на восстановление валюты.

Не вдаваясь в критику этих проектов, мы хотели бы противопоставить им взгляды некоторых старых социалистов на процесс перехода от денежного хозяйства товарного типа к социалистическому натуральному хозяйству. «Само собой разумеется», писал Шефле: «мы не думаем, что бы этот порядок (т. е. безденежное хозяйство) мог через ночь быть поставлен на место рыночного строения цен и сразу получил безусловное значение... Даже тогда, когда денежное хозяйство в главном будет устранено социализмом, ничего не поможет использовать в новом хозяйстве годные его остатки» *). Бебель считал, что деньги «исчезнут вследствие исчезновения товарного характера продуктов труда в силу того, что они станут излишними». Но едва-ли не наилучшим возражением против идеи о возможности устранения денег в период, когда существует товар и продукты реализуются, как товар, является I т. «Капитала Маркса». Нет надобности приводить цитаты, ибо всякий знает, что весь анализ Маркса представляет собою доказательство связи товара с деньгами, определение денег, как явления, вытекающего из товарного характера производства и вытекающего из него с безусловной необходимостью. Едва-ли, далее, может быть сомнение в том, что, с точки зрения Марксовского анализа, который не может не быть признан совершенно правильным, в условиях

*) Schäffle. Bau u. Leben. Стр. 356.

товарного хозяйства денежная форма товарного обмена есть высшая и более рациональная форма хозяйства, чем натуральный обмен. Из всего этого следует, что если мы говорим «А», а именно, что известная часть продуктов труда населения Р. С. Ф. С. Р. реализуется в форме товара, может быть продаваема, покупаема и даваема в обмен, что такой порядок вещей должен существовать в течение известного времени, то мы неизбежно должны сказать и «Б», т. е., что реализация этого товара должна происходить в форме наиболее рациональной, с участием всеобщего товара, т. е. в форме денежной. Эта форма может отмереть только тогда, когда она станет излишня, т. е. когда не будет более товарной формы продукта.

§ 2.

Вернемся теперь от этих общих замечаний к рассмотрению того, можно ли мыслить осуществление в жизни последних декретов при отсутствии денег. Стоит внимательнее присмотреться к этому вопросу, чтобы убедиться в том, что такое положение вещей вызвало бы целый ряд затруднений. Здесь нам приходится оперировать с основными функциями денег, хорошо известными из учебников политической экономии, но от этих элементарных фактов невозможно отделаться, так как с ними приходится сталкиваться в жизни. Раньше всего хозяйственный оборот должен натолкнуться на крупнейшие затруднения в виду отсутствия орудия обмена. В самом деле, мы говорим крестьянам: «продавайте свободно ваши излишки». Но мы говорим это не для того, чтобы провозгласить голый лозунг. Свободная продажа излишков рассматривается, как средство стимуляции крестьянского хозяйства. Эта мера должна задержать падение посевных площадей, она должна усилить приток сырья для национализированной промышленности и тем содействовать ее восстановлению, она должна увеличить средства питания промышленного рабочего. Но для того, чтобы свободная реализация излишков не осталась только на бумаге, недостаточно снять заградительные отряды. Надо, кроме того, дать возможность крестьянину осуществлять необходимый как ему, так и всему государству обмен. Может ли, однако, этот обмен протекать в более или менее крупных размерах при отсутствии денег? Мы полагаем, что нет. В самом деле, раньше всего обмен будет наталкиваться на крупнейшие затруднения вследствие отсутствия орудия обращения. Крестьянин, который желает продать свое сено, чтобы починить

свои башмаки, должен будет искать такого именно башмачника, у которого есть корова или лошадь. Крестьянин, которому нужно подковать лошадь или починить колесо, сумеет столковаться с кузнецом только в том случае, если последнему как раз нужен будет тот картофель, который у данного крестьянина составляет его свободный излишек, и т. д. Из 10 случаев, когда крестьянину необходимо будет реализовать излишек своего продукта для того чтобы получить от кустаря или кого-либо иного нужный ему продукт, обмен в лучшем случае сможет осуществиться лишь в 2—3, а в остальных продавец потратит лишь напрасно время и ничего, кроме огорчения, испытывать не будет. Эти затруднения могут, отчасти, быть устранены при организации в деревне широкой сети кооперативных лавок и мастерских, которые могли бы предлагать крестьянину все нужные ему товары и услуги. Однако, и кооперативная организация товарообмена совершенно не в состоянии устранить ряда других неудобств, которые могут возникнуть при отсутствии денег. Больше того, при кооперативной организации товарообмена, как организации более совершенной, эти неудобства должны выступить с еще большей силой. Это, во-первых, отсутствие измерителя ценности и, во-вторых, несоответствие в ценности обмениваемых товаров. Необходимость единого измерителя ценности при широкой организации товарного обмена по вольным ценам настолько очевидна, что доказывать ее не приходится. Было бы полным абсурдом считать, что кооперативная лавка может вести дело, меняя 1.000 разнообразных предметов промышленности на сотни предметов, добываемых в крестьянском хозяйстве, меняя их на основе вольной покупки и продажи, при изменяющихся изо дня в день пропорциях, не имея при этом единого измерителя, к которому, как к одному знаменателю, могла бы быть сведена ценность всех этих разнообразных предметов. Нам нужно только указать, что таким единым измерителем не может быть труд. Трудовой учет может быть проведен и положен в основу расценок в национализированной промышленности. Но наивно было бы говорить о возможности применять этот способ учета при оплате крестьянских продуктов, реализуемых крестьянином по вольным, а не по твердым, ценам. Только «всеобщий товар», в котором реализуется ценность всех прочих товаров, может служить измерителем этой ценности. Вторая трудность, как мы говорили, заключается в несоответствии ценности обмениваемых товаров. Это—трудность, на которую меновой оборот будет натал-

ковываться ежеминутно. Допустим, что крестьянин привез в лавку кооператива 30 пудов пшеницы и желает получить в обмен топор. Допустим, что меновая пропорция пшеницы к топору в этот день будет 1 топор = 10 пудам пшеницы. Что же тогда делать крестьянину с остальными 20 пудами пшеницы? Везти их обратно? Брать 3 топора, когда ему нужен один? Брать какой-либо другой предмет, в котором он не испытывает острой необходимости, и затратить на этот ненужный ему предмет пшеницу, которую он современем сумеет обменять на более нужную ему вещь? Мы знаем, как разрешается этот вопрос в денежном хозяйстве. За излишек ценности пшеницы крестьянин получает здесь всеобщей товар— деньги, за которые он потом, по мере надобности, приобретает то, что ему необходимо. При отсутствии денег проблема должна считаться неразрешимой, или же кооператив должен был вести контокоррентный счет с каждым своим клиентом, счет, в котором для каждого отдельного товара была бы отведена отдельная страница. Можно заранее сказать, что такая бухгалтерия, быть может, логически и мыслимая, способна была бы заесть любое дело.

Отсутствие денег должно, однако, не только затруднить, но даже, пожалуй, сделать невозможной работу кооперативного товарообмена и в других отношениях. В самом деле, представим себе схему государственно-кооперативного товарообмена без посредства денег, в натуральной форме. Как можно ее мыслить? Государство дает своему контрагенту-кооперативу изделия национализированной промышленности или товары, полученные из заграницы. Эти изделия и товары кооператив выменивает у крестьян на продукты их хозяйства, которые он и отдает государству в качестве компенсации за полученные от него товары. Для того, чтобы такая товарообменная сделка между государством и кооперативом, с одной стороны, и кооперативом и крестьянством, с другой, могла осуществиться, кооператив должен получить от государства ровно такое же количество товаров по ценности, какое оно желает получить от кооператива в продуктах крестьянского хозяйства. Но если мы поставим эту операцию в зависимости от этого совпадения в ценности, то мы крайне сузим возможность оборота продуктов крестьянского хозяйства. Конечно, в первый момент крестьянство будет брать любые товары и изделия как нужные, так, может быть, и не вполне нужные. Но, по истечении самого короткого времени, оно может начать проявлять некоторую разборчивость, как в отношении самих товаров, так и в отношении, главное, тех сезонов и периодов,

когда тот или иной товар ему может быть нужен. Вот почему легко возможно (и едва-ли можно сомневаться в том, что эти случаи будут наиболее частые), что, допустим, осенью в момент реализации урожая крестьянин вовсе не пожелает получить за свой лен те продукты, которые ему в это время сможет предложить государство через посредство кооперации. Государство сможет предложить очень нужный товар—сельско-хозяйственную машину, а крестьянин эту машину, по своим соображениям, пожелает лучше приобрести весной. Государство предложит семена, племенной скот и т. д. Крестьянин, допустим, готов был бы приобрести все эти товары, но они ему нужны не осенью, а весной. Не реже будет наблюдаться, конечно, и обратный случай. Государство в определенный сезон должно получить из деревни известное количество продуктов. Осенью оно должно заготовить хлопок, лен, пшеницу, частью для экспорта, частью для нужд национализированной промышленности. Но тот ситец, который оно может дать деревне в обмен, оно изготовляет на своих фабриках не к определенному моменту, а непрерывно в течение года, и как раз осенью оно может оказаться не в состоянии дать деревне эквивалентное количество этого ситца в обмен на получаемые продукты.

Говоря о затруднении натурального товарообмена, которое неизбежно должно возникнуть вследствие **несовпадения во времени** заготовки товаров обоих контрагентов, мы рассматривали до сих пор кооперацию и крестьянство, как единое целое. Это предположение, однако, нежизненно. Было бы неправильно думать, что государство, заключая договор по товарообмену с крестьянством через посредство кооперации, будет иметь дело с одним единым кооперативным центром. Если мы исходим из предположения, что кооперация является организацией, с одной стороны, самих крестьян (сельско-хозяйственная, промысловая), а, с другой—потребителей—горожан (потребительская кооперация), то мы должны считаться с существованием мелких кооперативов и их об'единений. Возникнут ли крупные об'единения, как оперативно-хозяйственные центры, в том случае если кооперация будет создаваться снизу, а не насаждаться сверху, сказать нельзя. Мы не знаем, станут ли крестьяне доверять различным «центрам», далеко от них отстоящим, не пожелают ли они держать ближе к себе деловой, коммерческий аппарат кооперации. Если же кооперативов будет много, и они будут охватывать небольшие районы, если государство будет заключать с кооперативами не одну сделку, а много, то **расхождение** в

ценности обмениваемых товаров будет проявляться еще в гораздо большей степени. Государство в целом и крестьянство в целом, быть может, и могли бы с ущербом для об'ема оборота и с риском сузить их до крайних пределов твердо держаться принципа «do, ut des» и в целом обмениваться только эквивалентами. Но обставлять этим требованием небольшие сепаратные сделки, это значит сделать в сущности операцию невозможной. В одном уезде, нередко в зависимости от урожая, крестьянство не может оплатить своим продуктом в данный момент все необходимое ему количество товаров, получаемых от государства, в другом, наоборот, благодаря обильному урожаю, крестьянство не нуждается в получении всего того количества продуктов, которое оно должно получить, исходя из принципа эквивалентности товарного обмена.

Ко всем этим затруднениям прибавляется еще одно, проистекающее из современных условий производства и транспорта. Дело в том, что если представлять себе товарообмен только в форме обмена ситца, железных изделий, керосина и т. д. на лен, пшеницу, хлопок и т. д., то надо считать, что для осуществления операции на складе каждого кооператива в любой деревне должен непрерывно находиться ассортимент всех товаров, необходимых в крестьянском хозяйстве. Крестьянин привозит 10 пудов льна и тут же отбирает в качестве эквивалента несколько аршин ситца, несколько фунтов керосина и т. д. Можно, однако, заранее сказать, что такая идеальная постановка снабжения будет встречаться лишь как редкое исключение. Постоянного ассортимента товаров сельской кооператив никогда не будет иметь вследствие нерегулярности производства и транспорта. Что же в таких условиях должен будет делать крестьянин, собирающийся реализовать свой лен? Очевидно, если он не захочет ждать до того времени, пока в лавке кооператива окажется нужный ему ассортимент товаров, то ему останется только предложить свой лен скупщику или кому-либо другому, кто придумает для него какой-либо исход.

Совершенно очевидно, что все затруднения, о которых мы сейчас говорили, могут быть устранены только при одном условии, а именно при участии денег в обороте кооперации с крестьянством. Выменивая у крестьянства продукты его хозяйства на товары, сосредоточенные в руках государства, кооперация, если она хочет подойти к вопросу практически, должна пользоваться каким-либо «всеобщим товаром» для расчета в разнице. Если данный район в данное время может дать много сырья, но не нуждается в

соответствующем количестве изделий, или если кооператив в данный момент этих изделий не имеет в достаточном количестве, он доплачивает крестьянину разницу деньгами. Если, наоборот, кооператив имеет больше товаров, чем может быть оплачено сырьем, данным районом и в данное время, население должно оплатить разницу деньгами. Мы не рассматриваем сейчас вопроса о том, что это будут за деньги, будут ли это государственные билеты, металлические монеты, соль или какие-либо боны, но что-нибудь в качестве «всеобщего товара» должно циркулировать в обороте. В противном случае, товарообмен окажется неосуществимым.

Недаром, ведь, даже те попытки осуществления «справедливого обмена», которые были сделаны социалистами-утопистами, и «базары» Оуэна и «банк обмена» Прудона, включали в общую систему обмена деньги в форме «трудовых бон», «меновых билетов» и т. д. А, ведь, эти системы в меньшей степени хотели считаться с фактом образования вольных цен, чем это имеет в виду политика, намечающаяся сейчас в Р. С. Ф. С. Р.

Мы приходим, следовательно, к тому выводу, что если желательно извлекать из деревни излишки продуктов путем вольного товарообмена при помощи кооперации, то это осуществимо лишь при условии участия в этом обороте денег. Деньги должны фигурировать здесь и как счетная единица, как средство оценки, они должны фигурировать и как орудие обращения, для уравнения разниц в ценности обмениваемых товаров. Всякая иная концепция должна быть признана надуманной и нежизненной. Мы сказали бы, пожалуй, даже и больше. Самый приступ к операции практически едва-ли мыслим без денег. С них в сущности необходимо начать. Они должны начать фигурировать в обороте одновременно с открытием операций, с появлением первых товаров из государственного фонда. Ждать, покуда весь этот фонд появится на местах, пока он будет соответствующим образом распределен и рассортирован, это значит отложить самую операцию на неопределенное время. Приступ к так. наз. «товарообменной» операции надо мыслить в форме одновременной закупки на деньги и на товары и продажи на деньги и на товары.

Конечно, можно настойчиво проводить политику натурального товарообмена, но тогда нужно заранее отказаться от мысли получить таким путем более или менее значительное количество продуктов. Тогда вопрос станет таким образом. Если допустить существование на-ряду с кооперацией и частного скупщика, то этот

скупщик всегда побьет кооперативный товарообмен, так как он будет работать на деньги. Если государство не будет регулировать денежной системы, скупщик создаст свои деньги в форме соли, бон или чего-либо другого. Устранить конкурренцию скупщика в этом отношении можно только, запрещая ему оперировать рядом с кооперацией, давая последней известные права на монополию заготовки. Но в этом случае мы уже будем иметь не тот вольный рынок, которого хочет крестьянство, и который советская власть считает необходимым допустить в интересах стимуляции сельского хозяйства и под'ема народного хозяйства в его целом.

§ 3.

К необходимости иметь денежную систему приводит, однако еще одна сторона в направлении современной политики. Я имею в виду вопрос о концессиях. Если поставить себе задачей привлечение иностранного капитала путем сдачи концессий и желать, чтобы разговоры о концессиях к чему-нибудь привели, надо поставить концессионера в такие условия работы, которые не преломлялись бы в его мозгу, как условия сверхестественные. Между тем именно таковыми должны представляться ему условия работы в стране, где деньги, по принципиальным соображениям, должны искореняться из оборота. Не вдаваясь во все многообразие тех затруднений, которые должны возникнуть для концессионера от такого требования, мы укажем лишь на трудности расплаты с рабочими и закупки сырья у крестьян. Если считать, что оборот внутри страны должен быть натуральным, то из этого естественно следует, что иностранные деньги ни в коем случае не могут быть допущены в этом обороте. При таком условии от концессионера, очевидно, необходимо требовать, чтобы он расплачивался натурой. Как же это можно себе представить? Что же, неужели мы будем требовать, допустим, от концессионера, работающего в Баку или в Курской губернии, чтобы он привозил из заграницы все продукты питания рабочего, вместо того, чтобы закупать их у наших крестьян, которым мы разрешаем продавать их излишки. Если же мы предоставим концессионеру право обмена с крестьянином на общих основаниях, то это потребует от концессионера привоза ассортимента различных товаров, нужных крестьянину. Все это, быть может, и возможно, но это так странно и так необычно для современного иностранного капитала, который уже отвык от способов торговли с

экзотическими колониями и поставил на денежно-банковские основы обороты и с Китаем, и с Абиссинией, и с Того, что можно серьезно опасаться при таких условиях за успех переговоров с концессионерами. Компания, которая желает взять концессию на бакинские промысла, вероятно, имеет хороший аппарат по добыче и продаже нефти, и на этом базируется ее готовность взять эту концессию. Но если этой компании придется заняться вдобавок столь необычным для нее делом, как торговля гвоздями и сельско-хозяйственными машинами, это может поставить ее в весьма затруднительное положение, на которое она может и не пойти. Но если мы даже допустим, что концессионеру при помощи соглашения с главками и кооперативными центрами удалось бы втиснуться в общую систему натурального товарообмена Р. С. Ф. С. Р., то здесь, при отсутствии калькуляции стоимости товаров внутреннего производства, возможен расцвет самой жестокой эксплоатации крестьянского хозяйства со стороны концессионеров. От этой эксплоатации мы можем оградить себя только при условии существования у нас денег и выражения в них всех товарных цен.

Присматриваясь к положению иностранных государств в настоящий момент, мы наблюдаем и в Зап. Европе крайнюю эксплоатацию одних стран другими, вследствие расстройства валюты. На наших глазах идет распродажа германской промышленности, которую за бесценок скупают американцы, голландцы, французы, швейцарцы и др., благодаря тому, что курс марки стоит очень низко. и за доллар, гульден, флорин дают в 12—20 раз больше марок, чем до войны, в то время, как цена предприятий и заработная плата в Германии повысились значительно меньше. Германия, теряя на одном полюсе, стремится вознаградить себя на другом, и германские промышленники, продавая свои собственные предприятия американцам и французам, вознаграждают себя в Австрии, где, вследствие значительно большего падения кроны, они даже на свои обесцененные марки получают чрезвычайно дешево австрийские предприятия. Нам, конечно, не приходится опасаться распродажи наших крупных предприятий, так как они национализированы. Но дело в том, что и на Западе центр тяжести «распродажи» лежит не в дешевой продаже фабрик и заводов, а в выражающейся в этом факте эксплоатации иностранцами рабочей силы, в использовании дешевого труда. В Германии труд в 2 раза дешевле, чем в Англии, а в Австрии, вероятно, в 2 раза дешевле, чем в Германии, и это

обстоятельство, затемняемое валютными неурядицами, создает почву для взаимной эксплоатации. В этом смысле мы подвержены тем же опасностям. И если мы наблюдаем такой факт, что страны с лучшей валютой эксплоатируют страны с худшей валютой, то отсюда вытекает естественный вывод, что страна, где совсем нет своей валюты, должна оказаться в наихудших условиях. Гарантировать себя от этой эксплоатации возможно только, отгородив себя стеной от иностранного капитала, не давая ему проникнуть внутрь страны, препятствуя ему стать в какие бы то ни было отношения к населению, в смысле ли найма рабочих или в смысле закупки продовольствия и сырья. Если же стоять на обратной точке зрения, то необходимо иметь денежную систему, которая давала бы возможность населению ориентироваться в реальной стоимости каждого товара и в реальной стоимости своей рабочей силы. Только при этом условии население будет знать настоящую цену своим товарам и услугам и будет стремиться к наилучшей их реализации.

§ 4.

Наконец, последние затруднения, на которые мы естественно должны натолкнуться в случае отсутствия у нас денег, это затруднения в области нашего государственного хозяйства. До сих пор мы об этих затруднениях мало думали, ибо мы шли по такому пути, при котором государственному хозяйству, вообще, предстояло слиться с хозяйством народным, при котором и государственный бюджет и финансы, вообще, теряли всякое самостоятельное значение. Сейчас, положение, очевидно, коренным образом меняется. Наше народное хозяйство в ближайшее время должно складываться из трех элементов. Это:

1) национализированная промышленность,

2) об'единенное в кооперации крестьянское хозяйство и мелкая промышленность,

3) концессионное хозяйство.

Из этих трех элементов первая часть, по своему удельному весу в данный момент далеко не составляющая одной трети всего народного хозяйства Р. С. Ф. С. Р., совпадает с хозяйством государственным. Две остальные части стоят вне его. Пересмотр бюджетной политики с целью устранения дефицитов есть непременное условие оздоровления всей нашей хозяйственной жизни. Государство должно содержать армию, поддерживать нетрудоспособное население

городов, но со всеми остальными гражданами оно должно будет установить новые отношения компенсации услуг. Государство, отказавшись от того, чтобы сосредоточить в своих руках все народное хозяйство в своей совокупности, должно будет сократить штаты своих служащих, требовать от остающихся более интенсивной работы, но и эти последние будут, естественно, требовать для себя таких же условий труда, которые будут существовать в других отраслях хозяйства. Эти задачи будут плохо разрешимы, если бюджет государства будет натуральным. Не подлежит сомнению, что и натуральный налог, введенный сейчас взамен разверстки, отнюдь не является наиболее совершенным способом привлечения крестьянства к несению государственных повинностей, и что современем и для крестьянства и для государства может оказаться гораздо более удобным, чтобы налог взимался в деньгах, а хлеб сдавался крестьянами в кооператив на общих основаниях. Но, ведь, кроме хлеба государству нужны будут и другие продукты, и изделия национализированной промышленности, и изделия кустарей, и изделия концессионного хозяйства. Сохранение государственных заготовительных и распределительных пунктов, всего громоздкого аппарата натурального оборота, в то время, когда число служащих государства и социально-опекаемых должно сократиться, ляжет лишним тяжелым бременем на бюджет. Бюджет будет в то время безнадежно дефицитен и из-за отсутствия измерителя ценности. Кроме того, существование мелкой промышленности и концессионных препятствий непременно требует введения и других налогов, кроме налога с крестьян, ибо отсутствие налогов поставило бы эти предприятия и их служащих в исключительные условия. Но если можно еще говорить об одном натуральном налоге с крестьян, то создавать систему натуральных налогов было бы предприятием явно нецелесообразным. Только система денежных налогов может разрешить все эти трудности.

Мы привели целый ряд аргументов в пользу необходимости существования денежной системы в Р. С. Ф. С. Р. в настоящий момент. В то же время я считаю необходимым остановиться на разборе одного контр-аргумента. Существование денег, могут возразить, должно повести к возрождению крупно-капиталистического хозяйства. Было бы, конечно, неправильно отрицать связь между деньгами и новейшей формой капитализма. Но все же деньги являются лишь одним из элементов капитализма. Мы знаем очень хорошо, что капитализм, если под ним понимать существование

на-ряду с владельцами средств производства—капиталистами лишенных орудий производства лиц, продающих свою рабочую силу, в разные эпохи существовал и без денег или при самом ничтожном участии таковых в хозяйстве. Такой характер, по всем данным, носила организация капитала и крупных предприятий в последнюю эпоху существования Римской Империи, когда труд был уже свободен, но деньги играли в обороте небольшую роль. Независимо от исторических примеров, логически возможность расцвета капитализма при отсутствии денег, если имеются другие предпосылки, едва-ли может подлежать сомнению. Во всяком случае, отсутствие денег не может служить препятствием для найма рабочей силы и для присвоения продукта чужого труда. Недаром, немецкие экономисты, как мы упоминали, мыслят возможность организации «крупно-натурального хозяйства» на капиталистических основах. Вот почему необходимо признать, что, поскольку нам угрожает при новой политике восстановление капиталистических отношений, эта угроза проистекает от факта свободной реализации продукта труда, от выступления продукта на рынке в качестве товара. Участие денег ничего здесь прибавить не может.

С другой стороны, нельзя, ведь, утверждать, что деньги вообще представляют собою форму оборота именно в крупно-капиталистическом хозяйстве. Этому противоречит вся история денег. Всем известно, что деньги возникли задолго до появления капитализма. Они развились и получили свои черты как раз в до-капиталистическую эпоху. В этом смысле можно, наоборот, утверждать, что деньги являются созданием не капиталистического хозяйства, а хозяйства мелкобуржуазного. Капитализм выработал некоторые денежные институты, как банки, расчетные палаты, акции и т. п., но деньги, как орудие обмена, как измеритель ценности, как средство накопления выработались в условиях не капиталистических. Особенно характерна эволюция последней из упомянутых функций денег, их свойство служить орудием накопления богатства. Это свойство характерно для средних веков или для отсталых азиатских стран, которые не знают капитализма, но европейский и американский капитализм давно покончил с этим свойством денег, придумав совершенно новые способы накопления, как текущие счета, ценные бумаги и т. п. Но если, с одной стороны, крупно-капиталистическое хозяйство может существовать и при отсутствии денег, а с другой—деньги существуют и при мелкобуржуазном хозяйстве, то отпадает и приведенное выше возражение против денежной системы. Поскольку

мы признаем, что мы вступаем в полосу мелкобуржуазного хозяйства, постольку нам необходимо поставить это хозяйство на наиболее рациональных началах, а это требует перехода от натуральной формы хозяйства к денежной. Приведет ли нас настоящая эпоха к крупно-капиталистическому хозяйству, к социализму или к какой-либо третьей форме хозяйства, этого сейчас в сущности никто сказать не может. Совершенно ясно, что это зависит от совокупности условий нашего дальнейшего развития. Но регулирование денежной системы здесь ничего не прибавит в пользу той или иной возможности. Мы можем без денег, при самом ярком натуральном хозяйстве, придти к расцвету крупно-капиталистического хозяйства и можем при деньгах удержать хозяйство в рамках мелкобуржуазных отношений, не давая крупному капиталу возможности вернуть себе прежнее его значение. Одно только можно утверждать бесспорно. А именно, что если мы ставим себе задачей поддержание мелкобуржуазного хозяйства и защиту его от напора других форм, то мы должны обставить его наиболее выгодными условиями существования. Если мы хотим сохранить на время или навсегда — это безразлично — хозяйство крестьянина и кустаря и не дать вырасти рядом с ним скупщику и капиталисту, то мы это хозяйство крестьянина и кустаря должны вооружить всеми наилучшими приемами хозяйствования. Деньги являются таким приемом. Лишить мелкое хозяйство возможности пользоваться этим приемом — значит ослабить его, а вместе с тем создать условия для возрождения других форм. Вот почему мы полагаем, что регулирование денежной системы в настоящих условиях должно явиться скорее средством для борьбы против восстановления крупно-капиталистического хозяйства, нежели стимулом к такому восстановлению.

Необходимость существования денег при той системе триединого хозяйства (национализированная промышленность, крестьянское хозяйство, концессии), в которое мы сейчас вступаем, настолько очевидна, что, в сущности говоря, едва-ли можно допустить, чтобы такое хозяйство могло существовать без денег. Я полагаю, что сейчас уже не существует сомнения в том, в пользу какой теории решается стариннейший вопрос о происхождении денег, вопрос, поставленный Аристотелем, о том, являются ли деньги «φusei» или «nomo», возникли ли они вследствие постановления закона или «по природе вещей». Мы знаем теперь очень хорошо, что, вопреки мнению Аристотеля, деньги возникли не по постановлению закона, не по договору, а именно «φusei» в результате

естественного процесса товарообмена. Но если на ранних ступенях человеческой истории появление денег в той форме, в которой мы их теперь знаем, в обстановке натурального хозяйства, являлось, вероятно, результатом процесса, продолжающегося тысячелетия, то, конечно, этот процесс будет измеряться не тысячелетиями, а годами в такой стране, как Россия, где население еще не успело отвыкнуть от института денег и хорошо помнит все выгодные стороны этого института. Мы были, ведь, свидетелями постепенного нарастания этого процесса, превращения соли в деньги, в течение 1919—1920 гг. Процесс этот задержался в связи с общим сокращением оборота, и теперь, когда товарный оборот получает широкое развитие, при естественном ходе вещей, соль очень скоро может стать общераспространенным видом денег. Надо ли говорить о неудобствах такой денежной системы? Стоит только подумать о том, как будет вестись государственный бюджет при этих условиях, чтобы придти в ужас от этой перспективы.

Другой возможностью является проникновение в Р. С. Ф. С. Р. иностранных денег. Известное просачивание иностранных денег в Россию при переходе к системе концессий, конечно, неизбежно. В какой мере иностранные деньги станут, однако, у нас настоящими деньгами, зависит, разумеется, от нашей финансовой политики. При хладнокровном отношении к проникновению к нам чужих денег, этот процесс может пойти очень быстро, и иностранные деньги могут скоро вытеснить наши бумажки и стать настоящими деньгами. Но при противодействии правительства этот процесс может и не произойти. Переходу России в настоящий момент на иностранные деньги должно препятствовать и другое обстоятельство, а именно тот факт, что во всех странах теперь циркулируют не металлические, а бумажные деньги. Английский соверен мог бы, быть может, проникнуть в Россию в больших массах, как в XVI—XVII веках проникли «нобли», «ефимки» и др. иностранные золотые и серебряные монеты. Но английская банкнота не может получить такого распространения, потому что население России не может прочесть того, что на ней написано, и такие деньги могут циркулировать только в ограниченных кругах. В этом смысле и борьба с проникновением в Р. С. Ф. С. Р. иностранных бумажных денег будет легче, чем борьба с проникновением металла.

Во всяком случае, надо признать, что переход на иностранные деньги, который неоднократно имел место в разных странах в

периоды расстройства собственной валюты и который, в частности, неоднократно в той или иной форме происходил в России в XV—XVII веках, не может быть признан наилучшей формой разрешения денежного вопроса даже и при том условии, если бы наше правительство, по каким-либо причинам, признало такой способ допустимым. Конечно, легализация какой-либо иностранной валюты, а только о таком легальном ее обращении мы сейчас говорим, имела бы свои удобства. Это, во-первых, могло бы сразу дать стране хорошие деньги, не подвергающиеся обесцениванию. На этом базисе, по прошествии некоторого периода времени, могла бы быть восстановлена и своя валюта. Такое решение вопроса в то же время избавило бы страну от необходимости тратить внимание и средства на регулирование валюты в данный момент. Но в то же время легальное усвоение иностранных денег представляло бы в настоящий момент большую опасность с другой стороны. Такое легальное усвоение дало бы возможность проникновения в Россию не только иностранных металлических денег, но и банкноты (при таком предположении банкнота, разумеется, была бы приспособлена по форме к нуждам нашего населения, как это сделали в свое время немцы, выпустив «восточный рубль»), а это дало бы возможность иностранному государству в обмен на свои бумажки выкачивать из России реальные ценности.

Отсюда вытекает следующий вывод:

Поскольку существование денег в Р. С. Ф. С. Р. в ближайшее время необходимо и неизбежно, вопрос о денежной системе должен быть разрешен в порядке рационального ее устроения, а не в порядке стихийного возникновения денег.

§ 5.

Выдвинув общее положение о необходимости для Р. С. Ф. С. Р. иметь денежную систему, мы не имеем, однако, в настоящий момент всех тех данных, которые необходимы для проектирования подробного плана валютной реформы. Этот план должен находиться в теснейшем взаимодействии со всеми прочими предположениями финансовой и экономической политики государства. Между тем мы в вопросе об отношении к крестьянству, к кооперации, к концессионерам имеем пока, в сущности, только общие тезисы, и во что эти тезисы выльются в ближайшее время сказать трудно. Мы не

имеем еще пока никаких указаний на то, в какой мере наше правительство собирается приспособлять к новому направлению своей экономической политики общие принципы своей бюджетной и налоговой политики. При таких обстоятельствах всякие конкретные планы могут иметь только предположительный характер. Можно сказать, что при таком-то и таком развертывании нашей экономической и финансовой политики мы можем выдвигать такой-то проект, а при другом — другой.

Есть, однако, некоторые принципы, которые, как-будто, должны быть положены в основание мероприятий по регулированию валюты при всяких условиях.

Какие же это основания?

1. **Регулирование валюты должно идти в сторону создания новых денег, а не исправления нынешних.**

Это вытекает из того положения, что обесценение нашего рубля дошло до такой степени, при которой не может быть речи не только о восстановлении до-военного курса, но даже о какой-либо «приличной» девальвации. Эта бумажка настолько скомпрометирована в глазах населения, что упрочение ее покупательной силы без каких-либо других мер едва-ли мыслимо. Наконец, обесценение дошло до такой степени, что населению крайне трудно вести счет в теперешних деньгах, когда приходится считать на миллионы при покупке коровы или лошади и, вероятно, придется считать на миллиарды, если товарный оборот примет более широкие размеры. Вот почему старый рубль не может больше служить денежной единицей и в качестве таковой должен выступить какой-либо другой знак.

Это не значит, конечно, что для урегулирования валюты необходимо аннулировать теперешние бумажки. Можно оставить их в обороте рядом с новым денежным знаком или обменять их на таковой в отношении 10.000 или 100.000 к 1, но новый денежный знак должен быть такой, чтобы ценность денежной единицы соответствовала приблизительно ценности 1 пуда ржи или пшеницы.

2. **Новая денежная система должна быть связана с металлом, предпочтительно с золотом.**

Два-три года тому назад в иностранной литературе, в особенности немецкой, еще было распространено мнение, что металлическое обращение, вообще, не восстановится в Европе, и что

мировому хозяйству предстоит перейти к системе бумажных денег. Такие взгляды основывались на тогдашнем положении отдельных стран, когда шло резкое падение курса не только германской марки, но и английского фунта стерлингов. Однако, с того времени положение сильно изменилось. Как видно из прилагаемых таблиц, положение финансов и валюты отдельных стран за это время очень изменилось. С одной стороны, сильно изменилось к лучшему положение Англии, которая закончила последний бюджетный год не только без дефицита, но даже с известным превышением доходов над расходами, и в которой курс валюты за последние полгода заметно укрепился. С другой стороны, в Германии произошло резкое ухудшение финансового положения и дальнейшее крушение курса марки. Оба эти факта, несмотря на противоположное их направление, усиливают шансы на восстановление металлической валюты. В Англии серьезных разговоров о бумажной валюте не может быть, поскольку здесь курс постепенно улучшается, и имеются шансы на полное его восстановление. Курс фунта даже уже почти восстановился по отношению к скандинавской валюте, а также по отношению к индийской рупии. Но и ухудшение валюты в Германии, в сущности, также укрепляет позицию металлистов и вот почему. Пока германская марка была ниже паритета на 40—50 %, немецкие экономисты не осмеливались говорить о девальвации. Не решаясь мыслить денежную реформу в Германии на основе государственного банкротства и не видя, с другой стороны, шансов на восстановление старого курса марки, многие немецкие экономисты и старались искать выхода в сохранении бумажно - денежного обращения. Однако, после того, что произошло с германской маркой в последние два года, и вообще после всего пережитого и переживаемого Германией в связи с Версальским договором, настроение там сильно изменилось. Серьезная печать ставит открыто вопрос не только о девальвации, но даже о нулификации марки, и движение финансовой политики Германии в эту сторону является более, чем вероятным.

Вот почему шансы металлизма в Европе опять очень сильны, и можно думать, что все страны будут постепенно возвращаться к металлическому обращению, одни, как Англия, путем восстановления старого до-военного курса, другие, как Германия, Италия, Франция, при помощи девальвации, а третьи, как Австрия, Польша и т. п.—при помощи нулификации. При этих условиях для Р.С.Ф.С.Р.

будет очень невыгодно оставаться при бумажной валюте, и установление той или иной связи с металлом явится необходимым.

Золото или серебро?

На этот вопрос трудно сейчас ответить с полной определенностью. В конце XIX в. и начале XX в. серебро считалось, как будто, окончательно скомпрометированным. Однако, война должна была заставить пересмотреть этот взгляд. В течение войны серебро одно время настолько поднялось в ценности по сравнению с золотом, что его «валютные» качества казались значительно повысившимися. В последние месяцы мы снова присутствуем при падении ценности серебра, что снова должно вызывать прежнее отношение к этому металлу. Все же этот вопрос требует осторожного к себе отношения. Поскольку Америка и Англия определенно держат курс на золото (Соедин. Штаты во время войны, воспользовавшись высокими ценами на серебро, продали Индии часть своей серебряной монеты), к этому придется приспособляться и прочим странам. Однако, известная комбинация золота и серебра, быть может, была бы выгоднее, чем чистая золотая валюта.

3. **Во всяком случае выпуск металла в обращение в настоящее время представляется нецелесообразным.**

Такой выпуск металла в обращение в настоящее время, когда нигде в Зап. Европе металла в обороте не имеется и экспорт его запрещен даже из Англии, был бы опасен. Если выпустить металл в оборот, он неизбежно исчезнет, будет тезаврирован или вывезен заграницу. Поэтому регулирование валюты должно строиться на началах «Kernwährung», создания металлического фонда, вполне обеспечивающего размен банкнот на металл, но с отсрочкой самого размена на более или менее продолжительное время, пока не урегулируется металлическое обращение в других странах.

4. Наконец, последнее положение, которое может быть выдвинуто, заключается в том, что **одновременно с введением новых денег должны быть установлены денежные налоги, взнос которых обязателен в этих деньгах.** В обесценении наших бумажек в последние 2—3 года громадную роль сыграл факт крушения налоговой системы. И только тогда население будет ценить новые деньги и не подвергать их постоянным переоценкам, когда оно сознает, что они необходимы не только в товарном обороте, но и как средство участия граждан в покрытии общегосударственных потребностей.

З. С. Каценеленбаум.

Из истории идеологии и законодательства о денежном обращении Р. С. Ф. С. Р.

Доклад Е. С. Лурье, прочитанный 4 июня 1920 г.

Ознакомление с современным состоянием денежного обращения Р. С. Ф. С. Р. и его ближайшими перспективами требует непременно изучения истории не только самого денежного обращения в смысле цифр и фактов, характеризующих эмиссию, колебание внутреннего и внешнего курса рубля и т. д., но и внимательного исследования той идеологии, которая лежит в основе политики советской власти в интересующей нас отрасли финансов. Ибо, как мы увидим из дальнейшего, эта идеология вырабатывалась в ходе самой революции. Мало того, установление основной линии политики советской власти в области денежного обращения довольно затруднительно временами, так как эта линия не шла по прямому направлению, а, изламываясь и изгибаясь, получила то выражение, которое нам становится ясным сейчас.

Четыре периода можно установить в истории политики по денежному обращению советской власти:

Первый период охватывает время от октябрьского переворота 1917 г. до начала 1918 года. В этот период никаких определенных выражений какой бы то ни было политики в области денежного обращения советское правительство не проявляло. Это было время, когда власть захватывала самый аппарат государственного управления, когда шла речь о том, чтобы получить из Государственного Банка потребное количество денежных знаков для оплаты жалованья красной гвардии и служащим, когда в центре забот было привлечение на свою сторону рабочего персонала, экспедиции заготовления государственных бумаг и т. д. В эти первые три месяца существования советского правительства никаких определенных материалов, выявляющих идеологию руководителей новой власти, по денежному обращению не имеется. Быть может, будущему историку

финансовой политики советского правительства, если ему будут доступны журналы заседаний Военно-Революционного Комитета и других организаций, подготовлявших и проводивших переворот, удастся уловить и формулировать идеологию руководителей советской власти по денежному обращению в эти первые месяцы, но, во всяком случае, в настоящее время на основании тех материалов, которые имелись в нашем распоряжении, мы лишены возможности как нибудь определенно характеризовать этот первый подготовительный период финансовой политики советского правительства.

Второй период обнимает приблизительно время от начала 1918 г. до осени того же года. Это был период выявления сразу нескольких течений как в области банковской политики, так и по денежному обращению. Мы ниже ознакомимся с этими течениями, здесь же, характеризуя кратко этот период, я хотел бы отметить, что он ценен для нас тем, что убеждает в том, что никакой определенной идеологии по денежному обращению руководители советского правительства не имели, что значительная часть 1918 года ушла на борьбу разных мнений и течений по этому вопросу.

Третий период начинается приблизительно с осени 1918 г. и заканчивается началом нынешнего 1920 года. Дату, начинающую этот период, надо связать с личностью нынешнего Наркомфина Н. Н. Крестинского, которому принадлежит определенная формулировка стройной и проведенной до полного логического завершения системы банковской политики и денежного обращения.

Четвертый период, который мы переживаем сейчас, начинается с 1920 г. с опубликования положения о Бюджетно-Расчетном Управлении и с третьего с'езда В. С. Н. Х. В этот период, очевидно, будет осуществлена и претворена в жизнь та идеология денежного обращения, которая наметилась в течение третьего периода.

Как и всякая периодизация, и та, которая предложена выше, страдает, конечно, большой условностью. И, быть может, наша периодизация условна более какой бы то ни было другой, что об'ясняется самой сущностью дела, теми условиями, в которых вырабатывалась идеология руководителей коммунистического правительства по денежному обращению. Эта периодизация очень условна еще потому, что, как мы увидим ниже, область денежного обращения была одной из тех немногих областей финансово-экономической политики советской власти, где между идеологией—теорией и законодательством—и практикой наблюдается временами довольно большая дистанция.

Этими немногими замечаниями мы ограничиваемся, чтобы перейти непосредственно к рассмотрению отдельных периодов.

Как выше было указано, первый период, характеризующийся фактическим захватом финансовых учреждений, не оставил сколько-нибудь значительного следа в области идей и законодательства по денежному обращению. Поэтому мы наше изложение начинаем со второго периода.

В напечатанной в апреле 1918 г. во 2 номере «Народного Хозяйства» статье «Денежный кризис» Г. Сокольников,—один из руководителей финансового ведомства этого периода,—писал: «Завещанный нам буржуазным хозяйством денежный знак отнюдь не является идеальным инструментом для строительной работы социализма. Но самые его несовершенства только заставляют ускорять работу экономического пересоздания...» Но цитируемый нами автор не только идеолог, он был в то время и финансистом-практиком. Вот почему ему приходилось думать о мероприятиях по денежному обращению для потребностей текущего дня. Интересно отметить, что в этот период этот же автор и не представлял себе возможности существования социализма без денежного обращения. Он полагал, что, «повидимому, при осуществлении социалистической хозяйственной реорганизации будет возможно приступить к частичной (только частичной. Е. Л.) замене денежных налогов натуральными повинностями».

О денежном обращении заставляла думать руководителей нашей финансовой политики в рассматриваемый нами период национализация банков. Как мыслили себе эмиссионный банк руководители финансовой политики в то время? Как представляли они себе общую структуру банковского дела? Если, как мы увидим в дальнейшем, в этом отношении к осени 1919 г. установлено единообразие мнений, требовавшее организации единого народного банка для всей России, при каковом устройстве никакой речи о делении на банк эмиссионный и банк кредитный быть не могло, то в рассматриваемый нами период этот вопрос вызывал целый ряд споров и был предметом оживленной дискуссии.

Надлежит, прежде всего, в этом отношении остановиться на работе особого совещания под председательством тогдашнего Главкомиссара Нарбанка Спунде. Это совещание, работавшее в апреле и мае 1918 г., совершенно определенно разработало план организации кредитного аппарата страны, отделив эмиссионный банк от целого ряда кредитных, на которые были возложены специальные—

по терминологии совещания—«производственные» функции. В связи с такими воззрениями совещания, разделявшимися не только его участниками буржуазными специалистами, но и представителями советской власти—как увидим ниже, и самим Спунде,—любопытно остановиться на работах той секции этого совещания, которая занималась специально вопросами денежного обращения. Рассматривая самую программу занятий этой секции, видишь, что тут к вопросу о денежном обращении подходили со старыми требованиями науки и практики. Совещание занималось довольно обстоятельно и вопросом о связи будущей денежной единицы с существующим рублем, и мерами против нуллификации рубля, и вопросом об основании будущей денежной системы, и подготовительными мерами к созданию нового эмиссионного банка, и вопросом об его организации и связи с государственным казначейством.

То был, одним словом, период, когда советская власть считала для себя возможным обсуждать вопросы денежного обращения в том направлении, как это рекомендовалось специалистами - теоретиками и практиками, а именно в целях урегулирования и, вообще, оздоровления нашего денежного обращения. Мы увидим ниже, что несколько времени спустя такое направление финансовой политики советской власти было признано ошибочным, но, в интересах об'ективности, надлежит отметить, что не только буржуазные специалисты защищали такие воззрения, но и ведомства в лице Главкомиссара Спунде, в чем можно убедиться из следующего.

В мае 1918 г. происходил первый Всероссийский С'езд представителей финансовых отделов областных, губернских и уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. На этом С'езде, с работами которого нам придется еще встретиться в дальнейшем, между прочим, выступал с докладом и Главкомиссар Нарбанка Спунде, который отметил, что если раньше главной задачей Государственного Банка было финансирование государства и частных коммерческих банков, то теперь его задача сводится к распределению между банками денежных средств, и что, только превратившись в банк банков, б. Государственный Банк станет тем центральным эмиссионным банком, который нужен социалистическому государству. Что же касается специально денежного обращения, то тот же Спунде отметил, что в капиталистическом строе денежное обращение построено на металлической основе, благодаря чему деньги были источником привилегий и преимуществ. Задача же советской власти перейти к бумажно-денежному обращению. Все драгоценные

металлы при таком обращении становятся обыкновенными товарами, которые послужат фондом для расчетов с заграницей.

Сойдясь с совещанием в вопросе о необходимости урегулирования денежного обращения, Спунде — как видно из только-что изложенного—разошелся с ним во взглядах на характер и задачи этого регулирования. Разошелся он с совещанием и в вопросе об обязательных текущих счетах, которое мыслилось следующим образом. Вся страна покрывается сетью банковских учреждений. Путем обязательных текущих счетов все свободные денежные средства отдельных держателей попадают в кассу Банка, и, таким образом, население приучается к безденежным расчетам.

Мы не будем здесь останавливаться на той полемике, которая по вопросам денежного обращения и банковой политики происходила на самом с'езде между Главкомиссаром над банками Спунде и другим представителем Наркомфина А. Е. Аксельродом: с такими спорами представителей одного и того же ведомства по основным вопросам финансовой политики нам придется встретиться ниже еще не раз.

Но, касаясь здесь работ первого С'езда представителей финансовых отделов, я хотел бы отметить, что на этом С'езде, помимо ряда докладов представителей финансового ведомства, не всегда одинаково представлявших себе ближайшие задачи финансовой политики, с докладом от имени Совнаркома выступил его Председатель—В. И. Ленин. В этом своем докладе В. И. Ленин говорил относительно денежного обращения следующее: «Задача момента—это замена старых денежных знаков новыми. Деньги, бумажки—все то, что называется теперь деньгами—эти свидетельства на общественное благосостояние, действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми.

Несомненно, что на пути проведения этой меры нам придется столкнуться с чрезвычайными экономическими и политическими трудностями; предстоит тщательная подготовительная работа—подготовка нескольких миллиардов новых денег, создание в каждой волости, в каждом квартале крупного города сберегательных касс, но мы не остановимся перед этими трудностями. Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и полу-

чить взамен их новые; если сумма окажется небольшой — они получат рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть. Мера эта, несомненно, встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны деревенских кулаков, разбогатевших на войне и зарывших в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег. Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но благодарная борьба. Среди нас нет сомнений, что нам надо взять на себя все тяготы этой борьбы, ибо она необходима и неизбежна. Для проведения этой меры нужна огромная подготовительная работа; надо выработать тип декларационного листка, надо развить пропаганду на местах, определить срок обмена старых денег на новые и т. д. Но мы это сделаем. Это будет последний решительный бой с буржуазией и это даст нам возможность платить временную дань иностранному капиталу, пока не пробьет час социальной революции на Западе, и провести необходимые реформы в стране».

Таковы были воззрения по денежному обращению Председателя Совнаркома. Мы должны отметить, что в этот период об уничтожении денег в том смысле, в каком об этом говорится в позднейшее время, еще нет и речи. Строжайший учет денежных знаков имеет совершенно другое значение, как радикальная мера борьбы рабоче-крестьянской власти с буржуазией.

Достаточно любопытны для характеристики воззрений руководящих представителей власти в области денежного обращения труды первого Всероссийского С'езда Советов Народного Хозяйства, работавшего весной 1918 г. На С'езде были заслушаны два доклада по финансовым вопросам: Г. Я. Сокольникова «Об основных положениях финансовой политики» и тогдашнего Наркомфина Гуковского «О государственном бюджете». Оба докладчика, хотя и весьма различно, но подходили к интересующим нас вопросам денежного обращения. Сокольников высказался за то, чтобы Банк был единым и централизованным. Но, формулировав в самых общих чертах идею единого Банка, выполняющего одинаково функции эмиссионные и кредитные, Сокольников в то время еще не мог предложить конкретного плана финансирования национализированной промышленности и выпуска денежных знаков. Довольно неопределенно высказавшись в пользу безденежного обращения, докладчик в заключительной части приходит к выводу, что «так как нет еще в нужной степени централизации, которая позволила бы производить безденежные расчеты между различными учреждениями, и в виду отсут-

ствия достаточно налаженного централизованного аппарата, надо бы ввести такого рода расчетные свидетельства, которые представляют из себя в материальной форме денежный эквивалент, который выдается, или того кредита, который отпускается. Можно сказать, что для этого не нужно создавать никакого особого типа денежных знаков, но я думаю, что именно является целесообразным такого рода особый тип создать и отделить вот эти расчетные свидетельства от тех кредитных билетов, которые выпускаются Государственным Банком».

Таковы довольно туманные предположения Сокольникова. Так как в дальнейшем они вызвали возражения со стороны Гуковского, то С'езд так, очевидно, и не усвоил себе ясно предположений докладчика. Обратимся ко второму докладчику С'езда.

Тогдашний Наркомфин начал с решительной отповеди Сокольникову. Последний, по мнению Гуковского, совершенно неправильно относит банкноты В. С. Н. Х. и взаимный расчет между предприятиями к мероприятиям финансового характера. Эти мероприятия, облегчающие денежный оборот и дающие нам возможность уменьшить выпуск денег—это вопрос техники. Задача финансового ведомства—принять меры к тому, чтобы деньги, ушедшие к населению, не хранились в кубышках, а возвращались в банки. Гуковский вынужден был дальше заявить, что категорическое утверждение Сокольникова о необходимости создания единого банка без разделения его на эмиссионный и кредитный «не составляет точки зрения ведомства».

Итак, два представителя одного и того же ведомства на одном и том же С'езде резко разошлись между собой во взглядах.

Как же отнеслось к вопросам денежного обращения и банковой политики большинство первого С'езда В. С. Н. Х.?

В своей резолюции первый С'езд В. С. Н. Х. указал, что в области финансовой предстоит «завершение национализации банков, увеличение числа их отделений, постепенный переход к обязательным и охватывающим все население текущим счетам, самое широкое развитие чекового обращения и переводов, общая бухгалтерия всех национализированных предприятий». Таким образом, первый С'езд В. С. Н. Х., не высказавшись определенно ни по вопросу организации эмиссионного банка, ни по вопросу об аннулировании денег, рекомендовал власти принять меры развития компенсационных операций.

В связи с этим любопытно указать, что первый С'езд представителей финансовых отделов поручил избранной им комиссии срочно разработать положение о централизации банкового дела в Республике и о сосредоточении всех операций в эмиссионном и кредитном банках. При этом определенно указывалось, что первый должен явиться регулятором денежного обращения, а второй—обслуживать своими отделениями все отрасли народного хозяйства. Тот же С'езд дает той же комиссии задание разработать положение о замене ныне обращающихся денежных знаков новыми.

Так, два весьма авторитетных С'езда, работавших приблизительно в одно и то же время, принимают достаточно отличающиеся друг от друга постановления по одному и тому же вопросу и, это, несмотря на то, что в их работе принимают деятельное участие руководящие представители советской власти.

Приведенных фактов и материалов, быть может, достаточно для того, чтобы придти к выводу, что в течение второго периода никаких определенных мнений и решений в области денежного обращения у представителей советского правительства не было. Если рассмотреть циркуляры Центрального Управления Народного Банка за этот период, то легко убедиться, что и здесь сказалась та же разноголосица, то же разнообразие мнений, какое мы отметили выше. В то время, как некоторые из этих циркуляров рекомендуют обращать самое серьезное внимание на привлечение вкладов, рассматривая их с точки зрения денежного обращения, другие циркуляры подходят к этому же вопросу совершенно иным путем.

Что же касается законодательства по денежному обращению, то в этот период никаких актов более или менее принципиального значения опубликовано не было. Как мы увидим ниже, Советское Правительство не признавало нужным обставлять эмиссию какими-нибудь нормами контингентирования. Два акта, имеющиеся в нашем законодательстве и устанавливающие пределы выпусков, относятся к позднейшему времени. В этот же период были опубликованы чисто технические декреты и распоряжения вроде декрета Совнаркома от 15 февраля 1918 г. о выпуске в обращение облигаций Займа Свободы в качестве денежных знаков, постановления Наркомфина от 30 мая 1918 г. об обращении в качестве денежных знаков облигаций Займа Свободы и купонов аннулированных государственных займов, целый ряд распоряжений о приеме в платежи частично поврежденных денежных знаков и т. д.

Недостаток на местах денежных знаков заставлял целый ряд советов и отделений Народного Банка прибегать к выпуску денег местного значения.

Что такие выпуски были,—в этом не может быть сомнения. Но в Собрании Узаконений мы находим лишь два акта, относящиеся к более позднему периоду—осени 1918 г., а именно декрет С. Н. К. от 3 сентября 1918 г. о разрешении Туркестанскому отделению Нарбанка выпуска временных кредитных билетов на сумму не свыше 200 миллионов рублей (эта норма была двумя позднейшими декретами Совнаркома увеличена до миллиарда), и постановление Совнаркома от 1 октября 1918 г. о предоставлении такого же права Пятигорскому отделению на сумму до 50 миллионов рублей.

Таковы идеи и законодательство о денежном обращении второго периода.

Осень 1918 г. является поворотным пунктом в истории банковской политики Советского Правительства. Со вступлением Н. Н. Крестинского в должность Народного Комиссара Финансов, та разноголосица в области финансовой политики, в частности, денежного обращения, которая была отмечена, постепенно уступает место строго определенному плану, автором и проводником которого в жизнь является, главным образом, нынешний Наркомфин.

Останавливаясь специально на денежном обращении, необходимо отметить, что для всех идей в этой области решающим было новое построение Народного Банка. Народный Банк является единственным расчетно-кредитно-кассовым учреждением Р. С. Ф. С. Р.— так сформулировал свою программу Народный Комиссар Финансов к концу 1918 года. Это положение, являясь краеугольным камнем всей финансовой политики Советского Правительства, является и основанием для построения денежного обращения. Прежние споры о конструкции эмиссионного банка отпадают.

В декабре 1918 г. Народный Комиссар Финансов внес в Совнарком доклад о задачах Нарбанка в настоящий переходный момент, где указано было, что Банк является единственным расчетно-кредитно-кассовым учреждением всей Республики, что прежние банковские операции—в частности и текущие счета—не имеют уже первостепенного значения и что—мы это особенно подчеркиваем—для производства безденежных расчетов между учреждениями и частными лицами во всех местных учреждениях Народного Банка образуются расчетные отделы.

Новая организация Народного Банка, которая фактически была осуществлена приказом по Банку от 28 января 1919 г., за № 60, положила конец всем прежним сомнениям и спорам о направлении банковской политики Советского Правительства. Единый Банк стал тем учреждением, который, имея в пассиве кредитные билеты, выпускаемые в обращение, за счет этих билетов, должен был производить все свои операции. Эта новая организация Банка тем замечательна, что во всех положениях и инструкциях, отнесшихся к произведенной реформе, нельзя найти прямых указаний о роли денежного обращения. В числе отделов единого Народного Банка мы находим под рубрикой 8—отдел кредитных билетов и под рубрикой 15—отдел по изготовлению денежных знаков. Вот единственные указания по денежному обращению, которые имеются в относящихся к реорганизации Народного Банка инструкциях и положениях.

Но идеи вырабатывались и выявлялись не в этих инструкциях и положениях. Заседавший в конце 1918 г. (с 19 по 27 декабря) Второй Всероссийский С'езд Советов Народного Хозяйства в своей резолюции по вопросам финансирования определенно уже формулирует новую идеологию в области денежного обращения. Интересующее нас место этой резолюции гласит:

«Развитие социалистического переустройства экономической жизни необходимо требует отрешения от прежних капиталистических взаимоотношений в производстве и устранения, в конечном итоге, всякого влияния денег на соотношения хозяйственных элементов.

Искоренение частных финансовых учреждений, концентрация основных отраслей производства в руках государства и сосредоточение распределения в ведении государственных органов является достаточным основанием для последовательного устранения в хозяйственной жизни денежного обращения в тех размерах, в каких оно было до сих пор» *).

Таким образом, в этой резолюции Наркомфину продиктовано определенное задание—принять меры к упразднению денежного обращения. Но важно еще иметь в виду, что тем же вторым С'ездом была упразднена, в сущности, всякая самостоятельность (не в административно-иерархическом смысле) Народного Банка.

*) «Труды II Всеросс. С'езда Советов Народного Хозяйства (19 декабря—27 декабря 1918 г.). Стенографич. отчет». Изд. В. С. Н. Х. Год не обозначен. Москва Стр. 192.

С'езд потребовал, чтобы операции финансовых учреждений (Нарбанка) были подчинены производственным планам с превращением Нарбанка в орган технического выполнения расчетов и учета по решению В. С. Н. Х. и его органов. С'езд в 20-м тезисе своей резолюции указал, что «в области финансирования производства Народный Банк является вспомогательным исполнительным расчетно-кассовым аппаратом при В. С. Н. Х. и всецело подчиняется его указаниям в этом отношении». Для нас, изучающих денежное обращение, эти постановления С'езда важны тем, что по ним мы видим, что самый размер денежного обращения диктуется не самостоятельным Наркомфином или Нарбанком, а В. С. Н. Х.

Та определенная политика, которая наметилась в области денежного обращения и банкового дела, послужила основанием для построения програмы российской коммунистической партии. И в отношении денежного обращения приходится, очевидно, сказать, что не столько абстрактная социалистическая теория денежного обращения послужила основанием для соответствующей части програмы российской коммунистической партии, сколько та идеология, проводником которой явился Наркомфин. И в этой идеологии, как и в соответствующей части програмы, мы наблюдаем тесную неразрывную связь между мероприятиями по банковому делу и политикой по денежному обращению.

15 параграф програмы российской коммунистической партии, принятой 8-м С'ездом, заседавшим 18 — 23 марта 1919 г., гласит:

«В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, Р. К. П. стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих почву к уничтожению денег: обязательное держание денег в Народном Банке, введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения предметов потребления и т. п.». Принятая на 8 с'езде Р. К. П. програма положила конец всем происходившим в течение 1918—1919 гг. спорам и недоразумениям по вопросу о ближайших задачах власти в области денежного обращения. Приведенный выше

15 п. программы определенно указал, что уничтожение денег связано с полным осуществлением коммунизма, и, таким образом, центр тяжести вопроса сводится к установлению той стадии политического и экономического развития, в которой Советская Россия пребывает в данный момент. Мы не можем в нашем докладе останавливаться с достаточной обстоятельностью на выяснении этого вопроса, но само собой понятно, что от отношения к нему зависит и общее отношение к денежному обращению.

Но нельзя здесь не коснуться тех мероприятий, которые рекомендованы програмной Р. К. П. в виде мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в Народном Банке, введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. д. В этой своей части 15 п. програмны Р. К. П. логически совершенно последовательно становится на путь постепенного и естественного уничтожения денег. При таком понимании деньги, собственно, не уничтожаются, а становятся излишними в силу экономического развития. Но надо, ведь, отметить, что как раз в деле проведения мер, подготовляющих уничтожение денег естественым путем, у нас в России в течение 1918—1920 гг. было сделано очень мало. Были проекты обязательного держания денег в Народном Банке для частных лиц и учреждений. Но что касается первой группы держателей, то эти проекты не претворились даже в закон, так как Наркомфину было слишком ясно, что такое законодательное постановление останется без исполнения. Что же касается обязательного держания денег в кассах Наркомфина для правительственных учреждений, то в этом отношении был опубликован ряд декретов, на которых стоит остановиться несколько обстоятельнее, что мы сделаем ниже.

Введение бюджетных книжек и краткосрочных бонов на право получения продуктов дальше теоретических предположений тоже не пошло, так как—по фактическому положению дела снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости— переход к всеобщей натурализации заработной платы оказался невозможным.

Замена денег чеками тоже не достигла тех размеров, которые оказались бы достаточными для того, чтобы эта мера вместе с рядом других, перечисленных в программе, могла бы подготовить безденежное обращение: как увидим ниже, даже в отношении пра-

вительственных учреждений чековый оборот не достиг той степени развития, которая представлялась бы необходимой.

И для обязательного держания денег в кассах Наркомфина и для чекового оборота представляется весьма любопытным ознакомление с декретами власти о расчетно-кассовых операциях. 2 мая 1918 г. был опубликован декрет о соблюдении единства кассы, который требовал, чтобы все денежные средства, находящиеся в заведывании советских учреждений и должностных лиц, вносились в кассу Народного Банка, и чтобы все их платежи кредиторам производились только по ассигновкам и чекам. Все же денежные средства, которые имеются в распоряжении учреждений сверх сумм, потребных на текущие мелкие расходы, должны быть сданы в кассы Народного Банка. Этот декрет, в подтверждение и дополнение которого был впоследствии опубликован ряд других актов, был вызван как желанием отучить учреждения от хранения казенных средств в собственных сундуках, так и необходимостью приучить учреждения к безденежному расчету. Постановлением В. С. Н. Х. от 30 августа 1918 г. о порядке ведения расчетов между национализированными предприятиями и советскими учреждениями предписывается, чтобы все предприятия оставляли в кассах лишь самое ограниченное количество денежных средств, необходимое для текущей потребности, расчеты же должны производиться чеками на банк или путем бухгалтерских записей. Декретом Совнаркома от 23 января 1919 г. устанавливается определенный порядок расчетных операций между советскими учреждениями, советскими и находящимися в ведении или под контролем советских организаций предприятиями и приобретения ими предметов за наличный расчет. Согласно этого декрета, все взаимные расчеты между советскими учреждениями производятся бухгалтерским способом без участия денежных знаков. Приобретение за наличный расчет всяких товаров у частных производителей обставлено целым рядом ограничений. Этим декретом Государственному Контролю вменяется в обязанность принять меры наблюдения за фактическим выполнением всех распоряжений об единстве кассы и расчетных операциях.

Из приведенного обзора видно, что до начала 1919 г. было опубликовано несколько декретов, устанавливающих порядок безденежного оборота между правительственными учреждениями. Уже это одно показывает, что даже в отношении введения расчетных операций между правительственными учреждениями приходилось

прибегать к повторному законодательству. Что учреждения отступали по целому ряду причин, входить в рассмотрение которых здесь не место и не время, от исполнения декретов Совнаркома о расчетных операциях, видно и из вступительной части к декрету Совнаркома от 5 апреля 1919 г. Мы здесь читаем: «В виду повторяющихся случаев нарушения советскими учреждениями и должностными лицами декрета Совнаркома от 2 мая 1918 г. о соблюдении единства кассы» и т. д. В этом декрете власть постановляет, что при обнаружении отступлений от требований декрета о расчетных операциях все виновные лица должны привлекаться к ответственности по всей строгости революционных законов за невыполнение постановлений Центральной власти. Мало того, на рассмотрение самого Совнаркома вошел вопрос о привлечении к ответственности сотрудников военного ведомства, виновных в нарушении декрета об единстве кассы.

Мы ограничимся приведенными выше законодательными постановлениями и укажем, что они распространяются только на учреждения и должностных лиц. В отношении же расчетных и чековых операций в обиходе между частными лицами никаких постановлений мы не встречаем, да оно, в сущности, и понятно. Так как теоретически вся промышленность и торговля национализированы, то, казалось бы, денежным взаимоотношениям между частными лицами на почве производительного труда не должно было бы быть места. Фактически, конечно, дело находится совершенно в ином положении. Все мы прекрасно знаем, что выпускаемые в большом и все увеличивающемся количестве денежные знаки в конечном итоге попадают в руки частного держателя, где в значительной части и оседают. Во всяком случае, за недостатком статистического и отчетного материала, мы лишены возможности привести здесь точные данные, характеризующие степень участия компенсационных операций в общем денежном обороте страны, но как бы то ни было, по общим соображениям, очевидно, что эти безденежные, чисто расчетные операции не развились более или менее значительно.

Если так, то очевидно, что естественная подготовка уничтожения денежного обращения в России до сих пор не сделана. А между тем необходимость сказать новое слово в области денежного обращения становится очевидной, ибо иначе финансовая политика Советского социалистического правительства ни в чем бы не отличалась от политики буржуазных государств, которые прибегают к усиленному выпуску бумажных денег, как средству финансирования государственного бюджета.

И вот, начиная со второй половины 1919 г., мы в среде, главным образом, деятелей президиума В. С. Н. Х. встречаемся с проектами перехода к трудовой единице измерения ценностей. Третий С'езд В. С. Н. Х., происходивший в январе 1920 г., если не прямо, то косвенно подходил и к вопросу о трудовой единице ценности. Хотя по этому вопросу резолюции никакой не было принято, но в докладе о финансировании национализированной промышленности мы, между прочим, под п. 18 находим следующий тезис:

«В виду чрезвычайной неустойчивости денежной единицы (рубля) для учета хозяйственных операций необходимо поставить задачу хозяйственно-учетным органам об установлении твердой учетной единицы, единицы хозяйства в бюджете страны, взяв за основание измерения единицу труда».

В то время, когда пишутся эти строки, финансово-счетный отдел В. С. Н. Х., во исполнение, очевидно, приведенного выше пункта доклада о финансировании национализированной промышленности, организовывает изучение этого вопроса в специальной комиссии под председательством С. Струмилина. На работах этой комиссии мы, таким образом, сейчас останавливаться еще не можем, т. к. она еще не завершила своих трудов.

Так, идея об упразднении денежного обращения, весьма смутно и неопределенно сформулированная во второй половине 1918 г. и не имевшая тогда более или менее конкретного содержания, к началу 1920 г. уже получает если не вполне ясную и точную формулировку, ибо все конструкции трудовой единицы измерения и обмена ценностей, которые до сих пор делались, страдали туманностью, то, во всяком случае, более или менее положительное очертание.

Для характеристики идеологии последнего 4 периода, к какому мы относим и идею о трудовой единице измерения ценностей, весьма важно иметь в виду, что то об'единение банкового дела, которое наметилось еще в конце 1918 г. и имело решающее значение для всей идеологии по денежному обращению, получило окончательное завершение в начале 1920 г., когда был опубликован декрет об упразднении Народного Банка и о замене его Центральным Бюджетно-Расчетным Управлением. К этому декрету не следует подходить только с точки зрения названия, ибо он знаменует собою новую эпоху финансовой политики. Прежний Банк даже в том виде, в каком он существовал в 1918 г. и 1919 г., был признан подлежащим упразднению. Все предположения власти о привлечении частных вкладов, об операциях с неправительственными

учреждениями, имевшие место еще в конце 1918 г., совершенно отпадают. Бывший Банк, поглотивший и государственное казначейство, и сберегательные кассы, разрушивший все кредитные установления прежнего периода, каких бы видов и форм они не были, превращается в организацию, об'единяющую и осуществляющую все виды сметно-расчетного и операционно-кассового дела. С этого момента, т. е. с опубликования приказа Наркомфина от 29 января 1920 г., за № 6, об учреждении Центрального Бюджетно-Расчетного Управления, даже тем немногим остаткам прежнего банковского дела, которые сохранились в Народном Банке Р. С. Ф. С. Р., был положен конец не только по существу, что было сделано еще в конце 1918 г., но и формально. Имеющее кардинальное значение для судьбы денежного обращения отделение функций эмиссионного банка от кредитного, с одной стороны, и от государственного казначейства,—с другой, в новой конституции Бюджетно-Расчетного Управления было совершенно уничтожено и вполне намеренно, как о том неоднократно докладывал и писал Народный Комиссар Финансов. Центральное Бюджетно-Расчетное Управление занимается, главным образом, функциями обычного казначейства и Департамента Государственного Казначейства: составляет роспись, рассматривает финансовые сметы всех Народных Комиссариатов, финансирует национализированную промышленность, производит взаимные расчеты между ведомствами. На-ряду с этими функциями Центральное Бюджетно-Расчетное Управление руководит также и завершением реализации принятых на баланс бывшего Народного Банка счетов национализированных частных банков. Это же Управление ведает делом выпуска и распределения денежных знаков. Таким образом, слияние государственного казначейства с Банком вряд-ли в какой-нибудь другой стране так определенно сказалось и, мало того, является даже оффициальной программой государственной финансовой политики, как это имеет место в Р. С. Ф. С. Р., и это обстоятельство имеет первостепенное значение для судеб денежного обращения.

Деньги в Р. С. Ф. С. Р. даже по форме перестают носить характер банкнот, выпускаемых эмиссионным банком, сколько нибудь независимым от Государственного Казначейства: они являются кредитными билетами в специальном значении этого термина, выпускаемыми для финансирования государственного хозяйства, которое в современных условиях теоретически должно поглощать народное хозяйство.

Таковы основные идеи четвертого периода в развитии идеологии советской власти по денежному обращению. Этот период нами сейчас переживается, он еще не закончен. Но основные его идеи уже наметились. Это формулирование необходимости упразднения денежной системы и вместе с сим попытки дать конструкцию, хотя и в неопределенной форме, тех орудий расчета и измерения ценностей, которые заменят денежное обращение в социалистическом государстве *).

Обратимся к рассмотрению законодательства советской власти в области денежного обращения. Рассматривая Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства и «Известия В. Ц. И. К.» и желая найти в них акты, посвященные регулированию денежного обращения, удивляешься чрезвычайному их небольшому количеству.

Как смотрит Советское Правительство на вопрос о контингенте денежных знаков, подлежащих к выпуску? В этом отношении мы встречаемся всего лишь с двумя декретами. Декрет от 26 октября 1918 г. увеличивает предоставленное Народному Банку право выпуска кредитных билетов на $31^{1}/_{2}$ миллиарда рублей с отнесением в счет этой суммы всех кредитных билетов, выпущенных банком сверх установленного предшествующими законодательными актами предела эмиссионного права. Это первый акт о контингенте, с которым мы встречаемся. Как мы видим, он покрывает собой то пустое место, которое было в законодательстве до его опубликования: он задним числом аппробирует все выпуски, имевшие место за время существования Советского Правительства. Указываемые в этом декрете «предшествующие законодательные акты» относятся, очевидно, к периоду до-октябрьской революции, так как актов о контингенте до 26 октября 1918 г., насколько нам известно, не публиковалось.

Если приведенный только что декрет задним числом аппробирует все происшедшие до него выпуски, то декрет Совнаркома от 15 мая 1919 г. устанавливает совершенно исключительные методы разрешения вопроса о контингенте. Как известно, контингент выпуска кредитных билетов даже в военное время устанавливался определенными законодательными актами верховной власти, а в мирное время—кроме того,—был и предметом обсуждения законодательных

*) Этот этап протянул свое существование вплоть до начала лета 1921 г.

палат. Такова практика почти всех государств, прибегавших и прибегающих к выпуску бумажных денег. Советское Правительство в этом отношении, начиная с мая 1919 г., становится на совершенно иную позицию: Народному Банку, в силу декрета от 15 мая 1919 г., предоставляется право выпуска кредитных билетов сверх нормы, установленной декретом от 26 октября 1918 года, в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках. Этот пункт декрета является основным законодательным источником по вопросу о контингенте, которым руководствуется Наркомфин и в настоящее время.

Таким образом, ни В. Ц. И. К., ни даже С. Н. К. не разрешает вопросов о контингенте бумажных денег, необходимых для потребностей народного хозяйства на каждый данный период. Это есть дело административного усмотрения Наркомфина, в качестве руководителя Бюджетно-Расчетного Управления, в ведении которого находятся фабрики денежных знаков.

Нам неизвестны все методы, при посредстве которых Наркомфин определяет действительную потребность наордного хозяйства в денежных знаках. Но, очевидно, мы не ошибаемся, если представим себе теперь, после учреждения междуведомственной комиссии по распределению денежных знаков, следующий порядок определения их контингента. В комиссию поступают требования от отдельных ведомств, которые являются очевидным материалом для составления производственного плана фабрик заготовления денежных знаков. В этом отношении существует, очевидно, аналогия между организацией производства на этой фабрике и в других промышленных предприятиях Р. С. Ф. С. Р. Фактически, конечно, количество изготовляемых и выпускаемых в обращение денежных знаков определяется в конечном счете производительностью самих фабрик, от степени этой производительности зависит удовлетворение «потребителей»—отдельных ведомств—теми денежными знаками, на которые им были заявлены требования. Таким образом, и в отношении распределения денежные знаки следуют судьбе прочих продуктов национализированной промышленности Р. С. Ф. С. Р.

Декрет Совнаркома от 15 мая 1919 г. является единственным актом, регулирующим в настоящее время контингент выпускаемых в обращение денежных знаков. Анализ этого декрета, выше сделанный, убеждает нас в том, что, в сущности, Советская Россия никаких норм о контингентировании не имеет.

Обратимся теперь к другой стороне нашего законодательства о денежном обращении: как оно регулирует различные виды выпускавшихся в течение двух с половиной лет денежных знаков.

Первым в этом отношении является декрет Совнаркома от 4 февраля 1919 г. о выпуске новых денежных знаков 1, 2 и 3-рублевого достоинства. Они выпускаются «в виду наблюдаемого недостатка кредитных билетов мелких достоинств». Единственно новое, что принесли с собою эти денежные знаки—это их внешний вид, достаточно определенно олицетворявший новую форму государственного строя России.

Следующий за этим декрет Совнаркома от 15 мая 1919 года о выпуске в обращение новых кредитных билетов образца 1918 г. уже содержит совершенно иные мотивы. В его вступительной части мы читаем: «в целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующего по своей форме началам нового государственного строя России, а также для извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов»... Таким образом, основная задача этих новых денег—замена ими всех обращавшихся до сих пор знаков. Как известно из предыдущего изложения, еще в конце 1918 года были проекты о проведении аннулирования части денег, которая принадлежала имущим классам. Как раз тогда предполагалось, что, по аннулировании этих старых денег, они должны быть заменены новым выпуском, предусмотренным декретом 15 мая 1919 г. Однако, эти предположения не были осуществлены и, насколько известно, вследствие того острого недостатка в денежных знаках, который резко обнаружился в то время. Таким образом, та задача, которая преследовалась и была даже введена в качестве мотива в текст декрета, не получила осуществления. Остается прибавить, что новая форма денежных знаков образца 1918 года была еще выработана и установлена при Временном Правительстве и что единственным новшеством, свойственным советскому строю, как о том и заявил своевременно на Всеросс. С'езде финансовых работников в мае 1919 г. Наркомфин Крестинский, была подпись тогдашнего Главкомиссара над Банком Пятакова.

В марте 1920 года был опубликован декрет Совнаркома о выпуске в обращение новых денежных знаков образца 1919 года. Мотивировка в вступительной части этого декрета напоминает уже знакомую вам. Мы здесь также читаем: «в целях полнейшей замены обращающихся в стране денежных знаков различных

образцов знаками, соответствующими по своему внешнему виду новой советской форме государственного строя России»...

Мы склонны думать, что и на этот раз провозглашенная декретом замена не будет осуществлена, так как потребности народного хозяйства, при беспрерывном падении курса рубля и постоянном росте цен, требуют беспрестанной работы фабрик заготовления денежных знаков. Но, во всяком случае, мы должны здесь отметить, что последний декрет называет новые денежные знаки «расчетными» и отказывается от старого названия «кредитные билеты». Это является поводом для того, чтобы мы попытались здесь несколько рассмотреть и природу денежных знаков, выпускаемых Советским Правительством.

Мы, конечно, должны напомнить, что при современных условиях ставить сколько-нибудь серьезный вопрос о металлическом покрытии нашего билетного обращения не приходится: как ни исчислять имеющийся в распоряжении Советского Правительства золотой фонд, будет ли он на сотню миллионов больше или меньше по сравнению с теми свыше 4½ сотен миллиардов бумажных денег, имеющихся в обращении—он реального значения не имеет. Довольно также затруднительно дать на основании имеющихся материалов определенный ответ, являются ли руководители современной финансовой политики сторонниками номиналистической или реалистической теории денег. Во всяком случае, то обстоятельство, что, несмотря на беспрестанные выпуски, деньги все еще принимают, заставляет считать нас, руководителей Советского Правительства, номиналистами, и это в той большей степени, что никаких тормозов, сколько-нибудь удерживающих работу фабрик кредитных билетов, они не предпринимают *).

Быть может, для характеристики природы денежных знаков Советского Правительства любопытно вспомнить, что если на деньгах, выпускавшихся при царском и временном правительствах, было

*) Автору, конечно, известно, что руководители Советского Правительства по вопросам экономики в большинстве своем являются сторонниками Марксова учения. Но, не будучи сам сторонником Марксовой теории ценности и денег, автор думает, что признание оборотом за неразменными бумажными деньгами функций орудия обращения и законного платежного средства есть факт, опровергающий Марксово учение о деньгах. Это, конечно, неверно: кто знает (и правильно понимает) Марксово учение о ценности и деньгах, тот знает, что этот факт не противоречит Марксовому пониманию денежного обращения. Руководители Советского Правительства могут поэтому спокойно признавать этот факт и пользоваться им в своих правительственных мероприятиях, не вступая в конфликт со своими марксистскими взглядами (Ред.).

указание, что они размениваются на золото—такое указание было и на выпущенных Советским Правительством по майскому декрету 1919 года кредитных билетах 1918 года, клише которых было заготовлено еще при временном правительстве—те расчетные знаки, выпущенные Советским Правительством, уже не содержат никаких упоминаний этого рода. Они содержат лишь общие указания, что расчетный знак обеспечивается всем достоянием Республики. В этом, быть может, следует искать выражение идей современного финансового ведомства, которое не столько идеологически, сколько практически должно относиться довольно презрительно ко всем теориям металлического покрытия.

Таково советское законодательство о денежном обращении и те общие выводы, которые можно из него сделать.

Мы, конечно, не претендуем на то, чтобы в предыдущем изложении было дано всестороннее описание идеологии и законодательства по денежному обращению: временами эту идеологию довольно трудно уловить, временами нет и материалов. Революционная эпоха, которую мы переживаем, и одну из сторон, которой мы пытались изучить, достаточно неблагоприятна для того, чтобы современники могли бы в систематическом изложении дать очерк идеологии. Но, быть может, те основные вехи, которые намечены выше, послужат материалом для более полных работ, которые должны быть еще написаны в будущем: ибо как бы ни относиться критически к финансовой политике советской власти, не подлежит сомнению, что, с точки зрения теоретической, она представляет интерес.

Подводя итоги сказанному, мы думаем, что имеем основание придти к следующему выводу:

1) идеология Советского Правительства по денежному обращению не была подготовлена *) ни программой российской соц.-демократической рабочей партии, ни другими социалистическими программами и работами социалистических теоретиков. Эта идеология вырабатывалась в ходе развития Советского Государства за время его существования;

2) в течение первых двух периодов—до осени 1918 года идеология власти в области денежного обращения была неопределенной. На-ряду с проектами создания специального эмиссионного банка для регулирования денежного обращения, с мероприятиями

*) Да и не могла быть подготовлена по самой сути теоретических взглядов социал-демократич. партии.

по поднятию курса денег и т. д. мы встречаем и проекты упразднения прежних денег новыми, введения расчетных книжек и т. д.

3) Кристаллизация идеологии Советского Правительства в области денежного обращения начинается с половины 1918 г. и завершается к началу 1920 г., совпадая с реорганизацией Народного Банка в Бюджетно-Расчетное Управление Нар. Комиссариата Финансов. Денежное обращение, как таковое, об'являют принадлежностью капиталистического строя и органом управления диктуется задание принять меры к упразднению денежного обращения.

4) Это отрицательное отношение к деньгам не сопровождается до сих пор сколько-нибудь определенной конструкцией—хотя бы в теории тех орудий обмена и измерения ценности и расчетов, которые должны заменить в социалистическом государстве прежние буржуазные деньги. Попытки таких формулировок, достаточно неопределенных, начинают делаться только в самое последнее время.

5) Характерными чертами политики и идеологии Советского Правительства в области денежного обращения за 1919 и 1920 гг. являются: а) безграничное—в виду пред'являемых требований со стороны народного хозяйства—увеличение эмиссии, несмотря на отрицательное отношение к денежному обращению, как таковому, б) отсутствие всяких мероприятий, направленных на борьбу с вредными последствиями инфляции. Отсюда напрашивается вывод, что власть предполагает предоставить естественному процессу обесценения денег произвести то упразднение денежного обращения, которое является заданием социалистического правительства.

6) Законодательство о денежном обращении Р. С. Ф. С. Р. характеризуется чрезвычайною ограниченностью законодательных актов и административных распоряжений. Основными элементами этого законодательства являются: отсутствие определенных норм, регулирующих контингент выпускаемых денег в каждый данный период, и предоставление усмотрению Народного Комиссариата Финансов определения количества знаков, подлежащих выпуску, соответственно с потребностями народного хозяйства.

7) Денежные знаки, выпускаемые Р. С. Ф. С. Р., несмотря на различные наименования и формы, все подходят под категорию бумажных денег в специальном значении этого термина. Такой характер этих денег усугубляется современной организацией банкового дела в России и отсутствием на деньгах последнего выпуска даже упоминания об их размене на металл.

Е. С. Лурье.

Приложения.

I.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 26 октября 1918 г. об увеличении эмиссионного права Народного Банка на 33,5 миллиарда рублей.

Для урегулирования эмиссионной операции Народного (б. Государственного) Банка, предоставленное ему право выпуска кредитных билетов увеличивается на 33,5 миллиарда руб., с отнесением в счет этой суммы всех кредитных билетов, выпущенных Банком сверх установленного предшествующими законодательными актами предела эмиссионного права.

Распубликован в № 90 Собр. Узаконений (ст. 913) 1918 г. и в № 268 «Известий В. Ц. И. К.» от 7 декабря 1918 г.

II.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 4 февраля 1919 г. о выпуске новых денежных знаков 1, 2 и 3-рублевого достоинства.

В виду наблюдаемого недостатка в народном обращении кредитных билетов мелких достоинств, Совет Народных Комиссаров признал необходимым выпустить в обращение денежные знаки 1, 2 и 3-рублевого достоинства упрощенного типа.

На этом основании Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Предоставить Народному Банку выпускать в народное обращение под наименованием: «Расчетный знак Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» денежные знаки в форме марок достоинством в один, два и три рубля, описание коих при сем прилагается.

2) Государственные расчетные знаки имеют хождение наравне с государственными кредитными билетами и, подобно последним, обязательны к приему в платежи, как в казну, так и между частными лицами, без ограничения суммы.

3) За подделку государственных расчетных знаков виновные подлежат наказанию, как за подделку кредитных билетов.

4) В отношении порядка выпуска в обращение, государственные расчетные знаки приравниваются к государственным кредитным билетам и, вместе с ними, показываются на балансах Народного Банка.

5) Поврежденный расчетный знак не принимается в платежи, когда он не составляет трех четвертей целого знака или не распознаваем по внешнему виду.

6) Народному Комиссару по делам финансов предоставляется утвердить как образцы расчетных знаков рублевого, двухрублевого и трехрублевого достоинства, согласно упомянутому выше описанию, так и правила выпуска их в обращение.

Опубликован в № 10—11 Собр. Узак. (ст. 102) 1919 г. и в № 27 «Известий В. Ц. И. К.» от 6 февраля 1919 г.

III.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1919 г. о выпуске в обращение новых кредитных билетов образца 1918 года.

В целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующего по своей форме началам нового государственного строя России, а также для извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов, выпускавшихся в связи с недостатком кредитных билетов, Совет Народных Комиссаров постановляет выпустить в обращение кредитные билеты нового образца 1918 г. на следующих основаниях:

1) Новые кредитные билеты выпускаются достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1.000 рублей.

2) Означенные кредитные билеты имеют хождение по всей территории Р. С. Ф. С. Р. и являются обязательными к приему в платежи всеми казенными учреждениями и частными лицами на неограниченную сумму.

3) Все ныне обращающиеся денежные знаки сохраняют свою платежную силу и обязательны к приему всеми учреждениями и лицами наравне с кредитными билетами вновь выпускаемого образца. Народному Комиссару по делам финансов предоставляется назначать сроки и определять порядок из'ятия из обращения денежных знаков ныне действующих образцов.

4) Выпуск кредитных билетов образца 1918 г. начинается с 1 июня 1919 г. и производится через Народный Банк общеустановленным порядком.

5) Народному Банку вместе с тем предоставляется право выпуска кредитных билетов сверх установленной декретом от 26 октября 1918 г. (Собр. Узак. 1918 г., № 90, ст. 913) нормы в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках.

Распубликован в № 16 Собр. Узак. (ст. 179) 1919 г. и в № 105 «Известий В. Ц. И. К.» от 17 мая 1919 г.

IV.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 4 марта 1920 г. о денежных знаках.

В целях полнейшей замены обращающихся в стране денежных знаков различных образцов знаками, соответствующими по своему внешнему виду новым советским формам государственного строя России, Совет Народных Комиссаров постановил выпустить в обращение новые денежные знаки образца 1919 года на следующих основаниях:

1) Новые денежные знаки выпускаются достоинством в 100, 250, 500, 1.000, 5.000 и 10.000 рублей под названием: «Расчетные знаки Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

2) Новые расчетные знаки имеют повсеместное в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике хождение и обязательны к приему в платежи без ограничения суммы.

3) Денежные знаки старых образцов сохраняют платежную силу и имеют хождение наравне с вновь выпущенными расчетными знаками впредь до специального постановления Совета Народных Комиссаров.

4) Выпуск новых расчетных знаков производится через Центральное Бюджетно-Расчетное Управление на основаниях, установленных пунктом 5 декрета Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1919 г. «О выпуске в обращение кредитных билетов образца 1918 г.» (Собр. Узаконений и Распор. Рабоче-Крестьянского Правительства 1919 г. № 16, ст. 179).

5) За подделку означенных расчетных знаков виновные караются законом революционного времени.

6) Поврежденный расчетный знак не принимается в платеже, когда он не составляет трех четвертей целого знака, или когда на нем отсутствуют номер, литера или подписи. Разорванный расчетный знак не принимается в платеж, когда края оторванных частей не совпадают настолько, чтобы номер и подписи представлялись правильными или когда принадлежность их к одному знаку неочевидна.

Распубликован в № 51 «Известий В. Ц. И. К.» от 6 марта 1920 г.

Юридическая природа расчетного знака.

Доклад Л. А. Лунца, прочитанный 12 августа 1921 г.

Приведенный ниже доклад, читанный в Институте Экономических Исследований 12 августа 1921 г., пытается разрешить вопрос о том, могут ли «расчетные знаки» служить средством ликвидации иностранной задолженности, выраженной в российской валюте.

Утвердительное разрешение вопроса основывается на анализе юридической природы расчетного знака; этот анализ, в свою очередь, базируется: 1) на юридико-историческом обзоре законодательных актов по денежному обращению со времени приостановки размена кредитных билетов на золото (т. е. с июля 1914 г.) по июль 1921 г.; 2) на теоретических соображениях о юридическом существе денег.

Изложенная в докладе точка зрения в настоящее время может быть подтверждена ссылкою на судебную практику, а именно на решение Британского Высшего Суда (по Канцлерскому Отделению) от 4 ноября 1921 г. (The Times Law Reports Nov. 18.21 p. 65).

Истец—«Британский Акц. Банк для внешней торговли» в июне 1914 г. получил в заем у ответчика—«Русского Торгово-Промышленн. Банка» сумму в 750.000 российских рублей, в обеспечение коих приказал брюссельскому банку Crédit Anversois держать в распоряжении ответчика принадлежащие ему —истцу—разного рода ценные бумаги.

Вопрос о ликвидации займа возник лишь по окончании мировой войны, так как в течение этого времени заложенные ценные бумаги, находившиеся в оккупированном немцами Брюсселе, не могли быть возвращены истцу.

Поверенный ответчика утверждал, что долг может быть погашен лишь золотыми рублями. Суд, однако, признал возможным погасить долг бумажными рублями образца, имеющего хождение в России в момент постановления судебного решения: было, таким образом, признано, что «расчетный знак» может служить в Англии средством ликвидации старой рублевой задолженности.

Кое-что из доклада в настоящее время может быть показаться анахронизмом, гл. обр., § 5 — о циркуляторном применении расчетного знака в качестве орудия обмена и кредита. Думается, однако, что юридические вопросы, намеченные в этом параграфе, не лишены некоторого практического значения и в настоящее время.

I.

Выяснение юридической природы расчетного знака, несомненно, имеет как теоретический, так и практический интерес. Оно, как будет показано далее, обнаруживает, что «расчетный знак» есть денежный знак в подлинном смысле слова, юридически связанный со всем тем, что еще осталось от свободного товарообмена, т. е. связанный с остатками не огосударствленного хозяйства.

Практическое же значение выдвинутого вопроса выступает с наибольшею силою в области международных расчетов. Советское Правительство имеет заграницей кредиторов по государственным займам и частным сделкам, которые были заключены с иностранцами Царским и Временным Правительствами, либо частными предприятиями, ныне национализованными. В настоящее время в отношении Англии принципиально признана ответственность Российского Правительства по этим долговым обязательствам.

Многие из названных займов и сделок заключены в российской валюте. Могут ли они быть погашены платежем «расчетных знаков Р. С. Ф. С. Р.»? Вопрос заключается не в том, какая сумма расчетных знаков требуется для погашения старого денежного долга, выраженного в рублях—большая, чем номинальная сумма старого долга, или равная этой сумме. Нас интересует вопрос, могут ли вообще ныне выпускаемые деньги служить средством международных расчетов по сделкам, возникшим до октябрьского переворота? Для ответа на этот вопрос требуется исследование юридической природы расчетного знака.

II.

В чем заключается существо денег с юридической точки зрения?

Если принять шестичленную формулу Гельфериха, деньги исполняют в обороте функции: 1) средства обмена, 2) платежа по отсроченным обязательствам, 3) средства предоставления капитала, 4) единого мерила ценности, 5) средства перенесения ценности в пространстве (с место на место) и 6)—во времени (орудие накопления). Три последние функции денег могут быть охарактеризованы, как функции производные и второстепенные. Меновая ценность всякого предмета, в том числе и денег, есть результат состоявшегося обмена, а посему способность денег иметь ценность и служить мерилом ценности есть результат их способности быть средством обмена. Служить орудием перенесения ценности во времени и пространстве деньги могут лишь потому, что они являются средством обмена, платежа и предоставления капитала. Но из этих последних трех функций, которые взаимно обусловливают друг друга и посему могут быть названы основными, юридически первичною функциею денег является их способность быть **законным платежным средством**, орудием погашения отсроченных долгов. Функции денег, как средства обмена и предоставления капитала, носят преимущественно экономический характер; в обоих случаях дело идет о свободном соглашении сторон, по самой природе своей исключающем принудительную норму: нельзя говорить о законном средстве обмена или о законном средстве предоставления капитала, потому что закон не в состоянии предписать, что должно служить средством обмена, добровольно совершаемого.

Зато в отношении способности погашать отсроченные долги правовое регулирование не только **возможно**, оно прямо **необходимо**. Оно возможно, потому что здесь дело идет о принуждении должника к платежу и о принуждении верителя к принятию платежа в определенной форме. Оно необходимо, потому что с тех пор, как деньги перестали быть кусочками металла, взвешиваемого при производстве платежа, счетная денежная единица стала условной формой, которая может получить конкретное содержание лишь в порядке правового регулирования.

То, чему государство сообщает юридическое свойство законного платежного средства, становится за сим фактически средством

обмена и предоставления капитала, получает циркуляторное применение. Но как быть, если государство, создавая деньги, как средство погашения отсроченных долгов, препятствует засим их циркуляторному применению в качестве орудий обмена и предоставления капитала. Такое именно явление мы наблюдаем со времени октябрьского переворота: уничтожение кредитных учреждений, частной собственности на землю и на огромное большинство городских недвижимостей, постепенное огосударствление промышленных предприятий и замена торговли большинством предметов государственным их распределением—весь этот опыт последних лет приводит к заключению, что к двум названным функциям денег—орудие обмена и кредита—право может иметь отношение, но лишь с отрицательной стороны, поскольку оно в порядке правовых велений суживает товарный и денежный рынок.

Вот почему при анализе юридической природы расчетного знака необходимо не только рассмотреть его особенности, как законного платежного средства, но и задаться вопросом о том, в какой мере расчетный знак является орудием обмена и предоставления капитала, оставляет ли законодательство Советской России какое-либо, хотя бы и очень ограниченное, место для циркуляторного применения денег в области кредита и юридически свободного выбора хозяйственных благ.

III.

Юридические особенности расчетного знака выясняются из истории его образования, а эта последняя непосредственно примыкает, внутренне связана с историей государственного кредитного билета после начала мировой войны.

До начала войны валютарным денежным знаком был золотой рубль. Рядом с ним госуд. кр. билет, имевший хождение по всей Империи наравне с золотою монетою, был провизорным денежным знаком, так как Госуд. Банк разменивал г. к. билеты на золотую монету без ограничения суммы. Кред. билет был своего рода ценною бумагою, воплощавшей в себе требование его держателя к Госуд. Банку на определенную сумму золотых рублей, требование, которое было обеспечено всем достоянием государства, строгим соотношением размеров эмиссии к золотому запасу и соответствием выпусков настоятельным потребностям оборота.

(Свод. Законов т. XI ч. 2 раздел 3 изд. 1903, ст.ст. 1—4).

С началом мировой войны эмиссия становится средством финансирования государства. «Высочайше утвержденное положение Совета Министров» от 23 июля 1914 г. и закон от 27 того же месяца и года приостанавливают размен госуд. кр. билетов на золото (Собр. Узак. ст. 2063 и 2096), но приостанавливают его «временно», впредь до минования чрезвычайных обстоятельств, вызванных войною. Вместе с тем на 1.200.000.000 р. было увеличено эмиссионное право Гос. Банка, которое засим дополнительно расширялось три раза при Царском Правительстве и пять раз при Временном Правительстве.

(При Царск. Правительстве: 1) закон от 22 августа 1915 г.— Собр. Узак. ст.ст. 1796—7; 2) Полож. Совета Министров от 29 августа 1916 г.—С. У. ст. 1862; 3) то же от 27 декабря 1916 г.—С. У. ст. 2842. При Временном Правительстве: 1) указ. от 4 марта 1917 г.—С. У. ст. 349; 2) постановление от 15 мая— С. У. ст. 639; 3) то же от 11 июля—С. У. ст. 951; 4)—от 7 сентября—С. У. ст. 1537 и 5)—от 6 октября—С. У. ст. 1807).

Приостановка размена сделала г. к. билет валютарным денежным знаком, а временный характер этой приостановки дает основание утверждать, что притязание на размен было подвергнуто своего рода мораториуму.

Постановлениями от 26 апреля и 22 августа (С. У. ст.ст. 697 и 1564) Временное Правительство об'явило о выпуске в обращение новых г. к. билетов тысячерублевого и двухсотпятидесяти рублевого достоинств, а другим постановлением от 22 августа (С. У. 1505)—о выпуске в обращение в качестве временной меры, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, казначейских знаков 20 и 40 - рублевого достоинств, т. н. «керенок», на которых стоит остановиться подробнее, так как они являются прообразом расчетных знаков.

Керенки—это бумажные деньги в чистом виде. Нет обязательства размена, хотя бы подвергнутого мораториуму; отпадает, следовательно, вопрос обеспечения размена золотом и достоянием государства.

Нет контингентирования эмиссии. Если в отношении порядка выпуска в обращение казначейские знаки приравнены к г. к. билетам, если эмиссия совершается тем же Г. Банком, то он в данном случае действует, как технический аппарат Г. Казначейства: выпуск Банком казначейских знаков не может создавать никакого долга последнему со стороны

Г. Казначейства, а посему, между прочим, представляется совершенно неправильным распоряжение Правительства, чтобы казначейские знаки вместе с г. к. билетами показывались на балансах Г. Банка (ст. 3 пост. от 22 авг. С. У. 1505). Однако, керенки так же, как и г. к. билеты, были об'явлены обязательными к приему в платежи как в казну, так и между частными лицами на неограниченную сумму. Это, следовательно, валютарные бумажные деньги в чистом виде. И то обстоятельство, что здесь отпали все рассмотренные нами выше особенности к. билетов, не уменьшает их юридического значения, как денег, т. е. их значения законного платежного средства. Разменность действительная или временно приостановленная, обеспеченная депозитом бл. металлов, передача эмиссии Банку, как особому юридическому лицу с неприкосновенным имуществом—все это, по терминологии Кнаппа, лишь гило - и экзодромия—приемы финансовой политики, направленной к поддержанию цены золота и иностранной валюты на определенном уровне.

Существа денег в юридическом смысле это не затрагивает. Керенки—неразменное законное платежное средство на неограниченную сумму, и этого достаточно для того, чтобы их признать валютарными деньгами.

IV.

После октября 1917 г. продолжается выпуск г. к. билетов образцов Царского и Временного Правительств и казначейских знаков. Засим, декретом С. Н. К. от 16/II—1918 г. (С. У. 331) и постановлением Н. К. Ф. от 30/V—18 (С. У. 509) предписывается Г. Банку выпустить в обращение облигации займа свободы не свыше сторублевого достоинства, купоны госуд. %% бумаг сроком по 1/XII—17, серии Г. Казначейства всех достоинств и краткосрочн. обязательств Г. Казначейства сроком по 1/XI—19. Все эти ценные бумаги принимаются в платеж по номиналу.

Декретом С. Н. К. от 4/II—19 (С. У. ст. 102) предоставляется Нар. Банку выпускать в обращение «денежные знаки под названием расчетных знаков Р.С.Ф.С.Р. 1, 2 и 3-рублевого достоинства. Декретом от 15 мая 1919 г. (С. У. 179, 269) выпускаются новые кредитные билеты образца 1918 г. (в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1,000 р.), причем мотивом изменения образца служит то, что «существующий образец совершенно не соответствует по своей форме началам нового государственного строя России».

Однако, старые ден. знаки сохраняют свою платежную силу, причем Н.К.Ф. предоставляется назначить сроки и определять порядок из'ятия их из обращения. Такого из'ятия из обращения на самом деле до сих пор не было.

Декретом от 21/X—19 (С. У. 506) выпускаются расчетные знаки Р.С.Ф.С.Р. достоинством в 15. 30 и 60 рублей и кредитные билеты в 5.000 и 10.000 р.; декретом от 4 марта 1920 г. (ст. 89) расчетные знаки Р.С.Ф.С.Р. в 100, 250, 500, 1.000, 5.000 и 10.000 р., которые также преследуют цель «дальнейшей замены обращающихся в стране денежных знаков различных образцов знаками, соответствующими по своему виду новым советским формам государственного строя России». Наконец, еще три декрета: 1) от 25/XI—1920 г. (С. У. 496) о выпуске денежных знаков под названием расчетных знаков в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 р.; 2) о нов. денежн. знаках в 100, 200, 250, 500, 1.000, 5.000, 10.000 р. под названием расчетных знаков Р.С.Ф.С.Р.— декрет от 16/VI—1921 г. (Изв. В.Ц.И.К. №134), 3) декрет от 30 июля 1921 г. (Изв. В.Ц.И.К. от 2 августа № 168), коим постановлено «в целях облегчения торгового и промышл. оборота» выпустить в обращение новые денежн. знаки в 25.000, 50.000 и 100.000 рублей.

Меняется образец, меняется внешний вид знака,—увеличиваются купюры, но не меняется юридическая сущность: все перечисленные разнообразные знаки обладают законной платежной силой без ограничения суммы. Различие в названиях—расчетный знак или г. к. билет, как видно из приведенных в самих декретах мотивов, которые руководили заменою одних образцов другими, не имеет ровно никакого юридического значения.

Подобно керенкам Временного Правительства—вся эмиссия не контингентирована. Правда, декретом от 26/X—1918 г. (С. У. 913) было постановлено увеличить эмиссионное право Нарбанка на 33 миллиарда 500 миллионов руб., с отнесением в счет этой суммы всех к. билетов, выпущенных Банком сверх установленного предшествующими законодательными актами предела эмиссионного права, но этот весьма сомнительный в отношении своей точности способ контингентирования был впоследствии (декр. от 15/V—1919 г. (С. У. 179) *) заменен указанием на возможность вы-

*) То же указание на «действит. потребность в ден. знак. народного хозяйства Республики» содержится в помянутом выше декрете от 30 июля с. г.

пускать денежные знаки «в пределах действительной потребности народного хозяйства». Есть все основания полагать, что пределы эти диктовались исключительно работоспособностью печатного ставка Н.К.Ф.

Засим, все выпущенные, на основании перечисленых декретов, денежные знаки являются неразменными в собственном смысле. Прежде всего ни в одном из соотв. декретов нигде не говорится о размене, засим аннулирование государственных займов (декр. В.Ц.И.К. 21/I—18 — С. У. 353), старых обязательств государственных предприятий в отношении третьих лиц (4/IV—19 С. У. 108), претензий к государству, связанных с мировой войной (28/VII—19 С. У. 370), из'ятие из частн. собственности благородных металлов (декр. от 3/1—21 С. У. 37),—все это дает основание утверждать, что идея госуд. обязательства размена на золото совершенно не вяжется с правовым стилем эпохи: посему нельзя предполагать здесь подвергнутое мораториуму обязательство размена. Что касается кредитных билетов, выпущенных до октября 1917 г., то можно с уверенностью сказать, что Советское Правительство не считает себя ответственным за обещание Царского Правительства восстановить размен. Правда, в договорах с Латвией (ст. XVI), Польшей (ст. XIX), Литвой (ст. XII п. 2) и Эстонией (ст. XII п. 2), а также по договору с Финляндией (ст. 25) Советское Правительство признало, что Россия освобождает эти страны от ответственности по обязательствам, возникшим из выпуска денежных знаков, и что в долях, касающихся этих государств, соответственные претензии должны быть направлены против России. Но от этого далеко до признания принципа разменности старых билетов, разменности, хотя бы и приостановленной: права третьих лиц этим не устанавливаются.

При принципиальной неразменности выпускаемых денежных знаков и неконтингентированной эмиссии отпадает, разумеется, момент металлического обеспечения. Золото служит для других целей. Если на расчетных знаках написано — «обеспечивается всем достоянием Республики», то юридического значения это не имеет никакого.

Труднее решить вопрос о том, какое значение имел практиковавшийся до упразднения гос. кредитных учреждений порядок выпуска денежных знаков через посредство Нарбанка (напр., декрет 4/II и 15/V—1919 г.). Надо полагать, что это было простым распределением функций; то обстоятельство, что эмиссия, согласно названных декретов, отражалась на балансах Н. Банка, не создавало долга Банку со стороны Казначейства: при отсутствии финан-

-совой политики, направленной к регулированию курса рубля, при принципиальном отрицании такой политики, существование государственного эмиссионного банка, как самостоятельного юридического лица, не имело бы никакого смысла. Вопрос этот, впрочем, вовсе устраняется слиянием Н. Банка с Д. Г. Казначейства (декретом 4/V—19 г. «Эк. Жизнь» № 94), упразднением Н. Банка и передачею всего его актива и пассива Ц. Бюджетно-Расчетному Управлению (декр. 19/I—20 г. С. У. ст. 25), в состав которого, между прочим, включены «фабрики изготовления госуд. знаков» и которому надлежит «регулировать выпуск в обращение расчетных (денежных) знаков» (Приказ Н. К. Ф. от 20/I—20 г. № 6 Изв. Н. К. Ф. № 2 от 20 г.).

Таким образом, все денежные знаки, выпущенные советской властью, по своей юридической природе совершенно идентичны.

Отпали все нормы, вызванные стремлением регулировать денежное обращение. Осталась лишь законная платежная сила без ограничения суммы для всех образцов и купюр.

Это первое — при обычных обстоятельствах — единственное условие для того, чтобы признать пригодность денежного знака для международных расчетов; ибо **денежный знак приобретает и утрачивает качество законного платежного средства лишь в силу законодательства той страны, где он должен исполнять эту функцию.**

В этом «номиналисты» сошлись бы с «металлистами»—Кнапп и Гельферих с Савиньи и Беккером.

Различие их заключается в том, что первые считают закон единственным источником для определения также и степени платежной силы денег, тогда как последние полагают, что хотя качество законного платежного средства деньги получают от государства, но степень их платежной силы зависит от оборота. Весь спор заключается в том, определяется ли государством лишь Auszahlungsmodus—средство исполнения денежного обязательства—или также и Wertinhalt—ценностное его содержание.

Таким образом, и для «номиналиста» и для «металлиста» будет одинаково приемлемым, если мы скажем, что декрет о присвоении денежному знаку законной платежной силы без ограничения суммы обязателен и для заграничных кредиторов.

Вторым условием, как уже было отмечено в начале настоящего доклада, является юридическая возможность циркуляторного приме-

нения денег (в качестве орудия обмена и кредита). На этом втором условии необходимо теперь остановиться.

V.

Идеологи пролетарской диктатуры отмечают экономическую связь современного денежного обращения с остатками индивидуализма в народном хозяйстве. 7 ноября 1920 г. Ларин пишет в «Экономической Жизни» (№ 250): «Деньги, как единое мерило ценности, уже не существуют вовсе». Деньги, как средство обращения, могут быть упразднены уже в значительной степени. . . . .

Деньги, как средство платежа, окончат свое умирание, когда Советское государство разрешит задачу о натурализации своих отношений с крестьянством в области заготовки сельско-хозяйственных продуктов . . . . и когда фактически увеличение всяких пайков рабочим и служащим избавит их от необходимости бегать по Сухаревкам. Исходя из этих же предпосылок, Преображенский полемизирует с Лариным, упрекая его в «неосновательном оптимизме»: «ремесло, говорит он («Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» Госуд. Изд. 1920 г. стр. 82, примечание), не будет вытеснено в несколько лет социалистическою крупною промышленностью, а потому и торговля между кустарем и крестьянством будет существовать значительный промежуток времени».

Мысль о том, что деньги в социализованной части производства не только в будущем, но и в настоящем не должны играть никакой роли и что существуют они вообще лишь постольку, поскольку в народном хозяйстве сохраняется индивидуалистический момент, получила выражение в декретах.

В отношениях между советскими учреждениями и предприятиями намечались все время два направления законодательствования, которые взаимно дополняют и ограничивают друг друга: 1) регулирование расчетов между советскими учреждениями в связи с централизацией учреждений и проведением единства кассы, 2) государственное финансирование на сметных основаниях, которое отодвигает расчеты на второй план и приводит в значительной части к их упразднению.

Рядом декретов *) постановлено, что все денежные средства,

*) 2/v—18 г. С. У. ст. 460, 23/i—19 г. С. У. ст. 22, 15/vii—20 г. С. У. ст. 305.

находящиеся в заведывании и хранении советских учреждений и должностных лиц, должны вноситься в кассы Нар. Банка или Гос. Казначейства (позднее Ц. Б.-Р. У.). Расчеты совершаются бухгалтерским путем без участия денежных знаков посредством оборотных ассигновок—из кредита учреждения—потребителя в доход казны по соответствующему подразделению сметы учреждения—производителя. Параллельно с этим декрет о финансировании государственных предприятий (от 4/IV—19 г. С. У. 107) предписывает все денежные поступления вносить в доход казны, расходы же совершать исключительно по сметам, каковой порядок засим получил более точное определение в сметных правилах от 24/V—19 г. (С. У. ст. 318).

Все это лишний раз подчеркивает отсутствие у отдельных национализованных предприятий качества самостоятельных юридических лиц; момент расчетов утрачивает юридическое значение. Хотя цены отпускаемых предметов принципиально и должны исчисляться по себестоимости, но, в виду полной невозможности определить таковую, расчеты не могут отражать участия в общей производительности того или др. предприятия. Постепенно они начинают отменяться— в отношении телеграмм и проч. почтовых и телеграфных услуг, пользование телефоном, водопроводом, канализацией и проч., а главное топливом—11/X—20 г. (С. У. 422); 4/XII—20 г. (С. У. 505); 23/XII—20 г. (С. У. 539); 23/XII—20 г. (С. У. 1921 ст. 20); 27/I—20 г. (С. У. ст. 47).

Известно, что фактически денежные расчеты между учреждениями играли гораздо большую роль, нежели того желали декреты, но интересно отметить стремление изгнать деньги из сферы междуведомственных отношений.

Та же тенденция до последнего времени обнаруживалась и в области взаимоотношений учреждений с гражданами.

Сначала здесь господствовала система т. н. твердых цен, которые с усилением работы печатного станка утратили всякое реальное значение; ибо деньги в Советской России вовсе не служат чеками или талонами на получение распределяемых товаров и услуг; в противоположность легитимационным свидетельствам, расчетный знак не удостоверяет никакого права на получение товара: свобода выбора хозяйственных благ здесь носит чисто фактический характер и зависит от конкретной экономической обстановки.

Вот почему перечисленные выше декреты, которыми отменя-

лись некоторые междуведомственные расчеты, упраздняли также и платность государственных услуг.

В настоящее время вступают на путь восстановления платности этих услуг (см. декрет о железнодорожном сообщении Изв. В. Ц. И. К. от 14 июля 1921, № 152). Имеется ли в виду переход к эксплоатации на коммерческих основаниях, могут ли подобные меры служить делу оздоровления денежного обращения—об этом говорить здесь не место. Мы ограничиваемся юридической, т. е. преимущественно формальной, стороной вопроса. Для суждения о той роли, которую хотят дать деньгам в огосударствленной части народного хозяйства, этот декрет и последующие также не дают данных.

Посему мы в праве заключать, что до сих пор из этой огосударствленной сферы деньги и денежные расчеты последовательно и постепенно устранялись как во взаимоотношениях между учреждениями и ведомствами, так и в отношениях между государством и гражданами.

Но деньги все время играли роль в несоциализованной части мелкого производства и распределения и это не только фактически—поскольку существовала «Сухаревка» и существует «Трубная»—но и юридически. В деле борьбы с частной инициативой декреты действовали перечневым методом; — сначала социализация земли; засим национализация банков, муниципализация огромного большинства городских недвижимостей, запрещение сделок с теми, которые остались в частной собственности; огосударствление крупных предприятий, отдельные акты о национализации более мелких,—монополизация ряда продуктов, об'явление исключительных прав государственным достоянием—все это, силою вещей, не могло быть сделано сразу, растянулось на ряд лет: сфера легального обмена постепенно суживалась, суживалась очень сильно, но принципиально для т. н. «переходного периода» не отрицалась.

В свободном обмене принуждены были участвовать и советские учреждения и предприятия, которым разрешалось (декр. от 23/I—19 г. С. У. ст. 22) приобретать немонополизированные товары у частных поставщиков, если их нельзя было достать в соотв. распределителе, и только декретом от 15/VII—20 г. (С. У. 305) было запрещено сов. учреждениям приобретение предметов производства у частных производителей иначе, как по твердым ценам. Высшего пункта достигли ограничения частного рынка во второй половине 1920 г., когда советским учреждениям и предприятиям воспрещено было приглашать капиталистов, уполномоченных и подрядчиков

для производства каких-либо работ и заданий (28/xi—20 г. С. У. 21 г. ст. 29). В последнее время, в виду неуспехов социализованного производства, власть легализовала часть так называемой «спекулятивной» торговли, которая фактически никогда не умирала. Это началось с декрета от 28/iii с. г. (ст. 149 С. У.) о свободном обмене, покупке и продаже сельско-хозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку, и продолжалось декретом от 24/v—21 г. (Изв. В. Ц. И. К. № 116), который об'явил свободу продажи сельско-хозяйственных продуктов, а также изделий кустарной и мелкой промышленности, остающихся после натурналога *). Отношение законодательства к вольному рынку отражалось все время в декретах, непосредственно касавшихся вопроса о деньгах.

Во вторую половину 1920 года—в период, когда вольный рынок был обставлен наибольшими стеснениями, было запрещено частным лицам иметь наличные суммы, превышавшие двадцатикратную минимальную для данной местности тарифную ставку (декр. о рекв. и конф. от 20 июля 1920 г. Изв. В. Ц. И. К. 163). Декрет от 3/1—21 г. (С. У. ст. 37), отменяя это контингентирование, угрожает принудительным взносам на текущий счет тем, кто обладает значительными денежными суммами, внушающими подозрение в приобретении их спекулятивным путем—впредь до разрешения Народным Судом вопроса об их происхождении. Наконец, 30 июля с. г. С. Н. К. (Изв. В. Ц. И. К. № 145) отменяет всякое ограничение сумм имеющих хождение в Р. С. Ф. С. Р. денежных знаков, могущих находиться на руках у частных лиц и организаций.

Таким образом, не касаясь экономических и финансовых вопросов современного денежного обращения, можно сказать, что с юридической, в данном случае, впрочем, чисто формальной, стороны советские декреты не создавали ограничений, которые вовсе бы исключали применение российских денежных знаков в качестве орудия обмена и мелкого кредита. А это вместе с законной платежной силой этих знаков, о которой речь была выше, является вполне достаточным для признания их способности погашать заграничные денежные обязательства, заключенные в российской валюте.

---

*) Рядом последующих декретов т. н. «новый курс» получил еще большее выражение. В настоящее время С. Н. К. даже новую эмиссию—25.000—50.000 и 100.000 расчетн. знаков мотивирует интересами оборота. В соотв. декр. (от 30 июля с. г. см. выше) говорится: «В целях облегчения торгового и промышленного оборота выпустить в обращение ден. знак крупн. достоинств на след. основ.».

VI.

Попытаемся теперь суммировать кратко все, к чему пришли в результате исследования юридической природы расчетного знака.

Предпосылки.

Мы исходим из следующих предпосылок:

1. Юридически первичною функциею денег является их способность погашать отсроченные долги.

2. Регулирование эмиссии может осложнять конкретный денежный знак различными особенностями (разменность на золото, контингентирование выпусков и т. д.), но существом этого знака, с точки зрения права, все же остается присвоенная ему законная платежная сила.

3. К остальным функциям денег *) право может иметь отношение, но лишь отрицательной стороны, поскольку оно суживает сферу частно-правового обмена и кредита.

4. Если два первые положения относятся к давно уже признанным началам учения о деньгах, то третье положение выдвигается лишь историей денежного обращения после октября 1917 года и имеет большое практическое значение при обсуждении вопроса о юридической пригодности расчетного знака для ликвидации нашей заграничной задолженности.

Основные положения.

5. Все выпущенные советскою властью денежные знаки по своей юридической природе абсолютно тождественны: изменение названий («расчетный знак» вместо «государственный кредитный билет») не имеет ровно никакого юридического значения.

6. Денежный знак Советской России есть типичный образец бумажных денег; его главная особенность—по сравнению с до-октябрьским рублем—абсолютная неразменность, тогда как неразменность рубля эпохи мировой войны носила временный характер—требование размена было подвергнуто своего рода мораторию.

7. Обсуждаемый денежный знак постепенно утрачивает связь с национализованной частью народного хозяйства. Расчеты между национализованными предприятиями, по мере того, как последние утрачивают характер самостоятельных юридических лиц, теряют правовое значение, становятся лишь бухгалтерскими перечислениями, которые засим постепенно упраздняются; исключительное значение

*) Орудие обмена, кредита и т. д.

остается за сметным финансированием. Во взаимоотношениях между властью и гражданами до последнего времени намечалось стремление вовсе устранить денежные расчеты.

8. Денежные знаки Советской России теснейшим образом связаны с остатками частно-правового хозяйства. Сфера легального обмена постепенно ограничивалась — ограничивалась очень сильно, но не была совершенно уничтожена.

9. Денежные знаки Советской России могут быть употреблены в качестве средства погашения заграничных денежных обязательств, выраженных в российской валюте. Вопрос о том, какая сумма расчетных знаков требуется для погашения старого денежного долга, выраженного в рублях, должен служить предметом самостоятельного исследования.

Л. А. Лунц.

Задачи и перспективы ближайшего будущего в денежном обращении России.

Доклад В. Я. Железнова о деятельности Комиссии по денежному обращению, прочитанный 27 мая 1921 г.

Обозревая обширный материал, накопившийся в результате работ Комиссии к настоящему времени, я выбрал из него только то, что имеет наиболее существенное и принципиальное значение, не останавливаясь или ограничиваясь немногими беглыми указаниями по вопросам частного или случайного характера, служившими предметом суждений Комиссии. Комиссии приходилось давать заключения по некоторым текущим делам финансового управления, заслушивать разного рода информационные сообщения, уклоняясь временно от ее главной задачи—выяснение условий и перспектив упорядочения денежного обращения России, пришедшего в крайнее расстройство и расшатывающего все устои нашего народного хозяйства.

Однако, непосредственно перейти к этой задаче было невозможно, ибо весной прошлого года, когда Комиссия начала свою работу, обстановка для нее была совершенно исключительная. В влиятельных политических кругах обнаружившееся уже тогда крайнее расстройство нашего денежного обращения вызывало мысль и заботу не столько об упорядочения, сколько о полном упразднении денежного хозяйства, не соответствующего, по мнению названных кругов, новому экономическому строю России. Отсюда деятельность Комиссии должна была принять направление, не вполне обычное для подобного рода комиссий, и в ее программу были включены пункты, без обсуждения которых можно было бы обойтись при других условиях, но которые тогда необходимо было осветить возможно тщательнее и полнее,—главным образом, вопросы о деньгах в социалистическом

строе и об общих функциях денег при товарообмене. Позднее сюда присоединился еще специально вопрос о способах учета рентабельности хозяйственных предприятий, с точки зрения возможности и целесообразности замены денежного учета натуральным и трудовым.

Характеристике господствующих воззрений на деньги в правящих кругах Советской Республики был посвящен доклад Е. С. Лурье («Из истории идеологии и законодательства о денежном обращении Р. С. Ф. С. Р.» *). На основании обширного материала разного рода совещаний Е. С. Лурье показал, что поворот во взглядах и политике по денежному обращению начинает обозначаться лишь с осени 1918 года, до этого же времени власть или совершенно не вникала в этот вопрос, занятая другими неотложными делами (до начала 1918 года), или высказывалась за некоторые специальные меры, не затрагивавшие вопроса о деньгах по существу, а преследовавшия общие (политические) задачи того времени— борьбу с русской буржуазией. Таково было предложение В. И. Ленина в мае 1918 г. на Всеросс. с'езде представителей финотделов. В. И. Ленин проектировал обмен имеющихся у населения бумажных денег на бумажные же деньги нового образца до известной суммы полностью («рубль за рубль»), свыше же определенной нормы за меньшую сумму новых денег. Мере этой В. И. Ленин придавал чрезвычайно важное значение. «Это будет последний решительный бой с буржуазией, и это даст нам возможность платить временную дань иностранному капиталу, пока не пробьет час социальной революции на Западе,—и провести необходимые реформы в стране».

Мера эта, однако, не была осуществлена, как не осуществились и другие, предложенные около этого времени, проекты «бумажной девальвации», но не в силу каких-либо принципиальных изменений во взглядах на деньги, а под давлением текущих обстоятельств. Как было указано в прениях по докладу Е. С. Лурье, отказ от замены пензенскими деньгами николаевских и керенских бумажных денежных знаков был вызван просто увеличившеюся потребностью в денежных знаках с завоеванием Украины. Такая же судьба постигла и сравнительно недавний проект бумажной девальвации в начале 1920 года, потому что экспедиция заготовления государственных бумаг не могла поспеть за действительной потребностью в деньгах. Заготовленные деньги нового образца по необходимости были выпущены в обращение дополнительно, и девальвация не состоялась.

*) См. выше, стр. 469.

Это давление обстоятельств на политику денежного обращения наблюдалось и впоследствии, когда в правящих кругах начинают формироваться более определенные взгляды на судьбу денег в Советской Республике. Решительное вступление с середины 1918 года на путь национализации хозяйственных предприятий предопределило и поворот во взглядах на деньги. В связи с этим и политика нового Комиссара Финансов Н. Н. Крестинского в отличие от прежних колебаний характеризуется определенностью и последовательностью. В общем он пытался проводить положения, установленные влиятельными советскими организациями (резолюция Второго Всероссийского С'езда Советов Народного Хозяйства и в особенности § 15 программы Р. К. П., принятой 6 с'ездом партии 18—23 марта 1919 г.). В этой части программы Р. К. П. было уже прямо заявлено, что, «опираясь на национализацию банков, Р. К. П. стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих к уничтожению денег: обязательное держание денег в Народном Банке, введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами па право получения предметов потребления и т. п.». Практически эти пожелания были осуществлены лишь отчасти, главным образом преобразованием Народного (бывшего Государственного) Банка в Центральное Бюджетно-Расчетное Управление. По отношению же к самим деньгам принимается политика полного оппортунизма и беззаботности, выразившаяся уже в конце 1918 года (декрет от 26 октября) отказом от всякого рода законодательных ограничений эмиссионного права (Народному Банку было просто предоставлено право выпуска бумажных денег «в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках»). Власть пользуется деньгами, пока возможно и как возможно (хотя бы и вопреки собственным воззрениям, предположениям и даже декретам), и не опасалась грядущего краха их, который мог представиться даже желательным (что некоторыми и прямо высказывалось).

Тем не менее, краха денег окончательного и бесповоротного в смысле полного отказа населения от их приема не наступало, а новые выпуски, все усиливая падение ценности их, еще более расстраивали и без того пришедшее в упадок хозяйство Республики. Возникали вопросы: 1) действительно ли можно совсем обойтись без денег и в каком смысле надо решать денежный вопрос по отношению к социалистическому хозяйству? 2) Можно ли определять судьбу денег одинаково и применительно к социалистическому строю, мыслимому в

его чистом виде, и к переходному времени, где смешаны черты социализма и других хозяйственных укладов?

Ответы на эти вопросы были намечены Комиссией в суждениях о докладах З. С. Каценеленбаума («Проблема денег в социализме» *), В. Я. Железнова («Роль денег в товарообмене» **) и С. А. Фалькнера («Эмиссионное хозяйство, как экономическая категория» ***).

В своем обширном докладе, упомянутом выше, а также впоследствии, в докладе об обесценении денег, З. С. Каценеленбаум исходил из мысли, что в денежном вопросе не должно быть половинчатости решений. Можно ставить целью уничтожение денег, но тогда нужно стремиться к ней с неуклонной последовательностью, можно—наоборот—иметь в виду упорядочение денежного обращения, но и тогда необходимо быть не менее последовательным в этом противоположном стремлении. Что касается постановки вопроса о деньгах в социалистической литературе, то по отношению к нему развитие социалистической мысли идет в двух главных направлениях: одно—представляемое Прудоном, Овэном, Родбертусом—исходит из идеи о праве каждого на продукт своего труда, другое—коммунистическое, представляемое Марксом и Энгельсом,— из идеи общественной организации хозяйства. Первое направление считает деньги необходимым следствием трудораздельной организации хозяйства и при социалистическом строе. Каждый работает в меру своего труда. Разделение труда делает невозможным непосредственное присвоение каждым работником своего продукта. Он вынужден пускать его в обмен. Задача нормальной организации общества и заключается в обеспечении справедливого обмена. Обмен должен остаться, по мысли Родбертуса, и в социалистическом строе, но он должен давать возможность реализации ценности продукта, соответственной количеству проработанных нормально трудовых дней. Каждый имеет право на такую часть общественного продукта, какая соответствует его работе. Прилежный должен получить больше, чем ленивый, способный и талантливый больше, чем плохой работник. Это и достигается обменом на основе конституированной ценности (т. е. по современному «твердыми ценами») и «трудовыми деньгами».

Такое воззрение на деньги было решительно отвергаемо вторым направлением социалистической мысли, исходившим из понятия о такой организации хозяйства, при которой труд вообще обезличи-

*) См. выше, стр. 325—360.
**) См. выше, стр. 300—326.
***) См. выше, стр. 120—135.

вается, становится общественным в чистом виде. Все работают по мере своих сил и по мере пред'являемых к ним со стороны общества требований и все получают из общей выработки часть по мере своих потребностей («от каждого по его способностям, каждому по его потребностям»). Ни о каком «моем» и «твоем» труде в социалистическом обществе не должно быть речи, как не может быть речи и о каком-то «праве» на ту или иную долю продукта со стороны работника. Такой общественный идеал, по мнению З. С. Каценеленбаума, представляется наиболее последовательным и логически завершенным социалистическим идеалом. И раз он имеется в виду, логически обязательно исключить идею обмена. В социалистическом строе, конструируемом подобным образом, продукты должны распределяться не в порядке обмена, не в порядке возмещения и удовлетворения каких-то прав, а в порядке общественного распоряжения, считающегося с наличностью продуктов и степенью нужды того или иного индивидуума. Но устранение денег за их ненадобностью для обмена, ибо самый обмен упраздняется, еще не решает всего вопроса о деньгах. Есть одна чрезвычайно важная функция денег—функция измеримости ценности, которая не может отпасть и за превращением менового оборота. В области производства для нее трудно подыскать заместителя. В товарно-капиталистическом хозяйстве учет сравнительной выгодности как отдельных предприятий, так и групп их и даже целых районов и всего народного хозяйства в целом легко осуществляется при помощи денег, приводящих самые разнообразные товары к одному ценностному знаменателю. С уничтожением денег в социалистическом хозяйстве потребность в учете сравнительной выгодности ведения хозяйства остается. Натуральный учет не может заменить денежного, по крайней мере, для отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности и отдельных районов. Такой учет мыслим лишь там, где сырье совпадает с продуктом производства, т. е. на низких стадиях сельского хозяйства, там, где собирается тот же продукт, который затрачен на посев. Но и здесь на более высокой технической стадии производства, при применении машин и удобрений, непосредственное сравнение затраты выручки в натуре невозможно. По отношению всего хозяйства в его целом, по мнению З. С. Каценеленбаума, дело стоит благоприятнее. Можно составить инвентарь в продуктах всего национального капитала в начале и конце хозяйственного периода и на основании сопоставления этого инвентаря сказать, произошло ли увеличение или уменьшение национального

богатства. Однако, сложность современного производства ставит большие трудности на пути такого сравнения. Оно было легко в первобытном коммунистическом обществе, где капитал состоял из двух-трех предметов, овец, коз и колодцев, но этого нельзя сказать о современном хозяйстве с тысячами отдельных продуктов. В самом же лучшем случае натуральный учет результатов народного хозяйства в его целом не может дать указаний (а это самое главное) относительно пути правильного распределения труда и капитала.

Но так как без учета практически невозможно хозяйствовать, то З. С. Каценеленбаум находил, что социалистическое хозяйство неизбежно должно воспользоваться для этой цели методами трудового учета, как бы они не были несовершенны. Будучи негодным в роли регулятора обмена, «нормальный труд» Родбертуса может пригодиться в качестве хотя бы несовершенного средства для внутрихозяйственного учета. Как ни плоха эта единица измерения, она все же может дать хоть некоторую точку опоры для сравнения различных затрат и выручек и для суждения о результатах хозяйствования как в его целом, так и в отдельных его частях.

Однако, как бы ни решать вопрос о деньгах для социалистического строя, остается вопрос: как быть с деньгами в переходный период, когда путь к социализму не окончательно пройден? На это надо отвечать, по мнению З. С. Каценеленбаума, следующим образом: если переходный период пройден в большей своей части, тогда нет никакого резона восстанавливать сейчас валюту. Остаток пути можно кое-как пройти и без денег. Но если считать, что путь к социализму пройден лишь в меньшей части, а большая часть его впереди, тогда необходимо позаботиться о восстановлении валюты не только ради нужд и интересов мелкобуржуазных элементов и, главным образом, крестьянства в данный момент, но и с точки зрения задач социалистического строительства. Ибо, поскольку у нас сохранились буржуазные и мелкобуржуазные отношения, отсутствие валюты означает просто развал хозяйства, а развал не может служить благоприятной обстановкой для какого бы то ни было строительства, а тем более для переустройства всего хозяйства в его целом.

Комиссия, в своем суждении о докладе З. С. Каценеленбаума, в общем согласилась с его характеристикой главных течений социалистической мысли по вопросу о деньгах; вопрос же о том, насколько именно современное состояние России можно считать близким к полному осуществлению коммунизма, она оставила пока открытым до

подробного специального обсуждения его по заключении предварительной принципиальной части своей работы.

В общей же форме вопрос этот был еще раз поставлен пред Комиссией в моем докладе о роли денег в товарообмене. Из анализа функций, выполняемых деньгами в трудораздельном хозяйстве, я выводил заключение, что деньги вообще оказываются могущественным и незаменимым орудием рациональной постановки хозяйства, и что, поскольку такая постановка требуется обстоятельствами, без денег обойтись невозможно. Деньги были бы излишними при двух условиях: или при чрезвычайном изобилии продуктов, когда можно каждому черпать, сколько пожелает, из непрерывно пополняемого общего запаса; или при чрезвычайном под'еме морального чувства, с аскетическим уклоном его, когда потребности всех членов группы, спаянных таким образом одушевлением, сводятся к крайнему минимуму. Поскольку таких условий нет на-лицо, отказ от денег означал бы переход к иррациональному хозяйству при общей скудности удовлетворения потребностей. А это не могло бы не вызывать не только всеобщего недовольства, но и весьма тяжелых об'ективных бедствий. Даже в чисто-социалистическом обществе, где признавалась бы раздельность доходов и право свободного выбора реального состава дохода, деньги давали бы возможность гораздо полнее использовать годичную продукцию данного общества, ибо при свободном выборе продуктов по их ценности,—выборе в пределах ценностной величины получаемого дохода—каждый брал бы только то, что ему более настоятельно необходимо в данный момент. Распределение продуктов по средним количествам потребления на душу никак не могло бы учесть этого разнообразия настоятельности индивидуальных потребностей во времени и потому для общества, пользующегося натуральным способом распределения, предстояло бы или увеличивать общую сумму производимых продуктов без соответствующего увеличения удовлетворения, или при данной сумме продуктов произвольно урезывать потребности одних членов общества, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей других членов.

Трудности безденежного хозяйства усиливались бы невозможностью правильного учета его выгодности (что было уже отмечено выше). Отсутствие денег во всяком сложном народо-хозяйственном организме неминуемо приводило бы его к величайшей запутанности отношений, а самая путаница—к стремлению упростить дело, но не в смысле более рационального устроения его (что невозможно при таких условиях), а в смысле огрубения, опрощения, умаления

удовлетворения потребностей. Сведение народного хозяйства к немногим простейшим и необходимейшим отраслям, а каждой отрасли к производству элементарнейших предметов потребления, уменьшение разделения труда и раздробление общества на мелкие, примитивно оборудованные и ставящие себе примитивные задачи, хозяйственные единицы есть необходимое следствие безденежного или беспорядочного денежного хозяйства. Поэтому практически вопрос о переходном периоде к системе полного коммунизма в настоящее время вообще нельзя ставить без вопроса об упорядочении денежного обращения, ибо указанные выше предпосылки безденежного хозяйства могут быть мыслимы только как некоторый предельный пункт, как идеал, к которому действительность может приближаться лишь бесконечным рядом последовательных переходов.

Раз невозможно обойтись без денег, а в условиях военного и революционного времени приходится считаться с чрезмерно раздутым денежным обращением, то возникает вопрос, какое значение такое обращение может иметь для народного хозяйства, рассматриваемого во всей совокупности своеобразных условий его состояния и развития, созданных войной и революцией. Ответ на этот вопрос пытался дать С. А. Фалькнер в своем докладе «Эмиссионное хозяйство, как экономическая категория». С. А. Фалькнер, ставя своей задачей чисто-теоретическое освещение вопроса, находил, что, при всех недостатках непрерывно развивающейся эмиссии, она может быть доступна регулирующему воздействию государства в интересах всего народного хозяйства. Создаваемая в эпохи тяжелых финансовых затруднений эмиссионная система денежного обращения имеет в виду, прежде всего, удовлетворение финансовых потребностей государства. Систематическое расширение эмиссий приводит неизбежно и к систематическому понижению ценности денежной единицы. Темп этого понижения может быть, при нормальной хозяйственной продукции и нормальном товарном обращении страны, заранее определен с достаточной степенью достоверности, ибо он зависит, прежде всего, от соотношения между величиной уже обращающейся денежной массы и величиной денежного дефицита в расходном бюджете государства. Обесценение денег является при этом реакцией товарного оборота на принудительное внедрение в него новых денежных знаков и компенсацией этого процесса. Такая компенсация, по мнению С. А. Фалькнера, не только неизбежна в аспекте причинном, но и необходима в аспекте телеологическом, так как она является

методом поддержания нормальной работы народно-хозяйственного механизма. Обесценение валюты, с одной стороны, противодействует избыточному возрастанию покупательной силы некоторых групп населения, с другой—является орудием принудительного восстановления товарообмена, ибо нормальный товарообмен может протекать лишь на основе взаимного соответствия величины денежной массы и денежного вознаграждения товарной массы. Таким образом, обесценение бумажных денег является не только неизбежным условием, но и формой проявления основного процесса усвоения гражданским оборотом новой денежной массы и приспособления к ней. Такое приспособление С. А. Фалькнер усматривает в ценностном и циркуляторном усвоении новых денежных знаков. Мелкие купюры при растущем обесценении бумажных денег заменяются более крупными (первоначально простыми пачками мелких купюр), причем такая замена не содержит в себе ничего опасного, ибо является только сменой наименований, сменой начертаний цифр на бумажных бланках и сменой этих самых бланков. Эти формы приспособления менового хозяйства к эмиссионной политике государства составляют, по мнению С. А. Фалькнера, один из двух важнейших устоев, на которых зиждется столь странная, на первый взгляд, непоколебимость системы эмиссионного хозяйства в целом, несмотря на все предсказания о ее неизбежно близком крахе. Вторым устоем ее является та совершенно исключительная по своему потребность в орудиях обращения, которая характеризует собою меновой организм. История бесчисленных случаев искажения денежных систем не дает ни одного примера краха денежной системы, как таковой, из-за его внутреннего разложения. История знает лишь случаи замены одной денежной системы другой, вытеснения лучшей системы худшей и затем уже ликвидации этой последней за ненадобностью. Но поскольку худших денег заменить нечем,—при сколько-нибудь нормальной хозяйственной производительности, как условии функционирования того товарообмена, целям которого единственно и служат деньги,—при этих условиях никакая денежная система, в том числе и самая худшая—система эмиссионная—крушения потерпеть не может. Она может быть разрушена только извне, с разрушением всего хозяйства и всего товарообмена, но никакой тенденции внутреннего разложения в ней не заключается.

Обращаясь, после приведенных теоретических соображений, к вопросу о задачах денежной политики ближайшего будущего, С. А. Фалькнер находил, что, вообще, для стран, вынужденных мировой

войной ввести у себя эмиссионную систему, переход к стабилизации валюты, т. е. к полной денежной реформе, представляется мало вероятным, ибо он был бы мыслим только при значительном увеличении налогового бремени (что невозможно за отягощением плательщиков, созданным, отчасти, самой эмиссионной системой) или значительным сокращением расходов (что также неосуществимо в силу необходимости нести последствия истекшей войны). Можно думать, что континентальная Европа обречена на целый ряд лет продолжать пользоваться эмиссионным аппаратом для покрытия своих чрезвычайно значительных дефицитов. Таким образом, на ближайшее время задачи денежной политики не только в России, но и в значительной части Европы должны ограничиваться лишь возможным смягчением всех форм хозяйственной дезорганизации, являющихся неизбежными спутниками эмиссий, и максимального приспособления денежной и социальной техники эмиссий к потребностям товарного оборота и товарной производительности страны. Методы разрешения этих задач упираются, с одной стороны в меновые соотношения денежной и товарной массе и в государственную политику цен товаров и труда, с другой стороны—в формы непосредственного воздействия на самую денежную массу, находящуюся в обращении или внедряемую в него. С. А. Фалькнер не входил, однако, в подробности этих методов регулирования эмиссионного хозяйства, заслуживавших, по его мнению, особого рассмотрения (и особого доклада).

Положения, защищавшиеся С. А. Фалькнером, встретили возражения со стороны большинства членов Комиссии, находивших его взгляд на будущее эмиссионного хозяйства чрезмерно оптимистическим. В прениях было указано на постепенное отмирание различных функций бумажных денег в связи с растущим обесценением их, отмечалось, что такое отмирание, а также постоянное распатывание народного хозяйства последовательными эмиссиями должно в конце концов привести и к полному краху бумажных денег, хотя определенного срока здесь установить, конечно, невозможно. Что же касается замены бумажных денег другими орудиями обращения, то оно возможно и не в форме монеты, а каких-либо примитивных меновых орудий (например, соли). Прогноз С. А. Фалькнера о судьбах денег на Западе также не разделялся Комиссией в виду обнаружения уже в то время некоторых признаков, указывавших на распространение в руководящих кругах Запада иных воззрений на ближайшие задачи денежной политики. Наконец,

было выражено сомнение и в возможности смягчения зол, причиняемых непрерывной эмиссией, посредством регулирующей политики государства. Но так как С. А. Фалькнер не развил подробно своих взглядов по этому вопросу, то Комиссия ограничилась пока просьбой представить по нем специальный дополнительный доклад.

Несмотря на скудность фактических материалов, имевшихся в распоряжении Комиссии, была сделана попытка осветить, насколько возможно, современное положение денежного обращения на Западе и в России, чему был посвящен ряд докладов (М. И. Фридмана—«Русские бумажные деньги заграницей», С. А. Первушина—«Обесценение рубля на внутреннем рынке», С. А. Фалькнера—по тому же вопросу, Н. С. Герасимчука—«Русский бюджет на 1920 г.», С. В. Воронина—«О внешнем курсе рубля в последние годы», его же—«Современное положение английского денежного обращения» и «Постановления брюссельской финансовой конференции», Я. Н. Любимова—«Торговый баланс Франции за последние годы»).

Названными сообщениями было установлено, что обесценение русского рубля на внутреннем рынке достигло размеров чрезвычайных, что существующие различные расценки разных сортов русских денег имеют за собою причины, не подлежащие воздействию эмиссионной политики государства, что международные расценки русского рубля лишены сколько-нибудь достаточного и широкого фундамента, что денежное расстройство на Западе также весьма значительно и далеко не изжито до последнего времени, но что там принимаются меры и намечаются пути к возможно скорому урегулированию денежного обращения. По последнему вопросу наибольший интерес представлял доклад С. В. Воронина о международной брюссельской конференции по финансовым вопросам. Состав конференции не вполне отвечал обычным совещаниям подобного рода, потому что преобладающее число ее участников были представители банкового капитала, т. е. руководящие лица отчасти эмиссионных, отчасти крупных коммерческих банков. Однако, связанность участников конференции с правящими группами государственной власти показывает, как справедливо отметил С. В. Воронин, что поскольку эти группы удержат в руках кормило власти, постольку постановления конференции будут в ближайшие годы основными принципами финансовой политики, по крайней мере, для тех государств, для которых они не являются неисполнимыми по их экономическому положению.

Каковы же эти принципы? С. В. Воронин характеризует их вкратце как возврат к основам либеральной экономической политики первой половины XIX века. В частности, для урегулирования денежного обращения конференция рекомендовала: прекращение дальнейшего развития инфляции (уменьшение государственных расходов, увеличение производительности), освобождение банков, в особенности эмиссионных, от всякого давления со стороны государства в целях устранения возможности кредитной инфляции, отказ от принципа проведения каких-либо различий между иностранными и туземными держателями денежных знаков или кредиторами банков, признание бесполезными и даже вредными притязания ограничить валютные колебания путем искусственного контроля кредитных операций, освобождение торговли от контроля и, в частности, международной торговли от всякого рода стеснений, консолидацию или уплату краткосрочных долгов, предоставление кредита до восстановления возможности нормального контроля над денежным рынком путем дисконтного процента лишь для реальных экономических целей и — как конечную цель мероприятий по урегулированию денежного обращения — возвращение к золотому монометаллизму.

Приведенные, а также и многие другие положения брюссельской конференции показывают, что в денежном вопросе в современном культурном мире восторжествовала консервативная точка зрения на задачи государственной политики, и что восстановление обстановки до-военного времени признается как непременная цель, к которой по возможности и с необходимой осторожностью и следует стремиться.

России нельзя было бы не считаться с складывающимся таким образом международным положением денежного обращения, даже если бы захват обобществленного хозяйства был в ней весьма широк и переходный процесс в направлении к полному осуществлению социализма совершался бы весьма быстрым темпом. Но после недавних декретов о свободе внутреннего товарообмена, открывающих широко двери индивидуальному хозяйству, и принятого Советской властью перед тем решения о концессиях вопрос об упорядочении нашего денежного обращения стал на очередь с наибольшей до того времени остротой. Отсюда и в работу Комиссии по денежному обращению должны были войти, как первоочередные задачи, выяснение целей и отыскание путей и средств проведения денежной реформы. Но еще ранее, не ставя этого вопроса во всей

широте, пока самый принцип необходимости денежного обращения еще подвергался оспариванию, Комиссия не считала возможным обойти его и рассмотрела несколько относящихся к нему частных вопросов. Наибольший интерес был вызван докладом Н. Н. Кутлера «О налогах в связи с реформою денежного обращения».

Н. Н. Кутлер исходил в своем докладе из мысли, что одним из необходимых условий восстановления правильного денежного обращения является бюджетное равновесие, т. е. соответствие между доходами и расходами государства, для достижения же бюджетного равновесия требуются двоякого рода меры: одни должны быть направлены к сокращению расходов, другие—к увеличению доходов государства. На последних Н. Н. Кутлер и останавливался в своем докладе. На основании обзора налоговых изменений, осуществленных Советским правительством, Н. Н. Кутлер делал вывод, что согласования налоговой системы с новым строем экономических отношений до сего времени не произошло и что дело налогового строительства является почти целиком задачею будущего. Так, повидимому, понимала положение в то время и Советская власть, ставившая Комиссариату Финансов задачу разработки положения об едином подоходно-поимущественном налоге, имеющем заменить существующие ныне налоги. Современное налоговое дело в России, указывал Н. Н. Кутлер, находится в таком расстройстве, что, пока против этого не будут приняты меры, ни о каком упорядочении денежного обращения не может быть речи.

Но как упорядочить налоговую систему в современных условиях? Для этого необходимо, по мнению Н. Н. Кутлера, тщательно выяснить, какие источники доходов сохранились в современном строе, насколько эти источники допускают прямое обложение и возможно ли и в каких формах обложение косвенное. При этом необходимо заранее установить, что дело идет не о каком-либо усовершенствовании налоговой системы, а только об увеличении ее продуктивности. Вопросы о справедливости и уравнительности обложения должны быть, по необходимости, отодвинуты на второй план и приниматься в соображение лишь постольку, поскольку это возможно без ущерба для продуктивности налогов. Равным образом надо отказаться от мечты достигнуть серьезных результатов без установления обложения высокого и тяжелого. Финансовое положение государства исключительно тяжело и требует крайнего напряжения платежных сил населения.

Главнейшим источником прямого обложения, по мнению Н. Н. Кутлера, должна быть земля, которая—в отличие от других категорий имуществ—не утратила своей доходности, а, напротив, приобрела исключительно высокую доходность. В виду об'явления земли государственным достоянием, земельный налог возможно установить по типу существовавшей ранее оброчной подати с привлечением к обложению всех или почти всех земель сельско-хозяйственного пользования, ибо только при этом условии налог может быть достаточно продуктивным. Неуравнительность оброчной подати будет корректироваться подоходным обложением. Сам по себе подоходный налог с сельских обывателей не может дать очень значительных финансовых результатов. Но при установлении оброчной подати, захватывающей всю или почти всю массу земледельческого населения, недостаточный доход казны от обложения состоятельных элементов этого населения будет восполняться сбором с освобожденных или льготных обывателей, сбором более умеренным и по размерам, но дающим крупные результаты вследствие привлечения к нему больших масс. И в этом смысле оброчная подать будет корректировать подоходный налог. При возможности брать довольно крупные суммы с десятины земли, оброчная подать давала бы весьма значительный доход государству. Еще важнее было бы бюджетное значение оброчной подати после реформы денежного обращения, когда она явилась бы весьма существенным фактором для достижения бюджетного равновесия. Н. Н. Кутлер полагает, что обложение оброчной податью даже тогда было бы допустимо в размере, несколько раз превышающем оклады бывших выкупных платежей. Это будет возможно вследствие того, что доходность сельского хозяйства чрезвычайно возросла и по условиям мирового рынка должна, повидимому, надолго сохраниться на высоком уровне; высокая ценность продуктов сельского хозяйства сделает легкою уплату рублей с земель, которые при низкой доходности сельского хозяйства с трудом выносили обложение в копейках.

Сравнительно с землей все другие источники прямого обложения имеют второстепенное значение или совершенно отпали, как, например, крупная торговля и промышленность, городские недвижимости, денежные капиталы. Для обложения мелкой промышленности и торговли Н. Н. Кутлер рекомендовал патентный сбор, который при достаточной правовой гарантии для владельцев патентов мог бы дать довольно крупный доход. Подоходный налог мог бы дать зна-

чительный доход казне только в части, затрагивающей доходы от сельского хозяйства и сельских промыслов.

Что касается косвенного обложения, то при существующих условиях оно возможно в виду известных надбавок к себестоимости на распределяемые населению продукты национализированной промышленности—принцип, непризнание которого является одной из причин дефицитности этой промышленности. Для общей борьбы с отмеченной дефицитностью требуются как экономические меры (повышение продуктивности работы государственных предприятий), так и финансовые. Государство может отказываться от дохода от предприятий, удовлетворяющих исключительно важные нужды населения, или когда население не имеет средств для оплаты предметов снабжения, отпускаемых ему государством, выше их себестоимости. Но для достижения равновесия между доходами и расходами казны следовало бы установить, чтобы производственные и распределительные функции государства, по крайней мере, окупались бы платою, взимаемою с населения, не были бы убыточными. Уже одно соблюдение этого требования способно было бы заметно сократить дефицит. Это условие необходимо для того, чтобы обложение потребления в форме твердых цен, превышающих издержки государства, не было бы уже слишком велико там, где оно будет допущено. При всей настоятельности установления подобного рода сборов, введение их зависело бы от признания властью исключительной тяжести современного финансового положения России, ибо повышение твердых цен для извлечения дохода от государственного производства по существу явилось бы равносильным распространению акцизных сборов старого режима на огромное количество товаров, потребляемых широкими массами населения, иначе говоря, оно явилось бы установлением самого тяжелого обложения народного потребления, обложения, всегда вызывавшего протесты прогрессивной части общества, а, следовательно, могло бы оказаться для власти неприемлемым в силу политических соображений.

В результате продолжительных прений по докладу Н. Н. Кутлера, Комиссией была принята следующая резолюция:

«Комиссия, заслушав доклад Н. Н. Кутлера и возражения оппонентов, признает, что установление прямых и косвенных налогов в денежной форме является одним из необходимых мероприятий, имеющих целью урегулирование денежного обращения. Вместе с тем, она полагает, что поднятие производительности народного хозяйства в целом, с одной стороны, и расширение круга платель-

щиков, с единовременным, весьма значительным, увеличением налоговой тяготы в денежной форме,—с другой, являются необходимыми условиями успешности в этой области. В частности, по вопросу о форме поземельного обложения, предлагаемой Н. Н. Кутлером, Комиссия полагает, что она может быть рекомендована как добавление к проектируемому Центральным Налоговым Управлением подоходно-поимущественному налогу».

Дополнением к докладу Н. Н. Кутлера был доклад Е. С. Лурье «Проект обложения членов потребительских обществ», в котором предлагалось обложить всех членов потребительских обществ налогом в размере одной тысячи рублей в год, что могло бы дать государству около 50 миллиардов рублей ежегодно. В виду незначительного бюджетного значения проектируемого налога и вызываемых—при условиях существования потребительских обществ в то время—сомнений в его продуктивности, Комиссия воздержалась от окончательного суждения о нем, прося Е. С. Лурье представить более подробную разработку предложенного им проекта. В настоящее время такая разработка имела бы более актуальное значение, ибо изменение политики по отношению к кооперации могло бы при последовательно проводимом более благоприятном, чем раньше, взгляде на нее, могло бы устранить некоторые из сомнений, какие вызывались прежним положением кооперации.

Декреты о продналоге и свободном товарообмене вызвали отклик в докладе З. С. Каценеленбаума «Задачи Р. С. Ф. С. Р. в области денежного обращения» и в суждениях Комиссии по этому докладу. З. С. Каценеленбаум указывал, что, из признания властью мелко-буржуазных (крестьянских и ремесленных) хозяйств необходимой для настоящего момента составной частью нашего народного хозяйства вытекает признание ею необходимости в настоящий момент денег, так как без денег, как всеобщего товара, как орудия обмена и измерения ценности, мелкобуржуазные хозяйства существовать не могут. Возражение, что при деньгах открывается широкий путь к преобразованию всего народного хозяйства в крупно-капиталистическое, не представляется существенным. С одной стороны, крупно-капиталистическое хозяйство может существовать и при отсутствии денег, а с другой—деньги существуют и при мелкобуржуазном хозяйстве. Поскольку мы признаем, что мы вступаем в полосу мелкобуржуазного хозяйства, постольку нам необходимо поставить это хозяйство на наиболее рациональных началах. А это требует перехода от натуральной формы хозяйства к денежной. Если

мы ставим себе задачей поддержание мелкобуржуазных хозяйств, хозяйства крестьянина и кустаря, если мы ставим себе задачей не дать вырасти рядом с ними скупщику и капиталисту, то мы должны вооружить их всеми наилучшими приемами хозяйствования. Деньги и являются таким приемом. Регулирование денежной системы в настоящих условиях должно явиться скорее средством для борьбы против восстановления крупно-капиталистического хозяйства, нежели стимулом к такому восстановлению. Кроме того, если бы власть даже и отказалась от введения рациональных денег, некоторые формы денег возникали бы стихийно в самом обороте. Мы были уже свидетелями постепенного нарастания процесса превращения соли в деньги в течение 1919—1920 гг. Процесс этот задержался в связи с общим сокращением оборота. И теперь, когда товарный оборот получает широкое развитие, при естественном ходе вещей, соль очень скоро может стать общераспространенным видом денег, что, очевидно, создавало бы величайшие неудобства как для самого товарного оборота, так и для ведения государственного хозяйства.

Проникновение в Россию иностранных денег, возможное в связи с развитием концессий, как в виде металлических денег, так и в виде банковых билетов (быть может, специально создаваемых для оборота с Россией), по мнению З. С. Каценеленбаума, было бы нежелательно в широких размерах, ибо это давало бы возможность иностранному государству в обмен на свои бумажки выкачивать из России реальные ценности. В основу мероприятий по регулированию валюты, по мнению З. С. Каценеленбаума, должны быть положены следующие общие принципы:

1) Регулирование валюты должно идти в сторону создания новых денег, а не исправляя нынешних, до такой степени обесцененных и скомпрометированных, что не может быть речи даже о какой-либо «приличной» девальвации. При этом новый денежный знак должен быть такой, чтобы ценность денежной единицы соответствовала приблизительно ценности одного пуда ржи или пшеницы.

2) Новая денежная система должна быть связана с металлом, предпочтительно с золотом.

3) Выпуск металла в обращение в настоящее время представляется нецелесообразным.

4) Одновременно с введением новых денег должны быть установлены денежные налоги, взнос которых обязателен в этих деньгах.

Эти положения Комиссия не имела возможности обсудить с необходимою подробностью и не приняла по ним определенных заключений.

Наконец, Комиссией был рассмотрен ряд докладов по вопросу о замене денежного учета натуральным, в связи с предположенными соответственными декретами. При обсуждении выработанных практических предположений выяснилось, что такая замена прежних форм учета не предполагает упразднения денег в других их функциях, в частности в функции циркуляторной, и что поэтому и нет надобности связывать ее с вопросом о судьбе денег вообще.

Подводя итог работам Комиссии в области вопроса об упорядочении денежного обращения, я полагал бы возможным установить следующие положения:

1) Политика Советской власти по отношению к деньгам, вдохновлявшаяся некоторое время идеей упразднения денег, практически имела всегда оппортунистический характер; в настоящее же время, с новыми декретами о свободном товарообмене, она резко повернула в сторону признания необходимости денег для имеющего развиться товарного оборота.

2) В виду этого вопрос о том, соответствуют ли деньги духу социалистического строя, сам по себе весьма спорный, утрачивает на ближайшее время практическое значение.

3) На первое место выдвигается вопрос о мерах к упорядочению денежного обращения России, пришедшего в крайнее расстройство и расшатывающего все устои народного хозяйства.

4) При суждении о возможных и практически целесообразных мерах к устранению столь ненормального положения необходимо иметь в виду следующие свойства бумажно-денежного обращения, с особенной резкостью проявившиеся в России с ее колоссально раздутой эмиссией:

а) По мере новых выпусков бумажных денег с известного момента ценность их начинает понижаться более ускоренным темпом, сравнительно с возрастанием их количества: с одной стороны, цены растут в силу прогрессирующего товарного оскудения; с другой стороны, владельцы товаров производят как бы учет будущего роста эмиссии и дальнейшего падения ценности денег, и потому весь товарный оборот проникается необходимо духом спекуляции на понижение курса денежной единицы.

б) Отсюда повышение денежных ставок оплаты труда, даже вполне приноровленное к размеру новых эмиссий, безнадежно отстает

от растущего повышения товарных цен и является по существу безрезультатным, ибо реальное значение доходов сводится постепенно к крайнему минимуму.

в) Несмотря на такой процесс убывания реальных доходов широких масс трудящегося населения и многие неудобства чрезвычайно упавших в цене денежных знаков, полного отказа от их приема не наблюдается в течение неопределенно долгого времени. Отмирание отдельных функций денег происходит частично, и потому можно считаться с фактом существования обесцененных бумажных денег в течение весьма продолжительного периода. Отсюда целью денежной реформы необходимо ставить не нулификацию бумажных денег (или расчет на нулификацию), а девальвацию.

г) Уменьшение ценности бумажных денег непропорционально увеличению их количества создает ощущение недостатка в деньгах и требование на усиленное снабжение оборота новыми денежными знаками, превышающее размеры хотя бы непрерывно развивающейся эмиссии. Однако, ответ на эти требования выпуском соответствующего количества бумажек не может помочь делу, так как ценность денег неминуемо должна упасть еще ниже. Введение же в оборот новых орудий обращения (металлической монеты, некоторых ходких товаров, особых знаков для ограниченного специального оборота) или замена денежных выдач и закупок натуральными выдачами и натуральной меной может удовлетворять этой растущей потребности общества в добавочных орудиях обращения или исключать ее.

5) Отсюда задачи денежной реформы в России, поскольку о них можно говорить в настоящее время, сводились бы к следующему:

а) Власть должна принять определенное и твердое решение заняться упорядочением денежного обращения, считаясь с существующими обстоятельствами, но никогда не упуская из вида намеченной цели.

б) Цель эта может быть достигнута только систематическим и последовательным проведением целого ряда весьма сложных мероприятий.

в) При выработке и проведении в жизнь такого рода мер необходимо считаться с фактом продолжительного существования расстроенного денежного обращения и приспособления к нему народного хозяйства и деятельности государственной власти, почему установление необходимых нововведений должно совершаться с

величайшей осторожностью, избегая резкой ломки без крайней нужды.

г) В первую очередь должны быть поставлены меры к улучшению государственного (и коммунального) хозяйства и повышению производительности всего народного хозяйства (сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли).

д) Целью улучшений в государственном хозяйстве должно быть достижение бюджетного равновесия, т. е. сокращение всех, не вызываемых крайней необходимостью, государственных расходов и возможное увеличение доходов. Поэтому необходимо отказаться от принятого принципа бесплатного или убыточного для государства пользования услугами государственных предприятий и учреждений и тщательного соображения проектов развития государственной деятельности (или государственного воспособления) с имеющимися средствами.

е) В области государственных доходов необходимо признать — как основной принцип финансовой политики переживаемого времени — восстановление налоговой системы, приспособленной к современным условиям народного хозяйства России с постепенным переходом к денежной форме налогов.

ж) А так как народное хозяйство России находится в состоянии оскудения и широко проведенной нивеллировки доходов, то принципы финансового хозяйства более богатых и располагающих более дифференцированными доходами стран оказываются к нам совершенно неприложимыми.

з) Отсюда вытекает, как необходимое следствие, что налоги должны использовать все имеющиеся источники, что они должны приближаться по своему типу к поголовному обложению и что они должны быть высоки сравнительно с доходами населения, т. е. должны быть тяжелы.

и) Для возможного смягчения этой тяжести и для целей общего хозяйственного возрождения России должно озаботиться скорейшим принятием необходимых мероприятий к повышению производительности как государственных (национализированных), так и частных предприятий, в частности — созданием соответствующих стимулов и прочным установлением гражданского правопорядка в кругу признанных декретами власти хозяйственных взаимоотношений населения.

к) По мере упорядочения финансовой системы и достижения бюджетного равновесия установить момент полной приостановки новых выпусков бумажных денег.

л) Переход к металлическому обращению должен быть установлен лишь при достигнутой уже возможности размена кредитных билетов на металл в натуре, а не просто с образованием (хотя бы крупного) разменного фонда.

м) Основным металлом в преобразованной денежной системе должно быть принято золото (золотой монометаллизм), но допустимо и серебро в качестве вспомогательных орудий обращения.

н) Создаваемая на такой металлической основе денежная система должна быть связана с восстановлением кредитного аппарата, с центральным эмиссионным банком и сетью кредитных учреждений, допускающей в широком об'еме безденежные расчеты.

о) Проведение денежной реформы, затрудняемое, с одной стороны, крайне тяжелым состоянием народного хозяйства России, с другой стороны, до известной степени и облегчается нашим современным оскудением, ибо потребность в денежных знаках при незначительности товарного оборота должна быть невелика, а, следовательно, для восстановления правильного денежного обращения было бы достаточно небольшого сравнительно металлического фонда. В виду этого желательна возможная осторожность в расходовании оставшегося от старого режима золотого запаса.

6) Исходя из вышеприведенных принципиальных соображений, представлялось бы желательным в дальнейшей работе Комиссии остановиться на детальном исследовании отдельных вопросов, связанных с условиями проведения в жизнь намеченных финансовых преобразований, и прежде всего:

а) установить с возможной подробностью современное положение денежного обращения в России;

б) выяснить возможность и наиболее целесообразную форму исчисления чисел-показателей (index-numbers) для определения движения ценности рубля на внутреннем рынке;

в) выяснить, какое значение могло бы иметь появление в обороте на-ряду с существующими бумажными деньгами, в качестве дополнения к ним, других видов денег, а именно—иностранных, собственных металлических монет и денежных знаков разного рода организаций, пользующихся доверием в ограниченных кругах хозяйственных взаимоотношений.

В. Я. Железнов.

Урегулирование денежного обращения России.

Заключение Института Экономических Исследований.

(Принято в соединенном заседании секций финансовой и по денежному обращению и кредиту 12 июня 1921 года).

I. Единогласно постановлено:

Конечной задачей денежной реформы должно быть восстановление металлического обращения на золотой основе. Проведение этой денежной реформы до известной степени облегчается нашим современным оскудением, ибо потребность в денежных знаках при незначительности товарного оборота должна быть невелика, а, следовательно, для восстановления правильного денежного обращения было бы достаточно небольшого, сравнительно, металлического фонда; в виду этого желательна крайняя осторожность в расходовании оставшегося от старого режима золотого запаса и принятия мер к возможному его увеличению.

II. По вопросу о методах осуществления означенной конечной задачи присутствующими были высказаны два мнения, не вполне совпадающие в частностях, но об'единенные общностью конечной цели.

Н. Н. Кутлер и часть членов полагали:

1) денежная реформа должна быть осуществлена в возможно краткий срок и состоять в единовременной и бесповоротной замене неразменных бумажных денег звонкою монетою с прекращением дальнейшей эмиссии неразменных бумажных денег;

2) выпущенные до реформы бумажные деньги могут быть на сравнительно короткий срок (2—3 года) оставлены в обращении на-ряду со звонкою монетою по установленному курсу (примерно, 10.000 руб. бумажных за 1 зол. рубль);

3) опасение за исчезновение звонкой монеты из обращения не должно служить поводом к отсрочке реформы, без которой не-

возможны ни оздоровление финансового хозяйства, ни правильный товарообмен;

4) необходимо широкое согласование ввоза иностранных товаров с вывозом товаров из России и деятельные меры к увеличению на рынке количества товаров и к поощрению товарообмена.

В. Я. Железнов и другая часть членов полагали:

1) власть должна принять определенное и твердое решение заняться упорядочением денежного обращения, считаясь с существующими обстоятельствами, но никогда не упуская из вида намеченной цели;

2) цель эта может быть достигнута только систематическим и последовательным проведением целого ряда весьма сложных мероприятий;

3) при выработке и проведении в жизнь такого ряда мер необходимо считаться с фактом продолжительного существования расстроенного денежного обращения и приспособления к нему народного хозяйства и деятельности государственной власти, почему установление необходимых нововведений должно совершаться с величайшей осторожностью, избегая резкой ломки без крайней нужды;

4) в ближайшее время должны быть поставлены меры к улучшению государственного (и коммунального) хозяйства и повышению производительности всего народного хозяйства (сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли);

5) по мере упорядочения финансовой системы необходимо приступить к постепенному уменьшению эмиссии с тем, чтобы подготовить полную приостановку новых выпусков бумажных денег.

III. Вместе с тем единогласно признано: целью улучшений в государственном хозяйстве должно быть достижение бюджетного равновесия, (т. е. сокращение не вызываемых крайней необходимостью государственных расходов и возможное увеличение доходов. Поэтому необходимо отказаться от принятого принципа бесплатного или убыточного для государства пользования услугами государственных предприятий и учреждений и тщательного соображения проектов развития государственной деятельности (или государственного воспособления) с имеющимися средствами. Необходимо приступить к устранению из сферы госуд. деятельности предприятий убыточных, поскольку их функционирование не вызывается государственной необходимостью.

В области государственных доходов необходимо признать, как основной принцип финансовой политики переживаемого времени, восстановление налоговой системы, приспособленной к современным условиям народного хозяйства России с постепенной заменой натуральных налогов денежными. При этом нам необходимо придерживаться упрощенных приемов обложения, так как народное хозяйство России находится в состоянии чрезвычайного оскудения и широко проведенной нивеллировки доходов.

Отсюда вытекает, как необходимое следствие, что налоги должны использовать все имеющиеся источники как прямого, так и косвенного обложения, и что они должны быть высоки сравнительно с доходами населения, т. е. должны быть тяжелы.

Для возможного смягчения этой тяжести и для целей общего хозяйственного возрождения России должно озаботиться скорейшим принятием необходимых мероприятий к повышению производительности как государственных (национализированных), так и частных предприятий.

Создаваемая на металлической основе денежная система должна быть связана с восстановлением кредитного аппарата и с установлением связи с заграничными валютными рынками (достижение котировки русского рубля заграницей).

Проведение денежной реформы и упорядочение госуд. финансового хозяйства не могут быть достигнуты без восстановления госуд. кредита.

Перспективы европейского денежного обращения.

Доклад С. В. Воронина, прочитанный 1 декабря 1919 г.

Для того, чтобы легче разобраться в современном состоянии европейского денежного обращения, представим себе то положение, в котором оно находилось в последние десятилетия до начала войны. Конец XIX и начало XX века были периодом господства золотого денежного обращения в мировом масштабе. В последние годы XIX века, хотя и с большим напряжением сил, поставили свое денежное обращение на золотое основание даже страны экономически и финансово более слабые, как Россия и Австро-Венгрия. Последняя, хотя и не разменивала на золото билетов своего Банка, но путем искусно проводимых мероприятий внешней валютной политики, при условии благоприятного расчетного баланса, поддерживала их на одном уровне с валютами стран чистого золотого обращения. Я не буду останавливаться на тех разнообразных и глубоких последствиях, которое имело это об'единение денежных систем на одном золотом базисе—здесь самым существенным является то облегчение и расширение торгового и финансового оборота, которое наблюдалось в последние десятилетия перед войной, в частности, исключительное развитие международного долгосрочного кредита. Эта победа золота, постепенно развивавшаяся в течение XIX века и вполне определившаяся в конце его, приучила нас рассматривать золотое обращение, как нечто само собой подразумевающееся, привычное, хотя несомненно, что министрам финансов и руководителям центральных эмиссионных банков отдельных стран приходилось затрачивать немало труда на его поддержание в добром порядке. И вот в половине второго десятилетия XX века война разрушила этот сложный, но, в общем, весьма надежно работавший, аппарат, составленный из разнообразных, исторически образовавшихся, денежных систем отдельных государств, и на место их оставила разорванный

ряд отдельных бумажно-денежных систем, не имеющих между собой той прочной связи, которую давало золото.

Здесь, как во многих других отношениях, мы отброшены назад, к XVII, XVIII, началу XIX века, когда разнообразие денежных систем затрудняло международный оборот, с той лишь разницей, что место бумажных денег занимали в то время монеты, большею частью испорченные и подвергавшиеся постоянно намеренной порче со стороны правительств.

Процесс разрушения прост и ясен: это было покрытие расходов на войну, превышавших рессурсы государства. Я не буду здесь говорить о цифрах расходов на войну, они для нас, оторванных от западной прессы, еще недостаточно выяснены, но если мы припомним, что здесь счет ведется в десятках и сотнях миллиардов, то станет ясно, какая тяжесть упала на плечи участвовавших в войне государств. Государство должно было взять, в свою очередь, необходимые для расплаты средства от подчиненных ему физических и юридических лиц, и здесь оно пустило в ход все средства, находившиеся в его распоряжении. А средств, могущих дать более или менее значительные суммы в распоряжение государства, три вида: налоги, займы и использование монетной регалии, вернее злоупотребление ею. Отдельные государства использовали эти способы в весьма различной мере: государства, обладавшие хорошо налаженной и эластичной налоговой системой, имели возможность использовать ее в более значительной мере, чем другие. Здесь на первом месте стояли Соед. Штаты и Англия, поднявшие свои налоги, в особенности подоходный и связанный с ним налог на военную прибыль, до значительной высоты и притом не только декларативно, но даже им удалось получить, таким образом, не более $^1/_4$—$^1/_5$ необходимых сумм. В главной же части военные расходы были покрыты займами, долгосрочными и краткосрочными, и выпусками бумажных денег, причем страны, население которых привыкло к государственному кредиту, использовали этот источник, страны же менее культурные и менее состоятельные перенесли центр тяжести на старый способ финансирования войны бумажными деньгами. К странам, сумевшим в более значительной мере покрыть свои расходы при помощи кредита, принадлежат Германия и Франция, бумажно-денежное же финансирование войны имело место в Австро-Венгрии и, в особенности, в России. Обычные последствия имело для этих стран усиленное пользование печатным станком: разрушение хозяйственной жизни в большей мере, чем оно было бы неизбежно

только под влиянием войны, непрерывно прогрессировавшее вздорожание жизни, связанное с последним, недовольство населения, выражавшееся во все более резких формах, все это привело в конце концов к тому, что именно эти страны и должны были первыми покинуть поля битв в этой войне, ставшей экзаменом государственной и хозяйственной организованности: и Россия, более Австро-Венгрии злоупотребившая печатным станком, сдалась первой.

Теперь, повидимому, недалек уже день окончательного заключения мира, правда не для России.

Вслед затем станет возможным вновь завязать торговые и финансовые сношения между воевавшими государствами, внимание всего мира будет направлено на экономическое строительство, но необходимый для этой международной работы денежный аппарат предстанет совершенно не в том виде, в котором он находился до войны.

В дальнейшем я хочу обрисовать положение денежного обращения главнейших европейских участников войны, за исключением России, денежное обращение которой находится в исключительном положении, требующем особого рассмотрения. Вместе с тем, я хочу наметить и перспективы направления, в котором, по моему мнению, следует ожидать дальнейшего развития явлений в этой области.

Чтобы охарактеризовать положение денежного обращения в Западной Европе, я буду пользоваться, главным образом, данными о выпусках бумажных денег и о вексельных курсах.

Что касается первых, я отнюдь не упускаю из вида, что для полной характеристики денежного обращения, кроме количества денежных знаков, необходимо знать также те изменения, которые произошли в количестве находящихся в обращении ценных бумаг, особенно наиболее легко реализуемых, как долгосрочные и краткосрочные госуд. фонды, а также состояние вкладной операции в банках, т. к. последняя, при условии развития чекового оборота, входит составной частью в денежный механизм страны. Но, с одной стороны, такое подробное исследование выходило бы за пределы, допустимые для настоящего сообщения, с другой же стороны, и количество государственных ценных бумаг и суммы вкладов в банках изменялись в том же направлении, как и выпуски бумажных денег, хотя и различным темпом в разных странах, и усиливали действие выпусков бумажных денег, а отнюдь не нейтрализовали его. Точно также следует сказать, что те сомнения, которые всегда возбуждали

выводы, основанные на количестве выпущенных знаков, в настоящем случае не могут иметь места в виду громадных сумм выпусков. Что же касается вексельных курсов, то, конечно, до восстановления более или менее регулярного международного оборота нельзя говорить о их постоянном соотношении, но уже и существующие соотношения достаточно характерны.

Бумажно-денежная инфляция началась с первых дней по об'явлении войны. Немедленно прекратили размен на золото русский, французский, австро-венгерский и германский банки. Долее всех поддерживал размен английский банк, который, не отказываясь от него принципиально, все более и более стеснял его путем косвенных мер. Вместе с тем, некоторые государства приступили к выпуску бумажных денежных знаков, отличавшихся по своей юридической природе от обычных банковых билетов, но также имевших законную платежную силу и потому также действовавших на денежное обращение, как и новые выпуски банкнот. Так, Англия создала «куренси нотс»—госуд. бумажн. деньги, не разменные на золото, хотя и обеспеченные особым золотым фондом в 28½ милл. фун. стерл., ничтожным по сравнению с их выпуском, достигавшим в середине апреля т. г. 346 милл. ф. ст. Германия и Австро-Венгрия выдавали под залог процентных бумаг, главным образом государственных «Дарлейнс Кассеншейне», Франция и Россия придерживались единого типа билетов государственных банков. В дальнейшем, характеризуя современную инфляцию, я буду складывать цифры разных видов бумажных знаков, сравнивая их с довоенным выпуском банкнот.

Конечно, для более строгого сравнения необходимо было бы принять во внимание количество звонкой монеты, обращавшейся до войны и затем припрятанной, но, за неимением данных, приходится опустить это дополнение, не особенно существенное, так как и припрятанная монета может служить часто и для ликвидации сделок из-под полы.

Определяемое, таким образом, увеличение бумажно-денежного обращения дает следующие цифры:

За время с июля 1914 г. по 1 января 1919 г. количество бумажных денежных знаков увеличилось: в Англии в 13 раз, во Франции более, чем в 4½ раза, в Германии в 11½ раз, в Австро-Венгрии в 20 раз, в Скандинавских странах приблизительно в 3 раза, в Голландии и Швейцарии в 2½ раза.

Из приведенных данных видно, что даже в нейтральных странах бумажное обращение увеличилось в 2—3 раза. Для оценки подобного увеличения необходимо припомнить, что в мирное время увеличение обращения на несколько %% уже обращало на себя внимание.

Еще больше и разнообразнее увеличение обращения в странах, участвовавших в войне. Здесь, прежде всего, бросается в глаза увеличение более, чем в 13 раз английского обращения. Оно об'ясняется тем, что в Англии громадная часть денежного оборота совершалась чеками, и то обычное всасывание наличности оборотом, которое сопровождает периоды общественных потрясений, уже само по себе должно было увеличить в несколько раз ничтожную сумму банкнот, которой умела обходиться Англия в мирное время. Поэтому инфляция не имела в Англии таких тяжких последствий, как в других воюющих странах европейского континента, и прежде всего не вызвала такого повышения цен. Иным представляется положение в Австро-Венгрии, где сумма выпущенных бумажных денег увеличилась более, чем в 20 раз, и где действие этого оборота было сильнее, вследствие несравненно большего относительно значения наличных денег в обороте страны при неразвитости платежа чеками. Этим же обстоятельством—незначительным развитием чекового оборота и превалирующим значением наличных платежей—об'ясняется тот факт, что во Франции, сильнее Англии пострадавшей от войны, обращение увеличилось значительно менее—в 4½ раза. Общая сумма бумажного обращения воевавших великих европейских держав, кроме России, составляла в июле 1914 г. 5.828 милл. р., а к началу 1919 г. 44.569 милл. р., т. е. увеличилась более, чем в 7½ раз, а нейтральных Дании, Швеции, Норвегии, Голландии, Испании и Швейцарии с 1½ до 3½ миллиардов руб., т. е. в 2¼ раза.

Вот цифры, которые сами по себе должны были бы произвести впечатление, если бы мы не привыкли за время войны к пляске миллиардов. Эти громадные количества вновь выпущенных бумажно-денежных знаков имели в народно-хозяйственном обороте различное назначение, часть их должна была заменять звонкую, в особенности золотую, монету, обычно исчезающую из оборота при прекращении размена, часть заменяла собою чековый и вексельный оборот, в виду того, что частный оборот требует в периоды потрясений наличного расчета там, где при спокойных условиях допускался кредит. Наконец, сильно возросло стремление к припрятыванию наличности, хотя бы и бумажной, взамен внесения ее на банковские текущие счета

и в сберегательные кассы. Все это вместе увеличивает потребность оборота в денежных знаках, удовлетворяемую при помощи печатного станка. Эта часть новых бумажно-денежных знаков не создает лишнего спроса на рынке, а потому не действует понижающе на покупательную силу денег и не изменяет решительным образом основ денежного обращения страны.

Здесь мы имеем, в сущности, перед собой только изменение строения денежного механизма, изменение, основанное на применении того же принципа эластического приспособления количества денежных знаков к потребностям оборота, который лежит в основе эмиссионной банкнотной операции. Иное действие оказывает выпуск другой части новых бумажных денег, имеющей целью покрытие государственных военных расходов, поскольку они не покрываются налогами и поступлениями от кредитных операций. Здесь мы имеем дело с явлением по существу весьма старым: государство использует свое исключительное право создания денег—законного платежного средства, в интересах собственного кармана изготовляет новые денежные знаки, которые, в силу веления государства, становятся в обороте наравне с прежде выпущенными и, увеличивая сумму денежных притязаний на рынке товаров и труда, увеличивают цены и тем самым роняют стоимость и тех бумажно-денежных знаков, которые находились в обращении до начала подобной операции, и стоимость которых поддерживалась обычно контингентированием их количества в зависимости от запасов звонкой монеты в эмиссионном банке страны. До какой степени использован этот способ финансирования европейскими странами в период 1914—1918 гг. и указывают выше приведенные данные.

Обратимся теперь к другим данным, характеризующим состояние денежного обращения, к данным о вексельных курсах. Привожу, по примеру предыдущего, их в суммарном виде, т. к. более подробно они помещены мною в № 3 материалов—приложений к «Экономической Жизни».

В апреле т. г. в Стокгольме стоимость иностранной валюты по отношению к паритету до-военного времени составляла в %% к ф. ст. 96%, франц. франк 86%, германск. марка 35%, австр. крона 18% и голл. гульд. 101½%.

Необходимо иметь в виду, что валюта нейтральных стран, с которой мы сравниваем в данном случае валюту участвовавших в войне государств, также перешла на бумажно-денежное основание, и потому приведенные выше цифры не могут дать полного пред-

ставления о падении стоимости денежных единиц по отношению к золоту—наиболее постоянному в ценности товару мирового рынка. Во всяком случае, и приведенные цифры достаточно характеризуют те глубокие изменения, которые произошли в относительной расценке валют европейских стран.

Столь же интересными являются данные о быстроте изменения расценки валюты. За четверть года, с декабря 1918 г. по апрель 1919 г., английская валюта увеличивалась в ценности по отношению к шведской в среднем в месяц приблизительно на 1,2%, французская на 1%, голландск. гульд. на 1%, германская марка уменьшалась в среднем на 0,6%, австр. крона на $1^1/_2$%. При господстве золотого денежного обращения до войны изменения в курсе на десятые доли процента уже считались существенными. Настоящее же положение, при котором даже в среднем колебания в месяц близки к проценту, совершенно изменяет всю обстановку не только долгосрочного, но и краткосрочного международного кредита.

Обратимся теперь к рассмотрению положения денежного обращения в отдельных странах, привлекая к нему также имеющиеся данные о начале т. г.

Англия.

В половине апреля т. г. обращение состояло из 76,2 милл. ф. ст., обеспеченных золотым запасом английского банка в сумме 85,2 милл. ф. ст., и из 346 милл. ф. ст. «курренси нотс», обеспеченных 28,5 милл. ф. ст. золота. Всего в обращении было на 422,2 милл. ф. ст. бумажных знаков. До войны Англия довольствовалась 30 милл. ф. ст. банковых билетов. Выпущенные в сумме 422,2 милл. ф. ст., денежные знаки обеспечивались хотя и на разных юридических основаниях, но фактически равно без обязательства размена золотом в кассе банка на 85,2 милл. ф. ст. и золотом в фонде нот казначейства в сумме $28^1/_2$ милл. ф. ст., а всего в сумме 114 милл. ф. ст., т. е. приблизительно на $26^1/_2$%.

Такое покрытие при условии размена нот на золото представлялось бы весьма удовлетворительным, в современных же условиях, когда золотой запас является мертвым, приведенная доля покрытия отнюдь не может считаться достаточной для обеспечения равноценности золотого и бумажного ф. ст. Всякая попытка открыть размен привела бы к немедленному исчерпанию запаса, к переходу золот в частные руки, так как цена его, несомненно, значительно выше ном и

нала, хотя и не может быть точно установлена вследствие запрещения открытых сделок на золото. Положение, в котором находится в настоящее время денежное обращение Англии, напоминает собой положение, существовавшее там же в период после наполеоновских войн, когда приостановка размена английским банком водворила в Англии на ряд лет бумажно-денежное обращение. В то время Англии удалось по истечении немногих лет избавиться от бумажных денег, даже не принимая никаких исключительных мер к увеличению золотого запаса в роде заключения займов на приобретение золота. Быстрое развитие экономического оборота создало увеличенную потребность в денежных знаках, поглощавшую всю сумму выпуска, а господствующее положение Англии на мировом торговом рынке привлекло значительные суммы золота в страну и дало возможность открыть размен. Трудно сказать, пойдет ли английская экономическая послевоенная жизнь таким же прямым путем к восстановлению и развитию народного хозяйства, как это было в начале XIX века, но, во всяком случае, из европейских стран, участвовавших в войне, Англия имеет больше других шансов на приведение своего денежного обращения к прежнему состоянию, т. е. к золотому монометаллизму. Если принять во внимание, что путем повышения налогов, в особенности подоходного, ей удавалось во все время войны покрывать обыкновенными доходами обыкновенные же расходы—проценты по военному долгу, то следует признать, что восстановление бюджетного равновесия в Англии представляется более близким, чем в какой-либо другой европейской стране, участвовавшей в войне, конечно, по окончании демобилизационного периода. Восстановление же бюджетного равновесия дает возможность уже начать работу по восстановлению размена, хотя бы путем девальвации. Но надо думать, что английский консерватизм с трудом примирился бы с девальвацией, которая равносильна отказу от исполнения английским государством принятых на себя обязательств, и более вероятным представляется, что Англия попытается пойти тем путем, которым она шла в начале XIX века, т. е. поднять ценность бумажных денег до паритета, опираясь на развитие экономического оборота, и быть может, прибегнув к выкупу и уничтожению части выпущенных бумажек.

Что касается внешнего курса ф. ст., то в начале апреля т. г. он стоял ниже паритета по отношению к доллару на $4^{1}/_{2}$%, тогда как в течение всей войны его курс поддерживался на $2\frac{1}{4}$% ниже паритета. Временами разница достигала даже $7^{1}/_{2}$%.

Такое значительное понижение курса ф. ст. об'ясняется тем, что в марте т. г. С. Штаты отказались продолжать финансовую поддержку курсов английской и французской валюты, которую они неуклонно проводили во все время участия их в войне, причем курс английской валюты поддерживался приблизительно на $2^{1}/_{2}\%$ ниже паритета, а французской на 5% ниже.

Датская валюта в то же время расценивалась несколько ниже английской, шведская и голландская выше %% на 4—5, швейцарская даже на 8%.

Во всяком случае, потеря ценности ф. ст. по отношению к нейтральным валютам не может быть признаваема чрезмерной, особенно по сравнению с падением ценности валют других участнико в войны, с которыми мы познакомимся в дальнейшем. И сопоставление вексельных курсов, которые в ближайшие годы будут определяться итогами английской финансовой деятельности заграницей, в настоящее время не внушает особых опасений. Внешне валютное положение, равно как и рассмотренное нами выше состояние бумажно-денежного обращения, в одинаковой мере допускают возможность для Англии, при благоприятном ходе экономической и финансовой жизни страны, восстановить золотое обращение, причем это могло бы быть достигнуто путем девальвации в непродолжительном времени, путем же поднятия до паритета далеко не так быстро, хотя последнее и более вероятно, как находящееся в большем соответствии с общими привычками английской финансовой политики.

Франция.

Во Франции мы видим непрерывное возрастание выпусков билетов банка в первые $3^{1}/_{2}$ месяца т. г., несмотря на прекращение военных действий. Выпуск этот в течение $3^{1}/_{2}$ месяцев достиг 3.725 милл. фр., т. е. превышал 1 миллиард фр. в месяц. Вызывался он, конечно, не потребностями оборота, а необходимостью предоставления ссуд казначейству на текущие расходы, что видно из того, что за тот же период банк увеличил ссуду государству на $5^{1}/_{2}$ миллиардов фр., т. е., в среднем, государство получало от банка на покрытие дефицита $1^{1}/_{2}$ миллиарда фр. в месяц. Последние, достигшие нас в августе с. г., сведения говорят о принятии французской палатой депутатов закона, разрешающего банку увеличить выпуск билетов в обращение до 40 миллиардов фр. Из этого сле-

дует, что и в середине т. г. банк принужден покрывать расходы государства приблизительно в том же размере.

Другие данные о состоянии французского бюджета также подтверждают, что, несмотря на создаваемые планы введения новых налогов и повышения существующих, расширение эмиссий банка становится необходимым источником покрытия государственных расходов на неопределенное время—положение, которое открывает неблагоприятные перспективы для будущего французского денежного обращения. Золотое покрытие составляло в половине апреля т. г. всего около $9^1/_2$% выпуска, т. е. было значительно ниже покрытия английского банка. Принимая же во внимание сказанное нами выше при обсуждении баланса английского банка относительно недостаточности даже более значительного покрытия в современных условиях, когда ценность золота значительно превышает нарицательную, мы должны признать, что такая малая доля покрытия не может увеличивать шансы Франции на восстановление золотого обращения. Необходимо отметить, что Франция лишилась также и значительных сумм из своего золотого запаса, находившегося в руках частных лиц, т. к. патриотически настроенное население принесло во французский банк значительные суммы золота, перешедшего затем в Англию и Соед. Штаты для расплаты за военные заказы и в виде обеспечения кредитов, предоставлявшихся для той же расплаты. Таким образом, виды на восстановление золотого обращения во Франции хотя бы путем девальвации весьма неблагоприятны и, принимая во внимание незначительность количества золота, оставшегося в стране, и в особенности необходимость прибегать к бумажным эмиссиям для покрытия дефицита в государственном бюджете, необходимо признать, что Франция, даже при благоприятном ходе восстановления народного хозяйства, жестоко пострадавшего от войны, обречена на долгие годы бумажно - денежного хозяйства в худшем виде, т. е. при непокрывающихся выпусках новых бумажек. В семидесятых годах прошлого века Франция побежденная, уплатившая Германии громадную по тому времени контрибуцию в 5 миллиардов фр., восстановила по прошествии нескольких лет мирной работы размен на золото билетов французского банка, теперь же Франция-победительница остается с испорченным денежным аппаратом, не имея надежды на его восстановление в ближайшие годы. В этом отношении она не может расчитывать и на контрибуцию, которую ей должна уплатить Германия по Версальскому договору. Все, что она может получить с Германии, ей придется употребить на покрытие убытков народного

хозяйства, поскольку оно непосредственно пострадало от германского нашествия, так как, повидимому, последние превышают всю сумму, которую можно было бы получить с Германии и которая должна быть поделена между державами-победительницами, так что Франция на восстановление денежного обращения, во всяком случае, ничего не получит.

Что касается внешнего положения французского франка, то и по отношению к своим бывшим союзникам фр. валюта значительно ниже своего до-военного паритета. По отношению к ф. ст. франц. франки ниже паритета на 4—5%, т. е. ниже курса, поддерживавшегося в военное время, когда разница была около 3%. Понижение это об'ясняется указанным выше прекращением поддержки Соед. Штатами валюты союзных стран.

Таким образом, курс французского франка всецело предоставлен влиянию стихийных сил международного оборота, складывающегося к тому же весьма неблагоприятно для Франции. Здесь надо учесть то, что, с одной стороны, Франция нуждается в значительном ввозе для восстановления своей хозяйственной жизни, с другой же стороны, вывоз предметов роскоши, составлявший главную активную статью в расчетном балансе, затруднен постановлениями, изданными во многих странах, а доход от заграничных ценных бумаг, который составлял значительную сумму расчетного баланса, уменьшается благодаря тому, что часть этих бумаг передана в Соед. Штаты в обеспечение кредитов, и доходы от них будут оставаться там для оплаты процентов по ссудам, полученным во время войны, а часть, как бумаги русские и турецкие, обесценены. Очевидно, что при непрекращающемся выпуске бумажных денег для покрытия дефицитов и при неблагоприятном состоянии международного расчетного баланса Франция не может расчитывать на повышение курса своей валюты и должна считаться с возможностью его дальнейшего понижения. Единственно, что могло бы несколько помочь в этом направлении—это внедрение американского капитала в ее промышленности, возможное в значительных размерах лишь после того, как в Соед. Штатах пройдет напряжение, вызванное расходами. Но переход французской промышленности в руки американского капитала в более или менее значительных размерах был бы весьма нежелателен для Франции, так как повлек бы за собою потерю ее экономической самостоятельности со всеми соответствующими неблагоприятными последствиями. Таковы печальные перспективы французского денежного обращения в отношении как его внутреннего, так и внешнего положения.

Германия.

Как мы уже упоминали, бумажно-денежный механизм Германии со времени начала военных действий в 1914 г. состоит из билетов имперского банка и из билетов ссудной кассы, учреждения, открывшего свои действия во время войны для выдачи ссуд под залог процентных бумаг, главным образом государственных. Оставляя в стороне подробности организации этого учреждения, мы должны только иметь в виду, что билеты ссудной кассы имеют в Германии хождение наравне с билетами имперского банка и потому должны наравне с ними рассматриваться, как бумажно-денежные знаки. Различие в обеспеченности выпусков не может иметь значения в виду их взаимной связанности: выпуск билетов банка по закону, изданному при об'явлении войны, обеспечен в одной трети золотом и билетами ссудной кассы, находящимися в кассе банка (до войны только золотом), билеты же ссудной кассы обеспечены %% бумагами, в ней заложенными, уплата процентов и погашения по которым должна быть производима в тех же бумажных марках; таким образом, с момента прекращения размена на золото, оба вида герм. бумажных денежных знаков, в сущности, лишены какого бы то ни было реального обеспечения, и их покупная сила одинаково покоится на их значении для оборота, как и, вообще, стоимости бумажных денег.

Золотой запас имп. банка составлял в половине апреля т. г. всего 1.912 милл. марок при выпуске билетов банка в обращение на 25.871,1 милл. м. и билетов ссудной кассы па 11.128,7 милл. марок, т. е. всего на сумму около 37 миллиардов м. Правда, и перед войной в июне 1914 г. имп. банк имел золота немногим более—2.038 милл. м., но за время войны он значительно повысился, во-первых, взносом золота населением после призыва, обращенного к последнему со стороны правительства, а затем передачею австро-венгерским банком значительной части своего золотого фонда имп. банку; в конце мая 1917 г. золотой запас имп. банка превышал даже 3.200 милл. м. Таким образом, и здесь мы видим то же значительное уменьшение золота в стране, как и во Франции.

Остающееся наличное количество золота в кассе Центрального банка, во всяком случае, недостаточно для возобновления размена по паритету, что же касается возможности восстановления золотого обращения путем девальвации, то такая возможность требует для своего осуществления, во-первых, отказа от использования эмиссион-

ного права для покрытия дефицитов и, во-вторых, благоприятного состояния международных расчетов. Что касается первого условия, то увеличение выпуска билетов банка в первые $3^{1}/_{2}$ месяца, т. е. более, чем на миллиард м. в месяц, с одновременным увеличением выпуска билетов ссудной кассы на 1.020 милл., а также общие сведения о печальном положении герм. госуд. финансов лишают Германию надежды обойтись без выпусков новых бум. денег для поддержания душевного равновесия. С другой стороны, необходимость в течение ряда лет производить платежи по многомиллиардной контрибуции создает крайне неблагоприятную обстановку для платежного баланса Германии даже в том случае, если ей удастся более или менее легко наладить разрушенную войной хозяйственную жизнь. Германия, как и Франция, обречена на ряд лет бумажно-денежного неурегулированного хозяйства.

По отношению к нейтральным странам герм. марка стояла в апреле т. г. ниже паритета в 3 и более раз, в июле почти в 4 раза. Кроме того обращает на себя внимание быстрота падения курса марки, подтверждающая сделанный нами ранее вывод о невозможности поднять ее курс до паритета.

В общем положение и ближайшие перспективы германской валюты хуже, чем французской, причем отягчающим обстоятельством является как значительно более низкое падение курса марки, так и ухудшение германского расчетного баланса вследствие необходимости уплачивать контрибуцию. Вернуться к до-военной системе денежного обращения Германии удастся, если даже она и направит на это значительные усилия, во всяком случае, не скоро.

Австро-Венгрия.

Австро-Венгрия начала войну как государство, об'единенное денежной системой, и кончает ее в виде ряда отдельных государств, старающихся из обрывков старой денежной системы создать отдельное денежное обращение для каждой из новообразовавшихся стран. Первые месяцы т. г. являются начальным периодом этой работы, причем результаты мер, принимаемых отдельными странами, еще недостаточно выяснились, но выяснилось то тяжелое наследие, которое осталось им всем от распавшейся империи и которое будет действовать угнетающе на все новообразовавшиеся государства, сколь ни были бы различны прочие условия дальнейшего существования.

Нам еще неизвестны планы отдельных государств по денежному обращению, но, повидимому, они сведутся к самостоятельному выпуску бумажных денег, так как создать денежное обращение на металлической основе не по силам ни одному из этих государств. Первой мерой, с которой они начали свою самостоятельную денежную политику, было штемпелевание бумажных крон б. австро-венгерского банка, обращающихся на территории отдельных государств. Штемпелевание это, производившееся отдельными государствами разновременно, повлекло за собой неустойчивость в положении этих бумажек и привело даже к запрещению ввоза неш темпелеванных крон в Швейцарию. Многие подробности взаимоотношений, возникающих на этой почве между государствами, образовавшимися на территории б. Австро-Венгрии, имеют быть определены мирными договорами с Австрией и Венгрией.

Что касается общего положения, то оно характеризуется тем, что общая сумма кред. билетов, выпущенных б. австро-венгерским банком, достигла к половине апреля т. г. почти 38 милл. крон, а с билетами ссудной кассы около 44½ миллиардов, обращающихся на всем пространстве б. Австро-Венгрии, тогда как до войны обращалось всего около 3 миллиардов крон. Золотое обращение в сумме 262 милл. кр. составляет всего около ³/₄% суммы выпуска, и как бы они не были поделены в конце концов между вновь образовавшимися государствами, они ни в коем случае не могут служить фондом для размена ни в одном из них. Таким образом, все эти новые государства будут иметь в ближайшие годы бумажное обращение с тем различием, что возможность поддержания постоянного курса в отдельных государствах будет зависеть от их экономического и финансового положения, причем в наиболее неблагоприятном положении окажется немецкая Австрия, на которую Версальская конференция предполагает возложить всю ответственность по военному долгу Австро-Венгрии.

Неблагоприятная оценка будущей валюты немецкой Австрии выражается в различном курсе крон на Вену и на Прагу нейтральных бирж, например, в Цюрихе в конце марта и начале апреля т. г. вырисовывается постепенное расхождение курсов австр. и чешской крон, причем в начале чешская крона расценивалась выше австрийской приблизительно на $^1/_2$, а в конце уже на $^2/_3$, т. е. австрийская крона стоила всего $^3/_5$ чешской. По отношению к швейц. франку австрийская крона упала в $5^1/_4$, а чешская в 3 с лишним раза.

Если к тому же учесть расстройство экономической жизни на территории б. Австро-Венгрии, то придется признать, что на восстановление более или менее урегулированного денежного обращения в образовавшихся из ее обломков государствах нет надежды.

Нейтральные страны.

Золотой запас эмиссионных банков 5 более значительных нейтральных стран—Голландии, Швейцарии, Испании, Швеции и Дании—увеличился за время войны в 4 раза, а выпуск бумажных денег в $2^1/_2$ раза. К апрелю т. г. золотое покрытие, в среднем, составляло почти $^2/_3$ выпусков бумажных знаков. Такая доля покрытия была бы весьма благоприятна, если бы в этих странах существовал размен на золото.

Но такового не существует и вместе с тем существует лаж на золото, относительно размеров которого, к сожалению, не публикуется данных. Отдельные сведения указывают на его значительную высоту: так «Voss. Zeitung» от 31 мая 1918 г. сообщает, что в Голландии золотые монеты исчезли из обращения, и ажио на них достигает 30—40%, начинают исчезать и серебряные. При таком положении возобновление размена привело бы к немедленному исчезновению золотого запаса. Несомненно, что переход Европы к мирному положению, влекущий за собой для нейтральных стран сокращение значительных расходов по поддержанию нейтралитета, а также возобновление международной торговли значительно облегчит их экономическое и финансовое положение, а вместе с тем и напряжение денежного механизма. Вполне вероятно, что стоимость их бумажных денег начнет приближаться к золотому паритету, но трудно представить себе, чтобы они имели возможность вернуться к обращению, основанному на золоте, ранее, чем вернутся к нему могущественные европейские соседи, хотя бы пострадавшие от войны, так как золотые запасы нейтральных, достаточные для размеров их оборотов, все же слишком незначительны, с точки зрения международного оборота, и легко могут ускользнуть из их рук, в случае открытия размена, в руки более могущественных соседей, особенно если последние пожелают повести в этом направлении планомерную политику в целях восстановления у себя золотого обращения.

Таким образом, в итоге войны Европа оказывается покрытой рядом несвязанных друг с другом бумажно-денежных систем, из

которых многие к тому же находятся в неустойчивом состояние, так как для соответствующих государств не устранена необходимость выпуска бумажных денег для покрытия дефицитов в государственных бюджетах. В итоге перед европейскими странами представляется возможным или стремиться к восстановлению золотого обращения (путем открытия размена по паритету или же путем девальвации), или же добиваться лишь упорядочения бумажно-денежного обращения в смысле стабилизации внешнего и внутреннего курса валюты, причем эта стабилизация является предварительной стадией и в том случае, если целью будет поставлен возврат к золоту. Вопрос о том, следует ли стремиться к восстановлению золотого обращения, возбуждал сомнения в Германии уже в 1918 г., когда вся экономическая литература исходила из предположения несомненной победы Германии. В настоящее время поражение Германии изменило положение в неблагоприятном смысле для сторонников золотого обращения. В Англии, стране-победительнице и притом производящей золото, спор скорее будет лишь о темпе, в котором должны проводиться меры по восстановлению денежного обращения. Во Франции, которая принуждена покрывать свой дефицит в значительной мере новыми выпусками, самый вопрос о дальнейшей судьбе денежного обращения не стал еще актуальным. Нейтральные страны в его решении последуют, вероятно, за сильнейшими в меру своих экономических и финансовых рессурсов.

Таким образом, если мы предположим, что по заключении мира наступит более или менее длительный период экономического восстановления, то дальнейшее развитие денежного обращения рисуется нам следующим образом: Соед. Штаты, как страна, менее других пострадавшая от катастрофы, довольно быстро восстановит у себя золотое обращение, за ними последуют на значительном расстоянии Англия и, быть может, одновременно те из нейтральных, для которых общая обстановка окажется благоприятной. Франция и Германия, положение которых приблизительно одинаково неблагоприятно, еще долгие годы не будут в состоянии возвратиться к золотому обращению и будут заняты лишь упорядочением своего бумажно-денежного хозяйства, самый же вопрос о необходимости таковото возврата они будут разрешать в зависимости от того, насколько убыточно будет для них одновременное существование стран, обосновывающих свое денежное обращение на золоте, т. е. Соед. Штат., Англии и нейтральных. Относительно перспектив в этом отношении стран, образовавшихся из б. Австро-Венгрии,

трудно что-нибудь сказать в виду неясности дальнейшей исторической судьбы этих новообразований. Во всяком случае, их перспективы весьма неблагоприятны.

Таков вероятный ход событий в области денежного обращения при условии более или менее длительного мирного периода послевоенного экономического восстановления. Всякие же более или менее значительные потрясения в это время увеличат шансы продления существования и расширения бумажно-денежного хозяйства в мировом масштабе.

Во всяком случае, бумажные деньги на ряд лет делаются сильнейшим фактором мировой экономической жизни, и главы, посвященные бумажным деньгам, помещавшиеся в начале XX столетия в конце работ по денежным вопросам, должны занять место в главных частях этих работ.

Доклад этот был в существенных чертах закончен, когда я получил возможность воспользоваться стокгольмским кооперативным бюллетенем от 1 августа с. г., содержавшим сведения еще за три месяца т. г. Эти новые данные не изменяли моих вышеприведенных выводов.

В Англии с половины апреля по половину июля сумма банкнот и currency notes уменьшилась на 0,3 милл. ф. ст. с увеличением золотого фонда (в банке) на 2,5 милл ф. ст. Во Франции выпущено за те же три месяца новых билетов франц. банка на 1 миллион, причем приблизительно на ту же сумму увеличена ссуда казначейству.

В Германии за то же время сумма банкнот и билетов ссудной кассы с 37 миллиардов увеличилась до 41½ миллиардов марок, т. е. на 1½ миллиарда в месяц.

Сумма банкнот австро-венгерского банка и билетов ссудной кассы осталась почти без изменения, равно как и ссуды банка казны, причем выпуск кредитных билетов увеличился почти на 3½ миллиарда кр., а обращение билетов ссудной кассы соответствующим образом уменьшилось. Переходное состояние австро-венгерского банка, в связи с разделением Австро-Венгрии, не дает возможности подвергнуть эти данные дальнейшему истолкованию.

Что касается международного валютного рынка, то за время с апреля по июль произошли следующие изменения: дизажио ф. ст. по отношению к доллару увеличилось с 4½% до 10%, по отношению же к нейтральным несколько уменьшилось. Французские франки, лишенные могущественной американской поддержки, значи-

тельно потеряли на курсе, дизажио франка по отношению к ф. ст. увеличилось с 5% до 22%, а по отношению к доллару с $9^1/_2\%$ до 30%, соответственным образом изменилось и соотношение франка с нейтральными валютами. Германская валюта испытала за это время понижение еще более значительное, дизажио марки по отношению к голл. гульд. увеличилось с 68% до $73^1/_2\%$, а по отношению к шведской кр. с 70% до 73%, т. е. марка стоила в июле с. г. немногим более $^1/_4$ своей паритетной стоимости. Австрийская крона в Швейцарии понизилась с 18 до 13 сант., т. е. до $^1/_8$ своей паритетной стоимости. Соотношение нейтральных валют осталось почти без изменения.

Таким образом, за вторую четверть 1919 г. некоторое время незначительное улучшение денежного обращения, в виде уменьшения количества денежных знаков, наблюдалось только в Англии. Во Франции же и в Германии выпуск бумажек продолжался. Конечно, это время было еще периодом демобилизационного напряжения и по окончании демобилизации можно ожидать некоторого улучшения. Во всяком случае, сейчас признаки его заметны только в Англии и в незначительной степени во Франции в виде уменьшения темпа новых выпусков. Вместе с тем, падение валюты европейских стран, как участвовавших в войне, так и не участвовавших, по отношению к доллару еще раз подтверждает вывод отдаленности возможности восстановления золотого обращения в Европе.

С. В. Воронин.

Обзор денежного обращения заграницей в начале 1920 г.

Доклад С. В. Воронина, прочитанный 24 сентября 1920 г.

Настоящее сообщение имеет целью дать общий очерк положения денежного обращения в наиболее значительных государствах Европы, Америки и Азии в начале т. г. Задачей его является представить основные черты современного строения денежного механизма в странах, в различной степени затронутых войной и в различной степени от нее пострадавших. Цифровых данных, по возможности, буду избегать, так как в настоящее время они могут быть получены интересующимися непосредственно.

Обзор Лиги Наций, лежащий в основе настоящего очерка и пополняемый мною другими материалами, обнимает собою нижеследующие государства:

В Европе: Австрия, Венгрия, Польша, Юго-Славия, Чехо-Словакия, Финляндия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Голландия, Италия, Норвегия, Россия, Испания, Швеция, Швейцария, Англия.

В Америке: Аргентина, Чили, Уругвай, Соед. Штаты.

В Азии: Китай, Индия, Япония.

Для удобства обозрения я расположу их по группам в соответствии со степенью расстроенности их денежного обращения, причем начну со стран, наиболее пострадавших. Страны, находящиеся в своеобразном положении, как Китай и Индия, придется рассмотреть отдельно.

I. В наиболее тяжелом положении находится денежный механизм государств, образовавшихся на территориях б. России и Австро-Венгрии. Хотя денежное обращение России и не входит в тему настоящего доклада, но, быть может, небезынтересно сообщить взгляд секретариата Лиги Наций по этому вопросу. Он сводится кратко

к признанию того факта, что русское денежное обращение потерпело настолько решительное крушение, что не стоит его подробно анализировать в частности, для международных расчетов русская валюта более не существует с практической точки, и вопрос о действии колебания ценности рубля на внешнюю торговлю перестал занимать умы коммерческого и финансового мира; что касается возможности восстановления нормального денежного обращения, то в этом деле пришлось бы начинать с начала, вообще же, по мнению лиц, занимавшихся этим вопросом, денежная реформа в России возможна только при условии открытия ей кредита (предположительно, в сумме до 50 милл. ф. ст.) для импорта машин и т. д., которые безусловно необходимы для того, чтобы население могло начать производительную работу.

В подобном положении находятся и остальные государства этой группы: Австрия, Венгрия, Польша, Юго-Славия, Чехо-Словакия и Финляндия.

Нельзя согласиться с составителями обзора, что нет никаких данных о состоянии денежного обращения и вексельных курсов в этих странах. В частности, например, положение зачисленной в эту группу Финляндии далеко не так печально, как, например, Австрии или Юго-Славии. Финляндия сохранила свой золотой запас, а бумажно-денежное обращение увеличила в 9 раз, что в настоящих условиях не представляется чрезмерным, так что она должна быть, по справедливости, отнесена к той группе государств, в которой находятся Франция и Германия; что же касается остальных, то здесь действительно, как и в России, порваны всякие связи с прошлым и сравнение с до-военным положением бесполезно, так как оно ни в коем случае не может служить основою для восстановления. Помимо дезорганизации денежного обращения во время войны, в силу финансовых и экономических условий, в этих странах непосредственно действовали и политические условия, выражавшиеся в неоднократной смене властей, в создании новых государств и т. д. Так, например, в Польше одновременно находятся в обращении не менее 5 несвязанных между собою видов денежных знаков: русские рубли, германские марки, австрийские кроны, польские марки, выпущенные Германией во время оккупации, и литовские марки, того же происхождения. В настоящее время оффициальной единицей является польская марка, но существует план замены всего этого калейдоскопа новой единицей—польским золотом, эквивалентным франку, что является в высшей степени затруднительным. Конечно,

при существующем неустойчивом положении французского франка и при безденежной дефицитности польского бюджета, подобное приравнение имело бы значение лишь любезного подчеркивания политической связи.

Для международных расчетов валюты этих стран вовсе непригодны. Они не только обесценены, но, вообще, не находят покупателей за пределами своей страны, а непостоянство их курса делает невозможным заключение каких бы то ни было кредитных сделок, в них выраженных.

Особенной запутанности достигло положение на территории б. Австро-Венгрии после штемпелевания крон различными новыми государствами и, в частности, в Венгрии после падения коммунистического правительства. Следующее правительство часть денежных знаков, выпущенных правительством Бела Кера, аннулировало совсем (именно выпуски старых образцов), часть совсем новые образцы признало и об'явило законным платежным средством, часть из'яло, обменяв по расчету 20 за 100, и один разряд (билеты в 1 и 2 кр. ст. образца), хотя и был аннулирован правительством, но без всякой оффициальной санкции остался в обращении вследствие недостатка в разменных знаках, и ходит по нарицательной цене. Возможно представить себе положение населения, принужденного разбираться в этом винегрете.

Что касается реформы существующего положения, то очевидно, что говорить о таковом представится возможным лишь по достижении известного политического, экономического и социального равновесия в этих странах, да и при наступлении этих условий цитируемый нами обзор считает возможным сделать что-нибудь лишь путем широкого международного содействия, включенного в проводимый совместными усилиями широкий план экономического восстановления Европы. Если же отнестись скептически, что, повидимому, подтверждается и ходом событий, то останется признать, что еще долго не будет видно выхода из существующих тяжелых условий этих стран.

II. К следующей группе можно отнести три значительных европейских государства: Францию, Германию и Италию, а также Бельгию. Их денежное обращение состоит исключительно из бумажных знаков с присоединением некоторого количества малоценной металлической монеты, но состояние его пока не столь безнадежно расстроено, как в предшествующей группе.

Эти бумажные знаки в своей ценности совершенно оторваны от металла, и сохранившиеся в центральных банках запасы золота в данное время являются мертвыми. Положение во Франции и Германии было известно, и о нем я здесь говорить не буду, относительно Италии следует заметить, что она всегда принуждена была ввозить на значительную сумму сырья, причем до войны неоплачиваемая вывозом часть этого ввоза покрывалась расходами путешественников в Италии и переводами эмигрантов, главным образом, из Америки. В настоящее время потребность во ввозе сырья увеличилась, а указанные активные статьи уменьшились, что особенно тяжело отзывается на внешнем курсе лиры. Что касается Бельгии, то ее положение, по крайней мере в области денежного обращения, далеко не так печально, как принято думать. Золотой запас цел, бумажное обращение увеличилось не более, чем в 5 раз. Курс бельг. франка хотя и невысок, но держится несколько выше французского. За время войны ни внешний, ни внутренний долг ее не увеличился, и только после перемирия до 31 августа 1919 г. она увеличила свою внешнюю задолженность на 1.305 милл. фр.

Что касается перспектив возможного улучшения существующего положения, то они весьма неопределенны: для Германии центр тяжести лежит в окончательном установлении платежей в силу Версальского договора, на которые возлагает большие надежды Франция и которые могут содействовать улучшению финансового положения Бельгии; Италия возлагает надежды на расширение иностранного кредита для приобретения сырья и на урегулирование вопроса о военной задолженности (т. е. просто на аннулирование субсидий, полученных от союзников). Практические предположения Германии сводятся к установлению чрезвычайного налога на имущество, а Франция—к постепенному погашению государством своей задолженности французскому банку, равной 27 миллиардам франков, причем 3 миллиарда должны быть погашены в текущем году и остальная сумма—в течение 1921—1932 г.г. по 2 миллиарда франков в год, после чего, при условии, что банк будет соответственно уменьшать свое обращение, последнее будет составлять 10—11 миллиардов франков, что даст возможность уравнять его ценность с ценностью металла. Таково соглашение, заключенное с банком 19 апреля 1920 г., но надо заметить, что это соглашение заменяет соглашение 14 апреля пр. г., которое предусматривало начало погашения долга в прошлом году, но которое не было выполнено в виду неблагоприятного состояния государственных финансов. Трудно сказать, насколько возможно будет для

французского правительства исполнять свои обязательства в тек. году. Во всяком случае, срок, превышающий 10 лет, не может быть назван слишком продолжительным для восстановления денежного механизма стран, отнесенных к этой группе.

III. Далее можно поместить нейтральные страны, не принимавшие участия в войне, денежное обращение которых, однако, пострадало как от увеличения расходов, связанных с вздорожанием жизни, так и вследствие предоставления кредитов воевавшим державам. К этой группе можно отнести в Европе: Данию, Голландию, Норвегию, Швейцарию и Швецию, в Америке—Аргентину и Чили. Отличительной чертой этой группы является то, что хотя они находятся в условиях бумажного денежного обращения, но количество бумажных денег возросло весьма незначительно—в 2—3 раза. Одновременно, в большинстве случаев, увеличились и их золотые запасы, причем, например, в Норвегии пропорционально возрастанию бумажного обращения. Во всех этих странах золота в обращении нет, но, кроме бумажек, сохранилась, по большей части, и крупная серебряная монета. Вексельные курсы их валют на Лондон, приблизительно, держатся на уровне 1914 г., в Норвегии и особенно в Дании ниже этого уровня, а в Голландии, Швейцарии, Аргентине и Чили несколько выше. В частности, в Норвегии сохранился принципиально даже размен на золото, при условии декларации, что оно не будет экспортировано. Имея в виду это условие и то обстоятельство, что население Норвегии привыкло к бумажному обращению и до войны, следует признать, что современное денежное обращение в Норвегии д. б. наименовано бумажным, тем более, что и ввоз и вывоз золота подвергнуты ограничениям. Таково же приблизительно положение в Дании и в Швеции, где размен, прекращенный в начале войны, был затем в 1916 г. восстановлен, причем, кроме того, их центральные банки освобождены от обязанности покупки золота по законной цене. Надо сказать, что подобный порядок работает с перебоями, и в начале тек. года в Дании и в Швеции возникло такое требование размена, что пришлось его приостановить. Денежное обращение Голландии характеризуется в конце 1919 г. уменьшением премии на золото и возвращением в обращение полноценной серебряной монеты, запрятанной во время войны. В Швейцарии уже 30 июля 1914 г. билеты Национального банка были об'явлены законным платежным средством, и размен был приостановлен. Также были об'явлены неразменным законным платежным средством билеты ссудной кассы—по германскому образцу

Во второй половине 1918 г. федеральное правительство получило полномочие: 1) уменьшать запас золота в Национальном банке с 40 до $33^1/_2$% выпуска банкнот, 2) включить в прочее покрытие, которое должно состоять из банковых и коммерческих векселей, также вклады до востребования в заграничных банках и ссуды под залог ценных бумаг сроком не свыше 10 дней.

Наибольшие затруднения Швейцария испытала в международных расчетах, так как ее валютный рынок находился между двумя борющимися сторонами. В течение войны швейц. фр. стоял выше даже американск. долл., но в течение 1919 г. опустился ниже его. Аргентина и Чили являются странами, в которых внешний оборот имеет особо значительный удельный вес. Увеличившись во время войны в громадных размерах, их экспорт в страны Антанты был по необходимости финансирован ими в кредитной форме, и связанная с увеличением кредитного напряжения повышенная потребность в платежных знаках вызвала инфляцию, подобную той, которая имела место в других странах этой группы. Что касается вопроса о будущем, то во всех этих странах не возникает никаких предположений относительно необходимых мероприятий для восстановления нормального функционирования денежного обращения. Положение его таково, что установление экономического равновесия, нарушенного войной, предполагается достаточным для этой цели.

IV. Англия и Соед. Штаты могут быть поставлены рядом, потому что во время войны в обеих этих странах сохранилась известная фикция золотого размена, в действительности же и там и здесь имело место бумажное обращение. На положении денежного обращения в Англии я останавливаться не буду и приведу лишь строки оффициального обзора, относящиеся к размену на золото, в виду их характерности: «размен currency notes и банкнот на золото обязателен в силу закона о денежных знаках 1914 г., но, в виду некоторых соображений, он имеет место не в полном об'еме. Во время войны всеми признавалось, что непатриотично требовать в английском банке золото в обмен на его банкноты или currency notes. Английский банк содействовал правительству в убеждении населения в необходимости заменить во внутреннем обращении золото билетами, а обстоятельства войны ставили действительные препятствия пересылке золота заграницу. Действительно экспорт золота не был воспрещен во время войны в виду того, что таковое воспрещение являлось излишним вследствие высоты фрахтов,

трудности страхования грузов и патриотической сдержанности тех, кто мог бы сделать прибыль на этом. Весною 1919 г. вывоз золота в монете и слитках был воспрещен. В конце июля 1919 г. было заключено соглашение с английским банком, в силу которого золото, вновь поступающее в Лондон, могло быть в дальнейшем экспортировано с разрешения. Это соглашение дает возможность производителям золота (хотя и принужденным посылать его в Лондон) продавать его на наиболее благоприятном рынке, причем прибыль идет в их пользу. Но поскольку дело идет о денежном обращении и вексельных курсах, это изменение не лишает силы действия запрещения вывоза британского золота. Что касается реформы существующего положения, то здесь намечаются следующие меры: 1) прекращение выпуска государственных займов и, в частности, займов в английском банке, что достигнуто в начале т. г., 2) уничтожение бюджетных дефицитов, предположительно достигнутое в бюджете текущего 1920 г. (1930 г.), 3) уравновешение расчетного баланса, на что Английский Департамент Торговли питает надежды на 1920 г. Повидимому, он имеет в виду увеличение дохода от работы флота, который в 1919 г., будучи еще занят демобилизационными перевозками, дал на активную сторону расчетного баланса Англии 400 милл. ф. ст., 4) постепенное уменьшение количества бумажных денежных знаков с постепенным увеличением золотого запаса—на первое время до 150 милл. ф. ст. с тем, чтобы можно было стабилизировать внешний курс на до-военном паритете, затем открыть размен currency notes банкнот на золото, и когда этот порядок вполне установится, заменить currency notes банкнотами и вновь возложить все денежное обращение на английский банк на прежних принципиально основах, но увеличить как размеры обращения, так и допустимую без покрытия сумму выпуска. Таков в основных чертах план комиссии Лорда Конлиффа по вопросам денежного обращения и международных расчетов после войны, осуществляемый ныне английским правительством.

В Соединенных Штатах размен поддерживался и во время войны, но как билеты национальных банков, так и билеты федеральных резервных банков разменивались и размениваются на золото исключительно в государственном казначействе в Вашингтоне. Таким образом, получение золота для вывоза возможно, и действительно последний производился в весьма больших размерах с 9 июня 1920 г., когда было отменено запрещение вывоза, об'являемое в начале войны. За время последней большое количество се-

ребряных долларов было обращено в слитки и переслано на Восток, обращение же заменено билетами резервных банков, которых в обращении находилось к 1 июля 1919 г. до $2^1/_2$ миллиардов долл. Во всяком случае во время войны и денежное обращение Соед. Штатов было фактически бумажным, что видно из устанавливаемого немецкими источниками интенсивного пред'явления к размену в 1918 г. золотых сертификатов. В настоящее время золотая и серебряная монета, припрятанная во время войны, в громадных количествах возвращается в обращение. В сущности, перед Соед. Штатами не стоит никакой проблемы в области денежного обращения, кроме уменьшения количества билетов федеральных банков, которое идет успешно вследствие интенсивного погашения государственным казначейством неконсолидированного долга, помещенного в резервных банках, обремененных во время войны государственными обязательствами на сумму до 4 миллиардов долл. Существующие цены на предметы потребления, в среднем, выше на 100%, и таково обеспечение золота в Соединенных Штатах в настоящее время.

V. Отдельной группой стоят несколько небольших государств, вышедших из войны с мало пострадавшим золотым денежным обращением. В Европе это—Испания, в Америке—Уругвай. Инфляция, имеющая место в данном случае, об'ясняется предоставлением кредитов воюющим. Но, кроме предоставления кредитов, они использовали свое положение и для накопления золотых запасов. Так, в Испании количество золота увеличилось в центральном банке в 4 раза, и весь выпуск за время войны банкнот в 1.600 милл. пезет покрыт увеличением золотого запаса. Уругвай, подобно другим южно-американским государствам, получил во время войны значительные выгоды, в особенности от высокой цены мяса и зерновых продуктов. Его денежное обращение сейчас фактически покоится на золотой основе, а стоимость денежной единицы стоит al pari с американским долл. В Японии размен на золото не приостанавливался во время войны. Имел место выпуск казначейских знаков, но исключительно в виде недостатка разменной монеты. Опасения вызывал лишь рост цен серебра. Билетное обращение повысилось в $2^1/_2$ раза, но, тем не менее, золотой запас увеличился с 50 до 70% выпуска. Увеличилось и количество золота в руках публики. Цены возросли в два раза.

VI. В весьма сложном денежном механизме Китая не произошло за время войны каких-либо существенных изменений. Следует отметить только, что Китай, как и Индия, является в настоящее

время резервуаром, поглощающим в больших размерах и золото и серебро. Так, в течение 1919 г. из одних Соед. Штатов вывезено в Китай, Индию и Японию на 25 милл. ф. ст. золота, из Англии в первую половину т. г. в Индию на 18 милл. ф. ст. золота. Положение денежного обращения в Индии осложнялось повышением ценности серебра по отношению к золоту, с единовременным падением ценности ф. ст. по отношению к золоту. Вследствие этого, постоянство отношения между индийской и английской валютами было нарушено, и стоимость рупии в ф. ст. возросла в конце 1919 г. и в начале 1920 г. почти вдвое. Предположения ближайшего будущего сводятся к стабилизированию стоимости рупии на 2 шиллинга.

В основных чертах картина денежного обращения и по истечении $1^1/_2$ лет после заключения перемирия остается такой же, какой она была в конце войны, а именно: отсутствие единой связи между отдельными валютами, каковой до войны было золото, постоянные изменения международных курсов, а также и цен на внутреннем рынке. Так, после заключения перемирия, имело место понижение цен, сменившееся затем повышением, в конце весны тек. года опять мы имеем дело с понижением. Золото обесценено, что также затрудняет кредитный оборот. Все лишает промышленность и торговлю той возможности точной калькуляции, которая составляла необходимое условие их развития в до-военный период.

В первое время после окончания войны возлагались большие надежды на помощь Соед. Штатов, как, вообще, для восстановления хозяйственной жизни Европы, так, в частности, и для восстановления денежного обращения в наиболее пострадавших странах. В Соед. Штатах есть группы, являющиеся, из числа заинтересованных в экспорте, сторонниками долгосрочного кредитования европейских государств для этих целей. Но они, с одной стороны, наталкиваются на противодействие сторонников противоположного мнения, полагающих, что на иностранные валюты благоприятное действие может произвести уменьшение американского экспорта, которое понизит курс доллара и цены в Соед. Штатах и урегулирует инфляцию. Одним из видных сторонников этого мнения является Гардинг, управляющий Federal Reserve Board, как лицо, заинтересованное в охране денежного обращения Соедин. Штатов. С другой стороны, финансированию Европы мешает отсутствие склонности у американской публики к приобретению долгосрочных иностранных обязательств, а путем банковских кредитов такой

громадной операции финансировать было бы нельзя. Ход событий показывает, что осторожная точка зрения побеждает в Соед. Штатах, а тем самым рушатся и надежды на международное сотрудничество. Повидимому, и в области восстановления денежного обращения каждой стране придется полагаться на напряжение своих собственных сил.

I.

Сравнительная стоимость иностранной валюты в Лондоне и в Нью-Иорке в 1914—1919 гг.

1 ф. стерл.

Франка фр. . . .	паритет	25.22¼	9.12.1919	45.15
Лира	»	»	31.12.1919	44.87
Марка герм. . . .	»	20.42	19.12.1919	185
Крона датск. . . .	»	18.16	19.12.1919	20.58
Гульд. голл. . .	»	12.1071	» » »	10.15
Крона норв. . . .	»	18.16	» » »	18.60
Франки швейц. . .	»	25.22¼	» » »	20.60
Крона шведск. . .	»	18.16	» » »	17.86
Долл. аргент. . . .	»	67.62	30.6.1914—47 $^{1}/_{32}$	30.6.1919 51 $^{1}/_{16}$
Долл. чил. бум. . .	»	30.6.1914—9 д.	30.6.1919	10¾
Песета исп. . . .	»	25.22 ¼ д.	» 26.21	19.12.19—19.20
Доллар уругв. . .	»	51 $^{1}/_{16}$ д.	30.6.1914 50 $^{5}/_{16}$ д.	19.1.19—54 $^{3}/_{4}$ д.
Иена	»	2 0.58 д.	» » 20 $^{5}/_{8}$ д.	16.1.20—2.8 $^{1}/_{8}$
Таэль кит.	»	30.6.1914—23.6¾ д.		30.6.1919—53.3 д.
Рупия инд. . . .	»	1 ш. 4 д.	12.12.1919	2.4

II.

Доллары Соед. Штатов.

Франки фр. . . .	паритет	5.18	9.12.1919	11.88½
Лира	»	31.12	1914.5.30	31.12.1919 10.82
Марка герм. . . .	»	—	—	—
Крона датск. . .	»	3.73	19.12.19	—4.56
Гульд. голл. . . .	»	2.49¾	» » »	2.68 $^{3}/_{4}$
Крона норв. . . .	»	3.73	» » »	5.07
Франк швейц. . .	»	5.18	» » »	6.56
Крона шведск. . .	»	3.73	» » »	4.77
Долл. аргент. . . .		103.64		102.25
Долл. чил. бум. . .		36.99	30.6.1914—18.49	30.6.1919—22½
Песета исп. . . .		5.18	» » » 5.53	19.12.1919—5.12
Долл. уругв. . . .		96.6	30.6.1914 97¾ 1,	30.6.1919 100%
Иена		49.94	» » » 46.6	» » » 50 $^{1}/_{4}$
Фунт. ст.		4.8666		23.12.1919—3.94

Выпуск бумажно-денежных знаков и изменение металлического покрытия в 1914—1919 гг.

Страна	Дата	Единица	Эмиссия	Покрытие: золото	Покрытие: серебро
				миллионов.	
Франция	30.6.1914	франки	6.051.2	4.057.7	638.9
	15.1.1920	»	37.679.4	5.579.9	256.4
в том числе заграницей	—	»	—	1.978.3	—
Италия	30.6.1914	лиры	2.798.0	1.510.4	134.1
	30.6.1919	»	14.803.6	1.652.9	314.2
в том числе заграницей	—	»	—	598.3	—
Германия	30.6.1914	марки	2.407.0	1.290	—
кроме того в Шпандау	—	»	—	300	—
Дания	30.6.1914	кроны	159.8	75.6	5.8
	30.6.1919	»	436.0	187.8	2.6
Голландия	30.6.1914	гульдены	316.6	160.6	9.3
	30.6.1919	»	1.110	657.7	8.2
Норвегия	30.6.1914	кроны	121	44	—
	30.6.1919	»	433	148	—
Швейцария	31.7.1919	франки	409.3	191.9	5.9
	31.7.1919	»	910	467.6	67.8
Швеция	30.6.1914	кроны	239	105	—
	30.6.1919	»	728	288	—
Аргентина	30.6.1914	долл.	777	481.1	—
	30.6.1919	»	1.164	871.0	—
Англия	30.6.1914	ф. ст.	34.1	40.1	—
	30.6.1919	»	428.2	117.1	—
Соед. Штаты	июль 1914	долл.	420	752	—
	янв. 1920	»	4.650	3.470	—
Испания	30.6.1914	пезет	1.892	531.6	731
	30.6.1919	»	3.516	2.271.2	657
Уругвай	30.6.1914	долл.	22.2	14.3	—
	30.6.1919	»	63.4	45.4	—
Япония	31.12.1914	иен	426.4	224.4	—
	31.7.1919	»	1.034.8	728.8	—

С. В. Воронин.

Итоги Брюссельской конференции и международное финансовое положение.

Доклад С. В. Воронина, прочитанный 21 января 1921 г.

Работы международной финансовой конференции, происходившей в Брюсселе с 24 сентября по 8 октября 1920 г., стоят в связи со всем развитием финансовой жизни стран западно-европейской культуры в период после заключения перемирия с Германией.

Во всех областях финансовой жизни по окончании военных действий неизбежно возник ряд вопросов, вызванных демобилизацией хозяйственной жизни, причем особая трудность разрешения этих вопросов состояла в том, что разрешение их в после-военной обстановке естественно предполагалось совместными усилиями стран, только что бок-о-бок совместно боровшихся на поле военных действий. Однако, довольно скоро обнаружилось, что даже страны-победительницы, не испытавшие тех потрясений, которые пришлось пережить побежденным, не способны об'единить своих усилий в мирном строительстве с той энергией, которая была ими развита во время войны. Самым острым и роковым для этого периода оказался вопрос об американской финансовой помощи. В течение войны эта помощь была оказываема в широких размерах, и по окончании войны казалось естественным, что Соед. Штаты помогут своим бывшим союзникам выйти из тяжелого хозяйственного положения, созданного этой войной. Но дальнейший ход событий не оправдал этих ожиданий. Уже через четыре месяца после заключения перемирия Соед. Штаты прекратили поддержку на определенном уровне английской и французской валют, быть может, желая таким образом ускорить окончание версальских переговоров, а затем вообще стали сокращать европейские кредиты. Особенно эта замкнутость усилилась после пессимистических заключений о положении

Европы американского уполномоченного по оказанию продовольственной помощи Европе Гувера осенью 1919 г. Тем не менее, мысль об использовании в значительных размерах американских средств для восстановления истощенной войною Европы не была еще совсем оставлена в частности в Англии, считавшей себя признанным центром восстановления после войны европейского континента. В конце 1919 г. в Соед. Штаты был послан Джордж Пеш, издатель экономического журнала «Статисти» и один из консультантов английского казначейства во время войны. Неофициальная миссия, ему порученная, имела в виду переговоры о выпуске громадного займа для восстановления Европы в сумме 7 миллиардов ф. ст., из которых 2 предназначались для снабжения Европы продовольствием, сырьем и орудиями производства, 2 непосредственно на восстановление разрушенных войною областей и 3 на консолидирование заграничных займов европейских государств и на восстановление их кредита. Заем этот предполагалось выпустить от имени Лиги Наций из 4% годовых с 1% погашения. В том числе в Соед. Штатах намечалось занять 3½ миллиарда.

Пеш встретил в Соед. Штатах холодный прием. Так, один из руководителей нью-йоркского финансового мира, Франк Вандерлип, назвал этот проект попросту пустой болтовней, а сенатор Смутс— мечтаниями некоторых интернационалистов. Окончательно это предприятие успеха не имело.

В связи с этими предположениями об использовании Соед. Штатов для восстановления Европы стоит известный меморандум «о международных финансах и о денежном обращении различных государств», составленный группою представителей финансового мира Англии, Франции, Соед. Штатов, Дании, Голландии, Норвегии, Швеции и Швейцарии и переданный правительством этих государств.

Этот меморандум, указывая, что единственным выходом из существующего положения является сокращение потребления, увеличение производства и усиление налогового обложения, в то же время признавал, что некоторые страны безусловно нуждаются в кредите для восстановления денежного обращения, внешнего курса валюты и для восстановления производства и притом в кредите долгосрочном. Для этой цели они предусматривали выпуск странами, нуждающимися в кредите, особо привилегированных и гарантированных займов, которые в значительно большей части должны быть помещены в странах, имеющих благоприятный торговый баланс и

высокую валюту, т. е. опять-таки в Соед. Штатах главным образом и, отчасти, в Англии.

Один из пунктов меморандума, между прочим, рекомендовал аннулирование ссуд, данных Соед. Штатами, Англией и Францией во время войны своим менее состоятельным союзникам. Эта рекомендация была сделана в такой мягкой вопросительной форме, что ее не безынтересно привести буквально. В переводе она гласит:

«Баланс мировой задолженности, опрокинутый войной, лишился своего равновесия и лежит всей тяжестью на одной только стороне. Не представляется ли необходимым освободить его от некоторых фиктивных статей, которые его раздувают в настоящее время и внушают одним страх или отчаяние, а другим абсолютное безразличие к будущему. Не должен ли первый шаг к исцелению заключаться в уменьшении инфляции баланса мировой задолженности»?

Несмотря на мягкость цитированных выражений, этот параграф был опущен американцами в редакции меморандума, представленной им правительству Соединенных Штатов.

В Соединенных Штатах это обращение также встретило отрицательное отношение, на этот раз высказанное уже оффициально министром финансов статс-секретарем Глоссом.

В согласии с раздражительным тоном Гувера, обвинявшего Европу в деморализации производительности, в том, что она не уменьшает расходов на вооружения, не прилагает всей энергии к восстановлению производства и к сбалансированию бюджетов путем повышения налогов и выпуска внутренних займов, Соед. Штаты, по его словам, не в силах, даже при желании, принять на себя бремя всего мира. Они не могут оказывать финансовое содействие Европе, потому что не от них зависит установление фискальной политики европейских правительств. Правительство Соед. Штатов не может облагать налогами своих граждан для покрытия дефицитов, которые проистекают от неспособности правительств Европы привести в равновесие свои государственные доходы и расходы. Между тем таковое обложение было бы необходимо в случае непосредственного кредитования правительством Соед. Штатов европейских правительств по образцу военных ссуд. Но точно также правительство Соед. Штатов не может оставаться индифферентным по отношению к искусственному созданию банковых кредитов для предоставления необходимых средств американским экспортерам. Подобные кредиты опасны для Соед. Штатов, которые по окончании войны сняли запрещение вывоза драгоценных металлов и расплачиваются со

странами Центр. и Южн. Америки и с Дальним Востоком, по отношению к которым они имеют неблагоприятный расчетный баланс, золотом и серебром. Глосс энергично требует, чтобы европейские страны отдали за американские товары свое последнее золото и угрожает, что если Европа не снимет своих ограничений вывоза желтого металла, то Соед. Штаты будут принуждены ограничить свои коммерческие сношения странами, способными расплачиваться наличными.

Английский ответ, данный канцлером казначейства Остином Чемберленом, также содержал в себе отклонение всяких предположений о возможности финансового содействия Англии хозяйственному восстановлению Европы. Он утверждал, что английское правительство убеждено в тщетности всяких начинаний, имеющих целью разрешение проблемы восстановления путем серии новых займов. И только, чтобы смягчить отказ, он указывает на происходящие переговоры между правительствами Канады, Соед. Шт., Франции и некоторых других стран относительно предоставления кредитов Австрии и Польше для приобретения ими продовольствия и сырья, необходимых для спасения их от голода и для восстановления их промышленности.

Таким образом, уже в начале 1920 г. определилось вполне отрицательное отношение Соед. Штатов и Англии к кредитованию наиболее пострадавших от войны стран, и тем самым эти страны оказались предоставленными, главным образом, своим собственным силам. Внешним образом это выразилось в том, что в програме Брюссельской международной финансовой конференции внешние кредиты оказались на последнем месте, и вперед выступили вопросы внутренней финансовой жизни: сбалансирование государственных доходов и расходов, денежное обращение и внешняя торговля.

Официальная история Брюссельской конференции началась с постановления, принятого Советом Лиги Наций в феврале 1920 г. и гласившего:

«Лига Наций созовет международную конференцию с целью изучения финансового кризиса и изыскания средств отвращения и ослабления его опасных последствий».

Это постановление было приведено в исполнение, как мы видели, лишь через 7 месяцев после целого ряда трений, приведших к новым ограничениям в програме ее работ.

Сущность этих затруднений сводилась к невыясненности положения международного расчетного баланса до тех пор, пока остается

неопределенной точно сумма платежей Германии в силу Версальского договора.

Так, 19 мая 1920 г. Совет Лиги Наций, заседавший в Риме, признал в согласии с докладом Леона Буржуа, что работы предполагаемой конференции могут быть плодотворны только тогда, когда будут окончательно установлены размеры и способы платежа Германии, а также ее особое положение, обусловливаемое опекою над ее экономической жизнью комиссиею по восстановлению.

Разрешение этих вопросов ожидалось в то время от конференции в Спа, назначенной на июль. Но, как известно, именно по этому пункту в Спа не было принято никакого решения и поэтому Брюссельская конференция, уже назначенная на конец июля, была отложена до второй половины сентября за 6 дней до начала ее занятий, когда часть делегатов уже выехала в Брюссель.

Окончательно срок начала ее занятий был назначен Советом Лиги Наций, в заседании 6 августа, на 24 сентября, причем было постановлено, что если до 15 сентября не состоится окончательного соглашения между союзниками и Германией относительно размеров и способов ее платежа, то программа работ созываемой конференции должна быть ограничена рядом конкретных вопросов, и чтобы обсуждение вопросов, сверх поставленных, никоим образом не было допущено.

Сверх того конференции были поставлены три следующих условия:

1. Ни один из вопросов, составляющих предмет переговоров, ведущихся между союзниками и Германией, не должен быть затрагиваем в прениях.

2. Приглашение, которое будет адресовано германскому правительству, должно содержать определительно оговорку, тождественную с п. 1.

3. Должен быть приглашен представитель комиссии по восстановлению.

Как известно, соглашение с Германией по указанным вопросам не состоялось до 15 сентября, и потому вышеприведенные ограничения программы занятий Брюссельской конференции вошли в силу.

Это второе обстоятельство также отразилось на характере работ Брюссельской конференции, значительно сузив их пределы, но, тем не менее, результаты конференции все же интересны, т. к. их вынужденно ограниченное содержание является отражением

запутанного финансового и экономического положения мирового хозяйства под бременем политических конфликтов, не разрешенных окончанием войны и Версальским договором.

Програма, по которой должна была работать конференция, разделялась на 3 части:

I. Изложение существующего финансового положения отдельных стран, включая сюда государственный бюджет, денежное обращение, курс валюты, внешнюю торговлю и ее регулирование, регулирование внешних расчетов.

II. Финансовая политика, как-то: а) государственные финансы (вопросы о сбалансировании бюджета, уменьшении расходов, в частности военных, увеличение налогового обложения, налоге на капитал и т. д.); б) денежное обращение (вопросы о сокращении инфляции, о возвращении к до-военному паритету, дисконтной политике; о регламентации международных расчетов, о международной денежной единице); в) международная торговля, а именно: изменение ее характера и направление после войны, регулирование, различение цен, монополии экспорта и импорта.

III. Предположения о мероприятиях в международном масштабе:

а) временные меры к облегчению международного оборота, как-то: товарообмен, кредитование и т. д.;

б) план мобилизации гарантий коммерческих или государственных для обеспечения коммерческого кредита;

в) международные займы.

Далеко не на все поставленные вопросы мы находим ответ в постановлениях конференции, но то, что в них содержится, проникнуто, во всяком случае, единым духом и позволяет с достаточной основательностью предположить, каким образом конференция ответила бы и на остальные детальные вопросы програмы.

В работах конференции принимали участие всего 86 человек, назначенных правительствами приглашенных стран, из числа лиц, обладающих опытом и знанием в финансовых вопросах по своей частной или общественной деятельности. Приглашены были нижеследующие 39 стран, как состоявших, так и не состоявших членами Лиги Наций: Аргентина, Армения, Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Болгария, Канада, Китай, Чехо-Словакия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Гватемала, Голландия, Венгрия, Индия, Италия, Япония, Латвия, Литва, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Юго-Славия, Южная Африка, Испания, Швеция, Швейцария, Велико-

британия, Соединенные Штаты Сев. Америки, Уругвай, причем делегаты Армении, Эстонии, Латвии и Литвы имели лишь совещательный голос.

Вообще же все делегаты являлись независимыми экспертами и отнюдь не должны были защищать свою национальную политику.

Работы конференции были разделены между 4 комиссиями: 1) по вопросам государственных и местных финансов, 2) по вопросам денежного обращения и международных расчетов, 3) по внешней торговле и 4) по международному кредиту. Резолюции, ими выработанные, были переданы на обсуждение пленума, которым им и была придана окончательная форма. Кроме этих резолюций в отчете конференции содержится краткий очерк положения мирового хозяйства и небольшая глава о пределах эффективности финансовых мероприятий.

Очерк экономического положения в общем приводит факты уже известные. Особенно он обращает внимание на тяжелое положение европейских воевавших стран. Он указывает что сумма их внутренних государственных долгов, составлявших в 1913 г. по паритету 17 миллиардов долл., поднялась до 155 миллиардов долл. по тому же паритету, сверх чего они должны 11 милл. долл. Соед. Штатам, 1¾ миллиарда ф. ст. Англии, их расходы возросли в 5 раз и более—до 15 раз и поглощают от 20 до 40% всего народного дохода.

Затем конференция указывает, что кроме предлагаемых мероприятий финансового характера, которые одни служили предметом ее работы, первым и необходимым условием экономического равновесия является мир международный, причем под таковым надлежит понимать не только прекращение военных действий, но и устранение самой атмосферы войны и военных приготовлений. Следующим необходимым условием является внутренний мир, т. е. устранение социальных трений, сокращающих в настоящее время производительность и восстановление известного социального равновесия, с которым связаны желание и охота работать.

Эти два условия необходимы для увеличения производства, а без такового увеличения бессильны все чисто финансовые мероприятия.

Обратимся теперь к самым постановлениям конференции, рекомендующим финансовые мероприятия в указанных нами областях

в, прежде всего, к постановлениям, касающимся государственных и местных финансов.

Первый пункт этих постановлений подчеркивает тяжесть финансового положения указанием на тот факт, что $^3/_4$ из числа всех стран, представленных на конференции, и, в частности, 11 из 12 европейских стран предвидят дефицит в 1920 г., и потому первым шагом к оздоровлению финансового положения конференция считает внедрение в общественное мнение каждой страны основных фактов положения и, в частности, сознания необходимости восстановить государственные финансы на твердом базисе прежде, чем приступить к каким-либо социальным реформам, настоятельность которых признана миром.

Уничтожение бюджетных дефицитов, вот основное требование конференции. Для достижения этой цели рекомендуется:

1) Сокращение обыкновенных расходов до пределов, которые могут быть покрыты обыкновенными доходами.

2) Решительное сокращение военных расходов.

3) Устранение всех непроизводительных чрезвычайных расходов.

4) Сокращение до возможно низкого предела даже производительных чрезвычайных расходов.

В частности конференция рекомендует отказаться в возможно скором времени от всяких искусственных мероприятий, которые скрывают от народа действительное экономическое положение, как, например: искусственное удешевление хлеба и других предметов питания, угля и т. п., путем продажи их ниже себестоимости, оказание помощи безработным в форме, деморализующей производительность, поддержание железнодорожных, почтовых и т. п. тарифов на уровне, при котором они не могут покрыть расходов соответствующих учреждений со включением платежей по капитальным затратам. Займы могут быть допускаемы лишь для покрытия расходов по восстановлению разрушений войны, причем, ввиду недостатка свободных капиталов, и в этом случае в ближайшее время могут быть осуществлены лишь самые необходимые работы.

Надо сказать, что следующий пункт постановлений (VIII) еще более обескураживает тех, кто надеялся бы воспользоваться кредитом для целей восстановления: он говорит, что средства для этих займов должны получаться из действительных сбережений, а не посредством кредитной инфляции, действительные же сбережения на ряд лет вперед должны быть употребляемы на консолидирование кратко-

срочных кредитов, открытых во время войны, и это консолидирование должно быть первым шагом для создания условий, при которых можно было бы приступить к новым займам. Таким образом, возможность займов для восстановления откладывается на неопределенное время.

Наконец, конференция рекомендует возможно большую гласность в финансовых вопросах в целях привлечения к ним общественного интереса.

Вопрос о способах увеличения доходов (прямое или косвенное обложение, налог на капитал в целях погашения государственного долга) признан неподлежащим разрешению конференции, так как то или иное его разрешение зависит от частных особенностей отдельных стран. Это решение было принято после того, как возгорелся сильный спор между сторонниками различных методов обложения.

Надо сказать, что настойчивое требование сокращения государственных расходов, выставленное конференцией, имело и другую цель, помимо уравновешения бюджета, которая не была высказана в постановлениях, но была указана в прениях. Так, председатель комиссии Бранд задался вопросом о том, кому должно быть предоставлено преимущество в пользовании капиталом, при условии его недостаточности, государству или частной промышленности; в чьих руках он будет употреблен более производительно? Разрешая этот вопрос, он напомнил слова своего знаменитого соотечественника Гладстона, который об'явил себя сторонником оставления денег в карманах населения, чтобы там они приносили плоды. Точно также и шведский представитель Валленберг заявил, что, по его мнению, государство и муниципалитеты должны по мере возможности воздерживаться от принятия в управление каких бы то ни было предприятий общественного характера. По мнению Бранда, правительства должны поставить себе целью предоставление в возможно скором времени вновь свободы частной инициативе во всех сферах финансовой, коммерческой и промышленной деятельности. Освобожденная частная инициатива, по мнению участников конференции, скорее всего восполнит причиненный войной ущерб в основном капитале, а средства для этого должно доставить население, по красноречивому выражению одного из ораторов, тяжким трудом, живя в лишениях и строгой экономии (en peignant durement, en vivant durement et en economisant durement).

Следующая глава постановлений посвящена вопросам денежного обращения и валютных отношений.

П. I этой главы признает факт инфляции как в воюющих странах, так и в некоторых других, причем под инфляцией подразумевается увеличение в обращении денежных знаков, обладающих законной платежной силой, и обещаний уплаты таковых, т. е. банковых кредитов, поскольку таковые могут служить для немедленной расплаты. Следствием таковой инфляции является повышение цен. Первым шагом к устранению неблагоприятных последствий инфляции конференция считает прекращение как нового выпуска денежных знаков, так и кредитования государств в банках, а также увеличение количества реальных благ в обороте. Поэтому государственные расходы должны балансироваться с государственными доходами, банки и в частности банки эмиссионные должны быть свободны от всякого давления со стороны государственной власти; необходимо также начать постепенно уплату или консолидацию краткосрочных государственных долгов. До тех пор, пока инфляция не дает возможности контролировать денежный рынок нормальным путем учетного процента, кредитование должно производиться исключительно для удовлетворения реальных экономических потребностей. Дальше опять рекомендуются освобождение внутренней торговли от всякого контроля, установленного во время войны, и внешней торговли от государственного регулирования, а также уменьшение потребления и увеличение производства.

Мероприятия чисто денежного характера, рекомендуемые конференцией, сводятся к следующему: прежде всего признается в высшей степени желательным возвращение к золотому монометаллизму всех стран, его оставивших, и установление его во вновь образовавшихся странах. Вместе с тем указывается, что до коренного улучшения финансового положения всякая девальвация бесполезна, т. к. нет гарантии того, что вновь установленное отношение между ценностью золота и денежной единицей может быть выдержано в дальнейшем. В тех случаях, когда девальвация будет признана необходимой, она должна проводиться постепенно и с большой осторожностью. Установление твердой цены на золото определенно не рекомендуется, и конференция выражает сомнение в том, чтобы оно могло иметь успех. В особом пункте конференция определенно выражает уверенность в том, что ни установление денежной системы международного характера, ни международной счетной единицы не может быть полезно в каком бы то ни было направлении

и не может устранить какие бы то ни были трудности, от которых страдает международный расчетный механизм. Следующий пункт XIII содержит также весьма важное признание того, что конференция не находит никаких оснований к поддержанию принципа различного отношения к иностранным держателям банкнот и иностранным вкладчикам в банки.

Необходимым признается учреждение центрального эмиссионного банка в тех странах, где нет такового, причем желателен международный контроль над ним в тех случаях, когда он учреждается на заграничный капитал.

По отношению к международным расчетам признается, что всякие попытки устранить колебания валюты путем искусственного контроля над валютными операциями бесплодны и даже вредны. Поскольку они оказывают действие, они искажают рыночные отношения, способствуют устранению естественных коррективов колебаний и мешают свободным сделкам на срок, необходимым для устранения риска повышения валюты, что влечет за собой повышение цен. Более того, всякое государственное вмешательство в торговлю, в том числе и в торговлю валютой, замедляет улучшение экономического положения страны, тогда как только это улучшение может обеспечить здоровую и устойчивую валюту.

Нельзя сказать, чтобы вышеприведенные положения, проникнутые одной мыслью о преимуществе золотого монометаллизма, как денежной системы и, если так можно выразиться, «национализации» денежной системы в смысле отрицания всякого регулирования ее в международном масштабе, представлялись с самого начала несомненными всем членам конференции. По крайней мере Виссеринг, председатель комиссии по вопросам денежного обращения и председатель правления Нидерландского банка, в своей вступительной речи поставил некоторые из вышеприведенных положений под знаком вопроса. Он указал, что, вследствие уменьшения предложения товаров, ценность золота значительно понизилась и что нельзя отрицать того, что признание золота мерилом ценности не является уже столь несомненным, как до войны. Правда, он признает, что понижение ценности золота само по себе не может служить основанием к признанию его неподходящим для роли мерила ценности, т. к. в данном случае главным необходимым качеством является постоянство ценности, но он опасается того непрерывного втягивания золота, колеблющего постоянство его цены, которое наблюдается со стороны Азии. Поэтому ему представляется необходимым рассмотреть вопрос

о том, не следует ли установить фиктивный эталон ценности, который представлялся бы и с практической, и с теоретической точки зрения более устойчивым, чем золото. Виссеринг вспоминает при этом исторический пример «банковых флоринов» и «банковых марок», которые, по его мнению, имели в конце концов теоретическую ценность (основанную, как он признает, в то время на серебре), причем эта ценность была гарантирована монетами самого разного типа и серебряными и золотыми, и этот фиктивный, по мнению Виссеринга, эталон все же исполнял вполне успешно роль мерила ценности. Поэтому Виссерингу представляется желательным рассмотреть вопрос о возможности в настоящее время создать искусственную единицу ценности уже в несравненно более широком масштабе. Эта теория неясная и, несомненно, неверная не нашла никакого отражения в постановлениях комиссии. Точно также им был поставлен вопрос о целесообразности каких-либо мероприятий в международном масштабе, имеющих целью ограничить колебания валюты или создать международную монету или международную счетную единицу. На этот вопрос, как мы уже видели, конференция ответила определенно отрицательно.

Постановления, касающиеся международной торговли, содержат немного пунктов. Прежде всего, они указывают на необходимость действительного установления мира, взаимного доверия и доброжелательства, на вред, причиняемый международной торговле валютными колебаниями, и на необходимость улучшения транспорта. Кроме того конференция приветствует начинание Лиги Наций, которое было бы направлено к содействию наиболее пострадавшим странам в деле приобретения ими необходимых для восстановления припасов при помощи коммерческих кредитов на основе специальных постановлений.

Наконец, последняя часть постановлений касается международных кредитных отношений. Как мы указывали в начале настоящего сообщения, этот пункт был собственно наиболее интересной частью программы и, быть может, даже скрытой причиной созвания конференции. Но, как мы увидим из дальнейшего изложения, принятые постановления, несмотря на их значительные размеры, дают крайне незначительные результаты. Так же, как и 3 предшествующие главы, эта последняя начинается с указания на необходимость установления мира, к чему в данном, последнем, случае присоединяется указание на необходимость окончательного разрешения финансовых вопросов, являющихся последствием войны. Здесь, очевидно, подразу-

мевается платеж Германии. Затем конференция указывает, что возможность восстановления международного кредита обусловливается упорядочением государственных финансов, прекращением инфляции, урегулированием денежного обращения и восстановлением свободы торговли; в виду этого постановления, касающиеся международного кредита, неразрывно связаны со всеми вышеизложенными постановлениями. Далее конференция признает, что подобное значительное улучшение экономического положения возможно лишь по истечении продолжительного времени, тогда как для некоторых стран в существующих условиях непосильно восстановление экономической жизнедеятельности без помощи извне. Такого рода внешняя помощь, по мнению конференции, должна быть оказываема лишь из действительных сбережений кредитующей страны и отнюдь не должна служить основанием к увеличению ненормального отношения между количеством средств платежа и действительными потребностями оборота. С другой стороны, конференция полагает, что такая помощь может быть с успехом оказываема только странам, способным и готовым ко взаимному содействию в деле восстановления и всемерно стремящимся в пределах собственных границ об'единить в бескорыстном сотрудничестве все группы населения, а также обеспечить труду и прилежанию плоды их работы. Эти несколько туманно выраженные условия расшифровать не трудно.

Что касается практических предложений, то здесь конференция, прежде всего, высказывается против непосредственного предоставления кредитов государствами, исключая отдельных случаев, когда противоположное решение могло бы быть продиктовано национальными интересами или соображениями гуманности. Конференции представляется, что наиболее значительным препятствием для кредитования является отсутствие у занимающих стран действительных гарантий, которые они могли бы представить своим кредиторам. В виду этого конференция представила план учреждения особой финансовой организации, которая явилась бы посредником между кредитором и заемщиком. План этот, который будет изложен ниже, должен быть подробно разработан особым комитетом, назначенным Советом Лиги Наций. На обсуждение этого же комитета конференция предлагает передать и вопрос о возможности предоставления облигациями учреждаемой организации международных гарантий в какой-либо форме. Сама конференция не могла разрешить этого вопроса. Кроме того, конференция рекомендует разработать при содействии экспертов два технических вопроса

международного кредитования, а именно расширение в международном масштабе уже существующей системы страхования экспортных кредитов, а также системы «окончательных кредитов» (если так можно перевести английский термин «finishing credit»), то есть кредитов, при которых залоговое право экспортера или банкира на сырье сохраняется во всех стадиях его переработки и на окончательный продукт. Эта последняя форма кредита скорее интересна, как новая юридическая конструкция, чем как нововведение, обещающее широкое практическое применение. Сверх того, конференция обращает внимание Лиги Наций на желательность нижеследующего: 1) унификации вексельных уставов и законов о погрузочных документах, 2) однородного отношения к отделениям заграничных банков в разных странах, 3) опубликования материалов по финансовым вопросам в ясной и удобосравнимой форме, 4) установления притязаний держателей облигаций, по которым платеж процентов не производится, 5) международного соглашения по вопросу об утраченных, похищенных или уничтоженных ценных бумагах, 6) учреждения международной расчетной палаты, и 7) международного соглашения в целях избежания двойного обложения капиталов, помещаемых заграницей.

Остановимся теперь более подробно на проекте организации международного кредита, помещенном в виде особого приложения и состоящем из 36 статей.

Во главе проектируемой организации ставится особая международная комиссия из имеющих международную репутацию лиц банкового и промышленного мира, назначаемых Лигою Наций. Эта комиссия получает право назначать подкомиссии и передавать им свои полномочия в отдельных странах. Правительства страны, желающей воспользоваться услугами учреждения, должны сообщить комиссии, какого рода специальный залог они готовы предоставить в обеспечение коммерческих кредитов, которые могут быть предоставлены ее гражданами экспортирующих стран. Комиссия, по исследовании предлагаемого залога, определяет в золоте размеры кредита, который может быть оказан под его обеспечение, после чего это правительство получает право изготовить обязательство на сумму золотом не свыше оценки комиссии, причем валюта обязательств может быть устанавливаема по произволу эмиттента. Срок этих обязательств и процент, ими приносимый, устанавливаются по соглашению правительства с комиссией. Уплата погашения и процентов обеспечивается доходом от предоставленного залога. Залог этот

может быть оставлен в управлении правительства или передан в управление комиссии в зависимости от ее решения, причем это решение может быть во всякое время изменено Советом Лиги Наций по представлению комиссии. По изготовлении обязательств правительством, оно получает право предоставлять их в займы своим гражданам для использования их в качестве залога за импортируемые ими товары, причем правительство в праве, если найдет необходимым, требовать от граждан, получающих взаймы эти обязательства, соответствующего обеспечения. Срок, на который предоставляются взаймы эти обязательства, и процент, уплачиваемый по этому займу, устанавливаются по соглашению между правительством и заемщиком; они могут быть не те, как срок и процент самых предоставляемых обязательств. Лицо, желающее получить обязательства взаймы, должно представить своему правительству доказательство того, что оно получило от международной комиссии согласие на совершение сделки, по которой обязательства должны служить обеспечением. Каждое обязательство, до выпуска его в обращение, должно быть зарегистрировано и контрассигновано комиссией. Импортер, получивший обязательства, с согласия комиссии, предоставляет их в залог иностранному экспортеру до срока исполнения сделки. Экспортер, получивший обязательство, должен возвращать импортеру их купоны, по наступлении сроков оплаты, а также возвратить самые обязательства по исполнении сделки. Импортер, получивший купоны или самые обязательства, возвращает их своему правительству. Обязательства, возвращенные правительству, погашаются или могут быть в дальнейшем заменены другими обязательствами на ту же сумму в той же или иной валюте. Экспортер или учреждение, в котором они перезаложили эти обязательства, имеют право, в случае неисполнения импортером своих обязательств, удержать в своих руках заложенные у них обязательства или продать их в согласии с обыкновениями своей страны. В случае продажи, правительству, выпустившему их, должно быть предоставлено преимущественно право покупки. Если при продаже обязательств выручена сумма, превышающая претензии кредитора, то излишек должен быть им передан правительству-эмиттенту. Купоны от обязательств, удержанных кредитором вследствие неисполнения сделки или приобретенных от него третьими лицами, уже не возвращаются держателями облигаций правительству-эмиттенту, а представляются ими к оплате и составляют доход этих лиц. Доходы от залогов правительства-эмиттента, предоставленных им международной комиссии в обеспечение выпу-

щенных облигаций, служат для расплаты по выпущенным обязательствам. Прежде всего комиссия или правительство, в зависимости от того, в чьих руках находится залог, из этих доходов покупает соответствующую валюту для расплаты по купонам выпущенных обязательств. Затем она из этих же доходов накопляет фонды в соответствующих валютах в размере 10% суммы находящихся в обращении обязательств для обеспечения их погашения. Кроме того, она накопляет в размере, установленном ею самою, специальный резервный фонд для выкупа обязательств, которые могут быть проданы в случаях неисполнения должников своих обязательств. Все суммы, остающиеся в распоряжении комиссии к концу года по надлежащем исполнении всех платежей, связанных с выпусками обязательств, должны быть предоставлены в распоряжение правительства-эмиттента. Государство, выпускающее обязательства этого рода, имеет право предоставлять их в обеспечение по своим собственным импортным сделкам, но при условии получения согласия на эти сделки от комиссии, как это требуется и от частных лиц. Согласие комиссии, по общему правилу, должно даваться лишь в случаях импорта сырья и предметов первой необходимости и должно простираться также и на срок кредита. Этот проект был предложен голландским представителем тер-Мейлен и, поскольку можно судить по газетным сведениям, до половины декабря 1920 г. не было приступлено к его осуществлению. Основным недостатком этого плана является то, что обязательства выпускаются не от имени кредитного учреждения, которое являлось бы ответственным по ним, а от имени отдельных государств. Несомненно, что, хотя исполнение этими государствами своих обязательств и должно гарантироваться международной комиссией, тем не менее, их обращаемость будет ограничена степенью доверия, которое будет питать финансовый мир к отдельным государствам-эмиттентам, и эмиттентами будут финансово слабые государства. От этого недостатка был свободен другой проект, представленный бельгийским первым министром Делякруа, предлагавшим учредить Международный Кредитный Институт, который выпускал бы от своего лица срочные обязательства в золоте. Эти обязательства он должен был передавать нуждающимся государствам под обеспечение пошлин, налогов, монополий на сбор урожая и т. д. Образование этого Института требовало капитала в золоте, который должен быть внесен странами, желающими принять в нем участие. Однако, этот проект не прошел в комиссии. Таковы результаты работ комиссии по международному

кредиту. Их смысл состоит только в выяснении полной тщетности надежд на организованную финансовую помощь более слабым государствам со стороны более богатых.

Остановимся теперь на общем характере изложенных постановлений. Отличительной чертой их, помимо краткости, является то, что они в сущности представляют собою ряд логически связанных общепризнанных положений либеральной экономической и финансовой политики. В них ясно сказались и разочарование во вмешательстве государства в экономическую жизнь, практиковавшемся в столь широких размерах во время войны, и разочарование в возможности совместных действий членов международного общения в этой области. Старые правила, в сущности начала XIX века, рекомендуются конференцией: свобода торговой и промышленной деятельности, в том числе внешней торговли и валютных сделок, свобода частной инициативы в этой области, ограничение сферы деятельности государства вследствие недоверия к его способности к экономии, возвращение к золотому монометаллизму, предоставление отдельных стран своим силам в деле после-военного восстановления,—все это знаменует собою резкий разрыв с политикой последнего времени и, в особенности, со многими ожиданиями после-военного периода.

Конференция состояла, главным образом, из представителей банкового капитала—наполовину руководителей центральных банков, наполовину руководителей частных банков, лиц, тесно связанных с правящими группами, и поэтому надо думать, что ее постановления в значительной степени определят ближайшую политику стран европейской культуры.

С. В. Воронин.

Денежное обращение заграницей в 1921 г.

Доклад З. С. Каценеленбаума, прочитанный 5 августа 1921 г.

I.

Денежное обращение явилось той областью народно-хозяйственной жизни, которая раньше других пришла в расстройство, когда началась мировая война. Выпуски бумажных денег, исчезновение золота из оборота, нарушение паритетов вексельных курсов обнаружились во всех странах Европы уже в августе 1914 г., между тем, как другие хозяйственные последствия войны: упадок производства, дороговизна, голод и проч. дали себя знать значительно позже. Следуя, повидимому, какому-то серьезному экономическому закону, процесс восстановления хозяйственной жизни Европы идет обратным путем. По всем видимостям, денежное обращение явится последней или одной из последних областей хозяйственной жизни, в которой будут ликвидированы последствия войны. В самом деле, наблюдая то, что происходит в последние 2 года в области хозяйства заграницей, нельзя не заметить, что в большинстве главных стран Европы, в Англии, Франции, Германии, Италии, в Соед. Штатах, Японии и громадном большинстве нейтральных стран Европы и других частей света идет весьма быстрая ликвидация тяжелых хозяйственных последствий войны. Из месяца в месяц растет производство, улучшаются или, вернее, стремятся к до-военному состоянию торговые балансы, приходят в равновесие цены, отпадают военные регулировки, улучшаются бюджеты. Только область денежного обращения остается пока почти в том же состоянии, в котором она была во время войны. Золото в Европе не фигурирует в обороте, повсюду существует бумажная валюта, вексельные курсы испытывают резкие колебания. Но что еще более интересно—это то, что хотя со вре-

мени подписания Версальского договора прошло уже почти 2 года, ни в одной стране, не исключая Англии, в сущности, не поставлен даже вопрос о валютной реформе. Больше того, о реформе, о регулировании денежного обращения, о тех основаниях, на которых это регулирование должно произойти, в Европе теперь даже говорят меньше, чем говорили во время войны. В особенности хранят глубокое молчание на этот счет правительства разных стран. Говоря много и о чем угодно, министры финансов Англии, Франции, Германии, Италии, насколько мне удалось проследить, за последнее время не обмолвились ни единым словом, ни даже отдаленным намеком о том, как они представляют себе выход из теперешнего состояния денежного обращения. Легко понять, насколько заинтересован весь мир в вопросе о том, когда и как Англия собирается исправить свою валюту, думает ли она вернуться к золоту и по какому паритету, с девальвацией или без нее. Но об этом никто из оффициальных лиц не говорит. Насколько известно, в Англии даже нет парламентской комиссии по вопросу о судьбе фунта стерлингов, институт, который учреждается по каждому серьезному поводу и который существовал во время войны, хотя имеется комиссия об индийской валюте. Полемику на тему о регулировании валюты, о золоте или «пленице», как основе денежного обращения, о девальвации и т. п. полемику, в общем праздную, ведут лишь на страницах «Times'a» и «The Economist'a» экономисты-самоучки из обывателей. Ту же политику мы наблюдаем и во Франции и в Германии. Замечательно, что в этой последней стране даже серьезные споры крупных экономистов о валюте, которые велись с таким азартом во время войны и в первый после-военный год, несколько замолкли.

Все это, конечно, не случайно и не может об'ясняться тем, что руководящие финансовые круги не придают значения денежной проблеме. Скорее здесь сказывается молчаливое признание того факта, о котором мы упомянули вначале, денежная проблема признана последней в ряду подлежащих разрешению хозяйственных проблем. Урегулирование валютных отношений должно завершить, как последнее звено, всю ту работу по восстановлению нормальных отношений, которою сейчас занято мировое хозяйство. Регулирование других экономических и финансовых вопросов должно служить как бы подготовительной работой к регулированию последнего и наиболее трудного вопроса—вопроса валютного. Вот почему осторожные политики считают преждевременным сейчас развертывать планы валют-

ной реформы. Все будет зависеть от того, как будет протекать эта подготовительная работа, как будет идти восстановление в тех областях хозяйства, которые должны служить фундаментом для нормальной валюты.

Дать анализ современного денежного обращения в Европе и его перспектив—это и значит поэтому раньше всего попытаться учесть, что происходит в тех смежных с денежным обращением областях, которые должны подготовить возможность восстановления валюты и выявить на основании происходящего те пути, по которым может пойти денежное обращение в Европе в ближайшее время. Говоря о смежных с денежным обращением областях, мы не имеем в виду затрагивать здесь всех тех отраслей хозяйства, которые так или иначе связаны с деньгами, ибо это означало бы дать анализ всей народно-хозяйственной жизни в ее целом, а ограничимся двумя, тремя более узкими и непосредственно связанными с валютой областями, а именно рассмотрением общего состояния финансов отдельных стран в связи с состоянием государственного долга и развитием отношений в области внешней торговли. В центре международных хозяйственных отношений и в особенности отношений финансовых стоит, однако, в течение последних 2 лет один вопрос, это вопрос о германской контрибуции, или об исполнении Версальского договора. В него упирается и денежная проблема. Вот почему я считаю необходимым начать с характеристики положения, создавшегося в этом вопросе последними событиями.

II.

1 мая 1921 г. должно было явиться важной датой для установления финансовых взаимоотношений в Европе. К этому дню, согласно Версальскому договору, «Репарационная Комиссия» должна была установить окончательную сумму убытков, которую следует получить с Германии, и этим как бы распределить тяжесть финансовых последствий войны между отдельными странами. После многочисленных конференций, подсчетов, нот и т. д. эта сумма, действительно, была потребована от Германии в ультиматуме от 5 мая 1921 г. Принятие Германией этого ультиматума—10 мая—и ее согласие признать обязательство выплаты 132 миллиардов марок золотом, как будто, закончило дипломатическую переписку и переговоры по поводу общей суммы убытков.

Было бы, разумеется, неправильно думать, что принятием ультиматума от 5 мая 1921 г. вопрос о германской контрибуции

исчерпан, будто бы сейчас Англия, Франция, Бельгия, Италия и прочие страны Антанты, с одной стороны, и Германия—с другой, могут заняться окончательным подсчетом своих военных расходов и окончательным сбалансированием своих долгов и поступлений. Так, не смотрят на майское соглашение ни в Германии, ни во Франции. «Германия знает теперь»,—пишут немецкие финансисты,—«размеры своих ежегодных обязательств. Ей, однако, так же, как и раньше, остается неизвестно число лет, в течение которых на ней будет лежать тяжесть этой дани. Если бы политические и финансовые соглашения народов представляли из себя нечто длительное, то эту дань пришлось бы платить многие десятки лет... К счастью, однако, международные соглашения так же смертны, как и люди, которые их заключают. Следует поэтому, по меньшей мере, считаться с возможностью, что новая политическая констелляция закончит срок ежегодных платежей раньше назначенного времени» *)... А докладчик финансовой комиссии французского сената Cheron так выражается по поводу германских платежей: «Германия заплатит только часть той суммы, которую она нам должна. Как это ни несправедливо, мы стоим перед совершившимся фактом. Но если она эту сумму будет регулярно выплачивать, то наша финансовая проблема при сильном напряжении с нашей стороны хотя и останется трудной, но не будет более неразрешимой». Словом, не будет ничего неожиданного в том, если дипломаты после некоторой передышки окажутся вынужденными вновь и вновь толковать о германской контрибуции. В лучшем случае, действительно, майское соглашение определяет платежи Германии на ближайший год или два. Вот почему страны Антанты и раньше всего Франция, поскольку они стремятся поскорее установить у себя финансовое равновесие, по существу должны опираться на свои собственные силы, а не на германские миллиарды. Так поступает Англия, так, в сущности, действует и Франция. Однако, поскольку германская контрибуция все же фигурирует во всех подсчетах и финансовых предположениях ряда стран, анализу финансового положения Европы приходится предпослать краткой обзор финансовых взаимоотношений Германии и союзников.

Как известно, Версальский договор возложил на Германию, помимо всего прочего, обязательство «возместить все убытки, причиненные гражданскому населению союзников и их имуществу нападением Германии с суши, с моря и с воздуха». Общая сумма

---

*) A. Landsberg. Die Kriegsentschädigungen «Die Bank». Июнь 1921 г., стр. 295.

убытков, которая и представляет собою собственно замаскированную контрибуцию, должна была быть сообщена Германии к 1 мая 1921 г. специальной «Комиссией по восстановлению», составленной из представителей стран Антанты, на которую договор возложил широкие полномочия не только по выяснению убытков, но и по взиманию их с Германии и распределению между союзниками. При этом до 1 мая 1921 г. Германия должна была уплатить союзникам путем передачи разного имущества 20 миллиардов марок золотом. Эти 20 миллиардов не должны были, однако, идти целиком на возмещение убытков. Они частью должны были пойти на возмещение расходов по содержанию оккупационных армий и на оплату того продовольствия, которое союзники сочли бы нужным дать Германии для поддержания питания ее населения.

Хотя Германия уже с 1919 г. стала усиленно сдавать союзникам разные материалы в счет «репараций» (до 31 дек. 1920 г. Германия доставила 17,8 милл. тонн угля, 2 милл. тоннажа торгового флота, 360 тыс. голов скота, 4.571 локомотив, 129.555 вагонов, 140 тыс. тонн твердого железнодор. материала, 131 тыс. тонн сельско-хозяйственных машин и т. д.), однако, по оценке союзников весь материал к маю 1921 г. составил не 20 милл. марок, а всего лишь 7—8 милл. марок. Не видя возможности получить до 1 мая 1921 г. недостающие 12 милл. марок, они ультимативно потребовали от Германии взноса 1 миллиарда марок, применив в качестве угрозы знаменитые санкции. Вместе с тем, они в том же ультиматуме (от 5 мая 1921 г.) пред'явили и счет по репарациям.

Сущность майского соглашения сводится к следующему:

Германия должна уплатить всего 132 миллиарда марок золотом сроком 1 мая 1921 г. Из уплаченных 8 миллиардов марок (уже со включением ультимативного миллиарда) 7 миллиардов составляют расходы по оккупации и платежи за доставленное продовольствие, и потому в зачет репарационных расходов остается только 1 миллиард. Вместе с тем, сумма платежей уменьшается до 131 миллиарда. С 1 мая 1921 г. на причитающиеся союзникам 132 миллиарда начисляются проценты в размере 5% годовых. С 1921 г. начинается погашение долга в 1% в год, так что Германия должна платить ежегодно %о%о и погашения 6%, т. е. на круг 7,92 милл. марок золотом. При этих условиях долг будет погашен в 37 лет.

В счет процентов и погашения Германия должна платить:

1) 2 миллиарда марок золотом ежегодно, начиная с 1 мая 1921 г., 4 платежами в год, причем платеж производится в золоте, иностранных девизах, иностранных траттах или 3-месячными векселями германского казначейства, гарантированными всеми германскими банками, и

2) 26% со стоимости экспорта. Германии предоставляется право предложить какой-либо другой коэффициент, который соответствовал бы ценности этих 26% экспорта.

В обеспечение платежа 132 милл. марок Германия выпускает 3 серии 5% облигаций купюрами в 500 и 1.000 марок золотом, с погашением в 1% на срок 37 лет, а именно:

1) 1-ая серия «А», на 12 миллиардов марок, которая должна соответствовать недоплаченным до 1 мая 1921 г.—12 миллиардам. Эти облигации выпускаются 1 июля 1921 г.;

2) 2-ая серия «В», на сумму в 38 милл. марок, которые выпускаются 1 ноября 1921 г.;

3) 3-я серия «С», на сумму в 82 милл. марок, которые также выписываются сроком от 1 ноября 1921 г. и передаются вместе с двумя первыми сериями комиссии по восстановлению.

Первые 2 серии, проценты по которым должны составить около 3 миллиардов марок золотом в год, выпускаются «Репарационной Комиссией» на рынок. Что же касается 3-й серии, %% по которой должны составить около 5 миллиардов марок, то их предполагается выпустить тогда, когда комиссия по восстановлению найдет, что Германия может гарантировать по ним проценты.

Первые платежи в счет 2 миллиардов и в счет экспорта, по ¼, Германия должна внести уже 15 ноября 1921 г.

Так как германские облигации, которые, по заявлению французского министра Лушера, должны стать международными деньгами, предполагается выпустить на мировые биржи, то «Репарационная Комиссия» предполагает создать специальную «гарантийную комиссию» с местопребыванием в Париже для гарантии процентов по германским обязательствам.

Что же касается того миллиарда, который союзники хотели дополучить в счет платежей до 1 мая 1921 г., то Германия уплатила в счет его наличными 160 миллионов марок, а на остальные 840 миллионов марок передала Репарационной Комиссии краткосрочные обязательства казначейства, подлежащие погашению 31 августа 1921 г. Интересно при этом отметить, что Антанта потребо-

вала, чтобы эти обязательства были гарантированы 4 германскими крупными банками, «D—Banken» (Darmstädter, Disconto, Deutsche, Dresdner), которые дали эту гарантию после того, как Рейхсбанк, в свою очередь, им гарантировал, что их акцепт не повлечет за собою позаимствования средств в их кассах.

Такова сущность майского соглашения. Этим мы можем пока ограничиться, чтобы перейти к обзору финансового положения европейских стран и вернуться к некоторым деталям соглашения при анализе положения отдельных государств.

III.

В области исполнения государственного бюджета из европейских стран рекорд благополучия побила Англия. Из данных о выполнении бюджета на 1920—1921 гг. (с 1 апреля 1920 г. по 31 марта 1921 г.) видно, что выполнение бюджета, по сравнению с предположениями, выражается в таких цифрах (в 1.000 ф. ст.):

доходов ожидалось	1.418.300,	поступило	1.425.985
расходов ожидалось	1.284.102,	сделано	1.195.428
излишка доходов ожидалось . .	234.198,	»	230.557

В частности, доходный и расходный бюджет Англии на 1920—1921 гг. складывается из следующих статей:

Табл. I.

Доходный бюджет (1.000 ф. ст.).

Название статей.	Фактическ. поступл.	Оценки по бюджету.
Таможенн. пошлины	134.003	150.000
Акцизы	199.782	198.650
Налог на моторы	7.073	4.500
Налог на недвижим.	47.729	45.000
Гербов. сбор	26.591	25.200
Позем. сбор	2.550	2.500
Подоходный налог	394.146	385.000
Налог на сверхприбыль . . .	219.181	220.000
Прибыль корпораций	630	3.000
Земельные доходы	20	500
Почта, телегр. и телефон . .	39.500	53.000
Королевские земли	660	650
Разные займы	30.771	9.500
Разное обыкнов.	25.389	18.000
» чрезвыч.	287.940	302.000
Всего	1.425.985	1.418.300

Табл. II.

Расходный бюджет (в 1.000 ф. ст.).

Название статей.	Фактическ. расход.	Оценка по бюджету.
%% по пост. гос. долгу . .	24.500	24.500
%% по военн. долгам . . .	325.099	320.500
Фонд исправл. дорог	8.937	6.650
Приплаты к местн. нал. . .	10.786	10.818
Землеустройство	6.930	12.000
Проч. консол. фонды	1.796	1.730
Правит. аппарат	817.381	807.904
Всего	1.195.428	1.184.102

Эти данные говорят о двойном успехе государственного хозяйства Англии за 1920—1921 гг. Успехом является, во-первых, на редкость точное совпадение выполнения бюджета с предположениями, совпадение, указывающее на то, что хозяйственный аппарат страны работал с большой регулярностью. Главным успехом является, во-вторых, самый факт превышения доходов над расходами на 230 милл. ф. ст. уже на второй год после окончания войны. Чтобы оценить значение этой последней цифры достаточно сопоставить бюджеты Англии за военные годы. Это сопоставление дает следующая таблица:

Таблица III.

Бюджет Англии во время и после войны

(в 1.000 ф. ст.).

Бюджетный год (на 31 марта).	Доход.	Расход.	Излишек (+) или дефицит (—).
1913—1914	**198.243**	**197.493**	**+750**
1914—1915	**226.694**	**560.474**	**—333.779**
1915—1916	**336.767**	**1.559.158**	**—1.222.392**
1916—1917	**573.430**	**2.198.110**	**—1.624.680**
1917—1918	**650.000**	**2.290.381**	**—1.640.381**
1918—1919	**842.000**	**2.976.000**	**—2.134.000**
1919—1920	1.168.650	1.642.295	—473.675
1920—1921	1.425.985	1.195.428	+230.557
1921—1922	1.216.650	1.039.720	+176.930

Таким образом, Англия уже в 1-й после-военный год сумела перейти от дефицита в 2,1 миллиарда ф. ст. к дефициту в 474 милл. ф. ст., а во 2-й год свела бюджет с излишком. Для оценки этого поразительного успеха надо, однако, принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, излишек доходов над расходами получился оттого, что у Англии, как и у других воевавших стран, остались некоторые военные запасы, которые она сейчас распродает. Эта распродажа фигурирует в статье доходов под наименованием «разных чрезвычайных» поступлений и дала 288 милл. ф. ст. Если бы не было этих остатков бюджетный год был бы хотя и бездефицитным, но и не дал бы излишка доходов над расходами. Затем, нельзя не отметить, что громадную часть доходных поступлений, свыше 40%, дали 2 прямых налога: подоходный и сверхприбыльный.

Бюджет на 1921—1922 гг. составлен приблизительно в том же размере, как и бюджет 1920—1921 гг. Это видно из следующих данных:

Таблица IV.

Бюджет на 1921—1922 гг. (в милл. ф. ст.).

Доходы.		Расходы.	
Обыкн. доходы:		Обыкн. расходы:	
Пошлины и акцизы	— 323,0	Военные:	
		(армия —95,96	
		флот . —80,76	
Подоходный налог с добавками и доходы с рудников	— 410,5	возд. фл.— 16,94)	—193,37
		Гражд. учреждения .	—327,50
Прочие налоги .	— 230,5	Тамож. и налоговые учр.	— 14,70
Почта	— 60,0	Почта	— 67,16
Разное	— 34,15		602,75
Итого	—1.058,15	%% по консол. долгу	—371,27
		Итого .	974,02
Чрезвыч. доход:		Чрезв. расход:	
Ликвид. военн. им.	— 158,50	Ликвид. военн. обяз.	65,7
Всего	1.216,65	Всего .	1.039,72
Общее превышение доходов . . .	— 176,93		

Доходная часть бюджета составлена, таким образом, с уменьшением против 1920—1921 гг. на 200 с лишком миллионов. Но это уменьшение приходится, главным образом, на выручку от продажи военного имущества, которая в прошлом бюджете фигурировала в сумме 302 милл. ф. ст., а в бюджет 1921—1922 гг. внесена лишь в сумме 158 милл. ф. ст. Налоговые поступления уменьшены всего лишь на 50 милл. ф. ст. На первый взгляд эта оценка должна представиться слишком оптимистической, ибо бюджет на 1921—1922 гг. составлялся в период кризиса, когда должны были упасть и поступления от подоходного налога, от пошлин и т. д. Но английское правительство, повидимому, полагало, что, несмотря на кризис, предприятия не сократят выплату дивидендов, мобилизуя для этого скрытые резервы. И этот оптимизм, судя по первым месяцам, очевидно, оправдывается. Так, поступления доходов в Англии за первые 2 месяца текущего бюджетного года, по сравнению с предыдущим годом, выражаются в таких цифрах:

Таблица V.

Поступило налогов (в 1.000 ф. ст.).

Название дохода.	С 1 апр. 1921 г. до 11 июня 1921 г.	С 1 апр. 1920 г. до 12 июня 1920 г.
Тамож. пошлины	21.782	26.745
Акцизы	31.235	28.816
Налоги на автомобили	1.267	—
Налог на недвижим.	8.713	8.105
Гербовый сбор	2.190	4.762
Подомовый и позем. сбор	370	370
Подоходный налог	56.911	48.208
Налог на сверхприбыль	11.693	46.478
Налог на приб. кооперац.	1.410	—
Почта	8.000	7.750
Королевские земли	8.100	90
Поступления от разн. домов	1.173	3.774
Разные: обыкнов.	5.826	3.276
» чрезвычайные	11.894	92.096
Всего	167.564	272.427

Общие поступления за 2¹/₃ месяца уменьшились на 105 милл. ф. ст., но главная часть этого уменьшения в 80 милл. ф. ст. приходится на чрезвычайный доход, т. е. выручку за военное

имущество. Остальное уменьшение выражается в 25 милл. ф. ст. и если дальше отставание дохода текущего года от прошлого будет идти таким же темпом, то разница между фактическими поступлениями и бюджетом составит около 125 милл. ф. ст. При этом больше всего сократились поступления от налога на сверхприбыль, что связано с падением цен на товары и соответствующей переоценкой материалов, между тем как поступления по подоходному налогу заметно возросли.

Заключение бюджета на 1920—1921 гг. с превышением доходов над расходами дало возможность Англии сократить государственный долг. Общее сокращение составило 245 милл. ф. ст. В частности было погашено из долга Соед. Штатам—59 милл. ф. ст. и из прочих внешних долгов 46,8 милл. ф. ст. Погашение внутренних долгов, главным образом, билетов казначейства, выразилось в сумме около 150 милл. ф. ст. В общем за время с 31 мая 1919 г. до апреля 1921 г. долг Англии Соед. Штатам сократился с 4.427 милл. долл. до 4.197 милл. долл. (без %%).

По последним данным на 27 ноября 1920 г. государственный долг Англии составлял всего 9.105 милл. ф. ст., в том числе внутренний долг выражался в сумме 7.940 милл. ф. ст. Долг союзников Англии составил к апрелю 1921 г.—1.725 милл. ф. ст. Больное место государственного долга Англии составляет большой размер его неконсолидированной части. Так, на 21 мая 1921 г. количество «Treasury bills» достигало 1.133 милл. ф. ст. Для сокращения неконсолидированной части долга Англия предполагает провести конверсионный заем на 40 лет из 5½% на сумму 630 милл. ф. ст. Если этот заем удастся, то и проблема краткосрочного долга Англии будет в значительной мере разрешена.

О составе внешнего государственного долга Англии дают более точное представление позднейшие данные, опубликованные в июне 1921 г. Согласно этим данным, на 31 марта 1921 г. весь внешний долг составлял 1.161.563.000 ф. ст. В том числе составлял:

долг Соед. Штатам . . 4.733 милл. долларов, или 972¾ м. ф. ст. по паритету.
» Канаде . . . . 257,5 » » » 53¼ м. ф. ст. по курсу.
» Швеции . . . . 826 тыс. ф. ст.
» » . . . . 7.656 тыс. ф. ст.
» Маврикии . . . . 538 тыс. ф. ст.
» проч. союзникам . 126,5 милл. ф. ст.

Из приведенного анализа не трудно видеть, что Англия совершенно не строит своего благополучия на германских платежах. Конечно, и она была бы не прочь избавиться от своего внешнего долга. Но этого она собирается достигнуть не путем передачи Соед. Штатам своих требований к Германии, а путем аннулирования междусоюзнических долгов. Эту идею Кейнса английское правительство усиленно инспирировало в начале текущего года. Встреченная американцами весьма холодно в своей неприкрытой форме, она, однако, повидимому, все же прошла в форме длительной отсрочки. По газетным сведениям, в конце июня между Соед. Штатами и союзниками состоялось соглашение, по которому уплата процентов по их долгам о т с р о ч и в а е т с я на 15 лет. Проценты прибавляются к капитальной сумме, так что к 1936 г. долг союзников Соед. Штатам составит 17,2 миллиарда долларов, против долга на 15 ноября 1920 г. в 9,7 мил. долларов. Это соглашение является, таким образом, продолжением соглашения об отсрочке процентов, заключенного в 1919 г. на 3 года. Использование этой отсрочки является одной из тех немногих поблажек, которую позволяет себе Англия в форме иностранной помощи. Во всех остальных отношениях она расчитывает только на себя и своих плательщиков податей.

Несколько иную картину мы наблюдаем во Франции. Здесь последние бюджеты все еще крайне неблагоприятны, и государственное хозяйство не оправилось от последствий войны. Бюджет на 1920 г. (по 31 дек.) был сведен с дефицитом в сумме около 20 млд. фр.

По предварительным данным, исполнение последнего бюджета Франции (т. е. за 1920 г.) выражается в таких цифрах (в милл. фр.):

Табл. VI.

Д о х о д ы.

С т а т ь и.	Суммы.
Прям. налоги . . .	757
Косвенн. нал. и монополии	12.059
Нал. на военн. приб. .	2.394
Госуд. домен. . . .	144
Разные доходы . . .	584
Ликвид. военн. имущ. .	1.65[illegible]
Ожидаемые поступл. .	2.357
Всего . .	19.944

Р а с х о д ы.

С т а т ь и.	Суммы.
По обыкн. бюдж. .	23.081,5
» чрезв. бюдж. .	3.926
» спец. бюдж. . .	13.502
Всего .	40.510
Дефицит . . .	20.566

Бюджет на 1921 г. обещает быть еще более дефицитным. По сведениям, которые до сих пор опубликованы, ожидается:

доходов	22	миллиарда фр.
расходов	60	» »
дефицит	38	» »

В частности расходный бюджет слагается из следующих цифр (в млд. фр.):

Обыкновенные расходы	22,5
Чрезвычайные »	2,8
Дополнительные кредиты	2,2
%% по внешнему долгу	6,0
Специальные расходы	3,0
Платежи французскому банку	2,0
Дефицит жел. дор.	6,2
Военные пенсии и восстановления	16,5

Проценты по займам, на сумму в 302 мил-рда фр., исчислены в сумме 11 мил-ард. фр., расходы на армию и флот—в 7,8 млд. фр. и жалованье государственным чиновникам в 4,5 млд. фр.

Неблагоприятное состояние финансов Франции лучше всего выясняется из сопоставления бюджетов 3 после-военных лет. Об этом говорит следующая таблица.

Табл. VII.

Бюджеты Франции за 1919, 1920, 1921 гг.

Год	Доход.	Расход.	Дефицит.
1919	11,5	49,1	37,6
1920	19,9	40,5	20,6
1921	22,0	60,0	38,0

Мы имеем в этой таблице приблизительные цифры, частью представляющие собою бюджетные предположения (для 1919 и 1921 гг.), частью предварительные данные об исполнении бюджета (за 1920 г.). Но, в общем, картина получается яркая. Мы наблюдаем раньше всего разбухание бюджета, рост доходной и расходной части, в особенности в 1921 г. Мы видим крупные дефициты, также возрастающие в 1921 г. За 3 после-военных года дефицит должен составить почти около 100 миллиардов франков. Вдобавок, тяжесть этих дефицитов не ослабляется обесценением франка. Напротив, в 1920 г. и в особенности в 1921 г. покупательная сила франка проявляет тенденцию к возрастанию. Тяжесть внутреннего

государственного долга от этого растет, а вместе с тем растет и тяжесть дефицитов.

Чем же вызвано такое состояние французского бюджета? До некоторой степени здесь играют роль еще и влияния неликвидированного военного хозяйства. Содержание крупной армии, дефицитность железных дорог, некоторые затраты на дешевое снабжение населения, расходы на содержание не вполне ликвидированного военного аппарата—все это требует значительных средств. Но главными источниками дефицита остаются две статьи, составляющие непосредственно последствие войны: это проценты по государственному долгу и расходы на пенсии и восстановление разрушенных областей.

Мы уже указывали на то, что расходы по государственному долгу Франции составляют в 1921 г. около 11 миллиардов фр., т. е. половину поступлений по обыкновенному доходному бюджету. Если государственный долг служит источником дефицитов последних лет, то эти дефициты, в свою очередь, служат источником дальнейшего роста государственного долга Франции. Долг оценивался:

до войны на 1 августа 1914 г.	в 27	мдд. фр.
» » » 31 декабря 1919 г.	» 219,4	» » *)
» » » 1 марта 1921 г.	» 302	» » **)

В 1920 г. во Франции был реализован внутренний заем, который дал номинально 27,9 млд. фр., в том числе наличными 11,0 млд. фр., прежней рентой—12,7 млд. фр., облигациями «Нац. Защиты» и пр.—4,2 млд. фр. По сравнению с прежними займами его следует признать удачным, т. к. внутренние займы за время и после войны дали во Франции следующие результаты:

в 1915 г.	13 1/2 млд. фр.	в 1918 г.	21 3/4 млд. фр.
» 1916 г.	10,0 » »	» 1919 г.	15 3/4 » »
» 1917 г.	10 1/5 » »	» 1920 г.	27,9 » »

Что касается состава государственного долга Франции, то о нем можно судить по следующим данным.

По сообщению Лушера, внешний долг Франции на 30 сентября 1920 г. при переводе его по нынешнему курсу составлял всего около 76 млд. фр. и складывался из следующих кредитов.

---

*) В этой сумме внешний долг в 33,7 млд. фр. исчислен по паритету. Если перевести на курс франка к июню 1921 г., он составил бы около 266 млд. фр.

**) Здесь внешний долг исчислен по курсу.

Табл. VIII.

Долгосрочные кредиты.			Краткосрочные кредиты.		
Страна кредитор.	Название кредита.	Сумма.	Страна кредитор.	Название кредита.	Сумма.
Соед. Штаты . . .	Ссуды казначейства.	2.785 м. долл.	Англия	Векс. казнач., взят. прав.	520,4 м. долл.
» » . . .	Англо-Франц. заем.	250 » »	»	Векс. казн., взят. Англ. Банком.	45,0
» » . . .	Заем г. Парижа.	50 » »	»	Векс. казн., вып. Англ. Банком.	1,2
» » . . .	Г.г. Лиона, Бордо и Марселя.	45 » »	Соед. Штаты . . .	Векс. казн., вып. в Соед. Штатах.	25,9 м. долл.
Япония	Разные займы.	100 м. иен.	Япония	Векс. казн.	80 м. иен.
Соед. Штаты . . .	Военные облиг., взятые правит.	400 м. фр.	Испания	Кредиты.	120 м. п.
			»	Через ее посредст.	455 » »
			Швеция	Кредиты.	50 м. крон.
			Норвегия	»	46,4 м. крон.
			Аргентина	»	66,0 м. п.
			Швейцария . . .	»	137 м. фр.
			Голландия	»	55 м. гульд.
			Англия	»	14 м. ф. с.
			Уругвай	»	15 м. пиас.

При переводе по курсу этот долг составит около 43 миллиард. франков по долгосрочным обязательствам и около 33 мд. фр.— по краткосрочным. По золотому паритету этот долг составляет всего около 35 млд. фр. *).

Другой причиной, вызвавшей ухудшение финансов Франции в последние годы, являются, как мы сказали, расходы на уплату пенсий и восстановление разрушенных областей. Французское правительство ведет точный счет этим расходам, всячески подчеркивая, что это—расходы, которые должны быть оплачены Германией. С этой целью, оно в последних своих бюджетах, как мы видели, даже выделяет эти расходы в «специальный» бюджет. Однако, фактически, Франция до сих пор почти ничего не получила на их покрытие, и расходы делались за счет французского казначейства.

Франция в своем заявлении Репарационной Комиссии исчислила те убытки, которые, согласно Версальскому договору, должны быть возмещены Германией, в 218½ миллиардов франков. В составе этой суммы 145½ миллиардов франков составляют расходы на восстановление разрушенных районов, а 73 млд. фр. расходы на пенсии инвалидам и другим пострадавшим от войны лицам. Французские источники разно оценивают ту сумму, которую французское казначейство уже уплатило в счет этих убытков. По оценке упомянутого сенатора Cheron'a, эта сумма на 1 мая 1921 г. должна была составить 60 миллиардов фр. Возможно, что эта цифра преувеличена. По крайней мере, как видно из приведенных выше цифр, в бюджете на 1921 г. фигурирует для этих надобностей только сумма в 16 млд. фр. Надо заметить, что в пенсиях мы имеем дело с расходом, растянутым на много десятилетий до 1991 г. В цифру 73 млд. фр., которую Франция требует по этому счету, входит, главным образом, капитализация будущих платежей. Придется ли, однако, фактически платить эти пенсии целых 70 лет и не произойдет ли за это время каких-либо изменений, которые уменьшат размеры этих платежей, этого сейчас никто не может сказать. Реальны в этих суммах выплаты, внесенные в текущие бюджеты, а в бюджет 1921 г. на эту надобность внесено всего 5,2 млд. фр. Также неясно, насколько реальны затраты, фактически сделанные на восстановление разрушенных областей. Некоторые оффициальные представители французского правительства называли цифру расходов, уже

---

*) Радио от 23 июня из Лиона сообщало, что долг Франции слагается из 229 млд. фр. внутр. долга и 35,3 млд. фр. по паритету внешнего долга, что приблизительно совпадает с предыдущими цифрами.

сделанных на восстановление, в 38—42 млд. франков. Но если принять во внимание, что пострадавшие лица из районов Северной Франции, в свою очередь, жалуются на крайне медленную реализацию обещанной правительственной помощи, то возникает вопрос, не представляет ли собою цифра в 38—42 млд. фр. открытые разным лицам кредиты, а не реально выданные суммы.

При таких условиях возможно, что цифра в 60 милл. фр. преувеличена. Однако, несомненно, что французское правительство, не дожидаясь поступления германских платежей, затратило на эти экстренные нужды десятки миллиардов франков, а это обстоятельство не могло не вызвать ухудшения финансового положения Франции.

Какое облегчение принесут Франции германские платежи?

Из общей суммы 132 млд. мар., которые должны быть получены от Германии, Франция получает, по заявлению Cheron'а, 72 млд. мар. По другим сведениям, Франция получает 52%, т. е. только 69 млд. мар. Если принять во внимание, что французский бумажный франк (к началу мая 1921 г.) потерял по отношению к доллару до 60% своей ценности, то те 218½ млд. фр., которые требовала Франция, можно оценивать приблизительно в 87 миллиардов франков золотом. А так как 72 млд. золотых марок соответствуют по своему паритету 89 млд. зол. франков, то в общем можно констатировать, что Франция получает полностью ту сумму, которую она требовала. В этом смысле не вполне правильно приведенное выше утверждение Cheron'а, что Франция получает лишь часть причитающихся ей платежей.

Однако, так обстоит дело только с капитальным долгом. И если бы германские облигации представляли из себя бесспорную первоклассную биржевую бумагу, которую можно было бы легко и выгодно реализовать, то Франция при таких условиях легко могла бы выйти из своих финансовых затруднений. На 87 млд. фр. золота она могла бы погасить весь свой внешний долг в 30 с небольшим миллиардов, да около 140 млд. (бумажных) фр. своего внутреннего долга. Проценты по госуд. долгу сократились бы при таких условиях с 11 млд. фр. до 4—5 млд. фр., что значительно разгрузило бы бюджет. Но дело в том, что ценность германских облигаций, которые будут выпущены на биржу Репарационной Комиссией, представляет собою пока гадательную величину. Если их сразу выпустить, то они могут оказаться реализованными по очень низкому курсу, и «Репарационная Комиссия», чего доброго, может выручить

каких-нибудь 40—50 миллиард. марок вместо 132 млд. Сама Комиссия настолько сомневается в спросе на них, что она заранее отказывается выпустить на первое время все 132 млд. мар., а хочет пока двинуть только 40 миллиардов. В то же время и кредиторы Франции, т. е. на первом плане Соед. Шт., тоже едва-ли проявят какую бы то ни было склонность взять от Франции в погашение своего долга германские облигации. При таких условиях Франции на первое время не приходится мечтать о том, чтобы сразу сбыть германские облигации и, таким образом, избавиться от части своего внешнего долга. Облигации, в главной своей массе, очевидно, останутся еще долго лежать в портфеле французского казначейства или Репарационной Комиссии, а Франции придется пока удовлетворяться получением процентов. Если Германия будет уплачивать аккуратно те 3—4 миллиарда в год, которые ждет от нее Антанта на ближайшее время, то на долю Франции попадет около 1½ милл. марок золота, или около $1^3/_4$ милл. фр. золотом. Эта сумма значительна и ее приблизительно хватит для уплаты %% по внешнему государственному долгу. Финансовые трудности Франции этим, однако, не будут ликвидированы, ибо в бюджете попрежнему должны будут фигурировать и %% по внутреннему долгу, и расходы на восстановление и пенсии. Для выхода из финансовых затруднений Франции в конце концов останется расчитывать только на свои собственные силы.

В особенности надо признать слабыми виды на помощь германских миллиардов уже в предстоящем году. Дело в том, что по особому соглашению союзники зачислили Германии в счет первых 2 платежей 1921 г., т. е. платежей 15 июля и 15 октября, тот самый миллиард марок, который шел в счет недоплаченных до 1 мая 1921 г. Кроме того, Репарационная Комиссия решила этот миллиард не распределять между союзниками, а оставить в распоряжении «гарантийной» Комиссии, как гарантию по уплате процентов по выпускаемой на биржу 1-й серии германских облигаций в 12 миллиардов. Таким образом, в развертку в текущем году может поступить лишь отчисление в 26% от экспорта, начиная с 1 мая, которое Германия обязана сделать впервые 15 ноября 1921 г. По подсчетам французской прессы, это даст на долю Франции максимум $1^1/4$ миллиарда фр., т. е. ничтожную часть от тех 15,3 миллиардов фр., которые Франция внесла в свой «специальный» бюджет на 1921—1922 гг., как расходы по восстановлению и пенсиям. Все эти расходы должен пока нести французский плательщик податей.

Из стран Антанты в сравнительно более благоприятном положении находятся финансы Италии.

В 1919—1920 гг. расходы составили 23,1 млд. лир., доходы—14,2 млд. и дефицит выразился в сумме 8,9 миллиардов лир. В текущем 1920—1921 гг. финансы значительно улучшились, и дефицит должен оказаться значительно меньшим. Несмотря на то, что стоимость жизни не испытала за последний год значительного изменения, поступления государственных доходов оказались выше прошлогодних. Об этом говорит следующая таблица о главных доходных поступлениях по итальянскому бюджету за 9 месяцев, с 1 июля до 31 марта (в милл. лир):

Таблица IX.

Название налога.	1919—1920 гг.	1920—1921 гг.
Подоходный налог	1.485,7	2.371,0
Налог с наследства	465,4	568,8
Гербовый сбор	463,4	894,4
Акцизы и пошлины	907,6	1.254,3
Промышленные монополии (соль, табак, спички, карты игральные)	1.286,2	2.025,1
Лотерея	70,4	106,7
Торговые монополии (кофе и его суррогаты).	272,5	368,6
Всего. . . .	4.951,1	7.588,9

Вместе с более мелкими поступлениями доходный бюджет до конца года должен будет дать до 12—13 миллиардов лир. В то же время Италия приняла серьезные меры к уменьшению расходов. Одной из важнейших мер является повышение цен на хлеб, раздаваемый населению правительственными органами, принятое палатой в феврале 1921 г. Доплаты на хлеб составляли громадный расход, и повышение цен, которое проведено в начале текущего года, должно было дать экономию в 6 миллиардов лир в год. Мы не знаем, насколько эта экономия отразится уже на результатах

текущего бюджета. Но, во всяком случае, в связи с этой экономией бюджет на 1921—1922 гг. составлен с дефицитом всего лишь в 4 миллиарда лир.

Италия вышла из войны со значительным государственным долгом. К концу октября 1920 г. он составлял около 98 млд. лир.

Значительная часть этого долга приходится на внешнюю задолженность Соед. Штатам. Италия не торопится погашать этот долг или платить по нему проценты, и он не слишком обременяет ее текущий бюджет.

IV.

Мы видели, что страны Антанты пока лишь в очень слабой степени сумели использовать германские миллиарды для улучшения своих финансов, и поскольку такое улучшение имело место, оно происходило за счет внутренних ресурсов той или другой страны. Поскольку в природе ничего не пропадает, это обстоятельство не могло не иметь своего положительного значения для Германии.

Ее разорение к маю 1921 года не дошло до той стадии, которую желали видеть авторы Версальского мира, надеявшиеся выкачать из нее к этому времени 20 миллиардов марок золотом. Но все же Германия передала союзникам за эти годы много реальных ценностей, как флот, железнодорожное имущество, скот, сельскохозяйственные машины, уголь и т. д. Все эти предметы государство брало у частных лиц, которым ему приходилось платить за реквизируемые в пользу Антанты товары. Платежи эти не могли не лечь тяжелым бременем на государственные финансы Германии. В то же время Германия прожила последние 2—2½ года в обстановке революции, когда одно за другим следовали восстания, как со стороны рабочих, так и со стороны реакционного юнкерства, в обстановке, которая также мало способствует экономии в государственных расходах и равновесию бюджета. Вот почему Германия, мало удовлетворив союзников, все же и сама продолжала разоряться.

Точный анализ последних бюджетов Германии пока еще трудно дать, т. к., в отличие от Англии, Германия вынуждена составлять свои бюджеты лишь приблизительно и вносит постоянные к ним «дополнения». Вот почему вычисления, публикуемые германской печатью, время от времени меняются. Если исходить из данных, публиковавшихся в конце июня 1921 г., то в общем можно составить следующую таблицу германских дефицитов за последние годы.

Таблица X.

Бюджеты Германии (в млд. марок) *).

	1919—1920 гг.	1920—1921 гг.**).	1921—1922 г.
Доход по обыкн. бюджету . .	—	—	48,5
Доход по чрезв. бюджету . .	—	—	10,5
Итого доходов . .	17,2	27,7	59,0
Расход по обыкн. бюдж. . . .	15,1	—	48,5
Расх. по чрезвыч. бюдж. . .	47,1	—	59,7
Итого расходов . .	62,2	102,6	108,2
Дефицит .	45,0	74,9	49,2

Главная часть расходов приходится на операции, связанные с ликвидацией войны. Так, по данным, опубликованным в начале текущего года, когда общий размер расходов в 1920 г. определялся в 110 млд. марок, приходилось:

Таблица XI.

на расходы по выполнению мирного договора.	— 42,5	млд. марок.
» » » государственному долгу . .	— 11,7	» »
» » » доплатам к твердым ценам на продукты питания	— 11,1	» »
» » » дефициту госуд. жел. дорог .	— 14,4	» »
» » » » » почты . . .	— 2,8	» »
» » » пенсиям пострад. от войны .	— 5,1	» »
» » » ликвидации армии	— 4,1	» »
» » » содерж. оставш. армии и флота	— 4,9	» »
» » » новым постройкам	— 3,4	» »
» » » содержанию полиции . . .	— 1,3	» »
» » » » безработных . .	— 1,0	» »
» » » проч. расход. (по управлению и т. д.)	— 7,8	» »

Из общей суммы расходов на обычные цели, фигурировавшие в до-военных бюджетах, приходится около 1/10 части, а 9/10 расходов так или иначе связаны с войной и ее последствиями.

---

*) Бюджетный год—с 1 апр. по 31 марта.
**) Фактическое исполнение.

Что касается доходного бюджета, то по планам на 1920 г. главные поступления должны были дать (в милл. марок):

Таблица XII.

Из прямых налогов: Название налога	Сумма.	Из косвенных налогов: Название налога	Сумма.
Подоходный налог . .	12.000	Налог на уголь . . .	4.500
Налог на обороты . .	3.650	Тамож. пошлины . .	2.500
Налог на прирост прибыли	4.500	Табачный и сигаретн. налог	1.000
Особый налог на нужды государства . .	3.500	Налог на пиво . . .	130
Налог с наследства .	600	Налог на вино . . .	250
» на корпорации .	900	» на сахар . . .	160
Гербовые сборы . . .	410	» на спички . .	50
Имуществен. налог .	100		
Всего.	27.820	Всего.	9.147

Выше мы привели бюджетные предположения Германии на 1921/22 г. Дефицит там исчислен в 49,2 млд. марок. Но на практике этот бюджет будет складываться совершенно иначе, ибо в нем не предусмотрены обязательства, взятые на себя Германией по майскому соглашению. Ближайшие платежи Германии в счет «репараций» слагаются из следующих элементов. До 31 августа 1921 г. Германия должна уплатить союзникам те 800 милл. марок золотом, которые гарантированы «Д»—банками. Позднее 15 ноября Германия должна платить первый взнос в 26% с экспорта. Если оценивать экспорт последнего года в 5 млд. марок, то эти 26% составят около $1^1/_4$ миллиарда, и первый ноябрьский платеж составит 300 милл. марок золотом. Затем, 15 января 1922 г. предстоит первый платеж твердой квоты в 500 милл. марок и 15 февраля 1922 г. 2-й экспортный платеж в 300 милл. марок. Таким образом, Германия должна уплатить до конца текущего бюджетного года около 1.900 милл. марок золотом. По курсу на бумажную марку это составит около $28^1/_2$ миллиардов марок. Если к этому прибавить оккупационные расходы, оцениваемые в $8^1/_2$ миллиардов марок, то мы получим расходы на репарацию в 37 миллиардов марок. Между тем, в бюджете эти расходы предусмотрены всего лишь в сумме $14^1/_2$ млд. марок и добавочные ассигнования на

репарации должны будут составить 22—23 млд. марок. При этих условиях общий дефицит по бюджету составит, вероятно, не 42,9 млд. марок, а свыше 70 млд. марок. Утешительной стороной этого, в общем, печального бюджета является только то, что союзники заставили Германию почти упразднить армию и флот, и она избавилась, таким образом, от громадной части своих военных расходов. Это видно из следующего сопоставления затрат на армию и флот в Англии, Франции и Германии.

Таблица XIII.

	Англия.	Франция.	Германия*).
Расходный бюджет 1921—1922 гг.	1.040 милл. ф. с.	60 млд. фр.	110
В том числе расходы на армию и флот	193,4 » » »	7,8 » »	9,0
%% расходов на армию и флот ко всему расх. бюджету	18,6% » » »	13,0% » »	8,2%

При этом военные расходы Германии наполовину состоят из расходов по ликвидации армии. Поэтому нельзя не признать правильными встречающиеся в левой прессе указания, что отсутствие армии значительно облегчит современем тяжесть той контрибуции, которая возложена на Германию.

Дефициты 1919—1921 гг. Германия оказалась вынужденной покрывать такими же путями, какими их покрывали другие страны, и в том числе Франция, т. е. при помощи новых займов. Но положение в Германии было не таково, чтобы правительство могло выпускать там в эти годы долгосрочные займы, как это удавалось во время войны. Главная масса возросшего долга приходится поэтому в Германии на краткосрочные обязательства государственного казначейства, количество которых за эти годы неимоверно быстро растет. О росте государственного долга Германии и, в частности, о росте краткосрочного долга за послевоенные годы дают представление следующие цифры.

К моменту окончания войны, к концу ноября 1918 г., государственный долг Германии составлял около 137 миллиардов марок. Через 1½ года, на 31 марта 1920 г., он составлял 196 миллиар-

*) Бюджет на 1920—1921 гг.

дов марок, на 30 сентября 1920 г.—224,0, а еще через полгода, на 31 марта 1921 г., он возрос до 321 миллиарда марок. Таким образом, государственный долг Германии после войны вырос почти в $2^1/_2$ раза. Этот рост приходится почти исключительно на краткосрочные обязательства казначейства. Консолидированный долгосрочный долг составлял к концу войны около 92 миллиардов марок. На этом уровне он остался и в последний год, благодаря некоторым финансовым операциям, даже сократился. На 30 сентября 1920 г. он составлял 85.899 милл. марок. Краткосрочный же долг, состоящий, главным образом, из учтенных краткосрочных обязательств казначейства, изменялся следующим образом.

Краткосрочн. государств. долг Германии (в миллиард. мар.):

Таблица XIV.

Дата.	Сумма.	Дата.	Сумма.
30. 11. 1918 г.	45,0	30. 9. 1920 г.	156,8
1. 8. 1919 »	76,0	31. 10. » »	161,8
31. 3. 1920 »	105,0	30. 11. » »	165,9
30. 4. » »	117,1	31. 12. » »	169,6
31. 5. » »	120,7	31. 1. 1921 »	174,0
30. 6. » »	132,1	31. 3. » »	229,0
31. 7. » »	142,0	31. 5. » »	244,1
31. 8. » »	148,8		

В составе последней суммы в 244 млд. марок—199,1 млд. марок приходится на векселя казначейства (учтенные, заложенные и т. п.) и 45 млд. марок других долгов (за выкуп жел. дорог. и т. п.).

Вместе с долгосрочным долгом долг Германии выражается, таким образом, на 1 июня 1921 г. в сумме 330 млд. марок.

Два обстоятельства окрашивают в более светлые тона картину, вырисовывающуюся из цифр роста государственного долга Германии. Это,—во-первых, тот факт, что долг Германии является почти целиком долгом внутренним. Тяжесть его для государственных финансов падала по мере падения покупательной силы марки. Между тем, можно определенно сказать, что со времени окончания войны эта покупательная сила упала больше, чем в $2^1/_2$ раза, т. е. в большей степени, чем повысился государственный долг. Реальная тяжесть долга в 330 миллиардов марок к 31 мая 1921 г.,

быть может, меньше для государства, чем тяжесть долга в 137 миллиардов марок к ноябрю 1918 г. Само собою разумеется, что мы здесь имеем дело со слабым утешением, поскольку обесценение всей этой массы обязательств идет в конце концов за счет населения, на руках которого эти обязательства сосредоточиваются. Но если сопоставить с этим второе обстоятельство, а именно, несомненный факт замечающегося в Германии в течение последнего года общего улучшения в хозяйственной жизни, то придется констатировать, что народное хозяйство этой страны сумело преодолеть тяжелые последствия бумажной инфляции и проявляет тенденции к возрождению, несмотря на превращение части реальной ценности в ценность бумажную и постепенное обесценение этой ценности.

Если исходить из обесценения марки по отношению к золоту в 15 раз, то общий долг Германии в 330 млд. марок надо оценивать в золоте в 22 млд. марок, что значительно меньше одного внешнего долга Франции к настоящему времени.

Громадная масса обязательств германского казначейства осела в банках. Составляя основной актив банков, эти обязательства связали судьбу кредитных учреждений Германии с судьбою государственных финансов. Насколько связаны операции германских банков с казначейскими свидетельствами, показывают следующие цифры.

На 15 июня Рейхсбанк имел в обращении банкнот на 71.884 милл. марок. Вклады частных предприятий составляли 10.225 милл. мар. Этим двум главным статьям пассива в 82 миллиарда марок в активе соответствовало:

Учет свидетельств ссудных касс . .	11.357	милл. мар.
» казначейских свидетельств . .	67.541	» »
» частных векселей	1.707	» »

Частный учет играет, таким образом, в балансе Рейхсбанка ничтожную роль и из 82 миллиардов, полученных при посредстве печатного станка и вкладов, почти 79 миллиардов пошло на финансирование государства, или в форме непосредственного учета обязательств казначейства, или в форме учета тех билетов ссудных касс, которые приравнены к бумажным деньгам и которые, в свою очередь, покрывают казначейские векселя. На 30 июня 1921 г. учет казначейских векселей в Рейхсбанке достиг 79,6 миллиардов марок.

Однако, не только Рейхсбанк, но и частные банки целиком переполнены векселями казначейства и на этом бумажном фундаменте строят свое благополучие. О месте, занимаемом казначейскими векселями в активах крупных германских банков, дают представление следующие цифры о результатах деятельности крупнейших германских банков за 1920 г.

Таблица XV.

	Сост. на 31 дек. 1920 г. (в милл. м.).	Deutsche Bank.	Discento Gesellsch.	Dresdener Bank.	Darmstädter Bank.	Berliner Handelsgesellschaft.	Commerz Bank.	National Bank.	Mitteldeutsche Creditbank.	Всего.
Пассив.	Собственн. капиталов . . .	778	450	340	267	144,5	250,7	180	108,75	2.514
	Вкладов . . .	21.580	12,176	11.582	5.943	2.354	5.068	2.219	1.516	62.498
	Всего обязательств . . .	21.734	12.272	11.691	6.070	2.482	5.283	2.311	1.552	63.346
Актив.	Учет векс. и казнач. свидет.	16.026	6.230	6.768	2.997	1.348	2.405	603	846	37.222
	Дебиторы . .	3.286	3.577	2.741	2.008	949	1.685	1.070	414	15.726
	Наличные .	1.183	1.099	665	436	188	222	335	167	4.296
	Вклады в банках	1.185	1.177	894,6	422,8	—	398,9	213,4	179,8	4.467

Иными словами, из 62,4 миллиардов марок чужих денег 37 миллиардов, или около 60% помещено в учете «векселей и казначейских свидетельств». Частные векселя в этой статье, по общему мнению, фигурируют в очень небольшой сумме, и главная масса приходится на казначейские свидетельства. Надо при этом отметить, что у перечисленных 8 «Grossbanken» сумма вкладов возросла в течение 1920 г. на 22 миллиарда марок, а учет векселей возрос за тот же год на 15,5 млд. марок.

Из приведенных данных нетрудно, кстати, уяснить себе, где находятся те груды краткосрочных векселей, которые, выпустило германское правительство.

Если взять цифры средины 1921 г., то можно считать, что из 200 миллиардов краткосрочных векселей около 70 миллиардов находилось в 8 крупных банках, до 20 миллиардов в «ссудных кассах» и около 100 миллиардов было размещено в остальных кредитных учреждениях, заграницей и в частных предприятиях внутри Германии.

Такова в общих чертах картина германских финансов.

V.

Если от бюджетов «великих» держав перейти к рассмотрению финансового состояния малых стран, то здесь бросается в глаза резкая разница в положении двух групп. Нейтральные страны, а также некоторые из небольших стран, вышедших из войны, весьма заметно улучшили свое положение за последние 2 года и успели в этом отношении подчас даже лучше, чем такие страны, как Франция, которая содержит крупную армию и держит воинственный тон. К этой группе можно отнести Швецию, Чехо-Словакию и др. Зато другие страны из «маленьких» переживают процесс сильного разложения своих финансов, а некоторые идут быстрыми шагами к такой катастрофе, которая не угрожает ни одному из крупных государств. К этим странам относятся, главным образом, некоторые из счастливых наследников Австро-Венгерской монархии, Немецкая Австрия, отчасти Юго-Славия и наши «окраинные» государства, Польша, Финляндия, Румыния, словом все те, которые вкусили от земель, бывших под пятой Габсбургов и Романовых. Рекорд разложения побивают Польша и Нем. Австрия.

Не входя в детальный анализ финансового положения всех этих стран, мы ограничимся сводкой последних бюджетов намеченных 2 групп и лишь несколько подробнее остановимся на положении Польши и Нем. Австрии.

Табл. XVI.

Название страны.	Название денежн. един.	Бюджет 1920 или 1920/21.			Бюджет 1921 или 1921/22.		
		Доход.	Расход.	Дефиц.— или излишек+	Доход.	Расход	Дефиц.— или излишек+
Англия	фун. стер. (в 1000).	1.426,0	1.195,4	+ 230,6	1.216,7	1.039,7	+ 176,9
Франция	франк.	19,9	40,5	— 20,6	22,0	60,0	— 38,0
Италия	лира.	—	—	—	—	—	— 4,0
Германия	марка.	42,6	134,1	— 91,5	57,6	90,7	— 33,1
Нем. Австрия . .	крона.	29,0	71,1	— 42,2	—	—	—
Польша	марка.	—	—	— 60,5	118,6	198,7	— 79,8
Бельгия	франк.	—	—	—	5,1	9,7	— 4,6
Соед. Штаты . . .	доллар.	—	—	— 2,1	2,55	4,05	— 1,50
Япония	иена.	—	—	—	1,56	1,56	—
Чехо-Словак. . . .	крона.	—	—	—	14,1	14,1	—
Юго-Славия . . .	крона.	15,5	16,0	— 0,5	—	—	—
Болгария	лева.	2,58[1])	3,10[1])	— 0,52[1])	—	—	—

В Австрии с ее 6 миллионами жителей положение за 1920 г. сильно ухудшилось, и правительству пришлось вносить ряд дополнений в бюджет, увеличивших дефицит в 3½ раза против предположений. Это можно видеть из следующей таблицы:

Табл. XVII.

Бюджет Немецкой Австрии на 1920/21 г. (в миллион. крон).

	По предположениям начала 1920 г.	По дополнен., опубликованн. в марте 1921 г.	Прирост против предполож.
Доходы . .	20.655	28.953	29%
Расходы .	33.195	71.133	114%
Дефицит .	12.539	42.179	237 %

Не говоря уже об общем размере дефицита, отклонение от предварительных предположений лучше всего характеризует состояние финансов Австрии. В то время, как доходы выросли против предположений на 29%, расходы возросли на 114%, а дефицит на 237%. В конце июня правительство внесло в На-

1) За вторую половину 1920/21 г.

циональный Совет бюджет на 2 половину 1921 г. В нем расходы фигурируют в сумме 49,5 млд. кр., а доходы в 24,1 милл. крон, т. е. дефицит достигает 25,4 млд. крон. Таким образом, за весь 1921 г. дефицит превысит 50 млд. крон. В частности, из этого дефицита приходится:

на доплаты к предметам потребления . . 20,5 млд. кр.
» $^{0}/_{0}{}^{0}/_{0}$ по госуд. долгу . . . . 9,2 » »
» убытки правительств. предприятий . . 15,0 » »

Государственный долг Австрии достигает 175 млд. крон и к концу 1921 г. он дойдет до 200 млд. крон. В составе этого долга 53 млд. крон составляют долги Нем. Австрии в старом государственном долге Австрии, 63 миллиарда—долг союзникам и нейтральным странам за доставленное продовольствие и сырье, а остальное, главным образом, долг по бумажным деньгам, выпущенным внутри страны.

Отмеченный рост расходного бюджета в значительной степени об'ясняется дороговизной жизни. По данным Венского Центр. Стат. Комитета, стоимость жизни возросла в Вене за время войны в общем в 100 раз. Месячный бюджет семьи в 4 человека, потреблявшей 3.000 калорий на человека, составлял в июле 1914 г.— 159,7 кр., а в марте 1921 г.—15.405,9 кр. Правительству приходится, конечно, постоянно повышать тарифы жалованья своим служащим. Повышение, произведенное в марте 1921 г., должно было вызвать увеличение расходного бюджета на 7 миллиардов крон. Удивительно при этом, что, несмотря на такое состояние страны, правительство ухитряется собирать значительные налоги. Так, поступления по поимущественному налогу составили 7 миллиардов крон, из которых, впрочем, наличными внесено около половины, а другая половина внесена облигациями военных займов. Как бы то ни было, при том состоянии, в котором находятся финансы Австрии, эта страна не в состоянии сама оправиться. Ее государственное банкротство есть молчаливо признаваемый всеми факт, и вопрос о судьбе Австрии решается теперь в порядке «общественной благотворительности». Никто серьезно не думает о том, чтобы получать от Австрии платежи по ее внешним долгам или по обязательствам, возложенным на нее Сен-Жерменским миром. Для спасения Австрии разрабатываются планы «международного займа».

Что касается Польши, то состояние ее финансов характеризуется следующими цифрами:

Дефицит на 1920 г., согласно одной из бюджетных речей министра финансов, должен был составить 60,5 миллиардов польских марок, в том числе 7,5 млд. по обыкновенному бюджету и 53,0 млд. мар. по чрезвычайному. Бюджет на 1921 г., по газетным сведениям, должен дать дефицит в 80 миллиардов марок при доходах в 119 млд. марок и расходах в 199 млд. марок. Дефицит покрывается, главным образом, выпуском бумажных денег, которые, как мы увидим дальше, вследствие этого испытывают резкое обесценение. В 1920 г. польское правительство выпустило заем «с премией», от которого ожидали получить 5 миллиардов марок, но заем дал всего лишь 70 милл. марок. Также мало удачен оказался внешний заем, выпущенный в Америке, давший всего 17 милл. долларов. В то же время Польша должна союзникам за одну лишь доставку продовольствия 3 миллиарда франков, а весь ее внешний долг уже в начале 1921 г. в переводе на польскую валюту оценивался в 100 миллиардов марок.

VI.

С большим трудом и большою медленностью подготовляется, как мы видим, одна из предпосылок денежной реформы в Европе— восстановление бюджетного равновесия. Только Англия достигла заметных результатов в этом отношении. Остальные страны все еще в большей или меньшей степени страдают от дефицитов и от переполнения рынка векселями казначейства.

Более заметных успехов достигли европейские страны в другой хозяйственной области, которая должна подготовить возможность реформы валюты, а именно в сфере торговых балансов. Известно, что пассивность торговых балансов, громадный излишек ввоза над вывозом, была отличительной чертой хозяйства стран Антанты во время войны и в первый после-военный год. Известно, что эта пассивность баланса теснейшим образом связана с падением курса европейских валют. Возврат к до-военному status quo в этом отношении был тем естественным движением, которого можно было ждать от всех европейских стран. Данные, опубликованные в течение первых месяцев 1921 г., показали, действительно, что 1920 г. оказался г о д о м п е р е л о м а в строении торговых балансов отдельных стран, причем во многих случаях возврат к до-военной структуре баланса оказался почти завершенным в течение 1—1½ лет. Целый ряд обстоятельств содействовал этому перелому. Здесь

Табл. XVIII.

Внешняя торговля.

СТРАНА.	1918.			1919.			1920.			1921 (3 месяца).		
	Ввоз.	Вывоз.	Излиш. ввоза.	Ввоз.	Вывоз.	Излиш. ввоза.	Ввоз.	Вывоз.	Излиш. ввоза.	Ввоз.	Вывоз.	Излиш. ввоза.
Англия (милл. фунт. стер.)	1,319	529	790	1,632	963	669	1,937	1,558	378	484[1])	373[1])	111[1])
Франция (милл. фр.)	22,301	4,723	17,578	35,799	11,880	23,919	35,405	22,435	12,970	5,339	5,468	—129
Бельгия (милл. фр.)	—	—	—	5,223	2,289	2,934	11,171	8,708	2,463	—	—	—
Италия (милл. лир)	16,039	3,344	12,694	16,516	5,188	11,328	14,273[2])	6,950[2])	7,323[2])	3,335[5])	2,224[5])	1,111[5])
Германия (милл. марок)	—	—	—	—	—	—	—	61,670[4])	—	—	—	—
Соедин. Штаты (милл. доллар.)	6,150	3,030	—3,120	3,904	7,920	—4,016	5,279	8,229	—2,950	—	—	—
Финляндия (милл. мар.)	—	—	—	2,509	880	1,629	3,620	2,906	714	—	—	—
Япония (милл. иен)	—	—	—	2,173	2,099	74	2,335	1,947	388	—	—	—
Голландия (милл. гульд.)	608,4	381,2	227	2,826	1,411	1,415	3,332	1,701	1,631	—	—	—
Канада (милл. долл.)	910	1,244	—334	941	1,295	—354	1,337	1,303	34	—	—	—
Бразилия (в 1000 ф. стерл.)	—	—	—	50,635	83,997	—33,632	74,895	81,305	—6,410	—	—	—
Аргентина (милл. пез.)	501	802	—301	656	1,031	—375	—854	1,007	—153	—	—	—
Чехо-Словакия (милл. кр.)	—	—	—	—	—	—	11,394	9,584	1,810	—	—	—

[1]) За 5 месяц. январь—май. [2]) За 11 месяцев. [3]) За январь—август. [4]) За январь—ноябрь в бумажн. марках. [5]) За 4 месяца январь—апрель.

сыграл роль раньше всего самый факт прекращения войны и сокращение привоза военных материалов. Здесь далее сказалось прекращение «военного хозяйствования» и снабжения населения даровым или дешевым хлебом. Большую роль сыграл охвативший мировое хозяйство в 1920 г. кризис, вызвавший сокращение привоза в Европу сырья из Америки и английских колоний и крайне удешевивший то сырье, которое еще продолжало ввозиться. Наконец, не последнее значение имела торговая политика, наметившаяся в 1920 г. Повсюду прошла волна усиления протекционизма. Соед. Штаты, Франция, Италия, Германия, Швейцария и другие страны провели новые тарифы, в Англии, Канаде, Испании и т. д. под предлогом борьбы с германской конкуренцией (dumping) введены запретительные пошлины на некоторые товары, и в результате картина внешней торговли получила совершенно иной вид, чем она имела раньше.

Об этом говорит следующая таблица о внешней торговле (см. табл. XVIII, стр. 585).

Как видно из приведенной таблицы, наиболее резкий поворот в строении торгового баланса произошел во Франции. В 1919 г. излишек ввоза в эту страну достигает колоссальных размеров в 23,9 млд. фр. В 1920 г. баланс все еще остается пассивным, хотя от 24 миллиардов франков сальдо понижается до 13 миллиардов, а в 1921 г. мы наблюдаем уже активный баланс. По данным за первые 3 месяца эта активность выражается в сравнительно небольшой цифре, но в последующие 2 месяца тенденция становится еще более резкой. Это видно из следующих цифр.

За 5 месяцев, январь—май, внешняя торговля Франции выразилась в таких цифрах (в милл. фр.):

Табл. XIX.

	В 1920 г.	В 1921 г.	Плюс (+) Минус (—) 1921 г. по сравн. с 1920 г.
Вывоз . .	7.827	9.049	+ 1.222
Ввоз . . .	15.722	8.683	— 7.039
Превышение ввоза над вывозом .	+ 9.895	— 0,366	—10.261

Англия еще в 1919 г. сумела несколько сократить пассивное сальдо своего расчетного баланса. В 1920 и 1921 гг. эта тенденция продолжается. В противоположность Франции Англия не доходит до такой крайности, как активный баланс, но за 5 месяцев 1921 г. ее пассивное сальдо составляет всего лишь 111 милл. ф. ст. В течение года пассив при таком темпе не превысит 250 милл. ф. ст., т. е. будет меньше пассива 1920 г. на $^{1}/_{3}$. Ту же тенденцию мы замечаем в Италии.

Для Германии проблема построения торгового баланса не решается так просто, как для стран Антанты. В течение войны она страдала не от пассивности баланса, а, вообще, если можно так выразиться, от отсутствия баланса. Вследствие блокады, она могла поддерживать лишь отношения с некоторыми нейтральными странами и своими нищими союзниками. Рынки ее экспорта были захвачены другими странами. Возврат к нормальным условиям означает для Германии—получение сырья из заграницы и обратное завоевание прежних рынков. В то же время Германия под давлением союзников вынуждена усиливать свой экспорт для уплаты контрибуции. При таких условиях трудно сказать, насколько внешняя торговля Германии может считаться налаженной. Эта трудность увеличивается благодаря тому, что германская статистика дает очень скудные и запоздалые сведения о внешних торговых оборотах. Тем не менее, на основании косвенных заключений, можно сказать, что достижения Германии в этой области очень значительны.

Оффициальная германская статистика опубликовала пока лишь данные об оборотах за 11 месяцев 1920 г., причем для импорта имеются только весовые данные. Они приводятся в нижеследующей таблице:

Таблица XX.

Внешняя торговля Германии в 1920 г. за январь—ноябрь.

Название предмета.	Ввоз (1.000 дв. цен).	Вывоз (100 дв. цен).	Вывоз (1.000.000 марок).
Сельские продукты	56.759	12.694	3.371
Минеральн. масла	101.473	108.205	4.584
Ископ. горюч. матер. . . .	25.295	79.553	3.855
Хим. и фарм. прод.; краски .	2.326	24.871	8.093

Название предмета.	Вывоз (1.000 дв. цен).	Вывоз (100 дв. цен).	Вывоз (1.000.000 марок).
Хлопок	387	123	2.053
Кожа и изделия из нее . .	147	88	2.237
Бумага, картон	731	2.299	2.583
Стекло, и стекл. изделия .	115	1.061	1.568
Неблагор. металлы и изд. .	4.880	16.524	14.891
Машины.	39	3.449	4.979
Электр. изделия	14	608	2.173
Перевозка материал. . . .	14	1.831	2.693
Всех товаров	168.495	180.515	61.070

Экспорт Германии за 11 месяцев определяется в 61,7 млд. бумажных марок. За весь 1920 г. он составил 69,3 млд. марок. Если считать, что средний курс марки в золоте в течение года составлял около 12—13 бум. марок, то можно приблизительно признать правильной циркулирующую в Германии оценку экспорта в 5 миллиардов марок золотом. Сюда входит, конечно, и экспорт на покрытие контрибуции. Так, к этой рубрике надо отнести экспорт угля. Но вся главная масса экспорта 1920 г. приходится, повидимому, на экспорт коммерческий. Это видно из того, что главную часть экспорта составил экспорт химических, фармацевтических продуктов, железных изделий и машин. В импорте главное место занимают сельскохозяйственные продукты, сравнительно недорогие по весу. Поэтому нужно считать, что по ценности импорт Германии за 1920 г. был значительно ниже ее экспорта, и ее баланс был активный.

Насколько крепнет позиция Германии на мировом рынке, лучше всего можно видеть из ее коммерческих отношений с отдельными странами. Так, внешняя торговля Германии с Соедин. Штатами характеризуется такими чертами. В течение 1913 г. экспорт из Соедин. Штатов в Германию достиг высших размеров и выразился в сумме 352 милл. долларов. В течение 1920—1921 г. (с 1 июля) экспорт достиг уже 312 милл. долларов, и ожидают, что до конца года он составит 400 милл. долларов. Наоборот, экспорт из Германии в Соед. Штаты сильно отстает от экспорта 1913 г. Тогда он составлял 185 милл. долларов, а в этом году, вероятно, достигнет только 100 милл. дол. Предметами импорта из Соед. Штатов в Германию служат, главным образом, медь, хлопок и предметы питания, а в обратном направлении идут кали, анилиновые краски, меха,

стекольные изделия, свекловичные семена, перчатки и некоторые текстильные изделия.

В то же время заметно растут торговые обороты Германии с Францией «наперекор политическим страстям», как выражаются немецкие газеты.

В 1919 г. вывоз из Германии во Францию составлял 755,3 милл. фр., а в 1920 г. он дошел до 2.658,4 милл. фр. Ввоз во Францию из Германии составил 1.180,3 милл. фр. По отдельным месяцам 1920 г. внешняя торговля Германии с Францией выражается в таких цифрах (в милл. франк.):

Таблица XXI.

	Вывоз из Германии во Францию.	Вывоз из Франции в Германию.		Вывоз из Германии во Францию.	Вывоз из Франции в Германию.
Январь 1920 г.	81	72	Октябрь 1920 г.	230	158
Февраль »	131	80	Ноябрь »	345	137
Март »	109	79	Декабрь »	288	133
Апрель »	140	72	Всего за 1920 г.	2.658	1.180
Май »	179	45			
Июнь »	179	54	Январь 1921 г.	329	—
Июль »	446	170	Февраль »	244	810
Август »	248	88	Март »	246	—
Сентябрь »	284	91	Апрель »	267	—

Для оценки этих цифр надо принять во внимание то обстоятельство, что французская статистика не выделяет в вывозе из Германии тех товаров, которые поступили в счет репарационных платежей. Если принять во внимание, что в общей сумме вывоза из Германии за 1920 г. один вывоз угля составил 1.365 милл. фр., то надо будет признать, что платежи по репарациям составляют более половины экспорта из Германии во Францию.

В то же время Германия вновь приобретает влияние на рынках бывшей Австро-Венгерской монархии. Так, в Венгрию в 1920 г. было ввезено 5,4 млд. дв. центнеров разных товаров. В том числе из Германии ввезено 860.000 дв. центнеров. В 4 квартале 1920 г. в Чехо-Словакию было ввезено 12,3 млд. дв. центн.

В том числе из Германии ввезено 6,7 млд. дв. ц., т. е. 54,8%. Вывоз из Чехо-Словакии составил за тот же период 19,1 млд. дв. центн. (да еще 1.220.256 штук), из которых в Германию пошло 8,6 млд. дв. ц., т. е. 45%. Таким образом, Германия занимает первое место как в ввозе в Чехо-Словакию, так и в вывозе оттуда. Вывоз из Юго-Славии на 1-ю треть 1921 г. составил всего 569 милл. динаров. В Германию в том числе вывезено товаров на 109 милл. динаров, или 18,8%. За тот же период 1920 г. вывоз в Германию составил только 7,5% всего экспорта Юго-Славии.

Быстрое восстановление внешних торговых оборотов Германии сопровождается различными кредитными операциями, совершаемыми заграницей, как германским правительством, так и частными фирмами. Доверие к Германии заграницей настолько растет, что даже ее казначейские векселя находят покупателей в чужих странах.

Мы отметили, что торговые балансы большинства европейских стран, а в особенности Англии, Франции, Италии, совершенно изменяют свой характер в 1920 г. Их «пассивность» стремительно падает. Совершенно естественно, что этому соответствует резкое понижение «активности» балансов таких стран, как Соед. Штаты, Канада, Бразилия, Аргентина. Это и обнаруживается из приведенных в нашей таблице цифр.

VII.

От анализа бюджетов и торгового баланса, как предпосылок будущего регулирования денежного обращения, мы можем перейти теперь к рассмотрению тех тенденций, которые намечаются в сфере валютных отношений в узком смысле этого слова.

Раньше всего необходимо проследить, как протекает процесс инфляции.

Если ставить вопрос в узкой плоскости, в смысле выпуска бумажных денег, то надо будет признать, что последний год явился моментом некоторого перелома в этом отношении. Во 2-й половине 1920 г. и 1-й половине 1921 г. выпуски бумажных денег или прекратились совершенно, или стали менее интенсивными в своем темпе.

Это можно видеть раньше всего из следующей суммарной таблицы:

Таблица XXII.

Движение выпусков бумажных денег.

Страна.	Валюта.	Колич. денег в обращении, (в миллионах единиц).				
		На 1 июня 1914 г.	Конец декабря 1914 г.	Конец июля 1919 г.	Конец декабря 1920 г.	Конец мая 1921 г.
Англия	Фунты стерл.	28,9				129,0
	Банкноты . .	—			367,6	331,0
Франция . . .	Франки. . . .	5.811	37.650	38.011 [4]	37.440	38.233
Италия.	Лиры	1.557			22.276	14.027 [2]
Германия. . .	Марки—Банкноты Рейхсб. .	2.014	35.698	53.975	68.805	71.839 8.706 [3]
Голландия . .	Гульдены . .	316,6		1.008		1.028
Швейцария . .	Франки . . .	275,9		927,8		944,6
Польша. . . .	Марки . . .	—	5.000		49.362	91.300 [5]
Эстония. . . .	Марки . . .	—			1.309 [1]	2.200
Австрия. . . .	Кроны					45.583
Венгрия . . .	Кроны					13.685
Чехо-Словакия.	Кроны					10.851
Юго-Славия. .	Динары . . .					3.714
Финляндия . .	Марки . . .	123,9				1.405

Как показывает эта таблица, из европейских государств, участвовавших в войне, только две страны—**Англия** и **Франция**—совершенно прекратили выпуски бумажных денег. В Англии бумажно-денежное обращение складывается, как известно, из двух элементов: банкнот Английского банка и казначейских билетов currency notes. Что касается первых, то увеличение их количества прекратилось в течение текущего года. Об этом говорят следующие цифры:

---

[1]) На 1. 8. 1920 г.
[2]) На 30 апр. 1921 г. Очевидно, без казнач. векселей.
[3]) На 20 мая 1921 г.
[4]) 15 июля.
[5]) На 30 июня 1921 г.

Таблица XXIII.

Количество банкнот Английского банка в обращении (в 1.000 ф. ст.).

Дата.	Количество.	Дата.	Количество.
На 27 мая 1914 г.	28.933	На 28 февр. 1921 г.	—
» 4 июня 1919 г.	78.194	» 30 марта »	128.348
» 2 » 1920 г.	113.807	» 27 апр. »	128.358
» 31 дек. »	—	» 25 мая »	128.850
» 31 янв. 1921 г.	—	» 30 июня »	—

Что же касается currency notes, то количество их в обращении изменялось следующим образом (в 1.000 ф. ст.):

Таблица XXIV.

Дата.	Количество.	Дата.	Количество.
На 26 авг. 1914 г.	21.535	На 30 июня 1920 г.	357.356
» 30 » »	38.478	» 29 дек. »	367.626
» 29 » 1915 г.	103.125	» 30 марта 1921 г.	343.826
» 27 » 1916 г.	150.144	» 18 мая »	338.008
» 26 » 1917 г.	212.782	» 2 июня »	330.998
» 31 » 1918 г.	323.241	» 16 июня »	327.680
» 31 » 1919 г.	356.152		

После того, что выяснилось выше из анализа бюджета Англии, прекращение эмиссии в этой стране не может нас удивлять.

Более удивительным представляется то, что и Франция, несмотря на свои дефициты, сумела приостановить работу своего печатного станка. Картина выпусков бумажных денег во Франции выяснится из следующих цифр.

Во Франции было в обращении банкнот „Французского банка“ (в милл. фр.):

Таблица XXV.

Дата.	Количество.	Дата.	Количество.
1 января 1914 г.	6.035	31 декабря 1919 г.	37.660
30 декабря 1915 г.	13.310	15 июля 1920 г.	38.011
28 декабря 1916 г.	16.679	31 декабря 1920 г.	37.440
27 сентября 1917 г.	20.995	27 января 1921 г.	37.913
16 мая 1918 г.	21.873	31 марта 1921 г.	38.435
		12 мая 1921 г.	38.742
30 января 1919 г.	31.983	26 мая 1921 г.	38.233

Как видно из этих цифр, выпуски бумажных денег заметно росли здесь после войны в течение 1 года, когда сумма бумажных денег увеличилась с 31 до 38 миллиардов франков. Но уже с конца 1919 г. дальнейший рост выпусков почти приостановился, и сумма банкнот в обращении колеблется между 37½—39 миллиардами франков.

Приостановку роста и даже некоторое сокращение банкнотного обращения мы наблюдали в начале 1921 г. в Италии. Здесь было в обращении:

в конце октября 1920 г.	—	21.441 милл. лир.
» декабря 1920 г.	—	22.276 » »
20 февр. 1921 г.	—	21.218 » »

В Германии некоторый перелом в выпуске бумажных денег приходится на начало 1921 г. Как известно, бумажные деньги, в собственном смысле слова (т. е. без казначейских векселей), состоят здесь также из 2 категорий бумаг: из банкнот эмиссионных банков, главным образом Рейхсбанка, и Darlehenkassenscheine. Что касается этих последних, то количество их в обращении за последние 1—1½ года остается почти неизменяющимся в пределах 10—12 миллиардов марок. На 1 мая 1921 г. их было в обращении на 9,75 миллиардов марок, а на 30 июня это количество сократилось до 8.706 млд. мар. Билеты Рейхсбанка представляют собою, напротив, заметно изменяющуюся величину. Их изменение видно из следующей таблицы:

Таблица XXVI.

Состояло банкнот в обращении (в милл. марок).

Дата.	Количество.	Дата.	Количество.
1 января 1920 г.	35.698	31 октября 1920 г.	63.596
31 » »	37.443	30 ноября »	64.285
28 февраля »	41.034	31 декабря »	68.805
31 марта »	45.170	31 января 1921 г.	66.621
30 апреля »	47.940	28 февраля »	67.427
31 мая »	50.017	31 марта »	69.417
30 июня »	53.975	30 апреля »	70.840
31 июля »	55.769	31 мая »	71.839
31 августа »	58.401	30 июня »	75.321
30 сентября »	61.736		

Эта таблица показывает, что хотя выпуски бумажных денег в Германии шли почти без остановки, но все же в 1921 г. обнаружилось некоторое замедление эмиссии. В самом деле, если разбить период от начала 1920 г. по полугодиям, то окажется, что эмиссия возросла:

за 1-е полугодие	1920 г.—на	18,3	млд.	марок,	или	на	51%
» 2-е	»	1920 г. »	14,8	»	»	» »	27%
» 1-е	»	1921 г. »	6,5	»	»	» »	9%

Тем не менее, эти цифры не дают основания слишком оптимистически оценивать положение с эмиссией в Германии, так как последний месяц.—июль—дал резкий скачок выпуска в $3^1/_2$ млд. марок. Правда, отчасти эти выпуски были компенсированы тем сокращением обращения Darlehenkassenscheine, которое было отмечено выше. Но в гораздо большей степени здесь сказалось влияние майского ультиматума и лихорадочной работы германского правительства по заготовке 800 милл. марок для Антанты к 31 августа. Это видно уже из того, что за одну последнюю неделю июня учет векселей германского казначейства в Рейхсбанке вырос на 15,2 миллиарда марок и достиг рекордной цифры в 79,6 миллиардов марок.

Из других стран, как мы могли видеть, в сравнительно благоприятном положении находятся нейтральные государства, прекратившие выпуски новых денег. Зато Австрия, Польша, Эстония, Финляндия печатают во-всю. Чехо-Словакия сумела приостановить выпуски. Что же касается Венгрии, то ее министр финансов заявил недавно, что со средины марта выпуски новых денег окончательно приостановлены. Этому заявлению, как это ни странно, на заграничных биржах поверили, и курс венгерской кроны, к крайнему огорчению венгерских экспортеров, сразу повысился в 3½ раза.

Приведенные цифры показывают, что в общем и целом можно говорить о некотором переломе в процессе выпуска бумажных денег. Было бы, однако, рано говорить о приостановке инфляции. И не только потому, что в ряде стран, а в том числе и в Германии, выпуски еще продолжаются, но и потому, что кроме инфляции, в узком смысле слова, существует еще и другая, выражающаяся в выпуске громадной массы «казначейских векселей». Мы видели, что эти выпуски идут бешеным темпом не только в Германии, но и во Франции. Ими, отчасти, злоупотребляет и Англия.

Эти векселя казначейства, носящие разные названия, формально не являются деньгами. Однако, поскольку они оседают в частном обороте, они в значительной степени играют роль денежного суррогата, оказывающего то же влияние на оборот, что и бумажно-денежный знак чистого типа. Только консолидация этого краткосрочного векселя, превращение его в государственную долгосрочную облигацию, которая не может служить предметом денежного оборота, лишит эти векселя их инфляционистского влияния. Это прекрасно понимают и в Англии, и во Франции, и в Германии, и потому мы там нигде не слышим особенных восторгов по поводу того, что инфляция в узком смысле, или выпуски бумажных денег приостановились или сократились.

Анализ влияния бумажно-денежных выпусков был бы неполон, если бы мы не отметили факта, который замечается в течение последнего времени, а именно того, что в течение 2-й половины 1920 г. и 1-й половины 1921 г. инфляция идет параллельно с падением цен на товары. На самом факте падения цен мы останавливаться не будем. Его происхождение, как следствие торгово-промышленного кризиса, хорошо известно. Нам надо лишь отметить, что мы имеем здесь дело с влиянием на ценность денег «факторов, лежащих на стороне товаров». Встреча повышательной тенденции бумажно-денежной инфляции с понижательной тенденцией, идущей от «товаров», и дает в результате особые комбинации цен в разных странах. Там, где инфляция сильна, процесс обесценения бумажных денег, идущий от печатного станка, нейтрализует влияние кризиса на цены, и цены растут или медленно падают вопреки кризису. Вот почему падение цен проявляется сильнее всего в Америке и Японии, слабее в Англии, еще слабее во Франции и лишь в самые последние месяцы начинает проявляться в Германии.

VIII.

В заключение посмотрим, что происходит в области внешне-валютных отношений. Как складываются в последнее время вексельные курсы.

Обращаясь раньше всего к фунту стерлингов, мы находим следующую картину движения его с конца 1919 года.

Курс на Лондон.

Табл. XXVII.

Дата.	Курс в: Нью-Йорке (пар.—4.86⁵/₈).	Курс в: Амстердаме (пар. 12.07).	Курс в: Швейцарии (пар.—25.22½).	Дата.	Курс в: Нью-Йорке (пар.—4.86⁵/₈).	Курс в: Амстердаме (пар.—12.07).	Курс в: Швейцарии (пар.—25.22½).
31 дек. 1919 г. . .	3.76	10.07	21.16½	Нач. янв. 1921 г.	3.54	11.36	23.66
Нач. февр. 1920 г.	3.29	8.86½	20.15	» февр. »	3.80	11.35	23.82½
» марта »	3.63	9.72	21.31½	—	—	—	—
» апреля »	3.87	10.42	20.02	31 марта 1921 г. .	3.93	—	—
» мая »	3.86	10.56	21.88	29 апреля » .	3.96	11.26	22.66
» июня »	3.97	10.69	21.54	30 мая » .	3.87	11.27	22.17
» июля »	3.96	11.18	21.88	9 июня » .	3.67½	—	—
» августа »	3.63	10.80	21.84	30 июня » .	3.72½	—	—
» сент. »	3.56	11.16	21.64	15 июля » .	3.63½	—	—
» октября »	3.48	11.78	21.70	18 июля » .	3.60	—	—
» ноября »	3.41	11.38	21.99	22 июля » .	3.59	—	21.82
» декабря »	3.49	11.41	22.25½	—	—	—	—

Из этих данных можно видеть, что положение с курсом английской валюты все еще остается неблагополучным. На 22 июля курс фунта по отношению к доллару стоит ниже паритета на 26,3%. В течение первых 4 месяцев текущего года курс фунта заметно улучшался. В мае он один момент дошел до 4 долларов, но затем начинается довольно резко его падение, и колебания курса напоминают худшие периоды 1919 и 1920 гг.

Что касается французского **франка**, то его обесценение по отношению к нейтральным валютам и американскому доллару оказалось гораздо более значительным. Курс франка, в долларах, можно видеть из следующей таблицы:

Табл. XXVIII.

Курс французского франка в Нью-Йорке.

(Паритет 1 доллар = 5.18½ фр.).

Дата.	Курс.	Дата.	Курс.
18 декабря 1919 г. . .	11.37	2 сентября 1920 г. . .	14.39
8 января 1920 г. . .	11.19	7 октября » . .	14.99
6 февраля » . .	14.75	4 ноября » . .	16.35
4 марта » . .	13.83	10 декабря » . .	17.04
8 апреля » . .	15.30		
6 мая » . .	16.35	12 мая 1921 г. . .	11.75
3 июня » . .	13.10	26 » » . .	11.90
1 июля » . .	12.04	16 июня » . .	13.61
		13 июля » . .	13.98
5 августа » . .	13.80		

Мы здесь наблюдаем ту же картину, что и по отношению к фунту стерлингов. В течение первых месяцев 1921 г. курс улучшается. С 17.04 он доходит до 11.75, но затем с мая снова наступает ухудшение. Это ухудшение, однако, сравнительно не так значительно, как у фунта стерлингов. На 13 июля франк потерял по отношению к американскому доллару 59,3% своей ценности. Его обесценение более, чем в 2 раза превышает обесценение фунта стерлингов.

Зато курс франка по отношению к фунту стерлингов в течение 1921 г. все более улучшается. Это видно из следующей таблицы:

Табл. XXIX.

Курс франка в Лондоне

(франк за 1 ф. ст. при паритете 25,22½).

Дата.	Курс.	Дата.	Курс.
30 декабря 1920 г. . .	59.58	11 марта 1921 г. . .	54.75
8 января 1921 г. . .	61.03	31 » » . .	56.00
15 » » . .	61.32	29 апреля » . .	51.15
3 февраля » . .	54.40	18 мая » . .	45.75
12 » » . .	53.70	30 » » . .	47.15
1 марта » . .	53.95	1 июня » . .	46.34
		17 » » . .	46.40
		29 » » . .	46.67
		13 июля » . .	46.50
		22 » » . .	46.20

Мы видели, таким образом, заметное улучшение курса в течение первых 4 месяцев и известную устойчивость в течение последующих 2—3 месяцев.

Движение курса германской марки можно видеть из сопоставления таблиц XXX и XXXI:

Табл. XXX.

Курс германской марки в течение 1920 г.

Дата Паритет 100 м.	Курс в: Нью-Йорке.	Лондоне.	Париже.	Амстердаме.	Цюрихе.
	28,32	97,9	123,45	59,26	123,45
Начало января .	2,06	10,65	22,00	5,30	11,25
» февраля .	1,12	6,45	14,75	2,90	6,80
» марта . .	1,06	5,93	14,50	2,77	6,25
» апреля .	1,43	7,17	21,50	3,88	8,00
» мая . . .	1,74	9,09	29,00	4,80	9,80
» июня . .	2,61	13,20	34,25	6,95	14,10
» июля . .	2,63	13,25	32,00	7,45	14,65
» августа .	2,27	12,42	30,75	6,95	13,92
» сентября.	2,02	11,36	29,25	6,30	12,30
» октября .	1,63	9,35	24,50	5,22	10,20
» ноября .	1,27	7,45	20,50	4,20	8,22
» декабря .	1,44	8,25	23,50	4,77	9,22

В течение 1920 г. мы наблюдаем резкое колебание курса марки. Наиболее сильное падение его происходит в марте во время Капповского «путша». К средине года курс поправляется, а затем к концу года снова падает. Между низшим курсом в Нью-Йорке в начале в 1,06 долларов за 100 марок и высшим в начале июля в 2,63—разница в $2^1/_2$ раза. В течение первых 4 месяцев 1921 г. курс марки оказывается весьма устойчивым. Марка расценивается в Нью-Йорке приблизительно в 1,00 цента, т. е. в 6,8% ее довоенной ценности, или в 15 раз ниже паритета. Но, начиная с мая месяца, и здесь положение меняется к худшему: курс марки стремительно летит вниз.

Табл. XXXI.

Курс германской марки в 1921 г.

Место котировки.	Паритот.	30.12 1920	15.1	28.1	15.11	28.11	15 марта.	30 марта.	15 апреля.	2 мая.	14 мая.	31 мая.	29 июня.	15 июля.	20 июля.
Лондон .	1 ф. ст. = 20,43 м.	258,25	257,50	211,50	225,50	243,0	246,25	247,60	245,75	267,75	224,0	244	279	271,75	277,5
Париж . .	100 м. = 123,45 фр.	23	24,25	25,50	23,25	22,25	23,0	22,75	327/8	197/8	20,50[1])	19,31	17,12	—	16,75
Нью-Иорк .	1 м. = 23,82 долл.	1,38	1,49	1,73	1,69	1,58	1,57	1,58	1,59	1,54	1,75	—	1,82	1,33	1,29
Амстердам .	100 м. = 59,26 гул.	4,40	4,60	5,17	4,90	4,70	4,60	4,62	4,60	4,37	4,78	4,61	—	4,21	4,12
Цюрих . .	100 м. = 123,45 фр.	8,975	9,55	11,—	10,47	9,62	9,32	9,15	9,17	8,52	9,60	9,10	8,05	8,07	7,95
Копенгаген.	100 м. = 88,80 кр.	9,—	8,65	9,40	9,50	9,10	9,35	8,95	9,—	8,55	9,65	9,20	8,20	8,60	8,65
Стокгольм .	100 м. = 88,80 кр.	7,—	7,00	8,20	7,70	—	7,10	6,80	6,75	6,60	7,35	7,00	6,25	6,35	6,35

[1]) 13 мая 1921 г.

И так, май 1921 г. является месяцем перелома для валют Англии, Франции и Германии. В течение 4—5 месяцев до этого времени вексельные курсы, как будто, приобретали известную устойчивость. Могли появиться надежды на создание той обстановки, которая необходима для реформы. В мае все эти надежды рушились. Курсы стали колебаться в такой же степени, как это было в 1919 и 1920 гг.

После того, что было сказано в начале настоящего доклада, причина изменившегося положения должна быть ясна. Май 1921 г. явился тем месяцем, когда Германия приняла ультиматум союзников, и германское правительство стало исполнять принятые на себя обязательства. В первую очередь это потребовало от германского правительства мобилизации тех 800 милл. марок золотом, которые должны быть покрыты до 31 августа.

Может возникнуть вопрос, почему же эти платежи повлекли за собой падение курсов английской и французской валют. Понятно, что курс марки должен был упасть, когда Германия стала лихорадочно скупать золото и иностранную валюту. Но причем здесь фунт стерлингов и франк? Казалось. бы, что эти валюты должны были улучшиться. Но дело в следующем. Репарационная Комиссия, всячески стараясь оградить интересы союзников, и раньше всего Англии и Франции, потребовала от Германии, чтобы все 800 милл. марок золотом были внесены в долларах по золотому паритету. Задача заключалась в том, чтобы средства Репарационной Комиссии заключались в хорошей валюте. Но эта мера имела неожиданные последствия. Оказалось, что германское правительство, накопляя известные суммы для уплаты контрибуций, держало их в валютах разных стран, больше всего в фунтах стерлингов, затем во франках, гульденах и т. д. Когда от него потребовали платежа обязательно в долларах, то оно оказалось вынужденным выбросить на рынок фунты, франки и т. д. и закупать доллары. Это и вызвало падение европейских валют по отношению к валюте американской. Интересно, что даже несчастная Австрия. валюта которой и до того была достаточно обесценена, испытала дальнейший удар от этой операции, ибо Германия выбросила на рынок, между прочим, на 1½ миллиарда австрийских крон.

Это можно видеть из следующих данных о движении курса австрийской кроны за последний год:

Табл. XXXII.

Цена австрийской кроны в Нью-Йорке

(в долларах за 100 крон при паритете 20,26).

Дата.	Котировка.	Дата.	Котировка.
8 января 1920 г. . .	0,60	2 сентября 1920 г.	0,46
6 февраля » . .	0,32	7 октября » .	0,39
4 марта » . .	0,39	4 ноября » .	0,35
8 апреля » . .	0,16	10 декабря » .	0,30
6 мая » . .	0,49	12 мая 1921 г. . .	0,24
3 июня » . .	0,71	26 » » . .	0,26
1 июля » . .	0,73	9 июня » . .	0,23
5 августа » . .	0,50	16 июня » . .	0,21½

Австрийская крона, дошедшая уже к началу мая почти до 1% своей до-военной ценности, с того времени вновь обесценилась.

В Цюрихе за 100 крон платили:

4 июня 1921 г. .	1,31 фр.	7 июля 1921 г. .	0,92½
17 » » .	1,20 »	14 » » .	0,82½
24 » » .	1,10 »	19 » » .	0,80
1 июля » .	0,97½ фр.	21 » » .	0,77½

За 1½ месяца австрийская крона обесценилась, таким образом, чуть ли не вдвое.

Близорукая финансовая политика Репарационной Комиссии, вызвавшая крушение европейских валют по отношению к валюте Соед. Штатов, по иронии судьбы, как раз в то время, когда Америка окончательно отказалась от ратификации Версальского мира и решила заключить с Германией сепаратный мир, естественно, вызвала в английской прессе бурю негодования. Результатом этого было то, что Репарационная Комиссия 25 июня опубликовала следующее сообщение:

«Для предупреждения пертурбаций на девизном рынке, Репарационная Комиссия признала возможным, чтобы платежи Германии в июне, в виде опыта, могли вноситься не только в долларах, но и в европейской валюте. Это решение могло быть принято, так как известные союзные страны заявили, что они согласны принять на себя курсовой риск на определённые сорта валюты и определенные суммы».

Эта запоздавшая перемена политики, как можно было видеть, не приостановила в июле валютных пертурбаций. Вероятно, что здесь мы уже отчасти имеем дело с политикой со стороны Германии, которой, конечно, с политической точки зрения, весьма приятны эти неожиданные последствия ее репарационных платежей.

Такова общая обстановка валютных отношений в Европе. Приведенные факты, как кажется, подтверждают выдвинутое в начале положение, что регулирование денежного обращения не стоит в Европе в програмне финансовой политики сегодняшнего дня. Подготовительная стадия к валютной реформе еще не пройдена.

В заключение необходимо поставить следующий вопрос. Если денежная реформа не есть вопрос ближайшего времени и в этой сфере идет только предварительная подготовка, то все же, какие направления в области этой реформы намечаются в настоящее время?

В этом отношении можно, кажется, утверждать, что, поскольку положение выяснилось, в Европе все больше и больше крепнет мысль, что регулирование денежного обращения должно произойти в форме возврата к **золотой валюте**. Золотая валюта остается последней целью. Это не значит, что уже теперь нет противников золота и сторонников бумажных денег, «Tabular standard» и т. п. проектов. Но не они творят теперешнюю политику. Финансисты, стоящие у руля, определенно идут в сторону золота. Наиболее ярким фактом в этой области является отмеченная уже выше политика «Репарационной Комиссии», которая все расчеты с Германией ведет только на золото. К этой категории мероприятий относится постановление итальянского правительства о взимании пошлин золотом и свободная закупка германским правительством золота и золотых монет по вольному курсу. Этот курс, по которому Рейхсбанк и почта покупают золото в слитках и монетах, об'является германским правительством на неделю вперед. На неделю, с 27 июня по 3 июля 1921 г., была установлена покупная цена в 300 марок за 20-марковую золотую монету, т. е. с уменьшением до-военной ценности марки в 15 раз.

Труднее ответить на вопрос, клонится ли политика европейских стран к **девальвации** или к восстановлению старого курса. Восстановление старого курса даже в тех странах, где это, как будто, возможно, как, напр., в Англии и, быть может, Франции,

затронуло бы так много интересов, что на этой идее особенно не настаивают. В частности, в Англии против такой политики ведут сильную кампанию владельцы золотых рудников в Южной Африке. И если принять во внимание, что влияние этой группы в Англии исключительно велико и, вероятно, значительно сильнее, чем влияние золотопромышленников 100 лет тому назад, когда шла речь о ликвидации неразменных банкнот, созданных в период войны с Францией, то легко возможно, что Англия решится потерять свою финансовую невинность и пойти на девальвацию. Но девальвация есть государственное банкротство и потому никто не спешит ставить в этом отношении точки на «и» и об этом молчат не только в Англии и Франции, но даже в Германии, для которой, как будто, другой формы возврата к золотой валюте, кроме девальвации, представить себе нельзя.

З. С. Каценеленбаум.

Стабилизация ценности денежной единицы.

Новый проект Ирвинга Фишера.

Доклад Н. Н. Любимова, прочитанный в сентябре 1920 г.

1.

Основной факт, лежащий в существе ряда последовательных работ И. Фишера в области денежного обращения, заключается в том, что покупательная сила денежной единицы неопределенна и изменчива, то есть что уровень товарных цен неустойчив.

Война вызвала величайшую революцию цен среди всех, имевших место в истории движений цен. Тяжелый мировой промышленный кризис неразрывно связан с этим, все еще продолжающимся, сдвигом цен. Замешательство делового мира и крайняя проблематичность попыток угадать будущее отроение товарных цен вызвали в Америке, как и везде, оживленные споры о послевоенных тенденциях в развитии цен.

Упадут ли военные цены до их прежнего или близкого к прежнему уровня или они могут быть зафиксированы на каком-либо устойчивом уровне—так стоял вопрос о движении цен в Соед. Штатах ко времени, когда И. Фишер опубликовал свою новую работу: «Стабилизация доллара. План стабилизации общего уровня цен без посредства фиксации индивидуальных цен».

Работа эта вышла в свет в 1920 г. в Нью-Иорке, а предисловие к ней, написанное Фишером, помечено ноябрем 1919 г.

В предисловии Фишер подчеркивает, что главной целью его новой книги является доказательство того, что постоянная устойчивость (permanent stability) цен практически осуществима, и что он предлагает детальный план законодательного и технико-административного проведения идеи стабилизации в жизнь.

Первый набросок этого плана был опубликован Фишером еще в 1911 г. в его работе: «Покупательная сила денег». В 1912 г. план обсуждался в Бостоне на Международном Конгрессе Торговых Палат и в том же году—в Американской Экономической Ассоциации. В законченном виде план был помещен в февральском выпуске «Quarterly Journal of Economics» в 1913 г.

Весной 1918 г. Комиссия Американской Экономической Ассоциации по вопросу о покупательной силе денег в связи с войной высказалась в положительном смысле о принципе стабилизации и рекомендовала проект Фишера самому серьезному вниманию государственных деятелей и экономистов.

Постепенно идея Фишера привлекла значительное внимание, и он в специальном приложении даже приводит целый список лиц—экономистов, представителей банкового и торгово-промышленного мира и, наконец, политических деятелей, одобривших проект стабилизации и ставших прямыми его сторонниками.

«Когда я впервые предложил план стабилизации доллара,—говорит Фишер во введении,—я полагал, что был первым, сделавшим это. Вскоре, однако, обнаружилось, что та же самая мысль уже ранее была высказана рядом авторов и притом независимо друг от друга».

Фишер приводит в особом приложении целую библиографию трудов, где идея стабилизации в существенном содержала основные черты его проекта. Первым автором, отчетливо формулировавшим идею стабилизации, был Джон Рук—«Исследование об основаниях национального богатства», 1824 г.; за ним Симон Ньюкомб, астроном и экономист—«Стандарт ценности», 1879 г., Альфред Маршалль—«Средства против колебаний общих цен», 1887 г., Аневрин Вильямс—«Фиксированная ценность слитка», 1892 г. Проект этого автора (A proposal for preventing general fluctuations in trade) Фишер называет практически тождественным с планом, изложенным в его новой книге; тождественными с его проектом Фишер считает также труды Дж. Аллена Смита—«Кратный денежный стандарт», 1896 г., и Тиннеса—«Идеальный измеритель ценности», 1896 г.

К прямым же своим предшественникам Фишер относит также, помимо американских экономистов: Хентера, Фостера, Брауна, Хитона, еще и знаменитого английского натуралиста Альфреда Ресселя Уоллеса—«Бумажные деньги, как стандарт ценности», 1898 г.

В сущности, только одну единственную деталь всего плана Фишер относит на свой счет, именно проект мероприятий по борьбе

со спекуляцией на правительственной цене золота, являющейся, конечно, в связи с изменениями в весе золотой единицы.

Тот факт, что мысль о стабилизации покупательной силы денежной единицы уже осуществлялась в отдельных случаях в истории и является не результатом «магического открытия» одного лица, но продуктом коллективной, хотя и разрозненно работавшей, экономической мысли, дает Фишеру уверенность в принципиальной правильности идеи и в ее жизненной осуществимости.

«Я надеюсь,—заключает свое введение Фишер,—что читатели широко распространят идею стабилизации теми способами, которые им кажутся наиболее действительными для законодательного ее осуществления в национальном или даже в международном масштабе».

2.

Исторические прецеденты стабилизации.

Фишер суммирует в прилож. 5 исторические примеры борьбы с неустойчивостью денежных стандартов. «Эти попытки более многочисленны, чем это обычно думают, и образуют достойную удивления массу прецедентов для каждого из принципов стабилизации, которые, будучи взяты вместе, и образуют содержание плана моей книги»—говорит Фишер.

а) Он приводит ряд примеров из истории Египта эпохи Птоломеев и затем римского владычества, средневековой Англии и Шотландии, законодательства королевы Елизаветы, наконец, Соед. Штатов начала XIX столетия, когда искания экономической мысли были направлены в сторону нахождения более устойчивого ценностного измерителя, нежели денежные единицы того времени, напр., пшеничного зерна, солода или железа, в которых и заключались торговые сделки и иные контракты тех эпох.

Особенно любопытно шотландское законодательство об арендных договорах, действовавшее в течение свыше 2 столетий. Фермерские аренды заключались в определенном количестве зерна, но выплачивались деньгами по определявшейся судом средней цене зерна.

По поводу аналогичных актов Елизаветинского законодательства Джевонс говорит: «Сильнейшие изменения в ценности благородных металлов вызывает (естественный) вопрос, желательно ли

употреблять их в качестве стандарта ценности для долгосрочных контрактов? Мы должны признать, что государственные люди королевы Елизаветы были дальновидны».

б) Помимо указанных выше попыток отыскания более устойчивого, нежели золото и серебро, измерителя, Фишер приводит многочисленные примеры «табличных стандартов» (tabular standards).

В основе последних лежит метод чисел-показателей.

В истории Массачузетса табл. стандарт дважды: в 1747 и 1780 гг. создавался законом для оплаты солдат и некоторых других общественных слоев, как средство противодействия крайней неопределенности и обесценения бумажных денег.

Последний закон 1780 г. продолжался до 1786 г., когда крайняя нужда в подобного рода коррективе была изжита. Корректив этот основывался на грубых числах-показателях четырех благ (зерно, мясо, шерсть и кожа).

Причиной перехода к табличным измерителям была сильнейшая дезорганизация денежного стандарта в эпоху революционной войны в Соед. Штатах.

Великая Европейская война равным образом побудила промышленный мир Америки к использованию сложных стандартов. Ставки заработных плат приводились в соответствие с ростом цен при помощи чисел-показателей.

В конце 1916 г. впервые за Европейскую войну некоторые американские банки, торговые и промышленные предприятия выплатили своим служащим праздничные подарки в размере части их заработка в целях возмещения уменьшившейся покупательной силы ставок заработных плат в течение года. То же пришлось проделать и в следующем году. Это естественно привело к мысли о периодическом приспособлении заработных плат к ценам. The Banker's Trust C°. поручила комиссии выполнить специальное исследование, законченное 15 декабря 1917 г. The Oneida C° с 1 января 1917 г. ввела систему возмещения дороговизны посредством использования Брэдстритовских чисел-показателей оптовых цен. Каждый рабочий получает свою еженедельную плату в 2 пакетах: в одном содержится регулярная заработная плата и в другом—известный % ее, исчисленный на основе Брэдстритовских чисел-показателей.

Ту же систему усвоила металлическая фабрика в Миннезоте The Kelley-How-Thomson Co и металлическая же фабрика—The George Worthington, последняя с тем исключением, что директора

предприятия, а также комиссионеры не получили права на %-й рост их доходов.

Та же система была применена, по инициативе союза рабочих, на фабрике одежды The Printz-Biedermann C°.

Ряд предприятий в Индиане, Ю. Каролине, Коннектикуте, Орегоне, Вашингтоне и др. перешел к системе подвижных заработных плат на основе чисел-показателей.

На многочисленных мельницах в Сиэтле и др. пунктах северо-запада повышение заработных плат, в начале нерегулярное и не научно поставленное, впоследствии перешло в руки профессора Ogburn'a, ныне проф. Колумбийского университета.

Но главное использование чисел-показателей наблюдалось в практике Департамента Труда Национальной Войны при разрешении конфликтов по вопросу о заработной плате.

Тот же принцип был признан Департаментом Труда в судостроительных предприятиях. Здесь даже был принят план, согласно которому каждые ½ года во всех судостроительных центрах производится изменение заработных ставок, основанное на движениях дороговизны, регистрируемых числами-показателями Бюро Статистики Труда Соед. Штатов.

Также Военный Департамент вводил, на-ряду с другими факторами, числа-показатели в исчисление цен приобретения некоторых предметов войны.

В Англии рабочие некоторых отраслей текстильной промышленности заключили в январе 1918 г. соглашение с предпринимателями, согласно которому все прежние военные премии были отменены, и регулирование заработных плат должно было производиться на основе чисел-показателей цен, исчисляемых Департаментом Промышленности (Board of Trade).

Тот же самый принцип согласования заработных плат с дороговизной был применен в Австралии.

Если не все эти случаи использования чисел-показателей сохранились до сих пор, замечает Фишер, то причина отказа от этого метода заключается в больших неудобствах иметь дело с двумя стандартами—измерителями цен.

в) Корректирование самой денежной единицы.

В третьей группе Фишер приводит примеры законодательных актов, направленных на корректирование самой денежной единицы. В существенном сюда относятся некоторые случаи из истории перехода стран с серебряной валютой на золото. После крушения

биметаллизма около 1879 г., когда страны серебряной и золотой валюты начали все более расходиться между собою (по движению цен валютного металла), лондонский курс векселей на Индию утратил прежний паритет. Колебания вексельного курса вызвали сильнейшее расстройство промышленных связей между Англией и Индией. Наконец, в 1893 г. индийское правительство прекратило свободную чеканку серебра и постепенно повысило ценность рупии над ценностью содержащегося в ней серебра. Когда курс рупии достиг 16 пенсов, она стала разменной на золото, или—говоря более точно—на право на золото, находящееся не в Индии, но в Лондоне.

Этот знаменитый «Gold exchange standard» был, во время его принятия, не менее радикальным в смысле отказа от традиций, нежели современный план Фишера стабилизовать ценность доллара.

В Европейскую войну мероприятия Швеции, Голландии и Испании по борьбе с золотой инфляцией путем воспрещения ввоза и вывоза золота также представляют собою примеры охраны национальных денежных единиц.

В 1916 г. Швеция уполномочила Госуд. Банк отказывать в приеме золота в обмен на банковые билеты, и это привело к тому же результату, что прекращение в 1893 г. в Индии свободной чеканки серебра. Шведская монета стала редкой (т. е. приобрела scarcity value), и ее обесценение в отношении к товарам уменьшилось, т. е. рост цен был задержан. Шведский вексельный курс возрос, и, что всего замечательнее, шведские ноты получили премию на золотые слитки.

То же проделали Голландия и Испания. Соед. Штаты, подобно ряду других стран, защитили себя от возможного внезапного оттока золота путем установления эмбарго на его вывоз.

г) Выводы.

Фишер констатирует, что исторические прецеденты: а) установление товарного стандарта вместо денежно-металлического, б) употребление чисел-показателей для той же цели и в) корректирование денежно-металлической единицы (напр., серебра путем стандарта золотых векселей) установлением скользящей скалы отношений к другому стандарту являются существенными составными частями плана стабилизации доллара.

«Единственным нововведением является только комбинирование испытанных ранее элементов в одно общее целое. В то же самое время мы удерживаем наше традиционное золото, как основные

деньги, и не делаем никаких видимых изменений в деньгах, находящихся в обращении. Единственное существенное отступление от нынешней системы, однако же, никем, кроме небольшого числа золотопромышленников, ювелиров, экспортеров и импортеров, невидимое, состоит в изменении, согласно твердым основаниям, цены золота от нынешних 20,67 долларов за унц. Трудно понять, почему такая реформа, единственная цель которой воспрепятствовать реальным изменениям нашей денежной единицы, должна вызвать опасения со стороны тех, кто признает значение прецедентов».

3.

Одобрение плана стабилизации доллара.

«Описанный в моей книге план был уже предметом живейшего внимания многих крупных умов всего мира и был встречен почти всеобщим одобрением везде, где он был исследован». По выражению одного наблюдателя: «только те возражают, кто не понимает».

Из многих выдающихся лиц—числом до 200, которые выразились в положительном смысле о плане стабилизации, Фишер отдельно упоминает о:

Президенте Yale'ского университета—Хедли, заведующем статистикой труда в Департаменте Труда—Микере, сенаторах—Ньюлендсе, Оуене, Шафроте, банкирах—Кельси, Хиггинсоне, Перрине, директоре Федерального Резервного Банка Пибоди, б. помощнике секретаря Гос. Казначейства—Роу, статистике—Бебсоне, инженере Хаммонде, об одном из авторов валютной реформы 1893 г. в Индии—Барбуре, члене французской палаты депутатов и экономисте—Ландри, профессоре Туринского университета—Лорна.

Комиссия по изучению покупательной силы денег Америк. Эконом. Ассоциации, состоящая из экономистов, преимущественно работавших в области денежного обращения и банкового дела (профессора Андерсен, Кеммерер, Микер, Мичелль, Персонс и Фишер), внимательно изучила проект стабилизации и дала следующее заключение: «Комиссия считает стабилизацию ценности денежных (monetary) единиц на началах международного соглашения желательной и экономически осуществимой. Детали плана, время его введения, вопрос о том, необходимо ли международное соглашение, должны привлечь живейшее внимание государственных людей и экономистов».

Фишер приводит еще целый ряд положительных оценок его проекта, данных Бриджпортской и Уотерберийской торговыми палатами, обществом польских инженеров и торговцев в Америке, союзом закупочных агентов в Новой Англии, Международной Торговой Конференцией в Берне в 1919 г., американской федерацией труда и, наконец, Хестедом—депутатом Нью-Иорка в конгрессе (палата представителей), внесшим 6 октября 1919 г. билль об учреждении Национальной Денежной Комиссии, в задачи которой в особенности вошла бы «стабилизация покупательной силы доллара».

Такое уже довольно широкое распространение, которое проект стабилизации получил в Соед. Штатах и, отчасти, даже заграницей, дает Фишеру некоторую уверенность в том, что инерция—главный враг его проекта—будет преодолена, и что нездоровые схемы денежной реформы не найдут большого числа своих защитников.

4.

Недостатки ранее предложенных планов.

Среди средств, которые предлагались учеными и неучеными авторами для разрешения проблемы создания денежной единицы с постоянно устойчивой покупательной силой, Ирвинг Фишер указывает длинную серию планов, в существенном направленных к увеличению и удешевлению производства, к улучшению системы распределения и потребления благ; таковы:

а) государственная собственность на предприятия общего пользования,

б) социализм всех видов и толкований,

в) кооперативный сбыт продуктов сельского фермерского хозяйства,

г) утилизация городских пустырей,

д) все формы социального страхования,

е) отказ от услуг посредников,

ж) участие в прибылях,

з) публичность цен и предпринимательских барышей,

и) единый налог,

к) низкие тарифы (в Соединенных Штатах и Германии),

л) высокие тарифы (в Англии),

м) организация продажи предметов продовольствия городскими управлениями,

н) законы против спекуляции и монополии,

о) фиксация цен,

п) правительственный контроль над продовольственной системой,

р) биметаллизм,

с) скользящая скала заработных плат, основанная на стоимости жизни,

т) разоружение и т. д., и т. д.

Одни из указанных выше проектов Фишер относит скорее к причинам колебания цен и валюты, нежели к средствам их урегулирования, другие же считает вообще не имеющими прямого отношения к проблеме стабилизации валюты.

«Они (эти средства) могли бы помочь нам убедиться в высокой стоимости жизни, говорит Фишер, но ни предупредить ее, ни уменьшить».

Содержание планов, приведенных в перечне Фишера, убеждает его лишь в том, что направление, в котором обычно ведется исследование проблемы, в существенном неверно, или же, во всяком случае, недостаточно.

Помимо экономии в распределении и потреблении благ, увеличения и удешевления производства есть и другая сторона рыночных отношений: это— внутренняя ценность денег, покупательная их сила.

Под общим наименованием «высокая стоимость жизни» (дороговизна) заключены в сущности две проблемы: 1) проблема величины наших доходов и 2) проблема покупательной силы каждого доллара нашего дохода. Первая из них в большей мере является «проблемой дохода», вторая—«проблемой высокой стоимости жизни» в тесном смысле.

Большинство предложенных ранее проектов имеет, по словам Фишера, гораздо более близкое отношение к первой проблеме, нежели ко второй, а между тем авторы этих проектов ожидают разрешения также и второй проблемы. Предлагаемый самим Фишером план касается исключительно разрешения этой последней—именно проблемы покупательной силы денежной единицы.

5.

Доллар—единственная единица ценности; тем не менее, этот важнейший ценностный измеритель совершенно не подвергся точному определению (стандаризации).

Если настоящим виновником колебания общего уровня цен является доллар, то задача создания постоянно устойчивой валюты заключается в фиксации покупательной силы доллара.

В настоящее время доллар есть просто фиксированное количество золота—единица веса, призванная играть роль единицы ценности, но по самому существу своему в нынешней ее конструкции этой роли выполнить не могущая.

Фишер доказывает, что 20-я часть унца золота (точнее чистого золота в долларе $^1/_{20 \cdot 67}$ унца) не может быть признана более совершенной единицей ценности или общей покупательной силы, нежели фунт сахара или дюжина яиц.

«Почти столь же абсурдно определять единицу ценности или универсальную покупательную силу в весовых единицах, сколь определить единицу длины в весовых единицах, например, измерить палку длиною в один ярд палкою, которая весит один унц».

Фишер задает ряд следующих, не лишенных иронии, вопросов: «Какую собственно пользу можно извлечь из уверенности в том, что наш доллар весит столько же, сколько и раньше? В состоянии ли этот факт облегчить нам, хотя бы в малейшей степени, высокую стоимость жизни? То, что нам действительно нужно сказать, это—осталась ли его покупательная сила такою же, как и раньше. Нам нужен доллар, на который всегда можно было бы купить одинаковое количество хлеба, масла, мяса, сала, бобов, сахара, одежды, дров и других необходимых предметов, на приобретение которых мы затрачиваем этот доллар. Сохраняя форму, он постоянно теряет свое содержание. В данном случае (т. е. в случае применения денег в товарном обороте) уклонение одной из сторон от выполнения договора неумышленно, но тем хуже—ибо потерпевшая сторона не имеет средств возмещения».

«Что действительно необходимо,—продолжает Фишер,—это—стабилизовать, определить точную меру доллара так же, как мы уже определили ярд, фунт, бушель, пинту, лошадиную силу, вольт и все прочие единицы обмена, исключая доллар. Все эти единицы измерения прошли долгую эволюцию от грубых единиц ранних примитивных эпох к точным измерителям нашего времени, когда в соответствии с уровнем современных знаний достигнут наивысший возможный предел всякого рода измерителям.

Некогда ярдом считали просто-напросто длину пояса вождя племени. Позднее ярд был длиною руки Генриха II, затем длиною железной балки Тоуэрской башни в Лондоне. Ныне в Вашингтонской палате мер и весов хранится современный ярд, определяемый лигатурной полосой металла (эталоном), находящейся под стеклом в помещении с постоянной температурой. Приближение наблюдателя

к эталону не допускается, так как температура человеческого тела вызвала бы изменение длины образцового ярда, который рассматривается поэтому в телескоп на известном расстоянии.

Кроме доллара ни одна из древних грубых единиц измерения уже более не существует в современном обмене. Доллар есть единственный пережиток примитивных эпох. Представьте себе,—иронизирует Фишер,—современного американского торговца, пользующегося ярдом, определенным по длине пояса президента Соединенных Штатов.

Зло от нестабилизованного доллара—неопределенность сделок, социальная несправедливость, возбуждение недовольства и беспорядка—так же велико, как и зло, которое причинили бы все прочие единицы торговли—ярд, бушель, рабочий час, если бы величина их постоянно менялась подобно единице ценности—доллару.

Если мы терпим столь неустойчивый доллар,—говорит Фишер,—то лишь потому, что беспорядок, который он вносит, приписывается другим агентам. Если бы жертвы его произвола знали правду о долларе, он был бы стабилизован в ближайшую сессию конгресса»,—заключает Фишер.

6.

Воображаемый товарный доллар.

Настоящий измеритель ценности (универсальная покупательная сила), каким и должна быть по существу денежная единица, не может зависеть только от одного блага, будет ли то золото или серебро, или пшеница, или какой-либо другой род благ.

Движение цен двух благ менее подвержено колебаниям, чем одного блага, подобно тому, как два подвыпивших человека, держась рука за руку, идут более устойчиво, чем каждый в отдельности. Всякий раз, как они покачнутся в противоположные стороны, они нейтрализуют друг друга. Это—важнейший и постоянный аргумент в пользу биметаллизма, симметаллизма и других планов, об'единяющих золото и серебро в одной денежной системе, аргумент, используемый всякий раз, как цены золота и серебра движутся в противоположных направлениях, как, например, между 1873 и 1896 гг.

Если бы одно поколение тому назад Соединенные Штаты усвоили доллар, состоящий из сплава ½ тогдашнего золотого

доллара и $1/2$ тогдашнего серебряного доллара, то, по убеждению Фишера, уровень цен не потерпел бы столь быстрого падения, какое наблюдалось до 1896 г. в Соединенных Штатах в связи с движением цен в прочих странах с золотой валютой, как не наблюдалось бы и быстрого его под'ема, подобно денежным единицам стран с серебряной валютой. Американский уровень цен держался бы посередине между расходящимися движениями цен в странах с золотой валютой, с одной стороны, и в странах с серебряной валютой—с другой. Но такое совокупное действие только двух благ все же не обладало бы достаточной степенью устойчивости.

Сплав золота, серебра, меди, платины и всех прочих металлов был бы более устойчивым, чем сплав только двух металлов, подобно тому, как группа подвыпивших людей шествует более уверенно и твердо, держась рука за руку, нежели только двое гуляк. Предположение, что все подвыпившие в линии покачнутся в одном направлении в один и тот же момент, совершенно неправдоподобно.

Но почему за масштаб измерения благ брать исключительно металлы? Числа-показатели бюро статистики труда Соединенных Штатов показывают, что группа металлов и изделий из них, взятая как целое, обнаруживает сильнейшие колебания из всех девяти групп*). **Для того, чтобы обеспечить устойчивость доллара в его покупательной товарной силе, он должен представлять собою комплекс (составную сумму) всех этих товаров в целом. Такой составной доллар должно привести в соответствие с ценностью воображаемого сложного товарного доллара, состоящего, например, из: 1 кв. фута дров, $1/4$ бушеля пшеницы, $1/4$ фунта мяса, 15 ф. угля, $1/200$ барреля пшен. муки, $1/2$ ф. сахара, $1/4$ ф. свинины, $1/6$ ф. хлопка, $1/8$ галл. керосина, $1/2$ яйца, $1/2$ пинты молока, $1/2$ унца масла, $1/6$ бушеля зерна, $1/50$ буш. картоф., $1/200$ пары башмаков, $3/4$ ф. сена, $1/2$ унца бычачьей кожи, $1/2$ унца табака-сырца, $1/4$ ф. табака-фабриката, $3/4$ унца сала, $1/4$ унца кожи, $1/15$ унца шерсти, $1/4$ ф. стали, $1/2$ унца меди, $1/20$ унца каучука, $1/6$ галлона 1%-ного алкоголя, 1 унца мыла и т. д.**

---

*) Групп 9, именно: 1) продукты сельского хозяйства, 2) продовольствие и т. д., 3) предметы одежды, 4) дрова и освещение, 5) металлы и изделия из них, 6) лесн. строит. материалы, 7) продукты фармацевтической и химической промышленности, 8) домашн. обстановка и утварь и 9) разные. Бюро ведет учет цен отдельных товаров, входящих в состав каждой группы; из этих цен выводятся среднее арифметическое для каждой группы, эта цифра и называется числом-показателем (index number) средней для данной группы.

В этом перечне приведены соотносительные количества некоторых благ, для которых бюро статистики труда Соединенных Штатов исчисляет числа-показатели. Весь перечень благ в действительной рыночной его расценке стоит около доллара ежедневно.

Задача стабилизации денежной единицы, по Фишеру, и состоит в том, чтобы установить постоянную равноценность между золотым долларом и вышеуказанным товарным долларом.

Очевидно, такой комплекс товаров во все времена имел бы ценность, равную одному доллару. Этот ассортимент всегда стоил бы один доллар просто потому, что доллар был равноценностью этого ассортимента.

Фишер убежден, что поддержание цены этого сложного товарного доллара на неизменном уровне (в каких бы широких границах ни изменялись в своем взаимном отношении составные его части) было бы делом столь же простым, как практикующееся в настоящее время поддержание цены золота неизменной.

7.

Золотое основание сохраняется.

Фишер предвидит первые же сомнения массового читателя, незнакомого с подробностями общей конструкции его плана: насколько неудобен, чтобы не сказать—громоздок, был бы такой товарный доллар, если бы он попал в обращение или был употреблен для экспорта или импорта.

Со своими 15 фунт. угля он слишком тяжел для того, чтобы его носить; дрова и сено делают его слишком громоздким; половина яйца легко испортилась бы; разделить пару его башмаков на 200 частей означало бы уничтожить их ценность вовсе. Золото по многим причинам предпочтительнее: оно не разрушается, поддается делению в любых пропорциях, портативно и легко реализуемо.

Фишер устанавливает, однако, что по этим основаниям золото было избрано, как базис валюты, а вовсе не по мотивам особой устойчивости его, как ошибочно представляют себе многие экономисты и большая публика. Но в таком случае нет оснований отказываться от золота, как валютного базиса, в силу специфических его хороших качеств—портативности, прочности, делимости, реализуемости, и задача денежной реформы сводится к исправлению его неустойчивости. Необходимо достигнуть такого положения,

чтобы на один доллар всегда можно было купить приблизительно вышеуказанное количество товаров. При осуществлении проектируемого плана в обращении функционировал бы только надлежащим образом корректируемый золотой доллар. Товарный же доллар Фишера только искусственный прием, известная фикция, в соответствии с которой статистически устанавливается и корректируется золотой доллар.

В настоящее время деньги выполняют две важные функции: они—средство обмена и мерило ценности. Фишер особенно подчеркивает следующее положение: как основание валюты, золото избрано потому, что оно хорошее средство обмена, и вовсе не потому, что оно хорошее мерило ценности.

Выставленный в литературе по денежному обращению тезис, что золото стало деньгами потому, что оно мыслилось, как хорошее мерило ценности, является, по Фишеру, необоснованным мифом. Когда золото вошло в употребление в качестве денег, не существовало чисел - показателей, а потому не было еще ни метода, ни критерия для определения его устойчивости или неустойчивости, да в сущности тогда не было такой нужды и особой заботы о мериле ценности, так как в то время срочных контрактов, как-то: векселя, ипотеки, государственные облигации и т. п.—почти не было в употреблении, торговые сделки совершались и ликвидировались в подавляющем большинстве случаев на месте и однократно. В эпоху преобладания сделок за наличный расчет для контрагентов было, в общем, довольно несущественно, в каких именно денежных единицах была выражена сделка.

Но в настоящее время, если кто-либо покупает товар и обещает оплатить его по истечении трех месяцев, положение вещей совершенно иное. Когда наступает срок платежа, очень важно знать, сохранилась ли покупательная сила доллара тою же, какою она презюмировалась в момент заключения сделки.

В отношении наших новейших контрактов, длительность коих исчисляется месяцами, годами, поколениями и даже столетиями, на громадные суммы в миллиарды денежных единиц—векселя, ипотеки, железнодорожные акции, государственные фонды, арендные договоры, страховые контракты, долговые расписки и т. п.,—функция мерила ценности, т. е. основания рассроченных платежей, быть может, стала даже более важной из обеих упомянутых функций денег, как орудия обмена и измерителя ценности. Если наши предки нашли хорошее с р е д с т в о о б м е н а, то нас теперь озабо-

чивает дурное мерило ценности. Поэтому, в чем мы действительно нуждаемся, это—сохранить золото, как хорошее средство обмена, и сделать его хорошим же основанием ценности, не отказаться от золотого основания вовсе, но исправить его, не освободиться от золотой денежной единицы, но преобразовать ее в покупательную силу сложной товарной единицы.

В плане Фишера золото, как базис валюты, удерживается; сохраняется в существенном и тот механизм, благодаря которому оно вступает в обращение и выступает из него. Но в этом плане золотой доллар становится единицей ценности, вместо единицы веса.

8.

Следует изменить только вес золотого слитка ценностью в один доллар.

Каким образом можно исправить золотую единицу? В сжатом виде, минуя подробности, ответ таков: изменяя надлежащим образом вес золотого доллара. Золотой доллар ныне фиксирован в своем весе, и поэтому покупательная сила его изменчива. Что действительно необходимо, это—золотой доллар, фиксированный в своей покупательной силе и поэтому меняющийся в своем весе. «Я не думаю, говорит Фишер, чтобы существовал такой здравомыслящий человек,—принимает ли он предложенную мною теорию денег или нет,—который стал бы отрицать, что вес золота в долларе имеет ближайшее отношение к его покупательной силе. На большее количество золота купишь больше товара. Поэтому на большее количество золота, чем 23,22 грана, устраняя противоположные по своему влиянию причины, можно купить больше товаров, чем на 23,22 грана. Если бы доллар, вместо 23,22 грана, или приблизительно около 1/20 унца, весил целый унц, или фунт, или тонну золота, на него можно было бы, при прочих равных условиях, купить больше товаров, чем в настоящее время, иначе сказать, сравнительно с нынешним, уровень цен был бы ниже.

Мексиканский золотой доллар весит приблизительно половину доллара Соединенных Штатов, и потому покупательная сила его меньше. Если бы Мексика усвоила тот же самый доллар, что и наш, никто

не сомневался бы,—полагает Фишер,—что его покупательная сила возросла бы приблизительно вдвое, т. е. что уровень цен в Мексике упал бы приблизительно почти на половину. Равным образом, если бы Соединенные Штаты усвоили мексиканский доллар, цены приблизительно удвоились бы.

Можно считать бесспорным, что, в соответствии с весом золотого доллара, покупательная сила его будет больше или меньше. Отсюда следует,—заключает Фишер,—что прибавлением новых гранов золота к доллару в количестве, достаточном для того, чтобы компенсировать убыль в покупательной силе каждого грана (и, конечно, наоборот—убавлением золота для того, чтобы компенсировать прирост покупательной силы), можно достигнуть постоянно устойчивого доллара, вместо вечно колеблющегося, и именно в смысле покупательной его силы».

9.

Золотые монеты устраняются из обращения.

Массовое сознание с трудом может принять устанавливаемое Фишером положение,—проблема стабилизации разрешается изменениями в весе доллара, если не дано будет удовлетворительных ответов на три вопроса:

1) практично ли периодически изменять вес золотого доллара,

2) какой критерий должен быть положен в основу весовых изменений,

3) действительно ли эти изменения в состоянии стабилизовать доллар.

Прежде всего, по первому вопросу—возможно ли на практике изменять вес золотой денежной единицы—следует констатировать, что дело это не только вполне возможно, но что de facto оно нередко уже осуществлялось. История европейских денежных систем дает многочисленные примеры. Соединенные Штаты равным образом меняли вес золотого доллара дважды: первый раз в 1834 г., когда количество золота в долларе было уменьшено на 70%, и еще в 1837 г., когда оно было увеличено на $^1/_{10}$%. Если можно было изменить вес денежной единицы однажды или дважды в столетие, то, по мнению Фишера, можно менять его однажды или дважды в месяц.

И если бы золото циркулировало в обращении исключительно при посредстве представляющих его бумажно-денежных знаков, размениых только на золотые слитки, чеканка же золотых монет была приостановлена, периодические изменения в весе золотого доллара могли бы совершаться более легко и планомерно, чем те случайные изменения, которые дает история.

Практика денежного обращения высокой формации, отчасти, находится в согласии с этими положениями. Действительно, золото ныне циркулирует почти всецело через посредство золотых сертификатов. Само же золото (часто даже в форме не золотых монет, но слитков) лежит в правительственных хранилищах.

С тех пор, как (и даже в настоящее время в Соединенных Штатах) большинство золотых денежных единиц циркулирует в форме различных бумажных представителей, не возникает никакого неудобства, если самая циркуляция золота будет происходить в бумажно-денежной форме.

Несмотря на развитие чекового оборота в Англии, до войны немало было людей, которые предпочитали все же носить золото в своих карманах; теперь они отвыкли от этой привычки; также и большинство из тех немногочисленных американцев, которые до сих пор еще продолжают делать это, в последнее время переходит к кредитно-денежным формам расплаты. Полное устранение золотых монет из оборота представляется Фишеру, в силу изложенных фактов, лишь законодательным признанием установившегося в широком об'еме обычая.

Поэтому, когда Фишер говорит о периодических изменениях веса золотого доллара, ни в какой мере не следует представлять себе неудобств постоянной перечеканки, или, как характерно выражается Фишер, «золотых орлов разного веса, нестройно звучащих на рыночной площади посреди общего замешательства».

Фишер предлагает совершенно устранить золотые монеты из нашей памяти и мыслить доллар просто, как известное число гранов золотого слитка в подвалах казначейства Соединенных Штатов—количество, меняющееся время от времени, но в каждый данный момент строго определенное; при этом в действительном обращении доллар—золотой слиток—представлен бумажными сертификатами.

При таком предположении ни одной золотой монеты вовсе не будет в обращении, но все золото циркулирует исключительно в форме бумажных его представителей.

Таким образом, возникает возможность по известному плану изменять вес золотого доллара без того беспокойства или затруднений, которые вытекали бы из существования монет. Правительство просто изменяло бы количество золота в слитке при размене циркулирующих в обращении бумажных долларов.

Если сегодня правительство дает 25,8 грана золотого слитка ювелиру или экспортеру за каждый доллар в сертификатах, в следующий месяц оно уплачивает 26 гранов или только 24 гр.; эти увеличения или уменьшения в весе доллара—золотого слитка—совершаются в целях компенсации убыли или прироста покупательной силы доллара.

10.

Главнейшие черты организации золотого резерва.

Устранение из оборота золотых монет не произведет, по мнению Фишера, изменений в тех процессах, с помощью которых золото приливает в обращение и отливает из него. Золото доставлялось бы, как и ныне, золотопромышленниками на монетный двор, или пробирную палату, или какое-либо другое правительственное установление; приносящий, как и ныне, получал бы бумажные знаки взамен золота.

Единственная разница состояла бы в том, что приносящий не всегда сдавал бы одинаковое количество золота в обмен на один доллар в сертификатах. Этот неограниченный прием золота правительством за сертификаты лежит в самом существе неограниченной чеканки или, как принято называть, «свободной чеканки». Таким образом, в плане Фишера золото вступает в обращение при посредстве его представителя — золотого сертификата. Обратно, отлив золота из правительственных хранилищ, как и ныне, будет происходить путем обмена ювелирами или экспортерами золотых сертификатов на золото. И опять-таки единственная разница заключалась бы в том, что они не всегда получали бы одинаковое количество золота за доллар в сертификатах, расценка одного и того же золотого сертификата соответствовала бы неодинаковым количествам золота в различные моменты времени.

Каждый доллар золота, представленный в обороте сертификатом, выходя из обращения (т. е. при размене на слиток), так же,

как и теперь, вливался бы в каналы иностранных денежных систем: этот процесс по существу был бы отливом золотых долларов из национального денежного обращения заграницу.

Так, неограниченный прием золота правительством (свобода чеканки) [1]) и неограниченный размен в общем не отличались бы от нынешнего положения: но прием золота имеет тенденцию увеличить, а размен уменьшить об'ем золотых слитков, т. е. наличного золота в обращении.

Фишер аллегорически изображает проектируемую им денежную систему с золотым основанием, как золотое озеро, заключенное в замкнутое помещение, но функционирующее при посредстве сертификатов. Это озеро постоянно наполняется золотопромышленниками и импортерами и постоянно же убывает при посредстве ювелиров и экспортеров.

В целом же эта система—озеро с его приливами и отливами—оставалась бы неизменной (т. е. уровень озера, общий уровень цен=покупательной силе денежной единицы). Менялись бы только условия приема золота и обратного его извлечения.

11.

Периодические изменения в весе на основе движения чисел-показателей.

Периодические изменения в весе доллара, по Фишеру, производятся, отнюдь не затрагивая того механизма, при помощи которого ныне функционирует золотая валюта.

Существо вопроса сводится к нижеследующему положению: каким критерием должно руководиться правительство, производя соответственные изменения в весе доллара.

Фишер, конечно, не предлагает уполномочить какое-либо правительственное установление повышать или понижать вес доллара по собственному капризу последнего. Вполне определенный и простой критерий для урегулирования веса имеется под рукой: это—числа-показатели движения цен.

По плану Фишера, бюро статистики труда, публикующее наилучшие в Соединенных Штатах числа-показатели, палата мер и весов или какое-либо другое специально учрежденное правитель-

[1]) В смысле чеканки золотых долларов—слитков, не золотых монет.

ственное установление публикует числа-показатели через точно установленные промежутки времени, например, каждые два месяца. В конце каждого избранного периода времени бюро исчисляет, на основании текущих денежных цен, стоимость вышеуказанного комплекса товаров.

Это число (число-показатель цен) публикуется; санкционированное в известном порядке, оно доставляется директору монетного двора для изменения веса золотого доллара, т. е. для изменения того количества золота, которое правительство дает за золотой сертификат, и таким образом увеличивает или уменьшает покупательную силу этого сертификата. Сертификат всегда был бы равен по ценности золотому доллару: золотой доллар всегда поддерживался бы в его ценности равным товарному доллару, который и является истинным мерилом ценности. Если бы, например, число-показатель, выражающее текущую цену указанного выше комплекса товаров, определилось в 1,01 доллара, т. е. на один % выше идеального паритета (т. е. выше цены одного доллара), этот факт указывал бы, что покупательная сила доллара слишком низка, что требуется еще один добавочный цент для того, чтобы на доллар можно было купить указанный выше идеальный комплекс товаров. Этот факт был бы сигналом и уполномочием к повышению веса одного доллара на 1%. Если бы, наоборот, число-показатель оказалось на 1% ниже паритета, это означало бы, что покупательная сила доллара слишком высока и необходимо уменьшить на 1% вес доллара. Короче, правило Фишера или критерий урегулирования валюты таков: на каждый % уклонения числа-показателя выше или ниже паритета, установленного между золотым и товарным долларами, регулирующий орган увеличивает или уменьшает на новый предстоящий период вес доллара на 1%.

12.

Порядок функционирования регулирующего аппарата.

В состоянии ли применение правила Фишера об изменении веса денежной единицы на деле стабилизовать покупательную его силу?

Каким образом мы узнаем, что при движении числа-показателя на 1% выше паритета увеличение на 1% в весе золотого

доллара будет **как раз** достаточным для того, чтобы понизить число-показатель до паритета? Ответ Фишера таков: когда поворачивается рычаг автомобиля, мы не знаем, будет ли сделанный поворот **как раз** достаточным, а не чрезмерным. Но, если последне-произведенная поправка окажется недостаточной или, напротив, слишком высокой, число-показатель, исчисленное в ближайший же период, обнаружит истинное положение. **Абсолютно** совершенное исправление невозможно, но степень приближения к нему может быть достигнута очень высокая.

Предположим, например, что в последний месяц число-показатель осталось неизмененным в 101%, т. е., что комплекс товаров все еще стоит 1,01 доллара. Тогда вес доллара увеличивается на один добавочный цент, и если в ближайший месяц число-показатель равно 100½, т.-е. все же на ½% выше паритета, это означает, что требуется увеличить вес доллара еще на ½ цента.

Итак, до тех пор, пока число-показатель обнаруживает тенденцию держаться выше паритета, продолжают увеличивать вес доллара в каждый новый период его приспособления, пока, если это окажется необходимым, он не будет весить целый унц или, быть может, целую тонну. Но,—Фишер в этом убежден,—прежде, чем денежная единица станет очень тяжелой, и небольшого добавочного веса будет достаточно для того, чтобы число-показатель получило толчек в направлении к паритету; таким образом, покупательная сила сертификата в обращении возместилась бы.

Сделаем другое предположение, что число-показатель упало несколько ниже паритета, например, на 1 цент,—комплекс товаров стоит 0,99 доллара. Этот факт показывает, что покупательная сила доллара повысилась. В соответствии с этим, золотой доллар будет уменьшен в весе на 1%; в каждый новый период приспособления, в течение которого число-показатель оставалось бы все еще ниже паритета, уменьшение в весе слишком тяжелого для данного состояния цен доллара уменьшило бы его покупательную силу до паритета.

Так, прибавлением добавочного или убавлением излишнего балласта денежная единица удерживалась бы от слишком большого повышения или понижения от паритетного уровня цен, т. е. от эквивалента указанному выше комплексу товаров. Самый процесс приспособления денежной единицы к товарной, подобно всем другим человеческим способам урегулирования социальных явлений, будет проверен «на опыте и ошибках». На практике всегда может ока-

заться легкое уклонение, но оно текущим образом постоянно будет исправляться. Рычаг, который удерживает механизм денежного обращения, не может обеспечить остановки на заранее намеченной линии, но всегда с некоторым уклоном от нее в ту или другую сторону, так что масштаб уклонения всегда даст указатель для более точного урегулирования.

Таким образом, хотя механизм стабилизации не может абсолютно предотвратить малейших уклонений от паритета, однако же, постоянно будет стремиться уменьшить каждое уклонение до минимальной величины (до нуля). По мнению Фишера, несущественно, с чем связана причина или причины уклонения от паритета. Они могут быть следствием увеличения золота или расширения банковского кредита. Важно обеспечить положение, при котором уровень цен колебался бы лишь в самых узких пределах. Вместо великих сдвигов цен, какие наблюдаются на протяжении истории, число-показатель держалось бы близко к паритету, напр., 101, 100½, 101, 100, 102, 101½, 100, 98, 99, 99, 99½, 100 и т. д., редко выходя за пределы, превышающие один или два %.

Процесс регулирования доллара уподобляется Фишером управлению автомобилем. В другом месте он сравнивает его с автоматическим действием «уравнителя» паровой машины или же с принципом компенсационного маятника. За каждым уклонением следует, по Фишеру, его же собственное исправление. Таков весь процесс преобразования золотой денежной единицы в воображаемую товарно-денежную единицу.

Все прочие виды средств обращения (бумажные сертификаты и т. п.) поддерживаются в известном соотношении с золотой денежной единицей, в свою очередь, сообразуемой с единицею товарно-денежной. Не потребуется также никаких изменений в банковой системе, исключая того, что золотой резерв банков, состоящий ныне частью из золотых сертификатов, частью же из золота, состоял бы исключительно из золотых сертификатов.

Золото, в плане Фишера, находится в руках правительства. Всякий же, желающий превратить свой золотой сертификат в золото, должен был бы употребить золото для ювелирных целей или для целей экспорта (вообще невалютных целей).

В суммарном виде эта часть проекта Фишера сводится к нижеследующим положениям:

а) Каждый доллар в банкнотах или других бумажных деньгах подлежит размену на золото в сертификатах, представляющих доллар золотого слитка; поэтому такой бумажный денежный знак, как и ныне, держался бы в паритете с этими сертификатами.

б) Каждый доллар этих сертификатов беспрепятственно, в свою очередь, размениваается в правительственных установлениях на доллар в золотом слитке, что гарантирует одинаковую их ценность.

в) Наконец, каждый доллар золотого слитка путем периодических изменений в его весе на основе движений числа-показателя поддерживается в весьма близком соотношении к воображаемому товарному доллару, короче—каждый доллар слитка, сертификата, банковского билета или какого-либо другого вида денег, равно как и доллар банковского депозита были бы абсолютно эквивалентны один к другому и приблизительно эквивалентны воображаемому комплексу товаров или товарному доллару. «Тогда мы были бы по существу свободны от колеблющегося уровня цен с его длинной цепью дурных последствий. Другими словами, денежный ярд был бы точно определен».

13.

Сравнение проекта Ирвинга Фишера с прочими планами *).

Большинство прочих проектов устранения «высокой стоимости жизни» оперирует с призывами к экономии и увеличению производства. И Фишер не отрицает того, что обо всем этом необходимо говорить самым настойчивым образом всегда и всюду. Увеличение производства и прекращение экономических войн между трудом и капиталом, разумеется, нельзя не приветствовать, как положительные факторы.

«Но,—утверждает Фишер,—всякий, кто ожидает от проведения этих мероприятий действительно серьезного изменения в числе-показателе цен, будет разочарован. Весьма распространенное ожидание подобного уменьшения основано, во-первых, на неверном представлении о содержании проблемы, именно на игнорировании ее денежной стороны и, во-вторых, на чрезмерно преувеличенных надеждах на экономию и увеличение производства, которые могут быть достигнуты». Так, наихудшая из американских больших ста-

*) В этой части своего труда Фишер очень суб'ективен, а применяемые им «аналогии» (часы—доллар) мало убедительны.

чек уменьшает, по мнению Фишера, национальное производство лишь приблизительно настолько же, насколько декларация об одном лишнем празднике, и самые большие дефекты промышленности хотя они и велики, однако же, неизбежны и могут быть лишь в известной мере и только постепенно сокращены путем развития общего и технического образования, под'ема культурного уровня и т. п. Можно сколько угодно негодовать на рабочих и обвинять их в леность, и 99% их пройдут вполне безучастно мимо, даже не прислушавшись к тому, что мы говорим. Мы можем законодательствовать в надежде на увеличение экономии в производства в целом мире и должны быть счастливы, если достигнем немного большего, нежели простой шум. «Я сомневаюсь даже,—продолжает Фишер,—в состоянии ли совокупные усилия всех государственных деятелей и моралистов целого мира в течение целого года увеличить производство на 2 или 3% выше того, чем оно было бы без их усилий».

Другой способ решения проблемы, в настоящее время наиболее популярный, есть контроль над ценами. В течение войны установленный в Соединенных Штатах контроль над ценами оказал свое максимальное влияние на небольшое количество товаров, как показала статистика, но общий уровень цен был затронут лишь на 5%.

Теперь же, в условиях мирной обстановки, было бы почти немыслимым достигнуть даже половины этого довольно скромного эффекта. «Если ваше правительство,—саркастически заключает Фишер,—пытается фиксировать розничные цены для того, чтобы защитить интересы потребителей, оно должно идти еще дальше и фиксировать оптовые цены для защиты розничных торговцев, и, конечно, еще дальше,—фиксировать цены мануфактуриста и производителя сырых материалов. Тысячи и миллионы деловых людей должны быть взяты под надзор и контроль; к ним должны применяться карательные меры при посредстве целого легиона правительственных чиновников, провести которых за нос не потребуется большого искусства».

Фишер не колеблется предсказать, что попытка фиксировать индивидуальные цены в Соединенных Штатах имела бы судьбу всех предшествующих прецедентов, в том числе и попытки, произведенной во время войны автократической Германией.

Не смешно ли немного затрачивать так много энергии со столь ничтожными результатом, когда желаемый эффект, но без

всякого принуждения, может быть достигнут стабилизацией доллара? «И если бы, — продолжает Фишер, — мы старались достигнуть экономии на дневном свете силою, заставляя каждую фабрику, склад, школу, церковь начинать на час раньше, а каждого отдельного человека с'едать его завтрак на час раньше, — у судов не было бы причины жаловаться на недостаток дел. Вместо того, чтобы содержать армию полисменов, осуществляющих принудительную силу в тысячах или миллионах отдельных пунктов, мы просто регулируем наш механизм измерения времени — часы, и вот автоматически фабрика, склад, школа и церковь начинают функционировать на час раньше; также отдельные индивиды по собственной воле с'едают свои завтраки часом раньше.

Нечто подобное происходит с уровнем цен; в то время, как метод твердой руки не только дорог и надоедлив, но и бесполезен, простое регулирование нашего механизма для измерения цен — доллара достигает того же самого результата, не только без каких бы то ни было издержек и усилий, но — что всего существеннее — с успехом.

Очень трудно, — заключает Фишер, — контролировать каждую индивидуальную цену, устанавливающуюся в результате экономических сил спроса и предложения, но очень легко проконтролировать общую скалу цен; ибо общая скала цен зависит, среди других причин, от веса золотой денежной единицы. Как бы ни были велики противоположные влияния всех прочих причин на скалу цен, это влияние может быть всегда нейтрализовано соответственным изменением в весе золотой денежной единицы, разумеется — при условии, что все прочие виды денег разменны на золото. Золотая денежная единица, будучи отправной базисной единицей ценности, есть ключ к решению проблемы покупательной силы денег и, в последнем счете, создания устойчивого измерителя ценности — лишенной колебаний (константной) валюты».

Примерный проект закона о стабилизации доллара, разработанный Ирв. Фишером („Стабилизация доллара“ 1920, стр. 205—213).

(Замена неустойчивого доллара устойчивым).

Ст. 1. 1 января 1921 года золотой доллар Соединенных Штатов перестает быть постоянным количеством золота с меняющейся покупательной силой и обращается в меняющееся количество

стандартного золотого слитка с приблизительно постоянной исчисляемой покупательной силой.

Это количество стандартного золотого слитка, составляющее в каждый данный момент золотой доллар, определяется и фиксируется, от времени до времени, путем вычисления и использования чисел-показателей оптовых цен в порядке, предусмотренном в ст. 2.

Примечание. Золотым долларом остаются 25,8 гранов стандартного золота, пока в качестве доллара не будет фиксировано какое-либо иное количество золота, согласно постановления настоящего закона.

(Исчисление числа-показателя и его отклонения от паритета).

Ст. 2. В целях вычисления (приблизительного) колебаний оптовых цен в Соединенных Штатах после 1920 г., исчисления чисел-показателей, измеряющих (приблизительно) среднюю таких колебаний и вычисления затем (приблизительных) колебаний покупательной силы золота, Бюро Стандартов (или Бюро Статистики Труда), преобразуемое в Счетное Бюро, выполняет ряд следующих действий:

а) немедленно после вступления настоящего закона в действие, Счетное Бюро составляет список избранных товаров, обнимающий приблизительно 100 товаров (не менее 75 и не более 125), наиболее пригодных (по относительной их важности и проч.) для исчисления чисел-показателей;

б) немедленно же после 25 декабря 1920 г. Счетное Бюро исчисляет среднюю цену в 1920 г. каждого из включенных в список товаров;

в) из некоторого числа средних цен, исчисленных для 1920 г., и из соответствующих количеств (благ), включенных в список Бюро Статистики Труда в 1919 г., Счетное Бюро исчисляет идеальный составный «товарный доллар», состоящий из известных количеств избранных товаров, пропорционально количествам в списке Бюро Статистики Труда, с таким расчетом, чтобы общая их ценность (aggregate value) по средним исчисленным для 1920 г. ценам равнялась 100 центам;

г) из средних оптовых цен, исчисленных на основе биржевых цен каждой первой среды (или, если среда будет праздником, то следующего за нею непраздничного дня) месяцев января, марта, мая, июля, сентября, ноября 1921 г. и каждого последующего года, Счетное Бюро быстро исчисляет ценность, в центах, состав-

ного «товарного доллара». Эта выраженная в центах ценность и будет числом-показателем цен данного времени;

д) Счетное Бюро исчисляет отклонение от паритета числа-показателя путем вычитания 100 центов из указанного выше числа-показателя.

Так, если число-показатель равно 1 доллару 1 центу, то отклонение (deviation) есть 1 цент или 1% выше паритета, и если число-показатель равно 98 центам, отклонение равно 2 центам или 2% ниже паритета.

(Передача index number'а и проч. Монетному Двору).

Ст. 3. Число-показатель, % отклонения и все данные, на основании которых они исчислены, передаются (если только промедление не было вызвано непреодолимыми причинами) Счетным Бюро Управлению Монетного Двора (Board of Mint) в течение одной недели от того дня, к которому эти данные относятся.

(Исчисление поправки в весе доллара).

Ст. 4. Монетный Двор, по получении от Счетного Бюро означенного выше % отклонения, исчисляет соответственный % поправки, т. е. прибавления или уменьшения в весе доллара.

Эта поправка (adjustment), никогда не превышающая по своему размеру описанной ниже 1% пошлины (brassage), равняется % отклонения.

(Опубликование предстоящего изменения).

Ст. 5. Монетный Двор публикует во всеобщее сведение, что со дня опубликования и впредь до следующего изменения в порядке настоящего закона—исчисленное таким путем число гранов стандартного золота образует золотой доллар Соед. Штатов, а также, что и впредь число гранов стандартного золота в золотом долларе Соед. Штатов будет фиксироваться порядком, указанным в (первой же) публикации.

(Неограниченный выпуск сертификатов под золото).

Ст. 6. После 31 декабря 1920 г. Монетный Двор принимает,—облагая 1% пошлиной (brassage) и подвергая всем условиям и ограничениям, предусмотренным выше в законе о приеме золотых слитков на чеканку монеты,—всякий золотой слиток, предлагаемый ему, и оплачивает этот слиток «сертификатами доллара-золотого слитка» (gold bullion dollar certificates), описанными ниже, по ставке—один доллар за то число гранов стандартного золота в

долларе, которое было в последний раз фиксировано, согласно постановления настоящего закона, а также (по счетам на сумму менее 100 долларов) законными деньгами.

(Неограниченный размен сертификатов па золото).

Ст. 7. После 31 декабря 1920 г. Монетный Двор принимает все пред'являемые ему к размену сертификаты, представляющие доллары золотого слитка (gold bullion d. c—s), и оплачивает их доллар за доллар, в стандартных золотых слитках (bar—полоса=брус) по числу гранов стандартного золота в золотом долларе Соед. Штатов (фиксированному, согласно наст. закону, ко времени размена), а также (по счетам менее 5 унцов стандартного золота) в золотых деньгах.

(Детали).

Ст. 8. После вступления настоящего закона в действие ни одна золотая монета не чеканится Соед. Штатами. На Секретариат Гос. Казначейства возлагается, путем издания особых правил и распоряжений в течение 3 месяцев после прохождения этого закона, обратить до 1 января 1921 г. золотую монету Соед. Штатов, принадлежащую им или приобретенную ими, в слитки (bars) стандартного золота весом не менее 5 унцов, и впредь также быстро обращать в слитки всякую золотую монету, приобретенную Соед. Штатами.

(Как облегчить из'ятие золотой монеты из обращения в Казначейство при посредстве Федерального Резервного и Национальных Банков).

Примечание. Соед. Штаты, согласно правилам и распоряжениям, издаваемым Секретариатом Казначейства, принимают стандартную золотую монету Соед. Штатов, пред'являемую Казначейству и оплачивают ее в золотых деньгах по ставке 10 долларов стандартной золотой монеты=10 долл.+ + 1 цент. предложенной к размену, со дня введения настоящего закона в действие до 31 декабря 1920 г. включительно, и по ставке 1 доллар за каждый доллар стандартной золотой монеты, предлагаемой после этого срока. Платеж производится в сертификатах и в законных деньгах (по счетам менее 100 долларов).

(Конверсия старых сертификатов и новые).

Ст. 9. В течение 3 месяцев после вступления настоящего

закона в действие изготовление, выпуск и оплата Соед. Штатами существующих сертификатов, представляющих золотые монеты (gold coin dollar c—s), прекращается. Все сертификаты (представляющие золотые монеты), которыми Соед. Штаты впоследствии будут владеть или приобретут, подлежат замене сертификатами, представляющими доллары золотых слитков, по ставке доллар за доллар, со специальным постановлением, что

«Соед. Штаты Америки уплачивают пред'явителю по его требованию 100 долларов в стандартных золотых слитках (bars) не менее 5 унцов каждый и по более мелким счетам законными деньгами».

После такой замены сертификаты, представляющие золотые монеты, уничтожаются.

(Средство ускорить при посредстве Федерального Резервного и Национального банков замену старых сертификатов новыми).

Примечание. Соед. Штаты, согласно правилам и распоряжениям Секретариата Гос. Казначейства, принимают все сертификаты, представляющие золотую монету и оплачивают их по ставке 10 долларов + 1 цент. в законных деньгах, за каждые 10 долл. золотых сертификатов со дня прекращения их выпуска до 31 декабря 1920 г. включительно, и по ставке 1 доллар в законных деньгах за каждый доллар таких сертификатов, пред'являемых Казначейству после 31 декабря 1920 г.

(Основной правительственный золотой резерв и избыточный (излишний) резерв—„Reserve“ и „Surplus)“.

Ст. 10. Секретариат Казначейства 1 января 1921 г. подразделяет все золото, под которое выпущены старые и новые сертификаты (т. е. gold coin and bullion c—s) на две части. Одна часть образует „резерв“, под который выпускаются новые сертификаты (gold bullion c—s); этот „резерв“ равен 50% ценности золотых сертификатов, выпущенных в обращение. Остающаяся часть золота образует „излишек“ (surplus). Этот остаток или „излишек“ (surplus) сейчас же передается в общий фонд Казначейства, как первоначальная прибыль новой системы.

„Резерв“ поддерживается ежедневно возможно ближе к 50% всей суммы выпускаемых время от времени сертификатов, представляющих золотые слитки (gold bullion c—s). Если золотой

резерв падает ниже 50%, он должен быть восстановлен путем из'ятия из обращения и уничтожения новых сертификатов.

Если же резерв превышает указанные 50%, соотношение восстанавливается путем выпуска и внедрения в обращение потребного количества новых золотых сертификатов.

Секретариат Казначейства уполномачивается делать из'ятие сертификатов из обращения путем уменьшения (withdrawing) правительственных депозитов в Национальных Банках и выпускать сертификаты в обращение путем увеличения этих депозитов.

(Сертификаты и банковые резервы).

Ст. 11. Все постановления существующих банковых законов Соед. Штатов, регулирующие помещение (holding) золотых резервов, включая резервы Федеральных резервных банков, Национального банка и проч. банков, должны считаться удовлетворенными помещением новых золотых сертификатов (holding).

(Законное платежное средство).

Ст. 12. Золотая монета Соед. Штатов не является законным средством оплаты долгов, возникших после 31 декабря 1920 г.

Все долги, публичные и частные, заключенные после 31 декабря 1920 г., включая долги, ранее созданные и выраженные в долларах „золотой монеты существующего стандарта веса и пробы" или же выраженные в обязательствах по ввозу, подлежат оплате в стандартных золотых слитках (bars) в количестве гранов доллара, фиксированном, согласно настоящему закону, ко времени, на которое падает каждый долг, по счетам же на сумму менее 5 унцов в законных деньгах.

Такие стандартные слитки являются законными деньгами и законным платежным средством для указанной выше цели.

(Публичность).

Ст. 13. Счетное Бюро публикует самым срочным порядком в соответствующих публичных изданиях все факты и цифры, касающиеся исчисления числа-показателя и его %-ного отклонения от паритета, включая рыночные цены входящих в список избранных товаров.

Монетный Двор равным образом публикует его работы по приспособлению веса доллара.

(Оплата администрации по настоящему закону).

Ст. 14. Сумма, равная начальной прибыли, указанной в ст. 10, или потребная ее часть предназначается, пока не будет израсходована, на покрытие всех издержек по администрации наст. закона. Секретариат Казначейства уполномачивается использовать поступление от „brassage"—пошлины, указ. в ст. 6, на ту же цель.

(Будущие пересмотры чисел-показателей).

Ст. 15. Немедленно после переписи 1920 г. и всех прочих последующих переписей, Счетное Бюро, с первой и последующих наиболее удобных дат, пересматривает список избранных товаров и определяет новый (revised) сложный «товарный доллар» вышеописанными способами с таким расчетом, чтобы в момент пересмотра ценность вновь устанавливаемого товарного доллара была бы равна ценности старого товарного доллара.

(Изменения уголовного кодекса).

Ст. 16. Ст. 147 уголовного кодекса от 4 марта 1909 г. в части, определяющей «обязательство или иную ценную бумагу Соед. Штатов», восполняется включением новых (g. bullion d. c) сертификатов.

(Отмена прежних законов).

Ст. 17. Все законы или части законов, не согласные с настоящим законом, соответственно отменяются.

К этим статьям законопроекта Фишер присоединяет еще следующее принципиальное заключение.

«Изложенный выше закон предполагает, что рациональная банковая система, подобная нашей Федеральной резервной системе, уже существует, т. е. что депозиты, подлежащие чековому списанию, поддерживаются в известном рациональном отношении к банковским резервам».

Управление нормой учетного % и общезаймовая политика постоянно развиваются в направлении поддержания об'ема депозитов, принадлежащих частным лицам и подлежащих чековому списанию, в приблизительной пропорциональности и к банковским резервам и к правительственному законному резерву, под которые выпускаются в обращение новые (g. bullion d. c.) сертификаты.

Мы видели выше, что рассуждения Фишера относятся к золотой единице, покупательная сила которой также подвержена колебаниям, как и бумажная (различие в степени колебаний). Мы и раньше *) думали, что план Фишера относится не только к стабилизации золотого доллара, но содержит в себе известный рецепт уврачевания также и бумажных систем.

К нашему удовлетворению, Фишер в конце января 1922 г. высказался по этому вопросу в положительной форме **).

Если в стране водворилась бумажно-денежная система, то, согласно мысли проф. Фишера, правительство выравнивает общий уровень цен усиленной скупкой товаров (за счет дополнительных выпусков бумажных денег) или же, наоборот, усиленной реализацией своего товарного фонда, специально образованного для целей стабилизации денежной единицы.

Регулирование денежного обращения в России должно, по мысли Фишера, строиться не столько на золотом основании, сколько на товарном базисе. Политика стабилизации рубля должна вестись на основе государственного товарного фонда и дополнительных выпусков, либо резких сокращений эмиссии и уничтожения излишних количеств бумажных денег.

«После нескольких лет более устойчивых денег,—говорит Фишер,—экономическое возрождение России пойдет, вероятно, столь быстрым темпом, что об'ем торгово-промышленной деятельности возрастет, потребуется больше денег, и товарному фонду правительства не будет угрожать опасность исчерпания, в особенности, если улучшение произойдет от роста общего благосостояния, увеличивающего доходные источники обыкновенного бюджета». Таковы воззрения Фишера в области стабилизации сильно обесцененных валют.

Прибавлю еще к этому следующие замечания. 28 мая 1921 г. в Вашингтоне была учреждена Лига Устойчивой Валюты, открывшая ряд своих отделений в Америке и в Европе. Первое европей-

---

*) Нижеследующие строки написаны автором через два года после составления им доклада для Института Экономических Исследований.

**) В письме Фишера к представителю Н. К. Ф. в Росс. Торг. Делегации в Англии С. К. Бельгарду.

ское отделение Лиги было открыто в Италии (г. Сраффа в Турине), второе в Англии (на первом предварительном собрании присутствовали б. министр финансов Мэк-Кенна и другие видные деятели).

Фишер деятельно борется за практическое осуществление идеи стабилизации.

Н. Н. Любимов.

СОДЕРЖАНИЕ.

II. Денежное обращение за-границей.

ИЗДАНИЯ
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

и

Фин.-Экон. Бюро Н. К. Ф.

Вышли из печати:

1. **Яков Таргулов.**—Финансовая наука (краткий курс). 1919 г.
2. **А. И. Потяев.**—Финансовая политика Советской власти. 1919 г.
3. **А. И. Потяев.**—Социалистическое строительство и финансы. 1919 г.
4. **Р. Арский.**—Производительность труда. 1919 г.
5. **Р. Арский.**—Заработная плата и тарифная политика. 1919 г.
6. **Н. Н. Любимов.**—Единовременный чрезвычайный революционный налог.
7. Начисления в пользу государства. 1919 г.
8. **Л. Л. Оболенский (Л. Красов).**—Краткий курс организации финансовых учреждений. 1920 г.
9. **С. Л. Рашкович.**—Удобрительная промышленность в России. 1920 г.
10. **Академик В. Ипатьев.**—Работа химической промышленности на оборону во время войны. 1920 г.
11. **К. В. Томпсон.**—Научная организация производства (опыт Америки). 1920 г.
12. Сборник декретов и распоряжений по финансам: Том. I. 1917—1919 гг., II. 1919—1920 гг., III. 1920—1921 гг., IV. 1921 г.
13. Сборник декретов о финансах 1917—1920 гг.
14. Народное хозяйство за 1916 г.: Выпуск I. 1920 г., II. 1920 г., III. 1920 г., IV. 1921 г., V—VI. 1921 г., VII. 1922 г.
15. Труды секции промышленности и товарообмена, т. I. 1920 г.
16. Труды Всероссийского С'езда заведующих финотделами, т.т. I и II.
17. Труды Института № 1.—**Проф. К. Богданович.**—Железные и марганцовые руды Сибири. 1921 г.
18. Труды Института № 2. — Проф. К. Богданович.—Обеспечена ли Россия медью? 1921 г.
19. Труды Института № 3.—**П. В. Оль.**—Иностранные капиталы в России.
20. Труды Института № 4.—Денежное обращение, финансы и внешняя торговля иностранных государств 1922 г.
21. Обзор финансового законодательства 1917—1921 гг.
22. **Е. А. Преображенский.**—Финансы в эпоху диктатуры пролетариата. 1921 г.
23. Сборник.—Социальная революция и финансы. 1921 г.
24. Труды сельско-хозяйственной секции, т. I. 1921 г.
25. **Н. Н. Любимов.**—Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. 1921 г.
26. **Г. Я. Сокольников.** — Государственный капитализм и новая финансовая политика. 1922 г.
27. Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.
28. Очередные вопросы финансовой политики в I. 1922 г.
29. **Е. А. Преображенский.**—Причины падения курса нашего рубля. 1922 г.
30. **Г. Я. Сокольников.** Задачи финансовой политики. 1922 г.
31. Главнейшие статистические сведения о наших финансах 1922 г.
32. **Денежное обращение и кредит** в России и заграницей Том I. 1914—1921 гг.

Готовятся к печати:

1. Народное Хозяйство в 1917—1918 гг.
2. Сборник декретов и распоряжений по финансам. Том V. 1921—1922 гг.
3. Сборник декретов и циркуляров о налогах.
4. Денежное обращение и кредит в России и заграницей. Том II.
5. Экономический справочник.
6. Материалы по денежной реформе В.в. I и II.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

1) **Экспедиция Ред.-Изд. Отдела Н. К. Ф.** МОСКВА, Ильинка, 9, 5-й этаж.

2) **Книжный склад „ЭКОНОМИСТ“**, МОСКВА, Мясницкая, 24, кв. 78.

3) **Институт Экономических Исследований**, ПЕТРОГРАД, проспект 25 октября, 42.

6.